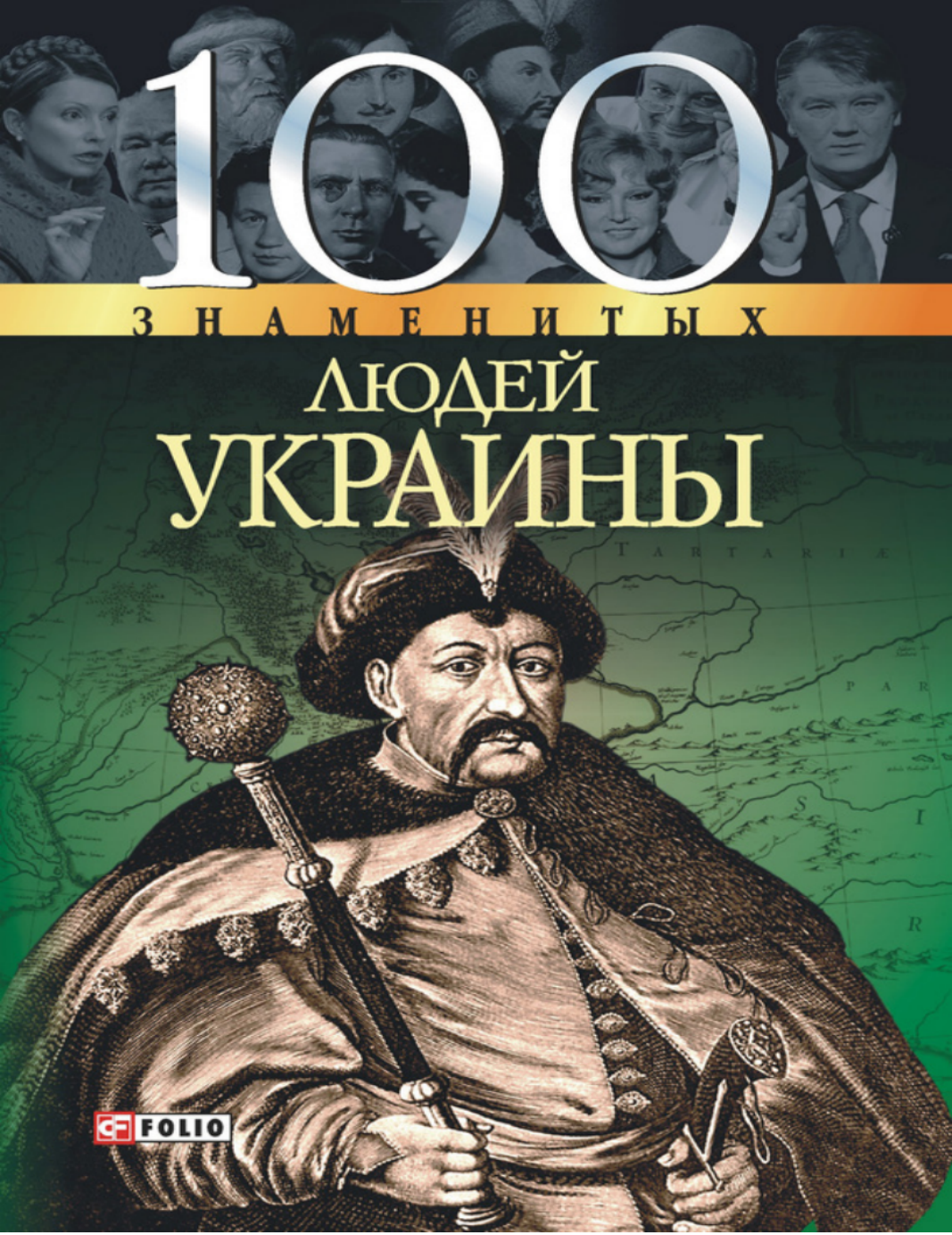
100 ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЕЙ УКРАИНЫ



FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Украина дала миру немало ярких и интересных личностей. И сто героев этой книги – лишь малая толика из их числа. Авторы старались представить в ней наиболее видные фигуры прошлого и современности, которые своими трудами и талантом прославили страну, повлияли на ход ее истории. Поэтому рядом с жизнеописаниями тех, кто издавна считался символом украинской нации (Б. Хмельницкого, Т. Шевченко, Л. Украинки, И. Франко, М. Грушевского и многих других), здесь соседствуют очерки о тех, кто долгое время оставался изгоем для своей страны (И. Мазепа, С. Петлюра, В. Винниченко, Н. Махно, С. Бандера). В книге помещены и биографии героев политического небосклона, участников «оранжевой» революции – В. Ющенко, Ю. Тимошенко, А. Литвина, П. Порошенко и других – тех, кто сегодня является визитной карточкой Украины в мире.

- Валентина Скляренко, Т.Н. Харченко, Оксана Очкурова
  - От авторов
  - Айвазовский Иван Константинович
  - Амосов Николай Михайлович
  - Антонов Олег Константинович
  - Бандера Степан Андреевич
  - Бердяев Николай Александрович
  - Блохин Олег Владимирович
  - Боровиковский Владимир Лукич
  - Бубка Сергей Назарович
  - Булгаков Михаил Афанасьевич
  - Быков Леонид Федорович
  - Вакарчук Святослав Иванович
  - Вернадский Владимир Иванович
  - Виктюк Роман Григорьевич
  - Винниченко Владимир Кириллович
  - Владимир Великий
  - Владимир Мономах
  - Гоголь Николай Васильевич
  - Гонгадзе Георгий Русланович
  - Гринченко Борис Дмитриевич
  - Грушевский Михаил Сергеевич
  - Гурченко Людмила Марковна
  - Даниил Романович (Галицкий)
  - Дерюгина Ирина Ивановна
  - Довженко Александр Петрович

- Дорошенко Петр Дорофеевич
- Драгоманов Михаил Петрович
- Жаботинский Леонид Иванович
- Жванецкий Михаил Михайлович
- Загребельный Павел Архипович
- Заньковецкая Мария Константиновна
- Ильф Илья
- Каразин Василий Назарович
- Квитка-Основьяненко Григорий Федорович
- Кличко Виталий Владимирович
- Клочкова Яна Александровна
- Козловский Иван Семенович
- Королев Сергей Павлович
- Костомаров Николай Иванович
- Котляревский Иван Петрович
- Коцюбинский Михаил Михайлович
- Кравчук Леонид Макарович
- Крушельницкая Соломия Амвросиевна
- Куинджи Архип Иванович
- Курков Андрей Юрьевич
- Кучма Леонид Данилович
- Латынина Лариса Семеновна
- Левицкий Дмитрий Григорьевич
- Леонтович Николай Дмитриевич
- Лесь Курбас
- Леся украинка
- Литвин Владимир Михайлович
- Лифарь Серж
- Лобановский Валерий Васильевич
- Луценко Юрий Витальевич
- Лыжичко Руслана Степановна
- Лысенко Николай Витальевич
- Мазепа Иван Степанович
- Малая Любовь Трофимовна
- Махно Нестор Иванович
- Мечников Илья Ильич
- Миколайчук Иван Васильевич
- Могила Петр Симеонович
- Мороз Александр Александрович
- Олесь Гончар
- Ольга
- Орлик Филипп Степанович
- Остап Вишня
- Патон Евгений Оскарович

- Петлюра Симон Васильевич
- Пирогов Николай Иванович
- Порошенко Петр Алексеевич
- Потебня Александр Афанасьевич
- Прокопович Феофан
- Прокофьев Сергей Сергеевич
- Репин Илья Ефимович
- Роговцева Ада Николаевна
- Ротару София Михайловна
- Рыльский Максим Фадеевич
- Сагайдачный Петр
- Сирко Иван Дмитриевич
- Сковорода Григорий Саввич
- Скоропадский Павел Петрович
- Сосюра Владимир Николаевич
- Стефаник Василий Семенович
- Ступка Богдан Сильвестрович
- Стус Василь Семенович
- Терещенко Николай Артемьевич
- Тимошенко Юлия Владимировна
- Тычина Павел Григорьевич
- Франко Иван Яковлевич
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович
- Черновол Вячеслав Максимович
- Чижевский Дмитрий Иванович
- Шевченко Андрей Николаевич
- Шевченко Тарас Григорьевич
- Шолом-Алейхем
- Шульженко Клавдия Ивановна
- Щербицкий Владимир Васильевич
- Ющенко Виктор Андреевич
- Ярослав Мудрый

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Валентина Скляренко, Т.Н. Харченко, Оксана Очкурова
100 знаменитых людей Украины

От авторов

Украина дала миру немало ярких и интересных личностей. И сто героев этой книги – лишь малая толика из их числа. Авторы старались представить в ней наиболее видные фигуры прошлого и современности, тех, кто своими трудами и талантами прославил страну, повлиял на ход ее истории.

«Нация проявляет себя не только в людях, которым она дает жизнь, но и в том, каким людям она воздает почести, каких людей помнит», – говорил Джон Кеннеди. Если обратиться к исторической памяти украинской нации, то на протяжении долгого времени главными ее символами неизменно оставались Богдан Хмельницкий, Тарас Шевченко, Леся Украинка, Иван Франко, Михаил Грушевский. При этом следует заметить, что их жизнеописания были настолько идеализированы и окутаны всевозможными мифологическими наслоениями, что скорее напоминали исторические архетипы, нежели биографии реальных людей. Поэтому, рассказывая об этих выдающихся личностях, авторы стремились снять с их портретов хрестоматийный глянец и познакомить читателя с малоизвестными фактами их жизни и деятельности.

Еще более далекими от исторической правды представлялся в биографической литературе жизненный путь таких государственных и политических деятелей, как Иван Мазепа, Симон Петлюра, Нестор Махно, Степан Бандера. Долгое время их роль в истории Украины вызывала противоречивые оценки, которые делали из этих людей не национальных героев, а изгоев общества. Споры вокруг них продолжаются и сегодня, но даже их противники не могут не признать того, что все они, несомненно, являются незаурядными личностями, проявившими немало силы воли и мужества в самые трагические периоды жизни страны.

До недавнего времени украинцы крайне мало знали о своих выдающихся соотечественниках, которые по разным причинам были вынуждены покинуть родину. Большинство из них предали забвению. Такая же участь постигла и тех, кто пал жертвами сталинских репрессий, представителей диссидентского движения, борцов за права человека в Украине. А между тем именно эти люди немало способствовали росту авторитета украинской науки и культуры далеко за пределами страны. Вот почему в современной галерее знаменитых людей Украины достойное место занимают Михаил Драгоманов и Владимир Винниченко, Дмитрий Чижевский и Николай Бердяев, Василий Стус и Вячеслав Черновол.

Среди героев этой книги – не только украинцы, но и представители других национальностей. Их имена здесь не случайны, поскольку для одних Украина являлась малой родиной, другие долгое время жили и работали на украинской земле уже в зрелые годы. Нельзя не согласиться с русским ученым академиком Д. Лихачевым, который утверждал, что «национальные особенности сближают людей… а не изымают их из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе». И потому не стоит удивляться тому, что в исторической памяти украинского народа почетное место всегда будут занимать имена Николая Гоголя, Шолом-Алейхема, Ивана Айвазовского, Архипа Куинджи, Николая Пирогова, Ильи Мечникова, Сергея Прокофьева и многих других великих «не украинцев». Кстати, сами они были гораздо мудрее некоторых своих потомков и никогда не отделяли свою судьбу от украинской земли и того народа, среди которого жили и творили. Достаточно вспомнить хотя бы строки из письма Н. Гоголя, адресованные А.О. Смирновой-Россет: «Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Я сам не знаю, какая у меня душа. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой…». Эти слова, написанные в середине XIX века, остаются актуальными и сегодня.

Айвазовский Иван Константинович Настоящее имя – Ованес Константинович Гайвазовский (род. в 1817 г. – ум. в 1900 г.)

Выдающийся русский художник-маринист и баталист.

Академик живописи, профессор Академии художников, член Амстердамской академии художеств. Живописец Главного морского штаба. Обладатель многих почетных наград, среди которых золотая медаль от папы Григория XVI («Хаос», 1839 г.), золотая медаль на выставках в Лувре («Буря у берегов Абхазии», 1843 г.), орден Почетного легиона (1857 г.).

Основатель Музея древностей (1871 г.), художественной мастерской, картинной галереи, концертного зала в Феодосии.

Армянская семья Айвазянов давно обосновалась в Крыму и с годами даже фамилия предков получила другое звучание – Гайвазян. 17 июля 1817 г. в Феодосии родился Ованес, которому предстояло стать знаменитым художником-маринистом и ныне гордостью двух держав – Украины и России. Его родители жили бедно: отец писал жалобы и прошения на базаре, мать вела хозяйство и слепла над вышивкой. Нужда заставила их отдать

старшего сына Гарика купцу-армянину для определения его в армянский монастырь в Италии. А младший Ованес (по-русски Ваня) уже в 10 лет работал «мальчиком» в городской кофейне. Он прекрасно играл на скрипке и пел, но самой большой радостью для него было рисовать самоварным углем на стенах домов. Эту «настенную живопись» заметил архитектор Кох, который подарил парнишке первые карандаши и бумагу, а затем показал рисунки градоначальнику А.И. Казначееву. Александр Иванович, став губернатором, забрал мальчика с собой в Симферополь, поселил в своем доме, определил в гимназию.

В 1833 г. Гайвазян был принят казенным пенсионером в Петербургскую Академию художеств в класс М.Н. Воробьева. Подросток с легкостью переносил полуголодное существование. Он учился пристально наблюдать натуру, угадывать ее «душу и язык», передавать настроение в пейзаже. Ване было всего 17 лет, когда он до малейших деталей мог скопировать пейзажи Сильвестра Щедрина и Клода Мореля. Заданный на втором году обучения эскиз «Предательство Иуды» привлек всеобщее внимание, и президент А.Н. Оленин объявил Гайвазовского (его фамилию вновь изменили) лучшим учеником и будущей звездой и гордостью Академии.

В 1835 г. Иван попал в «ученики» к французскому художнику-маринисту Филиппу Таннеру. Учитель оказался менее талантливым, но очень завистливым и, очернив работу Гайвазовского «Этюд воздуха над морем» перед Николаем I, вверг юного художника в царскую немилость. В течение года Оленин, Одоевский, Томилин, Жуковский, принимавшие участие в его судьбе, не могли ничего изменить. И только известный художник-баталист А.И. Зауервейс реабилитировал Гайвазовского и убедил царя отправить юношу вместе с Ф.П. Литке в летнее плавание по Балтике. За несколько месяцев офицеры научили Ивана разбираться в сложнейшем устройстве и оснастке кораблей российского и иноземного флота. Моряков подкупила искренняя любовь юноши к морской стихии и кораблям. Экипаж прозвал его «морским волчонком». Написав в этом плавании первые пять марин, Гайвазовский неразрывно связал свою судьбу с морем и российским флотом.

Занятия с К. Брюлловым и М. Воробьевым принесли свои плоды. Двадцатилетний юноша стал мастером, великолепным художником-маринистом. Общение с А. Пушкиным и М. Глинкой настроило его ум на торжественное воспевание природы. «Прекрасное должно быть величаво». Гайвазовский рано постиг, что служение искусству – это не смирение и не спокойное созерцание жизни, а действие, кропотливый ежедневный труд.

Совет Академии сократил ему срок обучения на два года, а золотая медаль первой степени (1837 г.) за успехи в живописи позволяла отправиться за границу, но Гайвазовского направили в Крым «писать с натуры морские виды». Путешествуя по Крыму и по Кавказу (генерал Раевский, начальник черноморской береговой линии, пригласил его наблюдать боевые действия флота против турок), он сделал множество набросков и написал такие известные полотна, как «Вид Керчи», «Морской берег», «Лунная ночь в Гурзуфе», «Десант в Субаши». Сердце юного художника было полно благодарности к людям (М. Лазареву, П. Нахимову, В. Корнилову и простым матросам), поделившимся с ним знаниями о море и своим душевным богатством. Прекрасная зрительная память помогала Гайвазовскому переносить свои воспоминания на полотно. В промозглом Петербурге он мог написать любой пейзаж Крыма, а по рассказам очевидцев создать живописную баталию, четко зная, как выглядит каждый корабль.

В 1840 г. художник отправился в пенсионерскую поездку в Италию. В монастыре он отыскал брата-монаха, который ему посоветовал изменить фамилию, чтобы она была ближе к первоначальной армянской. С тех пор Иван Константинович все свои картины подписывал фамилией Айвазовский. Молодой художник все время посвящал живописи, а из мастерской отлучался только в музеи, для работы на природе или для встреч с Н.В. Гоголем и А.А. Ивановым. Айвазовский заметил, что его тщательно выписанные на пленэре полотна оставляют равнодушными зрителей, зато написанные по памяти вызывают восхищение. Ведь в такие пейзажи он вносил свои яркие впечатления, свой восторг перед неповторимостью каждого мгновения в природе. Художник начал писать только в мастерской, где были лишь голые стены, а на холст наносил воспоминания об игре света и теней на морской поверхности, на вершинах гор и на зелени деревьев, о движении волн и бесконечных оттенках воды, радужном сиянии морских брызг в лучах солнца. Писал на одном дыхании, страстно, с увлечением и не отходил от мольберта, пока не завершал картину. «Неаполитанская ночь», «Буря», «Хаос» привлекли к его творчеству всеобщее внимание, а когда папа Григорий XVI приобрел «Хаос» для картинной галереи Ватикана и лично познакомился с автором, Европа признала, что Айвазовский – лучший в мире художник-маринист. Теперь уже его произведения копировали юные ученики, и морские виды «а-ля Айвазовский» появились в каждой лавочке.

В душе художника рядом с родной Феодосией и Черным морем прочно, на всю жизнь занял свое место Неаполитанский

залив. А сердце Ивана Константиновича согрела встреча с балериной Марией Тальони, женщиной, которая навсегда осталась в его памяти и жила там, окутанная покрывалом не осуществившейся мечты. Она была старше Айвазовского на 13 лет и не решилась открыть своих чувств, а он даже не надеялся на взаимность.

В 1843 г. Иван Константинович стал единственным русским художником, которого французское правительство пригласило выставить картины в Лувре. После этого началось триумфальное шествие его картин по городам Европы. Ими любовались Лондон и Лиссабон, Мадрид и Гренада, Севилья и Барселона, Гибралтар и Мальта… Везде он делал многочисленные зарисовки для будущих картин: здания, корабли, скалистые берега. За 4 года Айвазовский создал 80 картин, в основном марин, с изображением морских бурь и кораблекрушений, тихого моря, лунных ночей. Его картины разошлись по всей Европе. В Голландии, на родине морской живописи он был удостоен звания члена Амстердамской Академии художеств.

В конце лета 1844 г., покорив европейские столицы, Айвазовский вернулся в Петербург, где его ждали почет и слава, звание академика живописи. В звании первого живописца художник был причислен к Главному морскому штабу и по его поручению писал виды русских северных портов и приморских городов. Он стал модным художником, вместе со славой появились и деньги, но Иван Константинович чувствовал, что настоящую радость ему приносит труд и творчество, и решил вернуться в Феодосию. В родном городе он построил поместье Шейх-Мамай на берегу моря, в котором работалось ему легко и радостно. Все горожане любили Ивана Константиновича и с радостью чествовали на 10-летнем юбилее художественной деятельности мастера. Севастополь отправил эскадру из шести военных кораблей приветствовать своего главного живописца. Честолюбие Айвазовского было удовлетворено: когда-то бедный парнишка стал щедрым отцом родного города.

Весть о предстоящей женитьбе знаменитого художника на бедной гувернантке-англичанке всколыхнула светское общество в 1847 г., но Айвазовский увез свою избранницу Юлию Яковлевну Гревс от пересудов в Феодосию. Однако молодой жене не понравилось жить в глуши, вскоре начались упреки, и Айвазовскому пришлось осознать абсолютную несхожесть их характеров и взглядов. На двенадцатом году супружеской жизни Юлия оставила мужа, забрав с собой четырех дочерей: Александру, Елену, Марию и Жанну. И хотя она только изредка разрешала им навещать отца, все девочки впоследствии

вернулись под отчий кров. Но никакие семейные невзгоды не могли оторвать художника от творчества. В эти годы он создал бессмертное полотно «Девятый вал» (1850 г.), столкнув в нем стихию шторма с мужеством и волей человека, отстаивающего свою жизнь.

Нахимов, посетив выставку картин о победах Черноморского флота, сказал художнику: «Удивляюсь вашему гению… Не могу постичь, как можно, не будучи на месте, так верно все изобразить». В 1854 г. несколько дней Айвазовский находился в осажденном Севастополе, когда англичане штурмовали город. Он присутствовал при затоплении русских кораблей и защите Мамаева кургана и всю жизнь возвращался к изображению героических событий тех грозных дней. Среди наиболее известных картин – «Осада Севастополя», «Оборона Севастополя» (1859 г.) и «Малахов курган» (1893 г.).

Только изредка на непродолжительное время Айвазовский покидал родной город, чтобы показывать свои полотна в Петербурге, Москве, Тифлисе, Флоренции. И его марины были разнообразны, как и само море – «Ледяные горы» (1870 г.), «Радуга» (1873 г.), «Неаполитанский залив» (1874 г.). А жители Феодосии гордились земляком не только как художником с мировым именем. Айвазовский выстроил в городе Музей древностей и сам занимался раскопками. В своем поместье открыл художественную мастерскую и картинную галерею. Добился строительства в Феодосии торгового порта и железной дороги и провел туда воду от своего источника. У отца города постоянно было много дел и забот. И самое главное – в жизнь Ивана Константиновича опять пришла любовь. Брак с молодой вдовой Анной Никитичной Саркизовой сделал его вновь счастливым. Она стала верной спутницей и доброй хозяйкой в огромном доме, заполненном детьми, внуками и картинами.

Айвазовский ни на день не прекращал работу. Выставленная в Галерее Третьякова картина «Черное море» (1886 г.) заставляла замирать посетителей перед первозданной стихией, которой И.Н. Крамской дал самую высокую оценку: «Дух Божий, носящийся над бездной». Картины, написанные на одном дыхании, художник вынашивал годами. «Начиная писать всякую картину, я не творю ее тут же на полотне, а только копирую с возможной точностью ту картину, которая раньше сложилась в моем воображении и уже стоит перед моими глазами. В картинах моих всегда участвует, кроме рук и фантазии, еще и моя художественная память».

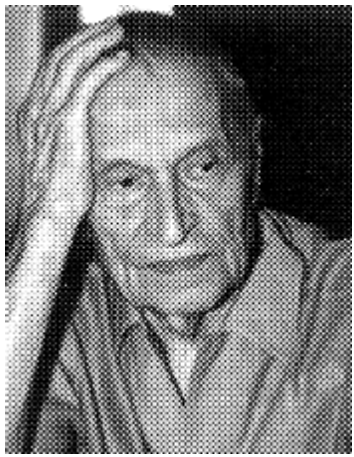
Однажды, в 1895 г., после открытия своей 120-й персональной выставки, Айвазовский по просьбе Куинджи дал урок в Академии. Потрясенные ученики наблюдали, как, отобрав

всего 4 краски, за 1 час 50 мин. художник превратил серый холст в бушующее море, легкими штрихами выписав борющийся со штормом корабль с полной оснасткой. Поэтому никто не сомневался, когда разнесся слух, что Айвазовский за 10 дней написал колоссальных размеров картину. Стоя перед полотном «Среди волн» (1898 г.), любой ученик и художник понимал: для того, чтобы создать такую картину, требуется целая жизнь. «Вся моя предшествующая жизнь была подготовкой к картине, которую вы видите» – слова, сказанные художником об этом шедевре, можно было бы отнести ко многим его полотнам.

Начался XX век. Айвазовский встретил его счастливым, в окружении большой семьи, которая включала не только родных и близких, но и всех, кто нуждался в его помощи, кому он делал добро. «Страной Айвазовского» называли земляки Феодосию, и он, как добрый гений, не только помогал процветанию города, но еще и у половины феодосийских семей крестил детей и почти всех бедных невест одаривал приданым. Художник умер скоропостижно, на 83-м году жизни, 19 апреля 1900 г., не успев дописать картину «Взрыв турецкого корабля». Вся Феодосия шла за его гробом. В час похорон весенний день потускнел, стал накрапывать дождь, море печально билось о берег.

Шуми, волнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Амосов Николай Михайлович (род. в 1913 г. – ум. в 2002 г.)



Знаменитый кардиохирург, биокибернетик, ученый-экспериментатор, общественный деятель. Директор Института сердечнососудистой хирургии, заведующий отделом биологической кибернетики в Институте кибернетики. Академик Национальной академии наук Украины, член-корреспондент Академии медицинских наук, профессор. Герой Социалистического Труда (1973 г.), лауреат Ленинской (1961 г.) и Государственной (1973 г.) премий СССР и трех Государственных премий УССР, награжден многими правительственными наградами.

Автор научных и научно-популярных книг.

«Стареть – плохо, но это единственный способ пожить дольше», – любил повторять Николай Амосов – человек, деяниям и оптимизму которого можно только позавидовать. Он боялся не смерти, а только старости, ибо видел в ней врага, мешающего полнокровно думать и действовать, – а именно этому он посвятил всю свою жизнь от рождения и до самой смерти.

Родился Николай 6 декабря 1913 г. в селе Ольхово, недалеко от Череповца. Мать-акушерка была нарасхват на несколько деревень. И днем и ночью роженицы требовали помощи Кирилловны, – и первыми воспоминаниями детства для ее сына стали долгие часы ожидания. Мальчик практически воспитывался

без отца, потому что тот после возвращения с фронта начал пить, завел другую семью и навсегда остался для него «чужим». Николай рос хилым и необщительным, гулять не любил, был неловок и очень боялся показаться смешным, всегда ощущая свою неполноценность. «Так и в школу пошел – одинокий». Жили очень скудно, недоедали: мать зарабатывала немного, а подарков не брала, и к тому же старалась дать хорошее образование своей старшей незаконнорожденной дочери Марии. И Николай с детства познал все тяготы нелегкого крестьянского труда.

Как только мальчик научился читать, он влюбился в книги и уже никогда не расставался с ними. Николай окончил начальную школу в селе, а среднюю – в Череповце. Учился легко, был записан сразу в три библиотеки, а вот кем будет дальше, за него решило государство: 9-й класс неожиданно закрыли (1930 г.) и ученикам предложили на выбор – механический техникум в городе или учебу на лесника под Ленинградом. Средств на жизнь вдали от дома у Амосова не было, и он стал студентом-«техником», а по окончании техникума работал в Архангельске сменным механиком на электростанции при большом лесопильном заводе. Здесь же он впервые влюбился и в 1934 г. женился на симпатичной бухгалтерше Галине Соболевой.

Работу на производстве Николай считал делом скучным. Он всегда испытывал страсть к выдумыванию, конструированию и поэтому поступил во Всесоюзный Заочный Индустриальный Институт в Москве на энергетический факультет (1934 г.), мечтая заняться чистой наукой. А жена выдержала экзамены в Архангельский мединститут. Но когда на горизонте «замаячила» армия, Амосов, сдав отлично все вступительные экзамены, оказался в одном институте с Галей. Чтобы не отставать от жены, за первый год обучения прошел программу сразу двух курсов. Учеба по-прежнему не доставляла проблем: оставалось свободное время, чтобы подзаработать преподаванием в фельдшерской школе и заняться «наукой».

В это время Амосов близко познакомился с профессором физики В.Е. Лашкаревым, который открыл студенту удивительный мир парапсихологии. Ему-то и показал студент чертеж искусственного сердца. «Выдумка ерундовая, но идея логичная, – вспоминал потом академик. – Теперь на принципе такого насоса создали протезы сердца, некоторые работают уже по нескольку месяцев, пока донора для пересадки подбирают».

В 1939 г. Амосов с отличием окончил институт и решил продолжить занятия физиологией, но место в аспирантуре было только по хирургии. А для диплома в Заочном институте, который он из-за «недогрузки» так и не бросил, сделал проект

большого аэроплана с паровым котлом и турбиной. Идея была интересной, и хотя к производству ее не приняли, но Амосов в 1940 г. получил еще один диплом с отличием как инженер «паросиловых установок электростанций».

К тому времени молодые супруги решили пожить отдельно (развелись в 1940 г.), и Николай, «удрав из аспирантуры», начал работать ординатором-хирургом в Череповецкой межрайонной больнице, а также преподавать анатомию и любимую физиологию в фельдшерской школе. Но армия и хирургия пришли за ним сами. С первых дней войны Амосов работал в комиссии по мобилизации, а потом был назначен ведущим хирургом в полевой передвижной госпиталь «ППГ-2266 на конной тяге». В этом госпитале и в одной должности он прослужил всю войну и встретил День Победы в германском городе Эльбинг. Воспоминания об этом периоде жизни легли в основу повести «ППГ-2266, или Записки военного хирурга» (1974 г.). Амосов навсегда запомнил это «море страданий человеческих», научился в совершенстве оперировать любую часть тела и лечить любые осложнения. Особенно хорошо он овладел тактикой и методикой операций при ранениях груди, суставов и переломов бедра. Для решения главной проблемы – ранения груди – хирург разработал свою операцию и «здорово насобачился на сосудах!». Но каждая смерть солдата становилась для него трагедией, и Амосов однажды даже попытался покончить жизнь самоубийством.

На фронте Николай Михайлович женился на прекрасной операционной сестре-украинке Лидии Денисенко, которая пошла на войну добровольно после третьего курса пединститута и служила в медсанбате, а после выхода из окружения была прикомандирована к его госпиталю. Но если для большинства солдат война закончилась, то для супругов Амосовых продолжалась до сентября 1945 г. в Маньчжурии. Служить в армии Николай Михайлович ужасно не хотел. Но уйти ему, майору, удостоенному многих боевых наград, было очень непросто. Помог второй диплом – инженерный. Амосов получил назначение от Министерства медицинской промышленности заведовать главным операционным корпусом Института Склифосовского и приводить в порядок технику. «Грустный и неприятный период жизни… Не прижился я тогда, в 46-м, в Москве. И не потому, что комната была в четыре метра, еда плохая и короста на голове. Работы не было, хирургии… И смотреть чужую работу надоело. Отравлен самостоятельностью: "Дай мне, и я сделаю"».

Да и научным работам Амосова долго не давали ходу: он получил отрицательные отзывы на три диссертации, а восемь

научных статей даже не рискнул отослать. Столичному безделью Николай Михайлович предпочел напряженную работу заведующим отделением в Брянской областной больнице, став одновременно главным хирургом области. За шесть лет выполнил много новых и уже знакомых по фронту операций: на желудке, на пищеводе, на почках. Но самыми важными были резекции легких – при абсцессах, раке и туберкулезе. До тех пор он никогда их не делал, поэтому сам разработал методику и за четыре года прооперировал больных больше всех в стране – свыше трех тысяч.

В 1948 г. Николай Амосов защитил кандидатскую диссертацию и уже через год выбрал тему для докторской: «Резекции легких при туберкулезе». В 1952 году диссертация была готова и получила положительный отзыв академика А.Н. Бакулева. В том же году Амосов был приглашен на работу в Киев руководителем клиники грудной хирургии Киевского научно-исследовательского института туберкулеза и грудной хирургии. Переезжать ему не хотелось. «Брянские годы, с 47-го по 52-й, самые светлые в моей жизни. Испытал хирургическое счастье, дружбу с подчиненными. Потом такого уже не было, – вспоминал Амосов и признавался: – Хирургом меня сделала война. Но настоящим – Брянск». Однако на переезде настояла жена. Она к тому времени окончила пединститут и решила стать… хирургом, для чего и поступила в Киевский мединститут. С этого времени жизнь исконно русского человека была связана с Украиной, и он вошел в первую десятку личностей, определявших ее облик в XX в. Николай Михайлович в марте 1953 г. защитил докторскую диссертацию и был избран заведующим кафедрой в Киевском медицинском институте.

Конечно, Амосов не всем пришелся по душе. О его неуживчивом характере, бескомпромиссности и резкости до сих пор помнят те, кто с ним сотрудничал. Но он был уникален во всем: в работе, в общении, в выборе увлечений. Этот человек еще при жизни стал легендой – талантище, яркая личность, поразительный жизнелюб и трудоголик. Сам Николай Михайлович считал себя человеком не эмоциональным, «сухарем». Но когда в 1956 г. родилась дочь Катя, он, который «за двадцать лет семейного стажа потребности в детях не ощущал, увидел это маленькое, красненькое, хлипкое существо, так и понял – кончилась свобода, уже не сбегу». Дочь он воспитывал по собственной методике: дисциплина, нагрузки, три последних школьных года – экстерном в один. Екатерина Николаевна стала доктором медицинских наук, членом-корреспондентом АМН Украины.

В 1955 г. Амосов организовал и возглавил клинику сердечной

хирургии, преобразованную в 1983 г. в Институт сердечно-сосудистой хирургии АМН Украины. Осенью 1957 г. он ездил на конгресс хирургов в Мексику, где впервые увидел операцию на сердце с применением аппаратов искусственного кровообращения (АИК) и очень заинтересовался этим. Купить аппарат было невозможно, но для инженера Амосова это не было проблемой. Он разработал собственный проект, но необходимых трубок и, самое главное, гепарина против свертываемости крови в Союзе было не сыскать. И тогда Николай Михайлович на жалкие 15 долларов, оставшиеся от командировочных, купил минимум необходимого. Аппарат был выпущен на одном из предприятий Киева. А в 1958 г. в Институте кибернетики создали специальный отдел, где Амосов объединил вокруг себя коллектив энтузиастов. В его лабораториях и отрабатывались схемы операций с АИК, потом прибавились физиологические исследования сердца с участием инженеров и математиков. В 1959 г. была удачно проведена операция мальчику с тяжелым врожденным пороком сердца – так называемой «Тетрадой Фалло». А в 1960 г. Амосов возглавил отдел биоэнергетики Института кибернетики Академии наук Украины, в котором занимался развитием идей, зародившихся у него еще в Череповце: регулирующие системы организма – от химии крови, через эндокринную и нервную системы до коры мозга; механизмы разума и искусственный интеллект, психология и модели личности, социология и оптимальные модели общества, глобальные проблемы человечества. Работа отдела продолжалась вплоть до 90-х гг., когда коллектив распался и в отделе осталась только группа по искусственному интеллекту.

Николай Амосов был удивительно разносторонним человеком. Основоположник советской кардиохирургии стал учителем практически всех ведущих украинских и российских кардиохирургов. Когда в 1962 г. на первое место вышла проблема протезов сердечных клапанов, Амосов разработал свою модель – из полусферы, дополненной специальной обшивкой корпуса, препятствовавшей образованию тромбов. И именно с этого времени, как считает Николай Михайлович, «началось восхождение моей карьеры сразу по нескольким линиям». Он стал неизменным участником всех международных съездов и конференций кардиохирургов. Его избрали членом-корреспондентом АМН, присудили Ленинскую премию. 19 лет он честно исполнял обязанности депутата Верховного Совета СССР. Особенно тягостными были приемы граждан: «Горя наслушался свыше меры, в дополнение к хирургическим несчастьям». И если по отношению к себе Амосов свято следовал правилу М.

Булгакова: «Никогда ничего не проси», то для простых людей он добивался многого и вне хирургии.

Одно из самых ярких светил современной медицины, автор работ по медицинской и биологической кибернетике («Моделирование мышления и психики») был талантливым популяризатором идей и писателем, читал лекции по всему Союзу. Его книги «Мысли и сердце», «Записки из будущего» и «Голоса времен» изданы миллионными тиражами и переведены более чем на 30 языков мира. А «Энциклопедия Амосова», вышедшая в 2002 г., тут же стала библиографической редкостью. Когда в США узнали, что кардиохирург, кибернетик и писатель Амосов – один и тот же человек, журнал «Лук» прислал в Киев корреспондента и фотографа, а газета «Нью-Йорк Таймс» назвала Амосова правдоискателем, от пронзительных слов которого волосы встают дыбом.

Еще в 1952 г., когда хирурга так «схватил» позвоночник, что он не мог оперировать, он создал собственную теорию здоровья и долголетия. Главное в ней – увеличение нагрузок на организм. Ежедневная зарядка – около трех тысяч движений, бег, строгая диета. Коллеги считали это самоистязанием, Амосов – экспериментом. Результаты он всегда записывал и публиковал в научных журналах, а позже они вышли в отдельных книгах («Раздумья о здоровье», 1976 г.; «Книга о счастье и несчастьях», 1979 г.). Но если от инфаркта убежать удалось, то многочисленные болезни сердца упорно пытались выбить его из колеи, ограничить работоспособность. Этого человек дела позволить себе не мог.

В 1986 г. Николаю Михайловичу вшили кардиостимулятор, через месяц он появился в клинике и «народу объявил: "Заседание продолжается"». И снова директорство, операции, бег, ежедневная зарядка. Когда в 1987 г. в стране начались экономические эксперименты, Амосов первый в Украине добился хозрасчета. «Результат – количество операций с АИК почти удвоилось и приблизилось к двум тысячам. В полтора раза повысилась зарплата. Работать стало интереснее». 1988 год он считал лучшим в своей кардиохирургической биографии. «И вообще, самое бы время поставить точку. Так нет – жадность: давай 5 тысяч операций, 2 тысячи – с АИКом. Слаб человек!» Амосов все же оставил пост директора, но оперировать продолжал.

Николай Михайлович вновь согласился было на выдвижение в Верховный Совет, но понял, «что попал впросак: не смогу удовлетворить народ» – и отказался от депутатства. В 1992 г. он сделал свою последнюю операцию по протезированию клапана. «Сразу почувствовал: теперь – старик». Годы приносили много

огорчений: уходили из жизни старые друзья, жена перенесла несколько инсультов. Почетный директор, давно отказавшийся от зарплаты в собственном институте, получал мизерную пенсию, все сбережения, как и у большинства простых людей, пропали. «Сердечный врач», спасший тысячи жизней, вынужден был обращаться к спонсорам, чтобы те оплатили операции на его сердце: в 1993 г. был заменен стимулятор, а пять лет спустя – поставлен искусственный клапан и наложены два аортокоронарных шунта. Николай Михайлович не поддавался депрессивным настроениям, старался быть «при деле». Он был поразительным жизнелюбом. Возможно, отчасти потому, что никогда не верил в загробный мир. Был убежден в том, что жить нужно здесь и сейчас. И не ради собственных удовольствий, а на благо людям. Об одном лишь жалел Амосов – что так и не решился на операции по пересадке сердца. Умом понимал, что необходимо, но «не смог переступить через жизнь. "Пока сердце работает – человек жив". Знал, что это предрассудок, что жизнь в мозге, а не в сердце. А в душу, которая будто бы в сердце – живом, не верил… А все же – грех!» Решительным хирургам завидовал: «Недавно кубинцы сердце пересадили, до этого – чехи, поляки. У нас в стране – ноль. Наверное, есть и моя доля вины. Но явно переступить через конкретные жизни не мог».

Привычка к самоанализу побудила Амосова присмотреться к состоянию своих сверстников. Картина была драматичной, увядание охватывало коварно и неотвратимо. И вновь, как в былые годы, он решился на штурм твердынь, только теперь в одиночку, предприняв в 80 лет уникальный эксперимент по противостоянию неумолимому старению. Этими мыслями он поделился в книгах «Эксперимент» и «Преодоление старости», а своими философскими идеями – в сборнике «Разум, человек, общество, будущее». Эксперимент продолжался до 12 декабря 2002 г. Обширный инфаркт оборвал жизнь выдающегося кардиохирурга. На личном счету Амосова – более восьми тысяч спасенных больных и пятьдесят тысяч пациентов, исцеленных в институте в его бытность. Целый город исцеленных. В Украине этого русского человека еще при жизни называли совестью нации и «Человеком столетия», как гетмана Б. Хмельницкого, поэта Т. Шевченко и ученого В. Вернадского. Титулы ему никогда не были нужны. Жаль только, амосовская формулировка «человек умирает, когда он исчерпан» в отношении самого Амосова не оправдалась.

Антонов Олег Константинович (род. в 1906 г. – ум. в 1984 г.)

Выдающийся авиаконструктор. Генеральный конструктор самолетов серии Ан. Один из основателей промышленного планеризма. Член-корреспондент АН УССР (1960 г.) и АН СССР (1981 г.). Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой конструкций самолетов Харьковского авиационного института (1977 г.).

Заслуженный деятель науки УССР (1976 г.), лауреат Государственных премий СССР (1952 г.), УССР (1976 г.) и Ленинской премии (1962 г.). Герой Социалистического Труда (1966 г.). Награжден тремя орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Золотой медалью им. А.Н. Туполева и др. Его имя присвоено механическому заводу и аэроклубу г. Киева.

Автор книги «Десять раз сначала».

Самолеты «семейства» Ан в мире называют «элегантными» и «породистыми». В них чувствуется стиль их создателя – Олега Константиновича Антонова, который любил повторять, что «некрасивый самолет не полетит». Этот человек, вдохнувший жизнь в украинское самолетостроение, родился 7 февраля 1906 г. за тысячу километров от Киева, в Подмосковье, где его отец, инженер-строитель, возводил Канатчикову дачу. Константин Константинович Антонов и его жена, Анна Ефимовна Бикорюкина

(умерла, когда сыну исполнилось девять лет), первое время и жили там же, на территории строящейся психиатрической больницы. А в 1912 г. семья окончательно переселилась в Саратов, где проживали многочисленные родственники. Лето они обычно проводили у бабушки в дачном поселке Савино, и здесь Олегу и его старшей сестре Ирине жилось привольно.

Мальчик рос романтиком и мечтателем. Услышав однажды от двоюродного брата о легендарном перелете Луи Блерио через Ла-Манш, он навсегда заболел небом. Но Олег не только по-детски прыгал с парусиновым зонтиком с крыши, он подошел к своей мечте основательно – собирал и систематизировал все, что в той или иной мере касалось авиации: фотографии из журналов, рисунки, книги, модели. Впоследствии обширные познания по истории самолетостроения в мире сослужили ему хорошую службу.

Следующей ступенью к небу, как полагал Олег, должно было стать реальное училище, делающее упор на технические науки. В первые ученики он не выбился, зато в совершенстве овладел французским языком. Затем грянули война и революция, училище закрылось, когда Олегу исполнилось 14 лет, а в школу для взрослых принимали только с 16-ти. Антонов пристроился к старшей сестре и, тихонько спрятавшись на задней парте, жадно вбирал знания. К примерному ученику вскоре привыкли, а через два года выдали свидетельство об окончании школы. Свою мечту о полетах Олег лелеял по-прежнему, все свободное время пропадал на аэродроме 33-го отряда красвоенлетов, что-то мастерил из самолетных деталей, найденных на свалке. А еще вместе с друзьями он создал «Клуб любителей авиации», и они с энтузиазмом включились в работу только что созданного Добровольного общества друзей Воздушного флота (ОДВФ). И если путь в летную школу сыну служащего был закрыт, то строить модели и планеры никто запретить не мог.

Чертежи и общий рисунок своего первого планера «Голубь» ОКА-1, раскрашенные для пущей убедительности акварельными красками, 17-летний Олег направил на московский конкурс. Он оказался единственным молодым энтузиастом, рискнувшим представить на суд специалистов свое детище, и был премирован пробным полетом на немецком гидросамолете «Юнкерс-12». Как активист и руководитель авиамастерской, Антонов по рекомендации ОДВФ поступил в Саратовский университет. Правда, Олега туда не хотели принимать, потому что кареглазый парнишка из-за постоянного недоедания и перенесенного сыпного тифа выглядел лет на 13-14. Но путейский факультет, к счастью для Антонова, закрыли, и спустя год он уже был студентом

отделения гидроавиации в Ленинградском политехническом институте (1925 г.). Учился Олег легко и с удовольствием, а как опытный планерист тут же был избран секретарем технического комитета ОДВФ. К тому времени он написал две брошюры – «Простейшие модели планера из бумаги» и «Зачем нам нужны планеры», принял участие в слете планеристов в Коктебеле. Правда, «Голубь» так и не взлетел, но модель вызвала интерес самобытной конструкторской разработкой.

И в институте Антонов время зря не терял: работал инструктором авиамодельного кружка, писал статьи в газету, делал макеты самолетов для научно-фантастического фильма «Наполеон-газ» – зарабатывая тем себе на пропитание. Он много успевал, видимо, помогал лозунг: «делать медленные действия без промежутков между ними». Интересно, что антоновский планер ОКА-3 испытывал во время своей опалы прославленный летчик В. Чкалов, он же учил будущего конструктора держать штурвал самолета. А на одном из первых слетов в Коктебеле Олег познакомился еще с одним заядлым планеристом, мечтавшим установить на аэроплан без мотора (планер) ни много ни мало, а ракетный двигатель, – С. Королевым. Абсолютно несхожие по характеру люди сохранили юношескую дружбу на всю жизнь.

В 25 лет Антонов стал сразу главным конструктором в КБ московского планерного завода. Еще за годы учебы он построил ОКА-3, «Стандарт-1», «Стандарт-2» и ОКА-6 – мощный паритель «Город Ленина». Задачу «от модели к планеру, от планера – на самолет» молодой конструктор успешно выполнил: в течение восьми лет завод выпускал до двух тысяч машин в год. Огромный интерес молодежи к планеризму был обусловлен почти полным отсутствием в тот период самолетов, и каждый будущий летчик учился летать именно на планерах. Да и сам Антонов неоднократно признавался, что «строил планеры, чтобы летать». Всего серийно выпускалось около тридцати типов его планеров и среди них: «Упар», «Рот-Фронт-7» (на нем в 1939 г. О. Клепикова установила международный рекорд дальности – 749 км за 8 ч 25 мин., много лет не превзойденный), БС-3 («Буксировочный серийный»), «Массовый-4» и экспериментальный мотопланер ЛЕМ-2.

Несмотря на огромную загруженность, молодой конструктор усиленно занимался спортом. Это был своеобразный протест против туберкулеза, который постоянно подтачивал здоровье. Особое предпочтение Антонов отдавал теннису и играл чуть ли не на уровне профессионалов. На кортах он и познакомился со своей первой женой Лидией Сергеевной Кочетковой и повез ее в свадебное путешествие на слет планеристов в Коктебель (1930 г.).

Элегантный, всегда хорошо одетый, обходительный в обращении Антонов выделялся на фоне сверстников подчеркнутой интеллигентностью и бесконечной преданностью своей мечте. Лидия Сергеевна признавалась: «Я была потрясена полетами и человеком», и вскоре дело мужа стало и ее делом: она сконструировала самый маленький планер в Союзе – «8 Марта». В 1936 г. у супругов родился сын Роллан, а через год семья распалась. Олег Константинович влюбился в прекрасного расчетчика-прочниста Елизавету Аветовну Шахатуни. Произошли изменения не только в его личной жизни. Сталин приказал закрыть планеризм из-за бегства на учебном самолете инструктора планерного дела в Коктебеле. Когда Антонова сняли с должности, генеральный авиаконструктор А.С. Яковлев предложил ему должность ведущего конструктора в своем КБ (1938-1940 гг.).

В 1940 г. Антонов получил собственное КБ в Ленинграде, где через восемь месяцев блестяще сконструировал, построил и испытал опытную модель самолета связи. Его серийному выпуску помешала война. Олега Константиновича вновь затребовали в Москву. Теперь он выпускал для фронта свой знаменитый транспортно-десантный планер А-7, обеспечивавший питанием, оружием, боеприпасами партизанские отряды, сбрасывавший десанты в глубокий тыл противника. Поэтому медаль «Партизану Великой Отечественной войны» конструктору была вручена не случайно. Совершенно оригинальной была еще одна работа О.К. Антонова – буксировочный планер-биплан КТ «Крылья танка» для перевозки по воздуху танка, присоединенного к планеру, с управлением им из танка. Но тяжелые буксировщики для его разгона появились только к концу войны, и планер серийно не выпускался.

В 1943-1946 гг. Антонов как первый заместитель главного конструктора в ОКБ Яковлева принимал непосредственное участие в создании ЯК-3, но мечтал о самостоятельной работе. Это осуществилось, когда в Новосибирске было открыто новое КБ, которое и возглавил Олег Константинович. Война была позади, и конструктор разработал проект одного из самых популярных и массовых самолетов отечественной авиации – уникальный многоцелевой АН-2, прозванный в народе «кукурузником». Дочку, родившуюся в период работы над «Аннушкой», родители назвали Анной, словно предопределив ее будущее: она стала доцентом Киевского института гражданской авиации.

Работалось в Новосибирске легко. Своеобразное положительное биополе Антонова притягивало к нему людей творческих, энтузиастов самолетостроения. А вот климат

серьезно угрожал здоровью, и по подсчетам врачей, жить ему оставалось года полтора. Поэтому когда правительство решило начать серийный выпуск АН-2 (Государственная премия СССР) на Киевском авиазаводе, Олег Константинович согласился на переезд. Завод был в плохом состоянии: квалифицированных кадров не хватало, семьи сотрудников иногда жили прямо в цехах. Но самолетом заинтересовался Н.С. Хрущев, в то время первый секретарь ЦК КП(б)У, и обещал, что коллектив будет жить как у Христа за пазухой. Только в 1952 г. КБ окончательно переехало в Киев, где теплый климат благотворно повлиял на здоровье Антонова.

Днем рождения семейства Ан считается 6 сентября 1949 г., когда в небо взмыла первая серийная «Аннушка». Вряд ли в мире есть еще такая неприхотливая и универсальная машина, «овладевшая 18 профессиями», испытанная в Африке и Антарктиде и выпускавшаяся в течение 30 лет. Все самолеты Антонова в первую очередь отличались полезностью, высокой экономичностью перевозок, огромным запасом прочности и, следовательно, долговечностью.

У Олега Константиновича всегда был «поразительный нюх» на технические новинки. Он внедрил в самолетостроение композиционные материалы, монолитные конструкции, точечную сварку на клеевой основе. А сколько новых неожиданных конструкторских решений генерировал его мозг! Ан-8 стал первой в транспортной авиации машиной нового облика. За широкий фюзеляж ее прозвали «воздушным дельфином» и «летающим китом», а патриарх советского авиастроения А.Н. Туполев одобрительно хмыкнул: «Хороший сарай». Но практически не было ни одной машины, выпуск которой Антонову не пришлось бы отстаивать с боем. Директор завода Шелест недолюбливал самостоятельного конструктора. На одном из партийных собраний при всем честном народе он заметил: «Вы думаете, что после "кукурузника" вам удастся создать такой серьезный самолет?» Ставил Шелест палки в колеса и заняв пост секретаря ЦК КПУ. И хотя «министерские игры» отняли у Антонова много сил и нервов, в небо взлетели: Ан-12 (Ленинская премия), Ан-22, Ан-26, Ан-32 (Государственная премия УССР), Ан-72, Ан-124, решавшие задачи военно-транспортной авиации, воздушно-десантных войск и обеспечения грузовых перевозок Аэрофлота; многоцелевые Ан-2, Ан-14, Ан-28, отличающиеся способностью базироваться на неподготовленных площадках длиной до 550 м; пассажирские Ан-10 и Ан-24, обладающие высокой экономичностью перевозок; цельнометаллические планеры А-11, А-13, А-15, мотопланер Ан-13 и дельтапланы

«Славутич».

Антонов говорил: «У каждого самолета своя судьба. Одни рождаются легко, при всеобщем одобрении, под аплодисменты. Это баловни судьбы». Но некоторые самолеты разбивались, и это были самые страшные моменты в жизни конструктора. После гибели АН-10 (Золотая медаль Всемирной выставки) под Харьковом Олег Константинович поделился бедой со своим другом, знаменитым хирургом Н. Амосовым: «Нет, не буду больше строить больших пассажирских самолетов. Я не переживу одновременную гибель многих людей… После катастрофы с "десяткой" я не раз просыпался ночью в холодном поту и дрожащей рукой снимал трубку – неужели авария с моим самолетом». Сам Амосов считал, что Антонов был «слишком чувствительным человеком для генерального конструктора, и в то же время это было счастье для народа».

Олег Константинович и впрямь был человеком неординарным: незаурядный художник, поэт, писатель, спортсмен, садовод. На все хватало сил и времени, все делал на высоком профессиональном уровне с огромной отдачей. Умел дружить, умел любить. В 56 лет он женился в третий раз, и Эльвира Павловна, которая была младше его на 31 год, подарила мужу двоих детей – Лену и Андрея. Как Антонову удалось удержать сложный баланс взаимоотношений в трех семьях, наверное, является своеобразной мужской тайной, но дети и жены дружили, а легендарная фигура антоновской фирмы Елизавета Аветовна Шахатуни, лауреат Ленинской премии, орденоносец, была заместителем генерального конструктора по прочности. Необыкновенная личность Антонова поражала и притягивала не только женщин. Его дружбой гордились многие достойные люди. Депутат, лауреат, орденоносец был искренним человеком, умел позаботиться обо всех и каждом, радовался чужим прозрениям и отстаивал их как свои. Когда готовились документы к награждению Антонова второй Золотой Звездой Героя Социалистического Труда за создание «Антея» (первую ему вручили в честь 60-летия в 1966 г.), Олег Константинович отказался в пользу своего заместителя А.Я. Белолипецкого. Говорят, что Брежнев, прочитав письменный отказ Антонова, очень удивился: «В наше время еще встречаются люди, которые отказываются от наград…»

Любил Олег Константинович и преподносить сюрпризы. Одним из них стал крылатый гигант «Антей» – Ан-22, который потряс посетителей Всемирного салона авиации в Ле-Бурже. «Летающий собор», «поезд в воздухе», «мегасамолет», «новая эпоха в самолетостроении» – какие только не придумывали

эпитеты восторженные журналисты. Такое же впечатление произвел в мире и «Руслан» – Ан-124 (1985 г.), последний самолет, который был создан под руководством Антонова. Потом молва разнесла легенду о том, что конструктор зашифровал в его названии аббревиатуру слов «Русский лайнер Антонова». Этому исполину только стоянка нужна размером с футбольное поле. Внутри каждого из четырех двигателей человек может стоять в полный рост. В кабины летчиков и сменного экипажа надо карабкаться по лестнице на высоту третьего этажа. Он способен поднимать в воздух груз весом в 150 т. Специалисты считают, что воплощенная в «Руслане» конструкторская мысль настолько опередила время, что этот самолет будет считаться современным еще лет 20-30.

В последние годы жизни здоровье все чаще подводило генерального конструктора. В 1979 г. он перенес сложную операцию по удалению опухоли кишечника, в 1982 г. резко обострился туберкулезный процесс в легких. Но не это подкосило Олега Константиновича, а человеческая зависть и подлость. Кто-то после первого испытания «Руслана» написал анонимку, начались разбирательства «в верхах». Эмоциональный, всегда болезненно воспринимающий несправедливость Антонов умер 4 апреля 1984 г. от инсульта.

Имя выдающегося конструктора продолжает жить не только в самолетах, созданных при его непосредственном участии: его носит и младшая сестричка «Руслана» – «Мрия» – Ан-255, разработанная генеральным конструктором П.В. Балабуевым. В салоне Ле-Бурже этот супергигант появился, неся на спине космический корабль многоразового использования «Буран». «Зрелище необыкновенное, такого еще не бывало, – писали французские журналы. – Это летающий ангар, в который можно запихнуть что угодно – все влезет… У Антонова появились талантливые последователи, вполне достойные покойного конструктора. Это уже не школа – это подлинный университет конструирования».

Бандера Степан Андреевич (род. в 1909 г. – ум. в 1959 г.)

Украинский политический деятель, один из лидеров Организации украинских националистов, руководитель украинского национального сопротивления (1939-1954 гг.).

Степан Бандера – значительная и противоречивая личность в истории Украины. Его имя с ненавистью произносили польские и немецкие оккупанты, а для советской власти «бандеровцы» стали воплощением самых опасных и закоренелых преступников. Это слово на долгие годы вошло в употребление народов, населявших СССР, и оценивалось наравне с «сепаратистами», «националистами» и даже «фашистами». Рожденное в недрах советской пропагандистской кухни понятие «бандеровщина» успешно справилось с задачей раскола украинского народа на «своих» и «чужих». И даже в современной Украине оно продолжает выполнять такую функцию. Одни считают Степана Бандеру освободителем и борцом за независимость, другие – террористом, для достижения своих целей не щадившим мирного населения.

Будущий лидер ОУН родился 1 января 1909 г. в с. Старый Угрынив Калушского уезда Галичины, что входила тогда в Австро-Венгерскую империю, в семье греко-католического священника. Степан был вторым ребенком. Кроме него у

родителей – Андрея и Мирославы Бандеры – было еще шестеро детей.

Если родственники со стороны отца занимались земледелием и политикой не интересовались, то со стороны матери было немало сознательных борцов за права украинцев: Павел Глодзинский, дядя Степана, был одним из основателей «Маслосоюза» и кредитного общества «Сельский хозяин». Еще один дядя, Ярослав Веселовский, стал депутатом Венского парламента.

Степан рос в доме, где царила атмосфера украинского патриотизма, живых национально-культурных традиций. Его отец принимал активное участие в возрождении Украинского государства в 1918-1920 гг., был депутатом парламента Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР).

К тому времени мальчику исполнилось 10 лет, и пора было подумать о гимназии. Начальное образование он получил дома с помощью матери и приходящих учителей, а в 1919 г. сдал вступительный экзамен в классической гимназии г. Стрый.

Степан мог учиться только благодаря материальной помощи деда и бабушки. В ту же гимназию поступили его братья и сестры. На каникулах они работали в хозяйстве отца, а во время учебы – у деда. С 14 лет Степан зарабатывал средства на собственные расходы, давая уроки младшим гимназистам. Обучение в гимназии проходило под надзором польских властей, но некоторые учителя смогли вложить в обязательную программу украинское национальное содержание.

Однако главное патриотическое воспитание гимназисты получали в школьных нелегальных молодежных организациях. В то время среди подростков популярной была организация «Пласт» (по типу скаутских). Естественно, и Бандера не мог пройти мимо нее. Несколько лет из-за слабого здоровья его не принимали в «пластуны». Он упорно тренировался, укреплял здоровье и наконец был зачислен в отряд им. Ярослава Осмомысла. «Пласт» занимался подготовкой подростков к будущей вооруженной борьбе за независимость Украины, патриотическим воспитанием и распространением запрещенной литературы.

В 1927 г., успешно окончив гимназию, Степан намеревался поехать на учебу в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах (Чехословакия), но не смог получить паспорт для выезда. Поэтому он остался дома на год. В родном селе занимался хозяйством и культурно-просветительской деятельностью: руководил театральным кружком и хором, основал военно-спортивное товарищество «Луг», участвовал в организации кооператива. Крепкая деревенская школа в Старом

Угрыниве появилась тоже благодаря стараниям Бандеры.

К тому времени Степан уже был членом Украинской военной организации (УВО), образованной в 1920 г. из отрядов Сечевых Стрельцов во главе с Евгением Коновальцем. По заданию УВО Бандера вел пропаганду в родном и соседних селах. В стихию подпольной работы он окунулся, едва поступив на агрономический факультет Львовского политехнического института. Хотя Степан честно старался учиться, диплом инженера-агронома он так и не получил: помешала политическая деятельность и арест.

В 1929 г. завершился процесс объединения всех националистических организаций Западной Украины в единую Организацию украинских националистов. Проводником (руководителем) ОУН был избран Евгений Коновалец, а созданная ранее УВО вошла в ОУН как одно из подразделений. Членом новой организации Бандера стал с начала ее существования. Имея уже опыт революционной деятельности, он руководил распространением подпольной литературы, которую печатали за пределами Польши. На этот период приходятся его первые аресты, ставшие школой политической борьбы.

Вскоре Степан Бандера вошел в состав Краевой Экзекутивы (исполнительного органа) ОУН, заняв пост секретаря отдела пропаганды в Западной Украине. Он действительно поднял пропаганду национальной идеи на высокий уровень. Начались массовые акции, которые преследовали цель пробуждения политической активности народа. В частности, Бандера задумал и провел «Школьную акцию», когда ученики выбрасывали из школ польские гербы и флаги, отказывались отвечать на польском языке и бойкотировали учителей-поляков. «Антимонопольная акция» представляла собой отказ украинцев покупать водку и табак. ОУН призывала: «Прочь из украинских сел и городов водку и табак, потому что каждый грош, потраченный на них, увеличивает фонды польских оккупантов». Польские газеты немедленно представили это как очередное доказательство украинского антисемитизма: ведь держателями питейных заведений, как правило, были евреи.

Для проведения подобных акций требовались немалые средства. Поэтому боевики ОУН, находясь в состоянии войны с польским государством, часто грабили банки и почтовые отделения. При этом иногда погибали случайные прохожие. Естественно, что такие действия наносили удар по имиджу организации. Поняв это, Степан Бандера запретил акции экспроприации. Решено было сосредоточиться на политической пропаганде.

В начале 1933 г. конференция Провода ОУН в Праге утвердила Степана Андреевича на посту краевого проводника. Началась серьезная работа по расширению структуры ОУН и организации подпольной учебы кадров. Чтобы еще раз напомнить о целях борьбы с режимом, была проведена серия карательных акций против представителей польской власти. Два наиболее известных политических убийства того времени получили широкую огласку в мире. 21 октября 1933 г. 18-летний студент Мыкола Лемык убил сотрудника советского консульства в Львове А. Майлова, заявив, что пришел отомстить за голодомор в Украине, устроенный большевиками. Этим политическим убийством руководил лично Бандера. Суд над Лемыком дал возможность заявить, что голод в Украине – действительный факт.

Еще одной жертвой мести ОУН стал министр внутренних дел Польши Бронислав Перацкий. Решение о его устранении было принято на специальной конференции ОУН в Берлине, где присутствовал Андрей Мельник– представитель Провода Украинских националистов и краевой проводник Степан Бандера. Убийство было актом возмездия за проведенную в 1930-1932 гг. под руководством Перацкого операцию «пацификации» (умиротворения), когда в результате действий польской полиции и армии были разрушены и сожжены сотни сел, убиты несколько тысяч жителей Галичины и Волыни. План покушения разработал Роман Шухевич, приводил его в действие Мыкола Лебедь, общее руководство осуществлял Степан Бандера. Организатор и исполнитель покушения были арестованы, а кроме них – еще 10 человек, обвиненных в подготовке преступления.

Два года длилось следствие. Бандеру содержали в одиночной камере закованным в кандалы. На суде во Львове обвиняемые отказывались говорить по-польски, здоровались приветствием «Слава Украине!» и превратили зал процесса в трибуну пропаганды идей ОУН. Степана Бандеру, Мыколу Лебедя и Ярослава Карпинца суд приговорил к смертной казни. По амнистии, объявленной ранее, высшую меру заменили пожизненным заключением. Несколько попыток подготовить побег Бандеры из тюрьмы не имели успеха. За решеткой он просидел до 1939 г. Когда Германия напала на Польшу, городок, в котором находилась тюрьма, подвергся бомбардировке. Тюремная охрана разбежалась, а Степана Бандеру выпустили из камеры освободившиеся заключенные-украинцы.

Оказавшись на свободе, Бандера прибыл во Львов. За несколько дней до этого город был занят Красной Армией. Поначалу находиться там было относительно безопасно. На

протяжении нескольких недель происходила разработка стратегии будущей борьбы. Продумывался план действий на случай массовых репрессий и депортаций советскими войсками населения Украины.

НКВД уже во время львовского процесса 1936 г. проявлял интерес к ОУН и самому Бандере. Ведь тогда Степан Андреевич заявил: «ОУН борется с большевизмом потому, что большевизм – это система, с помощью которой Москва поработила украинскую нацию, уничтожив украинскую государственность… Большевики применяют методы физического уничтожения – массовые расстрелы и голод, поэтому и мы в борьбе с ними применяем физические методы».

Теперь организации представилась реальная возможность показать, что она выступает против любых оккупантов Украины, чью бы форму они ни носили. После освобождения из польских тюрем большинства оуновцев началось формирование густой сети ОУН по всей Украине, налаживание широкомасштабной деятельности. Вскоре Бандера прибыл в Краков для согласования дальнейших планов. Требовалось также срочное лечение обострившейся в тюрьме болезни суставов. Пришлось нелегально переходить советско-немецкую демаркационную линию.

К тому времени в организации имелись внутренние конфликты: между молодыми и более опытными, между руководством, комфортно живущим в эмиграции, и основной массой членов ОУН, работавших в условиях подполья и полицейского преследования.

Лидер ОУН Евгений Коновалец, используя свой дипломатический и организационный талант, умел гасить противоречия. Гибель его в 1938 г. в Роттердаме стала тяжелой потерей для националистического движения. Преемником Коновальца стал его ближайший соратник, полковник Андрей Мельник – человек хорошо образованный, сдержанный и терпимый. Дальнейшие события приняли драматический оборот для украинского национально-освободительного движения.

После совещаний в Кракове и Вене Бандера был делегирован в Рим для переговоров с Мельником. Главное расхождение между Проводом ОУН и Краевой Экзекутивой было в стратегии национально-освободительной борьбы. Бандера и его единомышленники считали необходимым поддерживать контакты со всеми воюющими сторонами, не сближаясь ни с какой группировкой, рассчитывая только на собственные силы, поскольку в независимости Украины не был заинтересован никто. Фракция Мельника считала, что нужно делать ставку на Германию.

Не сумев договориться, каждая из двух группировок провозгласила себя единственным законным руководством ОУН. В дальнейшем антагонизм между ними достиг такого накала, что они нередко сражались друг против друга с таким же ожесточением, как и против врагов Украины.

Отношение немецкого руководства к ОУН было противоречивым. Пользуясь этим, бандеровцам удалось создать «Легион украинских националистов», состоявший из двух батальонов – «Нахтигаль» (соловей) и «Роланд». Немцы планировали использовать их в подрывных целях, а Бандера надеялся, что они станут ядром будущей украинской армии.

30 июня 1941 г., сразу же после отступления Советской армии, Национальное собрание во Львове провозгласило Акт восстановления Украинской Государственности. Было образовано украинское правительство в составе 15 министров во главе с Ярославом Стецко. Вслед за фронтом на восток были отправлены отряды ОУНовцев по 7-12 человек (всего около 2 тыс. человек), которые должны были формировать украинские органы самоуправления на захваченных немцами территориях.

Германия, однако, вовсе не была заинтересована в независимой Украине. Гитлер поручил Гиммлеру срочно ликвидировать «бандеровскую диверсию». Во Львов немедленно прибыла команда СД и спецгруппа гестапо. Стецко и Бандеру арестовали. Украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» были расформированы, их командиры арестованы.

Нацисты бросили в концлагеря и тюрьмы сотни украинских борцов за независимость. Начался массовый террор. В концлагере Освенцим были зверски замучены братья Степана Бандеры – Олекса и Василь. Несколькими месяцами ранее органами НКВД во Львове был арестован и позже расстрелян и отец – Андрей Бандера. Сестер Марту и Оксану отправили на вечное поселение в Красноярский край.

Бандера пробыл в лагере Заксенхаузен до конца 1944 г.

Осенью 1942 г. из партизанских отрядов бандеровцев, мельниковцев и «Полесской сечи» была сформирована Украинская повстанческая армия (УПА) во главе с Романом Шухевичем. УПА вела борьбу с советскими войсками, красными партизанами, польской армией и фашистами.

Почувствовав на своей шкуре силу УПА, немцы начали искать в ней союзника против Москвы. В декабре 1944 г. Бандера и несколько его сподвижников были освобождены. Ему так и не удалось попасть в Украину. Центральные органы ОУН разместили на западе Германии. На заседании совета руководства Степан Андреевич был избран руководителем Заграничной части ОУН.

На конференции 1947 г. Бандеру избрали руководителем всей Организации украинских националистов. К тому времени в Заграничных частях возникла оппозиция Бандере. Его упрекали в диктаторских замашках и неокоммунистической идеологии. После длительных дискуссий Бандера подал в отставку и собирался ехать в Украину. Однако отставка принята не была. Еще дважды – в 1953 и 1955 г. – конференции ОУН избирали его главой руководства.

После войны семья С. Бандеры оказалась в зоне советской оккупации. Под вымышленными именами его жена и двое детей скрывались от агентов КГБ. Часто семья недоедала, дети росли болезненными. С начала 1950-х гг. мать с детьми поселилась в маленьком селе Брайтбрун. Здесь Степан мог бывать чаще; несмотря на занятость, отец уделял время для занятий с детьми украинским языком. В 1954 г. семья переехала в Мюнхен, где уже жил Степан Андреевич.

В последние 15 лет жизни Степан Бандера опубликовал большое количество теоретических работ, в которых анализировалась политическая ситуация в мире, в СССР, в Украине, намечались пути дальнейшей борьбы. Эти статьи не утратили своего значения и в наше время. Так, в работе «Слово к украинским националистам-революционерам за границей» Бандера писал: «Самостоятельного государства украинский народ сумеет добиться путем борьбы и труда. Без активной борьбы самые благоприятные ситуации не дадут нам никогда государственной независимости – только замену одного порабощения другим. Как освобождение, так и защита самостоятельности Украины может в основе своей опираться только на собственные украинские силы, на собственную борьбу и постоянную готовность к самозащите».

15 октября 1959 г. Степан Бандера отпустил охрану и вошел в подъезд дома, в котором жил вместе с семьей. На лестнице его встретил молодой человек. Из специального пистолета он выстрелил в лицо Проводнику ОУН струей раствора цианистого калия. Произошла остановка сердца.

Это убийство было заключительным актом 15-летней охоты на лидера украинских националистов. Убийцей оказался агент КГБ, 30-летний украинец Богдан Сташинский. За выполненное задание шеф КГБ Шелепин вручил ему в Москве орден Красного Знамени.

Имя Степана Бандеры для многих его соотечественников на западноукраинских землях стало символом еще при жизни. Символом и знаменем борьбы за независимость и соборность Украины.

Бердяев Николай Александрович (род. в 1874 г. – ум. в 1948 г.)

Религиозный философ, публицист, автор сочинений: «Смысл творчества», «Философия свободного духа», «О назначении человека», «Судьба России», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Философия неравенства», «Самосознание» и др.

У себя на родине он был менее известен, чем на Западе. За границей его лучше прочитали и поняли просвещенные интеллектуалы, назвавшие Бердяева «русским Гегелем XX в.», «одним из универсальных людей нашей эпохи». Это был мыслитель, сумевший связать воедино дух культуры, историю двух систем – Востока и Запада – и сказавший о необходимости человеческой свободы больше, чем кто-либо из философов всего мира.

Бердяев происходил из древнего рода. Отец будущего философа, штаб-ротмистр в отставке, предводитель дворянства, председатель Киевского земельного банка Александр Михайлович Бердяев был женат на княжне Алине Сергеевне, урожденной Кудашевой, француженке по матери. Их первенец Сергей впоследствии стал известным поэтом-сатириком. А второй ребенок, Николай, родился на пятнадцать лет позже, 18 марта 1874 г.

Детство Николеньки было размеренным и счастливым.

Безмятежная жизнь в богатой дворянской усадьбе при любящей няне, забота родителей, поездки с ними на заграничные курорты создавали особую атмосферу, характерную для большинства дворянских семей. Получив домашнее образование, 14-летний Николай был отдан в престижное закрытое учебное заведение – Киевский кадетский корпус, по окончании которого поступил в Киевский университет, на естественный и юридический факультеты одновременно.

Начало учебы в университете совпало с возникновением в России марксистских кружков. Членом одного из них – Центрального кружка саморазвития – Бердяев стал в 1895 г. Его наставником был сам Плеханов, а будущий большевистский нарком просвещения Луначарский – товарищем по борьбе. Вскоре последовал первый арест Николая за участие в студенческих демонстрациях. Вторично его арестовали весной 1898 г. – за принадлежность к киевскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Исключенный из университета и выпущенный из тюрьмы под залог, Бердяев в ожидании приговора основное время посвящал публицистике. В этот период он написал первую серьезную статью о немецком социалисте Ф. Ланге и критической философии.

В основу своей оригинальной философской системы Бердяев положил свободу. Он считал, что «весь мировой процесс есть здание темы о свободе, есть трагедия, связанная с выполнением этой темы». Трагедия происходит от того, что бремя свободы не каждому по силам. Эти мысли прозвучали в его первой книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», которая, едва выйдя из печати, сразу же принесла доселе неизвестному литератору почти всероссийскую славу.

Правда, сам философ-революционер в этот момент уже находился под гласным надзором полиции в Вологодской губернии, куда был выслан на три года по приговору суда. Как отмечали филеры местного охранного отделения, летом 1901 г. они видели его катающимся на велосипеде, читающим книги в городском саду или в Публичной библиотеке, провожающим «барыньку лет 19, шикарно одетую, с которой Бердяев все время ходил под руку». По окончании ссылки Николай поселился в Петербурге и в 1904 г. женился на Лидии Трушевой, дочери известного петербургского адвоката, прожившей с ним долгие годы в любви и согласии. По его собственному признанию, «Лидия была человеком необыкновенной духовности, перед смертью она приблизилась к святости».

В целом 1900-е гг. были бурными в жизни Николая Александровича: редактирование журнала «Новое время», работа

в «Союзе освобождения», участие в петербургских религиозно-философских собраниях, литературных «средах» у Вяч. Иванова, где Бердяев был бессменным председателем. На этих «средах» собирался весь цвет русской литературы и философии Серебряного века – Ф. Сологуб, А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, Л. Шестов, С. Франк.

1909 г. ознаменовался выходом в свет сборника статей о русской интеллигенции «Вехи» – книги, так или иначе взбудоражившей всех мыслящих людей в России. Достаточно сказать, что в результате четырех переизданий тираж сборника достиг 16 тыс. экземпляров. Огромному по тем временам тиражу соответствовало беспрецедентное количество откликов в периодической печати (250 заметок за год). В опровержение основных мыслей сборника публиковались заметки, статьи и даже целые книги, в том числе и далеких от философии авторов, которые нещадно критиковали Бердяева, Булгакова и Франка.

Кстати, Бердяев был знаком с С. Булгаковым еще по Киевскому университету. Именно Сергей Николаевич ввел его в кружок М.А. Новоселова, где проходили жаркие дебаты на религиозные темы. Вместе с новыми друзьями Николай побывал в Зосимовой Пустыни, у почитаемых старцев Германа и Алексея. Эта поездка оказалась в какой-то мере решающей для философа. Он вспоминал позже: «Во всяком случае, мне было ясно, что я не принадлежу к людям, которые отдают свою волю духовному руководству старцев. Мой путь был иной и, может быть, более трудный… я не мог смирить своего свободолюбия».

В эти годы Бердяев был тесно связан с Религиозно-философским обществом в Москве, где делал доклады и выступал оппонентом других философов. В начале 1910-х гг. он на некоторое время отошел от дел, связанных с религиозной и издательской деятельностью, всецело посвятив себя книге, которая по праву считается одной из вершин философской мысли России. Вышедший в 1916 г. труд назывался «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». В нем автор утверждал, что человек является творением, созданным по образу и подобию Творца. И оправданием человеческой жизни, основным содержанием ее и путем к спасению является творчество: «Творчество… есть обнаружение избыточной любви человека к Богу, ответ человека на Божий зов, на Божье ожидание».

Занимаясь философскими размышлениями, Николай Александрович не оставался в стороне и от событий современности. За газетную статью в защиту монахов Афонского Свято-Пантелеймонова монастыря, обвиненных в ереси, его отдали под суд, и угроза вечного поселения в Сибири оставалась

реальной вплоть до отменившей все политические процессы революции.

Февраль и Октябрь 1917 г. Бердяев встретил в Москве: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное. Эта революция произошла со мной, хотя бы я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений». В первые послереволюционные годы философ вернулся к общественной деятельности. Осенью 1918 г. он организовал в Москве Вольную академию духовной культуры, где читали свои курсы А. Белый, Вяч. Иванов, С. Франк, устраивались семинары, публичные собрания с прениями. Сам Бердяев вел семинар по Достоевскому, читал курсы «Философской религии» и «Философии истории». На основе последнего курса он издал книгу «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы», которую наряду со «Смыслом творчества» ценил больше всего из написанного им в доэмигрантский период.

Деятельность Бердяева, ставшего заметной фигурой в большевистской столице, начала привлекать внимание новой власти. В 1920 г. он был арестован в связи с делом «Тактического центра», допрошен лично Ф. Дзержинским и освобожден без каких-либо последствий. В 1922 г. последовал второй арест, а в сентябре – высылка за пределы РСФСР по идеологическим причинам в составе 160 представителей интеллигенции, оппозиционно настроенных к новому строю.

Первым местом жительства семьи Бердяевых стал Берлин, а с лета 1924 г. они обосновались в рабочем предместье французской столицы – Кламаре, где сначала снимали квартиру, а потом переехали в собственный дом, полученный в наследство от друга семьи англичанки Флоренс Вест. Жили они скромно, по выражению Николая Александровича, «как в монастыре, никаких развлечений, визитов, поездок (кроме необходимого лечения)». В Париже Бердяев возобновил деятельность основанной им еще в Берлине религиозно-философской академии. С 1925 г. он издавал «орган русской религиозной мысли» – журнал «Путь». Постоянно участвовал в международных конгрессах и симпозиумах, организовывал встречи представителей католической, протестантской и православной религиозно-философской мысли.

1940-е гг. оказались для семьи Бердяевых чрезвычайно тяжелыми: война, немецкая оккупация, нехватка топлива и продуктов, болезни, серьезная операция, перенесенная Николаем Александровичем в 1942 г. Во время Второй мировой войны обострилось и его патриотическое чувство, заставившее однажды признать: «Я не националист, но русский патриот». Такая позиция

грозила арестом, но, как выяснилось после войны, кто-то из высшего германского командования считал себя знатоком и покровителем философии, и это спасло Бердяева от преследований гестапо.

Спустя несколько месяцев после окончания войны Бердяев пережил большое горе – в сентябре 1945 г. похоронил жену, которая на протяжении почти сорока лет была для него единственной любимой женщиной. Ее памяти посвящена одна из последних книг философа – «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого». В конце жизни он получил ученую степень доктора Кембриджского университета, был даже представлен к Нобелевской премии, но получить ее не успел. 23 марта 1948 г. Николай Александрович скончался.

Философское и литературное творчество Бердяева обширно. Его перу принадлежит более 450 работ. Но о чем бы ни писал философ, он всегда был верен главному направлению, которое определил для себя еще в юности: «Меня называют философом свободы… Свобода для меня первичное бытие. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ. В сущности, я всю жизнь пишу философию свободы, стараясь ее усовершенствовать и дополнить».

Блохин Олег Владимирович (род. в 1952 г.)

Выдающийся футболист и тренер, лучший форвард киевского «Динамо»; лучший футболист Европы (1975 г.). Бронзовый призер XX и XXI Олимпийских игр (1972, 1976 г.). Обладатель Кубка кубков (1975, 1986 г.) и Суперкубка Европы (1986 г.). Член символического «Клуба Г. Федотова» (317 голов). Автор книг «Футбол на всю жизнь», «Гол, который я не забил», «Право на гол», «Экзаменует футбол», «Жизнь без черновиков». Награжден орденом «За заслуги» III степени, православным орденом преподобного Нестора Летописца. Член Комитета по вопросам молодежной политики, физической культуры, спорта и туризма Верховной Рады Украины. Тренер национальной сборной Украины по футболу (2003 г.).

Мало найдется на свете людей, которые в состоянии притянуть к телевизионному экрану и женщин и мужчин и не вызывать при этом разногласий во мнении обеих сторон. Олег Блохин, звезда киевского «Динамо» 70-80-х гг. – один из таких чародеев. Для «слабого» пола он был просто обаятельным и сильным человеком, для «сильного» – почти единственной надеждой услышать от спортивного комментатора заветное слово: «Гол!!!». А сам Олег Владимирович говорит о многих годах напряженного труда, поражений и побед: «Футбол – мои радость

и горе. Футбол – моя жизнь, в которой я отстаиваю свое право на гол. И всякий раз гоню от себя мысль, что с этим рано или поздно надо расстаться…» Легендарный нападающий не расстается с футболом уже более 40 лет.

В семье Блохиных никогда не говорили: «не бегай, не прыгай, сиди тихо»; наоборот – поощряли к движению обоих сыновей, старшего Николая и младшего, родившегося 5 ноября 1952 г. Олега. Это не удивительно: ведь их мама Екатерина Захаровна была многократной чемпионкой УССР по спринту, 68 раз вносила поправки в рекорды Украины, а отец Владимир Иванович, хоть и не достиг небывалых высот, но тоже был прекрасным легкоатлетом и всерьез увлекался футболом. И время было такое, что мяч гоняли все мальчишки, мечтая когда-нибудь сравняться славой с известными мастерами. Олег тоже рос таким, и родители сумели уловить в нем, как ранее в старшем Николае (химик по призванию, он в студенческие годы получил разряд по легкой атлетике), спортивный характер. Мама за руку привела мальчика в футбольную секцию при факультете физического воспитания, и он целых две недели ходил на самые настоящие тренировки, пока тренер куда-то не пропал. Чтобы восторженный блеск в глазах Олега не угас, Владимир Иванович сам начал спускать с сына семь потов на обязательных утренних разминках – готовил к поступлению в школу «Юного динамовца».

15 сентября 1962 г. Олег Блохин, сдав вступительный экзамен – технические приемы и игру в мини-футбол, – заполнил учетную карточку и стал официальным членом общества «Динамо». Надо сказать, на экзамене том он ничем особенно не выделился. Невысокий для своего возраста, стеснительный и довольно хлипкий мальчик попал в команду А. Леонидова только благодаря необычайной скорости реакции. Его долгое время обзывали «папенькиным сынком» и «трусом» – за то, что его отец был лично знаком с тренером и что мальчик не ввязывался в драку с более сильными ребятами. Олег не обращал на задир внимания и только и знал, что тренироваться. Леонидов постоянно слышал его просьбы: «Разрешите остаться поработать у стеночки над техникой». Он мог подолгу отрабатывать удары, жонглировать мячом, а то, переборов себя, ринуться в силовую борьбу с противниками. Результаты не заставили себя ждать: голы, забитые во многих встречах, принесли первую путевку на международные соревнования. Поездка во Францию в Круа на европейский турнир юношеских команд в мае 1969 г. и занятое тогда третье место очень запомнились девятикласснику Олегу Блохину. Там же и выявился его бескорыстный характер: в то время как члены сборной метались по Парижу в поисках модных

свитеров и джинсов, юный нападающий все карманные деньги потратил на сувениры для одноклассников. Те знали его не только как прилежного ученика и верного друга, но и как человека, страстно влюбленного в футбол, – потому временами бывающего несдержанным, вспыльчивым, очень обидчивым, – но всегда добивающегося поставленной цели. Все эти черты у Блохина сохранились и по сей день.

По окончании школы Олег был уже игроком дублирующего состава «Динамо». Параллельно с постоянными сборами и тренировками он заочно учился в Киевском государственном институте физической культуры. В «дубле» Блохин пробыл три сезона. Конечно, он очень хотел попасть в основной состав, но сам понимал, что рано – многие футбольные элементы оказались не закреплены, – и Олег оттачивал технику под руководством заслуженного тренера Украины М. Комана, все время размышляя, кого же из непобедимых форвардов – А. Бышовца, А. Пузача, В. Онищенко или В. Хмельницкого – сможет сменить. В ноябре 1971 г. Блохин, уже полноправный игрок «Динамо», отстоял свое право быть членом сборной СССР на XX Олимпийских играх и летом 1972 г. вместе с командой стал бронзовым призером. Это было начало «эры Блохина», который вскоре стал наводить ужас на защитников и вратарей всего мира. Но не все в его взлете было так просто, как может представиться. Поначалу молодому нападающему казалось, что опытные партнеры мало и плохо взаимодействуют с ним, не принимают в командную игру. Он все время старался «захватить» мяч и создать голевую ситуацию, полагаясь только на свою высокую скорость. Но когда прошел страх оказаться ненужным, вся команда, включая и тренеров, поняла, что Блохин превзошел почти всех, и начала сама играть «на него».

Чтобы перечислить все победы и поражения Олега Блохина, потребовалось бы написать несколько книг (что и сделал в разные годы сам футболист). Ему принадлежат все личные рекорды в советском футболе: за сборную СССР он провел 112 матчей и забил 47 мячей, сыграл в чемпионатах СССР 432 раза и забил 211 голов. В пяти сезонах Олег возглавлял список бомбардиров первенства страны, 15 раз назывался в тройках лучших игроков сезона (причем 13 под первым номером), стал семикратным чемпионом СССР, в разное время трижды был капитаном своей команды, дважды входил в сборную команду Международной федерации футбола (ФИФА).

Олег Владимирович прослыл футболистом, определяющим командную игру. Он уверенно взаимодействовал со всеми партнерами, маневрировал по фронту атаки, решительно вступал

в борьбу при потере мяча, оказываясь организатором многих комбинаций. На протяжении почти двадцати лет Блохин сохранял прекрасную форму, отказывая себе во всех удовольствиях, и по праву считался универсальным форвардом. Никита Симонян считал, что Блохин имел бы на своем счету больше забитых мячей, играй он всегда на острие атаки. И когда однажды великий бомбардир сказал об этом Олегу, тот согласился, но одновременно возразил, что «обеднил бы свою игру».

Переезды, тренировки, игры за «Динамо» и сборную страны – каторжный труд, на личную жизнь времени практически не оставалось. Даже после женитьбы в 1980 г. на Ирине Дерюгиной жизнь прославленного футболиста лишь отдаленно напоминала семейную.

Прощание Блохина с киевским «Динамо» произошло в 1987 г. С началом перестройки многих спортсменов стали приглашать за рубеж. Уехал и Блохин. В течение года он выступал за австрийскую команду «Форвертс». Болельщики увидели последний матч своего кумира в Киеве 28 июня 1989 г.: играли сборная ветеранов СССР и сборная звезд мирового футбола.

И хотя Олег Владимирович считает, что «деньги можно потерять, любовь миллионов – никогда», финансовое положение спортивной семьи Блохина-Дерюгиной, в которой подрастала дочь, абсолютно не соответствовало уровню звездной пары. Легендарный форвард переехал на Кипр, чтобы обеспечить приличную жизнь своим «двум Иринам». Год он играл там за «Арис», но вскоре окончательно повесил бутсы на гвоздь и сам начал «учить забивать голы» других футболистов – стал тренером в Греции. На протяжении двух с половиной лет он возглавлял «Олимпиакос», следом за ним ПАОК и «Ионикос». И хотя в должность тренера, как и в западную жизнь, он пришел «сырым», но руководимые им команды быстро стали занимать неплохие позиции. В частности, «Ионикос» в турнирной таблице с последнего места поднялся на шестое и стал обладателем Кубка Греции.

Несколько лет Блохин разрывался между домом и работой, очень скучая по дочери, которая и так фактически росла без отца, постоянно находившегося в разъездах. В конце концов, по признанию Дерюгиной, брак превратился в «скучнейший телефонный роман» и распался. В 2000 г. Олег Владимирович женился во второй раз. Анжела Блохина младше мужа на 16 лет, и сейчас они растят двух маленьких девочек – Анну и Екатерину, названную в честь знаменитой бабушки, которая, мечтая о внуке, зовет сына «бракоделом». Трехлетнюю Анюту отец в шутку называет Бен Ладеном – уж слишком ярко проявился в дочери

шумный семейный характер – и говорит, что дочери заставляют его не опускать руки и «думать о том, что прожито не уже 50, а всего-то 50».

Но несмотря на семейное счастье, Олег Владимирович продолжает «жить в самолетах». Расставшись с тренерской должностью, он оставил семью в благополучной Греции, а сам вернулся на родину и уже на протяжении двух созывов является депутатом Верховной Рады и членом Комитета по вопросам молодежной политики, физической культуры, спорта и туризма в Украине. Но Блохин не любит засиживаться в кабинетах. Он активно участвует в благотворительных акциях, успешно сотрудничает в различных программах с Православной церковью, координирует работу созданного еще в 1994 г. благотворительного фонда им. Блохина, поддерживающего ветеранов спорта, и Кубка его же имени.

За общественными делами на любимый футбол времени у нападающего-тренера-политика практически не остается, его заменяют теннис и плавание. Но 27 сентября 2002 г., предваряя свой юбилей, Олег Владимирович преподнес сюрприз всем болельщикам и просто людям, не забывшим футболиста. Состоялся благотворительный матч, в котором участвовали его друзья как из команд бывшего СССР, так и из мировых сборных. За каждую команду он сыграл по тайму, по-прежнему показывая высший класс форварда.

Несколько раз Олег Владимирович вел переговоры с украинскими клубами, которые приглашали его работать тренером, но каждый раз что-то не складывалось, откуда-то брались слухи, что Блохин «дорого стоит». А сам титулованный нападающий считал бы себя просто счастливым, если бы представилась возможность тренировать киевское «Динамо» – сборную, к которой он прикипел всем сердцем. И у тех, кто стремится к цели, желания обязательно сбываются: с сентября 2003 г. Олег Владимирович назначен старшим тренером национальной сборной Украины по футболу.

Боровиковский Владимир Лукич
Настоящее имя – Боровик Владимир Лукич
(род. в 1757 г. – ум. в 1825 г.)

Выдающийся художник-сентименталист, мастер портретного жанра, иконописец. Академик живописи (1795 г.), советник Петербургской Академии художеств (1802 г.).

Утвердившаяся в начале XVIII в. светская живопись поставила на ведущее место среди других жанров парадный и интимный портрет. В ряду блестящих мастеров, развивших этот жанр (И. Никитин, А. Матвеев, И. Аргунов, А. Антропов, Ф. Рокотов, Д. Левицкий), не последнее место занимает талантливый и своеобразный художник В.Л. Боровиковский. Он внес в портретное искусство внимательное отношение к миру человеческих чувств и элегическое настроение, столь характерные для расцветающего сентиментализма.

Владимир родился 24 июля 1757 г. в городке Миргород на Полтавщине. Его отец, Лука Боровик, принадлежал к местной казачьей старшине, владел домом и двумя небольшими участками земли. Следуя традиции, четверо его сыновей служили в Миргородском полку. Но Владимир в чине поручика вышел в отставку и посвятил себя живописи. Отец, писавший иконы для

сельских церквей, обучил иконописи всех детей. В местной художественной артели Боровики слыли мастерами. Икона «Богоматерь с Христом» и образ «Царь Давид», выполненные в традиции украинского «казацкого» барокко, свидетельствуют, что 28-летний Владимир хорошо усвоил приемы религиозной живописи. А на первом своем полуремесленном портрете «Полковник Руденко», напоминающем старинную парсуну, он запечатлел коренастого казака в кафтане со старательно выписанным лицом. По этой работе никак нельзя было угадать, что Боровик буквально через несколько лет получит признание как выдающийся художник-портретист.

Судьбу Владимира Лукича в корне изменили две аллегории, выполненные для украшения кременчугского дворца. К этой работе его привлек друг, поэт В.В. Капнист, сосланный за смелые произведения из Петербурга на родную Украину. Будучи предводителем дворянства Миргородского уезда, а затем Киевской губернии, он составлял проекты «потемкинских деревень» для торжественных встреч Екатерины П. Картины Боровика понравились императрице и польстили ее самолюбию. На одной из них она была представлена Минервой, окруженной мудрецами Древней Греции, а на другой были изображены Петр I в облике землепашца, а сама Екатерина II – сеятельницей. Царская похвала открыла Владимиру дорогу в Петербург, куда он и отправился вместе с Капнистом в сентябре 1788 г.

В Академию художеств 30-летний начинающий живописец поступить не мог, хотя и придал своей простонародной фамилии дворянское звучание. Он брал частные уроки у прославленного земляка Д.Г. Левицкого и австрийского портретиста И.Б. Лампи. От учителей Боровиковский перенял блестящую технику, легкость письма, композиционное мастерство и умение польстить портретируемому. В кружке известного архитектора, поэта и музыканта Н.А. Львова, в доме которого он прожил десять лет, Боровиковский оказался среди видных деятелей художественной России: Державина, Баженова, Хемницера, Хераскова. В первые годы пребывания в Петербурге Владимир Лукич в основном продолжал заниматься иконописью. Он создал 37 икон для Борисоглебского собора в Торжке и восемь – для Иосифского собора в Могилеве.

Постепенно художник проникся идеями символизма. Это новое течение было созвучно его спокойной, элегически настроенной натуре. На простой образ жизни Владимира Лукича не повлияли ни слава, ни деньги, он был всецело поглощен искусством, и его быстро растущее мастерство оценили заказчики. К 1790 г. он стал одним из самых знаменитых

художников-портретистов, в 1795 г. получил звание академика, а семь лет спустя стал советником Академии художеств.

Блестящими образцами виртуозного владения кистью и всеми средствами парадного изображения в творчестве Боровиковского стали портреты Г.Р. Державина (1795 г., 1811 г.). На них художник запечатлел энергичного державного мужа, сенатора, члена Российской Академии и прославленного поэта – человека, увлеченного общественными делами, просветительскими идеалами и творчеством. Живописец писал великого сына России с предельным уважением и с дружеским расположением. Парадные портреты Д.П. Трощинского (между 1793-1796 гг.; 1819 г.) словно служат наглядными иллюстрациями к словам современников о том, что статс-секретарь императрицы всегда «казался старее» своего возраста и «имел вид несколько угрюмый, друзьям был друг, а врагам – враг». Судьба человека, служившего писарем в Миргородском полку и ставшего министром и членом Государственного совета, его нелегкий характер, угрюмая настойчивость и гордое сознание крупного чиновника, добившегося высокого положения своим умом и волей, ярко читается в созданных образах. Но напряженно-торжественная поза второго портрета и прекрасно написанное лицо не скрывают разочарования в жизни и обиды. Возможно, эти черты Боровиковский сумел подметить только благодаря многолетнему знакомству и дружбе со своим земляком Трощинским, который на протяжении многих лет был меценатом художника.

В «Портрете Ф.А. Боровского» (1799 г.) живописец представил еще бравого генерал-майора в парадной форме со всеми регалиями. Но ни решительный поворот головы, ни заслуженные награды, ни храбрость, написанная на лице, не скрывают от зрителя недалекий ум и ограниченность героя суворовских времен. А вот психологический образ опального персидского властителя Муртазы-Кули-Хана (1796 г.), привыкшего скрывать свои чувства, художник словно и не пытался раскрыть, поставив перед собой чисто живописные задачи. Только сочетание грусти и напыщенности оживляет его экзотический облик. Красочность и изысканность цветовой гаммы придают величавой позе принца торжественность и монументальность. А роскошное восточное одеяние – атлас, сафьян, меха и драгоценности – превращает портрет Муртазы-Кули-Хана в один из лучших образцов парадного портрета в русском искусстве.

Исполняя заказной портрет А.Б. Куракина – ближайшего сподвижника императора Павла I, Боровиковский вспомнил слова своего учителя Д. Левицкого: «Нам приходиться портретировать

не только тех, кого мы уважаем, кто пришелся нам по сердцу. Вот вам мой совет: обращайтесь к принципу натюрморта. Предметы многое могут поведать о тех, кому они принадлежат…» И художник виртуозно и блестяще превращает образ вельможи в сверкающий драгоценностями и атрибутами власти и званий «натюрморт».

Наряду с портретами знатных дворян Боровиковский исполнял и многочисленные заказы царской семьи. Среди лучших – «Портрет Павла I» (1800 г.), картина-портрет «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке» (середина 1790-х гг.) и портрет великого князя Константина Павловича, за который он удостоился звания академика.

И именно тогда, когда его творчество было полной мерой оценено двором, 37-летний художник, вместо того чтобы сосредоточиться на парадных изображениях, увлекся портретной миниатюрой. Как наиболее гармонический жанр, она давала возможность передать чувства. Именно в ней, по мнению Боровиковского, воплощалось само понятие любви и памяти – основа основ всякого искусства. Особым лиризмом и интимностью пронизан «Портрет В.В. Капниста». На небольших овальных парных портретах запечатлены Державин со своей первой женой, дворовые девушки Львова – Лизонька и Дашенька – и чета Львовых. Тонко выписанные миниатюры сохраняли все черты портретируемых до мельчайших деталей.

Но вершинами искусства Боровиковского стали женские камерные портреты, в которые он вложил всю свою нерастраченную нежность. Художник словно любуется юностью, воспевает красоту и создает для сентиментально-печальных образов особую манеру письма: мягкие переливы приглушенных тонов, живописную гладкость, «фарфоровость», перламутровость. В незабываемых женских портретах, написанных в 1790-1800 гг., воплотилась гармония мягкой и лиричной натуры самого художника (портреты Филипповой, Скобеевой, Арсеньевой). Сентиментален и лиричен сдвоенный портрет сестер Гагариных, объединенных общим настроением «нежной мечтательности» и любовью к музыке. Изящные позы, живые глаза, нежные овалы юных лиц, тонкие переливы серебристо-серых, фиолетово-розовых и голубых тонов, приветливая природа – все говорит о том, что эти славные девушки могут жить только в мире, полном искренности, незлобивости и доброты.

Для прекрасных женских образов Боровиковский создал определенный стиль портрета: поясное изображение, погруженная в задумчивость фигура, опирающаяся рукой на какую-либо подставку, а фоном для томного изгиба тела в легких

светлых, словно невесомых одеждах служит тихий пейзаж. Совершенная гармония красок и образов. Но как индивидуальны черты его героинь и как дивно хороша каждая! А изысканно-изящный портрет Марии Ивановны Лопухиной (1797 г.) вызвал даже поэтический отклик. Я. Полонский сентиментально грустит о быстротечности жизни, любви и счастья и склоняется перед мастерством художника, сумевшего навечно воплотить на полотне свою мечту о красоте и гармонии человека, подернув легкой печалью привлекательный образ.

Но красоту ее Боровиковский спас,
Так часть души ее от нас не улетела,
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать.

Никого не оставляет равнодушным будто высеченное из мрамора лицо, точеная шея и «этот взгляд», полный «привлекательной печали». Нежная трепетная девушка тихо грустит на фоне светлых берез в голубоватой мгле. Размытые контуры, плавные линии, тончайшие нюансы цвета, перламутровые переливы светотеней создают полный лирического очарования облик Лопухиной – высочайший образец сентиментализма в искусстве.

К 1810 г. в творчестве Боровиковского наметился поворот к романтическому направлению («Портрет М.Н. Долгорукой»). Но в душе одинокого художника давно поселились усталость и равнодушие. Он тосковал о родине, с радостью открывал свой дом приехавшим в Петербург землякам и оказывал им посильную помощь. Замкнутый, не любящий шума и суеты, Боровиковский не преподавал в Академии и не создал своей живописной школы. Хотя известно, что у него всегда жили трое-пятеро учеников. В одном из писем родным на Украину он писал, что вся семья его – это кухарка и ученики. Кисти одного из них, И.В. Бугаевского-Благодарного, принадлежит портрет Владимира Лукича, а А.Г. Венецианов, будущий «отец бытовой живописи», написал первую биографию своего учителя.

Владимиру Лукичу грустно жилось в разрыве между своими мечтами, воображением и поистине грустной действительностью. Удачливый художник постоянно находился в духовном и интеллектуальном поиске. Он мучился от несправедливости, которую наблюдал в обществе. Певец красоты обрек себя на добровольное отшельничество, которое приняло с годами болезненный характер. Всегда склонный к религиозности, он

вновь обратился к иконописи. Владимир Лукич писал образа для иконостасов церкви Смоленского кладбища и Казанского собора, иконы для Покровской церкви в Романовке (Черниговская губ.). Он часто работал безвозмездно, а почти все деньги, что получал от заказчиков, и весь пенсион от Академии отдавал бедным.

Философско-религиозные искания привели Боровиковского сначала в масонскую ложу «Умирающий сфинкс». А в 1819 г., поддавшись мистицизму и сектантству, он вступил в «Духовный союз» Е.Ф. Татариновой. Но и здесь его ждало горькое разочарование – отсутствие искренности, показуха, негласное стремление к власти. Редкие заказные портреты того времени исполнены сухо и прозаически жестко, их краски поблекли. Словно что-то надломилось в человеке: веру он стал соединять с выпивками и покаяниями. Только отцовские гусли, под тихий перебор которых художник пел украинские песни, иногда оживляли его. 6 апреля 1825 г. В.Л. Боровиковский скончался и был похоронен на Смоленском кладбище, для церкви которого так и не успел написать все задуманные образа. Ушел из жизни тончайший поэт сентиментального образа женщины, но величайшие образцы его мастерства открыли дорогу для творческих достижений художников романтизма.

Бубка Сергей Назарович (род в 1963 г.)

Выдающийся спортсмен-легкоатлет, заслуженный мастер спорта, чемпион Олимпийских игр, победитель пяти чемпионатов мира. 35-кратный рекордсмен мира. Герой Украины. Член Исполкома Международного Олимпийского комитета. Бизнесмен, основатель и президент «Клуба Сергея Бубки» (г. Донецк), народный депутат Украины 4-го созыва.

Каждый рекорд – это событие. Но иногда случаются рекорды, которые становятся событиями эпохальными, открывающими новый этап в развитии спорта. Такое событие произошло 13 июля 1985 г. на небольшом стадионе в Париже. Наутро о нем заговорил весь спортивный мир.

На первых полосах крупнейших газет появились броские заголовки и многочисленные фотографии виновника «спортивной сенсации года» – Сергея Бубки, который, преодолев планку на высоте 6 м, установил мировой рекорд в прыжках с шестом. По выражению одной из газет, Сергей Бубка совершил «прыжок в XXI век». И хотя после этого он установил новые рекорды, его первый 6-метровый прыжок открыл новую эру в этом виде легкой атлетики.

Выдающийся спортсмен современности (по определению Х. А. Самаранча) появился на свет 4 декабря 1963 г. в провинциальном

Ворошиловграде (теперь Луганск). Семья Бубки не имела никакого отношения к спорту. Отец его Назар Васильевич – военнослужащий, прапорщик, отдал армии всю жизнь. Мама Валентина Михайловна – сестра-хозяйка в одной из городских поликлиник. Жили они очень скромно, впятером в маленьком двухкомнатном домике бабушки на рабочей окраине города. Сергея и его старшего брата Василия к труду приучали сызмальства. В доме у детей были свои постоянные обязанности, которые они выполняли всегда вместе. Развлечения были нехитрые – футбольные баталии на пустыре да состязания в силе и ловкости на спортплощадке военного городка. «Как две половинки от разных яблок», – шутила мама. Действительно, по характеру братья были абсолютно разные: Василий – спокойный и уравновешенный, а Сергей – из тех, кого называют бедовым.

Первое знакомство с «цивилизованным» спортом состоялось в бассейне, когда Сережа пришел записываться в секцию плавания. Но монотонные тренировки в ограниченном пространстве не увлекли мальчика. Потом была секция спортивной гимнастики, но и там не раскрыли его таланта. Ну а в прыжковом секторе Бубка оказался благодаря своему другу Сергею Малахову, который взахлеб во дворе рассказывал, что с помощью шеста он намерен научиться прыгать «метров на пять, а то и повыше».

Осенью 1974 г. состоялась первая встреча Сергея с молодым тренером Виталием Афанасьевичем Петровым, который еще не подозревал, что приведет худого, нескладного мальчишку к выдающимся достижениям.

На тренировках Сережа показывал стандартный для своего возраста уровень, поэтому тренер со специализацией не спешил, делая упор на многоборную подготовку легкоатлета. Но упорный труд, а также природные физические данные помогли через пару лет добиться первых результатов. Как ни странно, в прыжках в длину. В 12-летнем возрасте Бубка был чемпионом области среди сверстников в этом виде спорта.

Василий тоже незаметно для себя увлекся прыжками и стал посещать тренировки. Очень скоро он стал показывать лучшие в группе результаты. Видимо, трудолюбие и упорство – их семейная черта. До конца спортивной карьеры Сергей и Василий выступали на соревнованиях вместе. И хотя старший брат менее известен широкой публике, на его счету много призовых мест как в чемпионатах СССР, так и в чемпионатах Европы и мира.

Даже их спортивные успехи начались одновременно. В 1978 г. Василий сдал нормативы мастера спорта, а Сергей занял четвертое место на Всесоюзной спартакиаде школьников в Ташкенте, соревнуясь с ребятами на два-три года старше. Это

была своеобразная тренерская хитрость. Бубка постоянно должен был к кому-то подтягиваться и кого-то догонять, чтобы не стоять на месте.

В 1979 г. в жизни братьев наступил перелом. Вслед за тренером они переехали в Донецк, где была солидная база для подготовки шестовиков. Постепенно мальчики привыкли к самостоятельности: жили в общежитии, заботились о себе сами. На первых порах с деньгами было туго, приходилось экономить. Сергей поражал новых одноклассников тем, что, как запасливая домохозяйка, покупал в школьной столовой дюжину пакетов молока. Но когда ребята узнали об особенностях быта братьев, удивляться перестали.

График тренировок был очень плотным, уроки юный атлет учил прямо в трамвае, по пути из школы в спортзал и обратно. Несмотря на это, школу Сергей окончил без троек, а учителя были уверены, что такой голове место не в спорте. Но Бубка понимал, что профессором стать никогда не поздно, а пока он был подающим надежды шестовиком.

В 1980 г. Сергей стал чемпионом страны среди юношей, выполнив норматив мастера спорта – 5 м 10 см. После еще нескольких успешных стартов наставники молодежной сборной СССР включили Бубку в команду для поездки на турнир легкоатлетов социалистических стран, проводившийся на Кубе. Так начался опыт международных соревнований знаменитого легкоатлета. Не всегда они были успешными, как, например, чемпионат Европы среди юниоров в Цюрихе, где Сергей занял лишь 7-е место из-за проблем с шестом. Страшно представить, но спортивные функционеры собирались поставить на нем крест, да тренер отстоял.

Самолюбие не позволяло Бубке сдаваться. Выполнив норматив мастера спорта международного класса и заняв второе место на взрослом чемпионате страны, он был зачислен в сборную СССР. После нескольких проверочных стартов в Ленинграде и Таллинне, где был установлен личный рекорд – 5 м 72 см, – его ждал чемпионат мира в Хельсинки. Это был первый в истории чемпионат мира по легкой атлетике, и соперники на нем оказались все как на подбор опытные и титулованные – Т. Виньерон, Б. Олсон, Д. Бэкинхэм, К. Волков и В. Поляков. Никто из руководства сборной даже не рассчитывал, что Бубка возьмет медаль, на соревнования посылали «обстреляться». Но звездный час для спортсмена уже наступил, и первое золото мира 1983 г. заблестело на его груди.

Несмотря на это, еще целый год Бубка вынужден был доказывать, что награду свою он заслужил. Шаг за шагом Сергей

приближался к покорению мирового рекорда – 5 м 83 см. Наконец в США, во время участия в «Играх под крышей» – серии турниров, организованных Американским Атлетическим конгрессом, – ему это удалось. Три победы из четырех возможных, высшее мировое достижение для залов, звание лучшего зарубежного спортсмена зимнего легкоатлетического сезона Америки – с такими итогами возвращался домой молодой шестовик. «Лос-Анджелес таймс» писала: «Бубка – феноменальный прыгун, просто непостижимый. Он представитель нового будущего поколения шестовиков. Он заставляет нас пересмотреть устоявшиеся представления о самих возможностях человека. Если кому-то и посчастливится покорить в ближайшем будущем 6-метровую высоту, то Бубка – претендент номер один».

Естественно, что после успешной зимы 1984 г. Бубка видел перед собой только одну цель – Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. Однако из-за нелепого бойкота Советским Союзом Олимпиады 1984 г. в копилке у Сергея только одна олимпийская медаль – золото Игр в Сеуле 1988 г.

А тогда свой первый мировой рекорд спортсмен установил в Братиславе – 5 м 85 см. Спустя неделю в Париже уже было 5 м 88 см. Третий мировой рекорд за один месяц в исполнении Бубки увидел Лондон 13 июля – 5 м 90 см. Когда Сергей попросил установить планку на 6 м, оказалось, что стойки стадиона «Кристал Пэлес» на такую высоту просто не рассчитаны. Тогда никто не предполагал, что покорится отметка «600» ему ровно через год в Париже.

Серия выдающихся рекордов объяснялась достаточно просто – легкоатлета, словно на крыльях, несло высокое чувство. Его избранницей стала Лилия Тютюник – мастер спорта по художественной гимнастике, с которой Сергей познакомился в Донецке на стадионе «Локомотив», где находилась их тренировочная база. Сыграли веселую свадьбу, а уже в июле 1985 г., за несколько дней до установления главного рекорда, у них родился сын. Назвали его в честь уважаемого тренера – Виталием.

1985 год оказался нелегким. Слишком раннее начало сезона и простуда привели к спаду формы. Но уже к очередному турниру серии «Гран-при», по итогам которого определяется лучший легкоатлет года, Бубка сумел восстановиться и мог уверенно штурмовать 6-метровую высоту.

В тот день в Париже он соревновался скорее с собой, чем с соперниками. Самые достойные из них сошли с дистанции на отметке 5 м 80 см. С третьей попытки прежде недоступная высота была взята. Еще долгое время никто из спортсменов-шестовиков не мог превзойти или хотя бы повторить этот результат. А Бубка

не стал долго почивать на лаврах. Через год на Играх доброй воли в Москве он добавил к мировому рекорду еще сантиметр.

Этому предшествовала серьезная психологическая подготовка. С легкоатлетом работал известный практикующий психолог Рудольф Загайнов (его имя связывают с победами А. Карпова, Г. Каспарова, Б. Беккера, П. Буре и др.). Именно он перед важнейшими стартами настраивал Бубку на победу. Поэтому шестовик практически не ездил на командные сборы, а в секторе перед выходом ни с кем не разговаривал и даже не здоровался, чтобы не «расплескать» настрой. Другие же спортсмены воспринимали это как высокомерие, о чем регулярно писали спортивные газеты.

За одиннадцать лет Бубка поднял свой личный рекорд на 43 см, а мировой рекорд – на 32 см, доведя его до фантастической отметки 6 м 15 см. Результат остается непревзойденным по сей день. Бубка единственный спортсмен, побеждавший на пяти чемпионатах (с 1985 по 1995 г.). Бывали у него и серьезные спады, которые он все-таки преодолевал. Сам Бубка утверждает, что его феномен в колоссальном упорстве и трудолюбии, а секрет побед – в трех составляющих: сила, скорость, техника.

Как профессионал, он все привык планировать наперед. Поэтому, уйдя из большого спорта после неудачной для него Олимпиады в Сиднее, он не почувствовал проблем с переквалификацией, как многие спортсмены. С начала 1990-х гг. Бубка и его семья постоянно проживали в Монте-Карло. Там размещается главный офис его фирмы по производству и продаже сухих дрожжей и пищевых добавок, улучшающих вкус хлеба. В 2000 г. в Донецке был открыт завод хлебобулочных изделий, и каждый теперь может попробовать «бубкинский хлеб». Выбор такого бизнеса не случаен. Ведь главный принцип Сергея Назаровича – «всегда быть полезным людям и родной стране». Ту же цель он преследовал, создавая «Клуб Сергея Бубки» в Донецке в 1990 г. Эта организация является постоянным опекуном многих детских спортивных школ и учредителем международного турнира «Звезды шеста».

Опыт и профессионализм Бубки все еще нужны спорту. С 1999 г. он функционер Исполкома МОК, член Совета Международной легкоатлетической федерации (ИААФ). И эти аспекты личности Сергея не менее интересны, чем его спортивная карьера.

Занимая активную гражданскую позицию и будучи широко известной в мире личностью, Сергей Назарович справедливо рассудил, что может принести больше пользы Украине, действуя как представитель высшего органа власти – парламента. Поэтому

с 2002 г. он еще и народный депутат, занимает центристскую позицию и является активным членом фракции «Регионы Украины».

Замечательно то, что страна отметила своего героя еще при жизни. Феноменальный легкоатлет в 2001 г. был удостоен звания «Герой Украины». А теперь можно увидеть и бронзового Бубку – у входа на стадион «Локомотив» в Донецке. Кроме него такой чести удостоились всего три спортсмена в мире.

Булгаков Михаил Афанасьевич (род. в 1891 г. – ум. в 1940 г.)

«Русский советский писатель», как его характеризовали справочные издания, родился и вырос в Киеве. Любовь к родной земле он пронес через все свое творчество, которое один из литературоведов назвал «киевоцентричным».

Творчество Михаила Булгакова стало известно широкому читателю с середины 60-х гг. минувшего столетия. До этого времени произведения писателя знал лишь узкий круг друзей, а пьесы, шедшие с успехом на московских сценах еще в 1930-е гг., помнили разве что старожилы да специалисты-театроведы. Что ж, судьба этого талантливого писателя оказалась типичной для времени, в котором ему довелось жить.

Родился будущий писатель и драматург 15 мая 1891 г. в семье доцента Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и преподавательницы женской гимназии Варвары Михайловны Покровской. Вслед за первенцем Мишей появились на свет погодки Вера и Надежда, за ними Варвара, Николай, Иван, Елена, у которых разница в возрасте составляла полтора-два года. Глава семейства преподавал историю религии, но старался дать детям хорошее светское образование. Их воспитанием занималась прежде всего мать, которую Михаил называл «светлой королевой». В доме свободно говорили по-

французски, следили за культурной жизнью, учились музыке, имели серьезные увлечения. Отец, например, был страстным садоводом и очень любил цветы. Миша довольно рано проявил литературное дарование (первый рассказ он вынес на семейный суд в семь лет), был хорошим рассказчиком, играл на рояле, рисовал. А еще увлекался энтомологией и коллекционировал бабочек настолько грамотно, что его коллекция в 1919 г. была передана в Киевский университет. Кроме того, мальчик мечтал о путешествиях в дальние страны и собирал географические карты.

Особого достатка в доме не было, но в нем всегда царила атмосфера любви. Быстро растущая семья часто переезжала и меняла адреса. В разное время Булгаковы жили на улицах Госпитальной, Ильинской, Прозоровской, в Дионисьевском переулке, на Андреевском спуске. Особенно теплые воспоминания сохранил писатель о квартире на Андреевском, 13, где он жил с 1906 по 1913 г., а вылетев из гнезда, по возможности его навещал.

И где бы ни находился впоследствии писатель, он безмерно тосковал по земле своего детства, в творчестве постоянно устремлялся в родной Город (да, он писал это слово с большой буквы) – к Днепру, панораме Подола, Владимирской горке, церквам и памятникам старины. Все его произведения содержат россыпи киевских картинок, образов и впечатлений, если даже и нет указаний на это. А уж тем более в очерке «Киев-город» или «Записках юного врача». Та самая квартира на Андреевском спуске «перекочевала» со всеми деталями в «Белую гвардию», и фамилия Турбиных не случайна – ее носил один из прадедов Булгакова. Даже прожив несколько лет в Москве, Михаил Афанасьевич писал: «Сердце щемит, хочется иногда мучительно в поезд… и туда. Опять увидеть обрывы, занесенные снегом, Днепр… Нет красивее города на свете, чем Киев».

Но вернемся к хронологическому повествованию. Дети Булгаковых получали начальное образование дома, а продолжили учебу в 1-й Александровской гимназии. Миша проучился в ней восемь лет, а затем совершенно осознанно избрал медицинский факультет Киевского университета Св. Владимира. Дело в том, что трое братьев матери были врачами. Через семь лет и Михаил получил специальность «лекаря с отличием».

Еще будучи студентом, М. Булгаков обвенчался 26 апреля 1913 г. с дочерью крупного чиновника Татьяной Николаевной Лаппой (он называл ее Тасей). Но через год началась Первая мировая война, и Михаил как будущий медик стал работать в госпиталях, по окончании университета добровольцем ушел на фронт и прошел там хорошую хирургическую практику. Тася

следовала за ним и тоже работала – сестрой милосердия. Весть о революции застала их в Вяземской земской больнице. Весной 1918 г. они уехали домой. К этому времени сгорела бучанская дача Булгаковых, где так недавно беззаботно отдыхала многочисленная родня и ставились Мишины пьески и интермедии. Михаил не имел никаких вестей от братьев (они обнаружились позже в Париже, где и остались жить). Каждая новая власть объявляла свою мобилизацию, в том числе и медиков. Так, по приказу деникинцев М. Булгаков отправился на Северный Кавказ, где уже шла гражданская война.

В одной из автобиографий Михаил Афанасьевич вспомнит, что именно тогда, в 1919 г., «едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ», а потом опубликовал его в газете «Грозный». В начале 1920 г. во Владиказказе Булгаков перенес тяжелый тиф, а когда поправился, госпиталь расформировали, а сам доктор оказался не у дел. Татьяна Николаевна рассказывала, как они тогда недоедали. И Михаил Афанасьевич решил заняться литературным трудом: сотрудничал в открывшемся во Владикавказе русском театре, где зарплаты не давали, но подбрасывали кое-что из продуктов, и писал в русскоязычные газеты. Два года прошли в активном поиске. Первые пробы пера оказались удачными: пьесы начинающего драматурга «Глиняные женихи», «Самооборона», «Парижские коммунары» были отмечены, а последнюю Главрепертком даже рекомендовал к постановке в московских театрах. Булгакову стало ясно, что это его путь.

В 1921 г., погостив несколько дней на родине, супруги уехали в Москву. Оттуда Михаил Афанасьевич уже через полтора месяца напишет: «Путь поисков труда и специальность, намеченные мной еще в Киеве, оказались совершенно правильными». Не поколебали эту уверенность и трудности – не было ни денег, ни вещей, ни жилья, ни работы. Первую квартиру Булгаковы получили после того, как обратились за помощью к Н.К. Крупской. Это была комната на Садовой, 10, куда в «Мастере и Маргарите» Булгаков поселит своих героев.

Окунувшись в литературную жизнь столицы, М. Булгаков работал сначала секретарем литотдела Главполитпросвета, а затем устроился фельетонистом в газету «Гудок», где подобралась на диво талантливая братия: Олеша, Катаев, Ильф, Петров, Паустовский. Писал он еще для берлинской русской газеты «Накануне». В приложении к ней, а также в журнале «Рупор» увидели свет «Дьяволиада», «Записки на манжетах», «Похождения Чичикова», «Сорок сороков», «Роковые яйца», «Путевые заметки»,

«Багряный остров» и другие. Всего за год Булгаков написал роман «Белая гвардия» о событиях гражданской войны на юге страны; в журнале «Россия» вышли первые 13 глав, но полностью вещь была напечатана только в 1966 г. «Роман этот я люблю больше всех моих вещей», – признавался Булгаков. На его основе он вскоре создал пьесу «Дни Турбиных», которую принял к постановке Московский художественный театр.

Весной 1924 г., когда заканчивалась работа над «Белой гвардией», Булгаков расстался с женой. В их отношениях многое изменилось: один из знакомых увидел Татьяну Николаевну «молчаливой и печальной женщиной», а Михаил Афанасьевич переживал взлетную пору. Он был «стройный, широкоплечий, выше среднего роста. Светлые волосы зачесаны назад, высокий лоб, серо-голубые глаза, хорошее, мужественное, выразительное лицо, привлекающее внимание». Так описывала его одна из современниц. Место Таси заняла недавно вернувшаяся из эмиграции Любовь Евгеньевна Белозерская, которой влюбленный автор посвятил «Белую гвардию». Она была яркой индивидуальностью, талантливой, высокообразованной и уверенной в себе, знала несколько иностранных языков, переводила для Булгакова материалы о Мольере, записывала под его диктовку и редактировала. За годы их брака были созданы «Дни Турбиных», «Багряный остров», «Зойкина квартира», многие страницы пьес «Кабала святош», «Адам и Ева», а также первая редакция книги «Мастер и Маргарита», в героине которой нельзя было не увидеть черт Белозерской.

Начиная с октября 1926 г. «Турбины» триумфально шли на сцене МХАТа и выдержали 250 представлений. «Багряный остров» поставил А. Таиров в Камерном театре. «Зойкину квартиру» увидели москвичи и киевляне. М. Волошин, а также В. Вересаев сравнивали блестящее начало творческой биографии Булгакова с Львом Толстым. Однако такой мощный прорыв в литературу в официальных кругах вызвал сначала выжидательную, а затем негативную реакцию: резко критиковалась повесть «Роковые яйца», а по поводу «Собачьего сердца» Главлит дал заключение: «Вещь в целом недопустима». Отношение к Булгакову резко изменилось и превратилось в настоящую травлю, его стали обвинять в сочувствии белым, в контрреволюции, а сторонники писателя получили ярлык «подбулгачники». Новую пьесу «Бег», завершавшую тему гражданской войны и в образе Хлудова воплощавшую крах белогвардейского движения, затормозили на стадии репетиций и не допустили к постановке. Спектакль «Мольер» («Кабала святош») после пятилетней работы над ним и всего лишь семи представлений исчез с афиш. В общем,

спектакли снимались Главреперткомом, а новые произведения никто не решался печатать. Хотя за пределами СССР – в Англии, Франции, США – работы Булгакова имели успех. Но автора туда не выпускали. В сентябре 1926 г. его впервые вызвали на допрос в ОГПУ. Позже на квартире писателя произвели обыск и изъяли дневниковые записи и повесть «Собачье сердце». Документы, хранившиеся до недавнего времени под грифами секретности, свидетельствуют о том, что Булгаковым и его творчеством занимались плотно. Вот один из них, датированный 29 января 1929 г.: «В Политбюро ЦК ВКП(б). Тов. Сталину. По вопросу о пьесе Булгакова "Бег" сообщаю, что члены комиссии ознакомились с ее содержанием и признали политически нецелесообразной постановку этой пьесы в театре. К. Ворошилов».

Лишенный работы и средств к существованию, ранее гордый и сильный человек вне творчества существовать не мог, в дни отчаяния он носил в кармане пистолет и готов был покончить с собой. Семейная жизнь тоже дала трещину, у Булгакова появилась иная сердечная привязанность – Елена Сергеевна Шиловская, жена видного военачальника, восторгавшаяся творчеством писателя. Жена знала об этом увлечении, но, полагая, что оно скоро пройдет, не обостряла отношений. Характер у Булгакова был нелегкий, он не подчинялся внешнему влиянию и важные решения принимал сам. Вот и теперь, несмотря на то что у Шиловской было двое маленьких детей, их отношения, длившиеся в течение трех лет, завершились браком. В октябре 1932 г. Елена Сергеевна с младшим сыном переехала к Булгакову. Кстати, для обоих это был третий брак. К этому времени тучи над головой писателя разошлись, но пережить весь кошмар происходившего в предыдущие три года Михаилу Афанасьевичу помогли обе любящие женщины – и жена, и «тайный друг» Шиловская.

Тупик, в котором тогда оказался опальный писатель, заставил совершить безумный шаг – обратиться лично к Сталину и, объяснив весь ужас своего положения, попросить «об изгнании за пределы страны». Письмо было отправлено 28 марта 1930 г., а 18 апреля в квартире Михаила Афанасьевича раздался громом телефонный звонок – вождь сам пожелал говорить с ним. После этого гнев был сменен на милость: Булгаков получил работу режиссера во МХАТе. Трудно сказать с уверенностью, что повлияло на ход событий. Многие считали, что определенную роль сыграло случившееся за несколько дней до этого (14 апреля) самоубийство В. Маяковского. Готовый к такому же шагу Булгаков мог существенно подпортить престиж страны и репутацию самого «отца народов».

Буквально возродившийся к жизни Михаил Афанасьевич получил новый творческий заряд и был бесконечно благодарен Сталину за заботу. Выражением благодарности стала пьеса о юности вождя, получившая окончательное название «Батум». Но Иосиф Виссарионович выразил сомнение в необходимости такой постановки, и репетиции были свернуты.

1930-е гг. были для писателя, драматурга и актера Булгакова очень нелегкими. Когда на сцену МХАТа вернулись «Турбины» и по окончании спектакля занавес давали 20 раз, Булгаков написал другу, что «автору этой пьесы возвращена часть его жизни». Но последующую часть жизни ему безбожно отравляли, ибо все, что было создано, выходило за рамки привычного: не все могли мыслить по-булгаковски. Непросто складывались взаимоотношения в коллективе, где творили реформаторы театра Станиславский и Немирович-Данченко, а играли актеры, имена которых мы произносим теперь с благоговением: И. Москвин, О. Книппер, А. Тарасова, А. Кторов, М. Яншин, А. Грибов, О. Андровская… Не было конца замечаниям и переделкам готовых вещей, их то разрешали, то запрещали, затягивая сроки постановок. С чьим только мнением не приходилось считаться автору! Приведем историю создания одного спектакля – инсценировки романа Сервантеса «Дон Кихот». Эту работу предложил сделать М. Булгакову режиссер Театра им. Вахтангова В. Куза. Драматург справился с ней: 3 декабря 1937 г. заключил договор с театром, а 8 октября (меньше чем через год) инсценировка была готова. Ей предстояло получить одобрение Комитета по делам искусств, но возглавлявший это учреждение П. Керженцев в своих замечаниях потребовал: «Надо сделать так, чтобы чувствовалась современная Испания!» Разрешение Главреперткома было получено в январе следующего года. В апреле вахтанговцы начали репетиции, но вскоре по каким-то причинам прекратили, поэтому автор отправился в Ленинградский БДТ и заключил договор с ним. Заметим, что это произошло в ноябре 1939 г., когда Михаил Афанасьевич уже был серьезно болен и даже составил доверенность на имя жены на ведение всех своих дел, а также завещание. Театр Вахтангова возобновил работу над «Дон Кихотом», но в сроки не уложился, премьера первоначально планировалась на январь 1940 г., а состоялась только 8 апреля 1941 г., когда М. Булгакова уже не было в живых.

Булгаков имел огромнейший творческий потенциал. За какие-то десять лет он создал столько пьес и инсценировок для драматических театров, либретто для оперных постановок, литературных шедевров! Это была пора расцвета его дарования,

когда появились блистательные произведения: биографическая книга о любимом драматурге Мольере для горьковской серии «ЗЖЛ», пьесы «Кабала святош» (или «Мольер»), «Блаженство» («Иван Васильевич»), «Александр Пушкин» («Адам и Ева»), а также замечательный памфлет «Театральный роман» с посвящением «Тайному другу, ставшему явным, жене моей Елене. Ты совершишь со мною последний мой полет».

В 1934 г. Булгаков стал членом Союза писателей. В 1936 г., после конфликта с режиссером МХАТа И. Горчаковым, отказался работать там, где, как он выразился, посягали на его творчество, и поступил в Большой театр либреттистом-консультантом, пообещав делать одно либретто в год. Он успел создать «Черное море» о событиях на Перекопе, «Минин и Пожарский», «Мадам Фифи» (или «Рашель»), «Петр Великий», среди задумок были оперы «Война и мир», о князе Владимире – крестителе Руси – и многое другое. Михаил Афанасьевич не раз предлагал свои произведения столичным театрам (Сатиры, Красному, Рабочей молодежи), а также Большому Драматическому в Ленинграде, Харьковскому театру русской драмы, Бакинскому рабочему. Он не только писал, участвовал в постановках, но и играл на сцене, например в «Турбиных» или «Пиквикском клубе», где исполнял роль Судьи. Еще одним направлением его поиска были киносценарии для студий «Союзфильм» и «Укрфильм». В числе многих работ он хотел снять «Похождения Чичикова». Не смог удержаться Булгаков от участия в издании собрания сочинений Мольера и сделал перевод пьесы «Скупой». Он специально занимался итальянским и испанским языками: первый изучал как язык оперы, второй – Сервантеса. И самое главное: в течение 20 лет М. Булгаков непрерывно и мучительно создавал главный труд своей жизни – роман «Мастер и Маргарита», который один из литературоведов назвал метким словом «реквием». Последние правки к тексту «Мастера…» писатель диктовал супруге 13 февраля 1940 г., а 10 марта его не стало.

У постели умирающего мужа Елена Сергеевна дала клятву напечатать роман. Книга пролежала в архивах вдовы 20 лет и дождалась своего часа. Она пересекла границы СССР и вошла в «десятки» лучших произведений литературы XX столетия во многих странах мира. На основе булгаковского романа созданы пьесы, кинофильмы, балеты, мюзиклы и даже симфония. Появилось огромное количество исследований, в США выпущена международная булгаковская библиография. В общем, эта книга захватила умы читающих и мыслящих людей. Ценой огромных усилий Е.С. Булгакова сдержала слово, вплоть до мелочей – к примеру, отдала гонорар за роман первому человеку, который

после опубликования положил цветы на могилу автора на Новодевичьем кладбище.

…Однажды М. Булгаков сказал о себе: «Я – писатель мистический». Согласимся с ним. Иначе как объяснить такое необычайное воздействие его произведений на читателя? Возможно, его дух витает среди нас? Во всяком случае, присутствие Мастера в стенах родного дома на Андреевском спуске всегда ощущают посетители единственного музея М.А. Булгакова. Ибо здесь истоки его загадочного мира, полного тайн и открытий.

Быков Леонид Федорович (род. в 1928 г. – ум. в 1979 г.)

Замечательный актер, режиссер, сценарист. Народный артист УССР (1974 г.). Заслуженный артист РСФСР (1965 г.). Лауреат Всесоюзного кинофестиваля (1974 г.) в номинациях за лучшую актерскую работу и фильм «В бой идут одни старики» и Государственной премии УССР (1977 г.) за фильм «Аты-баты, шли солдаты».

Леонида Быкова народ не просто любил. По отношению к нему у людей навсегда осталась особая интонация, которая сродни его творчеству и точнее всего определяется словами «нежность» и «теплота». Друг актера И. Миколайчук в очерке «Душа актера» вспоминал, как одна женщина, у которой Быков останавливался на время съемок, однажды сказала: «У Леонида Федоровича душа, как краюха хлеба, – хоть к ране прикладывай!»

Леонид родился 12 декабря 1928 г. в селе Знаменском Славянского района Донецкой области, через год семья переехала в рабочий поселок Прокатка под Краматорском. Смышленый, веселый мальчишка стать актером и не помышлял. Он грезил небом и мечтал поступить в летное училище. Поэтому в 1943 г. в Барнауле, куда родителей эвакуировали вместе с заводом, Леонид явился в военкомат, прибавил себе три года и попросил отправить его на фронт. Его тут же разоблачили – маленький рост

и лицо вечного подростка, – пришлось школу оканчивать. Но в 1945 г. в Ленинграде Быков все же поступил во 2-ю спецшколу для летчиков. Проучиться ему довелось лишь месяц – отчислили опять же из-за маленького роста. Тогда Леонид и решил стать артистом, имея небольшой опыт на любительской сцене Дворца культуры им. Ленина. Конкурс в Киевскую школу актера он не выдержал. А вот экзаменаторы Харьковского театрального института им. Карпенко-Карого оказались куда прозорливее киевских, и уже с первого курса Быков играл Павку Корчагина на сцене Харьковского театра им. Шевченко – случай, не имеющий прецедента. А по окончании учебы, с 1951 по 1960 г. он был постоянным членом труппы этого театра: его репертуар на русском и украинском языке состоял практически из лирических и комедийных ролей, присущих актерскому амплуа Леонида.

Параллельно с учебой началась и работа Быкова в кино. Известный режиссер Ф.М. Эрмлер, первым снявший его в картине «Победители», сказал Леониду после нескольких дублей: «Ты обречен быть киноартистом. Есть люди, которые могут приходить в кино и уходить. Ты уже никуда не уйдешь». К сожалению, фильм так и не вышел на экраны, но актера заметили и предложили небольшую, но очень теплую, милую роль колхозного кучера Сашки в фильме «Судьба Марины» (1953 г.). Зрительская любовь пришла к Быкову после комедии «Укротительница тигров» (1954 г.), где без него просто невозможно представить все перипетии любовного треугольника. Леонид внес в картину трогательно-юмористическую ноту, которой отличались впоследствии почти все его работы. Безответная любовь, непутевость, упорство – вот основные характеристики быковских героев. Фильм имел огромный успех у публики, а имя актера стало известно всему Союзу. Когда же на экраны вышел «Максим Перепелица» (1955 г.), где Быков сыграл заглавную роль – этакого младшего, непутевого брата Василия Теркина, – народ признал его кинозвездой.

Запомнились зрителям и образы, созданные актером в фильмах «Чужая родня», «Дорогой мой человек», «Добровольцы», «Ссора в Лукашах», «Майские звезды». Соглашаясь на новые предложения, он старался выбирать роли самого разного плана, чтобы не повторять притягательный, но быстро поднадоевший ему тип Максима Перепелицы. Мастерство актера росло от фильма к фильму, и в «Алешкиной любви» (1961 г.) он использовал совершенно иные краски, показал бесконечную цельность чувства влюбленного паренька. Все друзья Леонида Федоровича признавали, что Алешка – «это вылитый Леня».

С театром в 1960 г. Быкову пришлось расстаться: руководство

запретило участвовать в съемках гоголевской «Шинели». Эта роль, предложенная ему А. Баталовым (ничего подобного никто из кинематографистов ему не предлагал), уже в те годы смогла бы изменить амплуа актера. Но знаменитую фразу Акакия Акакиевича в адрес невыносимых чиновников-коллег: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – произнес другой Быков – Ролан. «Чертовски хотелось, чтобы театр был кафедрой, яркой, увлекательной, но кафедрой, – писал Леонид Федорович своему харьковскому другу и коллеге Н. Борисенко. – Со зрителем нужно говорить на волнующие его темы, не лгать, страстно, увлекательно размышлять, спорить… Я живу до сих пор этими идеалами, вернее, пытаюсь жить, так как жизнь ломает их и рушит на каждом шагу. Но это самое святое, без этого скучно и бесполезно будет жить».

Быков с женой Тамарой Константиновной и двумя детьми Алексеем и Марьяной переехал в Ленинград, где на «Ленфильме» ему дали возможность попробовать себя в кинорежиссуре. После совместной с Г. Раппопортом короткометражки «Как веревочка ни вьется…» он снял свой первый художественный фильм – лирическую комедию «Зайчик» (1964 г.), где исполнил главную роль. Картина о наивном и робком гримере с трогательной и деликатной душой более года пролежала на полке. Тема маленького человека была неактуальна в годы, когда требовался герой – оптимист, победитель, строитель коммунизма. Критика фильм дружно ругала. Впрочем, и Быков-режиссер считал его не слишком удачным. В разговоре с А. Симоновым он заявил: «На мне весь средний советский кинематограф держится». Руководство «Ленфильма» к режиссуре его больше не допускало, да и сам он туда уже не рвался и даже отказывался от многочисленных предложений сниматься в картинах. За девять лет, проведенных в Ленинграде, зрители увидели актера лишь в нескольких фильмах: «На семи ветрах», «Когда разводят мосты», «В городе С», «Разведчики», «Осторожно, бабушка!». Быков также писал сценарии и играл крохотные, но все же яркие роли в сатирическом киножурнале «Фитиль». В одном из писем к Борисенко он признавался: «Уже почти год не снимаюсь. Не хочу. Отказался от 9 сценариев. Не хочу участвовать в лживых и антихудожественных вещах. Конечно, долго не продержишься, надо выполнять план студии. Все чаще думаешь, что надо возвращаться домой. Но в театре, очевидно, то же самое. В чем же суть? Как же сделать, чтобы жить на уровне? Может, это наша проклятая работа?» Тем не менее в 1965 г. Л. Быкову было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

В 1969 г. Леонид Федорович с семьей переехал в Киев. Но

работы по душе на киностудии им. А. Довженко талантливому актеру тоже не находилось. Несмотря на длительные простои не позволял себе взяться за роль, которая, по его меркам, была антихудожественна. А вот строки еще из одного письма Быкова: «Всю ночь не спал. Рассказать бы всю правду, как загубили театр. Почему с Киевской киностудии ушли режиссеры Алов и Наумов, Хуциев, Донской, Чухрай? Мы наконец начали судить людей за халатное отношение к технике. А когда мы наконец начнем судить за преступное отношение к людям? Самое страшное – общественное равнодушие. Угодничество. Культ мог вырасти только на почве угодничества».

Быков недаром окунулся в режиссуру. Ему необходимо было выговориться, выплеснуться, заставить прислушаться к самому для него важному – теме войны, дружбы на войне, любви и молодости в суровое военное время. Созданный в конце 1960-х гг. вместе с Е. Оноприенко и А. Сацким сценарий фильма о летчиках Леонид Федорович пробивал на студии несколько лет. Киноначальники считали сценарий «не героическим» и даже выдали для съемки черно-белую узкоформатную пленку, впоследствии представив это как авторский замысел – подобие военной хроники. Но для одного из лучших фильмов о Великой Отечественной войне цвет – не главное. «В бой идут одни старики» (1973 г.) – «реквием солдату, не вернувшемуся с войны». Он посвящен юношескому желанию режиссера стать летчиком, памяти лучшего друга Виктора Щедронова (Смуглянка), сбитого в Чехословакии в апреле 1945 г.

Актеров на главные роли Быков отбирал сам. Он с трудом отстоял перед руководством Госкино СССР своего любимого ленинградского актера и друга А. Смирнова, с которым познакомился на съемках фильма «Зайчик». Коллективом Леонид Федорович руководил ненавязчиво – не по-режиссерски, а по-человечески. Его любили все: костюмеры, гримеры, осветители – ждали, когда начнет съемки, когда на площадке прозвучит его голос, когда он улыбнется своей немного грустной улыбкой. Творческая группа стала для него семьей не только на время съемок. Уход Быкова не надолго пережили А. Смирнов, С. Подгорный и С. Иванов, но их герои – Макарыч, Смуглянка и Кузнечик, – как и вся «вторая поющая» эскадрилья во главе со своим Маэстро, вот уже 30 лет бередят души зрителей, не позволяют забыть «тех, кто не вернулся с боевых вылетов».

На Всесоюзном фестивале в Баку фильм получил почетный приз. От главной награды режиссер отказался в пользу «Калины красной», скромно заметив: «В списке, где будет Василий Шукшин на первом месте, я почту за честь быть хоть сотым. Ведь

моя картина – это рядовой фильм о войне, а его – это настоящий прорыв в запретную зону, прорыв в сферу того, о чем раньше и думать-то не позволялось».

После выхода картины, которая только за один год собрала более 40 млн зрителей, отношение чиновников к Быкову не изменилось. Они по-прежнему не считали его успешным режиссером, а о вышедших «Стариках» отзывались приблизительно так: фильм наивный и простой до смешного; наспех склеенный, без особых режиссерских изысков; сценарий легковесный; все персонажи напоминают опереточных героев. Такими же были отзывы на картину «Аты-баты, шли солдаты» (1976 г., Государственная премия УССР). Так, критик Р. Корогородский безапелляционно заявлял: «В частности, считаю прямолинейным монтаж, где кровь погибших воинов превращается в гвоздики. Ассоциативность тут оголялась до простого дидактического вывода. Образы современников, за исключением Анны, оказались малоинтересными, просто статичным антуражем. Неоправданно усложненной была и композиция произведения». Но фильм вызвал у зрителей чувство глубокого потрясения, и даже смешные эпизоды вызывали щедро льющиеся слезы сопереживания. Каждый герой врезался в память навсегда.

Мало кому известно, что «цыганочку с выходом» ефрейтор Святкин (Быков) исполнял, встав с больничной койки после второго инфаркта (первый он получил в борьбе за своего «Зайчика»). Монтажер фильма А. Голдабенко вспоминала: «Он был человеком необыкновенным, отрицать никто не станет. Его любили люди, восхищались им. Но почему мы не спасли его? Знали же, что трагедию человек носит в сердце… Тогда, в 1976 году, когда, кстати, он написал известное "Завещание", у него были сложнейшие отношения с сыном, со студией, с Госкино УССР… Но душу он никому не открывал! Переживал все в себе».

Леонид Федорович очень любил свою семью, но там этого не ценили. Жена-инвалид Тамара Константиновна, несостоявшаяся актриса театра, страдала вялотекущей шизофренией, которая по наследству досталась сыну. Лесь доставлял отцу много неприятностей. Его приходилось постоянно «выкупать» из уголовных дел. Э. Косничук, редактор фильма «В бой идут одни старики», рассказывает, что, «работая на киностудии, Лесь обворовывал иностранцев. Однажды ограбил ювелирный магазин и разгромил несколько палаток. Спасая сына от суда, все деньги, вырученные за "Стариков", Быков отдал врачам, чтобы те упрятали Леся в Павловскую психиатрическую больницу». Друзья Быкова удивлялись атмосфере, царившей в их доме: «старая

обшарпанная мебель, на кухне гора немытой посуды, везде грязь, на подоконниках огромный слой пыли. Леня мог съесть за день одну конфетку и выпить три кружки чая». Поведение сына, вступая в контраст с кристальной честностью Леонида Федоровича, почти донкихотской борьбой с несправедливостью и ложью, которую тот вел всю свою жизнь, истощало душевные и физические силы отца.

Может быть, поэтому свой последний фильм «Пришелец» Быков хотел посвятить теме борьбы за человеческое достоинство, против лицемерия, равнодушия. Он мечтал сыграть две роли: колхозника-землянина Тишкина и пришельца с Рюма. Это же мнение подтверждает и А. Голдабенко: «Быков для меня – пришелец с другой планеты. Недаром он так хотел снять фильм о пришельце с планеты Рюм. Не случайно актерские пробы к фильму «Пришелец» – это уже мини-фильм, в котором весь Быков, его замысел, его человеческая суть. Но почему судьба остановила на этом пути? Может быть, еще не время было раскрыть людям смысл прихода на Землю такого человека?!»

Через три дня после окончания проб, 12 апреля 1979 г. Леонид Быков погиб в автомобильной катастрофе под Киевом. Появилось много домыслов, связанных с этой трагедией, и большую их часть породило «Завещание», адресованное друзьям Ивану Миколайчуку и Николаю Мащенко за три года до смерти. Вот фрагменты из него. «Дорогой Иван! Дорогой Николай! Обращаюсь к вам с просьбой тяжелой и не очень благодарной. Никогда и никому не поверьте, что я наложил на себя руки. Просто, если это случится, знайте, что я износился. …А теперь о совсем смешном. Похороны – канительное дело… Как можно быстрее вынести из дома, чтобы не мучить моих. …Никаких оркестров. Никаких студий, Дома кино (союз), боже сохрани. Из дома прямо туда, куда положено. Это мой крик, мольба. Без цирка, называемого почестями. Никаких надгробных речей, а то я встану и уйду: получится конфуз. Только кто-то из вас один, кому захочется, скажет одно слово: ПРОЩАЙ. Это чтобы как-то поставить точку, а то нас не поймут. А потом пусть 2-я эскадрилья врежет «Смуглянку» от начала и до конца… Очень жалею, что ничего не успел сделать путного. Вы заметили, что режиссер я не по диплому, а по призванию? Даже свои похороны режиссирую?! Во дает! Спасибо и пока!»

Последнюю волю Леонида Быкова, благодаря вмешательству В. Щербицкого, исполнили. Н. Мащенко вспоминал, что когда запели «Смуглянку», он «таких рыданий никогда не видел, выдержать нельзя было».

Памяти этого необыкновенного человека посвящен фильм «…

которого любили все» и книга-воспоминание его друзей «Будем жить!». Его имя носит одна из малых планет, в Краматорске – самолет СУ-27, в Василькове – МиГ-29, на бортах которых написано «Маэстро. Леонид Быков». На них летают лучшие экипажи Украины. В 2002 г. перед Дворцом культуры им. Ленина в Краматорске установлен памятник Леониду Быкову. Жизнь актера, режиссера, человека, который «не умер, а, хочется верить, улетел на другую планету», продолжается… «Будем жить!»

Вакарчук Святослав Иванович (род. в 1975 г.)

Известный музыкант, солист группы «Океан Эльзы». Советник президента В.А. Ющенко

Святослав Иванович Вакарчук родился 14 мая 1975 г. во Львове. Его отец – Иван Александрович Вакарчук, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики Львовского национального университета им. И. Франко (ныне – ректор этого университета), главный редактор «Журнала физических исследований» и журнала «Мир физики», президент Украинского физического общества. Мама Святослава в свое время занималась математикой, но потом оставила ее, серьезно увлекшись живописью.

С шести лет, что тогда было редкостью, Святослав пошел в школу, которую закончил с серебряной медалью (имел одну четверку по математике). Считают, что ярко выраженным лидером он тогда не был, но влияние на школьную жизнь оказывал – готовил стенгазеты, принимал участие в КВН, в создании школьного театра, активно занимался баскетболом.

Два года Святослав учился в музыкальной школе по классу скрипки, параллельно овладевая игрой на баяне. С 13 лет он слушал исключительно «Beatles» – был настоящим битломаном. Потом, когда ему было уже 15-16 лет, стал отдавать предпочтение другой музыке: «Led Zeppelin», «Pink Floyd», «Doors», «Queen»,

«Rolling Stones» и др. В Украине тогда рок-музыки практически не было, а то, что было, находилось в подполье. Из русского рока Слава знал «Кино» и более ничего.

Как упоминает Святослав, любимым с детства мультфильмом был знаменитый советский «Ну, погоди!», кумирами – отец, Джон Леннон, Джим Моррисон, Юрий Гагарин.

В школе Святослава была музыкальная группа, которую он создал вместе с одноклассниками, но, как сейчас говорит Вакарчук, играли они не очень серьезно, весьма «по-детски».

После окончания школы Святослав поступил на физический факультет Львовского национального университета. Наследуя отца, он специализировался на кафедре теоретической физики. После окончания университета Вакарчук стал аспирантом этой кафедры (1996-1999 гг.), работал над темой «Суперсимметрия электрона в магнитном поле». Название одной из его публикаций в известном журнале Phys. Lett.: «Supersymmetry of the Electron in a Three-Dimensional Magnetic Field» (совместно с В. М. Ткачуком). Как аспирант, Святослав имел и преподавательскую практику.

Теоретическая физика оставила след и в музыкальном творчестве Вакарчука: один из альбомов группы «Океан Эльзы» называется – «Суперсимметрия» (кстати, некоторые считают, что название известной песни SUSY – это совсем не имя девушки, а аббревиатура от «SUperSYmmetry»).

В группе его зовут Славик или Славко. Он любит овощи и фрукты, темное пиво (из крепких напитков – «Кровавую Мери»), Эдит Пиаф, Stone Roses, баскетбол, трассу Киев-Львов. Вакарчук в восторге от японской культуры; любимые авторы – Юкио Мисима и Харуки Мураками.

Официальная дата создания знаменитой группы «Океан Эльзы», солистом или, как еще говорят, фронтменом которой он является, – 12 октября 1994 г., когда участники львовской группы «Клан тишины» гитарист Павел Гудимов, бас-гитарист Юрий Хусточка и барабанщик Денис Глинин объединились с еще одним львовянином, талантливым автором-исполнителем – Славком Вакарчуком в 2000 г. Позднее к компании присоединился клавишник Дмитрий Шуров. Кстати, когда музыканты искали название для группы, то предлагали и «Наблюдение шторма», и «Револьвер», но остановились на «Океане Эльзы».

Свои первые четыре записи группа сделала на студии «Галвокс» в декабре 1994 г. В 1995-м коллектив победил на местном фестивале «Червона Рута» во Львове. В последующие три года «Океан Эльзы» приобретает заслуженную популярность в родном Львове и периодически выезжает в Европу – в Германию, Польшу и Францию.

В январе 1998 г. группа подписала контракт с киевской фирмой Nemo, после чего в полном составе перебралась из Львова в Киев и на полгода засела в студии. Итогом студийной работы и ностальгии по родному Львову стал дебютный альбом «Там, где нас нет» («Там, де нас нема»), который был представлен публике в сентябре 1998 г. Молодежи пришелся по душе романтический гитарный пост-панк с текстами на украинском языке и подспудно ощущаемым национальным колоритом в музыке. Клип на главную песню значительно повысил интерес к новой группе.

В этом же году «Океан Эльзы» получил и три национальные премии – «Дебют года», «Лучший альбом» и «Лучшая песня». А в 1999 г. этот альбом переиздала русская фирма «Extraphone». Клип на композицию «Там, где нас нет» получил премию французского канала MCM как «Лучшее заграничное видео». В этом же году (а также и в 2000-м, и в 2001-м) на всеукраинском конкурсе «Золотая Жар-птица» ОЭ (так поклонники коротко называют группу) признали наилучшим «поп-гуртом» Украины.

Популярность «Океана Эльзы» в СНГ выросла еще больше после появления на MTV клипа «Сосны». 21 февраля 2000 г. сразу на двух лейблах – украинском Nova Records и московском Real Records – вышел второй альбом группы – «Я на небе был» («Янанебібув» – название пишут именно так!), песни из которого вошли в российские фильмы «Любовь и другие кошмары» и «Брат-2» (песни «Когда тебя нет», «Кавачай»).

Будучи настолько же пронзительно лирическим, как предыдущий, и при этом более крепкий и разнообразный по звуку (в аранжировках некоторых песен была использована струнная группа), альбом «Янанебібув» стал заметным событием. Песни «Янанебібув», «Тот день», «Сосны» (которая вошла в этот альбом), «Этюд» (которую на концертах Вакарчук посвящал Земфире) и другие композиции завораживали своей эмоциональностью, настроением нежности и печали и, конечно же, проникновенным мелодизмом, в котором все еще можно было угадать влияние украинского мелоса.

Как уже упоминалось, весной 2000 г. к группе присоединился клавишник Дмитрий Шуров, с которым в мае «Океан Эльзы» покорил пятнадцатитысячную аудиторию главного российского рок-фестиваля «Максидром». Публику «Олимпийского» в Москве не смущал даже языковой барьер – настрой песен «Океана» был ясен и без перевода.

После прорыва в Россию начались западные гастроли, в том числе выступления в столице рок-н-ролла – Лондоне. Всего через год после выхода и теплого приема «Янанебібув», в апреле 2001 г.

«Океан Эльзы» выпускает третий альбом – «Модель». Своим названием он обязан припеву одной из наиболее ярких композиций – «Коко Шанель», посвященной не только выдающейся женщине-модельеру, а и нынешнему стилисту группы – Л. Фонаревой. Вакарчук говорит о «Модели» как о наиболее шлягерном, концептуальном и сильном по звуку альбоме.

По словам Святослава, желание быть разным, удивлять слушателя не означает изменения внутреннего содержания. «Океан Эльзы» остается самим собой, продолжая идти вперед. И настоящим доказательством является выход в феврале 2003 г. четвертого альбома группы – «Суперсимметрия». Вакарчук считает, что этот альбом лучше предыдущих. Тематически он скомпонован в единое произведение – каждая следующая песня является продолжением предыдущей. Песни «Меня» и «Для тебя», а также «Отдам» и «Невидимая семья» объединены специальными музыкальными мостиками.

Святослав говорил: «В "Суперсимметрии" мы сделали все, что хотели. Думаю, она больше, чем другие, отвечает духу "Океана Эльзы"».

В октябре 2003 г. журнал «Корреспондент» назвал Святослава одним из 35 самых успешных молодых людей Украины.

Безусловно, Вакарчук является известным музыкантом, автором многих песен популярной рок-группы «Океан Эльзы», но ограничиться только музыкальной стороной жизни Святослава, особенно учитывая политические события 2004-2005 г., просто невозможно.

Когда-то, еще в 2003 г., на вопрос о его отношении к политике Святослав ответил, что музыкант или любой творческий человек должен быть аполитичным и вспоминать о политике только в экстренных ситуациях, когда идет речь о гражданском долге. Тогда же он объяснял, что рекламировать какую-то политическую партию или защищать какие-то политические интересы не будет, так как он не политик.

Но жизнь в Украине развивалась так, что остаться в стороне от бушующих событий, с которыми была связана предвыборная президентская кампания, стало просто невозможно.

Осенью 2004 г. «Океан Эльзы» принимает участие в концертах в поддержку В. Ющенко. В октябрьском интервью еженедельнику «Зеркало недели» Славко говорит: «Не воспринимайте наш выбор как какое-то временное корыстное действие. Мы на самом деле хотим добра этой стране. Мы не призываем к революционным действиям – мы призываем к вдумчивым действиям. Смотрите, слушайте, анализируйте, верьте собственному опыту».

В ноябре 2004 г. Вакарчук был назначен советником кандидата в президенты В.А. Ющенко по вопросам молодежной политики. Позднее, в наиболее напряженные дни «оранжевой революции», он вошел в состав Комитета национального спасения.

Святослав объяснил свое решение более живо участвовать в избирательной кампании осознанием значения активной позиции творческой молодежи в важный для страны момент. «Я думаю, что мой голос и голос честных людей важен для страны», – подчеркивал музыкант.

Он также сказал о том, что решил занять такую активную позицию после того, как увидел, что первый тур выборов президента прошел не так, как принято в цивилизованных странах.

Вакарчук и «Океан Эльзы» были на Майдане вместе с согражданами, которые больше не хотели жить в атмосфере вранья, фальсификаций, коррупции. Песня «Вставай» воспринималась там как гимн небезразличных к своему будущему людей.

Весной 2005 г. новоизбранный президент В.А. Ющенко назначил Святослава Вакарчука своим советником (на общественных началах).

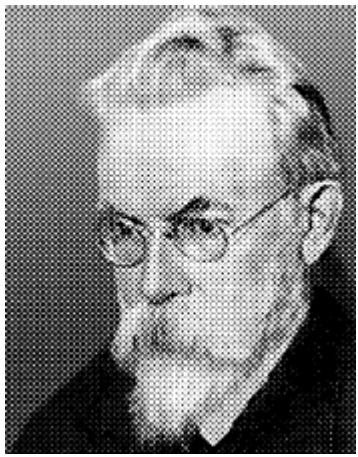
В марте 2005 г. на церемонии UBN Award-2004, основанной журналом «Ukrainian Britain» (издается украинской диаспорой), «Океану Эльзы» присвоили звание «Лучшей группы года». После этого Вакарчук провел со студентами Киево-Могилянской академии беседу-дискуссию на тему «Будущее Украины: гуманитарное измерение», что вызвало у студентов живой отклик и настоящий поток идей.

Посвященный 10-летию группы концертный тур «Океана Эльзы» по России, в свое время запланированный на конец 2004 г., из-за событий «оранжевой революции» не состоялся. Но весной 2005 г. это удалось наверстать. Несмотря на то что официальная российская власть и СМИ к революционным событиям в Украине относились отрицательно, московские поклонники группы радушно встретили музыкантов в апреле 2005 г. Не каждый день рядом с Кремлем, на главной концертной площадке Москвы (в ГЦКЗ «Россия») поет советник Президента Украины!..

Поначалу слушатели сидели довольно чинно, но потом произошло то, что должно было произойти: люди в зале поднялись, размахивая оранжевыми шарфами, руками и мобильными телефонами, и потом практически не садились до конца концерта. Через два часа Святослав бросил свой бубен в танцпартер, в зале включили свет: революция свершилась!..

А обещанный Вакарчуком концерт и общение с жителями Донецка в том же апреле 2005 г. показали, что музыка и гражданская позиция талантливого и честного человека действительно могут растопить любой лед неправды, разрушить миф о непримиримом антагонизме Востока и Запада.

Вернадский Владимир Иванович (род. в 1863 г. – ум. в 1945 г.)



Выдающийся ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, минералог, кристаллограф, геолог, химик, историк и организатор науки, философ, общественный деятель. Основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, создатель учения о биосфере и ее эволюции в ноосферу. Академик (с 1912 г.), почетный член российских и западноевропейских АН и различных обществ. Основатель и первый президент Всеукраинской АН, организатор и директор Радиологического института, Биогеохимической лаборатории. Лауреат Сталинской премии (1943 г.), награжден орденом Трудового Красного Знамени (1943 г.) Автор более 700 научных трудов и статей.

«Какое наслаждение „вопрошать природу“, „пытать ее“! Какой рой вопросов, мыслей, соображений! Сколько причин для удивления, сколько ощущений приятного при попытке обнять своим умом, воспроизвести в себе ту работу, какая длилась века в бесконечных ее областях! И тут он [человек] поднимается из праха, из грязненьких животных отношений… Здесь он понимает, что он сделал и что может сделать. Моя цель – познание всего, что возможно человеку в настоящее время и сообразно его силам (и специально моим) и времени. Я хочу, однако, увеличить хоть

отчасти запас сведений, улучшить хоть немного состояние человека». Эти слова из дневника, достойные умудренного опытом философа, принадлежат 19-летнему Владимиру Вернадскому. С юных лет и до последних дней жизни он жил наукой, но не «сделался какой-нибудь ученой крысой», и деятельность крупнейшего ученого XX в. оказала огромное влияние на мировоззрение многих людей. Академик А.Е. Ферсман так писал о своем учителе и друге: «Десятилетиями, столетиями будут изучаться и углубляться его гениальные идеи, а в трудах его – открываться новые страницы, служащие источником новых исканий; многим исследователям придется учиться его острой, упорной, отчеканенной, всегда гениальной, но трудно понимаемой творческой мысли; молодым же поколениям он всегда будет служить учителем в науке и ярким образцом плодотворно прожитой жизни».

Родился Владимир 12 марта 1863 г. в Петербурге в либеральной семье Ивана Васильевича Вернадского, который после окончания философского факультета Киевского университета стал его профессором. Переехав затем в Москву, а позднее – в Петербург, Иван Васильевич занимался анализом экономических проблем и изданием экономических журналов, преподавал политэкономию в Московском и Петербургском университетах. Владимир был сыном от его второго брака с Анной Петровной Константинович, дочерью украинского помещика, бывшей в молодости хоровой певицей и педагогом вокала. А в общем, родовые корни Вернадских уходят в середину XVII века, когда литовский шляхтич Верна боролся против Польши на стороне Богдана Хмельницкого; позже его потомки осели в Киеве.

Детство Владимир провел в Петербурге, а затем в Харькове, где поступил в гимназию, а летом с семьей выезжал к многочисленным и гостеприимным полтавским родственникам. На всю жизнь он сохранил привязанность к языку, истории и культуре родного края, специально ими занимался и в «Заметках по истории Украины» причислял себя к «родному племени Украинскому». Ближайшее семейное окружение сформировало культуру и общественные воззрения юного Владимира. Особый след в его душе оставил старший сводный брат Николай, сын рано умершей от туберкулеза первой жены отца, замечательной русской публицистки М.Н. Шигаевой. Любимец семьи, необычайно одаренный юный художник и поэт, он был первым учителем мальчика в чтении и письме, ввел его в сокровищницу мировой культуры.

С 13 лет Владимир начал вести подробный дневник, который

обнаружил неожиданные стороны его личности. Оказывается, с раннего детства он был наделен странными, пугавшими его самого качествами. Наряду с наследственным лунатизмом в нем проявилась способность во сне и наяву вступать в контакт с образами дорогих ему людей, причем в яркой галлюцинаторной форме. Но «из-за страха» (его собственное объяснение в поздних дневниках) Владимир решительно заглушил в себе такого рода «мистические» рецепторы, сознательно закрыв для себя эту область: «Я что-то остановил в своей природе. Иногда жалею, что погасил, а не развил эту способность… Твердо и ясно сознаю, что какая-то сторона видения мною в моей личности остановлена». Но вытесненные способности возвращались к нему в экстремальных ситуациях. А сознательное самоограничение, предельная дисциплинированность и целеустремленность стали основой всей его научной и личной жизни.

После переезда семьи в Петербург Владимир окончил гимназию и в 1881 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где под влиянием выдающегося ученого В.В. Докучаева занялся минералогией и кристаллографией. Но его интересы не замыкались на этих узких областях науки. Вернадский серьезно занимался почвоведением, физической географией, мерзлотоведением, природными водами, биологией, историей развития научной мысли, философией, историей и литературой. Для чтения художественной и научной литературы он изучил все славянские языки, а также английский, французский, немецкий и многие другие, что помогало ему в общении с иностранными учеными во время многочисленных научных командировок по Европе.

Не оставался Владимир и в стороне от общественной жизни. В 1883 г. он стал одним из основателей Студенческого научно-литературного общества и руководил его Научным советом. Теплые отношения и схожесть взглядов (за исключением террора) связывали его с одним из членов общества Александром Ульяновым. Но близкими друзьями Вернадского на всю жизнь стали братья С. и Ф. Ольденбурги, А. Корнилов, И. Гревс, Д. Шаховский, Н. Ушинский, А. Краснов. А в созданную ими группу по изучению народной литературы вошла и Наталья Егоровна Старицкая, в 1886 г. ставшая его женой и давшая ему счастье и ту поддержку, которой Владимир Иванович после смерти отца не ощущал от матери и младших сестер, Ольги и Екатерины. Они прожили вместе более полувека, воспитали двоих детей – Георгия (1887 г.) и Нину (1898 г.), а тысячи писем, написанных преданными супругами, стали свидетелями их не угасших с

годами чувств и полного взаимопонимания.

По окончании университета в 1885 г. Вернадский был оставлен при нем хранителем минералогического кабинета и вел активную научно-исследовательскую работу в области минералогии, кристаллографии и смежных наук. Покушение на жизнь царя и арест А. Ульянова (1887 г.) чуть не оборвали успешно начатую карьеру ученого. Чтобы избежать его увольнения, Вольное экономическое общество отправило Владимира Ивановича исследовать залежи фосфоритов в Смоленской губернии. А ранней весной 1888 г. университет командировал его на стажировку к выдающемуся специалисту в области кристаллографии П. Гроту в Мюнхен, а в Париж – к Л. Ле Шателье и Ф. Фуке. В течение двух лет молодой ученый работал в различных научных учреждениях Германии, Австрии, Италии и Франции и к интересующим его темам добавил органическую и неорганическую химию.

Сразу по возвращении Вернадский был назначен руководителем кафедры минералогии физико-математического факультета Московского университета и вместе с Докучаевым занимался почвоведческими исследованиями на Полтавщине. В 1891 г. он уже приват-доцент, семь лет спустя защищает докторскую диссертацию «Явления скольжения кристаллического вещества» и становится профессором минералогии и кристаллографии Московского университета. К этому периоду относятся и его первые работы по геохимии – новой науке, которую Вернадский развил из генетической минералогии, – а также геологические исследования на Левобережной Украине, в Польше, на Урале, в Крыму. Лекции, обширные научные изыскания, работа над фундаментальными проблемами не отдалили ученого от общественной жизни. Во время голода 1895 г. он активно участвовал в кампании по сбору средств для крестьян и был одним из организаторов и деятельных членов так называемого «Приютинского братства». В течение семи месяцев вместе с друзьями и единомышленниками Вернадский, не покладая рук, спасал крестьян от голодной смерти. В 90-х гг. он неоднократно избирался земским гласным Моршанского уезда Тамбовской губернии, где располагалось семейное имение Вернадовка. Эта же гражданская позиция заставила Владимира Ивановича в знак протеста против репрессивной антистуденческой политики Министерства просвещения и полицейского произвола выйти в отставку вместе с другими профессорами и преподавателями, оставив пост помощника ректора.

Для Вернадского 1911 г. был юбилейным– 25-летие научной,

педагогической деятельности, а также семейной жизни. Ученики подготовили и выпустили сборник своих статей с посвящением учителю, а палеонтолог А.Б. Миссуна назвала в его честь открытую ею диатомовую водоросль. К тому времени сын Георгий, историк по образованию, готовился стать профессором истории. И в том же году Вернадский переехал в Петербург, где вскоре был избран академиком и заведовал минералогическим отделением Геологического музея. Ему приходилось постоянно курсировать по делам между Петербургом и Москвой, но несмотря на общественную загруженность, ежегодно в специальных журналах появлялось по 10-15 статей. Разнообразны были и маршруты научных командировок Вернадского: Скандинавия, Франция, Ирландия, Англия, Италия, Греция. А для студентов он организовывал минералогические экскурсии на Урал.

Осознав значение радиоактивных веществ как источника энергии и средства создания новых химических элементов, Вернадский активно принялся за практическую работу по картированию месторождений радиоактивных минералов и сбору образцов. Владимира Ивановича считают создателем радиогеологии как самостоятельного научного направления. Проблемами радиоактивности он занимался с 1908 г. Уже в июне 1911 г. им была организована первая экспедиция за радием. Открытие радиоактивных руд в Фергане, поиски их на Урале и в Забайкалье позволили создать собственную сырьевую базу. Собранные в Ферганской долине образцы исследовали в лаборатории, и из минерала тюямуюнита впервые был получен русский радий. В 1909 г. стараниями Вернадского была учреждена Радиевая комиссия, в январе 1912 г. заработала первая в России радиохимическая лаборатория.

Первая мировая война выявила необходимость создания современной минерально-сырьевой базы. В 1915 г. по инициативе Вернадского была создана и возглавлена им Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), проработавшая до 1930 г. Она объединила крупнейших ученых из 16 институтов: геологов, химиков и экономистов. Впервые были открыты бокситы (Тихвинское месторождение), дана оценка железных руд Урала, исследованы фосфориты Центральной России и т. д.

Еще с 1912 г. Вернадские на лето переезжали на Украину, где приобрели немного земли в Шишаках под Полтавой и на высоком левом берегу р. Псел построили двухэтажный дом. Именно здесь из очертаний биогеохимии возникло новое биосферное мировоззрение. Существеннейшая коррекция утвердившейся

научной картины мира, где до сих пор не было места жизни, явилась ученому как озарение летом 1917 г., в естественной лаборатории в Шишаках. Собственно, все его учение о живом веществе, о биосфере, новые, введенные им понятия-термины, такие, как «всюдность» жизни, давление жизни, ее скорость и сгущения, были им разработаны этим летом.

Удивительно, как в этой веренице научных изысканий Владимир Иванович находил время активно участвовать в общественной жизни России: входил в земское и конституционно-демократическое движения, был одним из организаторов либеральной партии конституционных демократов (кадетов) и бессменным членом ее Центрального комитета. В апреле 1906 г. он был приглашен в Государственный совет от академической курии (вышел из Совета после роспуска Думы в июле 1906 г., вновь вошел в его состав в 1907 г.). В 1907 г. работал в редакции кадетской газеты «Новь». Свою деятельность в Государственном совете возобновил в 1915 г. и последним его актом стала телеграмма царю в Ставку с предложением отречься от престола. Вернадский также возглавлял ученый комитет при Министерстве земледелия, Комиссию по подготовке реформы высшей школы, а осенью 1917 г. вошел в состав Временного правительства как товарищ министра народного просвещения, которым был его друг С.Ф. Ольденбург. На этом посту он поднимал вопрос о создании Академий наук Грузии, Украины и Сибири.

Октябрьскую революцию Владимир Иванович решительно не принял, ибо считал, что «социализм неизбежно является врагом свободы, культуры, духа, науки» и «всегда боялся, что социализм даст дисциплину казармы». После прихода к власти большевиков оставаться в Петрограде стало опасно, и Академия наук удовлетворила его просьбу о командировке в южные районы страны из-за состояния здоровья (туберкулез). Вернадский переехал в Украину для продолжения работ по живому веществу.

В мае 1918 г. при гетмане П. Скоропадском он начал работу по организации Всеукраинской академии наук. Несмотря на мнение М. Грушевского и некоторых его коллег, что академия, которая создается русскими, не обеспечит чисто национальный украинский характер ее деятельности, Вернадский 27 ноября 1919 г. провел первое общее собрание академиков. На его сторону стали такие выдающиеся ученые, как С. Тимошенко, А. Крымский, Н. Петров, Д. Багалей, Н. Кащенко, М. Туган-Барановский, и Вернадский был единодушно избран президентом Академии. Он был уверен, что «дело роста украинской культуры есть не только дело украинцев, но и русских, что историческим фактом является совместное сожитие и участие украинцев в создании русской

культуры за последние два столетия»… «И я так верю в будущее украинской культуры и украинского языка!.. С ходом времени в этих рамках, не враждебных русской культуре, украинский язык и украинская культура вырастут…» В то же время Вернадский не верил в то, что независимость украинскому народу могут принести немецкие, австрийские или прочие иностранные штыки: «Впечатления от украинской власти опять прежние – бессилие и бездарность… Они играют печальную роль марионеток, приведших в свою страну иноземцев-поработителей».

Занимался Владимир Иванович и формированием академической библиотеки (ныне – Центральная научная библиотека им. В. Вернадского НАН Украины), пытаясь в начавшемся хаосе и калейдоскопической смене властей спасти ценные коллекции книг и рукописей. И даже после перехода власти к большевикам в феврале 1919 г. он пытался наладить работу Академии. В конце августа Киев заняли войска генерала Деникина, который и слышать ничего не хотел о чем-то украинском, и Академия была закрыта. Но когда к городу подошла Красная Армия, Вернадский уехал в Ростов, а затем перебрался в Крым. Он был приглашен на должность профессора минералогии Таврического университета в Симферополе, где читал курс геохимии, а в сентябре 1920 стал его ректором. Вернадский встречался с П. Врангелем и просил его о содействии университету. Несмотря на скудость средств, ученый пытался наладить минералогические и геохимические исследования. Владимир Иванович собирался эмигрировать в Великобританию, однако остался по настойчивой просьбе преподавателей.

Скорее всего, Вернадский все же уехал бы в Лондон, если бы не слег с сыпным тифом, который едва не стоил ему жизни. Интересна дневниковая запись, сделанная Владимиром Ивановичем в это время. В ней ученый рассказывает об удивительном состоянии, пережитом им в полубреду, когда он «почувствовал в себе демона Сократа», преисполнился сознанием поистине эпохального значения своего учения, и более того, как в фильме, перед ним прошли его возможное будущее и главное дело жизни – организация Института живого вещества. Ему даже было дано знание предельного срока земного бытия.

С приходом большевиков в Крым в январе 1921 г. Вернадский был уволен из университета и чуть не стал жертвой красного террора. Благодаря своему ученику Н. Семашко, ставшему наркомом здравоохранения, Вернадский вместе с семьей Ольденбурга отдельным вагоном, прицепленным к санитарному поезду, был отправлен в Петроград. Но избежать беды не удалось. В июле ученый был арестован ЧК по так называемому «делу

Таганцева». Унижения, грязь, переполненная камера и глупое обвинение в шпионаже. К удивлению охранников, Вернадский был освобожден. Чуть позднее выяснилось, что Карпинский и Ольденбург послали телеграммы Ленину и Луначарскому. Семашко и помощник Ленина Кузьмин распорядились освободить Вернадского из заключения. Не дожидаясь новых неприятностей, Владимир Иванович вместе с дочерью отправился на биостанцию близ Мурманска. Вернулся он в Петербург осенью и занялся совместно с В. Хлопиным организацией Радиологического института при Наркомате просвещения, возглавил Комиссию по истории науки, философии и техники, свою радиохимическую лабораторию и КЕПС, а также занял должность заведующего метеоритным отделом Минералогического музея. Он всегда интересовался проблемами космоса. В конце 1930-х гг. ученый возглавлял Комитет по метеоритам и космической пыли, и ему удалось организовать экспедицию Н. Кулика в Сибирь, на место упавшего в 1908 г. Тунгусского метеорита.

Вернадский, избранный за свой вклад в науку профессором Парижского университета (как, впрочем, и многих других), принял его приглашение и в начале лета 1922 г. уехал вместе с женой и дочерью через Прагу (где осталась учиться дочь) в Париж. Он читал лекции по геохимии и радиогеологии в Сорбонне, выпустил на французском языке книгу «Геохимия» (на русском языке книга вышла в 1927 г. под названием «Очерки геохимии»). Владимир Иванович работал в лаборатории М. Склодовской-Кюри, а получив грант от фонда Розенталя, подготовил отчет «Живое вещество в биосфере» и статью «Автотрофность человечества».

И хотя Вернадскому предлагали остаться во Франции, в 1926 г. он вернулся в Ленинград по настоянию своего ученика А. Ферсмана и президента Академии наук С. Ольденбурга, побуждаемый чувством долга «перекинуть мост между старой русской культурой и пореволюционной». Владимир Иванович был убежден, как и многие другие ученые, пошедшие на компромисс с советской властью, в скором крахе большевиков и считал своей обязанностью сохранить то, что еще оставалось от русской науки и культуры после большевистского погрома. В конце 1926 г. вышел в свет его труд «Биосфера», и вслед за этим Вернадский углубился в создание новой науки – науки о живом веществе, которую назвал биогеохимией. При КЕПСе он организовал Отдел живого вещества, а затем Биогеохимическую лабораторию (БИОГЕЛ) (1928 г.).

Против биогеохимии появляются разгромные статьи. В вышедшей в 1934 г. Малой Советской энциклопедии о

Вернадском писалось: «По своему мировоззрению – сторонник идеалистической философии. В научных трудах проводит идеи "нейтрализма" науки, выступает в защиту религии, мистики, исконности жизни и "живой материи" и ряда виталистических и антиматериалистических концепций, отрицая материалистическую диалектику». Многие, видя Вернадского на свободе, недоумевали: как он уцелел в годы репрессий? Ученого спасал колоссальный практический и теоретический опыт в геологии (в том числе радиогеологии), а недра – это валюта и оборона. И даже в те трагические времена у него находились заступники. Гонения Вернадский воспринимал как «насилие над человеческой личностью», «исключительный моральный и умственный гнет». Он пытался, насколько возможно, материально и морально помогать ссыльным, проявлял большую личную смелость, протестуя и ходатайствуя за них перед власть имущими.

Вернадский часто выезжал за границу – в Германию, Чехословакию, Францию, Англию и другие страны, читал лекции и работал в научных центрах. Везде он встречал уважительный прием. Учение о биосфере мало кто понимал в полном объеме, но многие чувствовали его перспективность. Начиная с 1930 г. выезды за границу требовали преодоления все больших препятствий, однако отказать ученому с мировым именем было невозможно. И наверное, этот «кочевой» образ жизни помог ему выжить. Последний раз он выехал за границу в 1936 г. на лечение. Это время Вернадский использовал для работы над книгой «Научная мысль как планетное явление» (издана только в 1977 г.), в которой, приняв идеи Э. Леруа, вплотную подошел к созданию учения о ноосфере как логического продолжения генетической минералогии, биогеохимии, радиогеологии, учения о биосфере. Он считал, что биосфера под влиянием научных достижений и деятельности человека постепенно переходит в новое состояние – сферу разума, или ноосферу. Последним исследованием ученого стала работа «Несколько слов о ноосфере» (1944 г.).

Надежды на крах большевиков постепенно угасли, Академия подверглась чистке и советизации. Шаг за шагом «старая русская культура» замещалась «новым варварством». Однако Вернадский не пытался уехать за рубеж, хотя его приглашали сын (профессор кафедры истории Йельского университета) и дочь (врач-психиатр, вышедшая замуж за археолога Н.П. Толля), обосновавшиеся в США. Он продолжал научную работу, которая, согласно его взглядам, одна могла спасти Россию. Исследования ученого охватывали все более широкий круг проблем естествознания:

историю природных вод и значение тяжелой воды, роль живых организмов в геохимических процессах, синтез алюмосиликатов, геологическое время.

В 1934 г. Вернадские поселились в Москве в связи с переездом Академии наук из Ленинграда в столицу. В июне 1940 г. Владимир Иванович получил из США, от сына Георгия, вырезку из газеты, где сообщалось о работах над «новой ядерной энергией». Письмо очень взволновало ученого. Еще два десятилетия назад он поднимал этот вопрос, но не получил на эти работы ни копейки. Владимир Иванович одним из немногих понял смысл происшедшего, и уже в июле инициировал создание Комиссии по проблемам урана при Президиуме АН СССР, фактически положив начало ядерному проекту в СССР. Комиссию, в которую вошли И. Курчатов, С. Вавилов, Д. Щербаков, П. Капица, возглавлял В. Хлопин.

С началом войны Вернадский с женой эвакуировался вместе с Академией наук в Боровое (Казахстан). Здесь в течение двух лет он работал над своим самым большим, обобщающим трудом «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Замысел работы до сих пор поражает своим размахом. После смерти автора над этой рукописью работала А. Шаховская, а после ее смерти – К. Флоренский. С его предисловием и под его редакцией книга вышла в 1965 г.

Вернулся Владимир Иванович в Москву только в конце августа 1943 г. Он составил хронику своей жизни, историю зарождения и развития своих идей и практических дел, словно сознательно готовился к уходу из жизни. Но его еще ждало тяжкое личное испытание: 3 февраля 1944 г. внезапно умерла Наталья Егоровна, с которой они прожили душа в душу 56 лет.

Вернадский начинает работать и над проектом института под власти «не обижают» и к 80-летию награждают Сталинской премией в 200 тысяч рублей, половину которой он сразу же передает на нужды обороны, и орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области науки и техники и за развитие геохимии и генетической минералогии.

Умер Владимир Иванович в Москве 6 января 1945 г., от кровоизлияния в мозг. Он последним из «Братства» покинул этот мир. В полном объеме работы ученого не публиковались вплоть до 1990-х гг. Но его труды и идеи не потеряли актуальности и практического значения и в наши дни, потому что характерной чертой исследований ученого является фундаментальность. Из более чем 700 опубликованных трудов 100 посвящено минералогии, 70 – биогеохимии, 50 – геохимии, 43 – истории наук, 37 – организационным вопросам, 29 – кристаллографии, 21

– радиогеологии, 14 – почвоведению, остальные – разным проблемам науки. Многие идеи Вернадского оказались пророческими, хотя не находили понимания у современников. Он предвидел глобальные экологические проблемы, о возможности которых в начале XX в. никто не задумывался: «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление».

В.И. Вернадского справедливо называют Ломоносовым XX в. за редкую синтезирующую способность, всеохватность творческого гения. Великий естествоиспытатель-мыслитель создал не только целый комплекс наук о Земле, но и оставил в наследство потомкам целостное видение мира и задач человека разумного, предсказав будущие пути его развития. Недаром говорили, что Вернадский в одном лице может представлять целую академию. Поэтому вполне справедливо и естественно выглядит взрыв посмертной славы гениального ученого. Его имя носят: кратер на обратной стороне Луны, пик в бассейне р. Подкаменная Тунгуска, гора на о. Парамушир (Курильские острова), подледные горы в Восточной Антарктиде, подводный вулкан в Атлантическом океане, минерал вернадит, диатомовая водоросль, рудник в районе озера Байкал, научно-исследовательское судно НАНУ, украинская научная станция в Антарктиде. За выдающиеся научные работы в области минералогии, геохимии и космохимии АН России и НАН Украины присуждаются премии им. Вернадского. Академией наук России учреждена золотая медаль. В 2000 г. на всеукраинском шоу «Человек года» ученого назвали «Человеком века»! И это справедливо, ведь поставленную в молодости задачу «приносить самую активную пользу тем, кто его окружает», Владимир Иванович выполнил полностью.

Виктюк Роман Григорьевич (род. в 1936 г.)

Известный театральный режиссер, осуществивший более 120 постановок. Обладатель театральной премии «Maratea» Центра европейской драматургии (1991 г.), премии «Киевская Пекторалъ» и премии Союза театральных деятелей Украины «Триумф». Единственный из режиссеров иностранного происхождения, награжденный международной премией Института итальянской драмы за лучшее воплощение современной драматургии (1997 г.). Основатель собственного театра «Театр Романа Виктюка» (1991 г.). Включен в список «100 человек столетия Украины».

Романом Виктюком уже давно завоевана слава самого скандального, эпатажного и бесстрашного режиссера. О его спектаклях, как и о нем самом – бродячем гении и светском льве, – сказано и написано столько, что кажется, к этому уже нечего добавить. Но этот «возмутитель общественного спокойствия» и по сей день является не только самой «сладкой мишенью для сарказма критиков», но и самой «желанной добычей для вездесущих «акул пера». Журналисты до сих пор пытаются выяснить, каков же он на самом деле – этот театральный хулиган Роман Виктюк? В какие игры на сцене и в жизни он играет? Сам же режиссер полагает, что пытаться «определить такие вещи

бессмысленно»: «Наша душа путешествует в разных воплощениях, и осмыслить себя в каждом из них невозможно. Я – Скорпион и Крыса, значит, на мне печать силы и лидерства. Хочу я или нет – отделаться от этого не могу. Лидером я был с детства, которое прошло во львовском дворе, где я научился понимать идиш, говорил по-польски, по-украински». Иногда Виктюк говорит о том, что он так и остался ребенком – маленьким мальчиком, которому очень хотелось научиться летать, подобно птицам. В детстве, подражая им, он не раз пытался взлететь в небо. «…Я привязывал к рукам два веника, залезал на высокое дерево и прыгал, пытаясь взлететь, но всегда неудачно, – рассказывает режиссер. – Такими детьми остаются те, кто призван служить театру и искусству. Я думаю, что театр начался тогда, когда человек, увидев огонь костра и полет птиц, инстинктивно пытался подражать природе. Взмахами крыльев я и сейчас стараюсь достучаться до сердец зрителей. Взмах – крик, взмах – боль, взмах – спектакль».

О своем первом приходе в театр Виктюк говорит, что это случилось еще до его рождения: «Когда я был в утробе матери, она пошла во Львовский оперный театр слушать «Травиату». Услышав музыку, я начал так биться и вырываться в этот мир, что мама вынуждена была уйти из театра. «Он отбивал ритм ножками о мои ребра!» – объясняла она. Я родился 28 октября 1936 года». Что же касается его дальнейшей биографии, которая даже для искушенных журналистов остается весьма загадочной, то на вопрос об этом Виктюк неизменно отвечает: «…у меня там все любовь, любовь, любовь…»

Жизнь Романа Григорьевича невозможно разделить на жизнь в театре и вне его. Творчество – единственный смысл его существования: «За стенами театра я никак не живу. Я с утра до ночи то в одном храме, то в другом – то за границей ставлю что-то, то здесь. Иногда нахожу время послушать музыку – вот единственное увлечение. Другого спасения нет».

На театральные подмостки Виктюк впервые вышел еще 13-летним мальчишкой, когда начал заниматься в драмкружке при Львовском дворце пионеров. Свой первый спектакль он поставил в родном дворе, собрав соседских ребят. «Это была опера "Пиковая дама", – вспоминает режиссер. – Без слуха, без образования, я создавал свою собственную сказку. Наверное, уже в этих первых детских опусах проявилась моя страсть к режиссуре. И при этом во мне все время что-то бунтовало против существования в массе. Я чувствовал, что обязан был как-то вывернуться из коллективной среды и занять место впереди».

Осуществление честолюбивых замыслов юный Виктюк начал

с того, что, закончив школу, уехал в Москву и поступил на актерское отделение ГИТИСа (ныне РАТИ). На выпускных экзаменах он единственный из всего курса получил пять с плюсом за мастерство. Энергия и талант неудержимо рвались наружу, и казалось – все возможно, все по плечу. Окончив учебу в 1956 г., Роман Виктюк вернулся в родной Львов. Работая в местном ТЮЗе, он поставил спектакли «Все это не так просто», «Фабричная девчонка», «Город без любви», «Дон Жуан». Уже первые постановки молодого режиссера отличались явно «нетипичной» трактовкой. Это сейчас общепризнано, что говорить о соответствии спектаклей Виктюка оригиналу сложно – ведь Роман Григорьевич всегда выступает как единственный автор своих творений, – а в те годы его творческая смелость вызывала непонимание и враждебность.

Проработав во Львове 10 лет, Виктюк уехал из родного города, как оказалось, навсегда, и поначалу перебрался в Киев. Работал в ТЮЗе, преподавал в студии при Театре имени И. Франко. Но педагогическая деятельность Виктюка в столице продлилась недолго. Режиссер, которому власти приписывали то национализм, то русский уклон – «в общем, все что угодно, лишь бы избавиться», – был отстранен от работы в студии. Вскоре после этого Виктюк вовсе уехал из Украины и обосновался в Калинине (ныне Тверь), где получил должность главного режиссера Театра Ленинского комсомола. Но ни изгнанником, ни эмигрантом Виктюк себя никогда не считал и не считает, говоря о своем отъезде так: «Я просто уехал. Меня никто не выгонял. Я ставил все, что хотел. Например, «До свидания, мальчики» Бориса Балтера или Володина «Фабричную девчонку». То, что я ставил, в Украине никогда не ставилось, поскольку считалось антисоветчиной». Сейчас Виктюк не стремится вернуться на родину: «…Ступи я ногой на эту землю, возник бы невероятный конфликт и мне вновь бы пришлось уехать. Потому что, и я в этом глубоко убежден, был бы неизбежен конфликт между театром, который я бы предложил, и общим театральным климатом в Украине. Поэтому я предпочитаю позицию издали. Я многое пережил и думаю, что правильная позиция – это гражданин мира. Она самая лучшая. Нужно сидеть в своем окопе и иногда выглядывать оттуда».

Приехав в родной Львов со своим скандальным проектом «Давайте займемся сексом!», Виктюк убедился, что в театральной жизни родного города мало что изменилось с советских времен. Городские власти запретили показ его спектакля и не отменили решения даже тогда, когда Виктюк предложил слегка изменить шокирующее консервативную публику название. Позднее

режиссер сказал об этом: «Меня удивляет, что меня так радушно принимают во всех уголках мира, и только во Львове, в моем родном городе, как в советские времена, так и теперь, меня не признают».

Тем не менее Виктюк пообещал, что он обязательно приедет во Львов снова и покажет зрителям и «Давайте займемся сексом!», и другие свои работы. Вообще, в Украине он бывает очень часто – с радостью привозит свои спектакли на родину. «Я считаю, что необходимо помнить о той земле, откуда ты вышел, потому что в ней – твоя сила. Эти вещи очень простые и очень правдивые. И наверное, искренние», – говорит режиссер.

Неудачи, провалы, тягостные минуты разочарования и неудовлетворенности, скитания по театрам и ДК – в жизни Виктюка всего этого хватило с лихвой. Но были и друзья, единомышленники, а также непоколебимая вера в свое призвание. После очередной неудачи он снова искал и находил выход.

Одно из важнейших качеств характера Виктюка – то, что и в жизненных перипетиях он остается творческой личностью. Каждую ситуацию режиссер обыгрывает – будто выдумывает и ставит свои маленькие спектакли. Когда закрыли театр в Калинине и не помогло заступничество А. Кончаловского и А. Тарковского, Виктюк от имени чиновника из Министерства культуры назначил себя главным режиссером в Русский драматический театр в Вильнюсе. Об этом замечательном факте своей биографии режиссер охотно рассказывает журналистам: «Я умел звонить из автомата, когда бросаешь две монетки по 15 копеек и говоришь сколько захочешь. Зная фамилию начальника из министерства культуры, который заведовал Прибалтикой, я под его именем звонил в русские театры Риги, Вильнюса и Таллинна. В Вильнюсе не было главного режиссера…»

Уникальное чутье Виктюка на литературу проявилось еще в шестидесятые: работая в Калинине, он разглядел никому не известного тогда А.В. Вампилова и первым поставил его пьесы «Свидание в предместье» и «Утиная охота». Начав в 1971 г. работать в Вильнюсе, Виктюк снова ставит спектакль по Вампилову «Прошлым летом в Чулымске», а также осуществляет целый ряд постановок – «Мария Стюарт» Ф. Шиллера, «Валентин и Валентина» М. Рощина, «Встречи и расставания», «Продавец дождя» и многие другие. Пришел зрительский успех, о режиссере заговорили критики, но официальное признание его творчества было трудным. Спектакль «Уроки музыки» по Л.С. Петрушевской, поставленный Виктюком в 1978 г. в Студенческом театре МГУ, был запрещен. В 1975 г., уже обосновавшись в Москве, в Театре

им. Моссовета он поставил «Вечерний свет» А. Арбузова, в 1977 г. – «Царскую охоту» Л. Зорина; во МХАТе – спектакли «Муж и жена снимут комнату» М. Рощина (1976 г.), «Татуированная роза» Т. Уильямса (1982 г.).

Все его постановки – и давние, и совсем новые – это некое таинство, действо, в котором трудно провести грань между реальностью и иллюзией. Каждый его спектакль – это взрыв, фейерверк, фонтан эмоций. Это вызов обывательщине, которую так не приемлет Виктюк. Недаром о режиссере говорят, что «он – дитя парадоксов, умеющий с удовольствием шокировать публику выбором и трактовкой пьес». Над чем бы Виктюк ни работал, он подчиняет все происходящее на сцене своей воле и логике, создавая ему одному подвластную стихию. Мощнейшая энергетика, которой он заражает своих актеров, передается во время спектаклей и зрителю. Костюмы и декорации из самых причудливых детских снов, вещи-символы, красивая – «то пряная, то приторная, то пронзительная» – музыка и безусловная, полнокровная игра актеров – все это уносит зрителя в мир безудержной фантазии, признающий только законы искусства. В его спектаклях пластика, магия непрерывного движения стоит на первом месте, она выразительнее слов. Виктюк – это человек-жест! Его владение формой потрясающе. «Важно не что, а как», – говорит Мастер и каждым своим спектаклем доказывает это. Для него важны не статичные позы, а жесты, движение, направленное со сцены – к публике. А зрителю и его способности по-детски вступать в Игру, без которой Театр мертв, Маэстро всегда доверяет.

Виктюк – настоящий трудоголик. Пожалуй, ни один «нормальный» режиссер не работал и не работает столько: репетиции по десять часов в сутки, по две премьеры в сезон плюс работа за границей. Пока не было собственной сцены, другие театры охотно предоставляли ему свои, которым «кочующий, бездомный» режиссер дарил аншлаги, открывая новых, никому не известных звезд и «развоплощая» старых. Два самых скандальных спектакля Виктюка, сделавших его по-настоящему знаменитым, – «Служанки» и «М. Баттерфляй» – были почти единодушно «съедены» прессой, увидевшей в них, главным образом, «яркую голубую обертку, развернуть которую не могли – так и слопали с фольгой и бумажкой».

Виктюка часто называют «революционером эротического театра», и сам он полностью согласен с этим определением. «Секс – главная тема моего театра, в котором ни один спектакль без этого не обходится, – говорил он. – Сейчас вышла моя новая премьера под названием "Давай займемся сексом!" – с

восклицательным знаком в конце. Именно сексом, а не любовью – это, к счастью, разные понятия. А потом буду делать спектакль с Е. Образцовой и И. Соколовой "Не стреляйте в маму". Это грустная итальянская пьеса: чтобы уберечь своих 17-летних сыновей от соблазнов жизни, две мамы влюбляют в себя детей друг друга. И героиня Образцовой забеременеет от сына своей подруги…»

Что касается собственных любовных отношений, то Виктюк утверждает, что никогда не соединяет творчество и личную жизнь, считая близкие отношения с партнерами по сцене невозможными. «Я вообще убежден, независимо от мужского или женского партнерства, что как только в творчестве переходишь телесный Рубикон – искусство заканчивается. Гениальное возникает только тогда, когда есть дистанция тайны. Всегда взаимопроникновение всех этих токов должно быть на уровне духовном. Насытиться телом, открыть через него человека проще. Но тогда дистанция между двумя душами – половой орган. Мужской… В жизни же, когда человек уходит из твоего творческого поля, – пожалуйста. Иначе – никак. Каждый артист – грань твоей души, ее отсвет. Существует взаимопроникновение, когда свечение не должно исчезать с годами. Не один раз режиссер как потребитель пользует актера как товар – и убивает этим артиста, употребив его и творчески, и физически».

Вокруг личной жизни Романа Виктюка всегда было множество слухов и сплетен. Особый интерес у публики и прессы вызывает его давняя женитьба на работнице «Мосфильма», о чем он скупо рассказал в одном из интервью: «Я был женат только один раз. Мне много не надо. Этого хватило, чтобы постичь всю эту премудрость. И сколько бы ни говорили великие о том, что одиночество – это не только удел, а единственно возможное существование творца, в это никто не верит. Потому что каждый должен пройти этот путь сам».

С приходом перестройки Виктюку предлагали возглавить один из московских театров, но он не захотел: «Там меня поработили бы. А так я – "кошка, которая гуляет сама по себе". Я отказался от всех предложений, и мне позволили создать свой частный театр с определенными государственными вливаниями». Организованный еще в 1991 г. театр Виктюка долгое время не имел своего помещения. Теперь в распоряжении коллектива собственное здание – бывший ДК в Сокольниках. Театр получает государственную дотацию только на помещение, остальные деньги – на будущие постановки, на рекламу, на гонорары – он зарабатывает сам. Виктюк гордится тем, что его актеры получают не только приличную зарплату, но и гонорары за каждый

спектакль. «Например, Алиса Фрейндлих, когда играет у нас, получает сумму, которую у себя в театре в Петербурге может получить, наверное, за полгода работы, – говорит он. – Конечно, не у всех такая большая сумма – только у звезд».

Виктюк гордится теми, с кем он работает: «Сейчас у меня появилась труппа, исповедующая ту веру, которая мне близка, и делающая на сцене то, что, как мне кажется, нужно современному театру». По словам самого режиссера, актеры для него – это прежде всего любимые дети. Не случайно Роман Григорьевич обращается к ним очень ласково, на украинский манер – «сына» и «доця». Очень часто на репетициях в их адрес звучат его восторженные слова: «Блеск, дети!», «Браво!», «Бис!». Правда, с такой же непосредственностью и эмоциональностью Виктюк использует и ненормативную лексику, но никто из актеров – ни новички, ни звезды – не обижается на мэтра. Сам он рассказывает об этом так: «Обматерю, а через секунду первый кричу: "Брависсимо!" Ору, бегаю по залу, ругаюсь, хвалю, а за всем этим единственная цель – раскрепостить актера, стать тем зеркалом, в котором он увидит самого себя».

Со своими актерами режиссер говорит на особом, «виктюковском» языке, где целые фразы заменяет какой-то звук или намек. Для него репетиция – это семейный сбор, где звучат выражения, понятные только родным. «Даже когда я приезжаю в Америку, мне не нужно долго ждать переводчика, хотя я совершенно не знаю английского. Шутя, играя, я договариваюсь с актерами, и они осваивают несколько слов, которые мне близки: "чичирка" – это какое-то мужское начало, "манюрка" – женское начало, "хэдзелка" – что-то близкое к сексуальным мотивам, и еще целый ряд терминов. Актеры моментально привыкают к этим словам – и легко общаться. Разве не симпатичные слова? Игра, баловство должны быть во всем».

И все-таки актеры для него – это не только дети, но и творческие единомышленники, и в их выборе Виктюк практически никогда не ошибается. Алла Демидова сказала однажды, что в Романе Григорьевиче есть ощущение власти, но не больше, чем нужно для режиссера. В расчете на индивидуальность актера Виктюк строит почти весь свой репертуар: «Двое на качелях» ставились исключительно под Наталью Макарову, бесконечно ценимую мастером балерину, «Манон Леско» на телевидении – в расчете на Маргариту Терехову. Кто только не играл у него в спектаклях! И Алиса Фрейндлих, и Лия Ахеджакова, и Ада Роговцева, и Людмила Максакова, и Сергей Маковецкий, и многие-многие другие.

Уже имея собственный театр, который объединил артистов из

разных театров, близких режиссеру своим мировоззрением, Виктюк повторил с новыми исполнителями свои прежние работы: «Служанки», «Наш Декамерон XXI», «М. Баттерфляй», «Рогатка», а также поставил «Двое на качелях», «Лолиту» и «Саломею».

Долгое время у Виктюка не было даже собственной квартиры, хотя он был уже знаменит, а его спектакли шли во МХАТе и «Современнике», театрах имени Моссовета и имени Вахтангова, на Таганке, в других городах и странах. «Преподавая четыре года в эстрадно-цирковом училище, я жил в Москве без прописки, и пока меня не поселили в общежитии Театра Моссовета, я был совершенно бесправным человеком», – вспоминает режиссер. Теперь он живет в огромной квартире на Тверской, бывшей квартире Василия Сталина. По словам самого Виктюка – это «самый большой абсурд, который можно придумать»: «Никак не могу избавиться от ощущения, что из этой квартиры, хоть и приватизированной, меня рано или поздно выселят. Только представьте себе: живу в первом доме у Кремля. Ужас! Я уже и планировку в этой квартире переделал, но все равно ощущение того, что я там нахожусь случайно, – живет во мне категорически».

Это «сталинское наследие», а также многотысячная (!) коллекция музыкальных компакт-дисков породили немалое количество слухов. Эту коллекцию режиссер считает главным своим богатством. Он привозит музыку со всего мира, заказывая в самых известных студиях все новое, что только появляется. Прославился Виктюк и страстной любовью к дорогущим разноцветным пиджакам, приобретаемым преимущественно у Версаче и Джанфранко Ферре. Когда ему хочется очередную вещичку «от кутюр» стоимостью в несколько тысяч долларов, он всегда повторяет любимую фразу: «Неужели это тельце не заслужило вот эту вещь?» «Вот скажешь себе эту фразу про тельце, и оно сразу же шепчет: бери, бери, бери, никого не слушай! – признается режиссер. – И ты немедленно понимаешь, что сговор состоялся».

Трудно поверить, что Виктюку почти семьдесят. Говорят, не годится он для юбилеев и чествований – «солидности не хватает. Зато годится, чтобы ставить спектакли, собирать полные залы и поднимать их в десятиминутной овации. Виктюк не стареет, не бросает хулиганских привычек и не отказывается от истины только потому, что она банальна». «Гражданин мира», востребованный не только в России, но и во многих других странах, он кометой вспыхивает то в одном театре, то в другом, то на телевидении, то на другом конце света. Где он сейчас? В Израиле, в США, в Италии, а может, где-то совсем рядом –

вынашивает очередной блистательный замысел. Безудержный, непостижимый, «вечный странник и фантазер» – Роман Григорьевич Виктюк.

Винниченко Владимир Кириллович (род. в 1880 г. – ум. в 1951 г.)

Писатель, драматург, публицист, художник и общественно-политический деятель.

«Намечается путь на Голгофу. Необходимо, чтобы снова была мною выпита чаша унижений, обид, тревог и борьбы… Словом, я снова убегаю от тишины, спокойствия и одиночества к неуверенности, беспокойству и страданиям…» – так писал Владимир Винниченко за несколько недель до своей последней поездки в Украину в 1920 г. Это путешествие поставило точку в его политической карьере. Винниченко понял, что уже ничего не сможет изменить в судьбе родной страны и ее обездоленного народа, служению которому посвятил свою жизнь.

Владимир Кириллович Винниченко родился 12 июля 1880 г. в селе Веселый Кут Елисаветградского уезда на Херсонщине (ныне Кировоградская область), в бедной крестьянской семье. С раннего детства маленький Владимир отличался наблюдательностью и пытливым умом, а в школе проявлял способности к разным наукам. Поэтому учителя уговорили его родителей продолжить образование сына. Несмотря на тяжелую материальную ситуацию в семье, Владимир поступил в Елисаветградскую гимназию.

Здесь он с особой остротой ощутил всю несправедливость своего положения: учителя и ученики враждебно встретили

одаренного, но бедно одетого мальчика со смешным украинским произношением. В дальнейшем он все время сталкивался с их насмешками и презрением. Владимир отчетливо осознал, что мир поделен на богатых и бедных и никогда между ними не будет понимания. Ему навязывали мысль, что участь одних – получать все блага жизни, ничего не делая, и жить в свое удовольствие, а другие должны тяжело работать и все равно не иметь даже самого необходимого. Такое положение вещей не устраивало Владимира, и он, как мог, выражал свой протест: постоянно дрался с соучениками и бил окна в классных комнатах. В старших классах Винниченко принимает участие в революционных кружках и пишет поэму революционного содержания, за которую получает неделю «карцера», а через некоторое время его вовсе исключают из гимназии. Чтобы как-то заработать на жизнь и помочь семье, Владимир нанимается на работу к богатому помещику, в очередной раз сталкиваясь с несправедливым отношением к простым труженикам и жестокой эксплуатацией.

В 1900 г. Владимир Винниченко экстерном сдает экзамены на аттестат зрелости в Златопольской гимназии и поступает на юридический факультет Киевского университета. Однако уже на первом курсе его арестовывают как члена Революционной Украинской партии (РУП) и исключают из вуза. С этого момента начинается отсчет активной революционной деятельности Винниченко, продолжавшейся около двадцати лет.

Винниченко-революционер проявляет недюжинное упорство в достижении своих целей. Казалось, ничто не может сломить его дух и поколебать уверенность в справедливости дела. Получив запрет на проживание в Киеве, Владимир отправляется на Полтавщину, где продолжает вести разъяснительную работу среди рабочих и крестьян. Его забирают в солдаты, но с помощью друзей Винниченко удается совершить побег из армии и переправиться за границу. Несколько раз он нелегально пересекает границу, привозя на родину запрещенную литературу. В один из таких переходов, в 1903 г., его задержали и судили военно-полевым судом за дезертирство, приговорив к полутора годам тюрьмы. Наказание Винниченко должен был отбывать в дисциплинарном батальоне. Доведенный до отчаяния, он попытался покончить с собой, но его спасли, а вскоре освободили по амнистии. Выйдя на свободу, Винниченко снова покидает пределы страны, а в 1905 г. возвращается, чтобы принять участие в революции. Чудом освободившись после очередного ареста, Винниченко уезжает за границу. Путешествует по Австрии, Франции, Швейцарии, Италии, повсюду знакомится с передовыми людьми, поддерживающими революционные настроения в России,

передает на родину листовки и книги.

Во время февральской революции 1917 г. Винниченко как авторитетный политик и опытный революционер становится во главе первого правительства Украинской Народной Республики (УНР)– Генерального секретариата Украинского центрального совета – и назначается генеральным секретарем внутренних дел. Владимир Кириллович разрабатывает многие универсалы и декларации, призванные обеспечить идею суверенности Украины в федеративном устройстве будущего государства. Винниченко принимает активное участие в переговорах с Временным правительством, у которого, впрочем, и в мыслях не было предоставлять Украине какую бы то ни было независимость, даже в пределах федерации с Россией.

В то бурное время, наполненное надеждами и тяжелой каждодневной работой, Винниченко записывает в своем «Дневнике»: «О Господи, какая это ужасно трудная вещь – возрождение национальной государственности. Как она в исторической перспективе будет представляться легкой, само собой разумеющейся, естественной, и как трудно, с какими нечеловеческими усилиями, уловками, с каким, временами, отчаянием, ненавистью и смехом приходится таскать эти камни государственности и складывать из них тот дом, в котором будут с такими удобствами жить наши потомки».

Но построить этот государственный дом тогда не удалось. Под ударами большевиков зимой 1917-1918 гг. Украинская Народная Республика пала. Немалая вина в этом и самого Винниченко, который на посту председателя Совета министров УНР оказался совершенно беспомощным в делах построения государства. Еще в большей степени эти недостатки проявились у него, как у политического деятеля, во времена Директории.

После поражения вооруженных сил Директории Винниченко в 1919 г. выехал в Венгрию. В это время его политические симпатии стали склоняться в сторону национал-коммунизма. Свою веру в идею коммунизма, который Винниченко считал «гармонией психических и физических сил человека», он отобразил в трехтомной мемуарно-публицистической работе «Возрождение нации». Еще надеясь на возможность найти взаимопонимание с большевиками, Винниченко поддержал политику В. Ленина относительно создания Федерации советских республик. В душе Владимира Кирилловича снова затеплилась надежда на то, что Украина обретет желанную суверенность. Но в условиях сложной экономической и политической ситуации в России Украина по-прежнему оставалась своеобразным «придатком» главной республики.

Со временем вера Винниченко в коммунизм пошатнулась. Он видел предательство многих своих соратников, их неуверенность в собственных силах и взглядах. Наблюдая за поведением некоторых партийных деятелей, Владимир Кириллович с тоской спрашивал: «Какая же разница между коммунистом-комиссаром и царским приставом?.. Где же равноправие, когда в социалистической России точно так же царит неравенство, когда у одного «кремлевский» паек, а другой – голодный… когда один имеет все, а другой – ничего… В чем же в таком случае коммунизм? В хороших словах? В парадах?..»

Винниченко предпринимает последние попытки что-то изменить в жизни простых украинских тружеников. Встречается с партийными руководителями, вносит свои предложения, которые, впрочем, остаются без внимания.

В 1920 г. он навсегда покидает Украину. Уезжает разочарованный в деле всей своей жизни, с болью в сердце. Словно подводя итоги своей политической деятельности, Владимир Кириллович записывает в «Дневнике»: «Пусть украинский обыватель говорит и думает, что ему хочется, я еду за границу, отряхиваю с себя всякую пыль политики, обкладываюсь книгами и окунаюсь в свое настоящее, единственное дело – литературу».

Первые произведения Винниченко – поэма «Гулящая» и рассказ «Народный деятель» были написаны еще в 1901 г. А спустя некоторое время на страницах журнала «Киевская старина» появилась повесть «Сила и красота». Тогда молодым автором заинтересовались многие известные писатели и популярные издания. В произведениях «Возле машины», «Голота», «Суд», «Борьба», «Темная сила», «Мнимый господин», «Честь», «Студент», «Солдатики!», «Федько-халамидник», «Великий Молох» Винниченко правдиво изображал жизнь угнетенных и гневно изобличал поработителей. Его перу также принадлежали импрессионистические романы «Хочу!» и «Записки курносого Мефистофиля». Язык его рассказов, драм, повестей, комедий, статей и романов был настолько ярок и своеобразен, а картины жизни, созданные автором, такими правдивыми, что вскоре он стал одним из самых популярных писателей Украины. Секрет Винниченко был прост: в своих произведениях он рассказывал о тех событиях, участником которых зачастую был сам.

Михаил Коцюбинский высоко оценивал литературную деятельность Владимира Кирилловича: «Кого у нас читают? Винниченко. Про кого вокруг идут разговоры, как только речь касается литературы? Винниченко. Кого покупают? Снова Винниченко».

Драматургия Винниченко просто покорила украинскую и российскую сцены своей злободневностью. Автор охватывал самые острые социально-политические и моральные проблемы общества, не жалея ни мещан, ни чиновников-«интеллигентов», ни богатеньких кулаков. Его пьесы «Ступени жизни», «Чужие люди», «Дисгармония», «Базар», «Грех», «Закон», «Черная пантера и Белый медведь» и многие другие постоянно были в репертуаре «Молодого театра» Леся Курбаса, Украинского театра Садовского, нового драматического театра им. И.Я. Франко.

В годы эмиграции Винниченко создал не менее популярные произведения: социально-фантастический роман «Солнечная машина» (1928 г.) и роман-антиутопию «Лепрозорий» (1938 г.). В Украине его произведения публиковали до 1933 г. Но находясь за границей, писатель не мог не думать о своей родине и не интересоваться положением людей. В 1933 г. он пишет открытое письмо Сталину, в котором обвиняет его в массовом терроре против украинского народа – голодом и репрессиями. Доказывает, что в советской действительности очевидно «не строительство социализма, а обновление старой тюрьмы народов». Реакция партии последовала незамедлительно: писателя назвали «старым волком украинской контрреволюции», а его гонорары, которые издательства исправно пересылали автору в Германию и Францию, конфисковали. Естественно, издание книг «врага народа» было прекращено.

Владимир Кириллович, не питая никаких иллюзий, понимал, что от расстрела его спасло только проживание вне сферы влияния Сталина и что путь на родину закрыт до падения режима «отца всех народов». Писатель очень болезненно переживал разлуку с Украиной и гибель всех своих надежд. В его жизни оставалось лишь творчество и решение насущных проблем, которых становилось все больше и больше.

В 1934 г. он вместе с женой Розалией покупает небольшой домик с участком возле французского городка Мутен, разбивает сад, огород. Владимир Кириллович очень много занимается физическим трудом, но старается каждый день по нескольку часов отдавать литературе и живописи. С помощью изобразительного искусства Винниченко пытается достигнуть гармонии с собой и природой. О его картинах критик М. Келлер писала: «Несмотря на чисто трагическое содержание его композиционных полотен, все художественное творчество Винниченка выявляет глубокую любовь к жизни и какую-то радость, легкость и благодарность за то, что он может передавать душу каждой своей модели, даже если это цветок или камень».

Самыми сложными стали для писателя годы фашистской

оккупации Франции. Винниченко категорически отказался сотрудничать с нацистами, за что был арестован и отправлен в концлагерь. Но через некоторое время его отпустили. Только чудом фашисты не узнали о том, что накануне войны Винниченко предупреждал Сталина о надвигающейся опасности. В своем «Открытом письме Сталину и членам Политбюро» Владимир Кириллович подчеркивал: «Вся беда, одним словом, в Германии. Да и не столько в Германии, в германском народе, как в Гитлере, насильственно захватившем власть над этим народом и террором навязывающем ему свои психологические настроения и вожделения».

В последние годы жизни Владимир Кириллович продолжал активную творческую и общественную деятельность, принимал участие в работе многих проукраинских организаций и по-прежнему отстаивал идею украинской государственности. Нашла она свое отражение и в последнем литературном произведении писателя – политическом романе «Слово за тобой, Сталин». Написанный в 1950 г., он был издан в Украине только в 1989 г.

Владимир Винниченко умер 6 марта 1951 г. во Франции, так и не увидев перед смертью Родину.

Фигура Винниченко по праву является одной из ведущих в истории политики и культуры Украины XX века. Вся жизнь этого выдающегося человека, полная взлетов и падений, радости творчества и крушения надежд, была подчинена одной-единственной цели – служению отечеству. И где бы ни был Винниченко – в тюрьме, ссылке или в эмиграции, – он всегда думал об Украине. Таким он и остался в памяти своего народа.

Владимир Великий (род.? – ум. в 1015 г.)

Великий князь Киевский, креститель Руси.

«Удивления достойно, сколько добра сделал он Русской земле», – писал автор «Повести временных лет» о князе Владимире Святославиче. И действительно, время его княжения – это расцвет древнерусского государства, укрепление его международного положения. При нем развивались земледелие и ремесла, начала развиваться и русская культура. Владимир основал на Руси первые школы для детей киевской знати, при церквах и монастырях стали собирать библиотеки, появились каменные строения. Ну а принятие христианства стало настоящим переворотом, обновившим Киевскую Русь и укрепившим центральную власть князя. Христианство принесло новую мораль и культуру и дало возможность русскому государству на равных войти в число крупнейших и влиятельнейших стран Европы.

Владимир был незаконнорожденным сыном воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар и на обратном пути из Болгарии в Русь был убит печенегами. Матерью Владимира, согласно летописи, была ключница княгини Ольги Малуша. Ее происхождение остается загадкой. По версии академика А. Шахматова и историка Д. Прозоровского, она приходилась дочерью древлянскому князю Малу, который был

причастен к смерти Игоря и впоследствии сватался к Ольге. В свете этой гипотезы становится понятным тот факт, что, будучи рабыней, Малуша сумела достигнуть такой значительной должности при княжеском дворе, как ключница, т. е. хозяйка ключей от всех кладовых и начальница над слугами.

Вероятно, Ольга была недовольна любовью сына к рабыне, пусть даже и знатного происхождения, поэтому и услала Малушу в село Будутино, где у нее и родился сын. Малолетний Владимир воспитывался при дворе Ольги, под присмотром своего дяди Добрыни, воспетого в былинах под именем Добрыни Никитича. В возрасте семи лет отец посадил Владимира наместником Великого Новгорода, где он провел около восьми лет, обучаясь тонкостям управления.

После смерти Святослава между его детьми началась междоусобица. Старший сын Ярополк, посаженный на княжение в Киеве, возмутился тем, что брат Олег не выказывает ему должного уважения и не присылает дань. В 977 г. Ярополк пошел на брата войной и убил его. В древлянской земле был посажен наместник киевского князя. Узнав об убийстве Олега, Владимир, как утверждает Нестор-летописец, испугался и сбежал в Скандинавию, а Ярополк завладел и новгородским княжеством. Однако через год Владимир, наняв за морем дружину и, вероятно, пообещав воинам богатую добычу, возвратился в Новгород, изгнал наместников Ярополка и приказал им передать хозяину: «Владимир идет на тебя, готовься к бою с ним». Новгородский князь собрался воевать с Ярополком, опираясь на союз с полоцким князем Рогволдом. На это же рассчитывал и его брат. И каждый из соперников старался для укрепления союза сосватать половецкую княжну Рогнеду. В этом деле удача сопутствовала Ярополку – законному киевскому князю, а Владимиру отказали в довольно оскорбительной форме, что ускорило развязку конфликта. Владимир молниеносно собрал войско и немедленно двинулся на Полоцк. Нападение было неожиданным для Рогволда. В результате полоцкий князь и его жена были убиты, а Рогнеду Владимир взял в жены, тем самым лишив полоцкую землю самостоятельности и даже автономии в составе складывающегося древнерусского государства. Впоследствии от этого варварского брака у Владимира родилось шестеро детей.

Покорив Полоцк, младший Святославич затем овладел Киевом и расправился с Ярополком. Теперь ничто не мешало ему взойти на престол. Вокняжение Владимира в столице Руси, согласно Иакову Мниху, произошло 14 июня 978 г. В то время феодализм у восточных славян только начал зарождаться, активизировалось формирование классов и усилилась социальная

поляризация. Государство превращалось в раннефеодальную монархию с еще несовершенным механизмом принуждения. Поэтому часто единство огромной территории держалось только на личном авторитете князя. Первым единоличным правителем русской земли летописец называет Ярополка, а Владимир еще более усилил авторитарность княжеской власти.

Сев на престол в Киеве, Владимир первым делом решил избавиться от варяжских наемников, с помощью которых захватил власть. Дело в том, что варяги, поверив в свою незаменимость, повели себя крайне возмутительно. Они потребовали от Владимира наложить на киевлян дань в свою пользу – по две гривны с человека (1 гривна = 204,7 г серебра). Но Владимир сумел отправить варягов в Византию и только незначительную их часть влил в ряды своих дружинников. К византийскому императору он направил послов с такими словами: «Вот идут к тебе варяги, не решайся держать их в столице, иначе принесут тебе столько зла, сколько и мне, но рассели их по разным местам, а сюда ни одного не пускай».

Освободившись таким образом от варягов, Владимир в своей внешней и внутренней политике стал опираться на дружину, которая в своей массе состояла из русичей. Летописи изображают великого князя идеальным дружинным командиром: «Владимир то любил дружину и с ней советовался про устройство и порядки земли и про войны». И такое положение вещей было характерно для многих зарождавшихся монархий Европы. Ведь родоплеменные пережитки были еще сильны, да и класс крупных феодалов формировался в основном из тех же дружинников.

Свою государственную деятельность молодой князь, как и его предшественники, начал с присоединения к Киеву восточнославянских союзов племен, которые или еще не вошли в состав государства, или отпали в связи со смертью предыдущего киевского князя. Первой военной акцией Владимира стал поход против тулибов и хорватов в 981 г. Их тогда окончательно ввели в состав Киевской Руси. Потом были подавлены восстания вятичей и радимичей в 982 – 984 гг. Одновременно были покорены Закарпатская Русь и Тмутаракань. Во время правления Владимира все основные восточнославянские союзы племен были включены в состав государства. Процесс создания Киевской Руси практически завершился. Границы страны в основном совпадали с этническими границами восточнославянской общности. На востоке Киевская Русь достигла междуречья Оки и Волги, на западе – Днестра, Карпат, Западного Буга, Немана и Западной Двины, на севере – Чудского, Ладожского и Онежского озер, на юге – Дона, Роси, Сулы и Южного Буга.

Закончив собирание земель, выдающийся политик и администратор Владимир осуществил ряд реформ: административную, военную, судебную и религиозную. В период проведения административной реформы с целью укрепления центральной власти киевского князя Владимир раздал удельные земли в управление своим двенадцати сыновьям. Тем самым ликвидировалась автономность удельных княжеств и власть племенных князьков. Причем наместники рассылались Владимиром в те города, которые стояли на окраинах Русской земли и требовали защиты от внешних врагов – Тмутаракань, Муром, Ростов, Новгород, Псков, Полоцк, Владимир-Волынский. Великий киевский князь мог смещать наместников по своему усмотрению, предотвращая возможность превращения их в удельных князей.

Для предотвращения конфликтов и сближения с местной администрацией и боярами Владимир устраивал в Киеве так называемые «Владимировские банкеты» – пиры, куда приглашались дружинники, бояре, знатные горожане и представители разных областей. Эти банкеты были своеобразными собраниями, где проводились консультации и принимались важные решения.

Вместе с административной была проведена и судебная реформа. Владимир Святославич хотел разделить «епископский» и городской суды, разработав законы, которые регулировали отношения в обществе на основе обычного устного права. Свод законов, названный «Уставом Земляным», был направлен на укрепление власти феодалов над общинниками-данниками, способствовал развитию вотчинного хозяйства на землях, которые перешли во власть князя, и впоследствии лег в основу первого письменного свода древнерусского законодательства – «Русской правды» Ярослава.

Военная реформа Владимира заменила племенную организацию войска на феодальную, когда владельцы земельных наделов с прикрепленными к ним крестьянами были обязаны выступать в поход в полном боевом вооружении по первому требованию князя.

А воевать тогда приходилось много. На протяжении почти всего своего правления Владимир вел упорную борьбу с печенежскими ханами, орды которых кочевали в Северном Причерноморье. Печенеги постоянно совершали набеги на южнорусские земли, вытаптывали посевы, грабили и жгли города и села, убивали и брали в плен тысячи русичей. Для защиты от кочевников киевский князь приказал создать мощную оборонительную систему. Строительство многочисленных

укрепленных городов вокруг Киева потребовало сил и средств всего государства. Ведь тогда строили не только сами крепости, но и огромные земляные стены с густым дубовым частоколом на них. Эти земляные насыпи располагались вдоль рек и усиливали природные преграды на пути кочевников. В народе их прозвали «Змеевыми валами».

Тяжелая борьба Киевской Руси с печенегами в годы правления Владимира отобразилась в «Повести временных лет». Нестор упоминает о трех больших набегах (в 992, 996 и 998 гг.), которые закончились полной победой русских воинов. Под 992 г. летописец сообщает: «Пришли печенеги по берегу Днепра от Сулы, а Владимир выступил против них и встретил их на Трубеже возле брода, где сейчас Переяславль. Стал Владимир на одном берегу, а печенеги – на другом, и не решались наши перейти на тот берег, а те – на этот». Как всегда, наверное, печенеги имели численное преимущество, но русские воины находились за укреплениями. Поэтому никто и не решался начать битву первым. Тогда исход сражения решил поединок двух богатырей, вошедший в народный эпос как былина о Никите Кожемяке. Печенеги были посрамлены и с позором бежали.

Проводя административную и правовую реформы, возводя поражающие воображение «Змеевые валы», древнерусское правительство не забывало и об идеологии. Развитие феодализма требовало соответствующего идеологического обоснования и утверждения. Язычество с его многобожием и многочисленными волхвами не могло освящать княжеский авторитет, а значит, не отвечало требованиям времени. Жрецы различных культов выступали против закрепощения свободных общинников и часто сами соперничали с князьями за влияние на общество. Поэтому первоочередной задачей для Владимира стала реформа языческих верований и культов. Согласно все той же «Повести временных лет», взойдя на престол, Владимир приказал поставить на горе рядом с княжеским замком пантеон и поместить туда языческих идолов во главе с Перуном – богом грозы и молнии. Возможно, интуитивно князь ощущал, что единоличному способу правления должен соответствовать единый верховный бог. Однако попытка ввести единый для всей страны культ не принесла желаемых результатов. Тогда взоры Владимира Святославича обратились к христианству, уже известной на Руси монотеистичной религии, которая постепенно распространялась среди славян благодаря политическим, экономическим и культурным связям с Византией.

После долгих раздумий Владимир окончательно склонился к новой вере. Принятию важного решения способствовала и международная ситуация. В Византии вспыхнула гражданская

война, войска восставших феодалов приближались к Константинополю, а императорские легионы бежали от плохо вооруженных крестьян Болгарии и Сербии. Соправители – императоры Василий II и Константин – послали в Киев посольство с просьбой о помощи. Владимир помощь пообещал, но взамен просил руки сестры императоров Анны. Византийцы вынуждены были смириться с перспективой такого родства, но со своей стороны выдвинули требование, чтобы Владимир перешел в христианство и крестил свой народ. Это условие соответствовало желаниям самого князя, поэтому в том же 988 г. русские войска разгромили восставших заговорщиков в битве под Хрисополем. Однако византийские правители не спешили выполнять обещание и отдавать принцессу Анну в жены киевскому князю. Тогда, чтобы заставить византийцев сдержать слово, Владимир отправился в Крым и осадил Херсонес (на Руси его называли Корсунь). Хитростью взяв город, Святославич мог диктовать Византии условия мира. Император Василий II немедленно отослал Анну к Владимиру в Херсонес, где и был заключен торжественный брак. Как выкуп за невесту киевский князь великодушно отдал императору этот крымский город, о захвате которого своими силами Василий и мечтать не мог.

Сразу после возвращения Владимир начал повсеместно на Руси вводить христианство. «И когда пришел, – говорит Нестор, – повелел свергнуть идолов, – одних порубить, а других сжечь. А Перуна приказал привязать к лошадиному хвосту и волочить его по Боричевому узвозу». Вслед за этим приказано было строить церкви и приводить людей на крещение во всех городах и селах. В Киеве руками греческих мастеров была поставлена церковь Пресвятой Богородицы, названная позже Десятинной, так как на ее содержание Владимир дал десятую часть своих доходов.

Надо сказать, что население Киевской Руси крестилось постепенно и не оказывало явного противодействия. Отчасти потому, что большинство еще не осознавало смысл новой религии, а отчасти потому, что она не мешала русичам сохранять языческие суеверия.

Для прочного утверждения новопринятой религии Владимир приказал построить в Киеве школу для детей знати. Таким образом, вырастало поколение людей, которые стали проводниками образования, государственности и права на Руси.

Христианство укрепило государство, освятило власть князя и его «божественный авторитет», внесло новую мораль и культуру и способствовало укреплению политических, экономических и культурных связей с европейскими государствами.

Историческая традиция утверждает, что христианство сильно

повлияло и на характер Владимира Святославича. Киевский князь отпустил четверых жен и множество наложниц и остался с Анной, а после ее смерти в 1011 г. женился на немецкой принцессе. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить преступников, но потом, по совету бояр, установил наказания только денежным штрафом – вирой. Владимир остался любителем застолий и веселья, но теперь на пиры приглашались не только дружинники и бояре, а даже простые киевляне. Убогим же раздавалась щедрая милостыня.

Возраставший международный авторитет Киевской Руси Владимир укреплял династическими браками своих детей с представителями королевских домов некоторых европейских стран. Так, например, Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа, Святополк – на дочери польского короля Болеслава, одна из дочерей Владимира стала женой венгерского короля, другие – польского и чешского.

Последние 15 лет жизни князя в источниках не освещены. Лишь незадолго до его смерти, в 1014 г., летописец упоминает Владимира в связи с бунтом его сына Ярослава, который, будучи новгородским князем, отказался платить ежегодную дань, т. е. фактически заявил о своей независимости. Владимир Святославич собирался наказать непокорного сына и приказал «расчищать дороги и мостить мосты», но неожиданно заболел и скончался 15 июля 1015 г. Похоронен он был сначала по языческому обряду, а потом его тело перевезли в Десятинную церковь. «Сошлись люди без числа и плакали о нем: бояре – за защитником страны, а бедные – как за своим кормильцем и защитником», – говорит древнерусская летопись.

Владимир Великий был выдающимся государственным деятелем и полководцем, главным основателем киевского государства. После смерти он был канонизирован церковью и получил имя Святого, а в народе его прозвали Красным Солнышком.

Владимир Мономах (род. в 1053 г. -ум. в 1125 г.)

Великий князь Киевской Руси, полководец, общественный деятель и писатель.

Владимиру Мономаху уже исполнилось 60 лет, когда он сел на киевский престол. Всю жизнь он провел в войнах – как в междоусобных, так и с внешними врагами. «Всех походов моих было 83, – писал Владимир в своем «Поучении», – а других маловажных не упомню. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более 100 лучших их князей и вытащил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках». Став великим князем, Владимир смог прекратить распри между удельными князьями, а набеги кочевников вообще перестали беспокоить русскую землю. При его жизни в государстве установился относительный порядок.

В 1053 г., за год до кончины Ярослава Мудрого в семье его сына Всеволода и греческой царевны Марии, дочери византийского императора Константина IX Мономаха, родился сын. Отец назвал его Владимиром в честь своего деда – Красного Солнышка. Имя предполагало, что когда мальчик подрастет, будет «владеть миром». Церковь при крещении дала ему имя Василий, что означает «повелитель»: от матери досталось третье имя – Мономах, что означает самодержец, единоборец. Детство Владимира-Василия прошло в Переяславе. Он получил хорошее

для своего времени образование. По описанию летописцев, Владимир был красен лицом, невелик ростом, но крепок и силен; глаза у него были большие, волосы рыжеватые и кудрявые, а борода широкая и густая. Интересно, что в летописях его иногда называли царем и отмечали, что он ни разу не был замечен в подлости и ни разу не нарушил крестного целования.

Владимиру рано пришлось выполнять сложные и явно не детские поручения. Уже в 13-летнем возрасте он был отправлен отцом на княжение в далекий Ростов (Ростово-Суздальская земля). Через 5 лет юноше пришлось оказывать помощь отцу, осажденному кочевниками-половцами в Переяславе. После этого он еще 5 лет княжил в Смоленске, к которому впоследствии присоединил Чернигов. В 1078 г. обострилась борьба за киевский престол. Князья Олег Святославич и Борис Вячеславич, добиваясь Киева, привели на Русь половцев. В сражении на р. Сожице они разбили Всеволода Ярославича. Владимир поспешил на помощь отцу. Соединившись с ним и с великим князем Изяславом, он двинулся на Чернигов. 3 октября состоялось сражение на Нежатиной Ниве. Олег и Борис потерпели поражение. Но в этом бою погиб князь Изяслав, после чего Всеволод сел на великое княжение в Киеве, а Владимира посадил подле себя в Чернигове, где тот княжил до 1094 г. Жил он там счастливо со своей первой женой Гитой, дочерью погибшего при Гастингсе короля англосаксов Гарольда П. Бежав от нормандского герцога Вильгельма Завоевателя, девушка попала во Фландрию, затем в Данию к королю Свену Эстридсону, женатому на Елизавете, дочери Ярослава Мудрого и тетке Владимира. Она-то и сосватала принцессу своему племяннику. Гита родила мужу сыновей Мстислава, Изяслава, Святослава, Вячеслава, Романа, Юрия (будущего Долгорукого) и дочерей Евпраксию, Агафию, Марию, Софию.

Несмотря на семейное счастье, правление Владимира в Чернигове не было безмятежным. Усобицы и набеги половцев продолжались, и ему приходилось помогать отцу в борьбе против них. В 1079 г. полоцкий князь Вячеслав Братиславич разорил Смоленск. Владимир со своими черниговцами вторгся в Полоцкую волость, затем захватил и разорил Минск. Затем пришлось усмирять переяславских торков. Однако больше всего неприятностей доставляли половцы. При жизни отца Владимиру довелось 12 раз сражаться с ними. В 1081 г. под Новгородом-Северским он разбил ханов Асадука и Саука, в следующем году за Сулой у Прилук разгромил ханов Осеню и Сакзю. В 1084 г. Владимир, прогнав из Владимира-Волынского князей Ростиславичей, посадил там княжившего ранее Ярополка

Изяславича, но когда тот поссорился с Всеволодом, прогнал его, захватив в Луцке мать, жену, дружину и все имущество Ярополка.

В 1093 г. умер Всеволод. Киевляне желали видеть своим князем Владимира, тем более что отец завещал ему великое княжение. Но законы престолонаследия тогда были иными. Поэтому, соблюдая очередь старшинства и не желая возобновления междоусобных войн, Владимир уступил Киев двоюродному брату Святополку II Изяславовичу. Едва утвердившись на престоле, Святополк затеял войну с половцами, которая оказалась неудачной: на р. Стучне он был разбит, а Владимир потерял в этом сражении брата Ростислава. С остатками дружины он вернулся в Чернигов. В следующем году к городу подошел князь Олег Святославич со своими союзниками половцами и предъявил на него свои права. Популярность Владимира среди горожан в тот момент была весьма низка. Они предпочитали видеть своим князем Олега. Владимир бился с ним 9 дней, а затем, не желая продолжения распри, уступил Чернигов Олегу, удалившись на стол отца в Переяслав. При выезде из Чернигова с ним не было и 100 человек, включая женщин и детей. Тем не менее половцы не решились на них напасть. Не ограничившись одним Черниговом, Олег еще несколько раз приводил половцев на Русь, вызывая новые усобицы. В 1096 г. Владимир в союзе со Святополком выгнал его из Чернигова, а затем под Переяславом разбил половецкого хана Тугоркана. В ходе этой борьбы погиб сын Владимира Изяслав, крестным отцом которого был Олег Святославич. Случившееся настолько тяжело подействовало на обоих князей, что когда Владимир по просьбе сына Мстислава, кстати, разбившего в 1097 г. Олега, написал тому письмо с предложением мира, тот согласился.

В том же году Святополк и Владимир собрали всех русских князей в Любече. На этом съезде было решено прекратить распри, а также постановлено, что каждый князь владеет только своей вотчиной. На этом князья целовали крест, поклявшись: «Если теперь кто покусится на чужую волость, да будет против него крест честной и вся земля русская». Фактически же съезд в Любече утвердил распад единого государства на самостоятельные земли при формальном главенстве киевского князя. Но не успели князья разъехаться по своим уделам, как вновь начались усобицы. С согласия Святополка волынский князь Давид Игоревич захватил в Киеве князя Василька Ростиславовича и, приведя в оковах в Белгород, ослепил его. Узнав об этом, Владимир призвал братьев Олега и Давида Святославичей выступить вместе с ним против Святополка. Дело грозило перерасти в общую войну. Киевлянам с трудом удалось уговорить Владимира не начинать новой

усобицы. Со Святополком князья помирились, а с Давидом Игоревичем воевали еще 3 года и в 1100 г. заставили его явиться на княжеский суд в Витичев, где у него отняли прежнее княжество и посадили княжить в Бутске. Стремление поддерживать мир между князьями нередко приводило Владимира в самый центр междоусобной борьбы. Так было и на съездах князей в Витичеве (или Уветичах) в 1100 г. и в Долобске в 1103 г.

Наряду с внутренними неурядицами Русь постоянно подвергалась набегам половцев. Владимир тогда выступил инициатором ответных ударов и постоянно подталкивал других князей к тому, чтобы вести в отношении половцев наступательную, а не оборонительную политику. Среди многочисленных походов против половцев самым удачным оказался поход 1111 г., когда по инициативе Владимира князья пошли к Дону. Оттуда русские рати вернулись с огромным полоном и богатейшей добычей. Этот поход оказался последним крупным событием в княжение Святополка Изяславича. 16 апреля 1113 г. он скончался. Великое княжение теперь должно было отойти к сыновьям второго сына Ярослава Мудрого Святослава. (Отец же Владимира был третьим сыном.) Но киевляне и слышать об этом не хотели. В Киеве начался мятеж, вызванный притеснениями ростовщиков и тысяцкого Путяты. Их дворы и имущество были разграблены. Киевляне второй раз попросили Владимира принять киевский престол, и Владимир дал свое согласие. Он быстро сумел навести порядок в Киеве, значительно смягчил положение горожан, упорядочив взимание процентов ростовщиками и регламентировав запись в холопство.

Интересно, что Святославичи не решились требовать своих законных прав на престол, однако междоусобные войны не прекратились. При этом князья не гнушались приглашать на помощь венгров и поляков. Пять лет длилась борьба с минским князем Глебом Всеславичем, отказавшимся подчиняться Владимиру. Великий князь в союзе с Давидом Черниговским и сыновьями Олега Святославича осадил Минск и заставил Глеба повиноваться. Однако вскоре вновь выступил против Владимира. В 1120 г. его как пленника в оковах привели в Киев, где он через 3 года скончался. В 1118-1119 гг. шла борьба с владимирским князем Ярославом, сыном Святополка, прогнавшим свою жену, внучку Мономаха. Ярослав привел на Русь поляков. Тогда сын Владимира Андрей вторгся во владения польского короля Болеслава Кривоустого и, опустошив их, вернулся с богатой добычей. Ярослав же обратился за помощью к венгерскому королю Стефану. Началось вторжение, в котором участвовали венгры, богемцы, поляки. Но вскоре Ярослав попал в засаду и был

убит. Вторжение прекратилось. В то же время Владимир замирил и Новгород, а в 1120 г. сын Юрий разгромил волжских булгар.

Русь вновь стала сильна, как и при деде Владимира. Вторжения извне прекратились. Теперь русские рати ходили походами в другие страны. В 1116 г. сын Владимира Ярополк разбил на Дону половцев, другой сын, Мстислав, нанес поражение чуди и взял их город Оденпе, внук Всеволод совершил поход в Финляндию и победил племя ямь. В 1116 г. Владимир послал свои рати в греческие владения, чтобы защитить права дочери Марии, вдовы царевича Леона, погибшего в Константинополе во время усобицы, и внука Василия. Узнав об этом походе и желая примириться с Владимиром, император прислал к нему митрополита Неофита и многих знатных людей с дарами. Среди даров были крест из животворящего дерева и сердоликовая чаша, принадлежавшая некогда римскому императору Августу, царский венец императора Константина Мономаха, деда Владимира, держава, цепь и древние бармы[1], которыми затем украшались русские государи при вступлении на престол. Возложив венец на голову Владимира, Неофит впервые назвал его царем.

Укрепляя христианство, Владимир, как и его дед, строил церкви и монастыри: близ Киева появился Выдубецкий монастырь, в им же заложенном г. Владимире на Клязьме – церковь во имя Всемилостивейшего Спаса. По-прежнему на русский язык переводилось много греческой литературы, поддерживалось летописание. При Владимире был введен культ Бориса и Глеба. Сам великий князь обладал незаурядным писательским даром. Им были созданы «Поучение», в котором он дал пример служения князя Родине, и «Письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу».

После смерти в 1107 г. жены Гиты Мономах был женат еще дважды. О второй жене ничего неизвестно, третью же звали Евпраксия. Как и при Ярославе Мудром, Владимир укреплял связи с другими государствами путем династических браков. Сын Мстислав был женат на дочери шведского короля, старшая дочь Мария стала женой сына византийского императора Романа IV, а младшая, Ефимия – женой венгерского короля Коломана. Одна из внучек Мономаха вышла замуж за норвежского короля Сигурда, другая – за Ободритского короля[2] Канута Святого, третья – за византийского императора Иоанна.

1124 г. на Руси был богат на страшные предзнаменования и беды: солнечное затмение, засуха, пожары. В результате пожара сгорел Киев. А 10 мая 1125 г. после 13 лет великого княжения окончил на р. Альте свой земной путь Владимир Мономах. Тело его было перенесено в Киев и положено в Софийском соборе

рядом с отцом князем Всеволодом и дедом – Ярославом Мудрым. Дети же его не смогли продолжить политику отца, что привело к новым усобицам и распаду Киевской Руси.

Гоголь Николай Васильевич (род. в 1809 г. – ум. в 1852 г.)

Великий украинский и русский писатель.

«Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Я сам не знаю, какая у меня душа. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, что нет в другой: явный знак, что они должны пополнить одна другую». Так писал Николай Васильевич Гоголь своему лучшему другу, А.О. Смирновой-Россет в декабре 1844 г. Стоит ли после этого спорить по поводу того, какой из народов вправе считать своим великого писателя?

Сам Николай Васильевич, проведший большую часть своей жизни в России и за границей (только в Европе он прожил 12 лет), никогда не забывал о своих украинских корнях, находя душевный покой и отдохновение лишь в родных местах.

Родился будущий писатель 20 марта 1809 г. в селе Большие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии. Род Гоголей-Яновских шел от Остапа Гоголя, полковника, соратника самого гетмана Дорошенко. Были в этом роду и шляхтичи, и военные, и царские чиновники, и священники. Таким образом, Гоголь был представителем малороссийского дворянства с примесью польской крови, особенно по материнской линии. И в

его характере органично соединились гордость польского духа с темпераментом жизнерадостного украинца.

Его отец, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский владел тысячей десятин земли и двумя сотнями крепостных. Чтобы содержать большую семью (12 детей, из которых до зрелого возраста дожили лишь четверо), ему пришлось служить сначала чиновником на Полтавском почтамте, потом управляющим у родственника жены, богатого помещика Д.П. Трощинского. Хозяин поместья был большим театралом, и Василий Афанасьевич, обладавший литературными способностями, сочинял для его дворового театра на малороссийском языке пьесы из народной жизни, принимал активное участие в их постановке – не только как режиссер, но и как актер. Присущий ему дар комического рассказа, как и любовь к театру, передались сыну. (Кстати, эпиграфы к «Сорочинской ярмарке» и «Майской ночи» были взяты Николаем Васильевичем из комедий отца.) От него же мальчик унаследовал и чрезмерную мнительность, мучившую его всю жизнь.

Мать писателя, Мария Ивановна, происходившая из небогатого рода Косоровских, была женщиной экзальтированной и набожной. Выйдя замуж в 14 лет и потеряв двоих детей в младенческом возрасте, она всю свою любовь и надежды сосредоточила на Николеньке. Под ее влиянием в мальчике развились задатки религиозности. По свидетельствам биографов, он был слабеньким, тщедушным ребенком, до трех лет не говорил, зато уже в пять начал писать стихи, что вызывало восторг у матери. Она вообще была неуемной фантазеркой и считала своего сына непревзойденным талантом, приписывая ему самые немыслимые открытия, например железной дороги и паровой машины. И все же, несмотря на комизм этих представлений, Мария Ивановна не ошиблась в главном – сын действительно стал гением, правда, не техники, а мировой литературы.

Детские годы будущего писателя прошли в имении родителей Васильевке, по соседству с селом Диканька – краем легенд, малороссийских поверий и исторических преданий, впоследствии так любовно и ярко описанных в его произведениях. Получив дома начальное образование, мальчик два года провел в Полтавском уездном училище, а в 1821 г. поступил в Нежинскую гимназию высших наук, которая была создана по типу Царскосельского лицея и предназначалась для детей провинциального дворянства. Особым прилежанием юный гимназист не отличался и считался учеником посредственным, хотя и обладал прекрасной памятью, хорошо рисовал и уже тогда

проявлял склонность к русской словесности. Несмотря на скрытность и необщительность, юный Гоголь был ревностным участником всех гимназических театральных постановок. Чаще всего играл роли комических стариков и старух (госпожа Простакова в «Недоросле» Фонвизина), рисовал декорации. С особым интересом вместе с гимназическими друзьями, будущими литераторами Нестором Кукольником, Евгением Гребенкой и Николаем Прокоповичем, участвовал юноша и в издании рукописного журнала. В нем были помещены первые литературные опыты Гоголя: трагедия «Разбойники», баллада «Две рыбки», сатиры «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», «Завтрак у предводителя», «На ярмарке» и др. Еще одно произведение юного писателя – поэму «Братья Твердославичи» – товарищи не одобрили, и автор ее уничтожил. Тогда же им была написана и подражательная поэма «Ганц Кюхельгартен», в которой явственно обнаруживалось влияние поэтов-романтиков В. Жуковского, А. Бестужева-Марлинского и Дж. Байрона. Будучи уже в Петербурге, в 1829 г. Гоголь напечатал ее на свои средства под псевдонимом В. Алов. Но прочитав разгромные рецензии в «Северной пчеле» и «Московском телеграфе», молодой писатель собрал нераспроданные экземпляры и сжег их.

Однако к концу завершения гимназии Гоголь мечтал не столько о литературном поприще, сколько о широкой общественной деятельности. Он думал о том, чтобы приносить пользу обществу на государственной службе, и с этой целью в 1828 г. выехал в Петербург. Но здесь юношу ждало жестокое разочарование: блестящие надежды не осуществились – к службе он оказался совершенно неспособным. И после недолгого пребывания в департаменте государственного хозяйства и публичных зданий на должности писца, а затем помощника столоначальника в департаменте уделов Гоголь отказался от мысли стать чиновником. Попытка устроиться в театр тоже не увенчалась успехом.

После неудачи «Ганца Кюхельгартена» молодой писатель приходит к мысли о необходимости поисков другого литературного пути: теперь вместо мечтательно-романтической поэзии он обращается к воссозданию народного быта и жизни Малороссии – темам, которые с детства знал и любил. Гоголь осаждает мать просьбами о присылке ему сведений о малорусских обычаях, преданиях, костюмах, а также «записках, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних». Все это наряду с воспоминаниями о родном крае стало материалом для цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». В 1830-1831 гг. в «Отечественных записках» и

«Литературной газете» появляются «Вечер накануне Ивана Купала», «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь, или Утопленница», а в альманахе «Северные цветы» за 1831 год – глава из исторического романа «Гетман». Эти произведения сразу же привлекли внимание литературных кругов Москвы и Петербурга. Талант Гоголя высоко оценили В. Жуковский, А. Дельвиг и столь любимый им А. Пушкин, с которым Николай Васильевич познакомился в мае 1831 г. на вечере у поэта и издателя П. Плетнева.

Вскоре первая часть «Вечеров…» была издана отдельной книгой. Читающая публика встретила ее с восторгом, а Пушкин, которого Гоголь считал своим самым авторитетным критиком, писал: «Сейчас прочел "Вечера близ Диканьки". Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая "поэзия", какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился…»

Окрыленный успехом, Гоголь работает много и плодотворно. В течение четырех лет из-под его пера выходят вторая часть «Вечеров…», повести «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», вошедшие в сборник «Миргород». Источником всех этих произведений по-прежнему была Малороссия, ее быт, нравы, обычаи, героическое прошлое и современный Гоголю патриархальный уклад провинциальной жизни. Отмечая эту связь писателя со своей малой родиной, М. Коцюбинский писал: «Свежестью и силой своих произведений Гоголь обязан не только своему таланту, но также богатству новых слов, оборотов, понятий и образов, которые он щедро черпал из мало знакомой российским писателям жизни Малороссии».

Начало 30-х гг. было самым счастливым в творческой судьбе Гоголя. Вслед за малороссийскими повестями он создает цикл произведений, в которых показывает призрачность и трагизм петербургской жизни, где за «выставкой человеческого тщеславия и лицемерия… фланируют люди-куклы, люди-носы, люди-усы, люди-бакенбарды, исчезают и скрываются существа никем не защищенные, никому не дорогие, никому не нужные», такие, как Акакий Акакиевич, герой повести «Шинель».

В это же время у писателя созревало множество грандиозных замыслов. Осенью 1833 г. он вынашивал идею создания «Истории Украины»: «Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много так, чего до меня не говорили…» К сожалению, этот гоголевский замысел, как и начатая по совету А. Пушкина «История русской критики», остался неосуществленным. Зато другие темы, также

подсказанные Гоголю великим поэтом, получили блестящее воплощение. Умоляя Пушкина дать ему «какой-нибудь сюжет, но русский чисто анекдот», писатель действительно получил историю анекдотическую и превратил ее в сочинение смешное и остроумное, какого еще не было в России, – комедию «Ревизор». Она была написана в 1835 г. всего за несколько месяцев. Однако этот шедевр гротесковой драматургии вызвал у публики самые противоречивые оценки. Первое представление пьесы в Александрийском театре прошло как-то вяло, актеры, привыкшие играть французские водевили, терялись и не могли передать яркий комизм действия. Правда, в зале не раз были слышны взрывы смеха, но аплодисментов почти не было. Под конец спектакля недоумение зрителей перешло в негодование. Общая оценка публики: «Это невозможность, это клевета и фарс». Гоголь был обескуражен и раздражен, повторяя: «Господи Боже! Ну если бы один, два ругали, ну и бог с ними, а то все, все!»

Зато публика не «избранная», молодая, была в восторге от «Ревизора», повторяя реплики и целые сцены. Между поклонниками и критиками комедии разгорелись настоящие битвы, в результате которых среди молодежи обожание Гоголя только возросло. Но сам писатель, утомленный напряженной работой последних лет и нравственными тревогами, которые принес ему «Ревизор», решил отдохнуть от всех проблем вдали от родины. В июне 1836 г. он уехал за границу, где пробыл много лет с небольшими перерывами на приезды в Россию.

Пребывание в «прекрасном далеке» (писатель побывал в Германии, Швейцарии, Франции и давно полюбившемся ему Риме), с одной стороны, укрепило и успокоило Гоголя и дало ему возможность осуществить еще один грандиозный замысел – «Мертвые души». С другой стороны, в эти годы, по словам известного литературоведа XIX в. А.Н. Пыпина, в жизни Николая Васильевича обозначились зародыши тех явлений, которые привели к трагическим последствиям: «Усиленное удаление в самого себя, экзальтация религиозного чувства повели к пиитическому преувеличению, которое закончилось его последней книгой, составившей как бы отрицание его собственного художественного дела…»

Перед отъездом за границу Гоголь в последний раз встречался с А. Пушкиным, с подачи которого начал работу над «Мертвыми душами», ставшую отныне главной в его творческой судьбе. Чем дальше она продвигалась, тем более грандиозными представлялись Гоголю ее масштабы и более спорными – задачи. Написанные еще в России первые три главы поэмы за границей тщательно перерабатывались. Гоголь бесконечно переделывал

каждую вновь написанную страницу. Он жил в Риме настоящим затворником, встречаясь только с узким кругом близких ему людей (художниками А.А. Ивановым и И.С. Шаповаловым, В.А. Жуковским, композитором И.М. Виельгорским, поэтом Н.М. Языковым и др.). И лишь в периоды депрессий, участившихся после гибели Пушкина, и последовавшей вскоре кончины И. Виельгорского Гоголь отрывается от работы, чтобы уехать для лечения на воды в Баден-Баден или короткого отдыха – в Женеву и Париж. К лету 1841 г. первый том «Мертвых душ» был готов, а в следующем году он вышел в свет в Москве с некоторыми купюрами, после чего писатель опять уехал за границу.

Это последнее пребывание в Европе ознаменовалось окончательным переломом в душевном состоянии Гоголя. Следует сказать, что и до этого у него проявлялось немало разного рода «странностей»: частая смена настроения, депрессии, религиозный мистицизм, постоянные переживания по поводу своих болезней, которые во многом были обусловлены мнительностью. Если к этому добавить характерные для писателя замкнутость и пророческий тон в общении с окружающими, то становится понятно, почему знакомые и друзья давали Николаю Васильевичу контрастные характеристики. По словам С.Т. Аксакова, «лирико-художественная» натура писателя находилась в вечном движении, в борьбе с человеческим несовершенством, в «самоосуждении» и поэтому «ускользала не только от наблюдения, но даже от понимания людей, самых близких Гоголю».

Духовный кризис писателя наиболее отчетливо стал проявляться с 1845 г., когда у него возник замысел книги «Выбранные места из переписки с друзьями». В ней Гоголь хотел собрать все, о чем писал своим друзьям в 1845 и 1846 гг. Но книга на всех, в том числе и на друзей писателя, произвела тяжелое впечатление своим тоном пророчества и учительства, проповедью смирения, за которой, впрочем, просматривалось крайнее самомнение автора, осуждением его прежних трудов, в которых русская литература видела «одно из своих лучших украшений». Высшая степень негодования, возбужденного «Выбранными местами», выразилась в известном письме В. Белинского, на которое Гоголь не сумел ответить.

Еще одним проявлением перелома в мировоззрении Гоголя стало сожжение им в середине 1845 г., в минуту тяжелого раздумья, первоначальной редакции второго тома «Мертвых душ». Ему казалось, что содержание книги должно быть иным, что он наконец понял, как надо писать, чтобы «устремить все общество к прекрасному». А еще он считал, что не может

продолжить работу над книгой, не исполнив своего давнишнего намерения поклониться Святому Гробу Господнему в Иерусалиме. Однако и осуществление этой поездки не принесло душевного успокоения: «Еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, – говорил Гоголь. – У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там на месте почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия».

Продолжая работу над вторым томом «Мертвых душ», писатель понял, что описывать русскую жизнь можно, только живя посреди нее и изучая ее. И в 1848 г. Гоголь окончательно вернулся в Россию. Последние годы жизни он подолгу жил в домах друзей – А.О. Смирновой, С.Т. Аксакова, А.П. Толстого, семейства Виельгорских. С последними Николая Васильевича связывала не только давняя дружба, но и сердечная привязанность к Анне Михайловне Виельгорской. По словам В. Соллогуба, она, «кажется, единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь». Действительно, сохранилось свидетельство о том, что Николай Васильевич в 1850 г. сделал ей предложение, но оно было отклонено.

Между тем в Гоголе продолжалась мучительная борьба «между художником и пиэтистом». Он много раз переделывал написанные главы второго тома, поддаваясь то одному, то другому настроению. В начале 1852 г. им овладел страх смерти, он проводил ночи в молитве, постился. Однажды февральской ночью среди религиозных размышлений им овладел ужас и сомнение, что он не так исполнил долг, возложенный на него Богом. Тогда он велел открыть трубу камина и сжег рукопись готового второго тома «Мертвых душ». С тех пор Гоголь впал в мрачное уныние, не принимал пищи, отказывался от лечения. 21 февраля 1852 г. он скончался.

Писателя похоронили в Москве, в Даниловом монастыре (в 1931 г. прах был перенесен на Новодевичье кладбище), и на его памятнике были начертаны слова из книги пророка Иеремии: «Горьким словом моим посмеюся». Они как нельзя лучше отражают художественное кредо писателя, который так мечтал «устремить все общество к прекрасному». Недаром, оценивая значение гоголевского творчества, Т.Г. Шевченко писал: «Перед Гоголем должно благоговеть как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям».

Гонгадзе Георгий Русланович (род. в 1969 г. – ум. в 2000 г.)

Журналист, руководитель Интернет-проекта «Украинская правда». Его исчезновение в сентябре 2000 г. стало резонансным событием в политической жизни Украины.

В субботу 16 сентября 2000 г. поздно вечером исчез руководитель проекта «Украинская правда» Георгий Гонгадзе. В 22.20 он вышел из дома на бульваре Леси Украинки и отправился домой. Его ждали жена и две трехлетние дочери – Нана и Саломе, но дома он так и не появился.

Интернет-сайт «Украинская правда» сообщил, что известны попытки «взять на испуг» Георгия людьми, которые представлялись сотрудниками милиции. Тогда Гонгадзе был вынужден обратиться с открытым письмом к Генеральному прокурору Украины по поводу слежки за ним.

20 сентября журналисты «Украинской правды» начали акцию «Найти журналиста!».

28 ноября лидер Социалистической партии Украины Александр Мороз продемонстрировал аудиозапись телефонного разговора, который якобы состоялся между Президентом Украины Леонидом Кучмой и министром МВД Юрием Кравченко. Из записи следовало, что президент Кучма приказал «украсть» Георгия Гонгадзе. Запись сделал бывший офицер охраны

Президента Украины Н. Мельниченко.

15 декабря в Киеве по инициативе общественных организаций Украины началась акция «Три месяца без правды».

Что же мы знаем о Георгии Гонгадзе, чье имя сейчас является символом для всех, кто ищет правды и верит в справедливость?

Мать Георгия Гонгадзе, Леся Корчак, родилась во Львове. Познакомилась с молодым красивым грузином Русланом Гонгадзе, выпускником архитектурного факультета Тбилисского политехнического института. В конце 60-х годов он примкнул к диссидентским кругам и поддерживал отношения с Мерабом Костава и Звиадом Гамсахурдиа. А свадьбу молодых Леси и Руслана играли и во Львове, и в Сачхери – небольшом городке в Грузии.

Сын Георгий родился в Тбилиси 21 мая 1969 г. В три года Гия пошел в детский сад. Интересно, что до двух лет он молчал, а потом, по словам мамы, заговорил сразу на четырех языках – грузинском, украинском, польском, русском.

С отцом Георгия они рано расстались, но тем не менее поддерживали добрые отношения. Георгий всегда любил своего отца.

В школе Гия был на хорошем счету. Кроме того, он учился танцам, рисованию, плаванию. А тренер по легкой атлетике, олимпийская чемпионка Нина Думбадзе, убеждала его мать, что у сына может быть отличное будущее в спорте. Когда Гия бывал на спортивных сборах, то полученные талоны на еду, которые тогда давали спортсменам, менял на деньги и приносил их домой. После десятого класса отдал маме свой аттестат зрелости со словами: «Он твой!».

Окончив школу, Георгий поступил в Тбилисский институт иностранных языков на вечернее отделение, а днем работал слесарем в тепловом хозяйстве и продолжал заниматься спортом. Потом его призвали в ряды Вооруженных Сил. Службу он проходил в Туркменистане, под Ашхабадом, – ребят готовили к Афганистану.

Когда в апреле 1989 г. в Тбилиси начались народные выступления за выход из СССР, Георгию оставалось служить еще месяц. Он рвался на родину, и интересным фактом является то, что командир отпустил его раньше срока.

Рядом с отцом, известным депутатом парламента, Георгий был на баррикадах, вступил в Народный фронт Грузии, занимался политической работой.

Позднее, когда З. Гамсахурдиа стал Президентом Грузии, Руслан Гонгадзе попал в немилость и даже был занесен в списки «врагов грузинской нации». Поэтому, когда в декабре 1991 г.

в Тбилиси началось восстание против Гамсахурдиа, Гия бросил учебу в Львове и снова приехал в родной город, чтобы защитить честь и доброе имя отца.

Пани Леся тоже помогала оппозиционерам: готовила пищу, присматривала за ранеными…

Позднее отец Георгия, Руслан Гонгадзе, в результате перенесенных стрессов тяжело заболел; он был вынужден переехать в Киев, лечился здесь в онкологическом диспансере.

На сороковой день после смерти отца Гия выехал в Сухуми, так как давно хотел снять документальный фильм о войне в Абхазии. Он достал видеокамеру и снимал материалы для фильма «Боль моей земли».

Георгий не держал в руках оружия и не принимал участия в боевых действиях, но все-таки попал под обстрел на передовой. Когда его принесли домой всего забинтованного, мать потеряла сознание. Врачи насчитали у него на теле 26 ран.

Его командир рассказал, что Гия старался вынести с поля боя двух раненых. А в аэропорту хотел уступить свое место в самолете тяжелораненому. К счастью, его успели вывезти в Тбилиси. Как потом оказалось, это был последний самолет из Сухуми.

Выходить Георгия было очень тяжело. Тогда в Тбилиси не было бинтов, воды, полгода не видели хлеба…

Об «украинской жизни» Гонгадзе можно рассказать так. С конца 1980-х Георгий становится частым гостем Львова. Сначала – как представитель информационного центра Народного фронта Грузии. В сентябре 1990 г. он женился на галичанке Марьяне (Мирославе) и перевелся на филологический факультет Львовского университета им. И. Франко. Гонгадзе принимал участие во всех акциях Народного движения и Студенческого братства.

Уже потом, после Тбилиси, снова в Украине, Георгий как журналист работает в львовской организации Народного Руха. После развала СССР он сотрудничает с рядом украинских СМИ. Краткая хронология этого сотрудничества такова:

1991 г. – внештатный журналист газеты «Пост-Прогресс» (г. Львов);

1992-1993 гг. – руководитель и ведущий программы «Монитор» на Львовском телевидении;

1993-1994 гг. – главный режиссер творческого объединения «Центр Европы»;

1995-1997 гг. – ведущий программ «Параграф», «Викна-плюс», «Викна-новости» Международного медиа-центра;

1998 г. – ведущий телерадиокомпании «Гравис»;

1999-2000 гг. – руководитель информационной службы «Свободная волна» («Вильна хвыля») радио «Континент».

Георгий Гонгадзе был автором документальных фильмов «Боль земли» (1993 г.), «Тени войны» (1994 г.), «Колыбель» (1995 г.), «Хранители мечты» (1996 г.).

Сетевой проект «Украинская правда» под руководством Г. Гонгадзе появился 17 апреля 2000 года, на следующий день после инициированного Леонидом Кучмой всеукраинского референдума об усилении власти президента по отношению к парламенту.

Личная политическая позиция авторов «Украинской правды» представлялась радикально-демократической, что, однако, не мешало Гонгадзе давать на страницах своего издания слово политикам центра и левой оппозиции, в частности лидерам социалистов.

Газета подвергала жесткой критике политику Л. Кучмы, и центральной мишенью критики журналистов и самого Гонгадзе стал депутат Верховной Рады Александр Волков – миллионер, один из спонсоров переизбрания Л. Кучмы.

Гонгадзе не был лидером оппозиции – он занимался политической журналистикой. В октябре 1999 года во время ток-шоу «Эпицентр» президента Кучму вывели из равновесия вопросы Гонгадзе о причинах коррупции украинской власти.

Когда в сентябре 2000 г. Георгий Гонгадзе исчез, сразу возникло много версий этого события. Через два месяца в Таращанском лесу был найден обезглавленный труп мужчины, который предположительно мог быть телом погибшего журналиста. Рядом были найдены серебряный браслет, талисман и перстень, которые, как подтвердила жена журналиста Мирослава, принадлежали Георгию Гонгадзе.

18 декабря после опознания тела Мирослава Гонгадзе заявила, что существует большая вероятность, что тело принадлежит ее мужу, Георгию Гонгадзе. М. Гонгадзе отметила, что ей предоставили возможность в составе экспертной комиссии «осмотреть то, что осталось от тела», которое было найдено в Тараще. Она тогда говорила, что «очень сложно сказать, что это такое», так как «опознанию оно не подлежит». По словам М. Гонгадзе, тело можно опознавать только по отдельным частям.

В ноябре 2000 г. лидер Социалистической партии Украины Александр Мороз обнародовал аудиозаписи, сделанные в кабинете Президента Украины Леонида Кучмы офицером охраны Николаем Мельниченко, на которых президент якобы говорит с главой Службы безопасности Украины Леонидом Деркачом и министром внутренних дел Юрием Кравченко о необходимости

устранения журналиста. Кучма тогда утверждал, что эти записи сфабрикованы.

На основании этих записей тогдашняя украинская оппозиция, возглавляемая Юлией Тимошенко и лидером социалистов Александром Морозом, обвинила Президента Украины в причастности к убийству Георгия Гонгадзе.

В июле 2001 г. Георгий Гонгадзе посмертно награжден премией Организации безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ) за вклад в развитие журналистики и демократии. Торжественная церемония вручения состоялась в Париже. Премию получила вдова журналиста Мирослава Гонгадзе. «Георгий боролся за свободу слова и права человека в Украине. Он мог бы много сделать, но его уничтожили. Эта премия является надлежащей оценкой его деятельности», – заявила тогда она.

Руководитель «Украинской правды» Алена Притула, комментируя эту награду, сказала, что сейчас, после смерти Гонгадзе, Украина и СМИ страны уже не такие, какими были до сентября 2000 г. Своей гибелью Георгий сплотил журналистов и заставил власть слушать прессу.

После встречи с Президентом Украины Виктором Ющенко в 2005 г. Леся Гонгадзе заявила, что по делу Гонгадзе его дезинформируют, что она больше не будет общаться с прокуратурой, так как не доверяет ей.

В апреле 2005 г. в Киев приехала Мирослава Гонгадзе, которая в апреле 2001 г. получила в США статус политического беженца и работает на радио «Голос Америки».

На встрече с женой погибшего журналиста Виктор Ющенко заверил: силовики приложат все силы для раскрытия убийства Георгия. «Первый этап на сегодняшний день уже завершен, следствию известны имена непосредственных исполнителей. Вторая часть – выйти на заказчиков», – подчеркнул Виктор Ющенко.

Президент заявил, что раскрытие дела Гонгадзе – это вопрос его чести.

Мирослава Гонгадзе убеждена в необходимости экспертизы пленок майора Мельниченко и прежде всего той части, которая касается убийства ее мужа. «Это должно быть новое расследование, с новыми украинскими следователями и с привлечением других международных экспертов», – уверена М. Гонгадзе.

Ныне в обществе обсуждается много версий относительно убийства журналиста. Существуют предположения и об участии некоторых сотрудников ФСБ России. Резонансным событием

стало самоубийство Юрия Кравченко, который, как считают, имел отношение к этому делу.

По словам нынешнего главы МВД Юрия Луценко, Георгия Гонгадзе убили, чтобы устрашить других. Тогда, в 1999 г., после победы «Кучма-2», в обществе была страшная депрессия. Мало кто из политиков и общественных активистов верил в то, что схема волковской «Социальной защиты» относительно фальсификации выборов может быть в ближайшее время преодолена. Страна шла к диктатуре. Сопротивлялись только бесстрашные журналисты, среди которых был и Георгий, который прославился своими выступлениями на радио «Континент», несколькими смелыми статьями в «Гранях» и вызовом режиму в «Украинской правде». Его убийство было задумано как урок для других. К чести украинского общества, это дело стало сигналом для восстания.

Под Таращей стоит памятный крест Георгию, на котором написано: «Его жизнь стала ценой пробуждения Украины».

Гринченко Борис Дмитриевич (род. в 1863 г. – ум. в 1910 г.)

Выдающийся писатель, педагог, лексикограф, фольклорист, редактор, издатель, общественно-культурный деятель, организатор и глава «Просвіти» в Киеве. Автор наиболее полного 4-томного толкового «Словаря украинского языка» (1907-1909 гг.).

Как только не величали Бориса Гринченко! И просто учителем, и образцом для подражания, и пророком, и «левитом храма Украины», и даже апостолом. Но всех сравнений и похвал крайне мало, чтобы передать в них простой подвиг, совершенный человеком, «который держал руку на пульсе современной жизни, был убежден, что родная речь – это не мертвое слово, а родная школа – это право человека…»

Детство Бориса, родившегося 9 декабря 1863 г., прошло на хуторах Ольховый Яр и Куты (Долбино) Харьковской губернии. Отец его, отставной штабс-капитан Дмитрий Яковлевич Гринченко, был обедневшим малороссийским помещиком, мать, Поликсения Николаевна Литарева – дочерью русского полковника. Семья жила очень бедно, и «горстка сахара или бублик были для детей большой роскошью. Так же, как и целые сапоги», но тем не менее родители хотели направить свое потомство на «помещичью» стезю, и поэтому прежде всего категорически запрещали детям употреблять «мужицкое

наречие». Маленький Боря говорил сначала исключительно «по-благородному» и, как сам впоследствии вспоминал, рос, склоняясь «к московским патриотическим тенденциям шовинистического цвета». Лет пяти он научился грамоте и, забравшись в лес, подальше от чужих глаз, читал все, что попадалось в руки, без разбора. Но среди уймы романов и газет, рассчитанных на непривередливого читателя, мальчику попадались и классики литературы: В. Скотт, Дж. Г. Байрон, В. Гюго, Н. Гоголь, А. Пушкин, Н. Некрасов, А. Кольцов, – которые и стали первыми учителями мальчика. Изредка в журналах он находил и украинских авторов, статьи про Украину и чумаков. Но больше всего потрясли воображение Бори образы Тараса Бульбы и Остапа Бульбенка и их борьба за казацкую волю.

Уже в шесть лет этот любопытный ребенок начал заниматься сочинительством. На свет появлялись многочисленные собственные «журналы» с его стихами, рассказами, «научными статьями», разумеется, на русском языке. Ими Боря постоянно надоедал родителям «и деду Андрею – старому печнику, который жил у Гринченко со своей слепой бабой Галькой». Когда подросли младшие брат и сестры, они тоже стали вынужденными читателями и слушателями.

Первая встреча мальчика с украинской культурой состоялась в селе около хутора, куда ему запрещено было ходить. У крестьян он научился родному языку, познакомился с поэтическим народным творчеством, обрядами. Потом, уже во время учебы в харьковском реальном училище, он услышал, как какая-то госпожа похвалила украинскую речь и Т. Шевченко. Дома он случайно отыскал в отцовском сундуке «Кобзарь» и был ошеломлен силой могучего слова. «Трупы встали и глаза открыли», – так вспоминал Гринченко о пережитом тогда потрясении. И понеслось… Борис начал писать на украинском стихи, повести, драмы и даже составил украинский словарь, а журналы для товарищей-школьников сочинял уже на двух языках; ходил по селам и собирал народные песни и предания. Над ним постоянно смеялись, иногда – наказывали, но он не обращал на это внимания.

Боре было 13 лет, когда он раз и навсегда влюбился в украинский язык. И теперь мальчик все время проводил в поисках и чтении произведений И. Котляревского, И. Нечуя-Левицкого, Г. Костомарова, Н. Кулиша и других авторов. Но если это чтение стало систематическим и вдумчивым, то остальное смело можно было назвать мешаниной. То его потянет к литературной критике, и он зачитывается Писаревым и Белинским, то заинтересуется историей и не мыслит жизни без Шашкова и

Шерра… Борис жадно стремился к знаниям. В 15 лет в его руки попали труды социалистов. Он загорелся революционной идеей, не совсем понимая, что она под собой подразумевает, и поплатился за это. Сначала его отчислили из училища, а затем арестовали. Обещали отпустить тут же, как только скажет, от кого получил книгу недозволенного содержания, но гордый юноша молчал как рыба. Имя К. Филиппова, революционера-активиста, было названо лишь через полтора месяца, когда уже заболевший туберкулезом в сырой холодной камере Гринченко узнал, что тот выехал из города. Под давлением вице-губернатора Бориса отпустили с условием годичного пребывания под родительским надзором.

Молодой Гринченко, которого отец хотел отдать на воинскую службу, не желал подчиняться родительской воле. Он ушел из дома и летом 1881 г., не без помощи того же вице-губернатора, экстерном сдал экзамен на сельского учителя. А пока ждал места, работал писарем в харьковской казенной палате за 10 карбованцев в месяц. Этих денег как раз хватало на оплату жилья, чай с хлебом и иногда – на какое-нибудь одно блюдо в столовой. Мятущаяся душа молодого человека не находила покоя: он хотел быть полезным своему народу, а приходилось корпеть над чиновничьими бумагами. Все свободное время Борис посвящал самообразованию, так как в связи с «революционным» прошлым путь к официальному образованию был для него закрыт. В ноябре того же года он добился-таки назначения в село Введенское и с оптимизмом взялся за работу. «Школа – это маленький домик… в нем 2 сломанных парты, выбиты стекла, срыты полы и страшенный холод. Книжек нет ни единой», – жаловался начинающий учитель близкому другу И. Зозуле. Но тут же сам бодро добавлял: «Будем бороться с неблагосклонными случаями и всякими помехами, которые встречаются на нашем пути». К тому же Борис в 1883 г. связал свою жизнь с прекрасной девушкой, тоже учительницей и начинающей писательницей Марией Николаевной Гладилиной (писала под псевдонимом М. Загирна, а позже – М. Чайченко), у них родилась единственная дочка Настя. Помех на пути семьи встречалось много, и Гринченко переезжали с места на место столько же, сколько и работали. Из-за обвинения местного попа-шовиниста в «украинофильстве» и другой «агитации» за Борисом была установлена слежка. Но в частых этих переездах была и своя польза: «…того, что искал [украинский лексический и фольклорный материал], имел в достатке» – коллекция для исследований Бориса постоянно пополнялась. И он всего себя отдавал работе, уже в 20 лет сказав слова, достойные умудренного годами мужа: «Дела, дела – аж

голова бела». Таким Борис Дмитриевич и остался в воспоминаниях друзей и памяти народа – человеком, который, по словам М. Чернявского, «больше работал, нежели жил».

За время своего учительства Гринченко дольше всего задержался в селе Алексеевка, где в 1887-1893 гг. преподавал в частной школе Х. Д. Алчевской, чьи педагогические взгляды совпадали с его собственными. Под покровительством этой выдающейся женщины у Бориса была возможность успешно работать в спокойных условиях. Он проявил недюжинные способности педагога, и «деревенский люд горячо полюбил его, дети бежали в школу, как на праздник». Ведь учитель много внимания уделял личности ребенка, искал подход к каждому своему ученику и первой целью ставил не вдалбливание определенных знаний, а «пробуждение, развитие и укрепление мыслящей силы». Гринченко учил детей прежде всего искусству думать и анализировать, и видел в этом залог гармоничного развития личности. И, работая в период запрета обучения и издания книг на украинском языке, он настаивал именно на его главенствующей роли в будущем нации наряду с внедрением новых прогрессивных знаний. В разные годы несколько своих трудов Борис Дмитриевич посвятил вопросам образования и педагогики. Это методическое пособие «Украинская грамматика для обучения чтению и письму» и хрестоматия «Родное слово», которыми пользовались и в первые годы после Октябрьской революции, а также работы «Какая теперь народная школа на Украине» (1896 г.) и «На беспросветном пути. Об украинской школе» (1907 г.).

Надо сказать, что на профессиональном уровне Гринченко-поэт начал писать еще в 17-летнем возрасте, когда послал некоторые свои стихи И. Нечую-Левицкому, который их одобрил и поместил в галицком журнале «Мир». С тех пор Борис Дмитриевич систематически публиковался в различных украинских изданиях и отдельными книжечками под псевдонимом Иван Перекати-поле и Василь Чайченко. Среди его литературного наследия лирические стихи (сборник «Под облачным небом», 1894-1895 гг.), рассказы и повести, собранные в трехтомнике «Произведения Василя Чайченка», бытовые, исторические и комедийные пьесы («Невероятный», «Тучи нагнало», «За отца»), детские рассказы («Ксения», «Звонок», «Экзамен», «Грицько»). Их создание Гринченко считал «нравящейся ему обязанностью». Автор настолько вживался в мир ребенка, смотрел на окружающую действительность его глазами, что каждый из рассказов поражал читателя достоверностью переживаний детской души. Перу Гринченко принадлежат

многочисленные переводы и литературные упрощения для простых людей лучших произведений мировых классиков (в частности, Гомера, Шекспира, Скотта, Гюго, Мольера, Шиллера), педагогические, этнографические, исторические, публицистические и критические статьи.

Гринченко-писатель проявил себя не только как незаурядно мыслящий автор, но и как тонкий психолог, и просто как человек, у которого душа болит за родной народ. Он всю жизнь активно отстаивал идею национального движения, которую воплотил в повести «Солнечный луч», и решал проблему существования украинской интеллигенции как духовного проводника общества, в то время как сама она не имеет определенных идеалов. Эту болезненную для себя тему Борис Дмитриевич раскрыл в одном из лучших своих произведений – «На распутье». В нем он исследовал безобразное явление – паралич воли мыслящих людей Украины. И нашел однозначный ответ: причина всему – нехватка солидарности украинцев, как человеческой, так и национальной: «Мы до того не солидарны между собой, до того индивидуальны, что иногда и самого простого дела сообща не можем сделать».

Но так как писательский труд дохода не приносил, а наоборот (как, например, издание книг для крестьян), требовал затрат, Борис Дмитриевич, чтобы содержать семью, не оставлял казенных должностей. Кроме работы учителем, с 1886 по 1887 г. он был статистиком в Херсоне, а в 1894 г. переехал в Чернигов, где служил в губернском земском управлении: сначала заведовал земской оценкой и народным образованием, а затем стал секретарем. В черниговский период своей жизни Гринченко с помощью мецената Ивана Череватенко организовал издание внушительной библиотечки народно-просветительских книг, стал одним из руководителей нелегальной украинской организации «Черниговская Громада». Он вместе с женой занимался приведением в порядок музея украинской старины В. Тарновского. Абсолютно точно охарактеризовал Бориса Дмитриевича И. Франко, сказавший, что такие люди, как он, «бросаются во все стороны, заполняют пробелы, латают, поднимают поваленное, валят то, что поставлено неладно, строят новое, ищут способы привлечь к работе больше рук». Гринченко не любил непорядка и лени, своим примером он заражал бездействующих и словно чего-то выжидающих друзей, упрекая их библейскими словами: «Жатва многа, а делателей мало».

В 1902 г. Борис Дмитриевич поселился в Киеве, где прожил до самой смерти. Четыре года он активно занимался редакцией первой ежедневной украинской газеты «Общественная мысль» (позже – «Совет») и журнала «Новая громада». В 1906 г. он стал

одним из организаторов первого киевского общества «Просвита». Полулегальная организация, чьим руководителем являлся Гринченко, ставила своей целью возрождение к полноценной жизни родного языка и традиций, она занималась обучением неграмотных, изданием книг на украинском языке и другой просветительской деятельностью.

Редакционную и руководящую работу Гринченко совмещал с воплощением в жизнь своей давно лелеемой мечты. Несколько лет напряженного труда, все собранные им лексикографические и фольклорные материалы, помноженные на такую же кропотливую работу известнейших представителей украинской интеллигенции – Н. Костомарова, Н. Лысенко, И. Франко, Л. Украинки, А. Русова – создали нерушимый памятник Борису Дмитриевичу. Им стал самый полный за всю историю страны толково-переводной «Словарь украинского языка» (издан в 1907-1909 гг.), насчитывающий 68 тыс. слов. Для украинской науки и культуры он имел такое же значение, как, например, словарь Даля для русской или Линде – для польской: словарь зафиксировал народный и фольклорный языки и иностранную лексику. Но общество безжалостно отнеслось к этому труду, после первого издания о нем забыли почти на полвека. Повторное издание состоялось лишь в 1950-х гг., но и по сей день этот словарь не потерял своей лексической ценности.

В последние годы жизни Гринченко, с наступлением реакции, усилились его преследования как украинофила и политически неблагонадежного. Несколько месяцев он провел в тюрьме, где туберкулез полностью воцарился в его и так некрепком организме. Окончательно подорвали моральные и физические силы Бориса Дмитриевича смерть замученной царскими приспешниками дочери-революционерки и тяжелая болезнь внука. В 1910 г. он уехал на лечение на итальянский курорт Оспедалетти, где скончался 6 мая.

Похоронили великого сына украинского народа на родине, в Киеве. Бориса Дмитриевича Гринченко, обреченного теперь на вечный покой на Байковом кладбище, провожали в последний путь тысячи людей. Рыдала не одна Украина – Белоруссия, Польша, Россия, Италия, Франция, Австрия, где его деятельность была широко известна. В гроб как символ его многотрудной жизни положили терновый венец. Гринченко называли не только апостолом. Его называли мучеником украинской земли.

Грушевский Михаил Сергеевич (род. в 1866 г. – ум. в 1934 г.)

Выдающийся украинский историк, литературовед, публицист, писатель, общественно-политический и государственный деятель, академик Всеукраинской Академии наук и АН СССР, Председатель Украинской Центральной Рады, первый Президент Украины.

«Грушевский на посту председателя Центральной Рады был действительно главой и ментором всего сборища депутатов. Он стоял неизмеримо выше их по своему образованию, европейскому такту и умению руководить заседаниями. Отношение членов Рады к Грушевскому было чрезвычайно почтительное: его называли «профессором», «батьком» и даже «дедом». Невысокого роста, подвижный, с большой седой бородой, в очках, с блестящим взглядом из-под нависших густых бровей, он напоминал на своем председательском кресле сказочного деда-Черномора…» – так писал о выдающемся лидере украинской революции депутат Малой Рады от оппозиционной еврейской партии А.А. Гольденвейзер. Безусловно, такое уважительное отношение не только со стороны друзей, но и со стороны оппонентов Грушевский заслужил всей своей жизнью и деятельностью, которые он посвятил служению Украине.

Михаил Сергеевич Грушевский родился 17 (29) сентября 1866 г. в г. Холм Люблинской губернии (теперь Хелм на территории

Польши). Его отец Сергей Федорович, отпрыск старинного священнического рода, окончив Киевскую духовную академию, служил учителем словесности в местной греко-католической гимназии. Когда Мише было всего четыре года, отец получил на Кавказе должность инспектора (а потом и директора) народных школ. Семья приехала в Ставрополь, потом во Владикавказ, а еще позже – в Тифлис, где Миша, получивший начальное образование дома, поступил сразу в третий класс гимназии.

Воспитываясь вдали от родины, Михаил тем не менее с ранних лет проявлял большой интерес ко всему украинскому – истории, литературе, этнографии. Свою роль в этом сыграли как дух патриотизма, который царил в семье, так и частые поездки к деду – священнику в подольском селе Сестриненцы, который прививал мальчику любовь к культуре и традициям родного народа.

Лучшими друзьями для Михаила стали книги. Они питали его детские мечты и фантазии, в которых он видел себя украинским литератором и ученым. (Кстати, уже первые литературные опыты Грушевского, относящиеся к 1885 г., получили высокую оценку И. Нечуй-Левицкого.) Он зачитывался работами украинских историков – Н. Костомарова, П. Кулиша, А. Скальковского, М. Максимовича, – первыми выпусками «Киевской старины» – одного из лучших исторических журналов XIX в. Будущее Михаила вырисовывалось четко.

В 1886 г. он поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, где его наставником стал известный украинский историк В.Б. Антонович. Уже на третьем курсе М. Грушевский начал большую работу «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в.». В 1891 г. после публикации работа была удостоена золотой медали и стала его кандидатской диссертацией. Критики отмечали прекрасное знание источников и способность автора к анализу исторических концепций.

По протекции научного руководителя способного выпускника через год приняли на кафедру истории для «приготовления к профессорскому званию». Грушевский сдал магистерские экзамены, а в мае 1894 г. защитил магистерскую диссертацию «Барское староство. Исторические очерки», посвященную истории Подолья XIV-XVIII вв. В этот период своей жизни он принимал активное участие в деятельности Киевской «старой» Громады – организации украинской интеллигенции.

1894 г. стал переломным в жизни молодого ученого: по рекомендации В. Антоновича Грушевский был утвержден профессором кафедры всемирной истории Львовского

университета. Во Львове он наряду с напряженной лекционной работой с головой ушел в деятельность Научного общества им. Т. Шевченко (НОШ), где был избран руководителем философско-исторического отдела и редактором «Записок Научного общества им. Т. Шевченко».

Возглавив общество в 1897 г., ученый превратил его в подобие украинской Академии наук. В НОШ начали работать историческая, философская и естественно-математическая секции, действовали музей, библиотека, типография, книжный магазин. По инициативе М. Грушевского начался выпуск «Источников к истории Украины-Руси» – уникального этнографического сборника.

Еще во львовский период своей деятельности ученый решился воплотить в жизнь давнишнюю творческую мечту – создать обобщающую работу по истории Украины. Это казалось ему делом чести своей и своего поколения. В 1899 г. вышел первый том монументального труда Грушевского «История Украины-Руси». Вначале предполагалось издать трехтомное сочинение, но по мере исследовательской работы труд разрастался и в итоговом варианте представляет собой неоконченный десятитомник. До 1913 г. вышло 7 томов и первая половина восьмого. Последний, десятый том был опубликован уже после смерти ученого в 1937 г. Позже увидели свет и краткие, так сказать, «полумерные» варианты этой работы: «Очерк истории украинского народа» (1904) и «Иллюстрированная история Украины» (1911). В этих сочинениях М.С.Грушевский, опираясь на обширный документальный материал, данные этнографии и археологии, доказывал, что история украинского народа началась не с XIV в., как до этого считалось, а с IV в., со времен славянских племен антов. Первым украинским самостоятельным государством была Киевская Русь, преемницей которой ученый считал не Владимиро-Суздальскую, а Галицко-Волынскую землю. В сжатом виде свою концепцию Грушевский изложил в ставшей широко известной статье «Обычная схема Русской истории и дело рационального изложения истории восточного славянства». С воодушевлением воспринятая славянской интеллигенцией, статья встретила неприятие и осуждение в официальной российской историографии.

Грушевскому во время работы в Львовском университете удалось создать свою историческую школу, к которой принадлежат такие известные украинские историки, как И. Крипьякевич, И. Джиджора, Е. Трелецкий, С. Томашевский.

В Галиции Михаил Сергеевич начал и политическую деятельность. Довольно быстро он сблизился с представителями

демократической элиты Западной Украины, в частности с выдающимся поэтом, ученым и общественным деятелем И.Я. Франко. Профессор Грушевский стал одним из инициаторов основания Украинской национально-демократической партии, заняв в ней пост заместителя председателя. Но довольно скоро он разошелся с большинством руководства партии, так как отстаивал более радикальные позиции. Свои взгляды ученый смог выразить на страницах журнала «Литературно-научный вестник», где стал проводить идею равноправия украинцев с поляками, русскими и австрийцами. Это вызвало обострение отношений с влиятельными польскими кругами, которые фактически похоронили его идею создания во Львове украинского университета.

Зато в личной жизни Михаила Сергеевича все обстояло благополучно. В 1896 г. он женился на учительнице одной из местных школ – Марии Вояковской. А через 4 года в семье Грушевских появился их единственный ребенок – дочь Катя (Кулюня, как ее называли родители).

С началом первой российской революции 1905 г. Грушевский с семьей возвратился на Приднепровскую Украину, поселившись в Киеве, в особняке, построенном на деньги отца. Царским манифестом от 17 октября 1905 г. в Российской империи были провозглашены демократические права и свободы, упразднялись ограничения на украинское печатное слово. Поэтому в Киев из Львова было переведено издание «Литературно-научного вестника», а через год под редакцией Грушевского стал выходить журнал «Украина».

Грушевский принимал активное участие в работе украинской фракции I Государственной Думы. В многочисленных публикациях он выступал за автономию Украины в составе федеративной России, призывал правительство стимулировать развитие языков и культуры национальных меньшинств.

Продолжая политическую деятельность, профессор Грушевский выступил одним из инициаторов образования и председателем «Общества украинских прогрессистов» – нелегальной внепартийной организации либерально-демократического толка. Таким образом, М.С. Грушевский стал не только видным ученым-историком, но и наиболее авторитетным политическим деятелем того времени, что обеспечивало ему неоспоримое лидерство в национально-освободительном движении Украины.

Тем временем во Львове была развернута кампания по устранению М. Грушевского с поста председателя НОШ. Ученого обвиняли в неправильной оценке общественной жизни Галиции,

деспотических методах руководства. Это заставило историка свернуть свою деятельность в Западной Украине и сосредоточиться на работе в Киеве.

Первая мировая война застала семью Грушевских на отдыхе в Карпатах. В ноябре 1914 г. Михаил Сергеевич через Австрию и Италию сумел вернуться в Киев, где был арестован по обвинению в австрофильстве и «мазепинстве». После двухмесячного содержания в Лукьяновской тюрьме он был отправлен в симбирскую ссылку (ходили слухи, что влиятельные друзья Грушевского сумели вставить в слово «Сибирь» букву «м»). Через год по ходатайству Российской Академии наук профессору разрешили переехать в Казань, а затем и в Москву.

После Февральской революции 1917 г. Михаил Сергеевич уже свободно мог вернуться в Киев, где его встретили как национального героя. К тому времени его заочно избрали председателем Украинской Рады – органа национально-освободительного движения Украины. В начале апреля 1917 г. в Киеве проходил Всеукраинский национальный конгресс, на котором в торжественной обстановке профессора Грушевского окончательно утвердили в должности председателя Центральной Рады. К тому времени он был уже членом украинской партии социалистов-революционеров. Исходя из ее программы, Грушевский сформулировал главную задачу Центральной Рады – достижение национально-территориальной автономии Украины в составе Федеративной Демократической Российской республики. Он провел значительную работу по реорганизации состава Центральной Рады, преобразованию ее во всеукраинский представительский орган. При непосредственном участии Грушевского были разработаны все четыре Универсала Центральной Рады, в которых отразился реформистский поступательный характер перехода от автономной Украинской Народной Республики в составе России к полной независимости.

Как настоящий интеллигент, Грушевский и в политике придерживался общечеловеческих ценностей, а не узкоклассовых или национальных интересов, стремился учесть и удовлетворить требования всех социальных и национальных групп. Но выдающийся писатель и историк, равно как и другие лидеры УНР, пребывал в плену революционной эйфории и не способен был на решительные политические шаги, которых требовали обстоятельства. В результате нерешенные проблемы накапливались и Центральная Рада теряла авторитет и популярность среди населения, чем не замедлили воспользоваться большевики. А так как Украина практически не имела армии, то не смогла противостоять большевистской

агрессии.

25 января 1918 г. под артиллерийским обстрелом глава Центральной Рады вместе с другими лидерами УНР спешно покинул Киев. В этот же день украинская делегация подписала в Брест-Литовске сепаратный мирный договор со странами Четверного Союза. Германия и Австрия согласились оказать поддержку Украине в борьбе с большевиками в обмен на поставки продовольствия и промышленного сырья. Брестский мир стал блестящей победой молодой украинской дипломатии и первым актом признания Украины на мировой арене как независимого государства.

В начале марта 1918 г. руководство Центральной Рады возвратилось с германскими войсками в разоренный Киев. В ходе боевых действий большевиками был сожжен дом М.С. Грушевского. В огне погибла уникальная коллекция ковров, изделий из стекла и фарфора, картины, книги и рукописи XVII-XVIII вв.

В период второго (март – апрель 1918 г.) пребывания у власти руководство УНР оказалось в зависимости от немецкого военного командования. Попытки Грушевского продолжить демократический курс вызвали недовольство со стороны оккупационных властей. К тому же Центральная Рада не пользовалась уже достаточным авторитетом в обществе и была не способна управлять страной.

Падение УНР было предрешено. На последнем заседании Центральной Рады, 29 апреля 1918 г. была принята Конституция Украинской Народной Республики, а М. Грушевский был избран ее президентом. В тот же день в результате государственного переворота к власти пришел гетман Павел Скоропадский. Он распустил Центральную Раду и отменил изданные ею законы.

После переворота М.С. Грушевский жил в Киеве. Он полностью отошел от политики и занимался только научной и издательской деятельностью.

С приходом к власти Директории Михаил Сергеевич пытался восстановить Центральную Раду в прежнем статусе, но встретив сопротивление со стороны нового правительства, покинул Киев. Ненадолго задержался в Каменец-Подольском, а в конце марта 1919 г. вместе с семьей выехал в Вену. Затем жил в Берлине, Праге, Женеве. В 1919 г. М. Грушевский основал в Вене Украинский социологический институт, в 1920-1922 гг. редактировал журналы «Боритесь – и поборете», «Восточная Европа», «Наш стяг». Постепенно он отошел от политики, покинул ряды Украинской партии социалистов-революционеров и сосредоточился на научной работе. В этот период ученый написал

многотомную «Историю украинской литературы».

Тоска по родине, безразличие руководителей западных государств к украинским событиям, материальные затруднения заставили его вступить в переговоры с советским руководством о возвращении на Украину. Большевикам это было на руку, поскольку обеспечивало контроль над деятельностью Грушевского и нейтрализовало одного из политических лидеров эмиграции. После получения разрешения ВКП(б), в котором бывшему главе Центральной Рады были предоставлены гарантии безопасности, 1 марта 1924 г. он вернулся в Киев.

На родине Михаил Сергеевич, которого еще в декабре 1923 г. избрали действительным членом Всеукраинской Академии наук, полностью ушел в научную и организационную работу. Ученый возглавил секцию истории Украины исторического отдела ВУАН, к работе которой были привлечены лучшие специалисты и талантливая молодежь. При его непосредственном участии начали действовать Комиссия порайонного изучения Украины и Археологическая комиссия. Под руководством Грушевского выходили журналы «Украина», «За сто лет», «Исследования по истории Украины» и др.

В 1929 г. Грушевского избрали академиком АН СССР, признавая его несомненный вклад в историческую науку. Но уже в 1931 г. по дороге на сессию Академии в Москве его арестовали. Ученого обвинили в том, что он возглавлял «Украинский национальный центр». Органы ОГПУ вменяли в вину «Центру» попытку оторвать Украину от СССР и восстановить там буржуазный строй. На допросах в Москве и Харькове уже немолодого Грушевского заставили признать выдвинутые обвинения. Однако позже он от них отказался и был освобожден из-под стражи. Тем не менее Грушевский был снят со всех должностей и вынужден был жить в Москве под надзором НКВД.

25 ноября 1934 г. в Кисловодском санатории после несложной операции по удалению карбункула Михаил Сергеевич умер при невыясненных обстоятельствах. Ему было 68 лет. Тело покойного профессора перевезли в Киев и похоронили на Байковом кладбище.

После смерти М. Грушевского власти начали создавать ему репутацию «врага народа». Распространение его работ было запрещено, и они заняли место в спецархивах. Преследованиям подверглись родственники и коллеги выдающегося историка. В советских лагерях погибли дочь ученого Екатерина Грушевская, брат Александр и племянник Сергей.

Несмотря на советские мифы и замалчивание правды, украинский народ через десятилетия пронес добрую память о

своем выдающемся сыне, великом ученом и патриоте – Михаиле Сергеевиче Грушевском.

Ныне его имя носят Институт украинской истории НАН Украины и одна из улиц Киева. В центре столицы возведен памятник М. Грушевскому.

Гурченко Людмила Марковна (род. в 1935 г.)

Популярная актриса кино, театра, телевидения и эстрады. Исполнительница комедийных и драматических ролей более чем в 80 кино– и телефильмах. Певица, создатель и исполнитель видеомузыкальных композиций «Песни войны» и «Любимые песни». Обладательница почетных званий и наград: заслуженной артистки РСФСР (1969 г.); народной артистки РСФСР (1977 г.); народной артистки СССР (1983 г.); ордена «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени (2000 г.); Государственной премии РСФСР за фильм «Старые стены» (1976 г.). Автор книг «Мое взрослое детство» (1982 г.) и «Аплодисменты» (1997 г.).

Как часто, глядя на кумиров сцены и экрана, поклонники горестно вздыхают об увядании звезд: взгляд потускнел, речь невнятна, лицо не спасают пластические операции, движения скованны, фигура оплыла. Так хочется, чтобы все-таки раскрыли секрет Макропулоса и чудодейственный эликсир вернул молодость хотя бы талантливым людям. А вот над Людмилой Марковной Гурченко, кажется, время не властно. Никита Михалков как-то заметил: «Этой актрисе всегда 28». Вечно молодая и экстравагантная, не утратившая оптимизма и желания жить, нравиться, покорять. Ее задорная юная улыбка, впервые блеснувшая на экране в «Карнавальной ночи» еще в 1956 г., не

изменилась, хотя давно минула эпоха черно-белого кино. А уж ее фигурке – примеру изящества и хрупкости – можно только позавидовать. Можно только гадать, почему годы не властны над этой женщиной. Быть может, потому, что детство было для Люси Гурченко тем сильнейшим внутренним импульсом, который привел ее в искусство. Это оно воспитало в ней бойцовский характер и помогло создать свой мир – мир театра одной потрясающей актрисы. Это оно не позволило ей состариться.

Людмила родилась 12 ноября 1935 г. в городе Харькове и была единственным ребенком в семье. Ее отец, Марк Гаврилович – сельский парень, душа общества, «неотшлифованный талант», – работал забойщиком на руднике, немного проучился в музыкально-драматическом институте, выступал как баянист на различных массовых мероприятиях от Дворца пионеров, был завхозом в научной библиотеке им. Короленко. Мать актрисы, Елена Александровна, бывшая москвичка из «столбовых дворян», воспитанная в строгости и получившая хорошее образование, вела кружки художественной самодеятельности. Она рано вышла замуж и родила дочь в 17 лет. Восторженный отец хотел назвать дочь Люси, но зарегистрировали ее Людмилой, а дома звали Люсей. Папа с первых лет жизни пророчил своей любимице актерскую карьеру, восторгаясь ее детскими талантами.

«Не помню грустных людей, грустных лиц до войны… Как будто до войны все были молоды. Молодой папа, молодая мама, молодые все. И я сама – счастливая, радостная и, как мне внушил папа, совершенно исключительная», – так писала потом актриса в своей книге «Мое взрослое детство».

В 1941 г. отец добровольцем ушел на фронт, прошел всю войну с концертной бригадой. Шестилетняя Люся осталась с мамой в оккупированном Харькове. Веселая беззаботная жизнь кончилась. Длинные тоскливые очереди за водой к проруби, холод промерзшей квартиры, виселицы в центре базара, ужасные овчарки и патрули, страх, что мама не вернется домой. «Я все впитывала и ничего не забыла. Я даже разучилась плакать. На это не было сил. Тогда я росла и взрослела не по дням, а по часам». Голодная, она воровала с мальчишками на базаре, торговала рядом с мамой табаком, бегала с кастрюлькой за супом в немецкие ремонтные мастерские и ждала папу.

После освобождения города Людмила пошла в школу, в которой не было ни парт, ни учебников, ни тетрадей. Осенью 1944 г. сдала экзамены в музыкальную школу им. Бетховена в «класс охраны детского голоса». На прослушивании она исполняла «песню с жестикуляцией» «Про Витю Черевичкина». Педагоги рыдали от смеха, глядя на это «творчество», а мама

сгорала от стыда, услышав в дополнение к программе «Встретились мы в баре ресторана». Но девочку зачислили в «будущие актрисы». В музыкальной школе говорили, что она «печет песни, как блины», учась всему на ходу, а еще боролись с ее шепелявостью и обилием «словесного мусора», доставшегося по наследству от отца и войны. Но уже тогда Людмила любила только петь, «теорию музыки сразу же забыла, а до гармонии так и не дошла».

В душном, забитом людьми вагоне маленькая Люся дала свой первый концерт по заявкам, за который восторженные попутчики «кто сколько может заплатил». Это был ее первый заработок. Все деньги пошли на оплату музыкальной школы.

В сентябре 1945 г. домой вернулся отец, восторженный, шумный, с подарками. Голодной «дочурке» он привез зеркальце, велосипед и «взрослое» концертное платье, украшенное бисером и камнями. Но вскоре все это было обменено на продукты, так как папина «клюковка», «дочурка» больше была похожа на «сухарь» от долгого недоедания.

Летом 1953 г., окончив школу, Людмила собралась поступать в Харьковский театральный институт, но отец настоял на поездке в Москву: «Иди, вжарь як следует. И ничего не бойся. Иди и дуй свое. Хай усе будут як люди, а ты вертись, як черт на блюди». И она, запрограммированная папой на успех (а уж вертеться ей пришлось потом немало), поехала покорять столицу. Гурченко подала документы в три вуза. После двух туров она передумала поступать на курс оперетты в ГИТИС, зато прошла одновременно в Щукинское училище и во ВГИК. Выбрав кино, Людмила училась в классе С. Герасимова и Т. Макаровой. На втором курсе снялась в небольших ролях в фильмах «Дорога правды» и «Сердце бьется вновь». А затем на нее обрушилась слава «Карнавальной ночи». Этот фильм был экспериментом для всех членов съемочной группы. Сценарий Б. Ласкина и В. Полякова несколько лет никого не интересовал. Режиссер Э. Рязанов делал свою первую художественную картину. Игорь Ильинский снимался после многолетнего перерыва. А Людмила Гурченко с Юрием Беловым впервые попали на главные роли. Постановку фильма курировал И.А. Пырьев. Он-то и утвердил на роль молодую артистку, проваливщую пробы (а она их проваливала и потом с завидным постоянством).

Фильм получился на все времена. С ролью Людмила справилась блестяще. Зажигательный азарт, талантливая игра, чудесный голос, точеная фигурка «с осиной талией» покорили зрителей – к ней в одну ночь пришла слава. И лишь гораздо позже навалится горькое отрезвление: «Она меня изломала и оставила в

полном недоумении. Сколько раз потом, по глупости, в других картинах я пробовала повторить Леночку Крылову. Получалось жалкое подражание самой себе. Разочарование публики. Постепенный переход во "второй сорт"». Но сразу после выхода фильма был головокружительный успех, бесконечные встречи со зрителями и в финале обязательно «Песенка про пять минут». Она повторяла и повторяла одно и то же со сцен и с экрана, пока не иссякла. По-старому не хотелось, по-новому не умела. А тут еще и разгромная статья в газете о «деньгах в голубых конвертах» за низкопробные творческие встречи и осуждение со всех сторон. Начались долгие годы простоя в кино. Актриса бросилась в театр. В «Современнике» не прижилась. Потом был Театр сатиры, но и там она не подошла.

Сейчас 17 лет опалы Гурченко связывает с отказом работать с иностранцами на Международном фестивале молодежи (1957 г.). А в те годы она не могла понять, что же случилось. Используя свои лирико-комедийные и вокальные данные, актриса сыграла в ряде лент («Девушка с гитарой», «Роман и Франческа», «Укротители велосипедов»), но все фильмы были слабее «Карнавальной ночи» и не приносили ни успеха, ни удовлетворения.

А вот небольшую роль Сони Быстровой в фильме «Балтийское небо», вспомнив все страхи военных лет, Гурченко сыграла прекрасно и раскрылась как драматическая актриса. Она очень нуждалась в настоящей работе не только из-за материального положения, но и чтобы доказать всем и себе, что она не «второй сорт». Получив предложения на очередные пробы, она влетела в студию – «Малиновый костюм с рыжей лисой, малиновая шапочка, черные ажурные чулки в розах». В таком «соответствующем случаю» наряде увидел ее режиссер, предложивший ей роль в фильме «Рабочий поселок». Через несколько минут Людмилу было не узнать: из вертлявой шансонетки она превратилась в типичную работницу.

Но инерция «Карнавальной ночи» была сильней желания играть. Небольшие удачи не смогли изменить судьбу актрисы в тот период. Она много работала над собой, боролась с харьковским выговором, наращивала в себе «голубую кровь». И весь запас творческой энергии направила в песню, на эстраду. «Ничто так не закаляет, как эстрада. В кино, в театре есть режиссер, есть коллектив, массовка. На эстраде – один. Сам себе режиссер, массовка и актер, мгновенно реагирующий на отклик зала. Но право на соло надо заслужить. Надо увлечь публику и повести ее за собой». Радости от маленьких побед на концертах – единственные бесценные минуты в годы простоя в кино.

Личная жизнь Людмилы Марковны тоже не была удачной. От первого брака с режиссером Борисом Андроникашвили (сын писателя Б. Пильняка) у нее родилась дочь Маша, которую воспитывали дед с бабушкой. Затем распался ее брак с Александром Фадеевым-младшим. Ничего хорошего не может вспомнить Гурченко и о совместной жизни с Иосифом Кобзоном.

В 1969 г. ей было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР, и ее вновь стали приглашать в кино («Белый взрыв», 1970 г.; «Один из нас», «Дорога на Рюбецаль», 1971 г.; «Тень», 1972 г.). В переломном 1973 г. в жизни Гурченко произошло несколько событий. Умер отец. Ушел из жизни человек, которого она любила и который благословил ее путь на сцену. «Почти неграмотный, необразованный по нынешним меркам», он был главной ее опорой. Это его жизнелюбие передалось ей, его вера в талант дочери помогла выстоять в годы застоя и перейти в «первый разряд». «Я абсолютно верю, что этого доброго и скромного человека, моего [четвертого] мужа – послал папа», – говорила Людмила Марковна о своем новом супруге. Гражданский брак с 23-летним Константином Купервейсом, пианистом в эстрадном оркестре и подающим надежды композитором, верность и самоотдача мужа позволили актрисе почувствовать понимание и надежный тыл в течение долгих 18 лет. Но для Людмилы Марковны это было стремительное время творческого взлета и возвращения на экран в качестве актрисы разноплановой и непредсказуемой. Она стала четко прислушиваться к режиссерам, особенно в нетипичных для ее амплуа ролях. В.Н. Трегубович, рискуя своей и ее дальнейшей карьерой, снял Гурченко в главной роли в фильме «Старые стены». Картина открыла перед зрителями новые грани ее мастерства, которые значительно подняли актерский престиж Людмилы Марковны. За роль директора ткацкой фабрики в этом фильме Гурченко была удостоена Государственной премии РСФСР.

Дальнейшая ее актерская жизнь напоминала «рог изобилия». Она радовалась каждой роли. Иногда, не доверяя актерскому счастью и капризам режиссеров, пропускала «более интересные и весомые роли». Это лихорадочное «скорее в кадр» лишило ее роли в фильме Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино», но зато маленькие зрители увидели ее в картине «Мама». Эту роль и несколько последующих она играла с тяжелым переломом ноги, полученным на съемках.

Гурченко прекрасно исполняла сложные «жизненные» роли. «Можно пережить на экране драму, трагедию человека только тогда, когда ты сам пережил в жизни что-то приблизительно

похожее. Можно сыграть, но не прожить». Детские, но четкие воспоминания о войне, характеры и поведение соседок и знакомых помогли ей найти основные черты и индивидуальные штрихи для своих героинь в фильмах «Пять вечеров», «Сибириада», «Двадцать дней без войны», «Полеты во сне и наяву», «Прохиндиада». А в лентах «Небесные ласточки», «Вокзал для двоих», «Любовь и голуби» она играла «разную себя». В «Бенефисах» Крамарова, Мартинсона, Васильевой и, конечно, в своем собственном Гурченко раскрылась как несравненная актриса шоу. Она взлетала все выше и выше и незаметно для себя однажды оставила где-то на земле человека, который отказался от своей карьеры, ходил вместо нее «по высоким кабинетам», вносил на руках на съемочную площадку и просто любил. После 18 лет супружества она рассталась и с четвертым мужем.

Людмила Марковна сама не знает, умеет ли она любить. Однажды она призналась, что у нее была «любовь № 1 – к папе, и любовь № 2 – к музыке, кино и профессии». С дочерью она не находит общего языка, внуки называют ее Люся, «потому что я – актриса и актрисой буду до самой последней минуты. Я все отдаю вам [зрителям]. Поэтому дети и внуки имеют очень мало». Даже смерть внука она осознала через музыку, исполнив римейк песни Земфиры «Хочешь».

В 55 лет в ее жизнь вошел продюсер Сергей Сенин. Гурченко считает, что у нее теперь «есть плечо, на которое она может опереться, что это тот человек, к мнению которого она прислушивается и даже подчиняется». Ей важно, чтобы ее любили такой, какая она есть:

«Главное, чтоб кто-нибудь любил —
Со всеми недостатками,
Слезами и припадками,
Скандалами и сдвигами
И склонностью ко лжи…»

– звучат слова ее шлягера.

Теперь актриса востребована и в кино, и в театре, и на телевидении. Она может выбирать роли, а не ждать, когда ее пригласят. Позволить себе демонстративно вырваться из рамок сюжетного повествования и превратить фильм «Послушай Феллини!..» в эстрадный монолог актрисы Людмилы Гурченко. В поисках новых необычных ролей актриса выступает в антрепризном театре, где ей по душе стихия бенефисного жанра. Эльдар Рязанов снял ее в фильме «Старые клячи» (2000 г.), но согласившись на роль «старой», она все равно «вертится на одной

ножке».

Гурченко по-прежнему работает в театре. Сейчас она сотрудничает с талантливым Гедиминасом Тарандой и Николаем Фоменко в мюзикле «Бюро счастья». Выходят ее новые компакт-диски и музыкальные видеоклипы. О жизни и творчестве Гурченко написала в своих книгах «Мое взрослое детство» и «Аплодисменты». Ее вклад в искусство по достоинству оценен званиями народной артистки РСФСР и СССР. А накануне ее 65-летия Президент Российской Федерации В. Путин подписал указ о награждении актрисы орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени.

Однажды на встрече со зрителями Никита Михалков сказал, что есть актрисы, которые семью, ребенка не променяют на хорошую роль. И, повернувшись в сторону Гурченко, добавил, что она «за хорошую роль может поджечь свой дом, сама принесет керосин, – потом будет раскаяние, суд, но роль она сыграет».

У нее было взрослое детство, жизнь, состоявшая из взлетов и падений, а в зрелость она пришла с душой восторженного ребенка, которому все интересно и ново. Людмила Марковна достигла всего, о чем мечтала маленькая харьковчанка Люся – играть, петь, танцевать, – она стала Актрисой.

Даниил Романович (Галицкий) (род. в 1201 г. – ум. в 1264 г.)

Князь Галицкий и Волынский, выдающийся полководец и государственный деятель, первый украинский король.

«С блестящим мужеством, славолюбием, наследственным в племени Изяславовом, Даниил соединил способность к обширным государственным замыслам и к государственной распорядительности; с твердостью, умением неуклонно стремиться к раз предложенной цели он соединял мягкость в поведении, разборчивость в средствах, в чем походил на друга деда своего, Изяслава, и резко отличался от отца своего, Романа», – писал о Данииле Галицком известный русский историк С. Соловьев.

Его государственная деятельность продолжалась 59 лет, хотя прожил он 63 года. Четырехлетним вступил Даниил Романович на этот многотрудный путь, продолжая дело своего отца – знаменитого князя Романа Мстиславовича, правнука Владимира Мономаха по отцовской линии и внука польского князя Болеслава Кривоустого – по материнской. Политический кругозор Романа был очень широк. Не ограничиваясь победами над внутренними врагами, он предпринял успешную войну с половцами, завязал дружеские отношения с Византией. С ним вынуждены были считаться правители Венгрии, Польши и Литвы. Погиб Роман Мстиславович как настоящий рыцарь – на поле боя, в 1205 г. На

руках у молодой княгини Анны остались двое сыновей – младшему Васильку исполнилось два годика, старшему Даниилу – четыре. Перестав ощущать сильную княжескую руку, боярская оппозиция, с которой так долго боролся Роман, тут же составила заговор против его наследников.

Вдова Романа обратилась за помощью к венгерскому королю Андрею П. Присланные им войска только на короткое время восстановили порядок, но когда они ушли, непокорные бояре призвали на галицкий стол Владимира Игоревича. Княгиня с детьми вынуждена была бежать во Владимир (на Волыни). Но и там не нашли они приюта. Узнав о намерении местной знати выдать их новому галицкому князю, Анна с сыновьями тайком, через пролом в городской стене, покинула Владимир.

Юных Романовичей и их мать укрыл у себя Лешко Краковский. Вскоре Даниил был отправлен в Венгрию, где и пробыл до 1211 г. В это время Галичина и Волынь страдали от междоусобных войн, набегов ятвягов и литовцев. Народ и даже часть знати все чаще вспоминали о находившихся в изгнании сыновьях Романа. Напуганные резней, которую устроили Игоревичи в Галиче, бояре хотели воспользоваться малолетством Даниила, чтобы править за его спиной.

В 1211 г. венгерский король послал на Галич войско, которое овладело городом. Прибывший вслед за ним Даниил был провозглашен князем Галицким. Поскольку управлять он еще не мог и за него это собиралась делать княгиня Анна, бояре немедленно выгнали ее. Маленький Даниил не хотел расставаться с матерью, плакал, а когда один из бояр собрался увести его коня, выхватил меч, чтобы ударить его, но промахнулся и ранил только коня. Анна вырвала из его рук меч и упросила остаться в Галиче, а сама отправилась к Васильку в Белз. Однако уже через год Даниил покинул отчий стол и возвратился в Венгрию. В Галиче провозгласил себя князем боярин Володислав – неслыханное нарушение феодального права, согласно которому князем на Руси мог быть лишь тот, кто им родился.

В 1214 г. венгерский король, заключив союз с краковским князем Лешко, снова захватил Галич и посадил здесь князем малолетнего сына Коломана, обрученного с дочерью Лешко. Тогда же Даниил с матерью при помощи поляков вернули себе два волынских города – Тихомль и Перемышль. По словам галицкого летописца, «стали княжить там, на Владимир посматривая, и сказали они: "Так или иначе, а Владимир будет наш"».

Тем временем борьба за Галич между Польшей и Венгрией

обострилась до предела. Лешко понял, что проигрывает, поэтому обратился к новгородскому князю Мстиславу Удалому с предложением занять галицкий стол. Лешко надеялся с помощью прославленного полководца выгнать венгров и самому воцариться в Галичине. Но его планам не суждено было сбыться. В 1219 г. Мстислав во главе конной дружины изгнал венгерский гарнизон и стал княжить в Галиче. Даниил, который уже стал совершеннолетним и утвердился во Владимире-Волынском, решил вступить в союз с новым галицким князем. Союз этот был скреплен традиционным для того времени династическим браком: Даниил женился на дочери Мстислава Анне.

С этого момента старший сын Романа становится заметной фигурой на политической арене Восточной Европы. Вместе с братом Васильком он стал собирать под единое правление отцовские земли – и начал с Волыни. Даниил изгнал поляков из западных областей Волыни и отобрал Белз у своего вечного врага Александра Всеволодовича. Авторитет молодого князя возрастал. Он был смел и удачлив, постепенно его окружил ореол героя, подтвержденный многочисленными победами в боях с врагами.

В 1222 г. в причерноморских степях появились монголо-татары. Угроза захвата нависла над половецкими племенами, и они обратились за помощью к русским князьям. Те собрались на «снем» – общий съезд – в Киеве и справедливо рассудили: «Лучше нам встретить врага на чужой земле, чем на своей». 31 мая 1223 г. объединенное войско киевского, черниговского, смоленского, галицкого, волынского и других князей встретилось с монголо-татарами на речке Калка. В ходе сражения передовые отряды кочевников были смяты, но тут внезапно половцы обратились в бегство, уничтожая фланговые русские отряды. Для русичей бой закончился тяжелым поражением. За несогласованность действий князья жестоко поплатились: многие были убиты в бою, а тех, кто выжил, монголо-татары положили под настил, на котором всю ночь пировали.

Надо сказать, что в критический момент битвы 22-летний Даниил проявил себя как хладнокровный и умелый военачальник, храбрый воин. Не обращая внимания на тяжелое ранение в грудь, он продолжал сражаться. Видимо, судьба хранила его для будущих дел: Даниил со своим тестем Мстиславом Удалым живыми вернулись на Русь.

В последние годы своего правления Мстислав сблизился с венграми и выдал свою дочь за королевича Андрея. Тот получил от тестя сначала Перемышль, а потом и Галич. Перед смертью Мстислав раскаялся в совершенном, но было уже поздно. Даниилу вновь пришлось сражаться за отцовскую землю. Чтобы

завладеть Галичем, старший Романович поборол сопротивление боярской оппозиции, померялся силами с венгерским войском – одним из лучших в Европе, дипломатическими путями нейтрализовал агрессивных польских князей и попутно разгромил крестоносцев под Дорогочином.

Молодой, но уже опытный полководец сначала осуществил масштабную военную реформу. Раньше князья полагались только на свою конную дружину и народное ополчение, собранное на скорую руку и плохо обученное. Даниил же свое регулярное пешее войско набрал из горожан: они всегда поддерживали его в борьбе с боярами. Новая армия была многочисленной и хорошо вооруженной, а ставка на городское сословие в тех исторических условиях оказалась единственно правильной. Именно горожане, уставшие от бесконечных усобиц, поддержали воцарение Даниила Романовича в Галиче в 1238 г. Об этих событиях летописец писал: «Кинулись градские мужи к нему, как пчелы к матке, как жаждущий к источнику, и принял он стол отца своего и отпраздновал победу и поставил на немецких воротах флаг свой».

Однако благополучное правление Даниила в единой Галицко-Волынской земле длилось недолго: на востоке уже разворачивалось наступление полчищ Батыя на русскую землю. Первыми удар приняли Рязань, Владимир-на-Клязьме, Ростов. В 1239 г. были захвачены Переяслав-Южный и Чернигов. Даниил Галицкий спешно попытался создать антимонгольскую коалицию, вступив в переговоры о военном союзе с венгерским королем Белой. Но тот отказал в помощи Даниилу, как и поляки и мазовшане.

Тем временем в декабре 1240 г. орды кочевников штурмом взяли и почти уничтожили Киев, а потом направились на Галицко-Волынскую Русь. Были захвачены Владимир, Галич и большинство крупных городов княжества. К концу следующего года Батый завоевал всю Юго-Западную Русь. Сам галицко-волынский князь находился тогда в Польше, тщетно пытаясь заручиться помощью в борьбе против татар.

Вернувшись в свои владения весной 1241 г., Даниил увидел повсюду страшные следы нашествия. В столице Волыни, Владимире, «ни единого живого человека не осталось, церковь Святой Богородицы была наполнена трупами, другие церкви были полны трупов и мертвых тел». Русские земли лежали в руинах, а когда-то могущественные князья оказались в зависимости у хана. Одной из немногих областей Руси, где не признавали власти кочевников, были владения Даниила Галицкого. Но Батый не забывал о нем. Своеобразным предупреждением своевольному князю послужил набег на Волынскую землю в 1243 г. и разорение

Понизья.

К тому же, пользуясь слабостью Руси, летом 1245 г. объединенное польско-венгерское войско вторглось в Галичину. Первая же крепость на пути завоевателей – Ярослав – оказала яростное сопротивление. 17 августа 1245 г. у ее стен произошло решающее сражение. Даниил, командуя галицкими и волынскими полками, показал себя умелым и мужественным военачальником. Венгерское войско было полностью разгромлено.

В том же году Даниилу Романовичу предстояло преобразиться в проницательного и осмотрительного дипломата. Батый требовал от него повиновения, воевать же с татарами после сражения с венграми князь просто не мог – лучшие дружинники были потеряны. Взвесив все, он принял мужественное решение: лично явиться в ставку Батыя и попытаться установить с ним мирные отношения. Отдавая себя во власть татар, Даниил был готов ко всему. По дороге он часто молился, прося Бога уберечь его от беды. Прибыв к Батыю, князь выполнил все требования, предписанные этикетом ханского двора, и по обычаю обошел с подарками всех влиятельных лиц.

Признание Ордой Даниила как законного Галицко-Волынского князя было куплено им ценой унижения. С другой стороны, эта поездка повысила авторитет Даниила Романовича в глазах западных соседей. Никто больше не собирался посягать на его собственность.

Укрепив свои позиции на Западе и Востоке, Даниил Галицкий начал старательно и энергично готовиться к освобождению своих земель от гнета кочевников. С этой целью он установил союзнические отношения с недавними врагами – польским князем и венгерским королем, – а также подписал мирный договор с Литовским княжеством. В поисках союзников князь обратил свой взор не только на запад, но и на восток. Стремление младшего брата Александра Невского Андрея Ярославича избавиться от ордынского ига не осталось без внимания Даниила Романовича. В 1251 г. он заключил с главой Владимиро-Суздальского княжества военный союз, скрепленный браком их детей.

Одновременно Даниил возобновил переговоры с Римом. Чтобы добиться от папы военной помощи, галицкий князь разрешил присутствие и деятельность на православных украинских землях католических монашеских орденов. Решительным шагом к сближению двух церквей должна была стать коронация его присланным из Рима королевским венцом. Понимая, что это вызовет гнев ордынского хана, Даниил медлил. Однако в 1253 г. в Дорогочине коронация все-таки состоялась. Но

кроме королевского титула, никаких ощутимых результатов это не принесло, поэтому Даниил без тени сомнения разорвал договоренности с Римом.

Оставшись без поддержки перед лицом грозного врага, князь-король продолжал укреплять старые и возводить новые города и крепости, преимущественно на восточных рубежах княжества. Среди них прежде всего следует упомянуть об основании Львова (1256 г.), названного так в честь его сына Льва. Одновременно Даниил перевооружал войско. Особое внимание он уделял тяжелооснащенной коннице. По свидетельству летописца, Даниил перенял все лучшее в иностранном вооружении, в том числе легкие и прочные китайские латы из шкуры быков, которые увидел у тех же монголов. Вся эта работа проводилась в спешке, так как татары ежегодными набегами напоминали о себе.

На протяжении 1252 – 1257 гг. битвы с монголо-татарами были успешными для Галицко-Волынского княжества. Но когда на украинские земли пришли новые отряды кочевников под руководством опытного полководца Бурундая, сражаться с ними сил уже не было.

Бурундай приказал разрушить укрепления в тех городах, взять которые татары не смогли бы. Не имея другого выхода, Даниил и Василько подчинились. Крепостные сооружения крупных городов – Данилова, Стожка, Львова, Кременца и Луцка – были уничтожены. Понимая, что татары мстят за его сопротивление, Даниил посчитал нужным уехать в Польшу, а оттуда в Венгрию. Этим он надеялся спасти Галичину и Волынь от дальнейшего разорения.

Вернувшись в родной Холм в 1260 г., Даниил Романович Галицкий больше не воевал, оставив это занятие более молодым – сыновьям и внукам. Последние годы жизни он посвятил обустройству жизни в княжестве. Были заложены новые города, поощрялось развитие торговли и ремесел, издавались законы, защищавшие крестьян от произвола феодалов.

К сожалению, потомки Даниила не удержали целостности и независимости Галицко-Волынской Руси. В середине XIV в. она была захвачена более могущественными соседями – Литвой и Польшей. Но все же память о великом объединителе Западной Руси осталась.

Умер Даниил Романович в 1264 г. в Холме (ныне Хелм на территории Польши) и был похоронен в церкви Успения Богоматери.

Историческая роль Даниила Галицкого, несомненно, велика. Он сумел, несмотря на неблагоприятные условия, объединить Галицкую и Волынскую земли в могущественное княжество и

успешно противостоял монголо-татарским завоевателям. И пусть ему не удалось избавиться от ордынского ига – своей мудрой государственной политикой и полководческим талантом князь внес большой вклад в многовековую традицию борьбы украинского народа за независимость.

Дерюгина Ирина Ивановна (род. в 1958 г.)

Знаменитая гимнастка. Абсолютная чемпионка мира (1911, 1919 гг.) и Европы (1918 г.), пятикратная абсолютная чемпионка СССР по художественной гимнастике. Старший тренер специальной детско-юношеской школы олимпийского резерва (с 1983 г.), заслуженный тренер СССР (1989 г.), судья международной категории. Вице-президент Федерации художественной гимнастики Украины (с 1988 г.).

Ирина Ивановна Дерюгина за огромный вклад в развитие украинского спорта награждена орденом княгини Ольги III степени. Ее называют «стильной женщиной», «удачливым тренером», «активным функционером спорта». Она уже многие годы восхищает и удивляет не только поклонников художественной гимнастики, но и мировую общественность своей целеустремленностью, огромной работоспособностью, выносливостью и несгибаемостью воли. Дерюгина всегда твердо стоит на ногах. Когда-то она покоряла болельщиков мастерством, умением владеть своим гибким и пластичным телом, сохраняя на протяжении всего выступления женственность и красоту, достойную кисти художника. А сейчас строго обаятельная Ирина Ивановна излучает уверенность в своих силах и с гордостью носит еще один титул, данный ей за несокрушимый внутренний

стержень, – «настоящая леди Сталь». Ирина всегда четко знает, чего она хочет и как этого добиться. По ее собственному утверждению, она никогда не впадала в отчаяние и не испытывала разочарований. И хотя она и шла по проторенному родителями пути, но всего достигла сама.

Будущая олимпийская чемпионка родилась в Киеве 11 января 1958 г. в семье профессиональных спортсменов: ее отец Иван Константинович – олимпийский чемпион по современному пятиборью, мать Альбина Николаевна – тренер по художественной гимнастике. Едва научившуюся ходить маленькую Иру мама брала с собой на работу в спортивный зал, где она окуналась в мир спорта, тренировок и сборов. Там всегда было шумно и интересно: звучала музыка и мамин голос, заставлявший гимнасток доводить любой элемент до совершенства. Девочка никому не мешала, потому что понимала: все заняты делом. Но Ирине вовсе не было скучно. Она то играла в куклы, то внимательно наблюдала за грациозными движениями мамы и гимнасток. Ей и самой хотелось так же, как они, изящно и виртуозно порхать под звуки музыки, мастерски выполняя упражнения…

Альбина Николаевна отвела дочку в балетную школу, когда Ире исполнилось всего четыре года. Ей хотелось, чтобы малышка овладела азами хореографического искусства, и даже если в будущем она не станет балериной, то отличная танцевальная подготовка не помешает. И хотя балет действительно серьезно увлек Иру, после занятий она все равно прибегала в гимнастический зал к матери. Девочка уже тогда подсознательно рвалась на помост, мысленно повторяла все движения гимнасток, но мать не спешила подвергать ее серьезным спортивным нагрузкам. И будущая легенда гимнастики, все еще мечтая стать балериной, в 10-летнем возрасте поступила в Киевское хореографическое училище.

Окончательный выбор между балетом и профессиональными занятиями гимнастикой Дерюгина сделала летом 1972 г., когда ее пригласили в молодежную сборную страны. А уже следующей зимой она записала в своем спортивном дневнике: «Мой идеал в художественной гимнастике – Мария Гигова и первая абсолютная чемпионка мира 1963 г. Людмила Савинкова».

Юная спортсменка очень требовательно относилась к себе, а особенно к тому, чем она занималась. Каждую ошибку старалась проанализировать и сделать все, чтобы впредь ее не повторить. Неутомимое желание борьбы и здоровый спортивный азарт помогали Ирине. Ничто не могло ее остановить, даже травма – ущемление мениска правого колена. Тогда, на Кубке СССР,

который проходил в родном Киеве, она выступала, превозмогая невыносимую боль. Однако, глядя на нее, никто не мог об этом догадаться – Ирина лучезарно улыбалась землякам. И победила!

Спортивный характер Дерюгиной помогал преодолевать любые трудности. В 15 лет она приняла участие в своем первом чемпионате. Тогда на первенстве СССР спортсменка заняла общее 22-е место. Как справедливо считала мама, Ире просто не хватило опыта. Но эта первая неудача никак не отразилась на дальнейших планах.

Затем был дебют за границей, в Голландии. Ирина очень волновалась, но это выступление привлекло внимание профессионалов мирового уровня. О манере исполнения Дерюгиной, артистизме и старательности много писала пресса, пророча ей большое будущее. Юной гимнастке аплодировали даже судьи, особенно за упражнение с лентой, исполненное под вальс Андрея Петрова из кинофильма «Берегись автомобиля». Так стремительно началось воистину триумфальное шествие будущей чемпионки.

В 1975 г. Ирина стала абсолютной чемпионкой Украины, выиграв при этом и все отдельные виды программ. Пять лет подряд она была абсолютной чемпионкой СССР. Затем к своим наградам высшей пробы она добавила золото абсолютной чемпионки мира 1977 и 1979 гг. и Европы 1978 г., чемпионки мира и Европы в отдельных видах многоборья 1975 и 1976 г. За этими скупыми статистическими данными стояли огромный труд, вдохновение, мастерство, талант, но самое главное – уверенность, что, даже покинув помост, она никогда не расстанется с художественной гимнастикой. Ирина Ивановна старалась ничего не планировать – она просто шаг за шагом, последовательно, спокойно и уверенно шла к поставленной цели. В 1980 г. Дерюгина окончила Киевский институт физической культуры, а три года спустя уже была старшим тренером специальной детско-юношеской школы олимпийского резерва (СДЮШОР). С 1988 г. она является вице-президентом Федерации художественной гимнастики Украины и судьей международной категории.

В ноябре 1980 г. Дерюгина вышла замуж за «лучшего футболиста Европы», нападающего киевского «Динамо» Олега Блохина. 15 января 1983 г. у них родилась дочь Ирочка, которая сейчас живет в Америке и недавно получила диплом юриста. Ира Блохина – натура столь же одаренная и увлекающаяся (она пробует себя на эстраде, серьезно и успешно занимается изучением иностранных языков), сколь и целеустремленная. Как и легендарные родители, она знает, что ничто на свете не дается легко и, чтобы добиться успеха, необходимо приложить немалые

усилия. Главное, чтобы дело, которым ты занимаешься, тебя по-настоящему волновало.

Семейную жизнь Дерюгина строила в полном соответствии со своими убеждениями. «Домашняя работа останавливает развитие женщины и рано или поздно приводит к разрыву с мужчиной, – утверждала Ирина. – У нее должно быть дело, причем совсем не обязательно в качестве источника существования. На данный момент карьера – не главное в моей жизни, хотя работа и забирает львиную долю времени. Но я считаю, что все должно быть гармонично и сбалансированно, надо уметь совмещать приятное с полезным».

Прославленная спортсменка сама разрабатывала дизайн своей квартиры: продумывала, как расставить мебель, где будет лучше всего смотреться та или иная вещь. По ее собственному признанию, она вообще мастер на все руки: хорошо вяжет, шьет, вышивает, рисует. Однако проявить таланты бывает просто некогда, поскольку практически все время Ирина посвящает работе с молодыми украинскими гимнастками, а также судит крупнейшие международные соревнования.

В последнее время многие талантливые спортсмены из СНГ уезжают за границу – просто подзаработать или насовсем. Из-за этого в свое время распался и брак Дерюгиной и Блохина. Олег уехал работать в Грецию, а Ирину всецело поглотили заботы частной спортивной школы в Киеве. В итоге, как сказала гимнастка в одном из интервью, «отношения превратились в скучнейший телефонный роман».

Ирину такое положение вещей совсем не устраивало, хотя она и сознается: «Не исключено, что я была в чем-то не права, когда отказалась ради спасения семьи сжечь все мосты и, бросив работу, уехать с Олегом сначала на Кипр, а позже в Грецию». Ирина признает, что характер у нее трудный, друзей мало. Но она не разочарована в жизни: «Слава богу, все это позади, и сегодня в моей жизни есть любимый человек. Ведь любить и быть любимой – величайшее счастье на земле!»

Прославленная гимнастка считает, что сильные люди могут влиять на свою судьбу, потому что их сила дает им на это право. Она уверена: человек способен повернуть свою жизнь так, как считает нужным. Ей тоже не раз предлагали заманчивые заморские контракты, однако она отказалась наотрез: «Чисто профессионально за границей работать не интересно, потому что там нет перспективных гимнасток. Поэтому на работу за рубежом я не соглашусь ни за что, какие бы золотые горы мне ни сулили». Ирина нашла достойное применение своим талантам на родине.

Сегодня она занимается подготовкой украинских гимнасток к

различным отечественным и зарубежным соревнованиям. Дерюгина – директор СДЮШОР. Совместно с матерью они организовали Федерацию гимнастики Украины (ФГУ). У нее есть свой взгляд на проблемы развития любимого вида спорта. Ирину серьезно беспокоят попытки превратить «художественную гимнастику в закрытый элитный клуб, бойцовский клуб». Она бережно (хотя и требовательно как тренер) относится к своим достаточно именитым воспитанницам и отстаивает красоту художественной гимнастики, а не трюкачество, калечащее девочек. «У нас не цирк, а вид спорта для детей с нормальными физическими данными, – говорит Ирина. – Я считаю своей главной задачей вырастить Личность с богатым внутренним миром. Смысл, например, нашей с мамой школы не сводится к раздиранию ног. Потому что сложить ноги "бантиком" за ушами – это не художественная гимнастика. Художественная гимнастика – это прежде всего образ. Все элементы являются просто средствами для более эмоциональной, точной его передачи. Гимнастки не должны быть похожи как две капли воды, быть механическими, выступать без души…» Состоявшиеся в марте 2003 г. соревнования на кубок Дерюгиных лишний раз подтвердили правоту ее слов. Они стали настоящим праздником спортивного мастерства, красоты и грации.

Довженко Александр Петрович (род. в 1894 г. – ум. в 1956 г.)

Выдающийся кинорежиссер, сценарист, документалист, писатель, художник, педагог. Один из основоположников украинского кинематографа, зачинатель жанров авторского кино и киноповести. Теоретик искусства. Народный артист РСФСР. Художественный руководитель Киевской киностудии художественных фильмов, которая с 1957 г. носит его имя. Награжден орденами Ленина (1935 г.) и Трудового Красного Знамени (1955 г.). Лауреат трех Сталинских, Ленинской и Государственной премий.

Когда-то Довженко сказал: «Мои картины похожи на яблони – хорошо потрусил, набрал 500 яблок, плохо – упало штук 10». В его время немногим были по вкусу эти плоды, да и сейчас, в эпоху массового кино, по мнению киноведа Неи Зоркой, «он со своей яблоней не нужен. Но в аспекте вечности Довженко входит в XXI век, причем входит как совершенно не растрясенное дерево». По видению мира художник не был понятен массам. Александр Петрович избрал путь экспериментатора, путь мастера поэтического кино. Этот «сын зачарованной Десны» ворвался на экраны всего мира апологетом стихийных природных начал. Созданные им образы – плоды украинской земли во времена великих потрясений. О них он говорил с пафосом и

преклонением, придавал им силу мифических героев древности. Довженко творил, страдая. Он полностью изведал муки и радость творчества, заслуженное признание и злобную клевету. Словами своего героя из фильма «Поэма о море» гений украинского кинематографа предугадал свое будущее: «Я бессмертный человек… И абсолютно неважно, сколько микронных единиц времени будет существовать мое персональное я, я бессмертный счастливый человек, и то, что я чувствую, и то, что я делаю, – это прекрасно».

И мир, окружавший Сашу с детских лет, был прекрасен. Живописное село Вьюнищи, где он родился 10 сентября 1894 г. (но свой день рождения всегда отмечал 12 сентября), находилось рядом со старинным уездным городком Сосницы (Черниговская обл.). Из 14 детей казака-хлебороба Петра Семеновича Довженко выжили лишь двое: Саша и Полина. И мать, Дарья Ермолаевна, «родившаяся для песен, проплакала всю жизнь, провожая навсегда». Самыми яркими воспоминаниями мальчика стали неповторимая красота родных мест и дед Семен – мудрый, как земля, и в отличие от отца с матерью грамотный. Необразованные родители сделали все, чтобы дети учились (сестра Полина стала врачом).

После окончания приходской школы и Сосницкого училища Александр поступил в Глуховский учительский институт, который окончил в 1914 г. По поводу учебы в нем сам Довженко писал, что его воспитали «добронравным, политически неграмотным и наивным учителем» – «обрусителем края». Он преподавал в Кутузовском (близ Житомира), а затем в Житомирском смешанном училище физику, природоведение, географию, историю и даже гимнастику. В эти же годы Довженко вступил в гражданский брак с молодой учительницей Варварой Семеновной Крыловой, с которой даже после расставания сохранил добрые отношения.

В 1917 г. Александр переехал в Киев, чтобы одновременно с работой продолжить обучение в коммерческом институте и в Академии художеств. Он всегда мечтал стать художником, брал частные уроки, но ни академии, ни института не закончил. Революционные события перевернули жизнь общества, и Довженко присоединился к партии борьбистов (от названия газеты «Борьба»). С энтузиазмом он приветствовал Февральскую революцию, «действительно веря, что уже все люди братья… что земля у крестьян, фабрики у рабочих, школы у учителей, больницы у врачей, Украина у украинцев, Россия у россиян…» Но как оказалось, говоря его же словами, он «вошел в революцию не теми дверьми». Довженко вступил под желто-голубые флаги

атамана С. Петлюры, в надежде увидеть Украину независимой. Но уже в декабре 1919 г. он был арестован как «немецко-польский шпион» и приговорен к расстрелу. Из камеры смертников его освободили «свои» – борьбисты, примкнувшие к большевикам. Так, нежданно-негаданно Александр Петрович стал членом КП(б)У, правда, вскоре его исключили в связи с отсутствием какого-то заявления.

По рекомендации однопартийцев Довженко работал секретарем губернского отдела народного образования Киева, заведовал отделом искусств, исполнял обязанности комиссара театра им. Т.Г. Шевченко. Он не оставлял мечту стать художником и даже начал так называемую «Пеструю книгу» карикатур, когда его перебросили на дипломатическую работу в Харьков (в то время столица Украины). Довженко в составе Полномочного Представительства УССР занимался вопросами обмена военнопленными в Польше, а затем был секретарем Торгового Представительства УССР в Германии (1922 г.). В Берлине он поступил в частное художественное училище, а затем в Академию искусств. Александр Петрович активно посещал выставки и диспуты объединения художников «Kunstlerhüft», принял участие в экспозиции студенческих работ, где его рисунки были замечены профессором Янешем и выставлены в престижной галерее «Casper». Талантливого молодого украинца приняли в свой круг известные немецкие мастера Г. Цилле, О. Нагель, К. Кольвитц, Г. Гросс. Они же ввели его в мир кино, познакомили с режиссерами.

Дипломатом Довженко так и не стал. Вернувшись в Харьков, он работал художником-иллюстратором в газете «Вести ВУЦИК», но его меткие карикатуры и дружеские шаржи за подписью «Сашко» часто появлялись в других изданиях. В 1924 г. он иллюстрировал книгу О. Вишни «Литературные усмешки». «Я зарабатывал себе на жизнь иллюстрациями, а в свободное время учился живописи. В этот харьковский период я познакомился с харьковским украинским литературным миром, который группировался вокруг редакции "Вести" и "Сельская правда", вернее, вокруг Блакитного и Пилипенко». Довженко вошел в состав литературных объединений «Гарт» и ВАПЛИТЕ (Вольная академия пролетарской литературы), а с 1925 г. начал работать во Всеукраинском фотокиноуправлении как рекламный плакатист и переводчик титров.

Год спустя Довженко представил на одесскую студию свой первый сценарий «Вася-реформатор». «В июле 1926 года я просидел ночь в своей мастерской, подвел итоги своей неустроенной тридцатилетней жизни, поутру ушел из дома и

больше не возвратился. Я выехал в Одессу и устроился на работу на кинофабрику… В Одессе произошел переворот в моей жизни: там я стал кинематографистом, там я нашел свое призвание, там я встретил Солнцеву, которая стала моей женой». Юлия Ипполитовна была актрисой. Она дебютировала в картине Я. Протазанова «Аэлита», а затем прекрасно сыграла смешную лоточницу в «Папироснице от Моссельпрома». Ее наперебой приглашали сниматься советские и даже американские режиссеры, вокруг красивой женщины вились ухажеры, ей посвящали стихи Н. Асеев и Н. Крученых. Юлия была знакома с Брюсовым и Бальмонтом, Белым и Маяковским. Но свое сердце актриса с загадочными глазами марсианки отдала Довженко и стала не только его женой (официально только в 1950 г.), но и главным помощником в работе – ассистентом режиссера, распрощавшись навсегда на картине «Земля» с актерской карьерой.

Довженко в кино был намерен работать исключительно в комедийном жанре. Но снял только два таких фильма по своим сценариям – «Вася-реформатор» и «Ягодка любви» (оба в 1926 г.). И только после приключенческой картины «Сумка дипкурьера» (1927 г.), которая у зрителей имела большой успех, началось настоящее довженковское кино, отмеченное зарядом гениальности, новаторством и темпераментом. С фильма «Звенигора» ведет отсчет украинский национальный поэтический кинематограф. «Картину я не сделал, а спел, как птица», – написал Довженко в «Автобиографии». В этой киноэпопее прослеживается героическое казацкое прошлое и революционная братоубийственная война, утверждение большевистской власти и как результат – распад рода-семьи. Появление фильма на экранах стало сенсацией. Режиссер осуществил свое желание – «раздвинуть рамки экрана и заговорить языком больших обобщений». «Звенигора» стал первым украинским фильмом, с триумфом показанным за границей – в парижском кинотеатре «Studio-28» и в Сорбонне.

Довженко стал и родоначальником авторского кинематографа, выступая в фильмах «Арсенал» (1929 г.), «Земля» (1930 г.), «Иван» (1932 г.) как автор сценария и режиссер. Несмотря на революционный пафос и некоторую идейную заангажированность, всем фильмам присущи поэтичность, романтизм и глубокие философские мысли. Поэтическое восприятие режиссером жизни превратило сюжет «Арсенала» в почти документальное повествование о неудачной попытке построения независимого украинского государства. (Рабочее название – «Январское восстание в Киеве в 1918 г.». В нем

Довженко принимал участие на стороне петлюровцев.) Мощными экспрессионистскими красками режиссер утверждал красоту и силу человека в момент эпохальных потрясений. Сталин сказал о фильме: «Настоящая революционная романтика». Но если «Звенигору» не понял массовый зритель, то «Арсенал» не приняли литературные круги.

А отзывы на фильм «Земля» были диаметрально противоположными. Голландский кинорежиссер Й. Ивенс писал, что в картине «достигнута абсолютная гармония между формой и содержанием… Этот фильм является самым известным произведением, как в советской, так и в европейской кинематографии». М. Фальк в статье в газете «Синемонд» поставил Довженко выше Эйзенштейна и Пудовкина за «более живой, непосредственный и менее доктринерский стиль». Зато Демьян Бедный в фельетоне «Философы» был настолько беспощаден, что Довженко записал в «Автобиографии»: «Я буквально поседел и постарел за несколько дней. Это была настоящая психическая травма».

«Земля» – это все: жизнь и смерть, человек и природа, старое и новое. Каждым кадром режиссер свидетельствовал о бессмертии своего народа, его духа; он создал памятник той Украине, которую рушили большевики неумелым созиданием. «Земля» фактически стала единственным фильмом не только в Украине, но и во всем Союзе, где был сделан намек на божественные начала природы и человека. Авангардность творческих методов Довженко-художника, патетическая выспренность и высокая риторика фильма намного опередили его время. С тех пор «Земля» была несчетно раз «символически прочитана», открывая все новые и новые подтексты. Недаром же в Италии Довженко был назван «Гомером XX века», а неореалисты 50-60-х гг. считают себя его учениками и последователями. А в результате международного опроса критиков, проведенного Бюро истории кинематографии, эта картина была названа среди «двенадцати лучших картин всех времен и народов» (1958 г., Брюссель, Всемирная выставка).

В 1930 г. Довженко вновь побывал в Берлине, но уже как известный кинорежиссер. Это была творческая командировка, во время которой Александр Петрович вместе со своим незаменимым кинооператором Д. Демуцким и Ю. Солнцевой знакомился с техникой звукового кино. И уже тогда он признавался: «У меня устало сердце, друзья. И я долго не смогу работать». Скорее всего, он предчувствовал, что ему не дадут работать как он хочет. Талантливый, влюбленный в жизнь человек жил под постоянным колпаком ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ.

«Товарищи» не скупились на доносы. В бесчисленных отчетах спецслужб и анонимных посланиях режиссер представал сыном кулака и матерым украинским националистом. Сам Довженко писал, что «никто не может поставить над моей плитой эпитафию, что я буржуазный националист». Он просто был настоящим сыном своего народа, своей земли – Украины и болел за нее всей душой. Но как художник считал, что его творчество принадлежит всему человечеству и ему служит: «Искусство мое – искусство всемирное».

И все же на фоне массовых репрессий Александр Петрович считается самым счастливым из творцов украинского Расстрелянного Возрождения: ему сохранили жизнь. (Правда, была попытка подстроить автомобильную аварию, но обошлось без жертв.) Но главное, Довженко сумел сберечь свою душу. И пусть фильмы «Иван» (1932 г, первая экспериментальная звуковая картина; Сталинская премия), «Аэроград» (1935 г.), «Щорс» (1939 г.; Сталинская премия), «Мичурин» (1949 г.; Сталинская премия) носили явно заказной «искупительный» характер, их режиссер поднялся над дешевой пропагандой «идей коммунизма». В центре его внимания по-прежнему остаются личность и народ.

Войдя «одним ударом в число четырех крупнейших кинорежиссеров» (К.Л. Легюн из лондонской газеты «Observer»), получая многочисленные приглашения работать от французской киностудии Гамон, Довженко не представлял себя в отрыве от родины. Но именно это наказание было назначено тоталитарным государством Александру Петровичу. Система награждала, премировала мастера, но всегда держала в ежовых рукавицах. Как же он мучался этим! Зная от ветеранов-богунцев правду о «значимости» личности Щорса, режиссер тяготился этой картиной, навязанной ему лично Сталиным. В результате фильм несколько раз переснимался, менялись исполнители главных ролей, потому, что образ «украинского Чапаева» мерк то рядом с демонической фигурой предателя и убийцы Дубового, то на фоне колоритного «настоящего украинца» батька Боженко. Мало душевной радости принес творцу и фильм «Мичурин», ведь Александр Петрович уважал и очень ценил трагически погибшего украинского селекционера-садовода Л.П. Симиренко. Но даже зажатый тесными рамками идеологии, Довженко оставался великим художником.

В 1940 г., уже будучи художественным руководителем Киевской киностудии, Александр Петрович снял художественно-документальный фильм «Буковина – земля советская» и документальную ленту «Освобождение» (Сталинская премия) о присоединении к СССР западных территорий Украины и

Белоруссии. Как первоклассный документалист-хроникер Довженко проявил себя в годы войны. Его статьи, рассказы, радиовыступления как фронтового корреспондента газеты «Известия» были наполнены искренностью и огромной энергетикой слова, верой в народ. А боль растерзанной украинской земли и ее народа выплеснулась с экрана в документальном фильме «Битва за нашу советскую Украину» (1943 г.; Сталинская премия). Эта картина была продублирована на 26 языках и широко демонстрировалась в Европе, США, Канаде, но ни она, ни документальный фильм «Победа на Правобережной Украине и изгнание немецких захватчиков за пределы украинских советских земель» (1944 г.) на экраны Союза выпущены не были. Слишком страшна была правда о цене Победы.

Внешне благополучный период творчества был «разрушен» созданной Довженко киноповестью «Украина в огне» (1943 г.). И добрый Хрущев, и злодей Сталин, и все друзья-писатели начали ожесточенную травлю художника за его «враждебную вылазку». Весь компромат киноповести заключался в одном – Довженко изобразил борющимися за освобождение Украины только украинцев, игнорируя другие народы. Как ни странно, особенно ожесточенная критика раздавалась из уст украинских писателей: Корнейчука, Бажана, Рыльского, Тычины. Сталин в ответ на просьбу режиссера защитить его от нападок поступил мудро – оторвал художника от исторических корней, превратил украинского мастера в российского, советского режиссера. Польский киновед К. Теплица писал: «Великий поэт Украины, творец искусства настолько национального, что даже общечеловеческого, замолчал на полуслове, оставив, однако, после себя несколько произведений, которые навсегда останутся в истории искусства кино как явление неповторимое и великое».

Такими же неповторимыми были и повести Довженко («Мать», «Победа»), киноповести («Повесть пламенных лет», «Зачарованная Десна»), пьесы («Жизнь в цвету», «Потомки запорожцев»). Литературное наследие режиссера, написанное на родном языке и им же переведенное на русский, звучит как музыка, слова льются легко и свободно, порождая зримые образы. А вот знаменитая «Автобиография», и особенно «Дневник» и тексты записных книжек бьют по нервам оголенной правдой, надрывом и болью. Мало кто при жизни Довженко знал, что он вел дневник, которому доверял все самые сокровенные мысли. В нем «обласканный» Сталиным художник говорил о беспощадной системе: «Пишу разлученный с народом моим, с матерью, со всем, с отцовской могилой, со всем-всем, что любил на свете больше

всего, чему радовался. Прощай, Украина. Прощай, родная, дорогая моя земля-мать. Я скоро умру…»

Талантливый человек с пытливыми мальчишескими глазами, седой как лунь, мечтал вернуться на Украину. «Чтобы я мог видеть Днепр и Десну где-то, у горизонта, и родные черниговские земли, что так назойливо ночами начали грезиться мне». Мастер поэтического кино с 1949 г. преподавал во ВГИКе. Молодежь тянулась к нему, и из его мастерской вышли блистательные ученики Г. Шенгелая, О. Иоселиани, Л. Шепитько, Д. Фирсова. Влияние его школы можно проследить в работах режиссеров Ильенко и Осыки, Параджанова и Михалкова, которые никогда не учились у него.

Но мастер становился поэтом, только прикасаясь к родной земле, где в течение многих лет был только изредка – гостем. Ему было так много дано, а он успел так мало. Уже тяжело больной, Довженко приступил к подготовке сценария (1954 г., Ленинская премия) и съемок фильма «Поэма о море». Он вновь был на Украине, в Новой Каховке, и мечтал рассказать о человеке-труженике, преобразователе земли, мечтал «создать произведение, достойное величия моего народа». Но приступить к съемкам Александру Петровичу не довелось. Разбитое инфарктами сердце перестало биться 25 ноября 1956 г. Довженко был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве (вопреки его завещанию), и весь мир узнал о смерти великого российского режиссера. Даже в этот горький миг ему не было позволено быть украинцем.

Супруга Довженко Ю.И. Солнцева продолжила прерванную работу мужа. В память об Александре Петровиче она сняла по его сценариям «Поэму о море» (1958 г.), «Повесть пламенных лет» (1960 г.), «Зачарованную Десну» (1964 г.), «Незабываемое» (1968 г.; по киноповести «Украина в огне»), а также документальный фильм о творческой судьбе Довженко – «Золотые ворота» (1969 г.). И хотя многие специалисты считают, что эти художественные фильмы ничего общего не имеют с шедеврами режиссера-поэта, но Юлия Ипполитовна попыталась продлить его жизнь хотя бы с помощью кино.

Дорошенко Петр Дорофеевич (род. в 1627 г. – ум. в 1698 г.)

Выдающийся украинский военный и политический деятель. Гетман Правобережной Украины (1665-1676 гг.). Предпринял попытку объединить все украинские земли в границах одного государства.

Нелегкой была доля Украины во второй половине XVII в. Оккупированная русскими и польскими войсками, растерзанная в клочья социальными конфликтами и политическим противостоянием различных сил, страна распалась на две части. Исторический период, известный как Руина, достиг своего апогея. В 1665 г. Генеральная Рада избрала гетманом Правобережья Петра Дорошенко – человека властного, энергичного и честолюбивого, который в течение десяти лет безуспешно пытался усмирить бурное море усобиц и беспорядков.

Внук реестрового гетмана Войска Запорожского Михаила Дорошенко, убитого татарами в 1628 г., сын казацкого полковника Дороша (Дорофея), Петр родился в Чигирине. Он получил неплохое образование (предположительно – в Киево-Могилянской коллегии), владел польским языком и латынью и, как свидетельствуют современники, был «в речи светской ловок», а также «умел во всяких вещах». С самого начала Освободительной войны (1648 – 1656 гг.) Петр Дорошенко служил при Богдане Хмельницком; в рядах Войска Запорожского

прошел все ступени казацкой службы от писаря до полковника, получил определенные навыки, выполняя дипломатические поручения к российскому царю и шведскому королю. После смерти Богдана Дорошенко поддержал избрание на гетманство Ивана Выговского, вместе с ним принимал участие в подавлении восстания полтавского полковника М. Пушкаря. Позднее был среди тех, кто домогался у Москвы отмены некоторых невыгодных для Украины статей Переяславского договора; его подпись стоит под Гадячским договором (1658 г.) – результатом продолжительных переговоров украинских и польских послов. В 1663 г. при гетмане Павле Тетере Дорошенко был генеральным есаулом, а когда тот лишился булавы, занял его место (говорят, не без поддержки крымского хана).

Свое правление гетман Дорошенко начал с того, что решительно подавил оппозиционные выступления старшин, придерживавшихся промосковской ориентации. Этим он вроде как проявил свою симпатию к польскому королю, однако уже в феврале 1666 г. на созванной им раде Дорошенко объявил о своих планах освободить правый берег Днепра от владычества Польши, создать союз с Крымом и Турцией и идти на Левобережье, чтобы объединить всю Украину. В декабре, опираясь на 30-тысячное войско, присланное в помощь крымским ханом Аадиль-Гиреем, Дорошенко уничтожил карательный отряд польского полковника Маховского на Подолье и выступил против войска будущего короля Яна Собеского. Подписанный в январе 1667 г. Андрусовский мир, на котором Украину без участия ее представителей поделили между собой Польша и Московия, послужил поводом к антироссийскому восстанию, во время которого левобережный гетман Иван Брюховецкий был убит, а Дорошенко объявлен гетманом Украины по обе стороны Днепра. Казалось, сбылась мечта этого человека объединить всю страну под одной булавой. Авторитет и популярность его в то время были высоки. Вокруг него объединялись казаки, крестьяне, мещане, духовенство. Не без помощи Турции и Крыма было освобождено почти все Левобережье. Еще раньше гетман провел реформу войска, создав регулярную армию из наемников-сердюков, которые подчинялись ему лично. Петр Дорофеевич двинулся было против московского воеводы князя Ромодановского, но в связи с наступлением поляков был вынужден вернуться на правый берег, поставив своим наказным гетманом черниговского полковника Демьяна Многогрешного. По другой версии, Дорошенко уехал в Чигирин, получив известие об измене молодой любимой супруги. В ту пору он был женат на дочери родственника Богдана Хмельницкого Павла Яненко-

Хмельницкого. Так или иначе, но за время его отсутствия достигнутое было единство Малороссии быстро сошло на нет. Были спешно консолидированы силы сторонников Переяславского акта, восстановлены дружественные отношения с Московским царством и проведены выборы гетмана на Левобережье. Им стал тот же Д. Многогрешный, который теперь уже открыто держался русской ориентации и власти Дорошенко не признавал.

Украина была снова поделена. Потеряв надежду своими силами справиться с внутренней анархией, Дорошенко все чаще обращается за помощью к туркам и татарам. Еще в 1669 г. он признал турецкий протекторат. На очередную раду в июле того же года турецкий посол привез для Петра Дорофеевича «санджаки» (знаки протекции султана) – булаву, бунчук, корогву и кафтан, а также султанский «нишам». В нем султан объявлял, что принимает казаков в подданство. Слух об этом, волной прокатившись по Украине, крайне отрицательно повлиял на популярность Дорошенко, которая к тому времени и так заметно упала. Другие его союзники – татары – благодаря своим грабежам и насилию во время непрошеных посещений Правобережья лишь углубляли начинавшую расти среди населения всеобщую ненависть к Дорошенко; население, стихийно тяготевшее к России, начало массово уходить за Днепр, где жизнь была значительно легче, к тому же безопаснее – дальше от поляков, турок и татар.

Тем временем на Правобережье начали появляться новые «гетманы» – претенденты на булаву. Сечь выставила кандидатуру запорожского писаря Петра Суховиенко (Суховея), неожиданно нашедшую поддержку и у крымского хана. Суховей действовал на юге Правобережья, сумев привлечь на свою сторону чернь некоторых полков, и борьба с ним затянулась на год. Его сменил уманский полковник Михаил Ханенко, признанный и польским правительством. Он продержался на эфемерном правлении аж до 1674 г., ведя затяжную борьбу с Дорошенко. За это время войска обоих правобережных гетманов трижды сходились на поле брани, где брат шел на брата, и количество погибших исчислялось тысячами.

В 1672 г. турецкий султан направил крупные военные силы для отвоевания у Польши «своего» Правобережья, а потом от Москвы – «своего» Левобережья. Последним поводом к войне стала летне-осенняя (1671 г.) военная кампания Яна Собеского, который сделал попытку разгромить Петра Дорошенко. В марте перед султанским дворцом в Адрианополе были выставлены бунчуки, а в Османской Империи объявлена священная война.

Историками она была названа турецко-польской. Самым ужасным было то, что украинцы воевали в составе обеих армий. В июне более чем 100-тысячная турецкая армия во главе с самим султаном Мехмедом IV перешла Дунай, по пути пополнившись 10-15-тысячным татарским войском, 6 тысячами валахов и молдаван и 12-тысячным отрядом гетмана Дорошенко. При урочище Батоге Ханенко и предводитель польского войска Лужецкий были разбиты. В конце августа после десятидневной осады пал Каменец-Подольский, а в начале сентября армия султана окружила Львов. Военные действия закончились подписанием 18 октября 1672 г. под Бучачем в Галиции мирного договора, по которому Подолье становилось собственностью Турции, а Дорошенко получал Брацлавское и южную часть Киевского воеводства. В составе Польши оставались Галиция, Волынь и северная Киевщина. Думается, однако, что победа в этой войне вряд ли доставила радость гетману Дорошенко. Союз с ненавистными «басурманами» пагубно сказался на его и без того подорванной репутации, лишив всяческой поддержки и народа, и казачества. То, что в захваченном Каменце турки превратили церкви и костелы в мечети и мостили улицы образами, а также бесчинства татарских отрядов насмерть перепугали население. Начался массовый исход с подвластных гетману территорий. В довершение всего в январе 1674 г. Днепр перешло воинство нового гетмана Левобережья Ивана Самойловича, избранного в 1672 г., и армия Ромодановского. Правобережные казацкие полки почти не оказывали сопротивления, большинство их перешло на сторону Самойловича и присягнуло Московии. У Дорошенко появилась реальная возможность отказаться от союза с Турцией и перейти под протекторат России. Но условия, на которых он соглашался это сделать, – единство и автономия Украины – не устраивали русскую сторону. В марте в Переяславе собралась Генеральная рада, на которой Самойлович был объявлен гетманом обоих берегов. Тогда же Михаил Ханенко положил перед ним символы гетманской власти – булаву и бунчук, предоставленные ему королем Речи Посполитой. В июле русское и казацкое войско взяло в осаду Чигирин – последний оплот Дорошенко, но известие о том, что на подмогу гетману выступили турецкие отряды, уничтожив по дороге Ладыжин и Умань, вынудило армию Самойловича и Ромодановского отступить от стен города. Разгром Правобережья завершило польское войско под руководством недавно коронованного Яна Собеского.

Словно иллюстрируя поговорку о благих намерениях, судьба «последнего казака», как назовут Дорошенко со временем, сложилась таким образом, что его страстное желание

благоденствия для Украинской державы обернулось невиданными бедствиями для ее народа. «Украина превращалась в пустыню, засеянную человеческими костями, полную руин и пожарищ» – так характеризовал ситуацию исследователь эпохи, потомок гетмана профессор Дмитрий Дорошенко. Разочарованный результатами собственной политики, Петр Дорофеевич принял решение отречься от власти и в сентябре 1676 г. передал булаву Генеральной Раде в Чигирине, а гетманские клейноды отправил в Москву, где их сложили к подножию царского трона.

Первые полгода после капитуляции Дорошенко прожил в городке Соснице на Черниговщине. Туда же было дозволено переселиться его матери (позже она стала игуменьей Покровского монастыря) и брату Андрею с семьей. Весной 1677 г. бывший гетман был препровожден в Москву. 20 марта он получил аудиенцию у царя Федора Алексеевича, где ему припомнили прошлые «заслуги», однако наказали остаться при дворе в качестве советника по делам Турции и Крыма. В 1679-1682 гг. Дорошенко был даже вятским воеводой, что некоторые историки расценивали как почетную ссылку. За верную службу царь пожаловал ему земли – село «Ерополчь с приселками и деревнями» (ныне небольшой поселок Ярополец, что близ подмосковного Волоколамска). Здесь в 1684 г. «Запорожский рыцарь», как назвал своего воинственного земляка Тарас Шевченко, благополучно женился на Агафье Еропкиной, стал отцом троих сыновей (до этого у него уже было две дочери). Кстати сказать, его правнучкой была Наталья Гончарова – супруга А.С. Пушкина.

Петр Дорофеевич умер 9 ноября 1698 г. и был похоронен на берегу р. Ламы в деревянной церкви великомученицы Параскевы. На могилу положили камень, который сохранился и поныне. В 1838 г. на месте захоронения была возведена часовня, впоследствии разрушенная, но восстановленная в 1999 г.

Драгоманов Михаил Петрович (род. в 1841 г. – ум. в 1895 г.)

Украинский историк, публицист, философ, этнограф, фольклорист, литературовед и общественный деятель.

Великий Гете однажды сказал, что тот, кто был добрым гражданином своей эпохи, имеет больше прав и шансов быть современником всех эпох будущего. Это утверждение как нельзя лучше подходит к Михаилу Петровичу Драгоманову – одному из видных общественных деятелей Украины XIX ст. В этом талантливом человеке весьма органично соединились политический деятель и ученый-политолог, исследователь отечественной и всемирной истории, социолог, экономист, этнограф, фольклорист, публицист и литературовед. Обладавший огромной эрудицией и широтой политического и научного мышления, ученый к тому же «отличался необычайной независимостью мнений и непоколебимой убежденностью».

Михаил Петрович родился в 1841 г. в г. Гадяче Полтавской губернии, в мелкопоместной дворянской семье. Отец мальчика был эрудированным человеком, задумывался о политической жизни в стране, увлекался чтением. Страсть к литературе он передал и Михаилу, который, будучи учеником гадячской школы (с 1849 по 1853 гг.), прочитал почти все книги из обширной домашней библиотеки. Особенно увлекали его приключенческие романы и исторические произведения. По воспоминаниям Драгоманова, его настольной книгой в то время была «История

Государства Российского» Карамзина.

В 1853 г. Михаил поступил в полтавскую гимназию, где с увлечением принялся штудировать римскую историю, латынь и немецкий язык. Огромное впечатление произвели на Драгоманова уроки истории, на которых один из молодых преподавателей гимназии стремился привить своим ученикам гуманистические и либеральные идеи, разъяснял причину тех или иных политических событий в Российской империи. Под его влиянием Драгоманов вместе с некоторыми соучениками основал рукописное издание и стал его редактором. Эта инициатива привела к исключению из гимназии. И только заступничество великого хирурга Пирогова позволило Михаилу поступить в Киевский университет. Осенью 1859 г. Драгоманов начал учебу на историко-филологическом факультете и сразу попал в кружок студентов, организовывающих первые воскресные школы в России, которые, впрочем, просуществовали недолго – через 3 года правительство запретило подобную деятельность. Свои педагогические опыты Драгоманов продолжил, преподавая российскую историю в Педагогической школе в Киеве. Как отмечал Михаил Петрович, два события того времени перевернули его жизнь и заставили о многом задуматься. Первое из них – это отставка в 1861 г. его покровителя Пирогова, которая вызвала большой резонанс в обществе. Все образованные люди пытались поддержать великого ученого и выразить ему свое сочувствие. В его честь в Киеве было дано два банкета, на одном из которых выступил Драгоманов как депутат от студентов. В своей речи он горячо доказывал, что либеральные реформы Пирогова изменили жизнь университета к лучшему, резко высказывался против реакционного правительства. Это выступление закрепило за Драгомановым имидж бунтаря и оппозиционера, но вместе с тем дало возможность сблизиться с кружком прогрессивно настроенных профессоров, которые впоследствии помогли Михаилу Петровичу остаться работать на кафедре истории.

Вторым событием стало польское восстание 1863 г., которое повлияло на политические взгляды Драгоманова. Уроженец левобережной Украины, до поступления в вуз он не имел «наглядного понятия» о поляках: с одной стороны, он сочувствовал им как жертвам деспотизма, но вместе с тем не одобрял их притязаний на Западную Украину. Надо сказать, социалистические стремления многих украинских кружков были неясны, но Драгоманов уже тогда решил для себя, что не разделяет их пренебрежения к русской литературе и культуре, а также готовности идти с правительством рука об руку в борьбе

против любого народа.

По окончании университета в 1863 г. Михаил Петрович начал работу над диссертацией и одновременно преподавал географию во 2-й Киевской гимназии. Спустя год он с успехом защитил свою работу «Император Тиберий» и стал доцентом на кафедре всемирной истории. В том же году Михаил Петрович женился. Его избранницей стала актриса Людмила Михайловна Кучинская, которая на протяжении всей семейной жизни оставалась верной помощницей ученого.

Создание семьи, а также необходимость материальной поддержки младших братьев и сестры потребовали поисков дополнительного заработка. И Драгоманов начал сотрудничать со многими либеральными российскими периодическими изданиями, в частности «Санкт-Петербургскими ведомостями» и «Вестником Европы». Его публицистическая деятельность была посвящена проблемам помещичьего землевладения, положению крестьянства, национальному вопросу в Украине. В своих публикациях Драгоманов отстаивал идеи автономии и федерализма, право на получение образования на родном языке. В частности, в своих статьях «земство и местный элемент в обучении», «О педагогическом значении малорусского языка» Драгоманов доказывал необходимость начинать обучение в школах Малороссии с украинского языка, к которому привык народ, а затем постепенно переходить к изучению русского языка. После славянского съезда в Москве в 1867 г. он стал писать статьи по славянскому вопросу, в которых рассматривал российско-польские отношения. В ответ на эти публикации правительство обвинило Драгоманова в сепаратизме и предложило совету Киевского университета установить надзор за его деятельностью. Это обстоятельство окончательно определило проукраинскую позицию Михаила Петровича.

В 1870 г. Драгоманов уехал за границу. В течение трех лет он путешествовал по Германии, Польше, Австрии. Везде ученый старался ближе познакомиться с жизнью простых людей, посещал лекции западных общественных и культурных деятелей, библиотеки, написал ряд работ, развивавших идеи политического демократизма. Вернувшись на родину, он издал сборник украинского фольклора, начал активно сотрудничать в киевском Юго-Западном отделении Российского географического общества.

Летом 1875 г. Драгоманов поехал в Галицию на первое украинское вече. Эта поездка принесла Михаилу Петровичу много неприятностей: ученого несправедливо обвинили в том, что якобы он настраивал галичан объединиться с Польшей, и уволили из университета за «наблагонадежность». Драгоманов был

вынужден покинуть родину и уехать в Женеву, где прожил почти 15 лет. Здесь он написал статью «Историческая Польша и великорусская демократия», напечатал роман Панаса Мирного «Разве ревут волы, когда ясли полны?» («Хіба ревуть воли, як ясла повні?»), издавал журнал «Громада», который сразу же привлек к себе внимание передовых людей Европы. По словам И. Франко, «Громаду» упоминала, «то споря, то хваля или прямо черпая факты, пресса французская, немецкая, польская и российская и не только в конституционной Европе…» В «Громаде» Драгоманов высказывал поистине революционные мысли: обличал деспотизм царского правительства, отстаивал идею равенства и братства всех народов, отрицал террор как средство политической борьбы. Кроме того, в статьях ученый открыто глумился над показным украинофильством, подчеркивая, что некоторые украинские деятели «плакать за Украину умеют, а реальную помощь ей придумать не могут и из-за этого еще больше плачут…» Драгоманов считал, что внимание Европы к проблемам Украины можно привлечь с помощью полного издания «Кобзаря» и народных песен. Не жалея ни сил, ни денег, работая не покладая рук, он осуществлял эти проекты.

Большое внимание в своих брошюрах Михаил Петрович уделял проблеме родного языка. По его мнению, только настоящая украинская школа, «которая не может быть живой без украинского языка», и развитая национальная культура могут привить подрастающему поколению любовь к Украине, воспитать достойных граждан, которые смогут со временем защищать интересы своего государства на международной арене.

М. Драгоманов детально обосновывал историческое право каждого народа на развитие родного языка, литературы, науки и образования, подчеркивая, что это не ведет к вражде между народами. Ученый высказывал мысль, что только образованные люди, уважающие прежде всего себя, могут объединяться, чтобы изменить мир к лучшему.

В мае 1878 г. Михаил Драгоманов выступил в Париже на литературном конгрессе со смелым докладом «Литература украинская, поскрибированная российским правительством». «Членам конгресса, – сказал ученый, – возможно, трудно будет поверить в то, чтобы целая литература в Европе была запрещена и чтобы такое неслыханное событие могло произойти в середине XIX века». В рамках своего выступления Драгоманов приводил текст Эмского указа, подчеркивая, что на украинский язык не разрешалось даже переводить Евангелие, не говоря о светской литературе и элементарных учебниках для народа. В конце доклада Михаил Петрович обратился к конгрессу с заявлением от

имени всего украинского народа, в котором выразил надежду, что конгресс не останется в стороне и найдет способ помочь Украине в сложившейся ситуации. Это были действительно смелые слова, сказанные в защиту украинского языка. Надо сказать, Драгоманов стал первым, кто обратился с украинским вопросом к Европе. Кроме того, он стал инициатором создания русско-украинской радикальной партии (вместе с Франко и Павликом).

В 1889 г. Драгоманов по приглашению болгарского правительства переехал в Софию, где возглавил кафедру всемирной истории Софийского университета. Здесь он снискал заслуженную любовь и уважение коллег и студентов. В совершенстве овладев болгарским языком, Драгоманов очаровал слушателей своим красноречием и эрудицией. Современники отмечали, что его лекции пролетали как одно мгновение. Он излагал студентам огромное количество фактов, анализировал их, но никогда не делал выводов, предоставляя такую возможность слушателям. Ученый внес ощутимый вклад в духовную жизнь Болгарии. До сегодняшнего дня в Софийском университете сохраняется его замечательная библиотека, которая насчитывает 4350 книг.

Несмотря на то что Драгоманов долгие годы провел за границей, мысли об Украине никогда не покидали его. В последнем письме к своей племяннице и последовательнице Лесе Украинке ученый писал: «Неужели я так и умру, не увидев украинского неба и верб над водой?..» Он скончался 20 июня 1895 г. и был похоронен в Софии.

Драгоманов мечтал вернуться на родину хотя бы после смерти. Его недаром называли апостолом правды и науки: претерпевая лишения и страдания, он с честью пронес звание Первого Посла Украины в Европе. Именно поэтому он и сегодня является полноправным гражданином независимой Украины.

Жаботинский Леонид Иванович (род. в 1938 г.)

Выдающийся тяжелоатлет, заслуженный мастер спорта (1964 г.). Чемпион Олимпийских игр (1964, 1968 г.), мира (1964-1966 гг., 1968 г.), Европы (1966, 1968 г.), СССР (1964-1969 гг.) в тяжелом весе. 17-кратный рекордсмен мира. Тренер сборной Вооруженных сил СССР, полковник авиации, военный советник по спорту на Мадагаскаре (1987-1991 г.). Проректор Московского коммерческого университета. Один из организаторов детской спортивной дворовой олимпиады «А у нас во дворе». Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени. Автор книги «Сталь и сердце» (1969 г.).

На протяжении пяти лет этот обаятельный, плакатный украинский богатырь-весельчак был самым сильным человеком на планете. Свою казацкую мощь и силу Леня унаследовал от отца Ивана Филипповича. Бывшего шахтера, бывалого солдата в колхозе села Успенка, что на Сумщине, сельчане почитали чемпионом. В классической борьбе, гимнастике, легкой атлетике и футболе он был первым. Любовь к спорту отец привил и сыновьям: старшему Владимиру и Леониду, который родился 28 января 1938 г.

«Со временем к тем отцовским урокам и футбольным баталиям на выгоне с тряпичным мячом прибавились школьная

гимнастика и легкая атлетика. Физкультура вскоре стала моим любимым предметом, – вспоминал Л. Жаботинский, – наравне с литературой и рисованием. Рисовать я люблю и поныне, а в детстве буквально не мог увидеть чистого листочка бумаги, чтобы сразу же не изобразить на нем какой-нибудь вишневый садик возле хаты, речку-невеличку с вербами, тополями да еще с девицей Наталкой Полтавкой, идущей за водой».

После войны семья переселилась в Харьков. Отец и мать Ефросинья Даниловна работали на Тракторном заводе, а Леня одновременно с учебой посещал художественную студию в клубе ХТЗ и несколько спортивных секций. По окончании восьмилетки он стал учеником токаря на заводе, где работали родители, и тренеры его буквально разрывали на части, перетягивая то в легкую атлетику, то в тяжелую. Леонид долго не мог определиться в своих спортивных увлечениях, занимался боксом, борьбой, волейболом, хоккеем, футболом, баскетболом, пробовал себя в спринте. Особых успехов Жаботинский достиг в метании диска и толкании ядра. Именно как легкоатлет он стал мастером спорта и получал государственную стипендию.

В 1955 г. тренер по тяжелой атлетике Михаил Светличный все же «перетянул» многообещающего юношу в секцию тяжелой атлетики, но тот еще три года упорно продолжал участвовать в соревнованиях по толканию ядра. На Спартакиаде народов СССР в Москве (1956 г.) Жаботинский показал прекрасный результат – 16 м 24 см. Окончив вечернюю школу, он поступил на заочное отделение факультета физического воспитания Харьковского пединститута и стал чемпионом Украины среди студентов (1957 г.).

И все же победила штанга. Начал тренировки Леонид с показавшихся ему примитивными упражнений с одним грифом. Мечта в кратчайшие сроки стать сильным была на корню пресечена тренером, который проповедовал мудрость древних: поспешай медленно. И благодаря правильно выбранной стратегии обучения Жаботинский не надорвался, а в совершенстве освоил технику троеборья (жим, рывок, толчок). Постепенно он почувствовал, что такое «"бунт металла", узнал, с какой силой вырывается из рук, давит тебя к земле, шатает и гоняет по помосту, неспособного замереть на месте, непокорная многопудовая штанга».

Начинающий штангист дебютировал на чемпионате Украины в 1957 г. и, набрав в сумме 415 кг, занял третье место. Это было благодатное для Леонида время: к спортивным успехам добавилось личное счастье. В 1960 г. он познакомился со студенткой педагогического техникума Раисой Прокофьевой из

Запорожья. Женившись, Жаботинский распрощался с Харьковом и сделался, как его со временем начали титуловать журналисты, «запорожским казаком». На первенстве СССР 1961 г. в Днепропетровске Леонид впервые набрал в троеборье 500 кг, и «клуб пятисотников» пополнился еще одним тяжелоатлетом. Для самого спортсмена этот результат означал приближение еще на ступеньку к образцу для подражания – Юрию Власову. Когда в порыве чувств серебряный призер вынес на руках победителя со сцены, тот пошутил: «Придет время, ты меня и из спорта вынесешь». Кто знал, что словам этим суждено будет сбыться…

Но до памятного события в Токио было еще три года, которые прошли в постоянных разъездах и соревнованиях. Жаботинский вспоминал: «Никогда еще не попадал в такой цейтнот. Солдатская служба, четыре тренировки в неделю, курсовая работа в институте, семья…» Так, вернувшись с личного первенства страны в Тбилиси, он как раз успел отвезти жену в роддом, всю ночь мерил тротуар, а на рассвете ему сообщили о рождении первенца Руслана. Теперь Леонид был абсолютно счастлив, и только одна мысль будоражила мозг – вечно второй после Власова.

В 1963 году Жаботинский установил свой первый мировой рекорд в рывке – 165 кг – и вошел в состав сборной СССР, став третьим призером чемпионата мира в Стокгольме и чемпионом страны (в отсутствие Власова). Он до последнего момента не знал, включат ли одновременно двоих тяжеловесов в сборную СССР, собиравшуюся на XVIII Олимпийские игры (1964 г.).

Но жизнерадостный и открытый для всех Жаботинский все же поехал в Токио. Японцы величали его «человеком-горой» и все пытались уловить момент, чтобы сфотографировать, как спортсмен весом в 154 кг и ростом под два метра передвигается по Олимпийской деревне на «узаконенном» правилами велосипеде. Но запечатлеть, как несколько экземпляров хрупкой японской техники просто сломалось под непомерной тяжестью украинского богатыря, им не удалось.

18 октября 1964 г. огромный зал «Сибуйя» с напряжением следил за самым ярким и драматическим событием Олимпиады: соревнованием двух советских титанов – Власова и Жаботинского (американцы Н. Шеманский и Г. Губнер в решающий день в расчет уже не брались). Во всей истории тяжелой атлетики не было поединка, более напряженного психологически, когда воля самых сильных в мире людей схлестнулась, свилась в едином стальном жгуте. Леонид находился в более сложном положении: он был тяжелей противника и, значит, должен был взять больший вес, к тому же давала о себе знать заблокированная боль в

надорванной дельтовидной мышце плеча.

В первом упражнении – жиме – равных Власову в мире и близко не было, и он установил очередной мировой рекорд – 197,5 кг! А вот в рывке быстрый, резкий, техничный Жаботинский оставался неуязвимым (167,5 кг), и отыграл 5 кг. Судьба золота решилась в толчке. Леониду необходимо было набрать на 7,5 кг больше Власова, и он применил тактический ход, полностью усыпив внимание бывшего кумира. Заказав во втором подходе необходимый для победы вес, Жаботинский «уронил» штангу. Триумфатор Рима-60 не сомневался в своей очередной победе, но у него уже использованы все три подхода. А вот у Жаботинского в запасе был еще один. «Я вышел на 217,5 кг с полной уверенностью в своих силах и вытолкнул рекордный вес, как тростинку. Стоял и смеялся со штангой в руках», – писал он в своей книге «Сталь и сердце» (1969 г.). Власов считал, что был свергнут с пьедестала обманным путем, и так и не простил Жаботинскому своего поражения в «железной игре».

«Если кто-то не видел поединка Власова и Жаботинского, то не видел Олимпиады», – писала после этого одна из японских газет. Новый олимпийский чемпион «отличился» и на параде закрытия Олимпиады. По церемониалу перед императорской ложей полагалось наклонить флаг СССР, который Жаботинский нес на вытянутой руке. Но гордый не столько своей победой, сколько победой страны, он этого не сделал, оправдываясь потом болью в плече. Его объяснения приняты не были, и государственные чиновники отменили награждение олимпийского чемпиона «положенным» орденом Ленина, заменив его орденом Трудового Красного Знамени.

Министерство обороны СССР решило оставить Леонида Ивановича в армии. На приеме в честь олимпийцев министр обороны маршал Малиновский предложил спортсмену выбрать род войск. Маршал Гречко звал его в сухопутные войска, но Юрий Гагарин тут же вмешался: «В летчики бы Леонида». Так вот дружно и решили, что служить Жаботинскому в Военно-воздушных силах. Правда, окончивший артиллерийское училище штангист всегда со смехом вспоминал каждый перелет. В пассажирское кресло гигант просто не помещался, и экипаж с удовольствием предоставлял ему свой салон для отдыха.

Ефим Самойлович Айзенштадт, старший тренер СКА (Киев), тренировавший Леонида Жаботинского почти десять лет наряду с Я. Куценко и А. Медведевым, по-доброму вспоминал о веселом и добродушном подопечном: «Несмотря на приличный вес, доходивший до 180 килограммов, у Лени была прекрасная координация, скорость, быстрая реакция. Его внушительные

габариты совершенно не мешали ему на тренировках. Он бегал стометровку наравне с известным хоккеистом Вячеславом Старшиновым, поджарым, худощавым. И что важно, Леня прекрасно чувствовал свой организм и просто не мог работать по плану, по чьей-то команде. Бывало, придет на тренировку и вместо штанги прямиком к теннисному столу. И так увлечется, что проиграет в настольный теннис часа три. До штанги так и не доходил…» Разносолам предпочитал «черный хлеб с постным маслом и солью» или «бутылку молока и полкило молочной вареной колбасы». И вообще для своих габаритов он ел крайне мало. К «барскому столу» тяжелоатлета зачастую «подключали еще несколько ребят». Но самым забавным в биографии Жаботинского был подарок запорожского завода «Коммунар» – «горбатый» ЗАЗ-965. Учитывая рост и вес тяжелоатлета, мастера усилили подвеску, убрали переднее сиденье, и машиной он управлял, расположившись на заднем. Есть документальные кадры, где водитель держит свой «родной "Запорожец"» над головой.

На следующей Олимпиаде в Мехико Леонид Иванович уже не имел себе равных. Разрекламированная газетами «битва гигантов» Д. Дьюба, Д. Пикетта и Жаботинского не состоялась. Даже с поврежденным коленом он в сумме троеборья на 17,5 кг опередил серебряного призера, в точности повторив результаты Токио – 572,5 кг!

После Олимпиады-68 у Жаботинского возникли проблемы со здоровьем – стало покалывать в боку. Московский консилиум человек из 40 пришел к выводу, что ущемлен третий позвонок. В Киеве указали на четвертый. А рядовой врач «скорой» под Новый 1970 год поставил ему верный диагноз: камень в мочеточнике. Спортсмену сделали операцию, после которой он вернулся в большой спорт в 1973 г., выиграл еще Кубок СССР и установил три мировых рекорда. Последний – в 1974 г. на чемпионате Вооруженных сил (рывок, 185,5 кг).

В 1975 г. Жаботинский переехал в Москву, тренировал «силовую» сборную Минобороны, работал начальником отдела спорткомитета МО СССР, дослужился до звания полковника. В 1987 г. был направлен военным советником по спорту на Мадагаскар. Когда он вернулся, СССР уже не существовал, и, прослужив в рядах Вооруженных сил 31 год, Леонид Иванович уволился в запас. Изменился знаменитый тяжелоатлет и внешне. «Уезжал – весил 180 кг, вернулся – 105», – горестно вздыхала преданная супруга Раиса Ивановна.

В настоящее время Жаботинский является проректором Московского института предпринимательства и права и

профессором кафедры физического воспитания. Свою жизнь он старается использовать для хороших дел. Ветеран ЦСКА часто участвует в благотворительных акциях. Об одной из них – детской спортивной олимпиаде «А у нас во дворе» в Дмитровском переулке – ребята каждый раз вспоминают с восторгом. Еще бы, ведь их соревнования организуют, судят, а затем награждают победителей знаменитые в прошлом спортсмены Е. Карпухина, А. Воробьев, Н. Пономарева, Б. Лагутин и, конечно, легендарный «человек-гора» – Жаботинский.

Проживая в Москве, Леонид Иванович говорит: «Родина моя – Украина – навсегда останется в сердце, и где бы ни жил, я помню о ней». Он мечтает вернуться в Запорожье, где живут два сына, Руслан и Вилен (в прошлом, как и отец, тяжелоатлеты, а теперь – бизнесмены), с семьями, подрастают внучки, которым штанга ни к чему. Там остались друзья, спортивная школа с тяжелоатлетическим уклоном, в которой он многие годы преподавал и которая до сих пор в народе зовется «школа Жаботинского». Но добродушный весельчак не унывает. Давно расставшись с крошкой-«Запорожцем», он пересел на машины мощью под стать ему и как член сборной по автоспорту ГИБДД Московской области с 1999 г. принимает участие в соревнованиях европейских полицейских. Украинский богатырь по-прежнему обладает тем же молодецким запалом и «неудержимым стремлением повсюду успеть».

Жванецкий Михаил Михайлович (род. в 1934 г.)

Писатель-сатирик, исполнитель своих произведений, народный артист Украины (1999 г.), Президент Всемирного клуба одесситов, член Российского Пен-Клуба, лауреат премии «Триумф» (1994 г.). Автор книг «Встречи на улице» (1982 г.), «Год за два» (1889 г.), «Кому нужны герои» (1992 г.), «Моя Одесса» (1993 г.).

Однажды Алла Пугачева сказала о Жванецком: «Почему Жванецкий сатирик? Что такое сатирик? Маленький какой-то сатирик… Он Сатир!» Действительно, в слово «сатирик» сложно вместить всю творческую разносторонность Михаила Михайловича. Когда Жванецкий выходит на сцену и начинает говорить, зал замирает и жадно ловит каждую фразу, время от времени разражаясь бурными аплодисментами. Он всегда появляется перед зрителями в привычном пиджаке и свитере, с потертым портфелем, с тетрадками, разнимающимися на страницы. Писатель не скрывает отсутствия интереса к моде, несовершенства фигуры, лысины. В нем нет ничего, отвлекающего от таланта: никаких украшений, вокруг не суетятся стилисты и визажисты. Но несмотря на это, он «свой», куда бы ни приезжал. На концерты Жванецкого приходят даже иностранцы, и непереводимость текста – для них не препятствие. Каждый находит в его рассказах, фельетонах и миниатюрах что-то свое, родное. И никому в голову не придет пояснять, кто автор таких

популярных в народе фраз: «Одно неверное движение – и ты отец», «Не берем: борщ со сметанкой, селедочка с лучком и сто грамм: не берем», «Раки по пять рублей, но сегодня, по три рубля, но вчера». Или облетевшее всю страну «Миш, а Миш? Это ты?» – вопрос сонной жены, реагирующей на разбудившего ее ночью мужа. Да что там фраза, достаточно порой и одного слова, например «тщательней».

Однако так было не всегда. Жизненный и творческий путь народного артиста начинался более чем скромно и отнюдь не был усыпан лепестками роз.

Жванецкий родился 6 марта 1934 г. в Одессе, в семье врачей. Ранние годы его прошли в г. Томашполе Винницкой области, где отец был главврачом больницы. По воспоминаниям Михаила Михайловича, они жили прямо при больнице, в квартире, оставшейся еще с царских времен. Целыми днями он играл в больничном саду, гонял там на маленьком трехколесном велосипеде. Когда началась война, отец ушел на фронт, а Миша вместе с матерью отправился в эвакуацию в далекий Ташкент. Здесь мама будущего писателя стала заведовать медпунктом в ремесленном училище, а сам он поступил в школу. Изо всех предметов, которые, надо сказать, преподавали лучшие учителя, съехавшиеся со всего Советского Союза, Жванецкий предпочитал русский язык и историю. А вот математика ему никогда не нравилась.

В 1943 г. отец Михаила был ранен и приехал в Ташкент. Будучи талантливым хирургом, он почти сразу стал главным врачом большого госпиталя. Как отмечал Жванецкий, золотые руки отца не только спасали раненых, но и неоднократно выручали семью в трудные минуты.

После победы Жванецкие в 1945 г. вернулись в Одессу. Спустя много лет Михаил Михайлович прославит этот город в своих произведениях, веселых и грустных, станет его почетным гражданином, построит здесь дом; а тогда он жил с родителями в жуткой коммуналке без каких-либо удобств. И хотя в туалет надо было выходить во двор, а ванну Миша увидел только в 16 лет, он полюбил Одессу, которую считает своей родиной – «и большой и малой». Послевоенные воспоминания писателя связаны не только со сложностями восстановительного периода, но и с замечательными летними ночами, когда подростки выносили раскладушки во двор и разговаривали до утра, шептались, делились мечтами, и с одесскими дворами, где все были одной семьей, радость и горе делили поровну. Эти одесские дворы стали прекрасным материалом для фельетонов Жванецкого. В них царила особая атмосфера – грустная, но вместе с тем во многом

смешная. Этот, по меткому выражению самого Михаила Михайловича, «смех из слез» присутствует в каждом произведении писателя, заставляя нас не только смеяться, но и задумываться. «Человек, создающий юмор, всегда почему-то грустный, – говорит Жванецкий. – У весельчака и балагура юмор, как правило, не рождается. От него исходят шутки, подначки, анекдоты, а юмор присущ лишь тем, кто сам тонко чувствует грусть…»

По окончании школы Михаил поступил в Одесский институт инженеров морского флота на факультет механизации портов. В жизни находчивого, веселого паренька наступил совершенно новый этап. Жванецкий вполне успешно совмещал изучение премудростей профессии с написанием сатирических скетчей и монологов для студенческих эстрадных спектаклей и сам принимал в них активное участие, исполняя свои же произведения. Со студенческими годами связано и первое серьезное романтическое увлечение писателя. «Я сидел вместе с Аллой (она сейчас работает в Ильичевском порту вместе со своим мужем), и преподаватель страшно раздражался, когда видел, что я держу ее руку под партой. Всегда кричал: "Жванецкий, отпустите руку соседки!" …Ничего между нами не было в смысле того, о чем все сразу подумали, но в то же время все было. А завершающих аккордов не прозвучало. Я не мог на нее спокойно смотреть», – вспоминает Жванецкий.

Красный диплом давал Михаилу право выбора места работы. И хотя молодого человека очень тянуло в Ленинград, ему пришлось по семейным обстоятельствам остаться в Одессе и устроиться в порт на должность механика ремстройконторы. О своей работе Жванецкий вспоминает с присущей ему тонкой иронией: «В моем подчинении были четыре или пять человек и техника: катер "Вьюга", подъемный автокран "Канадец", старый автопогрузчик, списанный с участка порта, и потом пришел электрический кран. Я разъезжал на этих кранах со страшной силой, ломал шлагбаумы, потом сам же их и ремонтировал. Однажды заехал автопогрузчиком в "победу" начальника порта. Я въехал вилами ей в зад, пробил крыло, а там шофер спал. В тот раз я впервые сел за руль, надо мной шефствовал – до сих пор помню – крановщик Ялычук. В общем, он потом за свой счет и ремонтировал эту машину, потому что я считался практикантом, за которого он отвечал. Мне его так жалко стало». Несмотря на работу, которая отнимала много сил, Жванецкий еще ухитрялся писать эстрадные программы для знаменитого в то время в Одессе студенческого театра «Парнас». Тогда же он успел и первый раз жениться. Брак оказался неудачным: молодые люди

быстро поняли, что абсолютно не подходят друг другу. Жена Михаила не разделяла взглядов супруга и не понимала, что за необходимость – каждый вечер бежать на репетиции или выкраивать минуты для того, чтобы делать в тетради какие-то пометки. А талант требовал своего. В общем, Жванецкий пришел к выводу, что так жить нельзя; бросил семью и Одессу, уехал в Ленинград. К Райкину.

«Совершенно непонятно – почему к Райкину. Райкин что, звал? Не звал. Приглашал? Не приглашал. Как это просто сняться и уехать?» – Михаил Михайлович до сих пор задает себе эти вопросы. Очевидно, это была судьба. Так или иначе, но несколько лет Жванецкий «сидел» без денег и жилья в Ленинграде «в попытках продать одно произведение, потом второе», пока в 1963 г. Райкин не пригласил его в свой театр на должность заведующего литературной частью. В течение нескольких лет Михаил Михайлович написал много рассказов, широко известных в исполнении Аркадия Исааковича: «В греческом зале», «Дефицит», «Авас – доцент тупой» и другие. Позднее Райкин писал в мемуарах о Жванецком: «Острота и парадоксальность его жизнеощущения… умение улавливать фантастичность действительности – все это покорило меня». Именно «острота жизнеощущений» Жванецкого неоднократно становилась причиной того, что многие его произведения и программы запрещались официальными властями. И это не удивительно: партийная верхушка не хотела обращать внимание на недостатки тоталитарного режима, а тем более позволять их высмеивать и выставлять подноготную страны на всеобщее обозрение. Но Жванецкий продолжал творить. В 1970 г. он вместе с давними одесскими товарищами Р. Карцевым и В. Ильченко, которые также работали в театре Райкина, вернулся в Одессу и создал при филармонии Театр миниатюр. Спектакли Жванецкого, полные искрометных шуток, – «Как пройти на Дерибасовскую», «Встретились и разбежались», «Искренне Ваш» – вскоре приобрели широкую популярность. С этого времени началось его неуклонное восхождение. В 1978 г. он был принят в Союз писателей, а в театре «Эрмитаж» из его отдельных миниатюр были созданы целые спектакли «Когда мы отдыхали» (1980 г.), «Избранные миниатюры» (1982 г.), «Браво, сатира» (1987 г.).

В 1983 г. Жванецкий переехал в Москву, а спустя пять лет основал Московский театр миниатюр, художественным руководителем которого и является в настоящее время. На основе его рассказов и зарисовок поставлены спектакли «Птичий полет» (1988 г.), «Избранное» (1988 г.), «Политическое кабаре» (1989 г.), «Моя Одесса» (1994 г.), «Бенефис» (1995 г.), «Престарелый

сорванец» (1999 г.) и другие.

В 2002 г. издательство «Время» выпустило собрание сочинений Жванецкого в четырех томах. В каждом из них собраны монологи и рассказы за одно десятилетие, поэтому книги и называются «60-е», «70-е», «80-е», «90-е». Иллюстрированные известным художником и режиссером Резо Габриадзе, книги являются своеобразным итогом многолетней творческой деятельности писателя.

В 2004 г. Жванецкому исполнится семьдесят. Несмотря на возраст, он по-прежнему много работает, активно пишет и выступает со своими произведениями. Кстати, как он пишет? Нет ли в этом какого-то секрета? Этот вопрос волнует многих. Жванецкий всегда готовится к этому серьезно, закрывает двери, зашторивает окна, включает настольную лампу и… пишет. Вот и весь секрет. Просто Жванецкий гениален, поэтому он так и пишет.

Михаил Михайлович любит жизнь во всех ее проявлениях: «Я наслаждаюсь сейчас своим возрастом, наслаждаюсь, потому что наконец приобрел спокойствие, приобрел благородство. И перестал суетиться, и стал сейчас лучше, чем тридцать лет назад. Это сто процентов. С возрастом, мне кажется, в нашу жизнь приходит что-то хорошее, ты приобретаешь вкус. Он не может появиться в молодые годы, вкус появляется позже – в одежде, в мыслях, в стиле. Так что с возрастом мы становимся лучше».

В своем плотном гастрольном графике Михаил Михайлович находит время для того, чтобы насладиться обществом друзей, послушать музыку и почитать любимых авторов – Тургенева, Чехова, Сэлинджера. Жванецкий не любит модных тусовок и шумных рекламных акций. Каждую свободную минуту он отдает семье – любимой жене Наташе и маленькому сыну Мите. И о детях от прежних браков Михаил Михайлович не забывает, тем более что в них уже дают о себе знать гены юмориста: «У меня детей целая куча, человек шесть, за которых я несу ответственность… Мой старший сын Максим, который живет в Америке, свой первый доллар заработал тем, что удачно пошутил. И рассказал мне об этом с нескрываемой гордостью».

Своими главными качествами писатель считает умение чувствовать человека и талант. Размышляя о природе таланта, он считает, что это «нечто от Бога. Человеку он неподвластен, а следовательно, им не контролируем. Я иной раз сам диву даюсь, как это такое написал».

Говорят, что Жванецкий – это не писатель, не судьба и не диагноз. Это – наша среда обитания, то, как мы себя видим и ощущаем. Мы воспринимаем его как Учителя и просто говорим

его словами. И пока этот усталый человек с доброй улыбкой выходит на сцену, чтобы рассказать нам о нас самих и обо всех «прелестях» нашей жизни, рассказать так, чтобы хотелось смеяться и плакать, мы, как и его герои, говорим себе: «Нормально, Григорий! Отлично, Константин!»

Загребельный Павел Архипович (род. в 1924 г.)

Известный писатель, сценарист, общественный деятель. По его сценариям на Киевской киностудии им. А. Довженко сняты художественные фильмы «Ракеты не должны взлететь» (1965 г.), «Проверено – мин нет» (1966 г.), «Лавры» (1974 г.), «Ярослав Мудрый» (1982 г.). Лауреат Государственной премии СССР (1980 г.) и Государственной премии УССР имени Т.Г. Шевченко (1974 г.). Награжден Орденами Отечественной войны II степени, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени (дважды), Дружбы народов, «Знак Почета» (дважды), Ярослава Мудрого V степени (1999 г.). Депутат Верховных Советов СССР и УССР.

Первый секретарь правления Союза писателей Украины (с 1979 г.).

Живой классик, патриарх украинской литературы, как все чаще называют Павла Загребельного, свыше сорока лет работает в украинской прозе. За это время вышло немало его замечательных произведений: романов, остросюжетных повестей и рассказов. На сегодняшний день Загребельный – один из самых успешных, популярных и читаемых украинских писателей. В отличие от многих других хрестоматийных авторов, его не затронуло художественное «ороговение». Издаваемые массовыми тиражами,

книги писателя моментально раскупаются. Не случайно критик М. Брыных, прочитав один из последних романов П. Загребельного «Юлия, или Приглашение к самоубийству», сказал об авторе: «Я увидел совсем незнакомого Загребельного, без литературных нимбов, ореолов и плащаниц, – все эти атрибуты, бесспорно, ему принадлежат, но не стали им, не украли его смех, сомнения, очарование и отчаяние; его не придавило предыдущее наследие, не поработили контексты; пружинный стиль не только сохранил все достоинства «памятника архитектуры», но и наглотался свежей крови; текст Загребельного лишен музейности, архивности и другой пылищи – это бодрое, проникновенное и неустанное осознание настоящей жизни и мира, с таким же напряжением и энергией должны были бы писать – простите за банальность – молодые пацаны, которых почему-то больше привлекает манерная интеллектуальная бледность Европы».

Павел Архипович – автор двадцати девяти романов. По его словам, не было бы этих, да и других его книг, если бы рядом с ним не находилась его постоянная муза, спутница, любимая и любящая жена Элла Михайловна Щербань, с которой они вырастили двоих детей и вот уже более полувека вместе. «Если бы со мною была другая женщина, если бы я не сумел создать с нею свое личное семейное счастье, которое описать невозможно – это еще никому не удавалось, – уверен, и моих книг бы не было, или бы они были бы совсем другими». К слову, незаменимая помощница и советчица мужа Элла Михайловна родилась 29 августа 1929 г. Не случайно число 29 семья Загребельных считает для себя счастливым. Ведь кроме всего прочего, 29 августа писателя еще и окрестили. Да и самые искренние чувства, которые испытывает Павел Архипович к своей жене, по его мнению, лучше всего выражены в сонете Шекспира – и не в каком-нибудь, а именно в двадцать девятом. Вот и фильм, посвященный выдающемуся украинскому прозаику, называется «Сонеты-29». По случаю его премьеры в столичном Доме кино собрались многочисленные почитатели творчества мастера, представители художественной общественности Украины. В картине-монологе Загребельный – такой же простой и открытый, как в жизни. Но за этой простотой явственно просматривается настоящий аристократ духа, философ, летописец. Он писал исторические романы тогда, когда они фактически были запрещены, – не мог фальсифицировать и воспроизводить «славные подвиги» советской власти. Став первым секретарем Союза писателей Украины, Загребельный старался никому не навредить, не причинить зла; не травить, как это было принято, тех, кто хотел писать правду. Поэтому на заседаниях он,

«балансируя на грани своей идентичности, старался абстрагироваться и думать лишь о творчестве»: «Я посчитал: пока был руководителем Союза писателей, каждый третий день убивал на заседания. Это потерянное время, впустую растраченная жизнь».

Загребельный был единственным человеком, который отважился заступиться за Сергея Параджанова, когда того травили со всех сторон. «Параджанов был, как все гении, человек дерзкий, а наша Система советская дерзких людей не любила, – вспоминал Павел Архипович. – Она не любила самостоятельно мыслящих, самостоятельно чувствующих, самостоятельно выступающих. Она не любила независимых людей, а он был независимым, он не мог зависеть ни от кого, только от Господа Бога мог быть зависим. Они этого ему не могли простить. Когда американцы начали разрабатывать атомную бомбу, Эйнштейн испугался и обратился к президенту США, сказав, что это опасно и что это может быть концом нашей планеты. Вот такой конец планеты, мне кажется, я, например, лично ощутил, когда исчез Параджанов. Просто его изъяли из употребления. Был человек – и нет человека. Причем не простой человек – гениальный человек». Павел Загребельный встал на защиту талантливого режиссера в прямом разговоре с В. Щербицким.

Однако, как и Стельмах, Гончар и многие другие честные писатели, невзирая ни на премии, ни на должности, он не был защищен от произвола чиновников «от литературы», от цензоров «с погонами под рубашкой». «В разное время романы Павла Архиповича имели неоднозначную оценку, – сказал академик Н. Жулинский, – и я склоняю голову перед его энергией, интеллигентностью, разумом и мировоззрением, благодаря которому он всегда пребывает в конструктивной оппозиции». Случалось, что романы Загребельного шли «под нож» или изымались из библиотек. «Это потому, – вспоминает Павел Архипович, – что повсюду, в каждом коридоре ходила такая себе «маленькая собачка», которая, когда нужно и не нужно, могла громко залаять». Все должности, уверен писатель, ничего не стоят, потому что их занимают люди совершенно случайные. Чины и звания – чисто ситуационное порождение жизни, момента, поэтому и относиться к подобным «играм» нужно с иронией, трезво, как это всегда было у самого мастера, который достойно выдержал испытание на стойкость. Ведь работать среди писателей, общаться с ними – людьми чрезвычайно сложных характеров, непредвиденных реакций и поступков – своего рода подвиг.

Жизнь Павла Загребельного всегда была непростой – на его

долю выпало немало испытаний. «Павел Архипович много чего пережил: еще совсем юным побывал на войне, попал в плен, испытал притеснения со стороны тогдашней власти, и это просится на бумагу – дай Бог его перу не остановиться! – сказал нынешний председатель Союза писателей Украины Юрий Мушкетик. – Знаю Павла Архиповича много лет и в разных ипостасях. Это человек исключительной памяти и энциклопедических познаний. В моей жизни случилось двое таких – еще академик Глушков. Когда разговариваешь с Загребельным, его эрудиция поражает, хотя я тоже много чего изучал и видел. Кажется, нет на свете такого, чего бы мой коллега не знал, особенно если это касается литературы и искусства. И все это вкладывается в его сочинения. Вот что значит крестьянское трудолюбие».

А тяготы крестьянской жизни писателю были знакомы с детства – ведь родился он в обычной деревенской семье. Его родители Архип Афанасьевич и Варвара Кирилловна жили в небольшом селе Солошино на Полтавщине, где Павел и появился на свет 25 августа 1924 г. С детства мальчик любил читать и отдавал этому занятию все свое свободное время. «Родился и рос в глухом селе, где книжка была редкостью, – вспоминает П. Загребельный. – Поэтому читал тогда все, что мог "достать". Заканчиваю жизнь в "суперцивилизованной" державе, которая имеет даже Интернет, но как-то "забыла" о книгах. И теперь, чтобы прочесть что-то новое, мне снова, как в детстве, приходится "доставать" книги». Не случайно книги стали для Павла Архиповича хобби на всю жизнь. Сейчас он обладатель уникальной личной библиотеки, в которой собраны книги на разных языках. «Книжки собирал, как пчела собирает нектар: капелька за капелькой – книжка за книжкой. Сто, тысяча, десять тысяч, двадцать тысяч… Не знаю, сколько у меня книг и на скольких языках (я читаю на 10-15), но все, что необходимо, всегда нахожу в своих "завалах", лишь изредка обращаясь к услугам больших национальных библиотек», – рассказывает П.А. Загребельный.

В 1941 г. Павел Загребельный закончил десятилетку. Вчерашний выпускник, которому не исполнилось еще и семнадцати, – он пошел добровольцем на фронт. Был курсантом Киевского артучилища, принимал участие в обороне Киева, в августе 1942 г. был ранен. Затем – плен, и до февраля 1945 г. – фашистские концлагеря. О том, как попал в плен и как выбрался из него, Загребельный потом написал в самом первом своем романе «Европа-45». Вспоминая об этих событиях, писатель рассказывал журналисту Д. Гордону: «Меня, умирающего,

подобрала немецкая трофейная бригада – пожилые, как мне тогда казалось, фрицы, лет сорока. Напоили кофе из солдатской фляжки, переправили в Волхов, потом в Орел. Там в бывшей тюрьме был огромный лагерь. Не умер я только потому, что был молод и достаточно крепок. В ране в боку завелись черви, никто меня не лечил… Два с половиной года я был в немецких концлагерях: в Орле, в Гомеле, в Кальварии – тихом литовском городке, чье название у католиков означает Голгофу – место, где Христос принял смертные муки».

По окончании войны около года Загребельный работал в советской военной миссии в Западной Германии. Вернувшись на родину в 1946 г., он поступил на филологический факультет Днепропетровского университета. Закончив его в 1951 г., Загребельный почти полтора десятка лет посвятил журналистской работе (в областной днепропетровской газете, в журнале «Отчизна» в Киеве), совмещая ее с писательским трудом. В 1961-1963 гг. был главным редактором газеты «Литературная Украина». Примерно в это же время появились первые романы писателя – «Европа-45» (1959 г.), «Европа, Запад» (1960 г.) и «Жара» (1960 г.). В 1964 г. Загребельный стал секретарем, а в 1979 г. – первым секретарем (до 1986 г.) правления Союза писателей Украины. На протяжении 1960-1970-х гг. писатель создал большую часть своих романов, в частности такие значительные, как: «День для пришедшего» (1964 г.), «Шепот» (1966 г.), «Добрый дьявол» (1967 г.); «Диво» (1968 г.); «Разгон» (Государственная премия, 1980 г.); «Львиное сердце», (продолжением его стал роман «Изгнание из рая», 1985 г.); «Переходим к любви» (1971 г.); «Евпраксия» (1975 г.); «Южный комфорт» (1984 г.).

Одним из значительнейших достижений украинской прозы стал роман «Диво» (1968 г.), в котором автор органично объединяет далекое прошлое и современность. Главная героиня романа София Киевская – символ украинской государственности и духовности. Позднее был создан целый цикл романов об историческом прошлом родины («Первомост» (1972 г.), «Смерть в Киеве» (1973 г.), «Евпраксия» (1975 г.)). Самым популярным среди исторических произведений Павла Загребельного является роман «Роксолана» (1980 г.), посвященный событиям украинской истории XVI ст. По мнению самого автора, лучше всего национальные черты отражаются в женском характере и на сегодняшний день украинская нация держится на женщинах. В романе «Роксолана» Павел Архипович повествует об удивительной судьбе украинской девушки Насти Лисовской, угнанной в XVI в. с Украины и проданной на стамбульском

невольничьем рынке в рабство. Обладая блестящим умом, необыкновенной силой воли и привлекательной внешностью, она из бесправной рабыни стала женой султана Сулеймана Великолепного (Завоевателя) – самого могущественного владыки Османской империи. Овладев вершинами тогдашней восточной и европейской культуры, эта знаменитая женщина под именем Роксоланы вошла в историю и играла значительную роль в политической жизни своего времени. «Роксолана стала символом украинки, которая нигде не пропадает, не погибнет ни при каких обстоятельствах, – говорит писатель о своей героине. – Она достойна уважения. Она страдала всю жизнь. Я написал в романе, что она умерла не от возраста, а от страдания…» С трепетом относящийся к одной из любимых своих героинь, Загребельный с горечью говорит о сериале по мотивам его романа, по его мнению, снятом неудачно. «Роксолана продолжает страдать на экранах украинского телевидения, – сетует он. – Продолжает страдать совсем без вины, только потому, что попала в руки бездарных, безответственных, цинично безответственных людей. Телесериал можно назвать одним словом: "хлам"… Это пародия на историю. …Тема дискредитирована, исковеркана, покорежена абсолютно. Я считаю, что не может быть большей дискредитации украинского искусства, украинской истории, чем этот так называемый сериал. Случайные люди… Как они это захватили, как пробрались на экран? Кто им дал средства? Мне говорили, что из государственного бюджета были ассигнования… Если это соответствует действительности, то я удивляюсь политике нашего государства».

Кроме Роксоланы, еще одной замечательной героиней Павла Загребельного стала Евпраксия. По словам самого автора, роман о ней – это повествование «о трагедии разлуки с родной землей, о трагедии утраты любви». Роксолана и Евпраксия, считает автор, являются самыми выдающимися женщинами прошлого. Третьей такой женщины, о которой стоило бы написать роман, Загребельный пока не нашел. Не обходит писатель стороной и выдающихся представителей «сильного» пола. Свои убеждения в том, что вождем нации был Богдан Хмельницкий, П. Загребельный выразил в романе «Я, Богдан» (1983 г.). Он показывает деятельность гетмана на фоне сложной политической ситуации середины XVII ст., останавливаясь также и на подробностях его личной жизни. Раскрыть «тайны» характера Б. Хмельницкого, показать его как человека и как выдающегося державотворца – такое задание ставил перед собой автор, создавая эту книгу.

Недавно писатель порадовал своих почитателей новым

произведением. В отличие от большинства предыдущих творений Загребельного роман под названием «Брухт» («Лом») рассказывает о реалиях сегодняшнего дня, в частности, неоднозначного, а иногда и жестокого мира бизнеса. Главным персонажем произведения является современная украинская деловая женщина, которая с головой окунулась в этот «безумный» водоворот. Как «болезненная лавина», обрушивается на читателей своей неистовой сатирой это произведение. Читая «Брухт», последний на сегодняшний день роман писателя, легко обвинить Павла Загребельного в черном пессимизме. Ведь это безусловно талантливое произведение, в котором автор с присущими ему реализмом и откровенностью констатирует «омерзение от нынешних реалий», производит самое тяжелое впечатление. «История учит? Ну и пусть. История напоминает? Пусть напоминает. История требует? Мы сами требуем от нее. История ставит задачи? Не перед нами. История перешагивает через нас? Хватит уже перешагиваний. История нас топчет? Топтала, но не растоптала. Не все так плохо в нашем доме. Действительно, не все так плохо, а очень плохо, к вашему сведению…» – говорит один из героев романа. Но сам Павел Архипович в свои годы смотрит в будущее все-таки с надеждой на лучшее. «Почему-то мне всегда казалось, что злые духи витают где-то вне Украины, над нами – только добрые, – сказал он в одном из интервью. – Даже тогда, когда мы погибали. Ведь воскресали же и жили дальше. И нет лучшей земли, нежели наша земля…»

Заньковецкая Мария Константиновна
Настоящее имя – Адасовская Мария Константиновна
(род. в 1854 г. – ум. в 1934 г.)

Знаменитая театральная актриса трагедийного, комедийного и музыкального жанров. Первая народная артистка УССР (1923 г.). Исполнительница ролей более чем в 70 спектаклях. Одна из создательниц украинского профессионального театра: первого украинского стационарного театра (1906 г.) и Народного театра в Киеве (1918 г.). Возглавляла Народный театр в Нежине.

«"Украинская сцена – это я", – может сказать о себе артистка, и в этих словах не будет даже законной доли прикрасы… В широком значении Заньковецкая – выдающаяся актриса своего времени, достойная занять почетное место на скрижалях европейского театра. Да, это она и только она единственный и истинный автор вереницы кротких и страстных образов, которые она вызвала к жизни силою своего таланта, она, Заньковецкая…» – так писал некий И.А. К. в статье, помещенной в черниговской газете. Глядя на ее игру, люди плакали и смеялись, и никто не мог подумать, что эта актриса не имела профессионального

образования, что ради театра она пожертвовала семьей и положением в обществе.

Машенька родилась 4 августа 1854 г. в дворянской семье обедневших помещиков Адасовских, которые вели свою родословную от XVII в. Поместье около села Заньки, 25 крепостных крестьян да усадьба в Нежине (Черниговская обл.) – вот и все, чем владел ее отец, Константин Константинович. Он вынужденно сочетал жизнь помещика с гражданской службой уездного судьи, ибо доходов от имения не хватало для содержания большой семьи. Жена Мария Васильевна родила ему троих сыновей и четырех дочерей (две умерли в младенчестве), но «мизинчик» Манечка была самой любимой. К маленькой девочке была приставлена старая няня, которая стала для нее неисчерпаемым кладезем народного богатства: украинских песен, сказок, легенд. От отца Маша унаследовала любовь к пению. Адасовский обладал хорошим баритоном и был хормейстером своего хора крепостных, который «разучивал концерты и исполнял их в деревенской церкви» и на домашних праздниках. Друг семьи Н. Лазурский вспоминал: «Стоит, бывало, Маня, вся в белом, рядом с отцом и заливается, поет. Крестьяне плакали от умиления и говорили: "Старый барин поет, но а что уж Манечка – истинно ангел слетел к нам и поет, словно на небе!"»

Но ни о какой артистической карьере для своей дочери дворянин Адасовский и слышать не хотел. Маша училась в частном пансионе в Чернигове, где преподавание, особенно гуманитарное, велось на высоком уровне. По ее собственным признаниям, решающее воздействие на ее умственное и моральное развитие оказал учитель словесности и украинский поэт Н.А. Вербицкий. Он привил ей любовь к родному языку и к творчеству Т. Шевченко. С его именем связан и ее первый сценический дебют. В артистической одаренности девочки не сомневался никто. Учитель танцев считал, что она прирожденная балерина, а преподавательница пения среди всех выделяла ее изумительное меццо-сопрано и пророчила оперную карьеру. А Маша больше всего любила импровизировать, разыгрывать «спектакли без пьес».

Но происхождение обрекало 16-летнюю панночку блистать только в любительских домашних спектаклях – «Беда от нежного сердца», «Дочь русского актера», «Наталка Полтавка». Красавица с замечательной кожей, пушистыми темными волосами, из глаз которой «целыми снопами лился внутренний свет духовной одаренности», имела много поклонников, но сердце ее было немо. Тем не менее, в мае 1877 г. девушка обвенчалась с молодым артиллерийским офицером Хлыстовым, который «сочувствовал»

ее мечтам об учебе в консерватории. Но после свадьбы он ясно дал понять Марии, что «назначение женщины – быть хорошей женой, хозяйкой и матерью, а не думать о консерватории и театрах». Ей предстояло жить с человеком, жестоко обманувшим ее в лучших надеждах. Единственной отдушиной Марии оставались любительские спектакли в военном гарнизоне в захолустной крепости Бендеры в Бессарабии. Здесь же она познакомилась с красивым офицером Николаем Карповичем Садовским (из славного театрального рода Тобилевичей). Он-то в шутку после одного особенно удачного спектакля и вытребовал у Хлыстова расписку с обязательством отпустить жену на сцену, причем украинского театра. При всеобщем гонении на украинскую культуру тот и не подозревал, что его жене представится такая возможность, и даже после перевода в финляндскую крепость Свеаборг позволил ей посещать уроки пения в Гельсингфорском отделении Петербургской консерватории. Профессор И.В. Гржимали был в восторге от своей ученицы, а директор местного оперного театра предложил ей ангажемент. Но муж так же, как и ранее отец, оставался неумолим.

Садовский не забыл колоссального впечатления от игры Марии, и весной 1882 г. она получила приглашение вступить в украинскую труппу, которую возглавлял М.Л. Кропивницкий. «Я больше не могла бороться со своей любовью и, порвав со всеми своими, поступила на сцену». Дворянку поначалу в труппе встретили не очень приветливо. Кочевая жизнь актеров и театральный мир были чужды ее воспитанию и привычкам. Тем не менее почти сразу Мария Константиновна заняла в труппе главенствующее место. В трагедии и комедии, в оперных партиях и народных песнях, в танце она покоряла зрителей. Но на афишах стояла другая фамилия, не Адасовская и уж тем более не Хлыстова, а звонкая – Заньковецкая – по имени родного села. Муж, скрепя сердце, давал ей «отпускные» (большей частью благодаря вмешательству брата Евтихия, генерал-майора артиллерии), и она не имела права подписывать контракты. Но раз приняв решение остаться в театре, Заньковецкая уже никогда не покидала сцену, соединив свою судьбу с многотрудной судьбой первой профессиональной украинской труппы. Только в 1887 г. она добилась от Святейшего синода развода и официально вошла в труппу М. Кропивницкого.

К тому времени Заньковецкая была знаменита не только в Украине. Труппа гастролировала в Петербурге и в Москве, чтобы «засвидетельствовать, что жив еще 30-миллионный украинский народ». Царь четырежды посещал украинские спектакли и

аплодировал Заньковецкой в «Наталке Полтавке», «Наймичке», «Черноморцах» и «Назаре Стодоле». Специально для актрисы Кропивницкий написал и поставил пьесы «Пока солнце взойдет, роса очи выест», «Мироед, или же Паук», «Две семьи», а М. Старицкий – «Цыганку Азу» и «Талан». Россияне имели больше возможности увидеть несравненную Заньковецкую, чем украинцы. С 1883 по 1888 г. украинской труппе было запрещено играть на большей части Украины, включая Киев, Полтаву, Чернигов, Волынь, но зато было разрешено гастролировать в Бессарабии, Одессе, Воронеже, на Дону и Кубани.

В репертуар актрисы входили ведущие роли более чем в 70 украинских и российских пьесах. «Чудесный талант ее чрезвычайно разнообразен, – писал корреспондент "Одесского Вестника", – в драме вызывает она ежевечерние истерические вопли зрителей, в комедии заставляет смеяться без меры, в оперетте не имеет себе равных – разнообразность женской актерской натуры такая, какой еще не было на малороссийских подмостках. Самой присущей этому таланту чертой является исполненный правды и естественности реализм». Карпенко-Карый, видя ее игру, плакал над своей «Наймичкой».

В многочисленных образах, созданных в пьесах Котляревского, Кропивницкого, Старицкого, Карпенко-Карого, Шевченко, актриса раскрывала духовное богатство украинской женщины, ее тяжкую долю, добрый, а иногда и крутой нрав, тонкий лиризм чувств и заливистое веселье. Имя Заньковецкой ставили рядом с именами Ермоловой, Федотовой, Стрепетовой, Савиной, Комиссаржевской, но чаще называли «украинской Дузе». Наиболее авторитетный критик того времени – А. Суворин, который, по словам Карпенко-Карого, «насмешливо относился и к малороссийской драме и к языку», утверждал: «Я прямо говорю: другой такой актрисы я никогда не видал. Я сравнил бы ее с Сарой Бернар, но эта актриса никогда меня не трогала, тогда как у г-жи Заньковецкой очень много чувства и нервности в игре… По нашему мнению, г-жа Заньковецкая феномен».

Мария Константиновна жила только работой. Ее личная жизнь, в общем-то, не сложилась. После развода она вернула себе девичью фамилию, но официально выйти замуж во второй раз не могла. Гражданский брак с талантливым артистом и партнером по сцене Николаем Карповичем Садовским первые годы был безоблачным. Ради любви Марии Константиновне пришлось вынести проклятие отца и изгнание из родного дома на три долгих года. На сцене эта пара представляла собой идеальный дуэт. Даже их вокальные данные были родственны друг другу – мягкое светлое меццо-сопрано Заньковецкой и бархатный теплый

баритон Садовского. И все же соло вела Мария Константиновна, почему-то он больше любил себя в искусстве, а она любила искусство в себе. Особенно трудно было актрисе, когда конкурировавшие между собой украинские труппы М. Кропивницкого, М. Старицкого, Н. Садовского боролись за право «заполучить» Заньковецкую иногда не совсем честным путем (авторы-режиссеры запрещали ей играть свои пьесы в других труппах). Она же всегда оставалась актрисой – и в больших профессиональных труппах, и в маленьких любительских играла с огромной самоотдачей, часто «вывозя на себе» успех спектаклей.

И столичный зритель, и житель провинциального городка были счастливы «попасть на Заньковецкую» и соприкоснуться с пламенем ее возвышенного таланта. А бенефисы актрисы, по воспоминаниям свидетелей, были «зрелищем и величавым, и умиляющим, и хватающим за душу», это были «праздники искусства, одинаково близкого украинскому и русскому зрителю». Так, на 25-летие ее сценической деятельности от русской драматической труппы Соловцова актрисе зачитали адрес: «Приветствуем тебя, царица украинской сцены. Ярким блеском сияет корона славы твоей на челе вдохновенном твоем. Вся из жемчужин, светлых жемчужин слез, лившихся из очей властью чар твоих! Золотом смеха окована – смеха, который ты зажигала в сердцах, вся горя вдохновенным огнем. И алмазы сверкают на ней – алмазы восторга чистого перед творчеством волшебным твоим, царица искусства Украины».

Авторитет актрисы был настолько велик, что когда запрещали спектакли на украинском языке, отказывали в помещениях на время гастролей, руководители трупп слагали свои обязанности на хрупкие плечи Марии Константиновны. В круговерти непрестанных переездов она долгое время жила мечтой о стационарном театре. В 1907 г. Заньковецкая вместе с Садовским создали в Киеве первый постоянный театр на основе молодежной любительской труппы, которую она организовала в Нежине и Полтаве. Мария Константиновна была душой труппы, «Солнцем в сложной солнечной системе театра», но в 1909 г. с болью в душе вынуждена была уйти из него из-за обиды на Садовского. Достоинство женщины и человека взяло верх над актерским началом. В течение 6 лет она гастролировала с различными труппами, не примкнув ни к одной из них.

Здоровье таяло, возраст брал свое. В репертуаре актрисы оставалось все меньше ролей: «Я не обольщаюсь, я осознаю, что старею, я уже не играю многих молодых ролей», – ведь большинство из них были написаны для Заньковецкой, когда ей не было тридцати. Они были рассчитаны не только на ее талант,

но и на ее молодость, голос, красоту. Ролей же «драматических старух» в репертуаре театра не было. Но когда в 58 лет на торжественном спектакле, посвященном памяти И. Котляревского, она вышла в роли Наталки, зрители не заметили ее возраста – настолько совершенным было мастерство исполнительницы.

После революции Заньковецкая активно участвовала в становлении нового украинского театра. Она возглавляла Народный театр в Нежине. Ей предлагали стать во главе открываемой в Одессе театральной школы, но Мария Константиновна отклонила это предложение, так как ее увлекала творческая работа с молодежью в театре. Затем актриса вместе с Саксаганским организовала Народный театр в Киеве, на базе которого в 1922 г. был создан Театр им. Заньковецкой (ныне Львовский украинский драматический театр им. М. Заньковецкой). Но каждый выход на сцену давался Марии Константиновне ценой напряженных усилий, которые, в свою очередь, подтачивали здоровье. Последней ее ролью стал образ Терпилихи в «Наталке Полтавке».

В последнее десятилетие ее жизни развивающийся туберкулез и болезнь глаз, перешедшая в почти полную слепоту, совсем отлучили актрису от сцены. Последний спектакль состоялся 15 декабря 1922 г. – это был 40-летний юбилей артистической деятельности Заньковецкой. Свое выступление она ограничила 4-м действием драмы Кропивницкого «Две семьи». Почти безмолвная роль потрясла зрителей неувядающей силой таланта и покоряющей правдой великого искусства. 12 января 1923 г. Марии Константиновне первой в республике было присвоено звание «Народной артистки УССР», а постановлением Совнаркома УССР было решено «театр, бывший Троицкий Народный Дом в Киеве, именовать впредь "Театром им. М.К. Заньковецкой"».

Сценическая деятельность осталась в прошлом. Только однажды, в 1923 г., она выступила как актриса на съемке фильма «Остап Бандура» в маленькой роли старушки-крестьянки (до этого в 1911 г. была экранизирована «Наталка Полтавка» с ее участием).

Последние годы Мария Константиновна жила в семье дочери своего брата Александра и всю свою нерастраченную любовь перенесла на ее детей. 4 октября 1934 г. Мария Константиновна Заньковецкая умерла во сне и была похоронена на Байковом кладбище в Киеве.

Минулося… невже минулось,
Просяяло і відцвіло?
Ні! У безсмертя обернулось

Те, що безсмертям і було.
(М. Рыльский «Мария Заньковецкая»)

Ильф Илья
Настоящее имя – Илья Арнольдович Файнзильберг
(род. в 1897 г. – ум. в 1937 г.)
Петров Евгений
Настоящее имя – Евгений Петрович Катаев
(род. в 1903 г. – ум. в 1942 г.)

Писатели, авторы «Двенадцати стульев» (1927 г.), «Золотого теленка» (1931 г.), «Одноэтажной Америки» (1935 г.) и многих сатирических фельетонов и рассказов.

Судьба творческого содружества Ильфа и Петрова весьма необычна. Они проработали вместе всего десять лет, но за это короткое время успели внести значительный вклад в мировую литературу, а созданные ими персонажи давно стали нарицательными. Вспомним Остапа Бендера, Паниковского, Кису Воробьянинова, Эллочку-людоедку… «Двенадцати стульям» уже больше 75 лет, но сегодня, как и в 20-е годы прошлого века, этот роман пользуется среди читателей широкой популярностью и заслуженной любовью.

По воспоминаниям авторов, их часто спрашивали: как это

они пишут вдвоем? «Интересующимся можем указать на пример певцов, которые поют дуэты и чувствуют себя при этом отлично», – отшучивались в таких случаях писатели. Они охотно поддерживали иллюзию, что являются единым целым, – то подписывались как Ильфопетров, то сравнивали себя с братьями Гонкур: «Да, так и пишем вдвоем… Эдмон бегает по редакциям, а Жюль стережет рукопись, чтобы не украли знакомые». За шутками и анекдотами талантливые авторы всячески старались скрыть истинное, довольно прозаическое положение вещей: совместное написание книги – тяжелый труд. Любая строка, такая легкая и простая для читателя, стоила дорого. «Если бы я не боялся показаться банальным, – вспоминал впоследствии Евгений Петров, – я сказал бы, что мы писали кровью». А Ильф приводил свой пример: «Как мы пишем вдвоем? Вот как мы пишем вдвоем: "Был летний (зимний) день (вечер), когда молодой (уже немолодой) человек (-ая девушка) в светлой (темной) фетровой шляпе (шляпке) проходил (проезжала) по шумной (тихой) Мясницкой улице (Большой Ордынке)". Все-таки договориться можно».

И они каким-то чудом договаривались. Часто спорили, устраивали друг другу почти «супружеские сцены», бились над каждой фразой, считая, что если она пришла в голову им двоим, то может прийти любому, а значит, лежит близко, на поверхности, и надо искать дальше. Спустя несколько лет после написания «Двенадцати стульев» Петров вспоминал о совместной работе: «(Ильф говорил): "Женя, вы слишком уважаете, что вы написали. Вычеркните. Не бойтесь. Уверяю вас, от этого ничего страшного не произойдет. Вычеркните"». Петров действительно очень уважал написанное и буквально трясся над каждым словом. Рассудительный же Ильф считал, что все можно переписать и внести в текст любые изменения.

Один из современников вспоминал об авторах: «Внешнее представительство в содружестве как бы принадлежало Петрову. Это был человек широкой, открытой натуры. Он и роста был крупного, и говорил громко, и смеялся раскатисто, заразительно, весело. Он и рассказывать умел занятно и задорно. А Ильф всюду следовал за ним, высокий, худощавый, даже тощий, с узкой, впалой грудью, всегда молчаливый, сдержанный, с застенчивой улыбкой. Он редко высказывался на собраниях, на заседаниях редакции, словно предоставляя говорить за себя своему старшему товарищу. А на самом деле он был старше Петрова на шесть лет». Однако лидерство Петрова было всего лишь видимостью, на самом деле авторы были полностью равноправны. Интересен и тот факт, что, несмотря на их искреннюю дружбу и то, что за годы

совместного творчества они стали почти единым организмом, встречаясь каждый день, писатели обращались друг к другу на «вы» и никогда не фамильярничали. В этом сказывалась их истинная интеллигентность, которая, в свою очередь, была следствием строгих рамок дореволюционного воспитания. Они могли открыто высмеять любое жизненное явление, но вместе с тем никогда не переходили черту – глубокое уважение к другому человеку было привито с пеленок.

В биографиях писателей было много общего, хотя существовали и явные различия.

Илья Ильф родился в 1897 г. в Одессе, в семье банковского служащего. В 1913 г. он окончил техническую школу и с тех пор последовательно работал в чертежном бюро, на телефонной станции, на авиационном заводе и даже на фабрике ручных гранат. После этого был статистиком, редактором юмористического журнала «Синдетикон», в котором писал стихи под женским псевдонимом, бухгалтером и членом Президиума Одесского союза поэтов. Подводя баланс своей деятельности, Ильф четко уяснил, что перевес оказался на стороне литературы, а не бухгалтерии, и в 1923 г. переехал в Москву, где стал литератором и работал в разных газетах и юмористических изданиях.

Евгений Петров также родился в Одессе, но на шесть лет позже Ильфа. В 1920 г. он окончил классическую гимназию и стал корреспондентом Украинского телеграфного агентства. В 18 лет он уже служил в уголовном розыске, в отделе борьбы с бандитизмом, свирепствовавшим на юге. «Где-то в степях Новороссии он гонялся на обывательских лошадях за бандитами, – скажет спустя полвека о своем брате известный писатель Валентин Катаев, – остатками разгромленной петлюровщины и махновщины». Об этом же периоде своей жизни Петров писал так: «Я считал, что жить мне осталось дня три-четыре, ну, максимум неделю…» Такой вид деятельности существенно обогатил его впечатления и сформировал четкую гражданскую позицию. Проработав несколько лет в угрозыске, Петров по настоянию брата приехал в Москву. Следует сказать, что Валентин Катаев сыграл знаменательную роль в судьбе не только Евгения, но и будущего творческого дуэта Ильф-Петров. Именно он подсказал друзьям сюжет «Двенадцати стульев».

В Москве Петров не только продолжил образование, но и занялся активной литературной деятельностью: работал в юмористических газетах и журналах, выпустил несколько книжек юмористических рассказов. Надо отметить, в Москве он не сразу встретил друга и соавтора. Дело в том, что в столице молодого

советского государства появилось изрядное количество различных изданий: «Красный перец», «Гудок», «Крокодил», «Смехач» и другие. Сначала приятели работали в совершенно разных местах: Ильф трудился в «Гудке», а Петров – в «Красном перце», где был выпускающим. Только в 1925 г. Петров перешел в «Гудок», где наконец познакомился с Ильфом. Молодые люди, обладавшие поистине неистощимыми запасами смеха, оживляли своим задором самые серьезные отделы газеты. Будничная работа – ведение репортажей, написание коротких очерков, редактирование заметок – выходила у них легко, с литературным блеском. Особенно привлекал друзей жанр фельетона, ставший популярным в 1920-е гг.

При написании фельетонов Ильф и Петров часто прибегали к художественному обобщению – газетная работа давала обширный материал для творчества. В то время они много путешествовали, ездили в командировки и знакомились с жизнью во всех ее проявлениях. Из поездок друзья привозили не только массу впечатлений, но и толстые блокноты с конкретными фактами, а также множество планов и разработок.

Почти одновременно оба почувствовали, что газета становится для них слишком тесной. Все чаще молодые литераторы стали задумываться о создании романа, в который можно было бы вместить все свои наработки. Идея Валентина Катаева пришлась как нельзя кстати, и они со всем пылом молодости принялись за работу. Через некоторое время на свет появились «Двенадцати стульев» с главным героем Остапом Бендером. Интересно, что поначалу он был задуман как второстепенный персонаж. Однако постепенно великий комбинатор начал выпирать из заготовленных для него рамок. По словам писателей, через короткое время они уже не могли с ним сладить: «К концу романа мы обращались с ним как с живым человеком и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу».

Композиция романа предопределила его конец. Сюжет был исчерпан, когда Остап Бендер нашел последний стул. Авторы покончили со своим героем довольно жестоким способом: как известно, он был зарезан своим сообщником Кисой Воробьяниновым. Со смертью Бендера связан интересный случай. Дело в том, что авторы долго не могли прийти к единому мнению – умертвить Остапа или оставить в живых. Спор был решен жребием. Из сахарницы вынули бумажку, на которой был изображен череп и две куриные косточки. Но вскоре Ильф и Петров поняли, что совершили ошибку, – образ Бендера показался им незавершенным и требующим дальнейшего

раскрытия. Поэтому писатели снова вернулись к своему герою – в 1931 г. вышел в свет «Золотой теленок», в котором и продолжились приключения неунывающего Остапа. Оба романа имели ошеломляющий успех и сразу прославили авторов, которые, впрочем, не остановились на достигнутом. С 1932 г. они стали активно сотрудничать с «Правдой», печатать в ней свои фельетоны: «Веселящаяся единица», «Безмятежная тумба», «Костяная нога», «Директивный бантик» и другие. Ильфу и Петрову удалось не только возродить классический жанр сатирического романа, но и создать новые жанры: фельетон-новеллу, фельетон-рассказ. Некоторые их фельетоны по литературному характеру близки к сказкам Щедрина. Они лаконичны, пронизаны юмором и дают до предела сжатый художественно-сатирический образ высмеиваемого явления.

В 1935 г. Ильф и Петров совершили путешествие в Америку. Очерки о поездке легли в основу книги «Одноэтажная Америка», в которой авторы рассказали о жизни среднего американца, а также ближе познакомили советского читателя с бытом небольших американских городков и поселков.

Без сомнения, этот творческий дуэт мог бы дать еще немало прекрасных произведений, но судьба распорядилась иначе – 13 апреля 1937 г. Ильф умер от туберкулеза. Смерть друга произвела на Петрова жуткое впечатление. На похоронах Ильфа он сказал: «Это и мои похороны».

Оставшись один, Петров продолжил писать и старался работать за двоих: писал киносценарии, статьи, очерки, вел значительную редакторскую и организаторскую работу в «Литературной газете» и в журнале «Огонек», собирал материалы для книги «Мой друг Ильф». Однако многие планы писателя не осуществились. Он пережил своего друга всего лишь на пять лет – в 1942 г. самолет, в котором Евгений Петров возвращался из осажденного Севастополя, был сбит.

Произведения Ильфа и Петрова не теряют своей актуальности и в наши дни. Современный читатель смеется над ними так же заразительно, как в свое время его дедушки и бабушки. В этом проявился замечательный талант писателей: ведь посмеявшись, каждый из нас о многом задумывается и пытается переосмыслить свою жизнь, изменить ее к лучшему.

Каразин Василий Назарович (род. в 1773 г. – ум. в 1842 г.)

Ученый, изобретатель, просветитель, организатор первого в Европе Министерства просвещения, основатель Харьковского университета (1805 г.), основоположник науки метеорологии.

«Жизнь Василья Назарыча, ожидающая своего биографа, была исполнена самых разительных превратностей; и что бы о нем ни говорили, с какой бы точки ни рассматривали его общественный характер, но одно не подлежит сомнению: рано или поздно Харьков, да и вся Украйна отдадут ему должное и открыто признают в нем одного из своих благотворителей. Его когда-то сильному влиянию Харьков обязан своим университетом… – так писал о Каразине Н.А. Мелыунов и продолжал: – …Каразин был человеком всемирным; ни одна отрасль наук или искусств не ускользала от его прозорливого внимания: от плуга и химической лаборатории до самых коренных вопросов науки или общественной жизни он везде был дома, по крайней мере, теоретически… Это был ум жадный к познаниям, душа пылкая, сжигаемая жаждой деятельности». Пожалуй, лучше охарактеризовать этого деятеля науки и просвещения невозможно. Иногда его даже называли «украинским Ломоносовым». И это не случайно: кипучая натура ученого преобразовывала все и вся вокруг.

Василий Назарович Каразин родился 30 января (10 февраля)

1773 г. в селе Кручик Слободско-Украинской губернии (ныне Богодуховский район Харьковской обл.) в семье отставного полковника российской армии и дочери казачьего сотника. Родители мальчика были людьми достаточно прогрессивными и принадлежали к числу немногих помещиков, которые по-человечески обращались со своими крепостными. Гуманное отношение к людям, интеллигентность и наблюдательность они передали сыну, который мог беспрепятственно общаться не только с равными себе по происхождению, но и с крестьянскими детьми. Это в немалой степени повлияло на формирование лучших черт характера мальчика. Став старше, он обучался в пансионах для дворянских детей Харькова и Кременчуга. После смерти отца заботу о Василии взял на себя фельдмаршал П. Румянцев – генерал-губернатор Малороссии. Помня о подвигах Назара Каразина, фельдмаршал был полностью уверен в том, что сын пойдет по стопам отца, поэтому записал юношу в Семеновский гвардейский полк. В 18 лет молодой Каразин прибыл в Петербург, чтобы в должности сержанта поступить на военную службу, которая, впрочем, его совершенно не привлекала, зато давала возможность обучаться в Горном корпусе – одном из лучших высших заведений России. Здесь он жадно приступил к изучению горного дела, экономики, сельского хозяйства, астрономии, химии, ботаники, истории и других наук.

Окончив обучение, Каразин предпринял путешествие по стране, чтобы лучше познакомиться с жизнью народа и богатствами родной земли. По возвращении в Петербург Василий Назарович окончательно убедился, что военная служба не для него и единственным его призванием является наука. Следует отметить, решению ученого во многом способствовало чтение трудов Ломоносова и Сковороды. Так или иначе, Каразин покинул Петербург и возвратился в родное село, где в начале 1796 г. женился на крепостной девушке. Наконец у него появилась возможность уединиться в своем кабинете, лаборатории и заняться поисками ответов на интересующие его вопросы.

Как и многих передовых людей того времени, Каразина глубоко волновала судьба родной страны и смущала царившая в ней атмосфера неприятия науки и прогресса. Молодой ученый пытался уехать за границу, но не получил паспорта. Тогда он вместе с женой попытался перейти границу нелегально, однако был задержан и отправлен в столицу. В прошении на имя императора Павла I Каразин писал: «Я желал укрыться от твоего правления… Я не знал за собой вины. Свободный образ моих мыслей мог быть уже преступлением». Очевидно, простодушие

автора подкупило царя. Во всяком случае, репрессий не последовало, наоборот, осенью 1798 г. Василий Назарович стал работать переводчиком в медицинской коллегии и, пользуясь доступом в архив, писал историю российской медицины.

После прихода к власти Александра I Каразин предпринял очередную попытку повлиять на судьбу отечества. В письме императору он изложил большую программу государственных преобразований, касающуюся не только системы управления страной, но и культуры, а также сельского хозяйства. Василий Назарович писал о колоссальном значении сельского хозяйства в деле обогащения страны, подчеркивал важность совершенствования техники, проведения каналов для орошения земли. Ученый рассматривал и необходимость реформирования налоговой системы, развития внешней торговли, особенно выделял важность народного образования. Внимательно ознакомившись с содержанием письма, Александр I пригласил Каразина к себе. На короткое время он приблизил ученого ко двору, ввел его в государственный аппарат. Будучи умным человеком, Василий Назарович прекрасно понимал, что его «звездный час» продлится недолго – до тех пор, пока царю будет выгодна роль либерала-реформатора. Поэтому он решил действовать и сразу развил активную деятельность по реализации проекта организации народного образования в стране. Каразин много работал над учебными планами и структурой среднего и высшего образования. Именно он настоял на том, чтобы в 1802 г. было создано Министерство народного образования, аналогов которому в мире не существовало. В это же время его захватила мысль организовать в Харькове университет – первый в Украине.

Понимая, что предприятие потребует колоссальных капиталовложений, а царское правительство сможет выделить лишь незначительную сумму, Каразин решил привлечь широкую общественность к пожертвованию денег и сбору других средств для открытия университета. 1 сентября 1802 г. ученый выступил на общем собрании харьковских дворян со знаменитой речью, в которой доказывал, какую пользу принесет Харьковский университет. В ней, в частности, говорилось, «что просвещенные купцы, желающие отличиться в промысле своем и быть достойными союзниками иностранных, придут почерпать у нас познания, что от нас изийдут витии, стихотворцы… что мы умножим число врачей… что ученые, измеряющие течение светил небесных и силы природы, у нас будут образовываться». Василий Назарович подчеркивал, что с помощью университета «Харьков процветет в самое короткое время и будет иметь честь доставлять просвещеннейших сынов отечеству». Мнения слушателей

разделились: одни с энтузиазмом приняли идею Каразина и внесли деньги на строительство университета, другие выступали против и отказались помочь в решении проблемы. Несмотря на трудности, в распоряжение университета поступило из разных источников около 500 тыс. рублей, а харьковские крестьяне – бывшие казаки – выделили из своих земель для нужд университета 125 десятин вдоль Сумской дороги (территория нынешнего городского сада им. Т.Г. Шевченко).

При открытии университета Каразин столкнулся с огромным количеством трудностей. Приходилось не только искать новые средства, но и хлопотать об устройстве ботанического сада, библиотеки, принимать на работу многих ученых, проживавших в Петербурге, Москве или за границей, и обустраивать их на новом месте.

Все хлопоты Каразина были вознаграждены – 17 января 1805 г. открылся Харьковский университет. Однако самого ученого на торжестве не было: за несколько месяцев до этого он написал прошение об отставке и вернулся в родовое поместье Кручик. Причиной послужило резкое похолодание отношений с царем, который даже не хотел видеть ученого. Не привыкший унижаться, Каразин предпочел уехать домой. Впрочем, депрессия, связанная с обидой на неблагодарность властей, недолго владела Василием Назаровичем. Деятельная натура требовала новых преобразований и реализации замыслов. Каразин основал в Кручике школу для крестьянских детей, а выпускников устраивал в училище. Самым одаренным он давал возможность распрощаться с судьбой крепостного на льготных условиях. Кроме того, Каразин предпринял попытку осуществить в своем поместье хотя бы некоторые социальные преобразования. Он организовал сельское самоуправление, которое представляло собой своеобразный совет. Таким образом, крестьянам были дарованы определенные гражданские права и обязанности.

Во время долголетнего пребывания в селе Василий Назарович на личном примере показал, какие неисчерпаемые возможности таит сельское хозяйство и каких успехов может достичь человек, вооруженный знаниями. Он выращивал и осваивал лучшие сорта ржи, пшеницы, ячменя, проводил опытные посевы риса, советовал шире культивировать картофель и многие другие овощи. Большую заботу проявил ученый об улучшении садоводства и виноградарства в Крыму.

Научная деятельность Василия Назаровича выходила далеко за рамки одного только земледелия. В 1908 г. он разработал новый эффективный способ добывания селитры, благодаря которому время ее получения сократилось до трех месяцев.

Каразин выдвинул предположение об огромном скоплении электричества в верхних слоях атмосферы. Спустя некоторое время за границей появился проект установки аэростата для извлечения атмосферной электроэнергии, по сути, повторяющий проект Василия Назаровича. Ученый полагал, что человек, овладев атмосферным электричеством, посредством этой колоссальной силы сможет регулировать погоду по своему желанию. Надо сказать, Каразин считал чрезвычайно важным предвидение погоды и был первым в мире, кто поставил вопрос об организации разветвленной сети метеорологических станций, которые могли бы давать сведения, необходимые для удовлетворения практических запросов хозяйства. В качестве примера он устроил в собственном поместье первую метеорологическую станцию в Украине. К сожалению, идея создания широкой сети метеорологических станций воплотилась в жизнь уже после смерти ученого.

В своих научных исследованиях Василий Назарович много внимания уделял проблеме расширения продовольственной базы страны и разработке методов хранения запасов продуктов. Ему мы обязаны прекрасными рецептами консервирования и хранения овощей и фруктов. Каразин разработал и описал способ очистки конопляного масла, которое после этого не уступало оливковому, усовершенствовал производство крахмала, предложил новый способ сушки говядины и копчения мяса.

В 1807 – 1808 гг. Каразин исследовал исландский мох, один из видов лишайников, растущих в сосновых лесах, и установил, что в нем содержится 33 % превосходного желатина для питания, а в 1830 г. разработал механизм его извлечения.

Василию Назаровичу принадлежит приоритет в изобретении системы парового отопления. Уже в 1813 г. он установил в селе Кручик отопительную систему собственной конструкции. Ценное изобретение сделал Каразин и в области шелководства.

Все опыты ученый проводил за свой счет, что вынудило его войти в большие долги. В результате он лишился и своего села. Но активная научная деятельность создала ему большой авторитет в мире. К мнению Каразина прислушивались многие известные ученые. Он был почетным и действительным членом семи научных обществ страны. В разные годы его избирали в члены ученых коллегий Московского и Харьковского университетов, Московского общества естествоиспытателей, Общества истории и древностей, Российского Вольного экономического общества, Петербургского вольного общества любителей русской словесности.

Общего языка Каразин не мог найти лишь с официальными

властями. Только в 1839 г. высочайшим повелением ему был разрешен въезд во все города России, кроме обеих столиц. В докладе всемогущего Бенкендорфа говорилось, «что по летам своим он не может быть вреден». Василий Назарович, действительно, уже не вмешивался в государственные дела. Последние годы жизни он много внимания уделял виноградарству и виноделию. Для проведения своих опытов Каразин отправился в Крым. Все лето и осень 1842 г. ушли на изучение крымского виноделия. На обратном пути, в Николаеве, где служил его любимый сын Филадельф, великий ученый скончался от простуды.

Вся жизнь Василия Назаровича была посвящена бескорыстному служению людям и науке. В некоторых вопросах он намного опередил свое время. Его деятельность высоко оценили Герцен, Белинский, Чернышевский и другие передовые люди. Не забыли о Каразине и благодарные потомки. В 1907 г. после 100-летнего юбилея Харьковского университета был сооружен бронзовый памятник выдающемуся земляку, без которого немыслима история Слобожанщины и Украины в целом.

Квитка-Основьяненко Григорий Федорович
Настоящее имя – Квитка Григорий Федорович
(род. в 1778 г. – ум. в 1843 г.)

Основоположник классической украинской прозы, драматург, автор более 80 произведений на русском и украинском языках, чей 200-летний юбилей был занесен в календарь знаменательных дат ЮНЕСКО.

«Квитка» (цветок) – шептали девушки, тайком поглядывая на высокого черноволосого и голубоглазого парубка. Это прозвище, которое получил один из первых переселенцев на Слобожанщину еще во время Ивана Грозного, как это часто бывало в Украине, стало фамилией целого рода. Не только красотой славились Квитки. Они верой и правдой служили отечеству, строили укрепления против татар, участвовали в Крымском и Персидском походах, возглавляли слободских казаков в Польском походе 1733-1734 гг. Однако человечеству известен этот род благодаря большому таланту одного из более поздних представителей – Григория Федоровича Квитки-Основьяненко. Родился он 29 ноября 1778 г. в селе Основа (ныне часть г. Харькова), расположенном среди соснового бора на левом берегу реки

Лопань. От названия родного края будущий писатель и возьмет псевдоним Основьяненко. Его отец, помещик Федор Иванович Квитка, имел свыше 200 крестьянских душ. Двери хлебосольного дома помещика были всегда открыты для гостей. Тут почитали искусство и литературу, существовал домашний театр. Частым и почетным гостем в Основе был украинский философ и писатель Г.С. Сковорода, который обычно посещал только близких по убеждениям людей. Про ум, простоту обычаев, любовь к шуткам старого Квитки вспоминали многие его современники.

У маленького Гриши рано проявились музыкальные способности, не утраченные и в дальнейшем. Он прекрасно играл на флейте и фортепьяно и сам писал небольшие музыкальные произведения – романсы, кадриль, марш. Именно Г. Квитка является автором слов и музыки известной песни «Грицю, Грицю, до робота», которую потом ошибочно относили к фольклору. Мальчик с удовольствием участвовал в домашнем театре, разъезжал по ярмаркам с представлениями для простого люда.

Совершенно иным было влияние матери на становление сына. Мария Васильевна происходила из богатого слобожанского рода Шидловских. Она была образованной, гордой, самолюбивой и суровой женщиной. Увлечение охотой и умение стрелять лучше мужчин не мешало ее набожности. Ее дядя был белгородским архиепископом, а брат – игуменом Куряжского монастыря.

Поэтому учился маленький Квитка сначала у монаха на Основе, а позже дядька Наркиз забрал его к себе в куряжскую монастырскую школу, где больше заботились не о науке, а о средневековом усердии в церковных богослужениях. Несмотря на слабое здоровье, Гриша рос живым и любознательным мальчиком. В четырехлетнем возрасте он заболел желтухой и потерял зрение. По воспоминаниям, исцеление наступило через год во время посещения с матерью Озерянского монастыря и считалось в семье чудодейственным. Все это питало религиозность молодого Квитки, которая, однако, никогда не перерастала в аскетизм.

В декабре 1793 г. 15-летнего Гришу отдали на военную службу, которая для большинства дворян в те времена была делом формальным. Он не имел никаких склонностей к военной карьере и, дослужившись, как пристало приличному дворянину, до капитанского чина, вышел в отставку. 4 мая 1804 г. Квитка вдруг обратился в Старо-Харьковско-Преображенский монастырь с просьбой постричь его в монахи. По его собственному признанию, сделанному уже на склоне лет, причина крылась в любовном увлечении (возможно, неразделенном). Странным было это послушничество: в келье стояло фортепиано, постоянно

звучала флейта, а чернильница рядом с молитвенником и лампадкой изображала странника, несущего сноп, из которого выглядывали женские ножки. Кандидат в монахи запросто отлучался в Основу, играл в домашнем театре, посещал балы, а в январе 1805 г. даже присутствовал на открытии первого в Украине Харьковского университета, в организации которого принимали участие его родители.

Не пробыв в монастыре и года, Григорий подает заявление с просьбой отпустить его… «по встретившимся обстоятельствам и чувствуя слабость моего здоровья». Написанный Квиткой в это время двойной акростих, начальные и конечные буквы которого составляют имя «Паша», вероятно, во многом объясняет «встретившиеся обстоятельства»

Послушником я был, густа была брада!
Амур пощекотал… спасению шабаш!
Штантарт любви блеснул, иду служить сюда!
Ах! Вечно ль буду я носить любови цепь!

То, что Квитка не стал монахом, конечно, было обусловлено его внутренним миром, стремлением быть в водовороте настоящей жизни – слишком светским человеком был отставной капитан.

Вернувшись домой, Квитка с головой окунулся в общественно-культурную деятельность. Он был активным участником литературного клуба, а в 1812 г. стал директором профессионального театра. На это время приходится знакомство и дружба Григория Федоровича с будущим знаменитым актером Михаилом Щепкиным, в котором Квитка первым разглядел талант комика. Позднее этот дуэт впервые поставил на харьковской сцене пьесу И. Котляревского «Наталка Полтавка».

Работая в театре, Квитка увлекся талантливой актрисой Т. Пряженовской, и только материнское несогласие стало преградой для женитьбы.

Проблема воспитания человечности, высоких моральных качеств в обществе волновала Квитку постоянно, и он старался решить ее многими путями: развитием театра, литературы, журналистики, открытием разных учебных заведений. В те времена на женское образование смотрели как на вещь лишнюю, никому не нужную. Стараясь пробить эту глухую стену, Квитка создал первое в Украине в XIX ст. женское учебное заведение – Институт благородных девиц для 20 воспитанниц, дочерей беднейших дворян Харьковской губернии. С его именем связано множество других местных событий. Как писал биограф Григория

Федоровича, «где возникло что-то новое и нужно было дать толчок, появлялся Основьяненко».

Организаторский талант Г. Квитки проявился и при создании в Харькове в 1816 г. первого журнала «Украинский вестник», одним из учредителей и редактором которого он был. Начало литературной деятельности Квитки тесно связано с участием в этом и других, не только харьковских, но и московских журналах. Тут он печатал свои акростихи, сатирические «письма к издателям» Фалалея Повинухина, статьи.

В 1818 г. в Харьковский институт благородных девиц на должность воспитательницы приехала Анна Григорьевна Вульф, окончившая Смольный институт в Петербурге. Она хорошо знала иностранные языки, глубоко интересовалась литературой и всем сердцем полюбила Украину. Она стала женой Григория Федоровича, его другом на всю жизнь и первым критиком его произведений. По его собственному признанию, «…она судьбой дана мне в награду не знаю за что».

Первые пробы пера Основьяненко были во многом подражательными. Так, «Письма к издателям» своим содержанием и жанром созвучны сатире Фонвизина. Со временем пришло понимание, что писать нужно только о том, что видишь и знаешь. Это стало литературным кредо писателя. А знал Квитка лучше всего и любил свою родную Харьковщину (где провел всю жизнь), ее природу, нравы и обычаи ее обитателей, которые и стали героями его произведений. Писательский талант Григория Федоровича проявился уже давно, постоянно накапливался и выплеснулся прекрасными украинскими повестями. Первые из них были написаны на русском языке. Однако большую славу писателю принесли «Малороссийские повести, рассказываемые Грицьком Основьяненком», которыми автор доказал зрелость и художественное совершенство украинского языка. По свидетельству самого писателя, «защищая как-то достоинство языка малороссийского, я вызвался заставить рассказом своим плакать – не поверили, я написал "Марусю"». «Маруся» и «Салдацький патрет» вместе с рассказом «Мертвецький великдень» составили первый том «Малороссийских повестей», который ознаменовал рождение новой украинской художественной прозы. Современники с восторгом приняли появление повестей. В. Белинский считал, что в произведениях Квитки наряду с другими героями незримо присутствует еще один – Малороссия, с ее поэтичной природой и жизнью простых людей. Т. Шевченко называл Квитку «батьком», в знак глубокого уважения подарил ему своего «Кобзаря».

Вторым этапом в творчестве Квитки стали комедии. Его

драматические произведения впервые в украинской драматургии также были написаны прозой. «Шельменко-денщик», «Сватанье на Гончаровке», «Дворянские выборы» и сегодня с успехом идут на сценах многих городов. В свое время роман Квитки «Жизнь и похождения Петра Степанова, сына Столбикова» Некрасов переделал в пьесу, которая в 1842 г. шла на петербургской сцене. Такой же переработке подверглась драма Квитки «Щира любов», которую А.Н. Островский на русском языке назвал «Искренняя любовь, или Милый дороже счастья».

Несмотря на всеобщее признание и известность, Основьяненко всю жизнь находился в затруднительном материальном положении. После смерти отца в 1812 г. он отказался в пользу брата Андрея от своей части наследства взамен на незначительные проценты с причитавшегося капитала, чтобы не делить имение и обеспечить брату соответствующий ценз для продвижения по службе. Андрей Федорович успешно воспользовался братским подарком, построил большой дом, разбил роскошный сад, устроил картинную галерею, мало заботясь о благосостоянии человека, которому был весьма обязан. Необходимость зарабатывать на хлеб вынудила писателя поступить на службу.

С 1817 г. Квитка занимал разные административные должности: предводителя дворянства, судьи, председателя харьковской палаты уголовного суда. Его имя значится среди основателей Харьковской публичной библиотеки и открытого в Полтаве кадетского корпуса, он был членом Общества наук при Харьковском университете и др. Его деятельность удачно характеризует эпиграмма современника: «актер, поэт и заседатель – один и тот же человек».

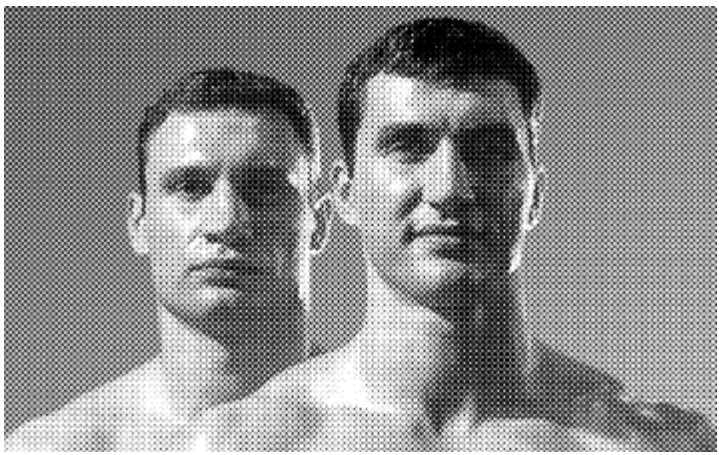
Служил Квитка честно и всегда старался помочь простым людям. Будучи человеком, четко воспринимающим окружающее, болезненно реагирующим на несправедливость, он все же не представлял себе иного устройства общества, кроме феодально-крепостного. Корень зла писатель видел в «плохом» помещике. Поэтому художественным словом старался повлиять на воспитание дворян в духе высокой морали.

В 1839 г. в «Отечественных записках» была опубликована первая часть его романа – сатиры на дворянство – «Пан Халявский», об исключительном юморе которого высоко отзывался Белинский. Оценил критик и удачно исполненное намерение писателя сопоставить прошлое столетие с нынешним, представив в романе реалистическую картину повседневного быта трех поколений обычных помещиков. В том же году в журнале «Современник» появилась повесть «Конотопская ведьма» –

мастерская сатира на жизнь и быт казацкой старшины XVIII ст. Сказочная, на первый взгляд, на самом деле она основывается на реальных, почти документальных свидетельствах и фактах.

Однако бескорыстный чиновник, не бравший взяток и не позволявший красть другим, писатель, правдиво изображающий недостатки общества, далеко не всех устраивал. Последней каплей, переполнившей чашу недовольства реакционного дворянства, была пьеса Основьяненко «Дворянские выборы», в которой автор раскрыл всю подноготную нечестных выборов. Она принесла ему «всеобщее признание и большие неприятности: цензура запретила к показу эту пьесу, а Квитку не выбрали в очередной раз предводителем дворянства. Со слов профессора Харьковского университета Н.И. Костомарова, знакомого с Квиткой с 1838 г., в то время это был дедушка среднего роста с лысой головой и одним глазом (второй он еще в молодости потерял на фейерверке), всегда в темной одежде или халате. Его жилище было очень простым, а жену никто никогда не видел в шелковом одеянии. Недостаток классического образования и незнание иностранных языков он восполнял быстрым умом и любовью к чтенью. Стремление писать было большим. Слишком много накопилось жизненных впечатлений, которые вызывали желание языком художественных образов перевоспитать общество. Однако этим планам не суждено было сбыться. 8 августа 1843 г. Квитки не стало. На траурную церемонию сошлись не только горожане со всех концов города, а и крестьяне из близлежащих сел. В последний путь писателя провожали герои его произведений.

Кличко Виталий Владимирович (род. в 1971 г.) Кличко Владимир Владимирович (род. в 1976 г.)



Наверное, в мире не найдется человека, который не знал бы имени знаменитых боксеров – братьев Кличко. Взлет украинских спортсменов был настолько стремителен, что мировая спортивная общественность заговорила об их феноменальности в боксе. Несмотря на большую популярность в Европе, Виталий и Владимир с гордостью отмечают, что за границей их воспринимают как представителей Украины.

Болельщиков, журналистов и даже людей, далеких от спорта, часто интересует: кто из братьев станет победителем, если на пути к высшему мировому боксерскому пьедесталу им придется сойтись в поединке? Ответ на этот вопрос достаточно прост: подобного поединка никогда не будет. Ребята сами приняли такое решение, и родители их в этом поддержали. Правда, спарринг между ними все-таки однажды был. И не просто спарринг, а видимо, настоящий бой, в результате которого Володя получил перелом голени. Виталий никому об этом не сказал, сообщил только, что брат сдает экзамены в институте. И лишь только когда дела пошли на поправку, он признался, что младшенький

якобы случайно получил травму…

Начиная профессиональную карьеру, братья Кличко сразу поставили для себя наивысшие цели и во всеуслышание заявили об этом. Но чем ближе к вершине боксерского Олимпа приближаются украинские богатыри, тем недоступнее становятся населяющие его боги, которые не горят желанием делиться местом под солнцем. Однако братьев это не смущает, и они упорно движутся к своей мечте. Хочется надеяться, что две последние неудачи, постигшие любимцев публики в 2003 г., только добавят им спортивной злости и желания доказать, что они еще не все сказали в профессиональном боксе.

Виталий Кличко родился 19 июля 1971 г. в поселке Беловодск (Кыргызстан), спустя 5 лет, 25 марта, в поселке Солнечный (Казахстан) на свет появился его младший брат Владимир. Их отец Владимир Родионович был военным летчиком, мать Надежда Ульяновна – служащей. Вместе с родителями братья объездили большую часть Советского Союза, сменили 13 гарнизонов и в 1985 г. переехали в Украину.

Свою родословную их семья ведет со славных времен запорожского казачества. Легенда гласит, что в самый критический момент одного из боев с турками их далекий предок, который был атаманом, своим могучим боевым кличем поднял запорожцев на бой, чем спас их от поражения. После этого случая он и получил прозвище «Кличко». «В нашем роду все мужчины отличались здоровьем, – говорил журналистам отец знаменитых спортсменов. – Деда своего я не помню, но рассказывают, что он был настоящим сельским богатырем – могучего телосложения, гнул руками подковы, кулаком забивал гвозди. Дедушка моей супруги тоже славился богатырской силой. Однажды, возвращаясь с ярмарки, он ударил кулаком строптивую лошадь и убил ее наповал. Отец мой, Родион Петрович, прошел через все нелегкие испытания Великой Отечественной. Войну закончил командиром роты. После победы остался в строю, служба помотала его по всему бывшему Союзу».

После окончания школы старший сын полковника Кличко намеревался тоже стать военным летчиком, однако не позволял рост – он не вписывался в габариты кабины самолета. Родители предложили замену – военно-политическое училище. Виталий загорелся этой идеей, поехал поступать, но еще до экзаменов вернулся домой. Видимо, понял, что это не для него. Отец не стал настаивать, и сын устроился на Киевский радиозавод учеником слесаря-инструментальщика. А когда подошло время призыва на военную службу, его направили служить в спортивный клуб армии.

Владимир в это время занимался в Броварской школе олимпийского резерва, и тренер как-то сказал отцу: «Ваш сын будет чемпионом мира в супертяжелом весе». Владимир Родионович тогда не поверил: «Ну какой может быть чемпион из такого спокойного человека? Но есть у них одна общая черта: оба очень волевые, не любят, когда их пытаются обидеть. Характером сыновья очень разные. Виталий всегда был весьма активным, а Володя, наоборот, – очень спокойный, домашний».

Детские занятия различными видами единоборств постепенно перешли в достаточно серьезное увлечение кикбоксингом у Виталия и боксом – у Владимира. За короткое время, прошедшее с 1985 г., Виталий достиг значительных спортивных успехов – стал шестикратным чемпионом мира по кикбоксингу (дважды среди любителей и 4 раза среди профессионалов), а также трехкратным чемпионом Украины по боксу, чемпионом I Всемирных игр военнослужащих в супертяжелой весовой категории (Италия, 1995 г.), серебряным призером чемпионата мира. Всего на любительском ринге он провел 210 боев, 195 выиграл, 80 из них нокаутом.

Владимир ни в чем не уступал старшему брату. Боксом он начал заниматься в 13 лет, провел на любительском ринге 140 поединков, из них 134 выиграл, а 65 поединков закончил нокаутом. Уже в 17 лет он завоевал звание чемпиона Европы среди юниоров, потом пять раз становился чемпионом Украины по боксу, чемпионом I Всемирных игр военнослужащих в тяжелой весовой категории, серебряным призером чемпионата Европы 1996 г. В том же году он завоевал золотую медаль в супертяжелой весовой категории на Олимпийских играх в Атланте. Эта победа была отмечена орденом «За мужество», которым наградил Владимира президент Украины Л. Кучма, а министр обороны А. Кузьмук вручил ему именную саблю.

Братьев Кличко крепко объединяют родственные связи, но в то же время между ними постоянно идет соревнование, в котором победы одного воодушевляют другого на достижение еще больших успехов. Возможно, именно этим объясняется их стремительный взлет. Однако братья наделены не только спортивными талантами. В 1992 г. Владимир окончил Высшее Броварское училище олимпийского резерва, а спустя четыре года они вместе с Виталием закончили Переяслав-Хмельницкий педагогический институт и поступили в аспирантуру Киевского государственного университета физической культуры. Сейчас старший брат – старший лейтенант запаса Вооруженных Сил Украины, кандидат философских наук, а младший – лейтенант запаса и тоже кандидат наук, только в области педагогических

наук.

Впечатляющие победы братьев Кличко на любительском ринге не остались без пристального внимания спортивных менеджеров мира. После победы Владимира в Атланте братья получили множество приглашений в разные боксерские клубы. Взвесив все «за» и «против», они отдали предпочтение гамбургскому клубу профессионального бокса «Universum Box-Promotion», с которым и подписали контракт осенью 1996 г. Меньше года понадобилось им для того, чтобы завоевать сердца немецких болельщиков. Беспроигрышные серии поединков сделали фамилию Кличко очень популярной и в Украине, и в Германии – уже в следующем году о них заговорили как о возможных претендентах на звание чемпиона Европы и наиболее вероятных соперниках всемирно известного Майка Тайсона.

Виталия Кличко в Германии называют «королем нокаутов». И это не удивительно. Всего он провел 31 бой (83 полных раунда) и 11 титульных поединков, в том числе 4 боя за титул чемпиона мира. Примечательно, что фамилия братьев по-немецки звучит как «нокаутирующий удар»: «КЛИЧ» – удар, «К.О.» – обозначение победы нокаутом. В ноябре 1999 г. имя Виталия было внесено в Книгу рекордов Гиннесса как первого чемпиона мира по боксу в супертяжелой весовой категории, который выиграл нокаутом 26 поединков, затратив на это наименьшее количество раундов (в среднем 2,8).

Владимир на профессиональном ринге провел 40 боев (109 раундов) и 15 титульных поединков, в том числе 4 боя за титул чемпиона мира. Для достижения победы над соперником ему требовалось в среднем тоже неполных три раунда.

Братья Кличко достойно представляют Украину на различных общественно-политических мероприятиях. Так, весной 1997 г. в Бонне проходила презентация, имевшая целью познакомить Германию с молодыми музыкантами, бизнесменами, спортсменами и политиками, которые должны стать лицом Украины XXI в. Эта акция вызвала очень большой интерес со стороны немецкой общественности. Позже Владимир делился впечатлениями: «У большинства европейцев Украина ассоциируется с нашей болью – Чернобылем – и с нашей гордостью – киевским "Динамо". А ведь Украина – это страна с богатейшей историей и культурой, талантливым народом и большим потенциалом. Нам бы хотелось, чтобы мир поближе познакомился с нашей страной».

Оба брата с детства любят животных, особенно собак, причем самых разных пород. Когда семья переехала в Киев, они взяли щенка бультерьера и назвали его Максом. Пес стал общим

любимцем и не отстает от хозяев: он отличный боец, чемпион Киевской области по собачьим боям, у него есть медали и грамоты. Так что в дружной семье Кличко, по меньшей мере, три чемпиона… Владимир до сих пор не женился, видимо, не встретил еще достойную подругу. А старший брат женат, у него подрастает сын – Егор-Даниель, который родился в мае 2000 г., и дочь – Элизабет-Виктория, появившаяся на свет спустя два года.

В декабре 2001 г. братья Кличко приняли участие в работе конгресса «Форум будущего», который состоялся в Аугсбурге. На конгрессе они представили небольшой доклад о роли спорта в современной жизни и в будущем. Среди прочего сказано было и о том, что сегодняшний спорт интернационален, он объединяет людей, народы и страны: «Украинские спортсмены выступают в Германии, спортсмены из Западной Европы выступают в Украине, России, других странах. Мир стал намного теснее, уже нет противостояния Востока и Запада, и в этом также есть огромная заслуга спорта; спорт все больше проникает в жизнь людей, растет число болельщиков, новое поколение чемпионов приходит на смену ветеранам. В общем, перспективы спорта огромны, он – вечен, как вечно стремление людей к общению».

В 2003 г. у братьев Кличко началась полоса неудач. В начале марта в Ганновере Владимир в шестой раз отстаивал свой титул чемпиона мира по версии WBO в поединке против 38-летнего южноафриканского боксера Корри Сандерса. Победу одержал Сандерс техническим нокаутом во втором раунде. После боя Владимир заявил: «Что я могу сказать? Я "поймал" удачный удар противника. Это те вещи, которые не должны случаться, но бывает, что случаются. Я ослабил свою защиту, и соперник этим воспользовался. Я хочу вернуться и надеюсь провести матч-реванш как можно скорее. Многие великие чемпионы возвращались на ринг после поражений. Определенно я должен поступить так же. Этим вечером я выдал Сандерсу кредит, но я уверен на 100%, что выиграю матч-реванш».

В это время Виталий готовился провести десятираундовый поединок с Седриком Босвелом. Но в начале лета получил предложение сразиться с Ленноксом Льюисом за титул чемпиона мира по версии WBC. Бой Кличко и Льюиса состоялся 21 июня на 18-тысячной арене «Staples Center», Лос-Анджелес, штат Калифорния.

…По окончании шестого раунда доктор Пол Уиллс подошел к Виталию и, посмотрев на весьма серьезно рассеченную левую бровь, отошел к рефери боя и настоял на остановке поединка. К этому моменту, по судейским запискам, Кличко выигрывал у Льюиса. Виталий, услышав о том, что бой прекращен, вскочил с

табурета и бросился в центр ринга со словами: «Нет! Нет! Почему? Зачем?» Однако решение было уже принято. Виталий победно вскинул руки, приветствуя зал, который ответил возгласами восторга и аплодисментами. На приветственные жесты Льюиса зал реагировал возгласами недовольства.

После этого Виталий протиснулся к Льюису и сказал ему: «Ты не победил в этом поединке. Ты готов провести матч-реванш?» Соперник ответил согласием, и тогда Кличко, разворачивая Леннокса к телеоператору, стоявшему за его спиной, заявил: «Так скажи об этом в камеру, чтобы твое обещание слышали люди!»… По предварительной договоренности, новая встреча противников должна была состояться 6 декабря 2003 г., но не состоялась.

11 декабря 2004 г. Виталий Кличко отстоял титул чемпиона мира по боксу в супертяжелой категории по версии WBC в поединке с Денни Вильямсом.

Клочкова Яна Александровна (род в 1982 г.)

Заслуженный мастер спорта по плаванию, двукратная Олимпийская чемпионка, многократная чемпионка Европы и мира; рекордсменка Украины, Европы, мира. Награждена орденами «За заслуги» III степени, Княгини Ольги I степени. Лауреат премии Комитета молодежи Украины за вклад молодежи в развитие государства. Лауреат номинации «Человек года-2000» в Украине, дважды лауреат в номинации «Спортсмен года».

Яну Клочкову называют по-разному: «звездой», «королевой мирового спорта», «золотой рыбкой» и даже «первой невестой Украины». Все эти «титулы» смуглая кареглазая девушка воспринимает с улыбкой, а к похвалам относится сдержанно. Ни на секунду не переставая верить в свою счастливую звезду, выдающаяся пловчиха знает: залогом ее успехов является не только талант, но и каждодневный упорный труд.

У того, кто видит Клочкову на водной дорожке, создается впечатление, что она и родилась в воде. Но это не совсем так: Яна, родившаяся 7 августа 1982 г., выросла вовсе не у моря – ее детство прошло в Симферополе. Родители девочки в юности занимались многими видами спорта. Любовь к нему они привили и двум дочерям. Клочков-старший вспоминает: «С самого детства брал их на стадионы, знал, что спорт – это хорошее дело для

жизни. Больше всего с Леной [матерью Яны] мы хотели, чтобы дети были здоровыми… А потом уже как-то все само собой получилось. Все выходные пропадали на стадионе, участвовали в различных соревнованиях "Папа, мама, я – спортивная семья". Нам за победы и ласты, и матрацы надувные давали».

С четырех лет Яна ходила на спортивную гимнастику, качала пресс по 150 раз, бегала на стадионе. Но больше всего ей нравились «водные процедуры». В жаркие летние дни отец наливал во дворе металлическую ванну, которая быстро нагревалась. К приходу девочек из садика импровизированный бассейн был готов, и они подолгу плескались в нем. Первая поездка на море состоялась, когда Яне исполнилось всего два годика. «В Учкуевке ее было просто невозможно вытащить из воды. Губы синие… Зовешь, а она: "Не!"», – вспоминают родители чемпионки. Очевидно, вода еще в те далекие годы привлекала Яну какой-то магической силой. Так или иначе, но после закрытия секции спортивной гимнастики девочка с удовольствием занялась синхронным плаванием.

В 1989 г. в жизни Яны произошло событие, определившее ее дальнейшую судьбу, – встреча с замечательным украинским тренером Ниной Федоровной Кожух и ее мужем Александром Емельяновым, которые сразу разглядели в девочке задатки будущей звезды мирового спорта. Надо сказать, профессиональное чутье не подвело: Клочкова оправдала самые смелые надежды тренеров. Предложение Кожухов работать вместе и серьезно заниматься плаванием Яна приняла с восторгом. Конечно, ни о каких грандиозных победах и перспективах она тогда не задумывалась: ее привлекала возможность общаться со сверстниками, ездить в разные города и страны. Но к тренировкам девочка отнеслась более чем серьезно. Под чутким руководством наставников она овладела не только техническими приемами и секретами плавания, но и развила в себе качества, необходимые настоящему спортсмену: выдержку, волю к победе и упорство в достижении цели. Отныне ее жизнь была подчинена единственному желанию: побеждать и прославить своими победами родную страну. Ради достижения этой цели Яна надолго забыла об обычных развлечениях подростка. И даже сейчас, находясь на вершине славы, она всегда помнит о режиме и дисциплине. В специальных блокнотах она отмечает километры утренней и вечерней тренировок в воде и «сухие занятия» – штанга, бег. Норма ежедневных заплывов – 10-15 км. В конце блокнота Яна с точностью до метра подсчитывает, сколько километров проплывает ежемесячно. Обычная цифра – 330 км – все равно что пересечь Черное море от Крымского берега до

турецкого. Родители даже провели интересное исследование – сколько же всего юная чемпионка проплыла за годы занятий спортом: получилось расстояние больше половины экватора – 28 тыс. км.

Естественно, что от тренировок Клочкова сильно устает, но как она сказала в одном из интервью: «Это тяжелый труд, но эту работу я выполняю с наслаждением, потому что наградой будет выход на старт. А когда побеждаешь, чувствуешь, что ты чего-то достиг».

К 21 году достижений у Яны предостаточно. Она является многократной чемпионкой Украины, серебряной призеркой юниорского чемпионата Европы 1996 г. в Дании, двукратной победительницей юниорских чемпионатов Европы 1997 г. в Глазго и 1998 г. в Антверпене, серебряной и бронзовой медалисткой чемпионата Европы 1997 г. в Севилье, серебряной призеркой чемпионата мира 1998 г. в Перте, победительницей Кубка мира среди женщин в номинации «комплексное плавание» 1998 и 1999 гг., чемпионкой мира 1999 г. в Гонконге, двукратной олимпийской чемпионкой и серебряной призеркой 2000 г. в Сиднее… Ее регалии можно долго перечислять. Кроме того, Яна Клочкова установила 50 рекордов Украины в 25– и 50-метровых бассейнах на дистанциях 100, 200, 400 м комплексным плаванием и 200, 400, 800 м вольным стилем, 100, 200, 400 м на спине, 200 м баттерфляем и в эстафетном плавании. После игр в Сиднее, где Яна завоевала две золотые и серебряную медали, о ней заговорил весь мир. Клочкова в очередной раз доказала, что в «комплексе» ей нет равных.

Чемпионка стала первой, кому удалось установить в Сиднее мировой рекорд. Сам заплыв проходил по привычному сценарию. Старт, как обычно, был за Яной, лидировала она и после половины дистанции. Но на третьем отрезке – плавании брассом – в свою стихию попала ее основная соперница, румынка Каспару, начавшая стремительно сокращать расстояние и перебравшаяся с пятой позиции на вторую. Однако лидера она так и не достала, а на заключительной «сотне» отыграть что-либо у Клочковой ей и не светило. В итоге она стала чемпионкой Сиднея с результатом, превышающим мировой рекорд почти на полторы секунды. Сама она прокомментировала свою победу так: «Во время соревнований я превращаюсь в настоящую львицу. На водных дорожках у меня появляется необычайная энергия и желание бороться и побеждать». А Нина Кожух так охарактеризовала воспитанницу: «Яна – обязательный человек, стремится все делать вовремя. За 14 лет нашей работы она ни разу не опоздала на тренировку. В зимний период очень холодно заниматься в

открытом бассейне. Часто я говорила: "Яна, немедленно выходи из воды". Она же до конца выполнит программу тренировки и только тогда завершит работу. Очень дисциплинированная девочка. К тому же всегда выполняет свои обещания. В результате Яна получила то, что остальным оказалось не под силу».

Несмотря на выдающиеся достижения в мировом спорте, Клочкова далека от «звездной болезни», и в повседневной жизни она – спокойный, скромный человек со своими проблемами и переживаниями. «Вообще-то, меня трудно вывести из себя, любые поступки стараюсь сначала тщательно проанализировать, а потом уже судить о человеке. Больше всего обидно, когда после изнурительного этапа подготовки к каким-либо стартам в последний момент не находится средств на поездку или возникают проблемы с документами. Такое случалось не раз, а это, как известно, сказывается на общем рейтинге», – говорит девушка. Как и любому профессионалу, Яне хотелось бы беспрепятственно заниматься любимым делом и показывать высокие результаты. Однако это не всегда получается в силу общего положения дел в стране. Например, Нине Кожух часто приходится, помимо проведения тренировок, решать разные организационные вопросы. Отрицательно сказываются на настроении спортсменки и бытовые сложности, работа в праздничные дни, утомительные переезды с места на место, путаница с призовыми деньгами. Неоднократно Клочкова получала из-за рубежа приглашения на работу, которые всегда отклоняла: «Иногда я задумываюсь, верно ли я поступаю, отклоняя выгодные предложения из Америки. Но когда на соревнованиях звучит гимн Украины, убеждаюсь в правильности выбора». Яна искренне верит в то, что в Украине рано или поздно все наладится и появится возможность спокойно работать. Переживает Клочкова и из-за того, что много времени приходится проводить вдали от дома и любимой семьи. Не хватает времени ни на хобби, ни на осмотр достопримечательностей тех стран, где проходят соревнования. Но Яна не унывает – ведь этот путь она выбрала сознательно.

В 2001 г. Клочкова окончила Харьковское училище физической культуры и спорта. Прекрасно понимая важность высшего образования в современном мире и необходимость расширить знания, она поступила в Киевский Национальный университет физического воспитания и спорта Украины. В плотном графике тренировок и выступлений приходится выкраивать время и для сдачи сессий, подготовки к экзаменам. Однако на первом месте по-прежнему для Яны остается спорт. На многочисленные вопросы журналистов о том, чем бы она хотела

заниматься в будущем, девушка не дает четкого ответа: «Я над этим не задумывалась. Возможно, работать в Международном Олимпийском комитете. В любом случае хочу, чтобы новое занятие было каким-то образом связано со спортом. Я бы открыла спортивный оздоровительный центр, если бы у меня были возможности, но ведь это стоит баснословных денег. Конечно, это ведь только задумка, мечта, но ведь никто не запрещает мечтать…»

Победы Яны Клочковой сделали для авторитета Украины едва ли не больше, чем усилия многих известных политиков за 10 лет независимости. Благодаря ее таланту и титаническому труду миллионы людей начинают искать на картах страну сине-желтого флага. В 2000 г. Яна была признана лучшей спортсменкой Украины, а 9 марта 2003 г. снова получила этот титул в ежегодной общенациональной программе «Человек года». Клочкова награждена многими почетными наградами, ее вклад в развитие государства отмечен на самом высоком уровне. Хотелось бы, чтобы мечты «золотой рыбки» осуществились и еще долгие годы она радовала поклонников спортивными достижениями.

Козловский Иван Семенович (род. в 1900 г. – ум. в 1993 г.)

Выдающийся оперный певец (лирический тенор), народный артист СССР (1940 г.), лауреат Государственных премий, Герой Социалистического Труда (1980 г.).

«…Я рад, что встретился с Вами. Вы у меня помещаетесь в одном из самых теплых уголков моей души…

Желаю Вам всего самого наилучшего из того, что Вы сами можете для себя пожелать…

Один из самых многочисленных существ, благодарных Вам за те переживания, которыми Вы нас не перестаете щедро радовать…» Это строки из письма Г.М. Кржижановского, которым он сопроводил свою «Элегию», посвященную Ивану Семеновичу Козловскому – знаменитому оперному тенору.

Талантливого певца обожали миллионы. Когда он выходил на сцену, публика, затаив дыхание, вслушивалась в каждую музыкальную фразу. А после спектакля восторженные поклонницы подолгу ожидали своего кумира перед театром, чтобы еще раз увидеть, прикоснуться к нему или проводить до машины.

Иван Семенович Козловский родился 11 (24) марта 1900 г. в селе Марьяновка Киевской губернии в крестьянской семье. С детства Ивасика окружали люди, искренне любвшие музыку. Так,

его отец, не зная нот, прекрасно играл на венской гармонике, а мать пела. Когда мальчик пошел в школу, его любимыми предметами стали литература и музыка, которую преподавал незаурядный человек – Сысой Григорьевич Саенко. Именно он разглядел в озорном мальчике будущего певца: Ивасик схватывал любую мелодию на лету и мог безошибочно воспроизвести ее. Поэтому никого не удивило, когда учитель, разделив школьный хор на две группы, одну поручил Ивасю.

По праздникам хор под управлением Сысоя Григорьевича пел в церкви. Молитвы, звучавшие под сводами храма, оставили глубокий след в сердце Ивася. Спустя много лет, уже будучи в зените славы, Козловский часто включал в свой репертуар религиозные произведения.

Неизгладимое впечатление произвело на мальчика посещение спектакля «Вий» в Киевском народном доме. Широко раскрыв глаза, Ивась следил за событиями, разворачивавшимися на сцене. Назавтра он, волнуясь, делился своими мыслями с учителем: «Театр – это лучше всего на свете!» – повторял мальчик.

После этого вечера мысли о театре – совершенно новом, загадочном мире – постоянно преследовали Козловского. Отказывая себе в самом необходимом, Иван копил деньги, чтобы снова и снова посещать спектакли. На одном из них он впервые увидел игру украинской драматической артистки – Марии Константиновны Заньковецкой. Эта встреча окончательно определила планы Козловского – он поступил в труппу театра Народного дома. Руководитель труппы Иван Александрович Марьяненко так вспоминал об этом: «Мне посчастливилось привлечь в наш театр тогда совсем юного певца. Он не имел еще паспорта и жил по метрическому свидетельству. Говорю «посчастливилось», потому что впоследствии оказалось, что этот юноша обладал недюжинным актерским дарованием и необычайной красоты голосом, который в течение очень короткого времени развился и возмужал…»

В Киеве на молодого тенора обратил внимание знаменитый композитор Антон Кошиц. Вскоре Козловский стал солистом в его хоре. Кошиц, прекрасно понимая, что Иван наделен ярким талантом, рекомендовал его в ученики замечательному педагогу вокального искусства Елене Александровне Муравьевой: «Послушайте его, и сами убедитесь», – писал он. Елене Александровне потребовалось всего несколько минут, чтобы понять, что перед ней самородок с поставленным от природы голосом. Так 17-летний Иван стал ее студентом. Два года занятий с Муравьевой в Киевском музыкально-драматическом институте

окончательно завершили становление Козловского как профессионального певца. Елена Александровна, способствуя развитию музыкального вкуса своего студента, помогла ему сохранить индивидуальность, научила умело расходовать силы в ходе выступления.

В 1919 г. Козловский с успехом окончил институт, ушел добровольцем в Красную Армию и был направлен в инженерные войска в Полтаву. Однако Иван ни на минуту не прекращал думать о творчестве. Красноармеец Козловский постоянно участвовал в различных спектаклях и концертах, стал душой художественной самодеятельности. В 1922 г. Иван вступил в труппу Полтавского передвижного оперного театра. Здесь он впервые спел партии Ленского, Синодала («Демон»), Дубровского, Фауста, Герцога («Риголетто»). Сильный голос молодого певца, яркая манера исполнения, необычайная теплота и душевность его лирических героев сделали Козловского ведущим артистом Полтавской оперы. С 1924 г. Иван Семенович был солистом Харьковского, а затем Свердловского оперных театров, а в 1926 г. дебютировал в Большом театре в партии Альфреда в опере Верди «Травиата». Публика с нетерпением ожидала выступления молодого тенора: высказывалось огромное количество предположений, но больше всего зрителей волновал вопрос: «Что можно сделать из давно заштампованной роли Альфреда?» Однако Козловский как настоящий художник превзошел самые смелые надежды театралов и, открыв в образе своего лирического героя новые краски, заставил эту партию звучать по-новому. Иван полностью отошел от традиционного образа оперного любовника, придав Альфреду больше мысли и чувства. Исполнение певца было столь эмоционально, что зрители прониклись сочувствием не только к судьбе Виолетты, но и сопереживали Альфреду. Когда затих последний аккорд, зал взорвался аплодисментами. Это был настоящий триумф Козловского. Покидая дирижерский пульт, маститый композитор Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов, покоренный талантом молодого тенора, предрек ему блестящую карьеру: «Этот певец – многообещающее явление в искусстве».

За долгие годы работы в опере Козловский спел около пятидесяти партий. Следует отметить, что в каждый образ певец вносил что-то свое, какую-то «изюминку». К работе над ролью Иван Семенович подходил очень серьезно: тщательно изучал историческую эпоху, до мельчайших деталей продумывал костюм. Но в первую очередь певец пытался понять характер своего героя, проникнуться его мыслями, чувствами и переживаниями, осознать мотивы его поведения. Именно поэтому образы, создаваемые Козловским, получались масштабными, яркими и

запоминающимися и приносили певцу колоссальный успех.

Особое место среди героев Козловского занимают Лоэнгрин в одноименной опере Вагнера и Орфей в опере Глюка «Орфей и Эвридика». До него только Собинов, будучи лирическим тенором, отважился петь в «Лоэнгрине» партию, которую принято относить к разряду так называемого «хельден-тенор» – «героического тенора». Козловский блестяще справился с этой задачей. Исполняя меццо-сопрановую партию Орфея, Козловский некоторые большие фразы пел на одном дыхании, не прерывая звука, чем вызывал восторг слушателей. Недаром дирижер С.А. Самосуд считал Козловского непревзойденным Орфеем.

Еще Россини говорил, что главным для певца являются три вещи: это голос, голос и еще раз голос. Пение Козловского зачаровывало, а его голос невозможно было спутать ни с каким другим. Никакие технические трудности не страшили певца, и никакая самая трудная нота не служила ему препятствием в создании вокального образа. «Голос какой! – говорил С.М. Михоэлс, с которым дружил Иван Семенович. – Тенор, просто не спрашиваясь, в сердце лезет, а главное – поет песню, мелодию. Он и паузы поет, а не только ноты. Ведь есть певцы и певицы, поющие ноты, – как грибы собирают, а песни-то и нет. А Иван и голосом, и сердцем песню поет».

Знаменательно исполнение Козловским песенки Герцога в заключительном акте «Риголетто». Финальную ноту, взяв ее на фермату[3], Козловский держал, пока не скрывался за кулисы. И однажды режиссер спектакля В.А. Лосский, в прошлом сам известный оперный артист, певший еще с самим Шаляпиным, сказал ему: «А знаете, ведь о том, что вы берете до диез третьей октавы, пожалуй, только двое и знают – дирижер да я. Уж очень вы это легко делаете, хоть бы к рампе, что ли, в этот момент подошли, или… Да я даже сам не знаю что, но дали бы публике каким-либо путем это почувствовать…» Феноменальный диапазон голоса Козловского отмечен в Музыкальной энциклопедии: певцу было по силам не только до диез, но даже ми третьей октавы!

Одной из самых замечательных в его творчестве была партия Юродивого в опере М. Мусоргского «Борис Годунов» (1949 г.). В исполнении Козловского этот образ был олицетворением народной мудрости, доброты, искренности и правды.

Кроме работы в опере, Иван Семенович активно занимался концертной деятельностью. Его репертуар включал произведения многих композиторов – от Глинки и Чайковского до Шумана и Бетховена, чьи вокальные циклы он записывал на грампластинки. Пел Козловский и народные песни, и старинные романсы, и арии из опер. Шедеврами стали дуэты Козловского с Неждановой («Не

искушай…») и Обуховой («Ночи безумные»). Страстно любил Иван Семенович украинские песни и с удовольствием их исполнял («Дивлюсь я на небо…»).

Надо сказать, любовь к Украине и родному селу великий певец пронес через всю жизнь. Он прекрасно знал украинский язык, народные обычаи, восхищался природой и никогда не забывал о своих корнях. Так, Иван Семенович построил в Марьяновке музыкальную школу, хотя долго не мог добиться разрешения на осуществление своего проекта. В 1939 г. певец поставил оперу Н. Аркаса «Катерина» по одноименной поэме Т. Шевченко. В ней Козловский исполнил партию Андрея, одну из его любимых (с ней он выступал еще в 1918 г. в Полтаве, а в 1924 г. – в Харьковской опере и Украинском народном театре в Харькове).

В концертном репертуаре помимо украинских народных песен (22 из них были записаны на грампластинки) были романсы Н. Лысенко и других украинских композиторов. Ежегодно он исполнял произведения на слова Т. Шевченко на могиле великого поэта в Каневе, в Черкассах, Каменке, в шевченковских селах. Часто во время этих поездок Иван Семенович пел в сопровождении детского хора из Марьяновки.

Козловский был одним из любимых певцов Сталина. Артиста нередко приглашали в Кремль на банкеты и концерты. Иногда даже привозили среди ночи к Хозяину, чтобы Иван Семенович исполнял его любимые песни. За талант Козловскому прощалось многое. На некоторых официальных приемах и концертах Иван Семенович, не скрывая своей искренней веры, пел песни религиозного содержания. В то время за это можно было многим поплатиться. Но Сталин, симпатизируя Ивану Семеновичу, прощал ему эти «чудачества» и даже частенько помогал улаживать конфликты с руководством Большого театра.

По воспоминаниям современников, Козловский был необычайно разносторонней личностью, Человеком с большой буквы. Принцип «Моя хата с краю» был абсолютно чужд ему. Он всегда бросался на помощь друзьям и знакомым. Несмотря на плотный график гастролей и концертов, находил время, чтобы ходить по инстанциям и выбивать для тех, кто в этом нуждался, квартиры, пенсии, путевки в санатории. В его московской квартире постоянно гостили родственники и знакомые. Помогал Иван Семенович и молодым талантливым исполнителям.

Козловский был очень живым и обаятельным человеком. Любил шутить, разыгрывать, говорить изысканные комплименты, даже если соседка на банкете была весьма преклонного возраста. Иван Семенович обожал сюрпризы. Однажды он приехал в Ялту,

чтобы поздравить сестру Чехова с девяностолетием. Когда Козловский вошел в комнату, под окнами грянул оркестр, который певец привел из ресторана. Иван Семенович бросился на колени перед именинницей и исполнил «О Мари!». Затем он пригласил всех присутствующих на морскую прогулку и всех дам по очереди на руках перенес в катер.

Один памятный случай произошел за кулисами, потом о нем долго ходили анекдоты. Пока Марк Рейзен пел на сцене в лакированных концертных туфлях, Козловский прибил его калоши гвоздями к полу. После выступления Рейзен никак не мог понять, почему калоши не отрываются от паркета.

Козловский постоянно участвовал в различных капустниках и розыгрышах. Вокруг него всегда собирались известные актеры и юмористы. Но иногда на Ивана Семеновича накатывала тоска, и ему казалось, что его никто не понимает: ни дети, ни коллеги по работе, ни жена – замечательная артистка и очень красивая женщина Галина Ермолаевна Сергеева. Козловский был склонен драматизировать события и к людям подходил с собственными мерками, которые были чрезвычайно высоки. Он часто судил людей по себе и поэтому не понимал низости, мелочности и склонности к предательству.

В последние годы жизни быт Козловского был плохо устроен. Пенсии великого певца не хватало на то, чтобы платить домработнице, шоферу. От многих атрибутов прошлой блистательной жизни пришлось отказаться. После развода с женой Иван Семенович в основном жил на даче, а по хозяйству ему помогали многочисленные поклонницы, не забывающие своего кумира.

Когда Козловскому исполнилось 90, он все еще продолжал мечтать о творчестве, даже задумал снимать «Снегурочку». К сожалению, из этой затеи ничего не вышло.

Умер Иван Семенович внезапно. Он несколько раз переболел воспалением легких. В реанимации на несколько минут открыл глаза. Сказал пару слов… Великого тенора отпевали в церкви Вознесения и похоронили на Новодевичьем кладбище, хотя он неоднократно говорил своим друзьям, что хотел быть похороненным в родной Марьяновке.

Иван Семенович Козловский был знаковой фигурой XX века. Сочетая в себе талант актера, великолепные вокальные данные и внешнюю красоту, певец создал на сцене замечательные образы лирических персонажей. Музыкальные критики единодушно считают Козловского последним представителем бельканто в России, ставят его в один ряд с выдающимися деятелями искусства, оставившими яркий след в истории мировой культуры.

Королев Сергей Павлович (род. в 1907 г. – ум. в 1966 г.)

Выдающийся конструктор и ученый, работавший в области покорения космического пространства. Создатель ракет средней и межконтинентальной дальности, искусственных спутников Земли, пилотируемых космических кораблей, основоположник практической космонавтики.

С именем Сергея Павловича связаны эпохальные события человеческой цивилизации: запуск первого искусственного спутника Земли и беспримерный полет в космос первого космонавта. Но немало замечательного было сделано этим талантливым человеком до этих свершений и после них. Все созданное им в жизни – это единство цели в достижении все больших скоростей и высот.

Будущий конструктор космических кораблей родился 12 января 1907 г. в Житомире в семье учителя Павла Яковлевича Королева. Когда мальчику было около трех лет, семья перебралась в Киев и вскоре после этого родители разошлись. Сережу мама, Мария Николаевна, отвезла к бабушке и дедушке в Нежин, а сама исполнила свое давнее желание – поступила на Высшие женские курсы и стала учительницей. В 1916 г. она вновь вышла замуж и вместе с сыном и новым мужем – инженером-механиком Григорием Баланиным – переехала в Одессу. В

следующем году Сережа поступил в гимназию, однако началась революция, гимназию закрыли, и он стал заниматься самостоятельно под руководством матери и отчима.

В 1922-1924 гг. Королев учился в одесской строительной профшколе, получив по ее окончании среднее образование и специальность каменщика-черепичника. Еще в детские годы он отличался исключительными способностями и неукротимой тягой к новой тогда авиационной технике – однажды Сергей вблизи увидел гидросамолет и «заболел» воздухоплаванием, что впоследствии привело его в планерный кружок. В 17 лет он уже разработал проект летательного аппарата оригинальной конструкции – «безмоторного самолета К-5».

Поступив в 1924 г. в Киевский политехнический институт на механический факультет, Королев за два года освоил в нем общие инженерные дисциплины и стал спортсменом-планеристом. Осенью 1926 г. стало ясно, что авиационное отделение при факультете открыто не будет, и Сергей перевелся на вечернее отделение МВТУ им. Баумана. Одновременно он работал разносчиком газет, столяром, а затем устроился на завод Всесоюзного авиационного объединения им. Менжинского. К этому времени юноша получил известность как способный авиаконструктор и опытный пилот, окончивший Московскую школу летчиков-планеристов. Некоторые из его планеров уже тогда обращали на себя внимание знатоков, отличаясь повышенной прочностью и чуть ли не вдвое большей удельной нагрузкой на крыло. Недаром на планере СК-3 «Красная звезда» известный летчик В.А. Степанченок впервые в мире совершил три мертвых петли Нестерова. Примечательно, что Сергей сразу готовил свои планеры для установки на них реактивного двигателя. Свой дипломный проект в МВТУ – разработку легкомоторного двухместного самолета СК-4 талантливый студент выполнил под руководством будущего академика А.Н. Туполева.

Спроектированные и построенные летательные аппараты Королева – планеры «Коктебель», «Красная Звезда» и легкий самолет СК-4, предназначенный для достижения рекордной дальности полета, – показали его незаурядные способности как авиационного конструктора. Однако юношу больше увлекали полеты в стратосфере и принципы реактивного движения. Познакомившись с работой К.Э. Циолковского «Реактивный аэроплан», он проштудировал все его книги, какие только смог достать. Идеи калужского мечтателя о полетах на другие планеты глубоко проникли в душу Сергея и овладели им на всю жизнь.

В сентябре 1931 г. вместе с талантливым энтузиастом в

области ракетных двигателей Ф.А. Цандером Королев добился создания в Москве общественной организации – Группы изучения реактивного движения (ГИРД) при Центральном совете Осоавиахима, которая уже через год стала государственной научно-конструкторской лабораторией по разработке ракетных летательных аппаратов. В ней были созданы и опробованы первые отечественные жидкостно-баллистические ракеты ГИРД-09 и ГИРД-10.

В августе 1931 г. Сергей женился на своей школьной подруге Ксении Винцентини, которая после окончания Харьковского мединститута работала в Алчевске. Молодые стали жить в Москве, и спустя четыре года у них родилась дочь Наталка.

В это время Королев работал начальником отдела ракетных летательных аппаратов в Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ). Он руководил полетными испытаниями первых отечественных жидкостных ракет «09» (конструкции М.К. Тихонравова) и «ГИРД-Х» (конструкции Ф.А. Цандера), подготовил к печати книгу «Ракетный полет в стратосфере» и экспериментировал с крылатой ракетой «06/1». В 1936 г. молодой ученый создал конструкцию ракетоплана «318-1», обосновав технические требования к самолету с ракетным двигателем.

После расстрела маршала Тухачевского и группы командиров Красной Армии летом 1937 г. некоторые сотрудники РНИИ были арестованы как «участники троцкистской вредительской организации». Сам Сергей Павлович более года находился под секретным надзором, затем был исключен из рядов ВКП(б) и понижен в должности, а 27 июля 1938 г., после аварии во время стендового испытания ракеты, – арестован. Через два месяца Военная коллегия Верховного суда СССР осудила его на 10 лет лишения свободы, с ограничением в правах на 5 лет и конфискацией личного имущества. Местом отбывания наказания была определена Колыма, золотодобывающий прииск Мальдяк.

Летом 1940 г. Особое совещание при НКВД СССР отменило предыдущий приговор и осудило СП. Королева на 8 лет исправительно-трудового лагеря, заменив ярлык «члена антисоветской контрреволюционной организации» на «вредителя в области военной техники». Спустя несколько месяцев мера наказания была пересмотрена, и на основании личного заявления с просьбой использовать его по специальности заключенный Королев был переведен в Центральное конструкторское бюро – спецподразделение НКВД. Там, в стенах ЦКБ-29, под руководством заключенного А.Н. Туполева уже полным ходом велись серьезные разработки нового поколения летательных аппаратов с реактивными двигателями.

Четыре года находился Королев в закрытых конструкторских бюро, или «шарашках», как называли подобные заведения сами арестанты. «Шарашки», как и сам принцип использования дешевой, но весьма квалифицированной рабочей силы, были изобретением наркома Л.П. Берии. Сюда считали за счастье попасть рассеянные по тюрьмам и лагерям ГУЛАГа, измотанные морально и физически инженеры, технологи, конструкторы, ученые…

Под руководством А.Н. Туполева Королев принимал участие в создании и производстве фронтового бомбардировщика Ту-2 и одновременно разрабатывал проекты управляемой жидкостной аэроторпеды и нового варианта истребителя-перехватчика. Это послужило поводом для перевода его в 1942 г. в другую организацию такого же лагерного типа – ОКБ НКВД СССР при Казанском авиазаводе, где велись работы над созданием самолетных двигателей новых типов. Там Королев приступил к воплощению идеи использования ракетных двигателей в самолетостроении.

В июле 1944 г. конструктор был досрочно освобожден и по окончании войны в составе Технической комиссии командирован в Германию для знакомства с немецкой трофейной ракетной техникой. В мае 1946 г. было принято секретное постановление правительства о создании в СССР отрасли по разработке и производству ракетного вооружения. Вскоре все советские специалисты были отозваны из Германии для работы во вновь созданных НИИ и ОКБ. Среди них был и Королев, который по возвращении в Москву приступил к исполнению обязанностей главного конструктора баллистических ракет дальнего действия и начальника отдела НИИ-88 по их разработке. К тому времени он уже развелся со своей женой, ведущим хирургом-травматологом Боткинской больницы, которая отказалась играть роль домохозяйки при муже, отдававшем себя без остатка работе. В мае 1947 г. Сергей Павлович женился на 26-летней Нине Котенковой, работавшей в НИИ в бюро переводов, и счастливо прожил с ней до конца своих дней.

Первой задачей, поставленной правительством перед ним и всеми организациями, занимающимися ракетным вооружением, было создание копии немецкой ракеты Фау-2 из отечественных материалов. Но уже в 1947 г. ученые получили задание на разработку новых баллистических ракет с большей, чем у немецкого прототипа, дальностью полета – до 3 тыс. км. В следующем году главный конструктор приступил к летным испытаниям баллистической ракеты Р-1 и в 1950 г. успешно сдал ее государственной комиссии. В те же годы Королевым были

разработаны ракеты Р-2, Р-5 и Р-11, впоследствии принятые на вооружение.

В 1956 г. под руководством Королева была создана первая отечественная стратегическая баллистическая ракета с ядерным боевым зарядом Р-5М, ставшая основой ракетно-ядерного щита страны. В этот период ОКБ-1 стало самостоятельной организацией, главным конструктором и директором которой был назначен С.П. Королев. В следующем году под его руководством были созданы первые мобильные баллистические ракеты наземного и морского базирования.

В 1960 г. на вооружение ракетных войск стратегического назначения была принята первая межконтинентальная ракета Р-7, которая обеспечивала достижение первой космической скорости и возможность вывода на околоземную орбиту летательных аппаратов массой в несколько тонн. До этого с ее помощью были выведены на орбиту первые три искусственных спутника Земли. Позднее Королев, избранный в 1958 г. действительным членом Академии наук, говорил: «Он был мал, этот самый первый искусственный спутник нашей старой планеты, но его звонкие позывные разнеслись по всем материкам и среди всех народов как воплощение дерзновенной мечты человечества». Когда о первом запуске стало известно президенту США Эйзенхауэру, он воскликнул: «Если бы в России свершилась еще одна Октябрьская революция, я еще поверил бы, но в то, что русские запустили спутник, – никогда». Но самую глубокую оценку событию, по мнению Королева, дал Ф. Жолио-Кюри: «Это великая победа человека, которая является поворотным пунктом в истории цивилизации. Человек больше не прикован к своей планете»… Впоследствии Р-7 была модифицирована и превращена в трехступенчатый носитель для вывода «лунников» и полетов с человеком. Это была блестящая победа Королева и его сотрудников.

В дальнейшем гениальный ученый разработал более совершенную компактную двухступенчатую межконтинентальную ракету Р-9, принятую на вооружение в 1962 г., и начал первым в стране разрабатывать твердотопливную межконтинентальную ракету РТ-2, которая была освоена военными уже после его смерти.

Все время, занимаясь боевыми баллистическими ракетами, Сергей Павлович мечтал о покорении космического пространства человеком. Поэтому он еще в 1949 г. начал регулярные эксперименты по изучению параметров ближнего космического пространства, солнечных и галактических излучений, магнитного поля Земли, поведению высокоразвитых животных в космических

условиях, а также отработки средств жизнеобеспечения и возвращения животных на Землю из космоса – было произведено около 70 специальных запусков ракет. Этим Сергей Павлович заблаговременно заложил серьезные основы для штурма космоса человеком.

12 апреля 1961 г. люди Земли узнали о том, что в СССР осуществлен первый запуск ракеты с человеком на борту. Весь мир с восторгом произносил по-русски ставшие сразу знаменитыми слова: «Гагарин», «Восток», «космос». В редакционной статье «Нью-Йорк таймс» писала, что полет пилотируемого корабля-спутника – «величайший подвиг в истории извечного стремления человека покорить силы природы…»

При жизни Королева на его космических кораблях в космосе побывало еще десять советских космонавтов, а 18 марта 1965 г. А.А. Леонов осуществил выход человека в открытый космос.

Продолжая развивать программу пилотируемых околоземных полетов, Королев приступил к реализации своих идей о разработке долговременной орбитальной станции. Ее прообразом стал принципиально новый, более совершенный, чем предыдущие, космический корабль «Союз». В состав этого корабля входил бытовой отсек, где космонавты могли бы долгое время находиться без скафандров и проводить научные исследования. В ходе полета предусматривались также автоматическая стыковка на орбите двух кораблей «Союз» и переход космонавтов из одного корабля в другой через открытый космос в скафандрах. К сожалению, Сергей Павлович не дожил до первого старта «Союза», явившегося реальным воплощением его гениальных идей.

Для реализации пилотируемых полетов и запусков автоматических космических станций Королев разработал на базе боевой ракеты семейство совершенных трехступенчатых и четырехступенчатых носителей. Таким образом, его вклад в развитие отечественной и мировой пилотируемой космонавтики является решающим.

Параллельно с бурным развитием пилотируемой космонавтики велись работы над спутниками научного, народно-хозяйственного и оборонного назначения. В 1958 г. были разработаны и выведены в космос геофизический спутник, а затем и парные спутники «Электрон» для исследования радиационных поясов Земли. В следующем году были созданы и запущены три автоматических космических аппарата к Луне. В дальнейшем Королев приступил к разработке более совершенного лунного аппарата для его мягкой посадки на поверхность Луны,

фотографирования и передачи на Землю лунной панорамы.

Сергей Павлович был генератором многих неординарных идей и прародителем выдающихся конструкторских коллективов, работающих в области ракетно-космической техники. Можно только удивляться многогранности его таланта и неиссякаемой творческой энергии. В конце 1965 г. Королев писал: «То, что казалось несбыточным на протяжении веков, что еще вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра – свершением. Нет преград человеческой мысли!» В тот момент Сергей Павлович уже дал согласие на хирургическую операцию на прямой кишке, не подозревая, что диагноз «кровоточащий полип» на самом деле представляет собой запущенную саркому. Умер он через две недели, 14 января 1966 г., на операционном столе московской больницы – сердце не выдержало многочасовой нагрузки.

Легенда о безымянном Главном конструкторе советской ракетной техники была развеяна уже на следующий день. Из правительственного некролога весь мир узнал о том, кто скрывался под именем таинственного «Главного». Урна с прахом С.П. Королева была торжественно захоронена в Кремлевской стене. В 1966 г. Академия наук СССР учредила золотую медаль имени С.П. Королева «За выдающиеся заслуги в области ракетно-космической техники» и именные стипендии для студентов высших учебных заведений. В Житомире, в Москве, на Байконуре, в других городах были сооружены памятники ученому и созданы мемориальные дома-музеи. Его имя носят авиационный институт, улицы многих городов, два научно-исследовательских судна, высокогорный пик на Памире, перевал на Тянь-Шане, астероид и горное образование на Луне.

Костомаров Николай Иванович (род. в 1817 г. – ум. в 1885 г.)

Украинский и российский историк, этнограф, писатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1876 г.), один из руководителей Кирилло-Мефодиевского общества, автор исторических исследований «Богдан Хмельницкий», «Руина», «Мазепа», «Бунт Стеньки Разина», «Северорусские народоправства», «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» и других работ.

Творческое наследие Н.И. Костомарова, полвека служившего отечественной науке и культуре, велико и многогранно. Он создал целую портретную галерею исторических деятелей, обстоятельно исследовал многие важнейшие проблемы как украинской, так и российской истории, впервые рассмотрев народ как ее главную движущую силу. «История – это не описание жизни вождей и идей, а описание стремлений, действий и чувств народа» – таким было кредо Костомарова, которому он стремился следовать на протяжении всей своей жизни.

Николай Костомаров появился на свет 16 мая 1817 г. в слободе Юрасовке Острогожского уезда Воронежской губернии. Судьба сложилась таким образом, что родился он подневольным. Его отцом был помещик Иван Петрович Костомаров – бывший суворовский капитан, участник взятия Измаила, а матерью – Татьяна Петровна Мельникова, крепостная отца, на которой он

женился спустя три месяца после рождения сына. Иван Петрович так и не успел усыновить Николку, и тот по положению оставался крепостным.

Чувствуя свой отцовский долг, Костомаров-старший стремился дать сыну хорошее образование. После неплохой домашней подготовки, которой занимался сам отец, большой поклонник идей французских энциклопедистов XVIII в., Николай был отдан в Москву в частный пансионат. Там сразу же проявились блестящие способности мальчика, который заслужил от учителей прозвище «enfant miraculeux» (чудесный ребенок).

В июле 1828 г. случилась трагедия – крестьяне убили отца. Современники свидетельствуют, что «убийство было совершено частью из мести, частью из-за грабежа». Учебу пришлось прервать. К тому же на имение предъявили претензии двоюродные братья Ивана Петровича. После сложных переговоров мать согласилась отдать им 14 тыс. десятин земли в обмен на 50 тыс. рублей отступных и вольную Николаю.

Татьяна Петровна сразу же определила сына в частный пансион в Воронеже, из которого он вскоре был исключен за шалости. Окончив курс в воронежской гимназии, он в 1833 г. поступил в Харьковский университет. Первые годы пребывания на историко-филологическом факультете, который в ту пору не блистал профессорскими дарованиями, Костомаров впоследствии вспоминал как «беспорядочные»: он увлекался то иностранными языками, то классической древностью, то новой французской литературой и немецкой философией, но работал без надлежащего руководства и системы. Большое влияние на Николая оказали лекции профессора всеобщей истории М.М. Лунина; он с жаром отдался изучению истории, хотя свое настоящее призвание осознавал все еще смутно.

Окончив университет в 1837 г. со степенью кандидата, Костомаров определился на службу в Кинбурнский драгунский полк в Острогожске, однако вскоре понял, что военная служба ему чужда. Увлекшись изучением сохранившегося в городе архива уездного суда, Николай задумал писать историю слободских казачьих полков. Оставив полк осенью 1837 г., он вновь приехал в Харьков с намерением пополнить свое историческое образование.

Начался новый период жизненного пути молодого Костомарова. Юноша слушал лекции, штудировал исторические произведения, осмысливал прочитанное. Весну 1838 г. он провел в Москве, посещая лекции в университете и работая в библиотеках. Уже в это время история сделалась для него «любимым до страсти предметом».

Размышления о содержании исторической науки привели Костомарова к мысли о приоритетности истории народа и его духовной жизни перед историей государства. При этом начинать нужно «с изучения своего русского народа, а так как жил тогда в Малороссии… то и решил начать с его малорусской ветви, изучать которую нужно не только по мертвым летописям и запискам, а и в живом народе». Костомаров начал учить украинский язык, перечитал печатную литературу на украинском языке, предпринимал экскурсии из Харькова «по соседним селам и шинкам», слушая народные песни.

Большую роль в его становлении сыграло общение с такими известными литераторами и учеными, как филолог-славист И. Срезневский, украинский поэт и профессор русской истории Харьковского университета П. Гулак-Артемовский, писатель Г. Квитка-Основьяненко, поэт и фольклорист А. Метлинский. Под впечатлением повестей Гоголя Костомаров сам взялся за перо. Уже в 1838 г. он издал под псевдонимом Иеремия Галка свое первое литературное произведение – драму «Савва Чалый», написанную на украинском языке. В следующем году вышел сборник стихов «Украинские баллады», чуть позже – «Ветка». «Любовь к малорусскому слову, – писал Николай Иванович, – более и более увлекала меня; мне было досадно, что такой превосходный язык остается без всякой литературной обработки и, сверх того, подвергается совершенно незаслуженному презрению».

В 1840 г. Николай Костомаров выдержал магистерский экзамен и в 1842 г. напечатал диссертацию «О значении унии в Западной России», которая, однако, в связи с протестом церковных властей и министра просвещения Уварова была снята с защиты, а все экземпляры сожжены. По мнению цензоров, автор слишком отрицательно изобразил духовенство и слишком сочувственно – восстания крестьян и казаков.

Получив разрешение писать диссертацию на другую тему, Костомаров остался верен себе. 13 января 1844 г. ему была присвоена степень магистра исторических наук за защиту диссертации «Об историческом значении русской народной поэзии». Едва окончив ее, молодой ученый приступил к написанию работы о Богдане Хмельницком, ставшей важнейшей в его жизни. Кроме того, он, желая ближе узнать местность, где происходили описываемые им события, определился учителем гимназии – сперва в Ровно, а затем в Киеве (1845 г.).

В 1846 г. Ученый совет Киевского университета единогласно избрал Н.И. Костомарова адъюнкт-профессором кафедры русской истории. Он продолжал работать над книгой о Хмельницком,

приготовил и опубликовал извлечения из своих лекций отдельной книгой под названием «Славянская мифология».

В Киеве Николай Иванович сблизился с представителями украинской интеллигенции Н. Гулаком, А. Марковичем, В. Белозерским, П. Кулишом, Т. Шевченко. Вскоре в их среде зародилась и окрепла идея создания общества, целью которого было бы осуществление идей славянского единства на принципах равноправия народов, ликвидации крепостного права, религиозной и социальной свободы. Такой организацией и стало Кирилло-Мефодиевское общество. Костомаров разработал его основные программные положения, изложенные как в «Уставе и правилах», так и в «Книге бытия украинского народа», воззваниях «Братья украинцы», «Братья великороссияне и поляки». В марте 1847 г. Кирилло-Мефодиевское общество в результате доноса подверглось разгрому, ученый в числе других его членов был арестован. После годичного пребывания в Петропавловской крепости при довольно мягком режиме (разрешалось пить чай, курить сигары, читать книги, писать карандашом) Костомаров был отправлен в Саратов в административную ссылку под надзор полиции с запрещением в будущем как преподавания, так и писания произведений. В дорогу он получил 300 рублей, ящик гаванских сигар и право останавливаться в пути, где и сколько захочет. Его матери было выдано профессорское жалование сына за весь срок тюремного заключения. Вскоре она отправилась вслед за Николаем в провинциальный поволжский город.

В Саратове ученый не оставил своей работы. Он служил в статистическом управлении, собирал сведения по истории и этнографии губернии. Имея довольно много свободного времени, Костомаров продолжил писать своего «Богдана Хмельницкого», начал новую работу о внутреннем быте Московского государства XVI – XVII вв., совершал этнографические экскурсии, собирал народные песни и предания. За примерное поведение ему были разрешены отпуска в Крым и Петербург.

Весной 1859 г. Петербургский университет пригласил историка возглавить кафедру русской истории. Запрещение педагогической деятельности было снято, и в ноябре этого же года Костомаров как экстраординарный профессор университета приступил к чтению лекций. О его мастерстве лектора, о глубокой научности лекций и богатстве их фактического материала буквально с первых же дней среди студентов ходили легенды. Почти каждая лекция ученого заканчивалась овацией.

Его слушателями были не только студенты, но и коллеги, друзья-историки, писатели, художники. Многие из них, в том числе Т. Шевченко, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, И.

Тургенев, В. Белозерский, П. Кулиш, Н. Ге, В. Стасов, А. Пыпин, собирались по вторникам у Костомарова дома, обсуждая вопросы истории и современности. Вместе с некоторыми бывшими членами Кирилло-Мефодиевского общества Николай Иванович учредил журнал «Основа», на страницах которого публиковались материалы, посвященные истории и культуре Украины. Некоторые свои работы напечатал в «Основе» и сам ученый («О федеративном начале Древней Руси», «Две русские народности», «Черты народной южнорусской истории» и др.).

Эти и другие произведения вызвали не только научные споры, но и прямые нападки представителей официальной историографии, обвинявших ученого в попытке «разложения отечества» и в «украинофильстве». Но Костомаров переживал все неприятности в себе и полностью погрузился в научную работу, стараясь не ввязываться в эти споры и не обращать внимания на обвинения. В то же время он продолжал выступать с публицистическими и историческими статьями, писать художественные произведения, читать лекции в университете.

После вызванного студенческими беспорядками 1861 г. закрытия Петербургского университета несколько профессоров, в том числе и Костомаров, устроили в Городской Думе систематические публичные лекции, известные как Вольный университет. Сам ученый читал лекции по древней истории Российского государства. Когда один из профессоров был уличен в неблагонадежности и выслан из столицы, студенческий комитет решил в качестве протеста прекратить лекции. Костомаров, не желая идти на поводу у толпы, отказался подчиниться этому решению. Но на следующей его лекции 8 марта 1862 г. поднятый публикой шум все же заставил его прервать чтение. Вскоре Николай Иванович, высоко ставивший честь ученого и гражданина, вышел из состава профессуры Петербургского университета.

В жизни Костомарова снова произошел крутой поворот, необходимо было искать, куда приложить силы и знания. Свой профессиональный долг и предназначение в жизни он видел только в продолжении избранного им пути в исторической науке. Ученый так и не смог вернуться к преподавательской деятельности – его политическая благонадежность вновь была под подозрением. В 1863 г. его приглашал на кафедру Киевский университет, а год спустя – Харьковский, но Костомаров по указанию Министерства народного просвещения отклонил все эти предложения. В дальнейшем он ограничился только литературной деятельностью, которая после закрытия «Основы» (1862 г.) вошла в более узкие рамки. Николай Иванович как бы

охладел к современности, с головой уйдя в изучение прошлого, день и ночь напролет работая в библиотеках и архивах. Изнурительный труд часто приводил, как он сам писал, к «слуховым и зрительным галлюцинациям». К тому же резко ухудшилось здоровье: портилось зрение, участились головные боли, начали прогрессировать радикулит и артрит, не помогали даже излюбленные водные процедуры.

С 1861 по 1865 г. Костомаров написал и издал более 200 работ, среди которых такие крупные исследования, как «Северорусские народоправства», «Ливонская война», «Смутное время Московского государства», «Последние годы Речи Посполитой», «Руина», «Мазепа», три тома «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», а также многочисленные повести, рассказы, очерки, исследования в области фольклора. Большую работу вел ученый и как член Археографической комиссии. Им были разысканы и обработаны многочисленные исторические документы, вошедшие в многотомное издание «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России». Н.И. Костомаров был также редактором трех выпусков «Памятников старинной русской литературы». Он подготовил к изданию и отредактировал произведения Т. Шевченко (1866 г.), участвовал в публикации «Русской исторической библиотеки», журнала «Вестник Европы», во многих исторических съездах.

В январе 1875 г. Костомаров тяжело заболел. Болезнь протекала с осложнениями. В самый острый ее период скончалась мать, Татьяна Петровна – самый близкий ему человек. Потрясенный новым горем, больной с большим трудом шел на поправку. К тому же зрение неуклонно продолжало угасать. Ученый практически совсем не видел, и врачи предписали срочный отдых.

Заботы о его здоровье взяла на себя Алина Леонтиевна Крагельская, давняя ученица Костомарова и его бывшая невеста. Много лет назад они были разлучены судьбой. И только теперь так и не женившийся одинокий «старик» и овдовевшая мать троих детей смогли соединиться. Обвенчавшись 9 мая 1875 г., супруги переехали из шумной столицы в село Дедовцы на Полтавщине. Немного поправившись, историк вернулся к любимым занятиям. Но болезнь и годы брали свое. Н.И. Костомаров скончался 7 апреля 1885 г. в своей петербургской квартире на Васильевском острове и был похоронен на «Литературных мостках» Волковского кладбища.

Можно с уверенностью сказать, что в те времена имя Костомарова было известно каждому образованному человеку. По

его произведениям изучала историю вся Россия. И по-прежнему вызывает искреннее восхищение поистине титаническая работоспособность Николая Ивановича Костомарова, широта его интересов, яркость изложения исторических событий и фактов.

Котляревский Иван Петрович (род. в 1769 г. – ум. в 1838 г.)

Выдающийся украинский писатель, драматург, театральный и общественный деятель, исследователь истории и фольклора, один из организаторов профессионального театра. Первый классик новой украинской литературы.

Еней був парубок моторний
І хлопець хоч куди козак…

Каждый украинец с детства помнит эти первых строки едва ли не самой веселой украинской поэмы «Энеида», автором которой является И.П. Котляревский. Его произведения действительно бессмертны: «Энеида» Котляревского остается энциклопедией украинского быта XVIII ст., а «Наталка Полтавка» и «Москаль-чародей» почти два века не сходят с театральной сцены, поражая зрителя актуальностью текстов.

Родился Иван Петрович 9 сентября 1769 г. в Полтаве, в семье дворянина, который служил канцеляристом в городском магистрате. Дом Котляревских стоял в одном из самых живописных уголков города, который в то время напоминал скорее большое село. С высокого холма открывалась панорама далеких лесов и полей, среди которых серебрилась воспетая поэтами Ворскла. Здесь, в кругу босоногих ровесников, пролетело

детство будущего поэта. «Нередко приходилось ему, – писал один из биографов Котляревского, – удовлетворяться куском хлеба и ходить босым, но живая и веселая натура помогала ему сносить домашние нужды».

Получив начальное образование, как и водилось тогда, у местного дьячка, Иван десятилетним мальчиком пошел учиться в Екатеринославскую семинарию Полтавы. Обучение здесь, по обыкновению, длилось 10-13 лет и начиналось с чтения и письма, но постепенно включало русский и латинский языки и литературу, поэтику, риторику, философию и богословие. Изучая поэтику и риторику, семинаристы приобретали практические навыки перевода и подражания латынью произведениям Вергилия, Овидия, Горация. На годы обучения Котляревского пришлась государственная реформа школьного образования, в результате чего он получил возможность выучить еще и французский, с которого впоследствии свободно переводил.

Иван легко впитывал азы науки, так что руководство семинарии сразу же перевело способного ученика на класс выше. Он рано начал сочинять стихи, смешные и удачные, за что одноклассники прозвали его «рифмачом». Мальчик увлекался античной литературой, искусно играл на скрипке. В числе четырех лучших воспитанников Ивану предложили продолжить обучение в Петербургской Александро-Невской семинарии.

Смерть отца заставила его прервать учебу. 20-летним юношей Иван начал служить чиновником в полтавских канцеляриях, а со временем – учительствовать в помещичьих семьях. «В этот период своей жизни бывал он на сборищах и играх народных и сам… принимал участие в них, очень внимательно вслушивался в народную речь, записывал песни и слова, изучал язык, характер, обычаи, обряды, верования, предания украинцев, словно готовя себя к будущей работе…»

Тогда же, в 1794 г., писатель начал работу над прославленной «Энеидой». За два года он завершил первые три части поэмы. Они были опубликованы в 1798 г. в Петербурге, без согласия и ведома автора, под названием «Энеида на малороссийский язык перелицованная И. Котляревским». Изданием занимался коллежский асессор М. Папурин, по происхождению конотопский помещик, который очень интересовался украинской литературой и музыкой.

Не достигнув высокого социального положения на гражданской службе, Котляревский решил испробовать себя на военной. В 1796 г. он вступил в Северский карабинерский полк, сформированный на основе украинских казачьих сотен, и в его составе принимал участие в русско-турецкой войне 1806 – 1807

гг. Во время военных действий под Бендерами, при осаде Измаила Иван Петрович исполнил ряд ответственных поручений, проявив при этом незаурядные способности. В частности, он блестяще справился с заданием по «склонению буджацких татар» на сторону России. За отвагу Котляревского отметили несколькими наградами. Считая, что этого достаточно для получения прибыльной должности, писатель в 1808 г. вышел в отставку в чине капитана и отправился в Петербург. Но из-за отсутствия знакомств и связей попытка устроиться на хорошую службу оказалась напрасной. А. Терещенко, один из биографов, писал по этому поводу: «Тут он долго тынялся по прихожим сильных мира, просил, но просил напрасно. Хотя «Энеида» была издана еще в 1798 г., но не намного помогла поэту: на него смотрели как на каждого бедняка без помощи и протекции». Во время пребывания в Петербурге Иван Петрович предпринял первое авторское издание поэмы, которая вышла под названием «Вергилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная И. Котляревским». На титульном листе помещалось авторское примечание: «Вновь исправленная и дополненная противу прежних изданий».

По возвращении из столицы в родную Полтаву Котляревский получил место смотрителя Дома воспитания детей бедных дворян. Это учреждение отличалось светским характером и давало знания по математике, географии, черчению, литературе, военному делу. На этой должности Иван Петрович зарекомендовал себя как талантливый педагог и организатор образовательного процесса. Он прививал воспитанникам идеи Просвещения: гуманное отношение к людям, справедливость, честность. Не случайно Т. Шевченко в повести «Близнецы» высоко оценил общественную деятельность Котляревского, его моральные принципы, говоря о нем как о человеке простом и гуманном, который любил «все благородное, в каком бы образе оно не явилось».

Добросовестность и энергичность Котляревского были замечены тогдашним малороссийским генерал-губернатором Я. Лобановым-Ростовским, который с началом Отечественной войны 1812 г. поручил ему как бывшему военному формирование казацкого полка. Правда, непосредственного участия в боях писателю принимать не пришлось. Но ему не раз давались ответственные поручения военного характера: он выезжал с депешами в ставку русской армии, размещавшуюся в Дрездене. В это же время Иван Петрович работал над пятой частью «Энеиды» и делал русский перевод «Оды Сафо». Котляревского считают также автором кантаты «Малороссийских губерний общий хор»,

написанной, очевидно, в конце 1814 – начале 1815 г. в честь победы над Наполеоном.

В 1816 г. вместо Я. Лобанова-Ростовского генерал-губернатором был назначен князь Н. Репнин. Правителем его канцелярии стал известный просветитель Н. Новиков, который основал в Полтаве масонскую ложу «Любовь к истине», куда вошел и Котляревский. Писатель исполнял в ней обязанности председательствующего и одновременно был активным членом полтавского отделения Библейского общества.

В начале 1820-х гг. имя Котляревского как писателя и культурно-общественного деятеля не только пользовалось огромной популярностью на Украине, но и было хорошо известно в России, в частности в культурных кругах Петербурга. Печатая отрывок из пятой части «Энеиды», журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» в 1822 г. дал такое примечание: «Предоставленный обществу известным автором И.П. Котляревским. Предлагаем его читателям журнала, надеясь, что приверженцы этого произведения, наполненного необычной веселости, острот и со всех точек зрения очень оригинального, получат удовольствие».

Уже во второй половине XIX в. исследователи литературы отмечали, что творчество И. Котляревского ознаменовало собой начало новой эры украинской литературы. Поэма «Энеида», над которой он работал почти три десятилетия, стала эпохальным по общественной и художественной ценности явлением в духовной жизни украинского народа. Даже современники воспринимали «Энеиду» как своеобразную хрестоматию народной жизни, панораму быта и обычаев. Конечно же, основным источником вдохновения мастеру служила тогдашняя действительность, которая изображалась им новыми творческими методами. Украинские типы, неожиданные ситуативные ходы и позиции он изобразил с любовью и выразительностью. Щедрый юмор только дополнял образную завершенность героев поэмы. За мифологической ширмой четко проступают очертания общества того времени, со всей его несправедливостью. Национальная же особенность характера украинского народа – необоримое свободолюбие, которое способно стереть все преграды на своем пути. Эта идея проходит сквозь всю художественную структуру «Энеиды». Поэма, несмотря на внешнюю комичность, имела серьезное общественное значение, и, как считает большинство историков, с нее началось мощное движение национального возрождения.

С. Ефремов, идеолог украинского национального движения, писал: «Не будучи, как справедливо считают, гением, если мерить

мировым масштабом, Котляревский сделал, однако, гениальное дело, дав сознательный почин молодому свежему писательству и общественному движению. А такие заслуги не забываются, и когда украинский народ кладет и свое что-то в общемировую сокровищницу духовного приобретения, то необходимо помнить, что началось это у нас с Котляревского».

Выдающийся писатель стал и автором двух драматических произведений, давших начало новой украинской драматургии. В конце XVIII – начале XIX в. школьная драма сходит со сцены. Исчезают также комические интермедии и кукольный театр-вертеп, уже не отвечавшие запросам общества. Возникает необходимость в создании реалистичной, писанной народным языком литературы и драматургии, которая раскрывала бы близкие народу темы. Украинская литература до Котляревского не имела еще таких пьес. Первые театры в Украине пользовались пестрым репертуаром, в котором преобладали низкопробные заграничные водевили и мелодрамы. Единственной пьесой из жизни украинского села была псевдонародная опера «Казак-стихотворец», которую Котляревский нещадно критиковал за идиллически-пасторальные картины и искажение исторических фактов.

Сам писатель, будучи одним из директоров полтавского театра в 1818-1821 гг., заботился об организации оригинального репертуара, который бы отображал быт украинского народа. Поэтому написанные Котляревским «Наталка Полтавка» и «Москаль-чародей» еще задолго до публикации обрели жизнь на сцене. В это время Иван Петрович познакомился с актером-крепостным Михаилом Щепкиным, который выступал в составе гастролирующей в Полтаве группы Штейна. Оценив огромный талант Щепкина, он близко сошелся с ним и помог ему выкупиться из неволи. Есть свидетельства, что роли Выборного и Чупруна предназначались именно для Щепкина, и на протяжении всей своей жизни он не разлучался с этими образами. Общая театральная деятельность Котляревского и Щепкина в течение четырех лет дала ощутимые результаты: Полтавский театр стал ведущим в Украине.

В последние годы жизни писатель почти не выезжал из Полтавы. В 1827 г. ему предложили занять должность попечителя Полтавского благотворительно-лечебного учреждения. Постоянно работая, он, как и раньше, помогал обиженным, заботился о больных и бедных. В памяти современников Котляревский остался приветливым, добрым человеком, который пользовался любовью всех, кто с ним встречался. С. Стеблин-Каменский, который лично знал писателя, вспоминал, что тот был душой

любого общества, прекрасным рассказчиком, умел говорить о серьезных вещах весело, шутил без какой-либо язвительности; язык его был красочным, пересыпанным пословицами и поговорками.

Котляревский был хорошо знаком с культурно-художественной жизнью страны, поддерживал тесные отношения с рядом писателей, журналистов, ученых. Он прекрасно знал памятники старины, разбирался в украинском фольклоре и этнографии. Котляревский часто помогал ученым-историкам и этнографам – Б. Бантышу-Каменскому (автору «Истории Малой России»), И. Срезневскому, В. Пассекову. В 1821 г. его избрали почетным членом «Вольного товарищества любителей российской словесности».

Если о литературной и общественной деятельности Котляревского сохранилось много сведений, то его личная жизнь остается большой загадкой. Известно, что женат он не был, но, как отмечают его биографы, «у него были незаконнорожденные дети, которых он обеспечивал и выводил на волю». Где сейчас потомки поэта, никому не известно, хотя в самой Полтаве эту фамилию носят десятки людей.

Относительно избранниц Котляревского существует немало легенд. Одна из них говорит, что молодой поэт влюбился в простую сельскую девушку Наталку, но из-за бедности не смог на ней жениться. Это и стало причиной личной психологической драмы, которая подтолкнула его к созданию бессмертной «Наталки Полтавки». Другая версия гласит, что какой-то помещик из Золотоноши пригласил семинариста Котляревского учить своих детей. У этого помещика жила батрачка Маруся. Она полюбила молодого учителя, за что разгневанный пан сейчас же отправил ее к тетке на Киевщину. Иван же вступил в драгунский полк. Дослужившись до офицерского звания, он послал Марии золотое обручальное кольцо, предложив ей руку и сердце, но никакого ответа так и не получил.

Как бы там ни было, последние годы жизни писатель доживал в одиночестве. В 1835 г. из-за болезни Котляревский оставил службу и ушел в отставку. Он совсем мало выходил из дому, но его постоянно навещали друзья и знакомые. Незадолго перед смертью Иван Петрович отпустил на волю две семьи своих крепостных и раздал имущество родственникам и знакомым. Умер Котляревский 29 октября 1838 г. На похороны сошлись жители всего города, отдавая последнюю дань уважения великому писателю и простому искреннему человеку. Позже на его могиле поставили памятник в виде невысокой колонны с позолоченным крестиком, где на медной доске была сделана

надпись: «Майор И.П. Котляревский, сочинитель "Энеиды" на малороссийском наречии».

30 августа 1903 г. в Полтаве был торжественно открыт памятник первому классику новой украинской литературы, исполненный известным скульптором Л. Позеном. В речи на этом празднике М. Коцюбинский, характеризуя роль Котляревского в развитии украинской культуры, подчеркнул, что «забытое и заброшенное под крышу слово, как Феникс из пепла, воскресло снова и громко зазвучало по необъятным мирам» из его произведений.

Эти слова Коцюбинского перекликаются со стихотворением Т. Шевченко «На вечную память Котляревскому»:

Будеш, батьку, панувати,
Поки живуть люди;
Поки сонце з неба сяє,
Тебе не забудуть!

Коцюбинский Михаил Михайлович (род. в 1864 г. – ум. в 1913 г.)

Украинский писатель и общественный деятель.

«Я весь среди своих героев – живу их жизнью, разделяю их горе и радости, говорю их языком и проникаюсь их интересами», – писал Михаил Коцюбинский, объясняя тайну необычайной правдивости своих книг. Друг Ивана Франко, соратник Максима Горького, он принадлежал к когорте выдающихся прозаиков, положивших начало развитию критического реализма в украинской литературе. Наблюдательному по натуре писателю, умеющему тонко чувствовать все грани человеческой души и искренне любящему народ, удалось в своих произведениях создать ряд блестящих образов, обогативших украинскую культуру, и дать ответ на многие вопросы, волновавшие общество.

В творческой биографии Коцюбинского нет изломов и неожиданных поворотов судьбы. Он был сыном своего времени – трудных предреволюционных лет. Михаил Михайлович родился 15 сентября 1864 г. в Виннице в семье мелкого чиновника. Отец мальчика, человек добрый и трудолюбивый, отличался тем не менее неуравновешенным характером и нежеланием мириться с несправедливостью начальства. Это вынуждало его часто менять работу, переезжая из одного города в другой. Вместе с ним «путешествовала» и семья. Спустя много лет Коцюбинский вспоминал: «Детство мое (до 7 лет) прошло в г. Виннице, а потом

пришлось жить то в селе, то снова в городе, все на том же богатом природой, теплом прекрасном Подолье». Несмотря на сложную материальную ситуацию, в семье Коцюбинских царила веселая атмосфера. Маленький Миша был общим любимцем. С особой нежностью относилась к нему мать – Гликерия Максимовна. Именно она привила будущему писателю интерес к книгам и глубокое понимание литературы. С ранних лет Михаил увлекался народными песнями, с удовольствием слушал выступления певцов на ярмарках. Один из них, слепой дед Куприян, некоторое время жил в семье Коцюбинских. Его рассказы о тяжелой жизни простых крестьян и заунывные народные песни произвели на мальчика неизгладимое впечатление. В возрасте 9-10 лет он сам начал сочинять песни, а в 12 лет написал большую повесть.

В 1874 г. Коцюбинские переехали в г. Бар. Здесь Михаил поступил в последний (третий) класс начальной школы, по окончании которой продолжил образование в Шаргородском духовном училище. Однако схоластическая наука ничуть не привлекала юношу. Спасения от нудных лекций и моралей наставников он искал в книгах. «Среди тех авторов, которых я глотал десятками, наибольшее впечатление произвел на меня Марко Вовчок, а потом Шевченко», – вспоминал писатель.

Окончив училище, Коцюбинский вместе с другими выпускниками отправился в Каменец-Подольский, где сблизился с революционно настроенной молодежью, участниками «Подольской дружины», подольской группы партий «Народная воля», «Немцовская лига» и др. По мнению писателя, общение с ними дало ему больше, чем мог бы дать самый лучший университет: это были дни «настоящего искания правды в жизни».

За связь с подольскими народовольцами Михаил попал под надзор жандармов. С этого времени и до последнего дня жизни их «ласковая опека» не покидала Коцюбинского. Но вместе с тем несправедливость в отношении к нему и его друзьям наложила отпечаток на формирование мировоззрения писателя: он все больше и больше убеждался в необходимости свержения существующего режима.

В 1881 г. Коцюбинские вернулись в Винницу. Семнадцатилетнему Михаилу пришлось взвалить на свои плечи груз заботы о семье: отец остался без работы, мать ослепла. Втайне от полиции юноша начал давать частные уроки, а все свободное время посвящал творчеству. В Виннице появились первые произведения Коцюбинского: «Андрей Соловейко, или Ученье – свет, а неученье – тьма» (1884 г.), «Дядька и тетка» (1886 г.). В этих ранних опытах писателя уже заметно явное тяготение к реализму в создании картин жизни простого народа, интерес к

сельской тематике и психологическому анализу, а также критика эксплуататорской сути царской политики. Кроме того, молодой литератор подчеркивал необходимость получения образования, которое могло изменить жизнь к лучшему. Книги Коцюбинского по замыслу автора были предназначены для народа, что во многом обусловило их художественную форму: несколько упрощенная композиция, просторечные выражения, иногда писатель детально передавал брань героев, в описаниях допускал элементы натуралистического изображения.

После смерти отца, чтобы как-то свести концы с концами и прокормить семью, Михаил в феврале 1886 г. уехал в село Михайлову, где работал домашним учителем у помещика. Вернувшись в Винницу, он продолжал давать частные уроки. Несмотря на занятость и постоянную заботу о хлебе насущном, Коцюбинский принимал активное участие в общественной жизни города, выступал на заседаниях Винницкой думы.

13 апреля 1890 г. во львовском журнале для детей «Звонок» было впервые опубликовано стихотворение Коцюбинского «Наша хатка». В этом же году писатель поехал во Львов, где познакомился с редакторами многих изданий, встретился с И. Франко. С этого времени Коцюбинский стал постоянным сотрудником западноукраинских журналов и газет и часто посылал в них свои стихотворения, рассказы, научно-популярные статьи, зарисовки и переводы. Но литературная деятельность начинающего писателя не приносила стабильного дохода, поэтому 29 октября 1891 г. Михаил Михайлович экстерном сдал экзамен на народного учителя и выехал в с. Лопатинцы, где снова стал работать домашним учителем в состоятельной семье. В свободное от занятий время Коцюбинский знакомился с крестьянским бытом, изучал народные обьиаи, поверья и приметы, записывал легенды и исторические песни (особенно про Кармелюка). Все это положительно отразилось на творчестве писателя. В 1890-х гг. он опубликовал свои стихотворения («Вечер», «Завидущий брат»), рассказы для детей («Харитя», «Елочка», «Маленький грешник»). Кроме того, им были написаны научно-популярные статьи («Шевченкова могила», «Жизнь украинцев в маленьких городах» и т. д.).

Творчество писателя, особенно детские рассказы, высоко оценили известные украинские литераторы. Так, Панас Мирный писал о «Харите»: «Прочитал я ее, и дух перехватило!.. В такой маленькой повестушке и столько много сказано! И как сказано! Чистым, как ключевая вода, народным языком; ярким, как солнечный луч, рисунком, маленькими отмеренными набросками, которые разворачивают перед глазами большую -

безмерно большую – картину людского горя, красоты мировой, открывают бездонную глубину мыслей, тайные порывы души, перебои маленького сердца!.. да так только настоящий художник может писать!»

Продолжая активно работать, в 1890-е гг. Коцюбинский создал свою первую повесть «На веру», а также рассказы «Пятизлотник», «Цеповяз», «Отомстил», «Хо», «На крыльях песни», в которых четко прослеживается становление творческой манеры писателя: несмотря на множество чисто описательных моментов и пейзажей, все больше внимания уделяет он психологическому анализу героев, подчеркивает их протест против прогнившей морали и желание быть счастливыми.

Важную роль в развитии таланта Коцюбинского сыграло его назначение на должность распорядителя Одесской филоксерной комиссии. Несколько лет он работал в разных областях страны, много времени провел на южном берегу Крыма. Постоянные переезды обогатили писателя новыми впечатлениями: Михаил Михайлович получил возможность познакомиться с историей Бессарабии, жизнью молдаван и татар, которым посвятил несколько произведений: «Ради общего блага» (1896 г.), «Ведьма» (1898 г.) и др. Следует отметить, что работа в филоксерной комиссии не приносила писателю удовлетворения: ему казалось, что это бесполезный труд, а сам филоксерист представлялся Коцюбинскому одним из паразитов на винограде; поэтому при первой же возможности Михаил Михайлович подал прошение об отставке.

Зиму 1894-1895 гг. писатель провел в Чернигове и Виннице. Здесь он познакомился с Верой Устимовной Дейшей, которая стала его женой, надежным товарищем и помощником во всех делах. «Ты единственный мой критик, которому я верю и на вкус которого могу положиться», – писал ей Коцюбинский в 1912 г. Любовь жены поддерживала его в трудные минуты, которые вскоре наступили: после свадьбы он серьезно заболел.

В 1898 г. Коцюбинские переехали в Чернигов: Михаил Михайлович получил должность делопроизводителя при Черниговской земской управе. Через некоторое время он стал заведовать столом народного образования и редактировать «Земский сборник». С переселением в Чернигов связан новый этап в жизни и творчестве Коцюбинского: здесь были созданы его лучшие произведения. В 1899 г. он написал новеллу «В путах шайтана», которая стала названием I тома собрания сочинений писателя – во Львове полным ходом шло его издание. Второй том («По-людски») вышел в свет в 1900 г. К этому времени Коцюбинский уже стал достаточно хорошо известным писателем

со своей яркой творческой манерой. И. Франко в статье «Из последних десятилетий XIX века» назвал его одним из лучших украинских новелистов, а через несколько лет отметил, что среди прозаиков Михаил Михайлович стоит на первом месте. И это не случайно: его произведения отличались реалистичностью, были написаны простым, но вместе с тем красочным языком. Примерами тому могут служить новеллы «На камне», «Поединок», «Цвет яблони», написанные в 1902 г., которые поражают пластичностью человеческих характеров, чувством слова, фиксированным подсознанием, импрессией, прекрасными пейзажами. Во многих работах Коцюбинского мастерски переплетены действительность, сказки, легенды и поверья («Тени забытых предков»), создавая незабываемое впечатление. А в повести «Fata morgana» (1904-1910 гг.) романтическая поэтизация героев и показ национального своеобразия народной жизни сочетаются с социальной заостренностью сюжета.

Революция 1905-1907 гг. всколыхнула прогрессивную интеллигенцию. Не остался в стороне и Коцюбинский. Он с головой окунулся в общественную работу: составлял тексты листовок, выступал на собраниях. Естественно, мысли и переживания писателя не могли не отразиться в его произведениях, где раскрыто немало актуальных тем. Изображению революционных событий посвящены «Смех» (1906 г.), «Он идет» (1906 г.), «Неизвестный» (1907 г.), «Persona grata» (1907 г.), «В дороге» (1907 г.), «Кони не виноваты» (1912 г.).

Активная общественная и литературная деятельность заметно подорвала и без того слабое здоровье писателя. Осенью 1911 г. он уехал на Капри к Максиму Горькому, где ему были созданы все условия, необходимые для труда и отдыха. Здесь Михаил Михайлович написал несколько рассказов, среди которых особое место занимает «На острове», где Коцюбинский сатирически изобразил богатых иностранных туристов и с глубокой симпатией отозвался о простом народе.

20 марта 1912 г. писатель вернулся домой и через несколько месяцев лег в больницу. Друзья и многочисленные поклонники ни на час не оставляли его. «Какие великолепные люди посещают меня ежедневно, – писал Михаил Михайлович, – приносят мне все, что я люблю, – цветы, книги, самих себя». В конце января Коцюбинский вернулся в Чернигов, а 25 апреля великий писатель умер. «Я жить хочу!» – это были его последние слова.

Похоронили Коцюбинского на Болдиной горе – его любимом месте отдыха. Последней его волей стала просьба о том, чтобы на похоронах не было попов и чтобы его не отпевали в церкви.

Творчество Михаила Коцюбинского, без сомнения, оказало

огромное влияние на дальнейшее развитие украинской литературы. На примере его произведений училось не одно поколение писателей, а его рассказы и повести, написанные красочным живым языком, навсегда вошли в сокровищницу мировой литературы.

Кравчук Леонид Макарович (род. в 1934 г.)

Как заметил кто-то из великих, судьба – не случай, а предмет выбора: ее не ждут, ее добывают в борьбе. Он добывал в борьбе ее постоянно, с самого детства, рассчитывая лишь на собственные силы. Наверное, судьба одобрительно оценила его настойчивость, если предоставила возможность стать одним из тех, кто получил право добывать в борьбе судьбу Украины, а в конечном счете – независимость Родины.

Первый Президент Украины родился 10 января 1934 г. в с. Большой Житин Ровенской области. До присоединения западно-украинских земель к УССР Кравчуки имели всего 1,5 га земли, которая должна была кормить всю семью. Приходилось работать по найму у более зажиточных крестьян, поэтому семья пошла в колхоз, надеясь спастись от нужды. Отец, Макар Алексеевич, стал агитатором, а мать, Ефимию Ивановну, избрали в местный совет. С приходом немцев отцу пришлось продолжительное время прятаться от преследований, потом он пошел на войну и погиб. Мать всю жизнь проработала в колхозе.

В 1942 г. Леонид поступил в начальную школу, которую закончил через пять лет. Немцы устроили в помещении школы свой штаб, поэтому учиться пришлось с перерывами. Потом Кравчук учился в Городищенской школе-семилетке, в выпускном

классе которой вступил в комсомол. Школу Леонид закончил с отличием и в 1950 г. поступил на бухгалтерское отделение Ровенского кооперативного техникума. В 1953 г. Кравчук, также с отличием, закончил обучение в техникуме.

Высшее образование Леонид Макарович получил в Киевском государственном университете. В послевоенные годы советскому народу жилось тяжело, а студентам, которые приехали из провинции, было особенно трудно. Жили по восемь человек в комнате, укрывались верхней одеждой, учились ночами. В те времена за обучение платили, но Кравчука, как сына погибшего солдата, полусироту, освободили от оплаты. Учился он хорошо, почти без четверок; получил специальность «экономист». С третьего курса Леонид начал заниматься общественной работой и подал заявление о вступлении в партию. В мае 1957 г. его приняли кандидатом в члены КПСС, потом он стал членом КПСС.

В университете Леонид Макарович познакомился со своей будущей женой – Антониной Мишурой из Сумской области. Девушка была сиротой, хорошо училась. В 1959 г. у молодых супругов родился сын Александр.

После окончания университета в 1958 году супруги были направлены на преподавательскую работу. Два года Леонид Макарович проработал в финансовом техникуме в Черновцах. Молодой преподаватель энергично взялся за дело, постоянно выступал на педагогических советах, активно участвовал в общественных акциях. В партийной организации техникума было всего 16 человек, поэтому не удивительно, что активность молодого коммуниста не осталась незамеченной. Уже в октябре 1959 года он стал членом партбюро, вскоре заместителем секретаря парторганизации, а через год возглавил ее.

Следующим шагом в карьере стала постоянная работа методистом-консультантом в Доме политпросвещения, потом заведующим отделом пропаганды и агитации Черновицкого обкома КПУ. В 1967 г. Кравчука направляют на обучение в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где он защищает диссертацию на тему «Суть прибыли при социализме и ее роль в колхозном производстве».

В 1970-1989 гг. Л.М. Кравчук работает в аппарате ЦК КПУ в Киеве. Сначала он стал заведующим сектором переподготовки кадров отдела организационно-партийной работы, потом инспектором, первым заместителем заведующего отделом, заведующим отделом пропаганды и агитации.

В 1990 г. состоялись первые демократические выборы в Верховную Раду. Они были прямыми и тайными, проходили по новым, относительно либеральным законам. Леонид Макарович

был избран по 39-му Ямпольскому округу (Винничина), в который входили два района – Ямпольський и Песчаный.

Эта кампания имела большое значение для дальнейшего становления Кравчука как политика. Выборы убедили его в том, что народ, несмотря на все еще активное сопротивление компартии, голосует за перемены. Председатель Верховной Рады Украины В.А. Ивашко подал заявление об отставке. Рада официально сразу не отреагировала на это – возможно, повлияло заявление депутатской группы коммунистов и беспартийных «За Советскую суверенную Украину», с которым выступил Л. Кравчук. В нем подчеркивалось, что в условиях обострения экономического, политического и социального напряжения, когда неосмотрительное слово, а тем более необдуманные действия могут вызвать вспышку страстей, политическую конфронтацию, нужны, как никогда, умеренность, согласие, взаимная терпимость, доверие. И лишь после триумфального принятия Декларации о государственном суверенитете Украины сессия 18 июля удовлетворила просьбу В. Ивашко об отставке и приступила к выборам председателя.

Было названо 27 кандидатов, началась «спикериада». Леонид Макарович, выступая перед депутатами, сразу подчеркнул, что главной программой для него является принятая Декларация о суверенитете, которая будет жить только тогда, когда каждый тезис, изложенный в ней, будет подкреплен соответствующим законодательным актом. Кравчук призвал как можно скорее начать работу над новой Конституцией.

За кандидатуру Кравчука отдали свои голоса 239 парламентариев. Предложение об избрании Леонида Кравчука Председателем Верховной Рады Украины поддержали 292 депутата.

Опыт профессионального политика приходилось приобретать постепенно. Буквально с первых дней председательства на сессии Кравчук начал привлекать к сотрудничеству оппозицию. Немало представителей Народной Рады с откровенным подозрением относились к этим попыткам. Многое изменилось после того, как у Леонида Макаровича сложились нормальные отношения с Игорем Юхновским, одним из лидеров НР, человеком мудрым и авторитетным.

Зимой 1991 г. Кравчуку удалось убедить большинство депутатов Верховной Рады в том, что Украине следует приобщиться к проведению организованного Москвой референдума с «бюллетенем Кравчука», который содержал бы такой вопрос: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских суверенных государств на основе

Декларации о государственном суверенитете Украины?». Во время республиканского опроса 80,17 % ответили «да», что насторожило Москву. Происходил процесс постепенного развала империи. Пресловутая павловская денежная реформа, которая сделала нищий народ еще беднее, подорвала последнее доверие к обанкротившейся системе. Уже тогда, упоминает Л.М. Кравчук в книге «Маемо те, що маемо» («Имеем то, что имеем»), он очень хорошо сознавал: насколько быстро и безболезненно Украине удастся стать независимой, во многом будет зависеть от парламента, который он возглавлял, но оказалось, что путь будет длиннее.

Августовский путч 1991 г. в определенной мере объединил политические силы страны. Лидеру понадобилось незаурядное мужество, чтобы в тех непростых обстоятельствах, когда информации почти не поступало, дать народу Украины понять, что ее руководство отделяется от мятежников. 19 августа Кравчук написал заявление о своем выходе из партии, сложении полномочий члена ЦК и члена Политбюро ЦК Компартии Украины. Он не стал, как Ельцин, призывать народ к протесту, но и не мешал оппозиции.

24 августа 1991 г. постановление «О провозглашении независимости Украины» (оно предусматривало также проведение 1 декабря 1991 г. референдума) поддержал 321 народный депутат. На политической карте мира наконец появилось государство под названием Украина.

30 августа 1991 г. на территории Украины деятельность КПУ была запрещена. Леонид Макарович считал, что в тех условиях это было необходимой предупредительной мерой, тем более, что на самом деле речь шла не о запрете национальной политической партии, а о расформировании, по выражению Кравчука, боевого отряда КПСС.

Несмотря на все обвинения, которые были и от оппозиции, и от коммунистов, Леониду Макаровичу удалось консолидироваться с народом, что и показали выборы президента 1 декабря 1991 г., на которых он получил 61,59 % голосов избирателей.

У Кравчука были сильные конкуренты, среди которых В. Чорновил, Л. Лукьяненко, И. Юхновский. Программа, предложенная Кравчуком, – «5Д: Государственность[4]. Демократия. Благосостояние[5]. Духовность. Доверие», – определила его как лидера страны.

Первым шагом президента Кравчука стало подписание документов о создании Содружества Независимых Государств. СССР прекратил свое существование. В незначительный срок

удалось получить отклики от 120 стран, и с 87-ю из них были установлены дипломатические отношения.

В то же время экономическое положение в стране катастрофически ухудшалось. Отрицательно повлиял на отечественный хозяйственный комплекс односторонний разрыв экономических связей, инициированный Москвой. Кравчуку не удалось сформировать полноценную, надежную и профессиональную правительственную команду, способную провести своевременные и эффективные реформы в тех непростых условиях, которые сложились в Украине в первые годы независимости. Безусловно, существовали объективные факторы, которые существенно сузили возможность удачного решения этой проблемы, – недостаток опытных управленцев, сопротивление со стороны левой части парламента. Развал финансовой системы в 1992-1993 гг. привел к инфляционному шоку. В результате острой политической борьбы Верховная Рада осенью 1993 года приняла решение о досрочных парламентских и президентских выборах.

Выборы президента было назначены на 26 июня 1994 г. Большинство населения Украины было уверено в победе Л.М. Кравчука. Действительно, в первом туре Леонид Макарович победил, он получил 37,68 % голосов избирателей против 31,25 %, полученных Л.Д. Кучмой. Но в последнем туре Кравчук набрал 45,1 % голосов, а Л.Д. Кучма – больше 52 %.

Л.М. Кравчук навсегда вошел в историю Украины. С его именем связано получение независимости, принятие атрибутов государства, образование Содружества Независимых Государств и создание условий для дистанцирования от СНГ, начало интеграции в европейские структуры.

Леонид Макарович не оставил большую политику. Он является одним из руководителей Социал-демократической партии Украины (объединенной).

В 1992 г. была опубликована книга Л.М. Кравчука «Есть такое государство Украина: Материалы выступлений, интервью, пресс-конференций, брифингов, ответов на вопросы».

Своим любимым внукам – Марийке и Андрею – Л.М. Кравчук посвятил книгу, которая вышла в 2002 г., – «Маемо те, що маемо» («Имеем то, что имеем»). Это откровенный рассказ о рождении и нелегких годах становления независимого молодого государства, воспоминания об уже историческом прошлом и раздумья о настоящем и будущем страны, об ответственности власти перед украинским народом.

Согласно статье 105 Конституции Украины звание президента сохраняется всю жизнь. Другие права бывших

президентов Основной Закон не определяет. Леонид Макарович получает пенсию, имеет охрану, автомобиль, бесплатное медицинское обслуживание и дачу, которую получил от государства еще в хрущевские времена. Депутаты Верховной Рады подготовили проект закона «О президенте», который содержит нормы о гарантиях для бывших президентов. С принятием этого документа Украина подтвердит, что уважает своих президентов, несмотря на сделанные ими ошибки.

Крушельницкая Соломия Амвросиевна (род. в 1872 г. – ум. в 1952 г.)

Украинская оперная певица, занимающая одно из первых мест в созвездии знаменитых мировых исполнителей конца XIX-начала XX в.

Как отмечал известный итальянский музыковед Ринальдо Кортопасси, в первых десятилетиях XX в. на мировых оперных сценах царствовали четыре певца – Баттистини, Карузо, Руффо и Шаляпин. И лишь одна женщина смогла достичь их высот и встать вровень с ними. Ею была «незабываемая Аида», «волшебная Чио-Чио-Сан», «неповторимая Галька», «удивительная Валькирия», «исключительная Лорелея» – Соломия Крушельницкая.

Прославленные деятели литературы и искусства: Пуччини, Леонкавалло, Штраус, Карузо, Шаляпин, Кардуччи, Дузе и многие другие были не только горячими поклонниками огромного таланта певицы, но и ее добрыми друзьями. А дирижеры Тосканини и Муньоне даже соперничали между собой за честь дирижировать спектаклем с участием этой примадонны. Артуро Тосканини – очень требовательный к себе и к оркестрантам и не очень любезный с исполнителями – склонялся перед Крушельницкой, считая ее редчайшим исключением из среды оперной богемы. Творчество певицы имело колоссальное влияние

на развитие вокального мастерства во всем мире.

Родилась «чародейка сцены» 23 сентября 1872 г. в селе Белявинцах на Тернополыцине в семье греко-католического священника прогрессивных взглядов Амвросия Васильевича Крушельницкого. Детство будущей певицы прошло в соседнем селе Белая, куда вскоре переехала вся ее большая семья: отец, мать и восемь детей. Музыка вошла в жизнь Соломин с раннего детства, с колыбельных песен матери, Теодоры Григорьевны, которая очень любила петь.

Еще маленькой девочка училась играть на фортепиано, а с 10 лет выступала в хоре, организованном ее отцом, и даже некоторое время была его художественным руководителем. Заметив большую тягу дочери к музыке, родители заняли денег и отправили ее учиться во Львовскую консерваторию. Там Соломия принимала активное участие в концертах и студенческих вечерах, чем привлекла к себе внимание слушателей и специалистов. В это время она расстроила планы родителей, отказавшись выйти замуж за выпускника семинарии, с которым была обручена. Перед самой свадьбой жених категорически высказался о несовместимости супружеской жизни с профессией актрисы. Этого было достаточно, чтобы невеста сбежала из-под венца.

В 1893 г. Крушельницкая закончила консерваторию с медалью и отличием и сразу же с большим успехом дебютировала на сцене Львовской оперы. Экзаменационная комиссия записала в ее дипломе: «…имеет все данные для того, чтобы стать украшением даже перворазрядной сцены. Звонкий и очень симпатичный звук голоса ее меццо-сопрано, музыкальное образование, высокое чувство прекрасного, природная внешность, сценическая стать – словом, все, чем одарила ее природа, обещают ей в артистической карьере наилучшую будущность».

Став солисткой оперного театра, Соломия решила не останавливаться на достигнутом и осенью того же года отправилась в Милан, где собиралась продолжить музыкальное образование. Своим голосом и артистизмом она сразу же обратила на себя внимание педагогов и заслужила «звание» «самой талантливой и воспитанной» среди всех учениц миланской школы бельканто. В этот период она стала переписываться с лидерами Радикальной партии Галиции – Иваном Франко и Михаилом Павликом. Певица разделяла их политические пристрастия, помогала им материально. Отвечая на вопрос Павлика, под каким именем щедрая жертводательница желает видеть себя на страницах «Общественного голоса», певица сказала: «Зовите так, как меня зовут, – Соломия Крушельницкая и все!»

Спустя год молодая вокалистка уже пела ведущие партии в оперных театрах Италии, где быстро завоевала любовь и признательность местной публики, публики невероятно требовательной, а главное – такой, которая не считалась ни с какими авторитетами. Известие об этом дошло до родного Львова, и вскоре руководство городской оперы пригласило Крушельницкую на гастроли. Пробыв на родине пять месяцев, осенью 1894 г. Соломия вернулась в Италию продолжать обучение.

В следующем году она вновь побывала во Львове, а затем отправилась в Вену, где планировала познакомиться с творчеством Вагнера и включить его лучшие оперы в свой репертуар. Это был рискованный шаг для молодой певицы, поскольку не каждому под силу освоить одновременно две значительно отличающиеся школы – итальянскую и немецкую. Но решимость, вера и уверенность в своих силах и тут сыграли свою роль: Соломия блестяще справилась с непростой задачей и уже через несколько месяцев завоевала титул «самой большой вагнеристки».

После гастролей в Кракове, к новому учебному году она вернулась в Италию и выступала на оперных сценах Кремоны, Пармы, Удины, Триеста и других городов. Газеты писали: «У нее тонкая и высокая фигура, мягкие и приятные черты лица, естественная сценическая игра, природный дар передавать живые и глубокие чувства, исключительно поставленный блестящий голос, который можно перепутать с голосами инструментов, редчайшая чистота вокализации, отточенность пения – все это находит отклик в благодарных сердцах слушателей, и они не жалеют артистке бурных аплодисментов».

Слава Крушельницкой разнеслась по всем странам Европы и докатилась до России. Один из лучших в то время оперных театров – Одесский – поспешил пригласить примадонну на гастроли в составе итальянской труппы. После успешного выступления в знаменитом черноморском городе Соломия весной 1897 г. отправилась в Латинскую Америку, а сезоны 1898-1902 гг. работала в Большом театре Варшавы.

В польской столице она очень быстро завоевала славу и почет. Слушатели считали ее непревзойденной во всех спектаклях, но особо ценили за блестящее исполнение заглавных партий в национальных постановках – «Гальке», «Графине» и других. Какую бы партию ни пела Крушельницкая (а у нее в то время было в репертуаре более 30 разнохарактерных опер), она никогда не повторяла себя, всегда была другой до мельчайших деталей, как этого требовали от нее создаваемые образы.

Выступая с триумфом в Варшаве, Соломия также ежегодно выезжала на гастрольные выступления в Петербург, где пела в составе итальянской труппы в Мариинском театре вместе с Карузо, Баттистини, Аримонди, Куччини и Сильвестри. Российская критика также высоко оценивала мастерство молодой певицы, называя ее «женщиной-Шаляпиным», что было едва не величайшей похвалой на родине знаменитого певца.

У Крушельницкой складывалась блестящая карьера. Выступления на оперной сцене всегда превращались в торжественные манифестации публики, которая засыпала ее цветами и ценными подарками, поэты посвящали ей свои стихи. Имя Соломин в Польше стало легендой. В феврале 1902 г. она побывала на гастролях во Франции, где ее также ожидал успех. «Крушельницкая в тот же вечер завоевала Париж, – писали газеты. – Несравненная, одаренная величайшим голосом с сильнейшим звуком – то нежным, то трагичным, пани Крушельницкая является, безусловно, одной из наибольших артисток современности».

Спустя два года она реабилитировала оперу Пуччини «Мадам Баттерфляй», освистанную в миланском «Ла Скала». Критики писали: «И если «бабочка» Пуччини кружит в неослабном ритме на сценах всех оперных театров мира, то это стало возможно благодаря победе в Брешии, одержанной Соломией Крушельницкой, которая сделала возможным этот взлет и полет». Бесконечно благодарный и до глубины души тронутый композитор подписал певице свой фотопортрет: «Самой прекрасной и самой волшебной Баттерфляй. Джакомо Пуччини. Торре дель Лаго, 1904 г.».

По окончании этого сезона Соломия с успехом выступала на сценах театров «Ла Скала» в Милане, «Реджо» в Турине, «Сан Карло» в Неаполе, «Массимо» в Палермо и во многих других. В середине лета 1910 г. она вышла замуж за итальянского адвоката Чезаре Риччони, бывшего мэра приморского города Виареджо, где у Крушельницкой был собственный дом. Свадьба состоялась в Буэнос-Айресе во время очередных гастролей.

Постоянно проживая в Италии, певица триумфально гастролировала в Португалии, Египте, Алжире, Испании, Аргентине, Бразилии и других странах мира. Чаще всего она выступала в Аргентине, где ее безумно любили и уважали, где она имела многочисленных друзей и поклонников. Всесторонне одаренная и образованная, исполненная высокого артистического чутья, Крушельницкая с совершенной дикцией говорила и пела на украинском, русском, польском, немецком, английском, итальянском и испанском языках. Блестящий музыкант с

развитым критическим чувством, она прекрасно играла на фортепиано и сама изучала партитуры и роли, не обращаясь за помощью к специалистам.

Находясь в зените славы, Соломия решила уйти с оперной сцены и посвятить себя концертной деятельности. Последний раз она выступила в «Ла Скала» в феврале 1915 г. в премьере оперы Пиццетти «Федра», но свои концертные турне по Европе и Америке начала только в 1923 г., потратив годы на подготовку нового репертуара.

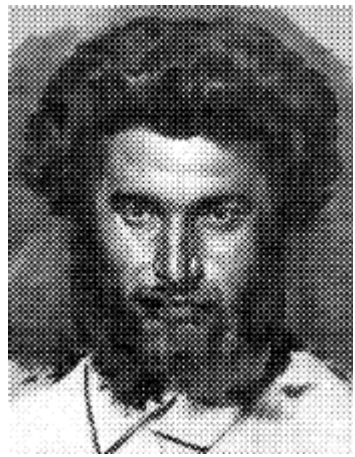
Крушельницкая всегда включала в свои программы украинские народные песни, которые безмерно любила, а также произведения украинских композиторов: Лысенко, Людкевича, Нижанковского, Вахнянина, Сичинского и других. Украинскими народными жемчужинами и работами отечественных авторов певица, как правило, всегда заканчивала свои выступления. По свидетельству многочисленных критиков, ее сольные концерты имели такой же успех, как и выступления на оперной сцене.

Гастрольные маршруты Соломин проходили по многим городам мира, всегда завершаясь на родной земле Галиции. В 1939 г. после смерти мужа Крушельницкая решила навсегда вернуться на родину и приехала во Львов, как раз к тому времени, когда территория Западной Украины стала советской. В следующем году она, поскользнувшись на улице, сломала ногу, перенесла две операции и с тех пор до самой смерти ходила с палочкой.

Во время немецкой оккупации, испытывая материальные затруднения, она нигде не работала. Ей помогали родственники и знакомые. В 1944 г. всемирно известная певица стала педагогом Львовской государственной консерватории имени Лысенко, а спустя 8 лет – профессором. В апреле 1947 г. бывшая австрийская, а затем итальянская гражданка обратилась в Президиум Верховного Совета УССР с просьбой предоставить ей советское гражданство.

В последние годы жизни Соломия жила и работала на родной земле, передавая свой богатый опыт и огромные знания молодежи. Несмотря на свой возраст, певица выступала и с сольными концертами, последний из которых состоялся, когда ей было 77 лет. Она умерла от рака горла 16 ноября 1952 г. и была похоронена на Лычаковском кладбище неподалеку от могилы своего друга Ивана Франко. Спустя 20 лет по решению ЮНЕСКО 100-летний юбилей со дня рождения «чародейки сцены», заслуженного деятеля искусств Украины Соломин Амвросиевны Крушельницкой широко отмечался во всем мире.

Куинджи Архип Иванович (род. в 1841 г. – ум. в 1910 г.)



Знаменитый художник-пейзажист, автор более 500 картин и рисунков.

Член Товарищества передвижных выставок, профессор Петербургской Академии художеств, руководитель пейзажной мастерской.

…Летом и осенью 1880 г. Куинджи работал над новой картиной. По городу прошел слух о ее необыкновенной красоте. Под любым предлогом друзья и знакомые художника пытались «одним глазком» взглянуть на это «чудо». По воскресеньям на два часа открывал Архип Иванович желающим двери мастерской, и петербургская публика шла валом.

О картине сочиняли целые легенды. Мастерскую Куинджи посетили И.С. Тургенев и поэт Я.П. Полонский, великий химик Д.И. Менделеев, известные к тому времени художники И.Н. Крамской и П.П. Чистяков. К картине приценивался издатель и коллекционер К.Т. Солдатенков. Но прямо в мастерской, еще до выставки, «Лунную ночь на Днепре» за огромные деньги купил великий князь Константин Константинович и, по свидетельству Тургенева, не расставался с полотном, даже отправляясь в кругосветные путешествия.

А затем открылась необычная экспозиция (подобных еще не было в России) – выставка одной картины. «Лунная ночь на

Днепре» была размещена для обозрения в Обществе поощрения художеств, и успех превзошел все ожидания. Слух о ней прошел по всей России. Стремясь увидеть необычное полотно, люди выстраивались в длинные очереди, часами ждали на улице. «Какую бурю восторгов поднял Куинджи, – писал Крамской Репину. – Вы, вероятно, уже слышали. Этакий молодец – прелесть!»

От картины действительно невозможно было оторваться. Широкое, уходящее вдаль пространство. Зеленоватая лента реки почти сливается на горизонте с облачным небом. Но вот облака разошлись, выглянула луна, осветив Днепр, хатки и сбегающие к реке тропинки. Все в природе притихло, завороженное сиянием неба и днепровских вод. Таинственный фосфоресцирующий свет, исходящий из лунного диска, был настолько насыщен, что некоторые из зрителей пытались заглянуть за картину в надежде увидеть его источник – фонарь или лампу. Но там ничего не было. А луна продолжала излучать свой волшебный свет. Тишина и величие… И поневоле приходили раздумья о гармонии и красоте мира.

Высказывались даже предположения о каких-то необычных красках и странных художественных приемах, которые якобы использовал художник. Некоторые пытались уличить его в фокусах, даже в связи с нечистой силой. На самом же деле секрет заключался в замечательных человеческих качествах художника: его трогательной любви к природе, откровенности и прямоте, неуемной творческой фантазии, настойчивых поисках новых технических решений, необыкновенной трудоспособности. Публику приводила в восторг иллюзия натурального лунного света, и люди, по словам Репина, в «молитвенной тишине стоявшие перед полотном А.И. Куинджи, уходили из зала со слезами на глазах».

Работая над этой картиной, Куинджи стремился передать реальность ночного освещения широкого пространства. И справился с этой задачей блестяще. Для ее решения художник применил сложный живописный прием. Теплый красноватый тон земли он противопоставил холодным оттенкам воды и тем самым углубил пространство, а мелкими темными мазками в освещенных местах создал ощущение вибрирующего света.

Успех «Лунной ночи…» не был случайным. Еще в 1868 г. на академической выставке была представлена картина «Татарская деревня при лунном свете». А год спустя художественный мир ахнул перед «Рыбачьей хижиной на берегу Азовского моря», «Бурей на Черном море» и изумительным полотном «Вид Исаакиевского собора при лунном освещении». Потрясла

зрителей и несравненная «Украинская ночь», которую Куинджи показал на Пятой передвижной выставке. В ней все было построено на разработке тональных отношений, богатстве цветовых сочетаний. В 1878 г. это полотно экспонировалось на Всемирной выставке в Париже. Здесь некоторые «знатоки» искусства пытались сравнивать Куинджи с французскими импрессионистами. Но это оказалось пустым занятием. Творчество художника-романтика было полностью оригинально и своеобразно. Он ничего не придумывал и не изобретал – шел от реально существующего явления, натуры. А чтобы сохранить достоверность на полотне, прибегал к неожиданным контрастам, увиденным пристальным оком художника у той же самой матушки-природы. Французская критика писала, что «оригинальная национальность чувствуется у Куинджи больше, чем у других».

Живописные методы мастера таили в себе множество загадок, как, впрочем, и большая часть биографии. Исследователи творчества художника до сих пор затрудняются назвать точную дату его рождения, но чаще всего фигурирует январь 1841 г. Архип родился на окраине Мариуполя в семье бедного сапожника – Ивана Христофоровича Еменджи (с татарского – «трудовой человек»). Фамилия Куинджи была дана ему по прозвищу деда – «золотых дел мастер». В семье говорили на татарском языке, но сам Архип считал себя православным греком. Его большому доброму сердцу в одинаковой степени доступны были чувства и русского, и украинца, и татарина, и человека любой другой национальности. Рано осиротев, мальчик жил у родственников, но на хлеб зарабатывал сам: прислуживал у хлеботорговца, заменял подрядчика на постройке церкви, работал ретушером у фотографа.

Грамоте мальчик научился у знакомого учителя-грека, а потом ходил в городскую школу. И постоянно рисовал… на стенах домов, заборах, обрывках упаковочного картона. Иногда удавалось даже получить заказ. Сохранились, к примеру, написанные им в юные годы портреты церковного старосты Бибелли и купца Кетчерджи-Шаповалова, дочь которого Вера впоследствии стала женой художника.

Узнав, что знаменитый маринист Айвазовский живет неподалеку, в Феодосии, Архип в 1855 г. отправился учиться к нему, но в то время художника не было в Крыму. Встреча не состоялась, хотя существует и странная версия, что именитый живописец не допустил юношу дальше растирания красок и покраски заборов. Вернувшись в Мариуполь и в совершенстве овладев мастерством ретушера, что в те времена давало

приличный заработок, Куинджи решил отправиться в Петербург, чтобы поступить в Академию художеств.

Он дважды держал экзамены – и оба раза неудачно. Тогда упрямый грек решился выступить самостоятельно на академической выставке с картиной «Татарская сакля». За эту работу совет академии признал Куинджи достойным звания неклассного художника, и в том же 1863 г. он был принят в академию вольнослушателем.

Куинджи сразу же ушел с головой в атмосферу художественной жизни. Он подружился с И. Репиным и В. Васнецовым, познакомился с И. Крамским, идеологом передвижников. Молодого провинциала поражало своим многообразием творчество Сурикова, Ярошенко, Маковского, Савицкого, Верещагина, Васнецова, Поленова. Но, восхищаясь их талантом, Куинджи, которому уже исполнилось двадцать шесть лет, понимал, что ему необходимо искать свой путь в живописи. Будучи от природы человеком прямым и правдивым, он быстро завоевал признание новых друзей и учителей, покоряя своими независимыми суждениями, оригинальной самобытностью дарования, неуемной трудоспособностью. На выставке передвижников 1873 г. художник представил полотно «На острове Валаам», которое Достоевский назвал «национальным пейзажем». Картину приобрел для своей галереи П. Третьяков, и теперь неклассный художник получил возможность ознакомиться с западноевропейским искусством. Он посетил Германию, Бельгию, Францию, Англию, Швейцарию и Австрию. О своих впечатлениях Куинжи почти не рассказывал и картин из путешествия не привез. Зато по возвращении в Петербург он съездил в родной Мариуполь, после чего представил две картины – «Забытая деревня» и «Чумацкий тракт в Мариуполе» (1874 г.), которые опять-таки приобрел Третьяков.

В 1875 г. художник стал членом Товарищества передвижных художественных выставок. Однако главным событием в его жизни стало долгожданное венчание с Верой Кетчерджи-Шаповаловой. Молодые отправились в свадебное путешествие на остров Валаам. В осеннюю бурю на Ладоге поднялась буря, пароход напоролся на камень, и они еле успели спастись на лодке. Все художественные принадлежности утонули, но пережитые впечатления позже нашли свое отражение в картине «Север». Вместе с двумя другими («После грозы», «Березовая роща») она вошла в трилогию – итог раздумий автора о величественной красоте суровой природы, – которая была представлена на очередной выставке передвижников. Наибольший успех пришелся на долю «Березовой рощи». Толпы людей простаивали у картины, любуясь ее

выразительностью, композицией, насыщенностью солнцем, ослепительной яркостью зеленой поляны.

Поэзия и красота украинских земель была милее всего сердцу художника. И он сумел замечательно выразить ее в полотнах: «Степь вечером», «Степь в цвету», «Днепр утром» и других. Публика и критика неизменно проявляли интерес ко всем работам Куинджи. Один из современников об экспозиции второго варианта «Березовой рощи» (1879 г.) писал: «Такая давка, какая была в последние два дня, бывает только во время крестного хода возле святой иконы». Картину за немыслимую для пейзажа цену – 7000 руб. – купил миллионер Терещенко. Но все же после «Лунной ночи на Днепре» ни одно из полотен Куинджи уже не вызвало такой бури восторга. И художник «замолчал».

После 1882 г. он не только не устроил ни одной выставки, но не показывал новых работ даже друзьям. Обостренное чувство ответственности, свойственное Куинджи, подвигло художника на глубокое творческое экспериментирование. Он писал этюды на натуре и в закрытом помещении, делал опыты всевозможных сочетаний красок, разрабатывал решения разных мотивов, искал новые сюжеты для больших полотен… Эксперимент затянулся более чем на двадцать лет. На новую прижизненную выставку своих произведений Куинджи так и не решился, хотя работал напряженно и плодотворно. Почти все картины были представлены публике только после смерти художника. Большинство из картин-этюдов чрезвычайно необычны по колориту, в них чувствуется какая-то мистическая значимость и загадочность («Пятна лунного света в лесу. Зима», «Эффект заката», «Сумерки», «Эльбрус. Лунная ночь», «Эльбрус вечером»). Последним произведением Архипа Ивановича стала картина «Ночное», полная величавой и торжественной красоты. В ней и в ряде незаконченных полотен («Крым», «Облако», «Туман на море») художник пришел к философскому осмыслению природы. Экспериментальная деятельность художника последних лет, поиски новых проявлений световых эффектов позволили ему открыть в природе новые, еще никем до него не использованные мотивы и сюжеты.

Не менее интересной и важной страницей биографии художника была и преподавательская деятельность в Академии художеств, куда А. И. Куинджи, теперь уже профессор, был принят в 1894 г. в качестве руководителя пейзажной мастерской. Это произошло после того, как в состав преподавателей вошли И.Е. Репин, И.И. Шишкин, В. Е. Маковский. Преподавание Куинджи, как и все, что он делал, было талантливо и оригинально. Ученики обожали учителя. С седеющими кудрями,

вьющейся бородой, он чем-то напоминал доброго Зевса. В каждом из учеников Архип Иванович видел прежде всего индивидуальность и всячески старался исключить какое бы то ни было подражание. Чтобы судить о педагогическом мастерстве Куинджи, достаточно сказать, что его воспитанниками были А. Рылов, Н. Рерих, К. Богаевский, А. Борисов, В. Пурвит и многие другие.

К сожалению, существование мастерской было непродолжительным. В 1897 г. в академии вспыхнули студенческие волнения. Куинджи, который всегда вставал на защиту справедливости, поддержал студентов, за что был заключен на два дня под домашний арест и отстранен от преподавания, хотя и остался членом академического совета. Мастер продолжал занятия, но теперь уже частным образом. Он не брал с учеников платы. Архип Иванович был очень богатым человеком. Знаменитый преподаватель академии П. Чистяков говорил, что «Куинджи – это деньги». Художник умело вкладывал полученные за картины средства. Но богатство не было для него самоцелью. Так, 30 учеников Куинджи не только довел до диплома, но и устроил им за свой счет стажировку за границей по маршруту: Берлин – Дрезден – Дюссельдорф – Кельн – Париж – Страсбург – Мюнхен – Вена. Он утвердил 24 премии разного достоинства для Весенних выставок академии, выделив на это 100 тысяч рублей. А когда ученики задумали создать свой союз – общество имени А.И. Куинджи (1890 г.), – художник передал в его собственность все свои картины и денежные средства, а также принадлежавшие ему земли и большое имение Сара-Кикинеиз в Крыму (все это оценивалось почти в миллион рублей), оставив жене лишь небольшую пенсию.

В последние годы жизни Архипа Ивановича очень беспокоило сердце. Но лечиться он категорически не хотел. Работал как обычно, а летом отдыхал в Крыму. Очередная поездка в Ялту окончилась сильным воспалением легких, а переезд в Петербург отнял последние силы. 11 июля 1910 г. Архипа Ивановича Куинджи не стало. За гробом на Смоленское кладбище шла большая толпа. В ней безвестных простых людей, которым А.И. Куинджи был дорог и как художник, и как большой души человек, было гораздо больше, чем живописцев и деятелей культуры.

Курков Андрей Юрьевич (род в 1961 г.)

Писатель, автор почти двух десятков книг, журналист, переводчик. По его сценариям поставлено 18 документальных и художественных фильмов. Обладатель Гран-при Каннского фестиваля «За лучший сценарий». Единственный из писателей СНГ, чьи книги оказались в топ-десятке лучших европейских бестселлеров. Лауреат международного литературного конкурса Фонда Генриха Белля (Германия). Член Английского ПЕН-клуба с 1988 г., Союза кинематографистов Украины (с 1993 г.), Союза писателей Украины (с 1994 г.), член Европейской киноакадемии (с 1998 г.).

Имя Андрея Куркова у всех на слуху. Точнее будет сказать, что у читателей «на глазу», а у критиков – на языке: как-то неудобно игнорировать автора, которого читает пол-Европы. «Литературоеды», как обычно, ломают копья: одни солидарны с читателями и твердят, что Курков сказал веское слово в литературе; другие объявляют его бездарью, «тенью» писателя, нехотя признавая, что Курков «действительно, самый известный писатель нашего времени». Критик А. Лиховод, назвав его «местным классиком», делает лихой вывод о курковских произведениях: «Это тот самый гибрид бульварного детектива с популярным психоанализом по старине Юнгу, который в последние годы стал основным магистральным жанром всей

международной буржуазной литературы. Заурядное развлекательное чтиво с претензией на легкую интеллектуальную заумь…» А пока «литературоеды» спорят, в какой ящичек следует складывать прозу Куркова, издатели всего мира откликаются на повышенный читательский спрос огромными тиражами его книг. И хотя в предисловии об авторе сообщается или мало, или ничего, а придворным биографом Андрей Юрьевич еще не обзавелся, сам он, как человек открытый, весело и достаточно откровенно описывает в многочисленных интервью свой тернистый путь к литературному Олимпу.

Родился Андрей 23 апреля 1961 г. в селе Будогощь Ленинградской области, но уже через три года семья Курковых перебралась в Киев, который писатель и считает своим родным городом. Первым его «произведением» стало написанное в семилетнем возрасте стихотворение «Жили-были три дружка, три веселых хомячка…». А дальше, как и положено мальчику из государства, строящего светлое будущее, последовал «опус про дедушку Ленина». И конечно, по окончании школы Андрей попытался поступить на факультет журналистики, но пришлось довольствоваться курсами дезинфекторов и японского языка. Языки вообще давались Куркову легко. Он не только осилил неподъемный японский, но окончив Киевский государственный педагогический институт иностранных языков (1983 г.), свободно владел французским и английским, за которыми последовали польский и румынский. Сейчас же иностранных набирается восемь. «Они дались мне легко. Благодаря отличной памяти, натренированной на кактусах. У меня была одна из самых больших коллекций этих растений в Украине. В восемь лет я знал около 10 тысяч ботанических терминов на латыни», – вспоминает Андрей Юрьевич.

Но кем бы поначалу ни работал Курков, «дипломированным» дезинфектором или культмассовиком в санатории в Пуще-Водице (заочно он окончил Московский университет культуры), он постоянно писал. Даже в армии. Правда, «к тому времени я успел проиграть собственную войну. Работая редактором в издательстве "Днипро", случайно накрыл на плагиате трех членов Союза писателей и членов партии. По наивности заявил об этом в открытую. Они начали меня выживать и таки выжили». Поэтому одесская тюрьма, где Андрей служил «по огромному блату» охранником, показалась ему раем. Именно там к уже накопившимся трем сотням рассказов в стиле Д. Хармса и бесконечному сатирическому роману «История города Среднеграда» он прибавил «Не приведи меня в Кенгаракс», «11 необыкновенностей» и забавную сказку для детей о рыбке,

которая жила в чайнике. Правда, рукописи нигде не принимали – они плохо вписывались в господствовавший тогда социалистический реализм, хотя многие признавали, что написано сильно. Вот как говорит о романе «Не приведи меня в Кенгаракс» писатель А. Головань: «Здесь ты, как мастер международного класса, уверенно и методично посылаешь в десятку одну пулю за другой. Таких мест много, все не перечислить, например, рассказ о лошадях из шахты, "факел", Клавдия Николаевна и Паша, Кенгаракс и поле, пенсионер огромного значения и т.д.».

Так уж получилось, что произведения Куркова вначале появились и получили признание за рубежом, а уж затем – в Украине. В середине 1980-х гг. Андрей нелегально переправил свои рукописи в Польшу, а оттуда они разлетелись по всей Европе и даже попали в архив Бременского университета (Германия). На «Кенгараксе» один из польских переводчиков защитил диссертацию, а на роман «История города Среднеграда» и повести «Евангелие от Иллариона» получили рецензии из самого Кембриджа. Самому же автору, который долго не верил, что сможет стать писателем, на родине пришлось изрядно потрудиться, потому что очень хотелось быть востребованным. «Я занял деньги, издал две свои книги – «Бикфордов мир» и «Сказки про пылесосика Гошу» – и сам их год продавал. Это была тяжелая школа. Когда я запускал книги в производство, я не предполагал, что мне придется ими торговать. Но долг надо было возвращать. Я собрал исчерпывающую базу данных о книготорговых фирмах Украины, договорился с центром почтовых перевозок на вокзале – и всю Украину и Москву засыпал своими книгами. Я уже не говорю о том, что я стоял на Андреевском спуске с табличкой «Автор» на груди (точно, как немцы вешали «Предатель») и торговал своими книжками. Это был 1994 год. Закаляющий опыт».

А ведь к тому времени Курков по рекомендации крупных писателей – леди Антонии Фрейзер, Френсиса Кинга и Поля Бейли – единственный из Украины был принят в члены элитного английского ПЕН-клуба (1988 г.). Чтобы добиться такой популярности на Западе, Курков на каждый новый роман писал на английском языке аннотации, делал перевод двух-трех страниц и отправлял в 50-60 издательств мира. Его не смущали регулярные отказы, он был твердо убежден, что «результат получается, только если шевелишься». Наконец в 1997 г. аннотация и перевод двух глав «Пикника на льду» заинтересовали сразу три европейских издательства, и он заключил свой первый контракт со швейцарским издательством «Диогенес». Это открыло

дорогу в мир и другим его произведениям. Но Курков откровенно признается, что не выпусти он тогда «Бикфордов мир», не попал бы через полгода в шорт-лист российского отделения международной Букеровской премии (одна из самых престижных в писательском мире) и не получил бы премию братьев Стругацких «Странник». А роман «Любимая песня космополита» в немецком переводе принес ему победу на международном литературном конкурсе в Германии и стипендию Фонда Генриха Белля.

В настоящее время произведения Куркова переведены на английский, немецкий, французский, испанский, голландский, турецкий, китайский и другие языки. Средний тираж его книг в Европе достигает 30 тыс. экземпляров. Особой популярностью пользуются романы «Пикник на льду», «Приятель покойника», «Добрый ангел смерти», «Игра в отрезанный палец», «Смерть постороннего». На Западе, как говорит писатель, эти произведения «воспринимают как абсурдистские, там думают, что я все выдумываю, а я просто развиваю наши реальные ситуации. И жизнь меня постоянно переигрывает, моделируя такие абсурдные положения, которые иной раз я и вообразить бы не смог. А вообще, любая фантазия отталкивается от реальности. Они связаны между собой, как соцреализм был связан с научной фантастикой». Сам Курков относит свои романы к социально-криминальным, но в других странах их называют «философией с юмором» (Франция), «качественной беллетристикой» (Германия), «политикой» (США). Но самое основное в его творениях то, что персонажи получаются живыми, имеют неповторимый характер, в каком бы абсурдном мире они ни существовали.

По многим своим произведениям, в особенности детективного жанра, Андрей Юрьевич создал киносценарии: «Исход» (1990 г.), «Яма» (1991), «Воскресный побег» (1992), «Елисейские поля» (1993). «Смерть постороннего» (1996). И на родине Курков был вначале признан как сценарист (член Союза кинематографистов Украины с 1993 г.), а уж затем как писатель (член Союза писателей Украины с 1994 г.). В одном из интервью он рассказывал: «Фильм "Приятель покойника" по моей повести "Милый друг, товарищ покойника" раскручивали французы. Одна из вершин, куда они его вытолкнули, это Европейская киноакадемия… Меня номинировали в тройку лучших в Европе сценаристов». А затем Курков был избран членом этой академии с правом решающего голоса (1998 г.).

Андрей Юрьевич не обращает внимания на недоброжелателей: для него писательская доля это не только полет мысли, фантазия и удовольствие, но и ежедневный труд.

Однако «чахнуть» над чистым листом не в правилах Куркова. Он завсегдатай светских мероприятий, часто мелькает на телеэкране, ведет литературные клубы, любит путешествовать. «В Киеве живу наездами, но навсегда не покинул бы». Активный экстремал в прошлом (скалолазание без страховки), он – натура увлекающаяся, в частности коллекционированием современной живописи, кактусов, экзотических ложек, подстаканников, антиквариата, бюстов основоположников марксизма-ленинизма и граммофонных записей. А еще сказочник-Курков любит музыку. Он хорошо играет на рояле, саксофоне. А пытаясь покорить сердце англичанки Элизабет Шарп, которая дважды отказалась выходить за него замуж, он играл ей на флейте на берегу Финского залива. И уговорил не просто стать его женой (1987 г.), но и поселиться не в Лондоне, где происходило венчание, а в Киеве. Элизабет работает консультантом в Британском совете в Украине. В семье подрастают трое детей – Габриэлла, Тэо и Антон.

В настоящее время Андрей Юрьевич живет, не задумываясь о деньгах, – человек он обеспеченный. Его загородная усадьба расположена в живописном с. Лазаревка, возрожденном к жизни после Чернобыльской катастрофы. Он увлеченно занимается реконструкцией дома: достроил в мансарде детскую и кабинет, в каменном сарае рядом соорудил сауну и мечтает устроить бильярдную и галерею. «В принципе здесь другая жизнь, более праведная. В городе коррупция злокачественная, а здесь доброкачественная. Здесь можно по-человечески решать все вопросы, часто даже без денег. Ну и люди лучше друг к другу относятся, чем у нас». Да и популярный автор деревенским жителям не лишний: помог открыть в местной школе 10-11 классы, договорился о пополнении книжного фонда районной библиотеки, собирается организовывать выставки в Брусиловском краеведческом музее. Правда, Андрей Юрьевич признается, что обделен агрономическими талантами. Выведенный им сорт картофеля он самокритично называет «курковка неурожайная», кукуруза вырастает крохотной, словно для детской игры, а удивительно красивая черешня оказалась горькой на вкус.

Но и это не повод для огорчения. У Куркова совсем другие цели. Вскоре на участке появится каменная башня: «В ней я устрою резиденцию для иностранных коллег. Буду приглашать пару писателей и художника или фотографа, выдавать им стипендию на проживание, пусть творят. Среди моих знакомых литераторов уже есть несколько желающих здесь пожить».

Курков признается, что откровенно счастлив в роли известного писателя. И ему есть чем гордиться: только за

последнее время он окончил четвертую книгу из серии «Биография одиночного выстрела» («Сказание о народном контролере», «Судьба попугая», «Пуля нашла героя», «Сады господина Мичурина»); во Франции «Приятель покойника» выдержал третье издание, а в Литве выпущен один из самых удачных и пока самый популярный его приключенческий роман – «Пикник на льду», и уже готово его продолжение («Закон улитки»). В дальнейшем Курков предполагает написать серию коротких романов «Старые тайны», которые потом, по его замыслу, превратятся в сценарии телесериалов.

И все же есть проблемы, которые огорчают писателя: всего одно его произведение переведено на украинский язык – «Пикник на льду» в переводе Леся Герасимчука, и к украинским писателям его, в общем-то, не относят, поскольку пишет он на русском языке. В этом вопросе Курков категоричен и считает позором для Украины, когда один из главных спонсоров престижного конкурса «Коронация слова» во время вручения премии позволил себе заявить, «мол, в Украине "на десятом году независимости мы до сих пор разговариваем языком оккупантов", словно 60 % населения – это не граждане этой страны. Можно, конечно, продюсировать и патриотическую литературу, но надо знать, что сильно политически ангажированная книга имеет мало шансов стать бестселлером. Литература средней полки – это литература элементарная, сюжетная, в ней должны быть хорошие и плохие герои, но не может быть плохих только из-за цвета кожи или языка, на котором они говорят».

Кучма Леонид Данилович (род. в 1938 г.)

Президент Украины в 1994-2004 гг. Профессор Днепропетровского университета, академик Инженерной академии Украины, лауреат Ленинской премии СССР и Государственной премии Украины в области науки и техники.

В августе 2003 г. в московском издательстве «Время» вышла книга Президента Украины Леонида Кучмы под названием «Украина – не Россия». В ней первое лицо государства размышляет о том, можно ли считать Украину бывшей российской колонией, об украинском и русском национальных характерах, о проблемах общего культурно-исторического наследия и взаимных «долгов».

Станет ли книга политическим бестселлером и сможет ли изменить имидж самого президента и Украины в мировом сообществе, покажет время. А в 1994 г. сразу после победы Леонида Кучмы на президентских выборах «джентльмены» из одесской команды КВН шутили: «Раньше наш президент выглядел хорошо, а страна – плохо. Теперь и президент, и страна выглядят одинаково».

Как известно, «кучма» – это казацкая шапка из овчины. Восхождение на самую вершину украинской политической пирамиды простоватого мужичка с носом-туфелькой и

безмятежным взглядом васильковых глаз – не слишком яркого политика и не очень выдающегося экономиста – можно было объяснить лишь сумбурной логикой переходного времени. Сельский парень, выбившийся в инженеры, а потом и в «красные директора», оказался нужной картой в политическом пасьянсе, который сначала раскладывал не он…

Будущий Президент Украины родился 9 августа 1938 г. в селе Чайкино Черниговской области, на полесских болотах. Когда разразилась война, Данил Прокофьевич Кучма ушел на фронт и в 1944 г. пропал без вести где-то под Новгородом, а остальная семья (мать Прасковья Трофимовна и трое детей) пережила гитлеровскую оккупацию. В 1955 г. Леня покинул родные пенаты и отправился поступать в институт. Тогда же он впервые в жизни взял в руки деньги, заботливо накопленные матерью-колхозницей.

Выросший в бедности молодой человек первым делом выяснил, что на физтехе Днепропетровского университета – кузнице кадров для бурно растущей промышленности – самая большая стипендия. И, не раздумывая, поступил именно туда. Леонид с детства имел способности к точным наукам, поэтому учился неплохо, проявив себя и в общественной работе. Компенсируя небольшой рост, самолюбивый юноша всегда и во всем стремился быть первым. Обидчиков прижимал по комсомольской линии, зато друзьям помогал всем, чем мог. И вообще был, как принято говорить, душой компании, не пропуская ни одного студенческого «мероприятия». Правда, песни, которые будущий глава державы исполнял под гитару, были русскими – украинского языка Кучма тогда не знал (и до сих пор предпочитает с ближайшим окружением общаться по-русски).

В 1960 г. Леонид успешно окончил Днепропетровский государственный университет и получил специальность инженера-механика. В течение 15 лет он работал в ракетно-космическом конструкторском бюро «Южное» инженером, затем старшим инженером, ведущим конструктором, помощником главного конструктора. Молодой специалист сразу же стал присматривать спутницу жизни, и вскоре после прихода в КБ на глаза ему попалась миловидная Люда Талалаева, певшая в самодеятельном хоре. Людмила, хоть и была русской, родом из уральского города Воткинска, замечательно исполняла украинские песни, хорошо готовила и вообще стала идеальной подругой Леонида. В 1962 г. они поженились, и вскоре у молодоженов родилась дочь Лена.

К тому времени 28-летний Кучма уже был ведущим

конструктором КБ «Южное» и возил разработки завода для испытаний на космодром Байконур. Во время подготовки к очередному пуску на стартовой площадке произошло ЧП – загорелась ракета. Военные и гражданские чины, присутствовавшие на старте, бросились наутек: все помнили о недавней катастрофе, погубившей десятки людей, включая Главного маршала артиллерии Неделина. Не потерял самообладания лишь Леонид Кучма, который и организовал тушение готовой взорваться ракеты. Вскоре после этих событий он был выдвинут на Государственную премию, но те, кто решал этот вопрос, сказали: «Молод еще, пускай поработает».

С 1975 по 1982 г. Леонид был секретарем партийной организации КБ «Южное», затем четыре года работал первым заместителем генерального конструктора КБ, а с 1986 по 1992 г. – генеральным директором производственного объединения «Южный машиностроительный завод». В 1990 г. Кучма защитил кандидатскую диссертацию, а через два года получил звание профессора. Ныне он – член ряда Академий наук, имеющий немало правительственных наград, среди которых самая престижная в СССР Ленинская премия за разработку ракет СС-18 и СС-20 и Государственная премия Украины в сфере науки и техники (1993 г.).

Профессиональная политическая деятельность Кучмы началась с избрания народным депутатом Верховного Совета Украины в марте 1990 г. Он был среди тех депутатов, которые в следующем году приняли судьбоносное для Украины решение, провозгласив ее независимость.

В октябре 1992 г. Президент Украины Леонид Кравчук назначил Кучму премьер-министром нового реформаторского правительства молодой республики и поручил ему проведение денежной реформы. Однако почти за год его премьерства «прорыва к рынку» так и не произошло. Уже через пару месяцев инфляция в Украине подскочила в три раза, рванули ввысь цены на энергоносители, стали останавливаться заводы. А премьер все метался между президентом и Верховным Советом, требуя дополнительных полномочий, и угрожал отставкой в случае невыполнения этих требований. Вскоре, однако, не только лимит сверхполномочий, но и лимит доверия главе правительства оказался полностью исчерпан.

Хитрый Кравчук все рассчитал правильно: Кучма никогда не решится на серьезные перемены. Какой рыночник из человека, который всю жизнь был уверен, что «экономика» и «госзаказ» – синонимы? К тому же президенту было очень удобно переложить ответственность за неизбежное ухудшение положения в стране на

уже «отыгранную» фигуру. В тот момент никто не мог себе даже представить, что эта самая фигура спустя всего год переиграет самого Кравчука.

В сентябре 1993 г. очередное прошение премьера об отставке удовлетворил Кравчук, а затем и парламент Украины. После отставки Кучма руководил Украинским союзом промышленников и предпринимателей, совершенствовал сборку троллейбусов в бывших ракетных цехах на родном «Южмаше». Возродиться из пепла «отыгранному премьеру» помог его бывший пресс-секретарь Д. Табачник, предложивший шефу в 1994 г. стартовую программу для предстоящей президентской кампании. Расчет был сделан на электорат Востока и Крыма: избиратели этих регионов к тому времени уже «наелись» навязчивой кравчуковской украинизации и интриг вокруг автономии полуострова на фоне растущей безработицы. Самым популярным плакатом того времени был Кучма в свитере, уверявший народ: «Я наведу порядок».

В отличие от Кравчука, Леонид Данилович оказался для избирателя простым и понятным. И труд в поле знает, и в общежитиях тараканов кормил, и песни под гитару поет, и жену без надобности «в телевизоре не показывает». К тому же на фоне финансово-криминальных скандалов, в которых по уши увязла тогдашняя киевская элита, «хотевший много сделать» провинциал, с трудом говоривший по-украински и имевший репутацию «обиженного властью», смотрелся очень неплохо. Поддержку восточных регионов ему окончательно гарантировало обещание первым указом придать русскому языку статус государственного. Такому перспективному кандидату, как писала потом «Комсомольская правда», большую поддержку оказали российские деловые круги.

По слухам, Россия способствовала победе «своего» кандидата не только рекламой, но и деньгами, на которые не поскупились «олигархи» за право принять участие в дележке жирного украинского пирога. В этой связи называли имя Бориса Березовского и сумму – 50 млн долларов. Как бы то ни было, во втором туре выборов Кучма получил 52% голосов – не намного больше, чем Кравчук, за которого дружно голосовали «западники». Чтобы заполучить голоса хотя бы части электората Западной Украины, Леонид Данилович за два месяца выучил, наконец, украинский язык. На нем он, запинаясь, и произнес 19 июля 1994 г. торжественную присягу президента – третьего в украинской истории после Михаила Грушевского (в 1917 г.) и Леонида Кравчука.

После вступления в должность глава государства предвыборных обещаний не выполнил. Многие избиратели

посчитали себя обманутыми. В результате на следующих президентских выборах осенью 1999 г. явка избирателей была очень низкой, особенно в Крыму, и Кучма набрал крайне мало голосов, но все-таки был переизбран на второй срок.

Супруга главы государства Людмила Николаевна возглавила Национальный фонд социальной защиты матерей и детей «Украина – детям». Дочь Елена работала заместителем директора «семейной» компании «Киевстар GSM», жила с родителями и растила сына Романа. Она была замужем за Игорем Франчуком, сыном бывшего главы правительства Крыма, который, по данным некоторых средств массовой информации, к моменту их развода в 1997 г. успел взять под контроль крупнейшую на полуострове феодосийскую нефтеперегонную базу, а также ряд других инвестиционно привлекательных предприятий полуострова. С 1998 г. Елена состоит в гражданском браке с известным политиком и крупным бизнесменом Виктором Пинчуком, президентом компании «Интерпайп» – империи «труб, кокса и металла», владельцем газеты «Факты», телекомпании «ICTV» и «Уличного телевидения».

Зимой 2000 г. президента обвинили в устранении неугодного властям журналиста Георгия Гонгадзе (так называемый «кассетный скандал»). Лидер Социалистической партии Украины А. Мороз обнародовал аудиозапись, на которой якобы были записаны разговоры Кучмы, главы Службы безопасности Украины Л. Деркача и министра внутренних дел Ю. Кравченко, касающиеся исчезновения журналиста. Это послужило началом акции «Украина без Кучмы», организованной оппозицией. Акция представляла собой многолюдные уличные демонстрации и палаточные городки в центре Киева.

В 2001 г. Верховная Рада Украины несколько раз пыталась начать в отношении Леонида Кучмы процедуру импичмента. Его обвиняли в незаконной продаже оружия, в пособничестве в избиении депутата Александра Ельяшкевича и множестве других мелких и крупных грехов. Действующий Президент Украины становился все более непопулярным. Его рейтинг доверия составлял в то время 20%, а недоверия – примерно 60%. На парламентских выборах 2002 г. Кучма поддержал блок «За единую Украину!», который возглавил глава его администрации Владимир Литвин, вторую позицию в избирательном списке занял тогдашний премьер-министр Украины Анатолий Кинах.

Накануне президентских выборов в 2004 г. оппозиция в лице Юлии Тимошенко считала, что если Кучма сумеет за оставшееся время «"убрать" всех конкурентов, то пойдет на третий срок. Если он найдет преемника, в чем я лично сильно сомневаюсь, тогда

глава государства начнет действительно формировать парламентско-президентскую республику, создавая при этом механизмы, которые дадут ему основания еще поработать, например, на посту премьера, который будет играть ключевую роль в новой системе власти. И я думаю, что он найдет рычаги влияния на каждый парламентский "клан", убедив их предоставить ему возможность стать главой Кабмина с президентскими, по сути, полномочиями».

Сам же Леонид Данилович 3 сентября 2003 г. на пресс-конференции в Москве, во время презентации своей книги, сказал: «В Киеве Россия всегда будет иметь своего человека, но своего в другом смысле. Этот человек, как я надеюсь, будет понимать, что подлинная независимость Украины – в интересах России, что украинство Украины – это очень хорошо для России. В этом смысле, повторяю, любой украинский президент будет человеком России в Киеве, потому что другого человека Украина не поймет и не примет».

В январе 2005 г. Л.Д. Кучму на должности Президента Украины сменил В.А. Ющенко.

Латынина Лариса Семеновна (род. в 1934 г.)

Звезда мировой спортивной гимнастики, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР. Абсолютная чемпионка олимпийских игр (1956, 1960 г.). Единственная в мире обладательница 18 олимпийских медалей – 9 золотых, 5 серебряных, 4 бронзовых. Восьмикратная чемпионка мира, многократная чемпионка Европы и СССР. Тренер олимпийской команды гимнасток (1966-1976 гг.).

В самом центре Киева заложена Аллея звезд. Ее уникальность в том, что впервые в мировой практике здесь одновременно горят звезды не только представителей искусства и эстрады, но и спорта. И одна из них – в честь звезды мирового класса Ларисы Латыниной. Кроме нее, получить девять золотых олимпийских наград удалось лишь финну Пааво Нурми, за что ему на родине был установлен памятник. А по общему количеству завоеванных медалей гимнастка до сих пор не имеет равных в 100-летней истории Олимпиад, и ее имя внесено в Книгу рекордов Гиннесса. Поклонники спортивной гимнастики с восторгом говорили, что медали сыпались на нее с неба, как в хороший звездопад.

Лариса родилась 27 декабря 1934 г. в Херсоне. Когда началась война, ее отец, Семен Андреевич Дирий, ушел на фронт. «Войну я никогда не забуду, – вспоминала впоследствии прославленная гимнастка. – И не забудет ее никто из моего

поколения. Тысячи бед принесла она нам. И нет среди семей моих сверстников ни одной, которой бы не опалили частые неразборчивые молнии военной грозы. Где-то в районе великой Сталинградской битвы, в земле, усеянной осколками и пропитанной пороховой гарью, похоронен мой отец».

На долю матери маленькой Лоры Пелагеи Анисимовны выпали нелегкие годы вражеской оккупации и послевоенной разрухи. Чтобы прокормить семью, ей приходилось работать днем и ночью – уборщицей и истопником. Тем не менее ее принцип – дочка должна воспитываться не хуже, чем у других людей, – оставался неизменным при любых обстоятельствах.

В детстве Лариса мечтала танцевать в Большом театре, занималась в студии хореографии в херсонском Доме народного творчества. Она подавала большие надежды, но студия быстро закрылась, а балетного училища, о котором мечтала складная, бойкая девочка, в городе не было. В пятом классе Лора увлеклась спортивной гимнастикой, но обладая прекрасными вокальными данными, разрывалась между спортзалом и хором. И тогда ее учитель физкультуры и первый тренер М. Сотниченко уговорил руководителя хора сказать своей юной подопечной, что нет у нее ни слуха, ни голоса. Так Лариса не стала ни балериной, ни певицей. Зато мировая спортивная гимнастика обрела будущую королеву – самую титулованную гимнастку XX века. За три года она выполнила норму второго разряда, а в 1950 г. Лора вошла в состав сборной команды школьников Украины и отправилась на всесоюзное первенство в Казань. Первое серьезное выступление не удалось и после него юная гимнастка, забившись в укромный уголок, долго заливалась слезами. Именно тогда она взяла себе за правило: смеяться со всеми, плакать – в одиночку.

Но гимнастика уверенно вошла в ее жизнь. В девятом классе (1951 г.) Лариса стала первым в Херсоне мастером спорта СССР. Окончив школу с золотой медалью через два года, она переехала с матерью в Киев, где поступила в политехнический институт. Почти одновременно из Москвы ей прислали вызов на всесоюзный сбор в Братцево, где готовилась сборная команда страны, выезжающая на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Бухарест. Решающие контрольные отборочные соревнования она прошла достойно и вскоре получила заветный синий шерстяной костюм с буквами «СССР». С этих пор юная украинская гимнастка, выступая на мировых спортивных аренах, представляла весь Советский Союз. В столице Румынии были выиграны первые в спортивной карьере Ларисы Дирий золотые медали на международных соревнованиях. Она поняла, что из простого увлечения гимнастика переросла в дело всей жизни и,

значит, ее будущая профессия должна быть связана со спортом. Лариса перевелась в Киевский институт физической культуры, продолжая тренироваться под руководством заслуженного тренера СССР А. Мишакова.

В 1954 г. Лариса в составе сборной СССР участвовала в тринадцатом чемпионате мира, проходившем в Риме. Для советских гимнасток он был первым. Соревнования проходили в небывалых условиях: под открытым небом, даже в тени термометр показывал больше сорока градусов, к раскаленным снарядам было страшно подходить. Программа началась с вольных упражнений, в которых с Ларисой никто сравниться не мог. «Полторы минуты музыки, так же как и девяносто секунд движений, наверное, мало для того, чтобы оставить очень глубокое впечатление. И все же, слитые вместе, они могут многое сказать. В эти мгновения все зависит от вас. Не думайте о том, как пройти диагональ и выйти в стойку, не тратьте последние минуты на то, чтобы повторить фляки», – наставляла впоследствии чемпионка своих учеников. И тогда у нее все получилось великолепно: гимнастка завоевала титул чемпионки мира в вольных упражнениях. Газеты писали: «То, что продемонстрировала нам юная Лариса Дирий, мы видим очень редко… Это была чистейшая акробатическая работа, в которой проявилась и отменная балетная школа, и чудесное музыкальное чутье, что обеспечивает гармонию в сложных упражнениях. Это образцовая демонстрация мастерства международного класса».

И снова длительные тренировки, которыми руководил киевский тренер Мишаков, и крупные международные соревнования в Киеве в 1956 г., где Лариса победила на трех снарядах. Свои достижения она подкрепила в том же году на XVI Олимпийских играх в Мельбурне. Юная, но уже профессиональная гимнастка стала абсолютной чемпионкой. Затем последовала еще одна блестящая победа – на чемпионате Европы.

Но Лариса никогда не считала, что путь устлан одними победами. Спорт научил ее не только выигрывать, но и не бояться поражений. Так, в декабре 1957 г. на чемпионате СССР она уступила пальму первенства С. Муратовой, но это поражение не огорчило спортсменку. А вскоре Латынина узнала, что у нее будет ребенок. Она не оставила спорт. Лариса побывала на приеме у именитого киевского гинеколога А. Лурье. «Вы планировали выступать в июле на чемпионате мира? – поинтересовался профессор. – Вот и выступайте. Только никому ни слова. Начнутся комиссии, советы. В гимнастике я разбираюсь плохо, но в балете известен как повивальная бабка. Думаю,

ребенок родится здоровым, мама будет счастлива, а профессор – доволен». И в июле 1958 г. 23-летняя беременная спортсменка завоевала 4 золотые медали, став чемпионкой мира в командном первенстве, в многоборье, в опорном прыжке и на брусьях.

«Иногда я начинаю подсчитывать все свои спортивные награды, – смеялась Лариса, – так запутываюсь где-то между цифрами 140 и 150. Меня подчас спрашивают: "Какая из медалей вам особенно дорога?" Конечно же, нельзя забыть о первой, это долгожданное счастье. Ну и, верно, последняя – знак скорого расставания с активным спортом. Не могу не сказать о наградах чемпионата мира 1958 г. Тогда на помосте я думала не столько о призах и возможном месте в таблице, сколько о том, что у меня скоро должен родиться ребенок. И через пять месяцев появилась Татьяна. Когда Таня была маленькой и к нам приходили гости, она любила показывать эти награды и говорила: "Это наши с мамой медали, мы их вместе завоевали…"»

После родов Лариса вернулась в большой спорт, блестяще победив на XVII Олимпийских играх в Риме (1960 г.) более молодых и энергичных соперниц. Хотя огромные нагрузки вызвали перебои в сердце, это не остановило спортсменку. Латынина вспоминала: «И экстрасистола не мешает мне выиграть многоборье, вольные и бревно. Это – открытое первенство Японии, я становлюсь абсолютной чемпионкой Страны восходящего солнца». И во время Олимпийских игр 1964 г. здесь же, в Токио, она остается в центре внимания. «Таймс» писала: «В жизни каждого человека бывает несколько моментов такой красоты, которая вызывает слезы и стеснение в груди. Это может быть закат в горах, картина, какой-нибудь музыкальный отрывок, это может быть один из тех редких моментов, когда спорт внезапно становится формой искусства. Один такой момент мы испытали здесь, в Токио, когда Латынина очаровала нас своими вольными упражнениями. В этот момент она была не просто великолепной гимнасткой. Она была воплощением молодости, красоты и блеска… В памяти остается Латынина. Сейчас ей 29 лет, возможно, мы уже никогда не увидим ее такой. Но именно такие моменты, как те, которые она нам дала в этот вечер, порождают вечные надежды».

И по сей день Лариса остается единственной гимнасткой, которой удалось выиграть золотые медали в вольных упражнениях на трех Олимпиадах подряд – в Мельбурне (1956 г.), в Риме (1960 г.) и в Токио (1964 г.), не говоря уже о 18 олимпийских медалях, из которых 9 (!) – золотые.

Последний раз Лариса Латынина в форме сборной СССР вышла на гимнастический помост мирового чемпионата в 1966 г.

«Я отлично знала, что не выиграю в Дортмунде, но я знала и другое: у меня хватит сил, чтобы выступить для команды!» Ей было 32 года, а рядом с ней стояли совсем юные О. Карасева, З. Дружинина, Н. Кучинская, Л. Петрик – надежда и гордость советского спорта на ближайшее десятилетие. «Это же наша мама, – говорила тогда Карасева. – Она добрая и внимательная, но и сердиться умеет, особенно когда мы с девчонками втихомолку едим мороженое. Думаю, что Ларисе Семеновне бывает очень грустно. Наверное, это ее последний чемпионат…»

Да, это был ее последний мировой турнир. Но пришла пора нового взлета легендарной чемпионки – как старшего тренера женской сборной СССР. Десять лет она была на этом посту. Под ее руководством появилась «чудо-команда», и советские спортсменки трижды выиграли золотые медали Олимпиад (1968, 1972 и 1976 г.). Именно в это время Лариса Семеновна и ее помощники создавали гимнастические шедевры Ларисы Петрик, Эльвиры Саади, Нины Дроновой, Людмилы Турищевой, Ольги Корбут, Любови Бурды – достойнейших учениц и наследниц великой Латыниной.

И все это «золотое десятилетие» Лариса Семеновна отстаивала в гимнастике ее главные, непреходящие ценности – красоту, женственность, лиризм. Она следовала этим принципам всю жизнь, стараясь не дать восторжествовать гимнастике супертрюковой, жесткой, больше цирковой, нежели спортивной. Гимнастика души, гимнастика вдохновения была для нее превыше всего: «Мне хотелось, чтобы спортивная гимнастика, несмотря на ее сложность, оставалась женственной, пластичной, – вспоминает Латынина. – Я много спорила с тренерами, убеждала их: нужна хореография, сухая акробатика снижает зрительский интерес. Бесполезно!» Но большой спорт – это нередко и большие интриги. Не миновала чаша сия и Латынину. После Монреаля на нее посыпались обвинения в том, что она проповедует женственность, а нужны трюки, скорость и сложные элементы. Устав от незаслуженных упреков, Лариса Семеновна в 1977 г. подала заявление об уходе с тренерской работы: «Бороться было трудно, даже бесполезно. Но вот спустя годы смотрю выступления сегодняшних мастеров и вижу, что возвращаются прежняя красота, изящество, гармония гимнастики. Значит, я была права, и сознание этого придает мне силы».

В течение четырех лет Латынина работала в оргкомитете «Олимпиада-80», где курировала подготовку и проведение соревнований по гимнастике. После привычной тренерской работы она осваивала новое для себя поприще: занималась вопросами строительства и оборудования гимнастических залов,

обеспечения спортсменов формой и необходимым инвентарем, представляла оргкомитет на всех проводившихся в те годы крупнейших международных соревнованиях по гимнастике, в том числе на чемпионатах мира и Европы.

Затем она работала в Спорткомитете Москвы, на протяжении 10 лет была старшим тренером сборной команды столицы по гимнастике. С 1990 г. Латынина работала в Фонде милосердия «Физкультура и здоровье», в 1997-1999 гг. была заместителем гендиректора СП «Гефест». С 1991 г. и по настоящее время она – член бюро Союза спортсменов России.

Перу Ларисы Семеновны принадлежат книги «Солнечная молодость» (на украинском языке, 1958 г.), «Равновесие» (1970, 1975 гг.), «Как зовут эту девочку» (1974 г.), «Гимнастика сквозь годы» (1977 г.), «Команда» (1977 г.). Ее статьи печатались в журналах «Огонек», «Знамя», «Театр», «Физкультура и спорт», «Спортивная жизнь России»; она принимала участие в телевизионных программах. Спортсменка выражала свежие мысли о социальной роли спорта, о путях развития ее любимой гимнастики. Эти высказывания дают право назвать Латынину поэтом, романтиком прекрасного мира движений. А недавно ее включили в состав Попечительского совета Кубка мира по латиноамериканским танцам.

Но, в общем-то, «бабушка русской гимнастики» уже отошла как от активной деятельности в спорте, так и от общественной жизни, и в Москве бывает нечасто. «Сегодня во мне заговорили сельскохозяйственные гены, муж [после двух предыдущих браков им стал Юрий Фельдман– один из руководителей электротехнической компании АО «Динамо», а в прошлом– мастер спорта по велогонкам на треке] – замечательный помощник. По званию он – академик, но это не мешает ему своими руками делать дачную мебель, обустраивать хозяйство. Моя нынешняя гимнастика – огородная, по сто-двести раз делаю наклоны и приседания: то в коровнике, то в теплице, то на огороде», – шутливо говорит Лариса Семеновна. У нее не просто дача, а настоящая ферма близ подмосковного Семеновского – с коровой, козой, свиньями, овцами, кроликами, домашними собаками и котом. После многолетних выступлений, тренерской и общественной работы ей на склоне лет нравится жить на природе. «Идея завести ферму возникла у меня и мужа Юрия еще десять лет назад, – говорит Лариса Семеновна. – Мы не искали для себя каких-то обустроенных мест, выбрали участок в лесу, на "дикой" природе. Ведь лес для меня – это воспоминание о детских годах, когда я часто бывала в Цюрупинском лесу. Красота природы вдохновляет меня на занятия живописью: я пишу пейзажи,

натюрморты. Поэтому для меня ферма – это еще и эстетика. Теперь все по-иному, и я с радостью живу каждый день, благо рядом любимый муж, неподалеку дом дочери с двумя внуками. Думаю, что мы живем счастливо…»

Легенду советского и мирового спорта огорчает только одно – иногда ее забывают пригласить на значительные соревнования по спортивной гимнастике, а если и приглашают, то усаживают где-то в последних рядах. А ведь заслуженный работник физической культуры РФ Латынина за выдающиеся спортивные заслуги награждена орденами Ленина, Дружбы народов, Почета, тремя орденами «Знак Почета» и многими медалями. В 1991 г. Президент Международного олимпийского комитета Самаранч вручил знаменитой гимнастке серебряный орден МОК, ЮНИСЕФ наградила ее «Золотым камертоном». Имя Ларисы Семеновны красуется в уникальном «Зале Олимпийской славы» в Нью-Йорке. В 2000 г. на Олимпийском балу Латынина была включена в великолепную десятку «Лучших спортсменов России XX века», а ведущие спортивные журналисты мира назвали ее в числе 25 самых выдающихся спортсменов столетия.

Левицкий Дмитрий Григорьевич (род. в 1735 г. – ум. в 1822 г.)

Выдающийся художник-портретист, крупнейший мастер парадного камерного портрета. Академик живописи (1770 г.), член совета Академии художеств (1776 г.) и руководитель портретного класса (1771-1787 гг.).

История России в лицах – так можно коротко сказать о творческом наследии Д.Г. Левицкого, живописца редкого дара, чья кисть зеркально отразила на полотнах эпоху XVIII века. Цари и царедворцы, философы и светские львы, холодные красавицы и писатели, промышленники и дипломаты, аристократы и купцы, чиновники и военные, родители и дети – их портреты говорят о прошлом гораздо весомей любых слов. Сотни лиц умных и глупых, злых и добрых, чувственных и холодных – и за каждым человеческая судьба. Это не просто представители екатерининского века – они его олицетворение, они его созидатели. Художник выполнил сполна свою миссию живописца истории (хотя не создал ни одной исторической картины), и за это современники вначале вознесли его на пьедестал, а затем благополучно забыли, поглощенные своими делами, интригами и расчетами. И неизвестно даже, под каким холмиком на старом Смоленском кладбище похоронен человек, сумевший обессмертить их облики.

Жизненный путь Дмитрия Левицкого начался в небольшом украинском селении на Полтавщине в старинном поповском роду Носов. Его отец Григорий Кириллович, образованный и талантливый человек, тринадцать лет провел в Польше, где в совершенстве освоил граверное дело и стал крупнейшим украинским графиком. Из-за границы он вернулся с новой фамилией Левицкий и поселился в Киеве, а свой церковный приход сдавал по найму другим священникам. Его творческая жизнь часто переплеталась с деятельностью Киевской духовной академии и Киево-Печерской типографии. В семье Григория Кирилловича и его жены Агафьи, урожденной Левицкой, росли четверо сыновей и дочь. Старший Дмитрий унаследовал от отца своеобразный дар композиции, совершенство рисунка и уверенную работу с натуры. Выросший в кругу украинской художественной интеллигенции и духовенства, он был хорошо образован, начитан, уверен в своих способностях и, бесспорно, очень одарен.

Возможно, еще в 1752-1755 гг. Левицкий познакомился с известным художником А.П. Антроповым, который тогда расписывал Андреевскую церковь в Киеве. И, приехав в 1758 г. в Петербург, он не только стал учеником прославленного мастера, но и жил в его семье на протяжении почти шести лет. В качестве помощника Антропова в 1762 г. Дмитрий выполнял росписи Триумфальных ворот по случаю коронации Екатерины П. Два года спустя он уже самостоятельно реставрировал это сооружение, а в 1767 г. совместно с В. Васильевским создал два иконостаса и 73 образа для Екатерининской и Киро-Иоанновской церквей и добился очень высокой оплаты своей работы.

Неизвестно, были ли другие учителя у начинающего художника, но уже в первых портретах стиль Левицкого в корне отличается от антроповского. Его манера самостоятельна и более созвучна западноевропейской своей непринужденностью, гаммой полутонов, лессировкой, смягчающей интенсивность цвета, и характерной световоздушной средой. За портреты исторического живописца Г.И. Козлова и его супруги Левицкий в 1769 г. получил звание назначенного в академики, а следующий год стал для него годом почти невероятного, головокружительного взлета. Среди 39 работ, представленных на выставке в «Императорской Академии трех знатнейших художеств», шесть принадлежали «вольному малороссиянину» Д. Левицкому, который затмил уже именитых художников – Гроота, де Лапьера, Лосенко и Вельского. И лица, изображенные на портретах, совсем не рядовые. Изысканно-галантный граф А.С. Строганов немного некрасив и простоват среди парадной обстановки кабинета, но удивительно человечен

и умен. Вот тайный советник и будущий сенатор А.Г. Теплов – дипломат, хитрец и предатель, великолепный переводчик, музыкант и композитор, профессиональный живописец. Его властный оценивающий взгляд, волевой подбородок, презрительно искривленные губы странно сочетаются с незаурядным умом и впечатлительностью с оттенком мечтательности. На третьем портрете изображен коллежский советник и опекун императорского московского воспитательного дома Б.В. Умской – как считали современники, побочный сын императрицы Елизаветы Петровны. А рядом с ним хитрый сообразительный мужик, откупщик графа П.Б. Шереметева, делец и меценат Н.А. Сеземов – пренеприятнейшая личность с одутловатым желтым лицом. Здесь же портрет штаб-лекаря Х. Виргера «102 лет от роду». Но «гвоздем выставки» стала программная работа на звание академика «Портрет архитектора А.Ф. Кокорина», ректора Академии художеств. Внешняя мишура дорогого парадного костюма, выписанная до мельчайших подробностей и цветовых нюансов, не затмевает, а акцентирует внимание на ласковом, простодушном лице, на взгляде умных глаз, едва заметной усмешке и выразительных руках творческого человека.

В 1772 г. Левицкий получил звание академика, а спустя год ему поручили портретный класс в академии. В течение 17 лет «превосходно эрудированный в вопросах искусства господин академик» три раза в неделю спешил к ученикам. И здесь он ни в чем не был похож на других преподавателей. Своим подопечным он давал очень разнообразные и обширные профессиональные знания и для копирования предлагал совсем не рядовые произведения, а картины А. Ван Дейка и Рембрандта, А. Лосенко и «персонных дел мастера» И. Новикова. Питомцев Левицкого ценили за профессиональную эрудицию и мастерство.

На такую высоту художника поднял не только его несравненный дар, но и покровительство приближенных к Екатерине II сановников И.И. Бецкого и А.Г. Теплова. Это они обеспечивали замкнутому по натуре Левицкому высокопоставленных заказчиков, таких, как вице-канцлер князь А.М. Голицын (1772 г.), фельдмаршал А.А. Прозоровский, директор придворной капеллы М.Ф. Полторацкий, князь Г.Г. Орлов, статс-секретарь Екатерины II А.В. Храповицкий и ее фаворит А.Д. Ланской. Все парадные портреты этих особ, выполненные в 1772-1782 гг., отличаются, как им и положено, блеском наград, переливом драгоценностей, богатством одежд. Для портретируемых главное – демонстрация знатности, богатства, дворянских достоинств, власти и почета, но за этим

«натюрмортом» от художника не скрывается человек и его внутренний мир.

Среди парадных изображений резко выделяется портрет «русского чудака XVIII столетия» П.А. Демидова (1773 г.). Этот портрет-картина – словно одна из его «выходок». Освобожденный от внешних признаков богатства, в нарочито простой домашней одежде, этот садовод-любитель с лейкой и цветочными горшками выглядит величаво и помпезно на фоне колоннады. Портрет давал усложненную характеристику личности, лишенной ясности духа и внутренней гармонии.

Живописное мастерство Левицкого было настолько совершенно, что парадные портреты императрицы Екатерины II, написанные на основе утвержденных ею «эталонов», намного превзошли все имеющиеся образцы. Особенно знаменит портрет-аллегория «Екатерина Законодательница в храме богини Правосудия» (1783 г.). На полотне все охвачено движением: бархатный занавес, клубы жертвенного дыма, стремительно легкая и праздничная фигура Екатерины, задрапированная в переливающееся бледно-желтое атласное платье. Сам Державин откликнулся на великолепную картину в оде «Видение Мурзы». Так же на основе чужого портрета, без единого натурного сеанса был исполнен художником один из лучших портретов философа Д. Дидро (1773-1774 гг.).

С гениальной живописной силой Левицкий передал одну из сторон дворянской культуры XVIII в. в ансамбле из семи портретов воспитанниц и выпускниц Смольного института благородных девиц. Картины, построенные как костюмированные представления, покоряют четко продуманной декоративностью и разноплановым изображением очаровательных юных героинь, раскрывают сценические дарования девушек. Художник не пытается скрыть от зрителя излишне заостренный нос Хованской, мальчишеские черты Хрущевой и детскую угловатость Ржевской. Словно куколка на музыкальной шкатулке с искрящимся смехом глазами, стоит Нелидова. Изумительные бальные платья Алымовой и Молчановой, переливаясь богатством белых, желтых и жемчужных оттенков, сияют матовым блеском, подчеркивают грациозность фигур и жестов. Бросается в глаза абсолютная живописность приемов, которые служат Левицкому для передачи всех проявлений жизненной красоты.

«Разве не поэт Левицкий? – скажет позднее художник К. Коровин. – Какие и как у него переданы женщины!» Они очень разные по возрасту, общественному положению и по внешности: от располневшей, рыхлой, с порозовевшим носом и небрежно одетой помещицы Бакуниной (1782 г.) до светской львицы У.

Мнишек (1782 г.) в блеске атласа и переливов шелковых кружев.

Среди множества официальных заказов Левицкий всегда изыскивал время для встреч с близкими ему людьми для создания их портретов. В его дружеское окружение входили братья Бакунины, семья Полторацких, литераторы И. Долгоруков и Н. Новиков и другие. Художник был тесно связан с семьей графа Воронцова и создал парные изображения супругов и их четырех дочерей. С особой теплотой относился Левицкий к другу юности архитектору Н.А. Львову и его жене. Он хорошо знал романтическую историю их брака, сильные характеры и добрые души, что помогло ему создать на полотне обаятельные и гармоничные образы.

Жизнь Левицкого протекала в основном в академии и в огромной мастерской, где в работе одновременно было до полусотни холстов. Она поражала обилием богатых нарядов (одежда рисовалась после натурного сеанса), тканей и всевозможных аксессуаров. Сам же художник был очень прост и в личных потребностях скромен. Обустроившись в собственном доме, Левицкий познакомился с живущей по соседству миловидной девушкой, дочерью сенатского служащего Настасьей Яковлевной и нашел в ней доброго друга и верную жену. Вместе пережили они большую утрату – двое сыновей умерли в младенчестве. Дочь Агафью растили не в роскоши, но и не бедствовали (маленькое академическое жалованье с лихвой компенсировалось гонорарами). Часто принимали друзей – художников и литераторов. Не забывал Левицкий и родственников, помог брату Павлу получить столичное образование инженера, на свои средства женил его, а потом пристраивал племянников. В доме же самого Левицкого постоянно жили ученики.

Благополучный период жизни художника закончился в начале 1790-х гг., когда в опалу попали его покровители И. Бецкий, А. Безбородко, А. Воронцов, за «мартинистские» взгляды (масонство) на 15 лет в тюрьму угодил Н. Новиков. Возможно, почувствовав шаткость своего положения в академии, в 1787 г. Левицкий попросил об отставке, мотивируя свой уход «слабостью здоровья и зрения». Прошение было моментально удовлетворено, причем «пенсион» руководителю портретного класса, воспитавшему плеяду видных портретистов (Боровиковский, Щукин, Дрождин), был назначен мизерный. Правда, в 1807 г. он был восстановлен хлопотами друзей в звании члена совета академии с достойным его многолетних трудов жалованьем.

По свидетельству современников, в последние 25 лет жизни Левицкий, всегда религиозно настроенный, всецело отдался

религии. Этому способствовало и настроение безнадежности, царившее в просвещенных кругах. В числе многих интеллигентных людей того времени художник поддался мистическим настроениям и вошел в тайную масонскую ложу «Умирающий сфинкс», во главе которой стояли его друг Н.И. Новиков и секретарь Академии художеств А.Ф. Лабзин. Возможно, там художник искал духовного и эмоционального прибежища. Но его тревожные думы, чувства растерянности и разочарования не отразились в произведениях последних лет. Мастер портретной живописи, посвятивший все свое творчество радостному прославлению человека, остался верен себе и у мольберта молодел душой, проникаясь верой в каждого человека и радость бытия. Сколько мог, он продолжал работать: «Портрет молодого человека со сфинксом», четыре портрета дочерей Павла I, портрет брата Павла, «Портрет молодого человека», двенадцать неоконченных портретов Владимирских, портреты купцов Билибиных. Последний холст датирован 1812 г. Это портрет младшего брата художника, священника Прокофия. И все… Жесточайший ревматизм и почти полная слепота навеки сковали творческие силы живописца. Дмитрий Григорьевич Левицкий, слава и гордость отечественной культуры, с чьим именем связаны высочайшие достижения русской школы живописи, скончался 7 апреля 1822 г. Его уход был оплакан только семьей. Запись в церковной книге стала единственным откликом об ушедшем из жизни и быстро забытом современниками художнике. Но по-прежнему вспыхивают сказочными жемчужинами его портреты, поражают сочными светотеневыми эффектами, сверкают парадными мундирами и бальными платьями, однако этот блеск не затмевает истинного героя искусства Левицкого – реального человека.

Леонтович Николай Дмитриевич (род. в 1877 г. – ум. в 1921 г.)

Выдающийся украинский композитор, аранжировщик, хоровой дирижер, собиратель музыкального фольклора, музыкально-общественный деятель и педагог. Автор более чем 150 хоровых обработок украинских народных песен, четырех хоровых композиций и неоконченной оперы «На русалочью Пасху».

Николай Леонтович был необычным художником – он творил новую украинскую народную музыку. Композитор постоянно искал такие способы выражения эмоций в мелодиях, чтобы стало возможным превратить «звук в краски». Он говорил: «Я представляю себе так: большие колебания дают темные краски, маленькие – светлые…» Леонтович сумел сделать свою музыку разноцветной – ведь люди, слушая ее, ощущают всю неповторимую гамму красок и гармонию чувств, вложенную в нее автором. Серьезные же музыковеды, к числу которых относится и Зденек Неедлы, определяя особенности музыки Николая Дмитриевича, отмечают, что «дальнейшее развитие хорового искусства в Украине после Леонтовича пошло путем гармонизации и характеристики».

Родился Коля 13 декабря 1877 г. в селении Селевинцы неподалеку от Монастырок на Подолье (теперь Немировский район Винницкой области) в семье потомственного сельского

священника Дмитрия Феофановича Леонтовича. Отец Дмитрий был человеком весьма образованным и музыкально одаренным, играл на виолончели, скрипке и гитаре, в прошлом руководил хором семинаристов. Мать, имевшая прекрасный голос, привила четверым детям любовь к украинской песне. Александр, Мария, Елена и, конечно, Николай получили прекрасное домашнее музыкальное образование и все связали свою жизнь с музыкой. Но родители, готовившие чад к религиозной стезе, не относились серьезно к их увлечениям и наказывали, если замечали, что они играют с мужицкими детьми. А Колю как магнитом тянуло на улицу, откуда лились девичьи голоса, поющие о порой нелегкой, а порой веселой человеческой жизни, и звуки скрипки хромого Якова Бандуренко, которые западали прямо в душу. Он мог, замерев и ни на что не обращая внимания, часами вслушиваться в эти прекрасные звуки. Окружающие называли мальчика «странным ребенком», а он сам вспоминал о годах, проведенных в с. Шершни, куда семья переехала вскоре после его рождения, как о самых счастливых в своей жизни.

Когда Коле исполнилось десять лет, ему пришла пора попрощаться с родным домом. Год он обучался в Немировской гимназии, а затем отец, у которого ухудшилось финансовое положение, перевел его в Шаргородскую школу. Домашний мальчик скучал по близким и тяготился школьной жизнью. Он давно умел читать и писать, а будучи с рождения физически некрепким, часто попадался под руку более сильным и задиристым одноклассникам. Единственными светлыми минутами для него были уроки пения. Учитель обратил внимание на чистый красивый голос маленького Леонтовича и разрешал иногда солировать. Он прививал ученикам любовь к «запрещенной» украинской песне, а однажды даже привел другого учителя, чтобы тот прослушал Колю. Вскоре человек этот был уволен за «украинофильство» и «внесение смуты» в юные умы. Но горькие его слова: «Вот вам, дети, и народная песня» – навсегда засели в памяти Леонтовича, как и прозвища, данные ему другими детьми – «соловушка» и «пташка».

Дома Николай бывал не часто, а с началом учебы в Каменец-Подольской духовной семинарии, в стенах которой он провел полных семь лет, – и того реже. Занятия не слишком привлекали молодого человека. И если поначалу Леонтович находился в числе лучших учеников, то постепенно его оценки становились все хуже. «Зубрежка» требуемых для священников предметов была ему не по душе, он любил только литературу – очень уж здорово читал преподаватель разные произведения. А любовь к музыке стала еще сильнее. Во многом этому поспособствовал и новый

учитель – Нестор Макарович, который начал заниматься с ним отдельно от других семинаристов, доверял ему в свое отсутствие хор, познакомил с творчеством Н. Лысенко и М. Глинки и первый представил народную песню как родник неисчерпаемой красоты и мудрости. Он приобщил Леонтовича и к собиранию музыкального фольклора, и юноша все каникулы проводил в селе, записывая старинные украинские песни и сокрушаясь, что нет мастера, который сумел бы сделать из «седых песен» прекрасные современные обработки.

Успехи Леонтовича в музыке заметила дирекция семинарии и после смерти Нестора Макаровича назначила ученика… преподавателем музыки и дирижером семинарского хора. Один из семинаристов, у которых Николай преподавал, писал о нем: «В общем, он и нам прививает любовь к музыке, а сам, наверное, только и живет, что музыкой». Леонтович не только оправдал свое назначение, но и внес в обучение исполнение народных песен. Он сам начал обрабатывать мелодии, и вскоре хор исполнял «Ой, чия ж то причина, що я бідна дівчина», «Ой, час, пора до куреня», «Не тепер по гриби ходити» в его оригинальных аранжировках. Это было единственное, что не устраивало начальство в молодом преподавателе, но наставники всегда замолкали, нарываясь на непреклонный взгляд серых глаз худенького белявого юноши, который, кстати, несмотря на свое новое ответственное положение, продолжал тайком удирать по вечерам из семинарии в оперу.

1899 г. стал последним учебным годом для Николая. Из-за того, что занимался он все же в основном музыкой, некоторые предметы пришлось пересдавать уже после выпускного вечера. Но это мало что значило для молодого человека. Единственной своей целью он считал последнее выступление семинарского хора под своим руководством. Присутствующие с восторгом приняли его «Вниз по матушке по Волге», «Военный марш» и многие другие обработки русских и украинских песен, духовные композиции, а учащиеся преподнесли своему педагогу клавир оперы Чайковского «Черевички» с надписью «Будущему знаменитому композитору, незабываемому регенту от хора певцов» и словами: «Мы верим в тебя и ждем великой работы на ниве народной музыки». Тогда-то Леонтович окончательно сокрушил мечту отца о том, что станет священником. Он решил быть простым учителем, чтобы иметь возможность посвятить жизнь музыке.

В конце августа того же года Николай получил место учителя пения и математики в церковно-приходской школе в с. Чуков, где его стремление попало на благодатную почву. Священник Руданский, заведовавший школой, считался большим

поклонником музыки и пения. Он одобрил идею Леонтовича создать ученический оркестр и вечернюю музыкальную школу (при условии, что все расходы, разумеется, новый учитель возьмет на себя), и уже через полтора месяца новый симфонический оркестр и хор исполняли аранжировки «Діду, мій дударику», «Ой, розвивайся», «Чоботи» и даже две части «Шумки» Завадского. И все это несмотря на то, что сам композитор тогда еще почти ничего не знал об оркестровке, чисто интуитивно подбирая звуки и необходимые инструменты. В это время Николай активно занимался инструментовкой фортепьянных пьес Гуммеля, Диабели, Завадского, Штрауса и Глинки, создал первые обработки песен «Ой, в ліс по дрова», «Ой, вийду на вулицю», «Мала мати одну дочку»; продолжал собирать народные песни.

Но постепенно отношения с Руданским из-за постоянных придирок ухудшились настолько, что Леонтович вынужден был оставить место и уехать к родителям. В спокойной обстановке села композитор систематизировал собранные песни в «Первый сборник песен с Подолья» и принялся за второй. Тогда же он встретил любовь всей своей жизни. Клавдия стала ему преданной женой и подругой и матерью двух его дочерей. Окончив работу над «Вторым сборником песен с Подолья» и посвятив его Н. Лысенко, Николай Дмитриевич осмелился-таки послать Николаю Витальевичу и сборник, и письмо, в котором говорил о своей любви к народной песне, просил советов и помощи. Ответ он получил не скоро, но как согрело неуверенную душу это письмо. Леонтович сообщал невесте: «Лысенко пишет мне: "Если говорить о вашем сборнике песен, я был очень рад, найдя в нем самостоятельные ходы, а не расстановку интервалов для создания гармонии"… это высокая оценка для меня, а главное – что Лысенко заметил то, чего я добивался, обрабатывая песни… мне всегда хотелось, чтобы в моих песнях был живой букет, чтобы там замечалось "движение", которое так кстати отметил Лысенко…»

Все же Николай Дмитриевич не оставил преподавательскую работу. В течение двух лет он был учителем пения учительской семинарии в Виннице, в 1904-1908 гг. работал в железнодорожной школе на станции Грушино (ныне г. Красноармейск Донецкой области), где впервые организовал хор железнодорожников. И при этом следует учесть, что никакого специального музыкального образования сам композитор не получил, если не считать нескольких месяцев, проведенных в Петербурге на лекциях Придворной певческой капеллы в 1903-1904 гг., где он экстерном сдал экзамены на звание регента. Там же, под руководством профессора Бармотина, одобрявшего его эксперименты в области обработок, Леонтович получил и

очередное напутствие: «Вы идите собственной дорогой. У вас есть данные остаться самим собой». И он был самим собой. Еще в 1903 г. при помощи Лысенко было издано 300 экземпляров «Второго сборника песен с Подолья», который автор позже называл «слабым» и «пускал в Днепр» – то есть сжигал нераспроданные брошюры. В 1905 г. Леонтович, как и все, был захвачен революционными событиями, но его борьба за права рабочего класса не зашла дальше прекрасного переложения на музыку русского варианта «Марсельезы». Преследуемый царской полицией, он был вынужден уехать в Тульчин, где в течение десяти лет преподавал пение, арифметику и географию в женском епархиальном училище.

Эти годы стали едва ли не самыми продуктивными в жизни композитора. Силами учениц были поставлены детская опера «Коза-дереза» Лысенко, отрывки из опер «Аскольдова могила» Верстовского, «Борис Годунов» Мусоргского, «Пиковая дама» Чайковского. С 1910 г. во время наездов в Москву и Киев он учился у Б. Яворского, известного музыканта-теоретика, который преподал ему основы классической полифонии. Большую часть аранжировок Леонтович создал в Тульчине. Среди них «Ой, из-за горы каменной», «Прачка», «Казака несут», «Чернушка-душка», «Женчичок-бренчичок», «Ой, взошла зоря», «Зашумела лещинонька», собственные хоровые поэмы «Ледокол», «Легенда», «Моя песня», «Летние тона», несколько церковных хоров. И конечно, «Щедрик» – одна из самых знаменитых его композиций, в которой слились все накопленные знания и весь композиторский талант. Это удивительная по красоте, совершенная по мелодии, ювелирная по обработке деталей миниатюра. Органично объединив приемы народного многоголосия с достижениями классической полифонии, Леонтович добился, что каждый голос играет совершенно самостоятельную выразительную роль, воссоздавая тончайшие смены настроения в песне, подавая каждый художественный образ в предельном завершении. Композитор прибег к так называемым органным пунктам, на основе которых и строил сложные звуковые комплексы, когда басы, альты и сопрано, исполняя отдельные партии, тем не менее сливаются в единое целое. Этим способом он сумел достичь особенной гармоничной насыщенности и напряжения звучания как слов, так и мелодии.

Впервые «Щедрик» прозвучал на концерте обрядовых песен Киевского университета в конце 1916 г., и с тех пор слава его не умолкала, хотя автор и продолжал оставаться для большинства ценителей лишь безвестным регентом и учителем. Имя Леонтовича было известно лишь в очень узком кругу

композиторов и музыковедов. Но они-то высоко отзывались о творчестве молодого и бесконечно талантливого композитора. Вот как воспринимал его щедровки К. Стеценко: «Он – словно резчик по дереву в музыке, который творит тончайшие музыкальные ценности, словно кружева из шелка. Его техника, обработка самомалейшей вещи настолько "ажурна", словно тонкая резьба из золота, украшенная самоцветными камнями…» Эти слова как нельзя лучше отражают титаническую работу, проделанную Николаем Дмитриевичем в области украинской песни.

Революцию в России Леонтович, как и большинство интеллигентов, воспринял как возможность для обновления Украины и расцвета ее культуры. Осенью 1918 г. он оказался в Киеве, где принимал самое активное участие в становлении молодого государства – Украинской Народной Республики – как композитор и дирижер, работая преподавателем хорового дела на дирижерском факультете Киевского музыкально-драматического института им. Н. Лысенко, а позже, после прихода к власти большевиков – в музыкальном отделе Комитета народного образования, вместе с композитором Г. Веревкой читая лекции в Народной консерватории, на курсах дошкольного воспитания, организуя хоровые кружки. Его произведения наконец-то зазвучали на всю Украину, были приняты в репертуар профессиональными и самодеятельными коллективами. Николай Дмитриевич чувствовал себя счастливым, потому что его жажда быть полезным своей стране оказалась востребованной. Не смущали ни хроническое безденежье, ни голод и холод: он был лишь благодарен жене, что та не устраивала скандалы, подобно многим другим супругам, а с пониманием и терпением относилась к его работе.

Счастливое время продлилось около года. После оккупации 31 августа 1919 г. Киева деникинцами, которые начали преследовать украинскую интеллигенцию и искали Леонтовича, чтобы арестовать его, он был вынужден срочно возвратиться в Тульчин, где вскоре основал первую в городе музыкальную школу.

И несмотря на то что большевистская власть разгромила только начавшееся украинское возрождение – были закрыты или «реорганизованы» новообразованные национальные учреждения, началось преследование и уничтожение выдающихся деятелей украинской науки, культуры, – 1919-1921 гг. не стали глухим временем для Николая Дмитриевича: он приступил к созданию оперы «На русалочью Пасху» по одноименной сказке Б. Гринченко (либретто Н. Ташкевич). И кто знает, какое бы место в украинской

музыке она заняла, если бы была завершена: ведь даже фрагменты, отредактированные и оркестрованные М. Скориком, называют величайшим событием в ее истории. Увы, закончить оперу Леонтовичу было не дано.

Еще с 1920 г. Леонтовича, попавшего за национализм в «черный список» ЧК, преследовали агенты спецслужб. Ему приходилось прятаться, часто менять место жительства. Надеясь спастись в доме отца, служившего тогда священником в с. Марковка (ныне Теплицкого района Винницкой области), Николай Дмитриевич поселился с семьей у него. В ночь с 22 на 23 января 1921 г. к ним постучался незнакомец и попросил приюта на ночь. Через несколько часов грабитель, «бандит», как писали официальные советские историки, украв все деньги, выстрелом в грудь убил Леонтовича. Только недавно, после открытия архивов КГБ, стало известно, что бандитом этим был агент НКВД Грищенко.

Пуля недочеловека оборвала жизнь великого композитора, великого Маэстро, как называли его еще при жизни. Но украинская песня, отшлифованная этим музыкальным ювелиром, который дал ей вторую жизнь, продолжает жить. И не только у себя на родине – во всем мире. Все его аранжировки народных песен до сих пор остаются непревзойденными жемчужинами в мировой сокровищнице, а самая любимая песня Леонтовича – «Дударик» – после смерти создателя дождалась более двухсот вариантов исполнения.

Лесь Курбас
Настоящее имя – Александр Зенон Степанович Курбас
(род. в 1887 г. – ум. в 1937 г.)

Украинский режиссер, актер, теоретик театра, драматург, публицист, переводчик. Реформатор советского украинского театра. Организатор и руководитель «Молодого театра» (1917 г.) и театра «Березиль» (1922 г.), народный артист УССР (1925 г.).

Его называли чародеем сцены, создателем образов неслыханной выразительности, Режиссером с большой буквы и даже целым театральным институтом. В полной мере разделив трагическую судьбу своего поколения, Курбас оказался на острие борьбы между пережитками прошлого и прогрессивными направлениями в культурной жизни страны. По воспоминаниям П. Тычины, в нем была колоссальная сила преобразователя, способная изменить все вокруг, а его имя стало синонимом вечного поиска, эксперимента, воплощением духа новаторства и свободолюбия.

Александр родился 25 февраля 1887 г. в городе Самборе в актерской семье Ванды и Степана Яновичей (семейный сценический псевдоним Курбасов). С самого раннего детства маленький Лесь окунулся в незабываемую атмосферу театра,

который покорил его воображение яркими декорациями, увлекательными спектаклями, таинством репетиций. Находясь за кулисами, наблюдая за игрой актеров, мальчик совершенно забывал о другой стороне жизни – постоянных переездах с места на место, дешевых гостиничных номерах и неустроенности актерского быта. Он наизусть знал весь репертуар и, несмотря на юный возраст, был склонен критически относиться к каждому спектаклю. Однажды он даже собрал актерских детей, чтобы создать свой собственный театр, не такой, как у взрослых.

Однако в связи с нервной болезнью Степан Яковлевич был вынужден покинуть сцену и уехать с семьей к своему отцу в село Старый Скалат, неподалеку от Тернополя. Здесь Лесь увлекся чтением, музыкой и стал готовиться к поступлению в гимназию. Но мысли о театре не покидали его, и мальчик продолжал устраивать импровизированные спектакли по мотивам сказок. Детские развлечения бередили душевные раны родителей, и они заставили Леся поклясться, что он навсегда забудет о театре и серьезно займется учебой. Мальчик дал обещание и прекратил «театральную деятельность», а свои мечты сохранил глубоко в душе.

Учился Лесь с удовольствием. Его лучший друг по Тернопольской гимназии Хома Водяный так вспоминал о нем: «Юный Курбас поражал своей эрудицией, начитанностью, знаниями в области современной литературы. По всем гуманитарным предметам он имел наивысшие оценки. Принимал участие в школьных концертах как солист и декламатор, но театральных любительских спектаклей избегал и вообще старался не показать своей заинтересованности». Лесь хорошо владел польским, немецким, английским, русским и норвежским языками, играл на фортепиано, писал литературные произведения. Один из его этюдов «В горячке» был в 1906 г. опубликован в «Литературно-научном вестнике», редактором которого являлся И. Франко.

Потаенные мечты Леся дали о себе знать, когда по окончании гимназии он, никого не предупредив, пытался поступить в драматическую школу. Из этой затеи ничего не вышло, так как Курбасу отказали в стипендии, а рассчитывать на поддержку родителей он не мог. В 1907 г. Лесь поступил на филологический факультет Венского университета, но проучившись год, возвратился домой. В 1908-1910 гг. Курбас продолжил образование на философском факультете Львовского университета. К учебе он относился очень серьезно, посещал все лекции, кроме того, вступил в один из лучших любительских театров Львова, где принимал участие в постановках «Арсена

Яворенко» Б. Гринченко, «Ночи под Ивана Купала» М. Старицкого. Первые артистические шаги Курбаса на сцене были высоко оценены публикой и прессой.

Но мятежную душу Леся не могли удовлетворить ни собственная игра, ни общий уровень любительских спектаклей. Он создал свой собственный театр при Львовском университете, где поставил спектакль по мотивам прогрессивного произведения русского писателя Е. Чирикова «Еврей», сыграв в нем главную роль. У молодого режиссера появились новые задумки. Но воплотить их в жизнь он сумел только спустя некоторое время: за то, что вместе с другими студентами Курбас боролся за преподавание на украинском языке, его исключили из университета. Отстранение от учебы сыграло решающую роль в его судьбе. В 1911 г. он получил приглашение стать одним из режиссеров «Гуцульского театра» – уникального в своем роде коллектива с самобытной эстетикой и собственным репертуаром. Здесь Курбас создал замечательные спектакли «Гуцульский год», «Непростое», «Довбуш», которые поразили зрителей своей достоверностью. Так, «Довбуш» и «Непростое» игрались не на театральных подмостках, а на горных склонах, и герои появлялись на импровизированной сцене прямо из лесу. Весной 1912 г. Лесь отправился со своими постановками в гастрольный тур по Галиции, где имел колоссальный успех.

Огромный опыт Курбас приобрел, работая в труппе театра «Руська бесіда». Его актерский талант раскрылся в драматических ролях, которые требовали интеллектуальной подготовки и мастерства: доктора Астрова из «Дяди Вани» А. Чехова, Каренина из «Живого трупа» Л. Толстого. Эти образы закрепили за Курбасом славу интеллигентного и высококультурного актера. Огромным успехом пользовались также спектакли по пьесам украинских авторов «Украденное счастье», «Осенняя буря», «Ой, не ходи, Грицю…», «Маруся Богуславка».

В это же время в жизни Курбаса произошла глубокая личная драма. В «Руській бесіда» он играл с замечательной актрисой и красивой женщиной Катериной Рубчаковой, которая была замужем и значительно старше Леся. Увлечение молодого актера переросло в сильное чувство. Он очень страдал от безнадежности своего положения и даже пытался покончить жизнь самоубийством. Пуля небольшого калибра застряла в нижней части сердца. Хирург Львовского госпиталя сделал все возможное, чтобы спасти подобранного в луже крови актера, но пулю вынимать не стал. Так и прожил с нею Курбас все отпущенные ему судьбой годы, пока не настигла его другая пуля, посланная ежовскими палачами…

В том же 1913 г., оправившись после ранения, Курбас вернулся к работе. Однако это уже был другой человек. Он словно стал старше, серьезней и вдумчивей. Курбас продолжил свои режиссерские поиски, стремясь создать совершенно новый театр с коллективом единомышленников, открытый всему новому, интеллектуальный и свободный от штампов старой сцены. Первая же пьеса нового театра – «Батраки» Ф. Костенко – как нельзя лучше отразила его устремления.

Первая мировая война на целый год прервала творческую деятельность Курбаса, который был призван в ряды австро-венгерской армии. Но весной 1915 г., оказавшись в Тернополе, он организовал объединение «Тернопольские театральные вечера» и пригласил к сотрудничеству актеров Г. Горчакову, Н. Горленко, Ф. Лопатинскую, М. Бенцаля. Курбас стал не только директором, но и художественным руководителем своего объединения. В «Театральных вечерах» он поставил около 30 спектаклей, среди которых «Наталка Полтавка», «Сватанье на Гончаровке», «Макбет». Кроме того, Лесь активно преподавал актерам основы сценического мастерства, читал лекции по истории театральной культуры, словом, представлял собой целый педагогический персонал драматической школы. Надо сказать, Курбаса никогда не пугала неопытность актеров и пробелы в их знаниях. Он писал: «Самое большое препятствие для искусства в театре – это так называемый готовый актер, профессионал. Что это такое? Это в большинстве рутина, наглая, заумная, слепая, недалекая, нетворческая. Копия Копии. "Сосуд" традиций. Искривленное ухо, которое тревожно и жадно прислушивается к аплодисментам. Маленькая душа, больная рецензиями…»

Работая в «Тернопольских театральных вечерах», Курбас обучал новичков внимательно присматриваться к жизни, анализировать ее и воплощать в ролях. В театре Садовского Лесь блестяще претворил в жизнь свою методику. Благодаря ему в актерском мастерстве возник термин «темперамент мысли».

Весной 1916 г. Лесь получил приглашение от Н. Садовского, который возглавлял Киевский Украинский театр. Молодой режиссер с радостью воспользовался возможностью усовершенствовать свое актерское мастерство, но отношения с «Тернопольскими театральными вечерами» не прервал, продолжая внимательно следить за работой своего детища.

В Киеве Курбас сразу же привлек к себе внимание театралов: стройный, с красивым одухотворенным лицом, он создавал на сцене яркие образы, неповторимые индивидуальности (Степан в «Невольнике»; Гнат в «Бесталанной»; Михайло Гурман в «Украденном счастье»; Хлестаков в «Ревизоре»). Секрет успеха

актера состоял в том, что его никогда не удовлетворяли заготовки и штампы, он пытался охватить и проанализировать целое произведение, понять место своего персонажа в нем. В это время Курбас был увлечен идеями экспрессионизма. Он считал, что именно это направление самым существенным образом влияет на обновление национального театра, стимулирует формирование режиссерского мышления, ведет к созданию режиссерского театра и возвращению его в мир моральных ценностей.

После Февральской революции 1917 г. у Курбаса появилось новое увлечение – создание молодежной студии, которая вскоре превратилась в «Молодой театр». Здесь собрались незаурядные актеры-энтузиасты: С. Бондарчук, П. Самойленко, В. Василько, С. Мануйлович, И. Шевченко, Г. Юра, С. Селедор. В своих спектаклях, следуя оригинальным решениям режиссера, они стремились выйти за границы обычного представления и найти ключ к «театру настроений», тонким подтекстам, путем создания общей загадочности атмосферы действа. В первый же сезон работы «Молодого театра» были поставлены такие спектакли, как «Черная пантера и Белый медведь» В. Винниченко, «Вечер этюдов» О. Олеся, «Эдип-царь» Софокла в переводе И. Франко и др.

После установления в Киеве советской власти молодотеатровцы вели культурно-просветительскую работу среди красноармейских частей. Курбас с восторгом воспринял новый строй, видя в нем перспективу и искренне веря, что с партией ему и его театру по пути.

В это же время Лесь активно занимался публицистической деятельностью. Он создал журналы «Театральные вести», «Баррикады театра», «Советский театр», в которых давал обозрения театральной жизни, поднимал теоретические проблемы, рассуждал об искусстве будущего и перспективах его развития, отстаивал идею умного и просвещенного мастера-актера, подвергал критике шаблоны. Позже Курбас опубликовал книгу «Пути украинского театра и "Березиль"» (1927 г.), статьи «Театральное письмо», «Новая немецкая драма». Кроме того, режиссер занимался художественными переводами пьес «Молодость» М. Гальбе, «Войцек» Г. Бюхнера.

В 1918 г. Курбас получил предложение войти в состав руководства первого в истории украинского оперного театра – Музыкальной драмы. Он с радостью согласился. На это было две причины. Первая – давняя любовь Леся к музыке могла найти достойное применение и реализоваться в творчестве. Второй причиной стала 19-летняя балерина Валентина Чистякова, дочь известного оперного певца. Эта красивая, талантливая и образованная женщина несколько богемного склада с первого же

появления на киевской сцене покорила сердце Леся. Весной 1919 г. они поженились.

Курбас с головой погрузился в музыкальное искусство: он поставил «Утопленницу» Н. Лысенко, готовил оперу С. Монюшко «Галька», работал над оперой «Тарас Бульба». Ему не был чужд и балетный жанр. Он участвовал в подготовке первого балетного представления Музыкальной драмы, состоявшего из нескольких миниатюр, писал либретто к спектаклям. Спустя некоторое время Курбас основал Киевский драматический театр («Кийдрамте»), где поставил многие пьесы («Попали впросак», «Гайдамаки», «Горе от ума» и др.).

В марте 1922 г. режиссер организовал студию «Березиль» («Березіль»), которой суждено было стать одним из самых любимых его детищ. К работе в ней он привлек молодотеатровцев. Через короткий промежуток времени художественное объединение «Березиль» уже насчитывало 250 человек. Курбас поставил дело на широкую ногу: устроил курсы для молодых актеров, организовал лекции для мастеров старшего поколения, создал макетную мастерскую для театральных художников. Лесь писал в журнале «Баррикады театра»: «"Березиль" твердо стоит на платформе Октября. Он объединяет только тех, кто в пролетариате видит единственную реальную силу, в руках которой решение важнейших проблем». Репертуар театра как нельзя лучше иллюстрировал политические взгляды Курбаса: была подготовлена композиция «Рур», спектакль «Газ II» Г. Кайзера – агитационная пьеса, своеобразный гимн индустриализации. Кроме того, были поставлены пьесы «Коммуна в степях» М. Кулиша, «Секретарь профсоюза» Л. Скотта, «За двумя зайцами» М. Старицкого.

В 1924 г. в жизни неугомонного Курбаса появилась новая страсть – кинематограф. Именитого режиссера пригласили на Одесскую кинофабрику для постановки фильмов «Шведская спичка», «Вендетта», «Приключения Мак-Дональда», «Арсенальцы». А через год Леся Курбаса удостоили звания народного артиста Украины. Спустя некоторое время «Березиль» как центральный украинский драматический театр был переведен в Харьков (в то время столица Украины). Более чем за 10 лет «Березиль» под руководством Курбаса поставил 45 спектаклей, половину из которых составили его собственные композиции и инсценировки.

В лучших своих постановках тех лет – «Джимми Хиггинс», «Мина Мазайло», «Народный Малахай», «Маклена Граса» – режиссер честно и откровенно пытался показать всю противоречивость современной ему действительности, в которой

идея социальной справедливости все чаще разбивалась о стену нарастающего в стране тоталитаризма. В создаваемых им сценических характерах духовно свободных людей, противостоящих террору и насилию, отчетливо проявлялась гражданская позиция художника, не желавшего быть винтиком тоталитарного механизма. Курбасовская концепция мира и театра все больше вступала в противоречие с авторитарной властью. В 1930-е гг. режиссер стал подвергаться репрессиям. Его постановки снимали с репертуара, от режиссера требовали пересмотра своих позиций, признания ошибок. Под давлением властей в прессе появилось «письмо труппы березильцев», в котором на руководителя возлагалась ответственность за «политические промахи». Его обвиняли в формализме, в преступной ставке на «проблематику буржуазной индивидуалистической личности» и «националистической эстетике», в дружеских отношениях с такими «врагами народа», как М. Хвылевой и Н. Скрыпник.

Курбас продолжал работать над новым спектаклем в обстановке всеобщей травли. В одной из статей о режиссере Лесь Танюк писал: «Сдача "Маклены Грасы" М. Кулиша, лебединой песни Курбаса, проходила в условиях чуть ли не военных. Площадь перед театром была оцеплена работниками НКВД, секретные сотрудники сидели с актерами в гримуборных… Спектакль, оцененный сегодня как классика украинского советского театра, шел при мрачном молчании зала».

Вскоре после этой премьеры, 5 октября 1933 г., Курбас был снят с руководства «Березилем», а 26 декабря – арестован по обвинению в участии в мифической УВО (Украинской военной организации), которая якобы планировала убийства руководителей партии – Косиора, Постышева, Любченко и Затонского. Позже эти обвинения отпали, тем не менее Судебная Тройка при Коллегии ГПУ УССР приговорила Курбаса к пяти годам заключения. Его сослали в Медвежьегорск, где талантливый режиссер начал работать в лагерном театре над постановкой «Интервенции» Л. Славина. Однако премьера спектакля не состоялась – в том же году Курбас был отправлен на Соловки.

Соловецкий период его жизни оказался коротким, до предела наполненным работой, которая помогала Лесю Степановичу жить, бороться с отчаянием и надеяться. Отобрав из заключенных в свою труппу любителей и профессионалов, он сумел объединить их в единый коллектив и создать еще один, свой последний театр. За три года в нем были поставлены «Свадьба Кречинского» А. Сухово-Кобылина, «Аристократы» Н. Погодина, «Ученик дьявола» Б. Шоу и др. спектакли. Неожиданно в октябре 1937 г. срок

заключения Курбаса увеличили еще на пять лет. Но отбывать его выдающемуся режиссеру уже не пришлось – 3 ноября того же года он был расстрелян. Документ же о его смерти вдова Леся Степановича получила лишь через шесть лет. В нем было указано, что Курбас скончался 15 ноября 1942 г. от кровоизлияния в мозг. Все эти годы Валентина Николаевна жила в ожидании ареста. Она не сохранила писем мужа и даже специально брала сеансы гипноза, чтобы все забыть. Лишь через тридцать лет в одном из писем Чистякова написала: «Судьба щедро отпустила мне несчастий, которые пришлось забывать нарочно, напряжением воли, потому что нельзя было бы жить и заниматься искусством». Валентина Николаевна пережила мужа на 47 лет, став свидетельницей возрождения «Березиля» и посмертной славы Леся Курбаса.

Леся украинка
Настоящее имя – Лариса Петровна Косач-Квитка
(род. в 1871 г. – ум. в 1913 г.)

Выдающаяся поэтесса и драматург, переводчик, литературный критик, фольклорист, общественный и культурный деятель.

Жизнь славной дочери украинского народа Леси Украинки можно сравнить с драмой-феерией, в которой трагическая борьба человека с телесным недугом происходит на «фоне» расцвета поистине сказочного поэтического дарования. «Дочери Прометея», как гордо величают поэтессу, на протяжении всей жизни никогда не изменило мужество, и она даже «без надежды надеялась» («Contra spem spero»). Единственное, чего боялась Леся Украинка – это быть «известной, но не читаемой». Прожив всего 42 года, писательница плодотворно проработала 33, создав огромное количество самобытных лирических, эпических и драматических произведений, переводов и научных исследований. Она не давала себе времени на отдых и передышку, всегда была в гуще литературной и общественной жизни. Жизнестойкость Леси поражала современников, а И. Франко отмечал, что и «как лирический талант она заметна своим мужеством и большой глубиной чувств». Наверное, вся

духовная сила древних родов Косачей и Драгомановых, уходящих корнями в XV в. и оставивших заметный след в украинской истории, перелилась в хрупкую, болезненную, но безбрежно талантливую женщину.

В семье Леси царило художественное слово. Ее отец, Петр Антонович Косач, окончил юридический факультет и занимался крестьянскими делами. Он был в семье оплотом доброты и спокойствия. Всесторонне образованный, он очень любил и знал литературу, а к талантливой дочери относился с особой нежностью. Его супруга, Олена Пчилка (Ольга Петровна Драгоманова), известная писательница, этнограф, была человеком деятельным как в семейной, так и в общественной жизни. Рождение шестерых детей не превратило ее в мать-наседку. Все свои силы она положила на то, чтобы младшие Косачи выросли людьми образованными, любящими Украину и родной язык, людьми, «нужными» обществу. Она не без гордости говорила, что создала «литературную семью».

Леся родилась 25 февраля 1871 г. в Новоград-Волынском. При крещении она получила имя Лариса, но домашние звали ее «Лося», а неразлучную их пару с братом Михаилом в шутку величали «Мышелосей». Девочка к пяти годам научилась читать и свое первое письмо к любимому дядюшке Михаилу Драгоманову сознательно подписала именем Леся. Уже в раннем детстве она была исключительно одаренным, наблюдательным и настойчивым ребенком. Девочка с увлечением вышивала и рисовала, легко перенимала народные песни, записывала и исполняла их, прекрасно играла на пианино. Ее музыкальные способности отмечал композитор Лысенко. В домашнем театре Леся была и исполнительницей, и режиссером, и декоратором. Ей легко давались иностранные языки, особенно немецкий и французский, а всего она знала их десять. Так как мать была категорически против обучения детей в школе, Леся систематически занималась под ее руководством с домашними учителями, но только на протяжении двух лет. «Все свои знания Леся добыла сама, – вспоминала ее сестра Ольга, – благодаря своей огромной тяге к ним и своему необычайно сильному и живому характеру…»

Первое стихотворение девочка написала в неполные десять лет под впечатлением горького известия об аресте и ссылке ее тетки Е.А. Косач. Оно и по сей день открывает любой сборник поэтессы и вовсе не напоминает детский стишок.

Ни доли, ни воли мне жизнь не дала,
Одна лишь, одна мне надежда мила:

Увидеть опять Украину мою
И все, что мне любо в родимом краю,
На Днепр голубой поглядеть еще раз,
А там все равно – пусть умру хоть сейчас…
(Пер. В. Звягинцевой)

Первый всплеск таланта был лирическим и в то же время мужественным, как и все творчество поэтессы. А годом спустя случилась беда. Увлеченная фольклором девочка много часов простояла, наблюдая за обрядом крещения воды на реке Стыр, и жестоко простудилась. Промерзшие ноги, воспаление суставов, высокая температура, как оказалось, были злыми предвестниками «тридцатилетней войны» с туберкулезом, который вслед за костями поразил легкие и почки, довел до малокровия. Измученное болями, израненное операциями, вытяжками, гипсом, костылями тело – а в нем не сломленная, чистая душа. «Я выйду одна против бури и стану – померяем силу!» – писала Леся в одном из своих стихотворений. Ее стойкость стала при жизни такой же легендой, как и не свойственная женщине сила стиха.

Когда Лесе исполнилось 13 лет, в журнале было опубликовано ее стихотворение «Ландыш». С тех пор и пошли по всему свету прекрасные поэтические строки, подписанные гордым и красивым именем Украинка. Этот псевдоним стал своеобразным вызовом существовавшим порядкам, предвзятому отношению ко всему украинскому и в первую очередь к языку и литературе. От юношеских, почти идиллических стихов поэтесса перешла к мотивам мужества, твердой воли и борьбы, к философскому осмыслению бытия. Но ее поэзия сохраняла неповторимую музыкальность. Многие композиторы, начиная с Н.В. Лысенко, писали на ее стихи песни и романсы, использовали тексты и сюжеты поэм и драматических произведений для опер, балетов, камерных и симфонических произведений.

Леся Украинка стремительно вошла в мировую плеяду поэтов как гениальный лирик, чьи чувства обострены постоянным страданием и невозможностью обычного человеческого счастья.

Когда ж почувствую, что угасает
Надежды милой луч – в свои, природа, руки
Прими вот это сердце в час разлуки,
И новый луч пускай ему сияет.
(Пер. Н. Чуковского)

От цикла к циклу («Слезы-перлы», «Мелодии», «Ритмы»), от

одного поэтического сборника к другому («На крыльях песен», 1892 г.; «Думы и мечты», 1899 г.; «Отзвуки», 1902 г.) выкристаллизовывался стиль необычайной художественной силы. Поэтика произведений Л. Украинки так же разнообразна, как и тематика. Она «поражает необыкновенным разнообразием строфики, метрики, ритмики… – отмечал М. Рыльский. – Мы видим у нее канонические сонеты, октавы, секстины, гекзаметры, и вполне оригинальные построения строф…» Л. Украинка свободно владела литературной и народной речью, что в сочетании с оригинальным даром художественного видения мира сделало ее мастером поэтического слова.

Тяжелобольная женщина не замыкалась в своем творчестве. Она постоянно принимала непосредственное участие в общественной и политической жизни общества. Когда родные и друзья призывали ее «отринуть всякую политику», Леся говорила: «Я никак не могу, так как не только убеждения, но и мой темперамент мне этого не позволяет… Тогда мне нужно отказаться от моих стихов, моих самых искренних слов…» Поэтесса участвовала в издании украинских газет и журналов, была активным членом писательских кружков «Плеяда» и «Просвещение», вела курсы украинского языка в Киеве.

Леся Украинка выступала в печати как публицист и критик. Так, для журнала «Жизнь» она написала шесть больших обзорных статей, охватив единым взглядом важнейшие процессы современной литературы, а в «Заметках о новейшей польской литературе» подняла вопросы эстетики, социологии, истории и современной политики. Эрудиция Леси была феноменальной и постоянно расширялась благодаря неутомимой жажде знаний. Современников поражала фундаментальность ее образования. Она проявлялась в философии, экономике, культуре, всемирной истории. Еще в 19 лет Леся написала для домашнего обучения сестер учебник на украинском языке «Древняя история восточных народов» (он был опубликован Ольгой Косач-Кривенюк после смерти сестры). Глубокое знание истории придавало поэтической фантазии Украинки удивительное ощущение жизни народов далеких эпох. Но каких бы исторических событий ни касалась Леся в своих произведениях, их основная мысль легко проецировалась на судьбу Украины и ее народа. А сюжеты стихотворений «Пан-политик» и «Пан-народолюбец» (1905 г.) словно подсмотрены в дне сегодняшнем:

Всяк проявляет хам свою натуру,
А нам молчать? Да это был бы срам!
Я поддержать готов хоть семь программ

И выдвинуть свою кандидатуру!
(Пер. Бр. Кежуна)

За свои беспощадные и свободолюбивые стихи, на которые часто ссылались революционеры в своих воззваниях, Л. Украинка долгие годы находилась под негласным надзором полиции, а в 1907 г. даже была арестована. Она жила с верой в справедливое социальное переустройство общества, в котором украинский народ и его язык будут вольными, но с презрением относилась к тем политическим деятелям, которые дальше своего «пупка» ничего видеть не хотели и считали его центром мироздания.

Слово, которое Л. Украинка сравнивала с искрой, огнем, сталью, она считала единственным своим оружием в борьбе за лучшее будущее.

Слово, оружье, готовое к бою,
Мы не погибнем напрасно с тобою!
Может, в руках неизвестных друзей
Станешь мечом ты для их палачей.
(Пер. Н. Брауна)

Леся дружила со многими такими «неизвестными друзьями». Один из них, С.К. Мержинский – из числа первых белорусских марксистов, – глубоко запал ей в сердце. Однако чувствам молодых людей резко воспротивилась Ольга Петровна, пользуясь материальной и физической зависимостью больной дочери. Сергей был тоже нездоров, и, когда в 1901 г. он умирал от туберкулеза, Леся, отринув все запреты и чрезмерную материнскую опеку, почти шесть месяцев ухаживала за ним в Минске. Смерть Мержинского стала для нее «черным днем и одновременно ярчайшим всплеском в творчестве». Фактически за одну ночь Леся написала драматическую поэму «Одержимая», которую посвятила ушедшему навсегда другу. В письме И. Франко она признавалась: «…Я писала в такую ночь, после которой верно долго буду жить, если уж тогда жива осталась. И писала, даже не исчерпав скорби, а в самом ее апогее. Если бы меня кто-нибудь спросил, как из всего этого жива вышла, я бы могла ответить: J'en ai fait drama (я из этого создала драму), значит, судьба».

Среди друзей, разделивших ее горе, был и К.В. Квитка. Они познакомились еще весной 1898 г. Климент изучал народную музыку и записывал украинские песни и мелодии. Леся с детских лет тоже интересовалась фольклором. Они долгое время

присматривались друг к другу. В душе женщины жила боль об ушедшей любви, а Климент, испытав в детстве много потрясений, был недоверчив и малоразговорчив. Их сблизила общая работа над фольклорными сборниками. И на этот раз Леся не позволила матери помешать ее женскому счастью. Она писала сестре Ольге: «Своего отношения к Клене (Климент) я не изменю, разве в направлении еще большей доброжелательности. Только все-таки досадно, и тяжело, и фатально, что ни одна моя дружба, или симпатия, или любовь до сих пор не обошлась без этой ядовитой ревности со стороны матери…»

25 июня 1907 г. Климент и Леся обвенчались в Вознесенской церкви в Киеве. Никто из родных не присутствовал при этом. Семья долго не хотела поверить, что Леся может найти счастье в отрыве от родных, с мало приспособленным к жизни мужчиной моложе ее, и к тому же тоже больным туберкулезом. Но супруги жили в мире и согласии, поддерживая и во всем помогая друг другу. Только в одном мать Леси оказалась права – материально обеспечить семью Климент не мог. Лечение Леси в Крыму, Италии, Египте, поездки к врачам в Германию и Австрию требовали больших затрат. А поэтессе еще так хотелось помогать другим людям. Так, она субсидировала и приняла активное участие в фольклорной экспедиции Ф. Колессы по записи на фонограф кобзарских дум и народных песен на Полтавщине. Леся часто была вынуждена откладывать в сторону неоконченные произведения и писать критические статьи, составлять и переписывать различные бумаги. Но основной доход приносили переводы. Украинка, которая великолепно знала 10 языков и мировую литературу, с 13 лет работала в этой области. Благодаря ей увидели свет на украинском языке стихи и проза Г. Гейне, В. Гюго, В. Шекспира, Дж. Г. Байрона, А. Негри, М. Материнка, Г. Гауптмана, Н. Гоголя, И. Тургенева, а также древнеиндийская «Риг-веда», поэмы Гомера и Данте, древнеегипетская лирика. Львиная доля переводов, как и оригинальных произведений, печаталась в Западной Украине, так как российская цензура запрещала издавать книги на украинском языке. Произведения же украинских авторов – В. Стефаника, О. Кобылянской, И. Франко – поэтесса переводила на русский язык. Поэтические строки Л. Украинки впоследствии перевели на русский язык такие мастера, как С. Маршак, А. Прокофьев, Н. Заболоцкий, М. Светлов, П. Антокольский, М. Алигер и др.

Значительное место в творческом наследии Л. Украинки занимают изумительные по слогу и поэтическому восприятию поэмы. Эпическая форма повествования «Роберта Брюса – короля шотландского», «Одного слова», «Виллы-посестры», «Старой

сказки» и «Изольды Белорусской» позволила поэтессе с предельной ясностью передать события, настроения, глубину чувств и психологию своих героев удивительно изящным слогом.

Дивный сказ! Легенды речь живая!
Подлинное слито с ней мечтами;
Только правда, звездочкой мерцая,
Золотыми всюду бьет лучами!
(«Роберт Брюс», пер. Г. Шенгели)

Последние пять лет жизни Леся Украинка буквально отвоевала у смерти. В этот период были созданы монументальные композиции драматических поэм «Руфин и Присцилла», «Адвокат Мартиан», «Лесная песня», «Каменный хозяин», «Оргия», которые Л. Костенко назвала «феноменальным явлением в украинской литературе. По масштабам художественного мышления это явление редкостное даже в контексте высочайших достижений мировой культуры. В ее античных и христианских сюжетах нетрудно проследить жгучие аналогии, весь гордиев узел национальной истории и всю остроту во все времена жгучих проблем. В украинской литературе до Леси Украинки драматической поэмы практически не было. Такое определение жанра – „драматическая поэма“ – она ввела первая». Лишь оригинальный талант мог создать одну за другой вещи столь различные по материалу, тональности, стилю и одновременно так взаимодополняющие друг друга. Ее драматические произведения объединяют трагедийное, лирическое и возвышенное начала. Впервые в литературе с «хохлацкой дерзостью» женщина замахнулась осмыслить легендарный образ Дон Жуана и подарила миру одно из лучших прочтений этого сюжета.

Вершиной поэтического гения Леси Украинки стала драма-феерия «Лесная песня». Последние годы поэтесса жила вдали от родных ей мест, нуждаясь в теплом климате. Зиму она по совету врачей проводила в Италии или Египте, лето – в Грузии. «Видно, мне на роду написано быть такой princesse lointaine (далекой царевной), пожила в Азии, поживу в Африке, а там… Вот так буду двигаться все дальше и дальше – и исчезну, превращусь в легенду… Разве не хорошо?» Леся тосковала по родной Волыни, чьи живописные места часто вставали перед ее глазами. В один из таких печальных периодов за 10-12 дней, по ее словам, она создала дивный поэтический сплав, где красота нетронутой природы, чудесный мир наивной народной мифологии противостоят человеческой грубости, убогости и бескрылости. Трудно назвать другую пьесу, в которой бы вечно

возрождающейся природе отводилась такая значительная роль. Сила «Лесной песни» в том, что в ней слились воедино нежная мелодия поэтического слова и надежда, что доброта, искренность, самопожертвование могут стать спасением для возрождающегося человеческого духа. А последний монолог дочери леса – Мавки – звучит как завещание самой поэтессы.

О, не жалей мое тело!
Ясным огнем засветилось оно,
Чистым и ярким, как будто вино,
Вольными искрами в небо взлетело,
Легкою нежной золой
Ляжет, как в землю родную вернется,
Новою вербою к солнцу пробьется,
Новым началом конец будет мой.
(Пер. М. Комиссаровой)

19 июля 1913 г. Леся Украинка скончалась в грузинском городе Сурами. Похоронена она на Байковом кладбище в Киеве. Ее светлая и мужественная душа покинула измученное болезнями тело, но навеки осталась среди людей, тревожа сердца поэтическими строками. Творческое наследие поэтессы известно и читаемо во всем мире. Яркое свидетельство тому – объявление ЮНЕСКО 2001 года годом Леси Украинки.

Литвин Владимир Михайлович (род. в 1956 г.)

«Какие корни, такое и семя» – говорят в народе. Да и сам Литвин отмечает: только в семье, вместе с работящими родителями, братьями и сестрами, ребенок вырастает таким же трудолюбивым, добрым, совестливым. Сообразительный и трудолюбивый сельский мальчуган, тянущийся к знаниям, он сумел построить свою жизнь, шаг за шагом, до Председателя Верховной Рады Украины.

Владимир Михайлович Литвин родился 28 апреля 1956 г. в селе Слобода Романовская Новоград-Волынского района на Житомирщине.

Деды Литвина по отцовской и по материнской линии были хозяевами-единоличниками. Имели по нескольку десятин земли, скот. В колхоз вступать не хотели. И когда силой «обобществили» нажитое тяжелой работой их добро – пришлось идти на общий двор.

Как и у большинства крестьян времен коллективизации, семьи дедов были большими. В семье деда Андрея и бабы Любы, родителей матери Литвина, в небольшом доме росло восемь детей. У деда Клима Литвина и бабы Анны – четверо. Немалые семьи, причем очень дружные, были и у родных дядей и теток.

По обыкновению, в сельской семье дети начинали работать

по хозяйству сызмальства. Мать Володи утром шла в поле полоть совхозные овощи, отец – на животноводческую ферму, так как был ездовым. Домашнее хозяйство оставалось на четверых детей: троих братьев и сестру. Без принуждения распределяли между собой обязанности, так как знали, что никто за них этого не сделает. Сестра рвала траву для уток, один брат гнал корову на пастбище, второй шел на ферму помогать отцу, маленький Володя – к матери «на нормы». Тогда в совхозе начали выращивать перец, патиссоны, баклажаны, кабачки. Мотыжить их – одна морока, быстро не «прогонишь» рядок. Особенно допекала Володю морковь – и на прорывке, и на уборке, так как все делали вручную.

Он часто ходил на ферму к отцу. И в своем хозяйстве у них была пара коней. Даже теперь, когда и здоровье уже подводит, Литвин-старший держит коня.

Особенно длинны в селе зимние вечера. Во времена детства Литвина Слободу Романовскую еще не подключили к электрической сети, пользовались в совхозе дизелем. Чаще всего в доме горела керосиновая лампа, и когда ее забирали, чтобы посветить в другой комнате или сенях, малыши смотрели на языки пламени в печке, рисовавшие разные химеры, и детское воображение работало без остановки. Топили в доме сухими ветвями деревьев или торфом. Это топливо оставляло после себя мусор, который нужно было постоянно убирать. Поэтому маленький Володя радовался, когда в печь клали уголь или хотя бы брикет. Тогда весело потрескивал огонь, дети вместе с матерью слушали радио, «драли» перья, распускали, чистили овечью шерсть, даже вышивали на клочках полотна крестиком. В сельской школе на уроках труда учеников класса не разделяли, поэтому и девочки и мальчики плели на уроках узоры.

Оглядываясь на прошлое, Литвин всегда с теплотой рассказывает о своем детстве, большой семье, сельской школе. Учился он хорошо, получил и высшее образование.

В 1978 г. окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «История» и остался работать в родном университете.

Почти десять лет был на разных должностях, занимался научной работой: с 1978 по 1986 г. работал старшим методистом учебного отдела ректората, помощником ректора, старшим преподавателем исторического факультета.

В 1986 г. Владимира Михайловича пригласили в Министерство высшего и среднего специального образования УССР. В течение трех лет Литвин работал в министерстве, сначала начальником управления по контролю и

делопроизводству, потом – начальником организационно-контрольного управления. В 1989 г. Владимир Михайлович переходит на работу в ЦК Компартии Украины. В идеологическом отделе ЦК занимает должность лектора, потом консультанта; с 1990 по 1991 г. работает консультантом отдела по работе с политическими, общественными организациями и самодеятельными формированиями, потом становится помощником секретаря ЦК Компартии Украины.

В 1991 г. Владимир Михайлович возвращается в родной университет. Он становится доцентом исторического факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. С 1992 по 1994 г. Литвин – докторант Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, защищает докторскую диссертацию и с 1994 г. занимает должность помощника Президента Украины.

С 1995 по 1996 г. В. Литвин – заместитель Главы Администрации Президента Украины по гуманитарным вопросам, Первый помощник Президента Украины – руководитель группы помощников и референтов Президента Украины.

Следующие три года (1996-1999) Владимир Михайлович работает Первым помощником Президента Украины. С 1999 по 2002 г. занимает должность Главы Администрации Президента Украины.

Из-под пера В.М. Литвина вышло около 200 публикаций. Среди них научные работы: «Политическая арена Украины: Действующие лица и исполнители», которая опубликована в 1994 г., «Украина на границе тысячелетий (1991-2000)», опубликованная в 2000 г., «Украина: опыт и проблемы создания государства (90-гг. XX ст.)», опубликованная в 2001 г., и другие. Он является членом авторского коллектива, который подготовил оригинальное пособие «История Украины»; принимает участие в редколлегии «Малого словаря истории Украины», возглавляет редакционную коллегию издания учебного пособия для вузов «Историческая наука: терминологический и понятийный справочник».

В 2002 г. Владимир Михайлович избран Председателем (спикером) Верховной Рады Украины.

Весь период пребывания в кресле спикера с присущим ему усердием В. Литвин выстраивает имидж «общепарламентского старосты», равноотстоящего от основных политических центров влияния. На «шахматной доске» спикера 450 фигур, включая его самого.

«Самостоятельным гроссмейстером» Литвин стал осенью 2004 г. Заслуженный деятель науки и техники, по счастливому

стечению обстоятельств он стал и теоретиком новейшей истории страны, который смог использовать все свои знания на практике. Когда осенью 2004 г. от верховной власти в стране осталась только одна действующая инстанция – Верховная Рада, именно Литвин стал тем арбитром, последовательные и взвешенные действия которого помогли разрешить один из серьезных кризисов в истории Украины. Он один из первых среди официальных лиц государства осудил юго-восточный сепаратизм, назвав его антиукраинским мятежом, инициировал создание комиссии по мониторингу реализации избирательного законодательства, а партия аграриев, которую он возглавляет, приостановила членство в так называемом «парламентском большинстве». Литвин сделал, казалось, почти невозможное, – создал условия, при которых была принята конституционная реформа. И хотя миротворческая деятельность Владимира Михайловича не всегда была удобной для всех групп парламента, переходный период «между двумя президентами» сделал фигуру Литвина необходимой буквально для всех политических сил. Владимир Михайлович нашел точки соприкосновения для всех противодействующих сторон.

На VII внеочередном съезде Народной аграрной партии Украины по инициативе ее лидера Литвина она была переименована в Народную партию Украины. Владимир Михайлович так объяснил эту инициативу: «Наша любовь к земле, тяготение к крестьянам суживают возможности партии, делают для нее тесноватой выбранную с самого начала одежину».

Литвин живет полноценной жизнью. Любит литературу, бывает на киевском книжном рынке на Петровке, часто читает одновременно несколько книг, в зависимости от того, где находится: или в квартире, или на даче, или в определенной комнате.

Дважды в неделю он играет в футбол, а когда чувствует себя не совсем здоровым – парится в сауне, а потом плавает в ледяной воде, которая освежает его, восстанавливает силы.

Дипломатичный, взвешенный, с лучистой улыбкой, о чем грустит Литвин в своей жизни? – «Я жалею, что у меня только двое детей. Чрезвычайно жалею», – сознается он.

Литвин имеет почетные звания и награды: доктор исторических наук, академик НАНУ, заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат Государственной премии в области науки и техники. В конце 2004 г. Владимир Михайлович получил звание Героя Украины.

Лифарь Серж
Настоящее имя – Сергей Михайлович Лифарь
(род. в 1904 г. – ум. в 1986 г.)

Выдающийся танцовщик и главный балетмейстер «Гранд-Опера» (1930-1958 гг.), автор более 200 балетов и дивертисментов в оперных спектаклях, художник-неореалист. Теоретик и педагог балета. Основатель Института хореографии при «Гранд-Опера» в Париже, профессор истории и теории танца в Сорбонне, ректор Университета танца, профессор Высшей школы музыки, почетный президент Национального Совета танца при ЮНЕСКО, Французской Академии танца. Автор многих трудов по теории балета, книг воспоминаний, автобиографий «Страдная жизнь» (1935 г.); «Моя жизнь» (1965 г.); «Мемуары Икара» (изд. в 1993 г.). Награжден Золотой медалью города Парижа и призом «Золотая туфля» за достижения в области балета. Командор ордена Почетного легиона (1983 г.). Кавалер ордена Литературы и искусства.

«Только тот, кто был в Киеве, кто смотрел с высокой кручи Выдубицкого монастыря на широкий Днепр, только тот поймет, почему для киевлянина нет ничего дороже Киева с его Днепром,

который с детства входит в сердце. И даже прекрасный Париж не смог заставить меня, киевлянина, забыть мой Киев и мой Днепр…» – так говорил Серж Лифарь. Тот, кто, прожив 64 года во Франции эмигрантом, до последнего вздоха остался в душе украинцем, хотя на своей любимой родине побывал лишь один раз.

У мальчика, появившегося на свет 2 апреля 1904 г. (найденные документы указывают именно на этот год, а не на 1905 г., как считалось ранее), были все условия для звездного будущего: красота, талант и обеспеченные любящие родители, чья родословная уходила корнями во времена Запорожской Сечи. Сережа был сыном коллежского регистратора Михаила Яковлевича Лифаря и Софии Васильевны Марченко, дочери богатого помещика-украинца. Родителей он очень любил, но привязан был больше не к отцу, человеку, который «умел уважать юность» и обращался с сыном как с маленьким другом, а к своей «мамочке». Хотя Лифари-старшие и не уделяли воспитанию Сережи должного внимания, он получил хорошее образование в киевской Императорской Александровской и 8-й гимназиях. Уроки мальчик не любил, но после занятий с видимым удовольствием окунался в мир музыки, в течение года посещая в Киевской консерватории им. Н. Лысенко занятия по классу скрипки у профессора Ф. Воячека. А затем перешел в класс фортепиано, потому что «любил пение, оркестр или оркестр в миниатюре – рояль». Ему пророчили карьеру если не известного пианиста, то певца: у мальчика, певшего в хоре Софийского собора, был прекрасный голос. Огромное влияние на формирование вкуса и таланта Сережи оказали и ежегодные каникулы у деда в имении под Каневом: он любил сельские праздники с колядками и щедровками, с народными песнями и яркими одеждами для гуляний, зажигательными танцами. На все это он смотрел не отрываясь, мысленно уносясь во времена Запорожской Сечи, о которой так много слышал от отца и деда, видел потертые гетманские грамоты, данные Лифарям.

В балетную же Центр-студию Брониславы Нижинской 16-летний Сергей попал случайно, совершенно не интересуясь этим искусством: друг потянул его заниматься танцами просто потому, что в студии было «много хорошеньких девочек». Но так уж распорядилась судьба, что молодой человек, до этого знавший лишь салонные вальсы-мазурки, стал лучшим учеником Нижинской. Собираясь эмигрировать в Париж, она предложила ему вступить в труппу С. Дягилева, и Сергей согласился. В 1923 г., с большими трудностями преодолев путь от Киева до Монте-Карло, он был принят рядовым танцовщиком в «Русский балет».

Его взлет был более стремительным, чем у кого-либо. Семь лет, проведенных в составе труппы, сделали Сергея признанной в мире звездой русского балета. Его учителями были также непревзойденные Чекетти и Лега, партнершами – Карсавина и Спесивцева. Лифарь блистал в дягилевских балетах «Блудный сын» и «Аполлон Мусагет», «Жар-птица» и «Жизель», а в 1929 г. попробовал себя как балетмейстер, поставив «Басню о лисе». И все возносили самобытному таланту Сергея хвалу: и критики, и друзья, и коллеги. Вот лишь некоторые из высказываний о Лифаре в прессе того времени: «Лифарь не похож на своего предшественника [Вацлава Нижинского], ждет собственного звездного часа, чтобы стать новой легендой, прекраснейшей из легенд балета»; «И вот взмах крыльев, и на сцену влетела невиданная чудо-птица… Птица – Лифарь. На сцене воцарился мужчина… Сергей Лифарь. Фавн – Лифарь… Это не танец, не пластика, – это колдовство»; «Назвать Лифаря любимцем публики было бы неточно. Это не любовь, а какой-то культ…» Несдержанный, одержимый балетом, экзальтированный человек, до конца своих дней темпераментом напоминавший юношу, был «богом танца», «добрым гением балета XX века» и всеобщим любимцем.

Хорошие отношения сложились у Сержа и с руководителем «Русского балета». Он был очень близок с Дягилевым, последние годы его жизни они провели вместе, и скончался прославленный театральный деятель на руках у Лифаря. В память о друге за годичную оплату Серж выкупил ценный дягилевский архив, включавший в себя многие предметы, связанные с А.С. Пушкиным. (Лифарь известен не только как танцовщик, но и как один из самых выдающихся пушкинистов своего времени, посвятивший несколько работ исследованию жизни и творчества поэта.) Позже его женой стала шведская графиня Лиллан д'Аллефельд-Лаурвиг, которая в 2000 г. передала часть его коллекции Украине для Музея исторических драгоценностей.

Лифарь не пытался склеить распавшуюся труппу. В 1930 г. руководство парижской «Гранд-Опера» пригласило его на работу. Серж стал премьером и главным балетмейстером своей новой труппы и пробыл в этой должности 28 лет с перерывами. Это были самые счастливые его годы: признание не покидало его, каждый балет встречался бурными овациями. Всего же за время работы в «Гранд-Опера» Лифарь поставил более 200 балетов и дивертисментов. Но если как танцовщик он был представителем классической школы, то как хореограф проявил себя новатором. Лифарь находил новые элементы, связки и позиции, тем самым внося свежую струю в такие жемчужины классики, как «Жизель»,

«Ромео и Джульетта» (балет на музыку симфонической поэмы П. Чайковского), «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Жар-птица». Но сам Серж без ложной скромности называл выдающимися лишь два своих балета: «Икар» и «Федра». Поставив на сцене древнегреческую трагедию о первой в мире попытке полета, совершенной юным сыном Дедала, Лифарь стал одним из первых хореографов, совместивших в творчестве поголовную урбанизацию общества и полет человеческой мечты. Партия Икара, исполненная самим Сержем, вышла романтичной и дающей надежду. А «Федра» стала самым скандальным его детищем, которое он скорее готов был убрать со сцены, чем что-либо в нем изменить. Дело в том, что в ней Лифарь впервые применил открытую позицию внутренней части бедер, которая сейчас повсеместно используется. Но ко времени первых репетиций «поза Б» (вернее, «поза биде», как назвали ее молоденькие балерины), считалась вульгарной и недопустимой для использования в балете. Сержу удалось отстоять пресловутую позу, и успех «Федры» в который раз подтвердил право Лифаря называться лучшим хореографом Франции.

Он сделал для нее то же, что когда-то сделал Мариус Петипа для России: вернул мировой престиж французскому балету. Признавая его заслуги перед страной, Шарль де Голль вручил Сержу «Золотую туфлю», украшенную бриллиантами (сейчас она также передана его вдовой на хранение в Украинский музей исторических драгоценностей), – своеобразный балетный «Оскар». Но когда после присуждения премии он предложил Лифарю наконец-то принять французское подданство, тот ответил: «Очень благодарен, господин президент, за это предложение, но я никогда не буду французом, потому что я был и буду украинцем».

Однако на родине Сержу довелось побывать лишь один раз – в 1961 г. Он вместе с женой как турист посетил Москву, Ленинград, Тбилиси, Киев, побывал на могиле родителей. Никогда больше танцовщик в СССР не приезжал, хотя мечтал поставить на сцене Большого театра хотя бы два балета. Он даже предлагал в обмен на эту возможность всю свою пушкинскую коллекцию, но власти оставались неумолимы: эмигранту-буржуа нечего было делать ни на сцене «Большого», ни в стране. Все гастроли «Гранд-Опера» в Союзе проходили без участия главного балетмейстера – то ему «забыли» сделать визу, то помешала «нелепая» случайность. Но сам Лифарь с радостью принимал в Париже Ансамбль танца Украины во главе с П. Вирским, его хорошим другом, искренне волнуясь за успех выступления соотечественников.

Кроме этого, Серж два раза пережил горечь поражения.

Первый – еще в 1945 г., когда только что освободившаяся Франция обвинила его в коллаборационизме и приговорила к расстрелу. Лифарь вынужден был бежать и два года скрываться. В 1947 г. состоялось его триумфальное возвращение в «Гранд-Опера»: все обвинения были сняты и, наоборот, доказано, что во время войны он способствовал спасению ценностей искусства, продолжал работать в том же ритме. В эти тяжелые годы Серж не только уклонился от сотрудничества с фашистами, отказался от личной встречи с Гитлером, но и сохранил в неприкосновенности портрет Рихарда Вагнера кисти самого Огюста Ренуара из собрания парижской Оперы, который Геббельс хотел реквизировать и подарить фюреру.

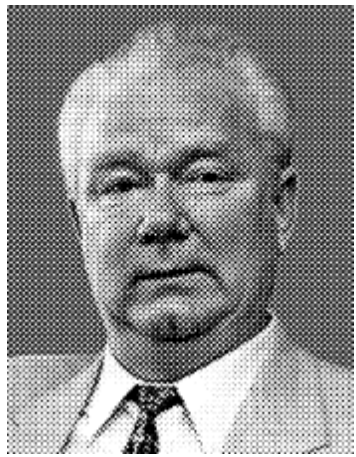
Второе поражение было для Лифаря еще более болезненным. Дирекция «Гранд-Опера» уволила его, аргументируя это необходимостью притока новой творческой силы. Не спасло даже влияние президента. Серж был раздавлен, все потеряло для него смысл. О какой жизни могла идти речь, если он не имел возможности заниматься любимым делом, бывшим центром его существования как личности? «Мечтаю возвратиться в Украину. Но дома меня, к сожалению, никто не знает, а во Франции забыли», – говорил в минуты отчаяния Лифарь. Но как всякая творческая личность, он не мог сидеть без дела: посвятил всего себя теории и истории балета. Серж читал лекции, писал статьи о балете, вел активную пропагандистскую деятельность. Его многочисленные труды стали классикой преподавания теории балета. За свой вклад в развитие искусства Лифарь был удостоен различных мировых премий, он занимал многие руководящие должности, связанные с культурой. В трех автобиографиях изложен его жизненный и творческий путь: от простого танцовщика до звезды мирового масштаба. А воспоминания о современниках, в частности книга «Дягилев и с Дягилевым», стали ценным материалом для исследования их жизни.

Последняя страсть пришла к Сержу Лифарю, когда ему исполнилось 67 лет. Ею была живопись. Надо сказать, рисовал он всю жизнь: эскизы для сценических костюмов, декораций, небольшие портреты, – но сейчас бывший балетмейстер наконец-то нашел отдушину для пылкого воображения. Живопись стала для него одной из новых форм творческого осмысления вселенной, новым способом самовыражения и самоутверждения. Он рисовал карандашом, театральным гримом, гуашью, но особой его любовью пользовались акриловые краски. Да и смотрел на свои работы Серж как балетмейстер, поэтому среди них больше всего рисунков из балета, где он легко передавал пластику танцовщиков и балерин. Но в его коллекции можно отыскать и

пейзажи, в основном городские, и даже бой быков. Лифарь всегда рисовал в порыве, и поэтому его картины были наполнены движением. Серж говорил: «После танца моим последним приютом стал живописный образ», – и то ли в шутку, то ли всерьез добавлял: «…я не художник, а хореограф, который рисует». Так или иначе, но и в живописи он – Мастер, и на его выставки стекалось столько же народа, сколько раньше – на его балеты.

Серж Лифарь тихо умер в Лозанне 16 декабря 1986 г. Он похоронен на кладбище русских знаменитостей в Париже – Сен-Женевьев-дю-Буа, а не на берегу милого ему Днепра, но на могильном камне написано: «Серж Лифарь, киевлянин». О выдающемся танцовщике и балетмейстере помнят во всем мире. В Лозанне ему установлен памятник в виде Икара, его любимого балетного персонажа. Рядом с памятником – треугольная мемориальная доска со словами: «Украина – своему гениальному сыну в честь столетия». Родная земля воскресила память о Лифаре и в Международном конкурсе балета его имени, и в международном фестивале танца «Серж Лифарь де ля данс». Достойная дань памяти украинца, так и не ставшего французом.

Лобановский Валерий Васильевич (род. в 1939 г. – ум. в 2002 г.)



Выдающийся украинский футболист, один из лучших форвардов СССР, талантливый наставник киевского «Динамо», сборной СССР, Украины, ОАЭ, Кувейта. Заслуженный тренер СССР, самый титулованный из всех советских и постсоветских тренеров, обладатель Кубка кубков (дважды) и Суперкубка.

Весной 2003 г. у входа на киевский стадион «Динамо» была установлена мемориально-скульптурная композиция в честь великого тренера, Героя Украины Валерия Васильевича Лобановского. Группе молодых талантливых архитекторов удалось решить непростую задачу: выбрать наиболее яркий и интенсивный период спортивной биографии мэтра, чтобы в камне воплотить всю мощь, силу его тренерского духа, его неуемной, деятельной энергии. После консультаций с вдовой Лобановского был выбран период деятельности, когда мастеру было около 50 лет. Композиция представляет собой синтез традиционных скульптурных материалов и новых технологий. В середине всего комплекса установлен монитор на жидких кристаллах, где демонстрируются архивные съемки наиболее значимых моментов жизни выдающегося спортсмена.

Будущий легендарный футболист родился в Киеве 6 января 1939 г. в семье инженера Василия Михайловича Лобко-

Лобановского и его жены Александры Максимовны Бойченко, занимавшейся домашним хозяйством. В детстве мальчик мечтал стать шофером и очень любил игрушечные автомобили; домашние считали, что после школы он выберет техническую профессию, станет инженером. Уже в те годы у Валеры выработались главные жизненные принципы и черты характера: настойчивость, стойкость духа, постоянство взглядов. В 13-летнем возрасте он начал играть в футбол в ДЮСШ, потом продолжил свое спортивное образование в Футбольной школе мастерства. Когда ему исполнилось 19 лет, вся дальнейшая жизнь уже была предопределена. Однако юноша твердо решил получить высшее образование и сумел совместить спорт и учебу.

Школу Валера окончил с серебряной медалью и поступил в Киевский политехнический институт. В 1965 г., играя в составе «Черноморца», он перевелся в Одесский политехнический, который и окончил как инженер-теплоэнергетик. Дипломы такого профиля для футболистов были редкостью во все времена. Однажды, в период очередной советской «футбольной реформы», граничившей с глупостью, спортивные власти страны приняли решение, запрещавшее работать с командами высшей и первой лиг тренерам без физкультурного образования. Единственным специалистом, не имевшим такого образования, оказался ставший к тому времени тренером «номер один» в советском футболе Валерий Лобановский. О скоропалительном решении пришлось «забыть».

Большой футбол начался для Валеры в мае 1959 г., когда он дебютировал на чемпионате СССР в матче основного состава «Динамо» (Киев) против ЦСКА. До этого молодой спортсмен в течение года играл в дубле киевского клуба и привлек к себе пристальное внимание болельщиков неординарной игрой. Он одним из первых советских футболистов освоил прием «сухой лист» и с успехом использовал его при подаче углового.

В составе «Динамо» Валерий выступал с 1958 по 1964 г., затем два сезона играл в одесском «Черноморце» и два – в донецком «Шахтере». За киевское «Динамо» он провел 144 игры (всего – 253) и забил 42 мяча (всего – 71), два матча сыграл в составе сборной СССР и семь матчей – в олимпийской сборной. В активе футболиста Лобановского «серебро» чемпионата СССР 1960 г. и «золото» 1961 г. Он был дважды в списках «33 лучших футболистов», но в 1968 г. ушел на тренерскую работу, и именно она принесла ему наибольшую славу.

В 29-летнем возрасте бывший левый крайний стал тренировать днепропетровскую команду первой лиги «Днепр» и сразу же вывел ее в высшую лигу, где она заняла шестое место.

Невероятный качественный скачок не остался незамеченным. В октябре 1973 г. Лобановского вызвали в Киев и предложили возглавить лучший украинский клуб – «Динамо». Валерий тут же позвонил работавшему тогда в донецком «Шахтере» Олегу Базилевичу и пригласил его поработать вместе.

От киевского «Динамо» всегда ждали и требовали только побед. Тандем «Лобановский – Базилевич», просуществовавший 2,5 года, начал выдавать их сразу. Молодые руководители команды строго следовали специально разработанной методике тренировочного процесса, кардинально изменили характер ведения игровых действий, возглавили в советском футболе новое направление.

Уже через два года киевское «Динамо» стало первой отечественной командой, выигравшей престижные европейские призы – Кубок обладателей кубков, а затем и Суперкубок, победив в нелегкой борьбе мюнхенскую «Баварию». Международная ассоциация спортивной прессы назвала динамовский клуб лучшей спортивной командой мира. Киевские игроки вместе со своими тренерами составили и основу сборной СССР. Но не простили относительные неудачи 1976 г. – проигрыш на чемпионате Европы чехословацким футболистам и «только» третье место на Олимпиаде в Монреале – и Лобановского «ушли» из сборной.

«Принципам не изменяют, принципы совершенствуют», – всегда говорил Валерий Васильевич, несколько десятилетий подряд входивший в число лучших тренеров мира. Футбольная Италия звала его «полковником», Германия – «генералом». Военная терминология лишь подчеркивала уважение к командам, которые под водительством Лобановского участвовали в крупнейших континентальных турнирах. За его работой тщательно следили коллеги. Многие итальянские тренеры вполне могут сказать, что они вышли из «шинели Лобановского».

Переворот в сознании итальянских специалистов произвели две команды – «Динамо» (Киев) образца 1986 г., выигравшее второй Кубок обладателей кубков, и советская сборная, предложившая футбольному миру два года спустя на чемпионате Европы совершенно новый качественный виток тотального футбола. После полуфинального матча СССР – Италия, убедительно выигранного советскими футболистами, тренер итальянской команды Энцо Беарзот сказал: «Я еще раз убедился в том, что вы великая команда. Вы играете в современный футбол на скорости 100 километров в час. Прессинг, который я сегодня увидел, – проявление высшего мастерства. Физическая форма советских игроков – это плод исключительной, отличной работы».

Указания Лобановского всегда выглядели на удивление точными. Они были пропитаны логикой, но что бы ни стояло за ними – многочасовые размышления или моментальное озарение, – «авось» мышление тренера не допускало категорически. «Тренерская правота Лобановского была гораздо выше нашей правоты игроков», – говорили позже футболисты киевского «Динамо», которые в 1975 г. стонали на тренировочных сборах, проводившихся по совершенно новой методике.

Время все расставило по своим местам. Никто из почти 30 футболистов, игравших в команде Лобановского и ставших потом тренерами, не сказал ни одного недоброго слова в адрес учителя, который тогда казался монстром, мечтавшим выдавить из них все соки и вырвать все жилы. Динамовский защитник Михаил Фоменко стал одним из первых игроков, который вел конспекты тренировок, приходил к тренеру и задавал ему вопросы. Среди футболистов подобное прежде было не принято. В Киеве при Лобановском «плотина рухнула». За Фоменко последовали другие. Дело не только и не столько в конспектах, сколько в неподдельном интересе к тому, что делал знаменитый тренер и его единомышленники.

Собственным примером, результатами, умением профессионально работать Лобановскому удалось «заразить футболистов профессией». Его лозунгом было: «Тренера без игроков не существует». И это притом, что Лобановского долгое время сопровождал имидж исключительно жесткого человека, ни в грош не ставившего своих футболистов. Однако за всю свою тренерскую жизнь он не отчислил из команды ни одного игрока по субъективным причинам. Он работал только на команду, и если какой-нибудь футболист, на его взгляд, не вписывался в игру, Лобановский расставался с ним. Так он отнесся, например, к Блохину и Мунтяну.

Не все было гладко у Лобановского в отношениях с властями. В СССР его фактически объявляли «еретиком», заставляя тренировать возглавляемые им команды так, «как все», и требуя от него, чтобы они играли, «как все». Несмотря на травлю в прессе и со стороны спортивных и партийных руководителей, Валерий не отступил от выбранного им направления, базирующегося на серьезной научной основе. Его увольняли из сборной СССР с формулировкой «никогда впредь не привлекать Лобановского к работе со сборными командами страны», но потом вновь возвращались к его кандидатуре, потому что понимали, что только с ним можно добиться хороших результатов.

Помудрев с возрастом, Лобановский бесспорно вошел в

немногочисленную группу европейских тренеров, определявших процесс развития современного футбола. Его вклад в развитие мирового футбола бесценен. «Тренер должен учиться всю жизнь, – говорил мастер. – Если зачерствел, перестал учиться, – значит, перестал быть тренером. Время не обмануть. Акценты расставляет оно. И учит – тоже».

У Валерия Лобановского был исключительно крепкий тыл. Почти 40 лет рука об руку шла с ним верная помощница – жена, Аделаида Панкратьевна, вместе с мужем пережившая все сложности тренерской профессии, отнюдь не способствующей крепкому здоровью. Их дочь Светлана окончила филфак Киевского университета по специальности «преподаватель русского языка для иностранцев» и подарила родителям двоих внуков – Богдана и Ксению…

После того как Лобановский в конце 1996 г. вернулся в родное «Динамо» с Ближнего Востока, где весьма успешно тренировал сборные Эмиратов и Кувейта (кувейтская команда под его руководством стала третьей на Азиатских играх – невиданное до той поры достижение), от него в Киеве стали ожидать чуда. Тренер, всегда утверждавший, что чудес не бывает, за короткое время сделал из «Динамо» абсолютно конкурентоспособную в Европе команду, «переместив» ее из второй сотни европейского рейтинга на пятое место по итогам сезона 1999/2000 гг.

Однако возраст и постоянные нервные нагрузки давали себя знать. Валерий Васильевич страдал гипертонией, у него было повышенное внутричерепное давление, особенно ухудшалось самочувствие при резкой перемене погоды. Во время матча «Динамо» с «Металлургом» 7 мая 2002 г. небо над стадионом внезапно затянулось тучами, Лобановскому вдруг стало плохо, и он был доставлен в одну из запорожских клиник с диагнозом «острое нарушение мозгового кровообращения на фоне гипертонического криза». Наставник киевлян по прибытии в больницу даже противился госпитализации, но вскоре потерял сознание и был сразу переведен в реанимацию. В связи с тяжелой формой инсульта никто не решился перевозить его в столицу.

Неделю врачи боролись за жизнь великого тренера, но спасти его не удалось… 13 мая на 64-м году жизни выдающийся футболист и тренер – легенда советского и украинского футбола – Валерий Васильевич Лобановский скончался. Проститься с ним на киевский стадион «Динамо», которому тогда же было присвоено имя Валерия Лобановского, пришло около 150 тысяч поклонников его таланта. После траурной церемонии, длившейся более 4 часов под проливным дождем, он был похоронен на

Байковом кладбище.

Луценко Юрий Витальевич (род. в 1964 г.)

Министр правительства Ю. Тимошенко – руководитель Министерства внутренних дел (2005 г.). Сопредседатель акции «Украина без Кучмы» (2000), активный участник «оранжевой революции» (2004 г.).

Юрий Луценко родился 14 декабря 1964 г. в г. Ровно. Отец, Виталий Иванович, работал первым секретарем Ровенского обкома КПСС, был народным депутатом Украины. Мать, Вера Михайловна, работала ветеринаром. По окончании средней школы Юрий получил высшее образование на факультете электронной техники Львовского политехнического института, который закончил в 1989 г.

Из института он был призван на службу в ряды Советской Армии; служил два года: с 1984 по 1986-й.

Во время обучения Юрий Луценко жил в институтском общежитии, где и познакомился с Ириной, студенткой отделения прикладной математики. Они вспоминают веселые студенческие годы, учебу и путешествия. Молодыми объездили всю Европу, ночевали и в мотелях, и в палатках.

По окончании института Луценко возвращается домой и устраивается на ровенский завод «Газотрон». В течение пяти лет Юрий Витальевич занимает на заводе разные должности: мастера участка, потом начальника технического бюро, главного

конструктора.

В 1994 г. Луценко идет работать в Ровенский областной Совет заместителем председателя по вопросам исполнительных органов, потом – главой комитета экономики.

В 1996 г. Юрий Витальевич – начальник управления Министерства по вопросам науки и технологий, в 1997-1998 гг. – заместитель министра Украины по вопросам науки и технологий. С 1998 по 1999 г. он работает помощником премьер-министра Украины, с 1999 по 2002 г. – помощником-консультантом народного депутата Украины А. Мороза.

В апреле 1996 г. Ю. Луценко стал секретарем Политсовета Социалистической партии Украины.

В 2002 г. он был избран народным депутатом Украины четвертого созыва от Социалистической партии Украины. В парламенте стал членом Комитета по вопросам строительства, транспорта и связи и членом фракции Социалистической партии Украины.

С декабря 2000 г. Юрий Луценко – сопредседатель акции «Украина без Кучмы», член Совета акций протеста, с февраля 2001 г. – представитель Гражданского комитета защиты Конституции «Украина без Кучмы» для ведения переговоров с представителями власти. Луценко приобщается и к журналистике, становится главным редактором еженедельника «Грани плюс».

Силовое столкновение демонстрантов со спецслужбами привело к краху акции «Украина без Кучмы». Это был горький опыт, но он закалил. С тех пор Юрий Луценко зарекомендовал себя как лидер, достойный доверия масс.

Как и каждая революция, украинская ноябрьская революция 2004 года возникла не неожиданно. Она вызревала в течение всех тринадцати лет независимости, а особенно последних десяти, когда к власти пришел режим, который получил в народе название «кучмовщина». Революция 2004 г., которую назвали «помаранчевой» – «оранжевой», имела успех потому, что ее лидерам удалось органически соединить национальную идею с идеей демократического обновления общества и власти.

Майдан Независимости в столице стал явлением. Теперь говорят не только «на Майдане», а и «во время Майдана», «участник Майдана». Майдан изменил жизнь и души многих украинцев, заставил переосмыслить, осознать личную роль в судьбе страны. Символами украинской революции стали палатки и сцена с микрофоном.

«Полевыми командирами Майдана» были Юрий Луценко, Тарас Стецькив и Владимир Филенко. Луценко каждый день

выступал на Майдане, рассказывал собравшимся о решениях Комитета национального спасения, организовывал и вел людей на место следующего пикета. Уровень организации в начале событий был не совсем согласованным. Так, во время пикета возле здания администрации президента, куда Луценко привел почти 10 тысяч человек, у него были мегафоны без единой батарейки и он полностью сорвал голос.

Однако жизнь Майдана постепенно налаживалась. Чтобы люди не мерзли, приходилось кипятить до 15 тонн воды в сутки. В первый день 2,5 тысячи киевлян оставили свои адреса и пригласили гостей Киева к себе. Со временем таких адресов уже было 35 тысяч. На третий день акции от простых граждан Киева поступило миллион гривень пожертвований, потом открыли счет, и материальные проблемы были решены.

Луценко с уважением рассказывает, что это был Майдан не 2000 г.: тогда была генеральная репетиция, но, по его мнению, без нее не состоялся бы нынешний. Организационные вопросы приходилось решать оперативно, тщательно анализируя все обстоятельства. Так, 23 ноября поступило указание вести народ к зданию Верховной Рады по улице Грушевского. Но людей было слишком много, и полевые командиры решили идти другим, длинным путем, через ЦИК. Эта мирная процессия была впечатляющей: в течение полутора часов – бесконечный человеческий поток.

Особенно гордится Луценко тем, что каждый день они действовали умеренно, взвешенно, так, чтобы не пролилась кровь. «Ющенко со сцены проповедовал народу миролюбие, ненасилие, элегантность. Это воспитывало людей. Он настроил людей на порядок, на мир, на то, что победа неизбежна», – вспоминает Юрий Витальевич.

Тропы Майдана, а не ковровая дорожка привела Луценко в Кабинет министров. Юрий Витальевич был серьезно настроен на работу министра связи. Еще в декабре 2004 г. он детально анализировал состояние информатизации в стране, опубликовал основательное исследование об использовании телекоммуникационных систем, созданных на базе радиотехнологий в большинстве развитых стран, обдумывал механизмы внедрения принятых в июне 2004 г. новых украинских законов о радиочастотном ресурсе.

Луценко, однако, получил портфель министра внутренних дел – структуры, деятельность которой регламентируется огромным количеством секретных и полусекретных инструкций. Именно они, а не Конституция, не Закон «О милиции» являются базой реальной ежедневной деятельности Органов внутренних

дел. Сразу же после назначения Юрий Луценко признался: «Прямая угроза – масштабность поставленных задач и мой непрофессионализм в этой области. Я не знаком ни с менталитетом, ни со специфическими сторонами работы милиции. Однако надеюсь, что моих личных и политических качеств будет достаточно для сближения с честными и порядочными милиционерами».

И страна увидела непривычного Луценко. Оказалось, что ему не только очень подходит элегантный костюм и галстук, но и стало понятно, что он – жесткий бюрократ, амбициозный прагматик, который умеет разговаривать с милицейскими генералами.

В качестве первоочередной задачи Ю.В. Луценко видит деполитизацию и декриминализацию Органов внутренних дел. В частности, он пообещал, что общественность будет знать «наши действия относительно тех лиц, которые уже понесли определенные суммы, чтобы остаться», обратился к подчиненным с просьбой забыть слово «политика» и сообщил, что прекратил свое членство в Социалистической партии Украины. Второй безотлагательной задачей Юрий Луценко назвал удар по криминальным точкам общества: «Будем действовать профессионально, но удар будет мощным».

Луценко собирается провести реформирование Органов внутренних дел: максимально переаттестовать сотрудников паспортных столов, медицинских учреждений и пресс-служб Органов внутренних дел, реформировать Государственную автомобильную инспекцию. Изучая ситуацию, которая годами складывалась в милиции, Луценко отмечает, что в стране работает 14 тысяч участковых милиционеров, но половина из них (и все в сельской местности) не обеспечена транспортом. В то же время «наш доблестный тыл закупил тысячу машин, из них – 70 джипов».

Своим приказом он ввел институт представителей при УВД в количестве 27 человек, которые возьмут на себя анализ переаттестации личного состава, изучение вопроса участия работников милиции в фальсификации выборов, коррупции, прием жалоб граждан. После того как переаттестация состоится, главным для этих людей будет, в частности, наносить визиты в дежурные части в любое время суток, наблюдать, как работают, принимают заявления граждан непосредственно на местах. Луценко надеется, что институт представителей просуществует как минимум полгода.

Юрий Луценко – политик нового поколения, энергичный, инициативный, авторитетный, человек действия. Недостаток

знаний нового министра в оперативной, следственной, административной работе является проблемой, так сказать, рабочей, которую можно решить как с помощью заместителей – профессионалов милицейского дела, так и за счет овладения спецификой деятельности Министерства внутренних дел им самим, а личные качества Луценко позволят сделать это в короткий срок. «Уже через год мы построим новую милицию, и она не будет брать взятки, сотрудничать с преступными группировками, а будет служить закону», – пообещал президент.

И то, что Ю.В. Луценко не профессиональный милиционер, дает ему большие преимущества: он имеет возможность видеть место этой структуры в общей системе власти.

Лыжичко Руслана Степановна (род. в 1974 г.)

Руслана Лыжичко (сценическое имя Руслана) – популярная украинская певица, композитор и продюсер. Народная артистка Украины. Победитель конкурса «Евровидение-2004».

Руслана Лыжичко родилась 24 мая 1974 г. во Львове. Музыкой и вокалом она начала заниматься еще в детстве – почти с четырех лет.

Школьницей Руслана пела в группе «Орион», потом – в детском ансамбле «Улыбка». После окончания детской музыкальной школы будущая певица поступила во Львовскую консерваторию им. Н. Лысенко на дирижерское отделение.

Во время обучения в консерватории Руслана брала уроки композиции у Мирослава Скорика, дирижирования – у Николая Колесси и Ивана Луцива, вокала – у Ларисы Бужко, фортепиано – у Юрия Боня. Учась в консерватории, Руслана овладела профессией хорового и оперно-симфонического дирижера, оперной певицы, пианистки и композитора, а также научилась играть на многих музыкальных инструментах. Обучение в консерватории очень помогло девушке в будущем – в аранжировке песен, в музыкальном экспериментаторстве. Она закончила консерваторию по специальности «Дирижер симфонического оркестра».

«Взрослая» музыкальная карьера певицы началась в 1993 г., когда Руслана приняла участие в двух украинских музыкальных фестивалях: Всеукраинском фестивале современной песни и популярной музыки «Червона Руга-93», лауреатом которого она стала, а также во Всеукраинском фестивале поп– и рок-музыки «Тарас Бульба-93».

В том же 1993 году Руслана и ее будущий муж и продюсер Александр Ксенофонтов основали студию «Люксен» и начали заниматься радиорекламой. Известные музыкальные клипы фирм Oriflame, Coca-Cola, Stimorol были озвучены голосом Русланы. Этому занятию певица отдала больше двух лет.

В 1995 г. Руслана стала обладателем Гран-при Первого Всеукраинского телевизионного фестиваля «Мелодия».

Заметное событие произошло в конце года и в личной жизни певицы: 27 декабря 1995 г. она вышла замуж за Александра Ксенофонтова – ее помощника и продюсера (бывшего львовского журналиста и лидера группы «Клуб любителей чая», которая в свое время быстро распалась).

В следующем, 1996 г. Руслана принимает участие в Международном фестивале искусств «Славянский Базар», где занимает первое место.

Кроме того, с начала того же года певица занимается первым большим творческим проектом – шоу «Звонкий ветер» с «живым» звуком. Этот проект, посвященный празднованию 500-летия эпохи Возрождения во Львове, был синтезом классики и рока.

В конце июля Руслана записывает свой первый сингл и клип «Ты». Он снимался в Одесском замке и стал первым этапом проекта. В съемках взяли участие симфонический оркестр и музыканты «Клуба любителей чая», которые тогда специально опять собрались для этого проекта.

Фильм «Звонкий ветер Одесского замка» телекомпании «Мост» стал «Лучшим фильмом года» на телевизионном фестивале «Золотая Эра» (1997).

28 сентября того же 1996 г. на сцене Львовского оперного театра состоялся концерт на тему сказки де Сент-Экзюпери «Маленький принц», что стало следующим этапом проекта. После этого концерта украинская печать назвала певицу «новой волной в музыке».

Все это привело к признанию Русланы на общенациональном уровне: она стала лауреатом Первой Всеукраинской общенациональной программы «Человек года-96» в номинации «Звезда эстрады», а также ее назвали «Певицей года-96».

В 1997 г. Лыжичко принимает участие в шестом фестивале «Таврийские игры» и становится его лауреатом. В конце года она

делает шоу «Рождество с Русланой», в которое вошли акустический концерт, съемка телепрограммы с аналогичным названием и презентация анимационного фильма «Баллада о принцессе». В том же году певице присвоено звание «Выдающаяся львовянка года».

Руслана становится дипломантом Национального шоу-концерта «Песня года-97» в области украинской популярной музыки.

В 1998 г. выходят два альбома певицы – студийный «Миг весны» и концертный «Лучшие концерты звонкого ветра».

Тогда же визитной карточкой Русланы становится песня «Світанок» («Рассвет»), которая получила приз «Золотая Жар-птица-98» в номинации «Лучшая песня года». Клип на эту песню тоже был отмечен как лучший видеоклип года.

Во второй половине 1998 года Руслана устраивает тур с благотворительными концертами по замкам Украины с целью собрать средства на их реставрацию. «Тур по старинным замкам Украины» привлек внимание к состоянию этих замов. Результатом этого тура стала реставрация Золочевского замка.

В 2000 г., окончательно завершив проект «Звонкий ветер», Руслана занялась новым проектом – «Гуцульским». В рамках проекта был выпущен сингл «Знаю я», фильм «Стоп! Снято!», аудио– и видеоальбомы, фильм о проекте, рождественский музыкальный фильм. Презентация «Гуцульского проекта» состоялась на открытии 10-го фестиваля «Таврийские игры» 2001 года.

«Знаю я» – первый музыкальный киноклип, который был снят и смонтирован специально для показа на широком экране в современных кинотеатрах. В этой работе принимали участие 250 специалистов из 5 стран мира, которые работали в 7 студиях.

В 2002 г. певица снялась в музыкальном фильме «Рождественские легенды с Русланой». В этом же году она снова выступает на фестивале «Славянский Базар».

Летом 2003 г. у нее вышел новый альбом – «Дикие танцы». Работа над ним (так называемое сведение) состоялась в мае 2003 года на всемирно известной музыкальной студии Питера Гебриэла «Real World» в Лондоне. Этот альбом – современная компиляция этнического материала на основе старинных этнических гуцульских мотивов (ритмов и танцев) и современных течений поп– и рок-музыки. Альбом подытожил творчество певицы в рамках «Гуцульского проекта» за все время его существования.

Чуть позже, в июле 2003 г. Руслана со своим гуцульским шоу выступила на украинских фестивалях «Купальские звезды» и

«Купальские ночи». А через месяц, в начале августа, певица приняла участие в конкурсе популярной музыки «Матрица» в Ялте. В этом же году у нее вышли два новых клипа – «Коломыйка» и «Ой заграймо музиченьку» на песни из альбома «Дикие танцы».

В октябре 2003 г. были опубликованы официальные данные по продажам альбома «Дикие танцы» – официально было продано 100 000 его копий. С конца ноября 2003 года до 4 января 2004 года длился украинский концертный тур с новой шоу-программой певицы «Дикие танцы». Во время этого тура на сцене вместе с ней выступал балет «Жизнь», режиссером шоу была Ирина Мазур, а костюмы разработала Роксолана Богуцкая. Тур проводился в поддержку платинового альбома.

В декабре 2003 г. на церемонии «Украинская музыкальная премия», инициированной Ассоциацией звукозаписывающих компаний Украины, за альбом «Дикие танцы» Руслана получает первую в Украине официальную награду «Платиновый диск», что соответствует 100 000 официально проданных лицензионных копий альбома. Вручил награду певице президент Международной федерации звукозаписывающей индустрии (IFPI) по Восточной Европе Стефан Кравчек.

Это событие было очень важным, так как оно свидетельствовало о постепенном входе украинского шоу-бизнеса в правовую зону и о создании конкурентоспособного национального музыкального продукта.

Готовясь к участию в конкурсе «Евровидение-2004», PR-группа Русланы провела всестороннюю подготовку: они изучали своих конкурентов, проводили специальные промо-туры по странам, которые должны были стать участницами голосования.

Во время самого конкурса была также организована специальная PR-поддержка. Так, в отличие от мероприятий конкурентов, пресс-конференция Русланы проводилась нестандартно: например, все присутствующие могли дегустировать украинскую водку и сало. И вдобавок Руслана учила журналистов играть на трембите.

На самом конкурсе «дикое» шоу Русланы кардинально отличалось от выступлений других участников «Евровидения-2004». Интересно, что «за» украинскую участницу активно голосовали не только южные, традиционно более темпераментные страны, но и североевропейские. Возможно, ее имидж напомнил им викингов?.. Телекомментатор британской корпорации BBC назвал Руслану «принцессой-воином».

Среди 36 стран, которые принимали участие в голосовании, по результатам мирового телефонного голосования в прямом эфире представительница Украины Руслана заняла первое место с

280 баллами.

На пресс-конференции, которая состоялась сразу же после окончания финального гала-концерта, находясь, очевидно, в состоянии эйфории, Руслана забралась на стол с украинским флагом в руках.

Победа нашей певицы на «Евровидении» была отмечена государственными и правительственными наградами. Тогдашний Президент Украины Леонид Кучма своим указом присвоил победительнице международного конкурса песни «Евровидение-2004» звание народной артистки Украины. Об этом он объявил на торжественной церемонии оказания почестей певице 18 мая 2004 года в Киеве.

«Это не успех одной исполнительницы, это успех всей нашей страны», – подчеркнул тогда президент, отметив, что победой Русланы «закладываются традиции внимания к Украине и ее репутации».

Президент также присвоил звание «Заслуженный деятель искусств» продюсеру и звукорежиссеру Русланы Александру Ксенофонтову, а звание «Заслуженный артист Украины» – автору и постановщику концертной программы певицы «Дикие танцы» Ирине Мазур.

Кабинет Министров Украины за весомый личный вклад в развитие украинского музыкального искусства и победу в Международном конкурсе эстрадной песни «Евровидение-2004» наградил солистку студии звукозаписи «Люксен», народную артистку Украины Руслану Лыжичко Почетной грамотой Кабинета Министров Украины с вручением памятного знака.

После победы на «Евровидении» наш выдающийся боксер Виталий Кличко вручал Руслане в Лас-Вегасе награду «World Music Awards» – «Всемирную музыкальную награду».

Если говорить об определенных личных чертах и вкусах Русланы, то уместно сослаться на ее слова, сказанные в одном из многочисленных интервью. Так, на вопрос относительно вкуса в одежде она рассказала, что любит все с ремешками, металлическими бляхами, а также все в спортивном молодежном стиле.

Среди любимых блюд Руслана называет гуцульские «пироги» – вареники с грибами и картофелем, щедро политые сметаной.

И еще один важный «непесенный» штрих к биографии известной певицы. Президентские выборы 2004 года были ответственными и напряженными для каждого гражданина страны.

Руслана была назначена советником премьер-министра В. Януковича по вопросам молодежи на общественных началах, но,

как она рассказывала, ни одного совета ей так и не пришлось дать…

После второго тура выборов, который прошел с многочисленными нарушениями, Центральная избирательная комиссия объявила Виктора Януковича избранным президентом. «В связи с решением ЦИК Украины признать победу на выборах Президента Украины В. Януковича Руслана в знак протеста объявляет голодовку и повязывает на голову символическую ленту», – говорилось в сообщении, размещенном на официальном сайте певицы. Руслана обратилась к правительствам стран Европы и мира с просьбой демократическим путем повлиять на ситуацию в Украине.

Она пела на Майдане, даря свои эмоции и поддержку народу, который не хотел жить по-старому.

В январе 2005 г. в одном из интервью певица сказала: «Помню, как на Майдане я стала перед теми, кто собрался, на колени… У меня уже есть такая страна, о которой мечтаю, и хочу только, чтобы она процветала, завоевывала себе новые победы, чтобы все мы реализовывали свои мечты и надежды».

Лысенко Николай Витальевич (род. в 1842 г. – ум. в 1912 г.)

Украинский композитор, пианист, хоровой дирижер. Основоположник национальной композиторской школы. Создатель ряда хоровых коллективов и музыкально-драматической школы. Автор опер «Наталка Полтавка», «Тарас Бульба», «Энеида», вокального цикла «Музыка к „Кобзарю“ Т.Г. Шевченко».

Как-то у Н.В. Лысенко спросили, почему, имея блестящие музыкальные способности, он не избрал более легкий и прибыльный путь виртуоза-исполнителя (с возможностью мировых гастролей), а пошел по часто неблагодарному композиторскому пути. На что Николай Витальевич ответил: «При всей своей воле и любви к труду я мог бы добиться если не блестящего, то достаточно твердого положения в среде исполнителей. Но я знал и то, что моя родная музыкальная культура – еще не тронутое поле, которому нужен свой пахарь и сеятель. Ему я и задумал посвятить свои скромные силы».

22 марта 1842 г. в с. Гриньки Полтавской губернии (теперь Глобинский район Полтавской области) в семье дворянина Виталия Романовича Лысенко родился сын, которого назвали в честь двоюродного деда Николаем. Будущий великий композитор воспитывался в большой дружной семье, окруженный теплом и заботой. История рода Лысенко начинается в середине XVII в.

с казацкого атамана Якова Лысенко, участвовавшего в освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого. С того времени все мужчины в семье, кроме Николая и его сына Остапа, выбирали для себя профессию военного.

Виталий Романович, отец композитора, был полковником Кирасирского Военного ордена полка. Высокообразованный человек, он любил свою землю и гордился знакомством с декабристами. Мать, Ольга Еремеевна, из полтавского помещичьего рода Луценко, была утонченной, элегантной женщиной, получившей образование в Смольном институте благородных девиц. Она великолепно играла на фортепиано и, первой заметив в Николае способности к музыке, в пятилетнем возрасте усадила его за инструмент. Вообще, по воспоминаниям М. Старицкого, «первое воспитание нашего композитора было заведено на аристократический лад: чистый французский язык, изысканные манеры, танцы, умение непринужденно держаться в гостиной – вот что требовалось от ребенка». Для него пригласили учительницу, а с семи лет мальчик занимался в музыкальных классах киевских пансионов Вейля и Гедуэна.

Такое классическое образование уравновешивалось влиянием двоюродных деда и бабушки – Марии и Николая Булюбашей. Они говорили только по-украински, а в их доме часто слышались украинские песни, рассказы и сказки. Своих детей у них не было, поэтому всю любовь они отдавали внуку.

Маленький Николай делал успехи в музыке: в 9 лет он написал элегантную польку с правильным развитием темы и гармонизацией. Его отец напечатал польку в Киеве ко дню рождения сына.

В 1855 г. Николая отдали в привилегированное учебное заведение – вторую Харьковскую гимназию. В Харькове он занимался с известными музыкантами М. Дмитриевым и чехом Вильчеком. Талантливый подросток быстро стал популярным в городе пианистом, которого приглашали на вечера и балы, где он исполнял пьесы Моцарта, Бетховена, Шопена, с блеском импровизировал на темы украинских народных песен.

Окончив гимназию, Лысенко поступил на естественнонаучный факультет Харьковского университета. Но в 1860 г. из-за материальных затруднений семья Лысенко переехала в Киев, и Николай вместе с троюродным братом Михаилом Старицким перевелся в Киевский университет. Его он окончил с отличием, а в 1865 г. даже защитил диссертацию на тему «Размножение нитчатых водорослей».

Киевский университет 1860-х гг. оказал большое влияние на мировоззрение юноши, его национальные и общественные

убеждения. Знакомство с Павлом Чубинским, Фаддеем Рыльским, Владимиром Антоновичем привело Николая Лысенко в общество людей, которые служили народной идее, занимались изучением украинской этнографии и популяризацией фольклора. «Лысенко просто переменился и начал доказывать, что нам всем не только с народом, но и между собой нужно разговаривать по-украински, чтобы сделать этот язык культурным и своим… Кроме того, где только Лысенко ни появлялся, сейчас же создавал хор, которым он и дирижировал».

В студенческие годы Николай Витальевич продолжал заниматься музыкой и старался приобрести как можно больше специальных знаний. Он восторженно изучал оперы Глинки, Даргомыжского, Серова, знакомился с музыкой Шумана и Вагнера. Но не забывал и другого своего пристрастия – собирательства народных украинских песен. Отправляясь на каникулы в деревню к родителям, Николай брал с собой большой блокнот для записи материала, который он обрабатывал уже в Киеве.

Во время одной из таких поездок Лысенко пережил первую страстную и трагическую влюбленность. Его сердце своей красотой и чудесным голосом покорила молодая крестьянка Настя. Чувство Николая было таким сильным, что он даже думал жениться. Благо в семье был уже пример такого мезальянса – его дядя, Александр Захарович, женился на своей крепостной. Но мать будущего композитора была категорически против этого брака, и после отъезда Николая Витальевича в Киев Настю насильно выдали замуж за крестьянина из другой деревни. Он больше ее не увидел.

Устоять и не согнуться от горя помогло испытанное лекарство – работа и творчество. По окончании университета его ждал обычный путь дворянина «с дипломом» – служба в одной из канцелярий. Но по-настоящему молодого биолога влекла только музыка. После непродолжительной службы Николай решил получить высшее музыкальное образование. На семейном совете была избрана Лейпцигская консерватория, считавшаяся одной из лучших в Европе. При своем таланте он легко поступил в нее в октябре 1867 г. Учителя ему попались отличные: по фортепиано – Мошелес, Рейнеке и Венцель (друг Бетховена), по композиции – Рихтер, по теории – Паперитц. Обучение, приятное во всех отношениях, омрачалось только одним – материальными трудностями. Несмотря на строжайшую экономию, денег катастрофически не хватало. И тогда Лысенко принял, казалось бы, «безумное» решение – окончить консерваторский курс не за 4, а за 2 года.

«Занятий у меня столько, что и сказать вам не могу. Каждый божий день я от 8 ч. утра и до 10 ч. вечера не встаю от фортепиано, – иначе не хватит времени приготовить заданное, а более всего отравляют мое существование прелюдии и фуги Баха, которых я уже 8 проглотил, а впереди их еще 88», – писал родным Николай Витальевич. Но такая суровая учеба очень скоро принесла свои плоды. О Лысенко как о блестящем пианисте заговорили после концерта в Праге, где он играл вариации на тему украинских народных песен. Ему пророчили карьеру виртуоза, но больше всего его привлекало творчество. Николаю Витальевичу прислали из Львова стихотворение Т.Г. Шевченко «Залови» («Завещание») с просьбой положить его на музыку. Он довольно быстро написал ноты для «Заповіта» и продолжил ранее начатую обработку народных мелодий, первый цикл музыки к «Кобзарю», первую часть симфонии «Юношеской», струнные трио и квартет. Все это было написано в Лейпциге.

Летом 1868 г. Лысенко гостил на Украине у родителей. Его сестра Софья вышла замуж за Михаила Старицкого, а через несколько недель Николай сам обвенчался с Ольгой Александровной О'Коннор (впоследствии игравшей на сцене любительского театра в постановках его опер). Вместе с молодой женой Лысенко вернулся в Лейпциг. На рождественских каникулах молодожены посетили Берлинскую оперу, концерты и музеи. В этом же году Лысенко издал первый выпуск своего сборника народных песен «Збірник українських шсень». Всего за годы своей деятельности он издал 7 выпусков таких сборников по 40 песен в каждом.

С 1869 по 1874 г. Н.В. Лысенко проживал в Киеве, занимаясь творческой, преподавательской и общественной деятельностью. Под его руководством существовал хор из 50 певцов, работал театральный кружок, кроме того, Николай Витальевич не прекращал композиторского творчества. В это время были созданы оперетты «Черноморцы» и «Ночь перед Рождеством» (позднее переработанная в оперу). Поставленные на театральных сценах, они имели большой успех и стали началом украинского музыкального театра. Но сам автор сознавал, что его детища далеки от совершенства. Это объяснялось тем, что Лейпцигская консерватория готовила из него только пианиста, а не композитора.

Творческая неудовлетворенность, желание овладеть мастерством инструментовки привели Н.В. Лысенко в Петербургскую консерваторию, в класс специальной оркестровки Н. Римского-Корсакова. В петербургский период им была написана соната для фортепиано, первый и второй концертные

полонезы, первая рапсодия на украинские темы, издан сборник девичьих и детских песен «Молодощи». Он работал также над оперой «Маруся Богуславка», устраивая концерты в «Соляном городке», где звучали украинские песни и его собственные произведения.

Возвратившись в Киев, Николай Витальевич развернул активную исполнительскую деятельность: устраивал ежегодные «Славянские концерты», в которых выступал как пианист и хормейстер. В это время были написаны почти все его крупные произведения для фортепиано – вторая рапсодия, третий полонез, ноктюрн до-диез-минор. Занимался он и хорами, состоявшими из семинаристов и студентов, знакомых с нотной грамотой. Денег это почти не приносило, поэтому с 1878 г. Н. Лысенко занял еще и должность преподавателя по фортепиано в институте благородных девиц. Тогда же женился во второй раз – на Ольге Липской, пианистке и своей ученице. От этого брака Николай Витальевич имел пятерых детей, которых очень любил. Вечерами, если он не работал в кабинете, то проводил время с детьми – играя или читая вслух для них. Именно дети вдохновили композитора на создание совершенно нового жанра – детской оперы. Его перу принадлежат такие произведения, как «Коза-дереза», «Пан Коцкий», «Зима и Весна, или Снежная Краля».

С 1880 г. начинается период интенсивного композиторского творчества. Десять лет Лысенко работал над монументальной оперой «Тарас Бульба» (либретто М. Старицкого), заслужившей высокую оценку П.И. Чайковского. В это же время были написаны опера «Утопленница», кантата «Радуйся, нива неполитая» на стихи Т.Г. Шевченко, пьесы для фортепиано и третья редакция «Ночи перед Рождеством».

В 1889 г. Николай Витальевич пишет музыку к оперетте «Наталка Полтавка», позже – к феерии «Волшебный сон», а также создает оперу «Сапфо».

Творчество Т.Г. Шевченко вдохновляло композитора всю жизнь. Для того чтобы передать особенности поэзии, Лысенко нашел новые приемы синтеза музыкально-поэтической формы, отображенные в вокальных монологах «Гетманы, гетманы», «Мне все равно», «Почему мне тяжко» и др. Эти песни-поэмы занимали почетное место в программах престижных концертов по всей Украине. Другую стилевую палитру, близкую к европейскому романсу, представляли вокальные произведения на стихи И. Франко, М. Старицкого, Г. Гейне, Л. Украинки. Они отражали неоромантические тенденции и до сегодняшнего дня не уступают новым интерпретациям этих текстов.

Особое место в развитии нашей музыки принадлежит

оригинальным хоровым произведениям Николая Витальевича. Настоящими новинками были героические хоры «Ой нету, нету», «Атаман наш Гамалия», эпические «Идет туча из-за моря», «Солнце ясно в небе светит». Новая стилистика, свободная фактура давали рельефную композицию образов. Лысенко разрушил шаблонность, а наградой ему была благодарность современников.

В 90-е гг., кроме преподавания в институте и частных уроков, Н. Лысенко работал в музыкальных школах С. Блуменфильда и М. Тутковского. Несмотря на загруженность, уже в возрасте 60 лет композитор нашел в себе силы совершить 4 «хоровых путешествия» – гастрольные концерты по всей Украине, в которых исполнялись его собственные произведения и обработки народных песен. Расходы по организации концертов при поездках были достаточно велики, и Николай Витальевич часто покрывал их из своих весьма скромных средств.

В 1903 г. состоялось празднование по случаю 35-летия музыкальной деятельности Н.В. Лысенко. Друзья композитора организовали сбор средств для издания его произведений и покупки для него и детей дачи. Подаренные 5000 рублей Николай Витальевич использовал для создания музыкально-драматической школы, ставшей первым украинским учебным заведением, работавшим по программе консерватории. Сам Лысенко преподавал там фортепиано, и, опираясь на достижения мировой культуры, стремился создать национальное музыкальное образование.

В последний период жизни Николай Витальевич обратился к духовной музыке. Из-под его пера вышли хоровой концерт «Камо пойду от лица Твоего, Господи», «Херувимская песня» и канты «Пречистая Дева, Мать Русского края», которые в наше время исполняются почти всеми хоровыми коллективами Украины.

По воспоминаниям писательницы Олены Пчилки, соседки и лучшего друга Лысенко, он писал свои духовные произведения на даче в Китаеве (городке под Киевом). Там он любил слушать церковные песнопения в старинном монастыре.

Продолжили ряд великолепных произведений хор «Тишайший вечер» на слова В. Самойленко и опера «Ноктюрн», написанные в последние годы жизни композитора. Тогда же им было основано хоровое общество «Баян», которое просуществовало немногим более года и распалось из-за политических гонений и отсутствия финансовой базы.

Всю свою жизнь Лысенко сочетал творческую деятельность с общественной. Во всех своих хоровых исполнителях он хотел видеть прежде всего патриотов. С целью пропаганды

национальной идеи им было создано Киевское литературно-артистическое общество, кружок «Молодая литература», открывший публике имена Леси Украинки, Сергея Ефремова, Владимира Самойленко и др. С 1908 г. Н.В. Лысенко возглавлял украинскую общественно-политическую организацию «Киевский украинский клуб», а также комитет по сооружению памятника Т.Г. Шевченко в Киеве. Следствием этого стало возбуждение «Дела о закрытии Киевского украинского клуба» и «привлечение членов Совета старейшин во главе с Николаем Витальевичем Лысенко к уголовной ответственности за противоправительственную деятельность».

Постоянная напряженная работа, огромные нагрузки, творческие поиски, активная общественная деятельность и переживания из-за притеснений со стороны царской администрации во главе с киевским генерал-губернатором В. Треповым – все это подорвало здоровье великого композитора. Летом 1912 г. он ездил лечиться на курорт Наугейм, но жизненные обстоятельства не способствовали улучшению здоровья. Не считаясь с неприятностями, до последнего дня Николай Витальевич работал. И 6 ноября 1912 г., так же как и в другие дни, он собирался на занятия к ученикам. Но внезапный сердечный приступ остановил жизнь украинского Баяна.

Похороны Н.В. Лысенко собрали десятки тысяч людей и вылились в колоссальную манифестацию любви и уважения не только к композитору, но и ко всей украинской культуре.

В статье «Памяти Н.В. Лысенко» М.П. Чубинский (сын Павла Чубинского), отдавая дань всей творческой деятельности покойного, писал: «В день тяжелого горя будем помнить, что от Николая Витальевича осталось и бессмертное: его труды и его светлая память, которые всегда будут жить в родном ему украинском народе, тепло любившем и ценившем своего певца, выразителя своего духа».

Мазепа Иван Степанович (род. в 1639 г. – ум. в 1709 г.)

Общественно-политический деятель, военачальник, дипломат, гетман Украины (1687-1709 гг.).

Трудно найти в украинской истории личность более противоречивую и трагичную, чем гетман Мазепа. Одни считают его борцом за независимость, другие – ловким авантюристом, стремившимся к личной власти, третьи – предателем. О нем написаны книги, поставлены спектакли, сняты фильмы. И несмотря на различные взгляды, деяния гетмана еще долго будут в центре внимания историков, писателей, деятелей искусства. Обратимся к фактам.

Точный год рождения будущего гетмана неизвестен. Историки называют и 1629 г., и 1633 г., и 1639 г., и 1644 г. Официальной датой считается 20 марта 1639 г. Родился он в селе Мазепинцы на Киевщине. Его семья относилась к белоцерковской православной шляхте. Образование Иван получил блестящее. Киево-Могилянская коллегия, иезуитская коллегия в Варшаве, изучение военного дела и дипломатии в ведущих учебных заведениях Италии, Франции и Голландии. С 1659 г. молодой Мазепа поступил на службу при дворе польского короля Яна Казимира и значился в списке «покоевых дворян», то есть был камер-юнкером. Придворная карьера, однако, оказалась недолгой. Об Иване тогда писали: «Он не только умел хорошо

танчить и ездить на лошадях, но и много профитовал в политических науках с теми же качествами, и сверх того приятным взором был он любим, как молодой человек, и женским полом». Любовные приключения с придворными дамами закончились для Мазепы плачевно. Муж одной из них приказал схватить его, раздеть, привязать к лошади и прогнать сквозь колючий кустарник. Вскоре король велел Ивану покинуть двор.

Вернувшись в Украину, Мазепа с 1669 г. поступил на службу к гетману Правобережной Украины Петру Дорошенко: сначала он возглавил личную охрану гетмана, а затем, до 1674 г. был генеральным есаулом. Одновременно с переходом на гетманскую службу Иван Степанович женился на Анне Половец, вдове белоцерковского полковника Самойла Фридрикевича. Вместе с П. Дорошенко он принимал участие в войне против Польши (1672 г.) и в походе в Галичину, но чаще всего гетман использовал дипломатические способности Мазепы, посылая его с важными миссиями в Крым и к гетману Левобережной Украины Ивану Самойловичу. Во время одной из таких поездок в Крым в 1674 г. он был захвачен в пути запорожским атаманом Сирко и приговорен к смерти. Видимо, спасли его только изворотливость характера и конфиденциальная информация, которой он обладал. Запорожцы отправили пленника к гетману. Судя по всему, сведения действительно оказались ценными, и тот взял Мазепу к себе на службу. Став гетманским дворянином, Иван Степанович по-прежнему исполнял дипломатические поручения, но теперь они были связаны с Московским государством. В 1860 г. он возглавил посольство гетмана в Москву, а еще через два года стал генеральным есаулом.

Вскоре Петру I на Самойловича стали поступать доносы (по не подтвержденным документально слухам непосредственное отношение к ним якобы имел сам Мазепа), что привело в 1687 г. к его падению. А 25 июля того же года на Коломакской раде Ивана Мазепу избрали гетманом. Этим он во многом был обязан подкупу князя В. Голицына и щедрыми обещаниями, данными старшине. И не только обещаниями: Мазепа раздавал старшине должности, имения. Права крестьян при этом были ограничены. При получении гетманской булавы Иван Степанович подписал с Москвой новое соглашение – коломакские статьи, ставившие Левобережную Украину в еще большую зависимость от Московского царства. Согласно этому документу казацкий реестр составлял 30 тысяч, гетман не имел права поддерживать самостоятельные дипломатические связи с другими государствами, назначать или снимать полковников без царского указа, принимать любые государственные решения без

согласования с Москвой.

Вместе с тем с первых же дней гетманства Мазепа, внешне продолжая тактику своего предшественника Самойловича, применял при этом способы тайной политики. Характеризуя ее, автор книги «Казацкая держава» В. Шевчук писал о стиле государственной политики так: «Москвы не задирать, нужных людей среди российских чиновников коррумпировать, угождать, при случае и унижаться, но в общем делать свое. Это была сложная, хитромудрая, гибкая игра, которая, в конце концов, окончилась поражением Мазепы, поскольку Россия во все времена признавала только один резон – силу, поэтому сильных уважала, а слабого угнетала тем больше, чем слабее он был. И. Мазепа же выбрал тактику слабого, а не сильного правителя…»

На основе этой тактики гетман строил свои отношения с Петром I. Их личные встречи, беспрекословное исполнение гетманом распоряжений царя давали повод Петру I считать Мазепу в числе преданных ему лиц. Императору нравился гетман, как человек высокой европейской культуры, знаток нескольких европейских языков, владелец отличной библиотеки, специалист в области артиллерии. Именно таких людей Петр I ценил и выдвигал, а это дало возможность Ивану Степановичу органически вписаться в царское окружение.

Но не одними словами завоевал Мазепа царское доверие. Были еще дела, и дела именно в духе петровских преобразований. На Украине он создавал новые регулярные полки так называемых «компанейцев» и «сердюков», наладил литье пушек. На Днепре появилась целая казацкая флотилия из «чаек» и «дубков», на которых запорожцы плавали в низовье Днепра, захватывая татарские и турецкие городки. По примеру царя Мазепа стал отправлять юношей из шляхетских семей учиться за границу. На Украине были открыты новые типографии, строились новые крепости, а Киево-Могилянская коллегия превратилась стараниями гетмана в академию. В 1700 г. им была основана Черниговская коллегия. Будучи человеком высокого художественного вкуса, занимавшимся музицированием и сочинявшим лирические песни, гетман во многом способствовал расцвету украинской поэзии, музыки, живописи. В годы его правления города Украины, особенно Киев, были украшены многими великолепными, богато декорированными постройками в стиле украинского барокко. Большое внимание уделялось возведению храмов (Богоявленский собор Братского монастыря, Никольский собор, церковь Всех Святых, Вознесенская церковь женского монастыря и др.).

Считая Мазепу незаурядным политиком, Петр I внимательно

прислушивался к его советам в польских, татарских и турецких делах – и советы, как правило, оказывались довольно дельными. Вместе с императором гетман участвовал в Азовских походах 1695-1696 гг. Петр I оценил заслуги Ивана Степановича, наградив его в 1700 г. высшим знаком отличия – орденом Андрея Первозванного. Гетман Украины стал вторым кавалером этого ордена.

Правда, царю все время шли доносы на Мазепу. Первый поступил еще в 1690 г. Его обвиняли в угнетении простых людей, стяжательстве и взяточничестве при назначении на должности в казацком войске, а также в измене, в стремлении отдать Украину польским панам. В 1699 г. царю донесли о якобы имеющих место тайных сношениях гетмана с крымским ханом. Но Петр I не обращал внимания на эти доносы, и казалось, ничто не могло поколебать положения Мазепы.

В 1700 г. Россия вступила в изнурительную Северную войну, и украинские казацкие полки приняли в ней непосредственное участие. Мазепа отправил в Прибалтику 17 тыс. казаков, а на территории Украины начали размещаться русские военные гарнизоны. Все это вызвало недовольство казацкой старшины. В это же время на Правобережной Украине развернулось антишляхетское народное восстание, во главе которого стоял белоцерковский полковник Семен Палий – любимец рядового казачества. Со своими отрядами в 1702-1704 гг. он частенько вторгался в польские владения, нарушая не очень ясно проведенную русско-польскую границу, на что неоднократно жаловался Петру I польский король Август II, союзник императора в борьбе со шведами. С этим приходилось считаться, хотя Палий открыто признавал преимущество подчинения Правобережья России. И с одной стороны, Москва поддерживала выступления Палия (деньгами и подарками), а с другой – давала указания Мазепе относительно его поимки, которые он не мог не выполнить. По царскому указу полковник был схвачен и сослан в Сибирь. После этого Мазепе была дана в управление Белая Церковь, и он фактически стал гетманом не только Лево-, но и частично Правобережной Украины. В те годы говорили: «От Богдана до Ивана не было гетмана».

Северная война для России началась с тяжелых поражений. Петр I, покровитель Мазепы, проигрывал. Верх брал шведский король Карл XII. Тогда, видимо, и вызрела у старого гетмана мысль перейти на его сторону. Как опытный политик, он хотел подстраховаться, чтобы избежать нежелательного поворота событий. Для союза со шведами у Мазепы было немало причин: недовольство царской политикой в отношении Украины

(наступление на права и вольности казаков, хозяйничанье российских гарнизонов в городах, указ царя о реформировании казачества по образцу слободских полков с дальнейшим преобразованием их в драгуны и солдаты), опасение за собственное положение (по донесениям доверенных ему людей, Петр I намеревался упразднить гетманат в Украине), надежда на нового союзника, который будет защищать интересы украинского народа. Все эти обстоятельства, начиная с 1705 г., привели к перелому во взглядах и тактике Мазепы.

Тем временем поток доносов на гетмана все усиливался. В 1707 г. ему пришлось пережить неприятную историю, которая затрагивала и его личную жизнь, и политическую карьеру. Овдовевший еще в 1702 г. престарелый гетман был покорен юной красавицей Матреной, дочерью генерального судьи В. Кочубея, и просил ее стать его женой. Отец девушки воспротивился этому браку, считая его недопустимым, поскольку влюбленные были крестным и крестницей. Тогда Матрена убежала к Мазепе, и хотя он отправил ее назад в родительский дом, возмущенный Кочубей пожаловался царю. В своем доносе он вместе с полковником Искрой написал не только о личной обиде, но и о том, что в ставке Мазепы взвешиваются шансы воюющих сторон на победу. Петр, по обыкновению, начал следствие против самих доносчиков. Все их попытки доказать неверность Мазепы царю окончились их гибелью. Петр выдал их гетману, и после страшных пыток 14 июля 1708 г. их казнили под Белой Церковью.

В это время Карл XII начал движение в глубь России. Петр приказал Мазепе идти на соединение с графом Шереметевым, обещая в случае поворота шведов на Украину двинуть на помощь гетману всю русскую армию. Но подобное не входило в планы Мазепы. Он тянул время, находил «многие трудности», мешающие исполнить царское повеление: то войск у него мало, то на Украине назревают волнения, то уж очень нездоров он сам.

Однако, задумав перейти на сторону Карла XII, Мазепа все еще колебался. Только в октябре 1708 г., узнав, что император дал приказ готовить Москву к обороне, он покончил с сомнениями, решив для себя бесповоротно вопрос о соотношении сил. 24 октября рано утром Мазепа с отрядом в 1500 человек переправился через Десну и поехал в ставку Карла XII. Здесь был подписан шведско-украинский договор, по которому шведский король обязался защищать Украину, сохранить все вольности, права и законы ее народа, а также отдать ей часть территории России. Мазепа признавался законным князем Украины. Гетман же обещал накормить досыта шведскую армию, предлагая колоссальные запасы продовольствия, собранные в гетманской

столице – Батурине. Это вполне могло компенсировать Карлу потерю восьмитысячного обоза в поражении при Лесной. И еще: со дня на день Мазепа ждал восстания Запорожской Сечи. Но и тут его подстерегла неудача. Народ не понял и не поддержал гетмана. К нему примкнуло только около шести тысяч казаков во главе с кошевым атаманом К. Гордиенко.

Неожиданная измена Мазепы поразила Петра. Он начал предпринимать меры для ликвидации последствий случившегося. Появились указы о том, чтобы не верить прокламациям гетмана, не возить ни к нему, ни к шведам провианта и живности. Обращаясь к запорожцам, император призвал их не слушать «богоотступника и изменника». Кроме того, он обещал много милостей за сохранение верности и давал амнистию всем, кто ушел с Мазепой.

Тем временем в ноябре Меншиков начал штурм Батурина: нельзя было, чтобы припасы достались шведам. Казаки прилукского полка во главе с полковником И. Носом открыли штурмующим тайную калитку, через которую те ворвались в город. Часть мазепинцев и комендант крепости Чечель бежали, остальные отчаянно сражались в ожидании шведов. В результате население Батурина было уничтожено, сам город и припасы – сожжены.

8 июля 1709 г., после поражения в Полтавской битве, Карл XII и Мазепа бежали в турецкие пределы. Через Днепр преданный анафеме бывший гетман (по приказу Петра новым гетманом был избран Иван Скоропадский) переправился в отдельном челне с двумя бочонками золота. Вскоре, 22 сентября 1709 г., как писали, «от старости, усталости и горя» он умер неподалеку от Бендер. Тело его перевезли в румынский город Галац и похоронили в Святогорском монастыре. По указанию Петра по всей Украине Мазепа и его соратники были отлучены от церкви. Проклятие тяготело над гетманом почти два столетия. Только в 1992 г. Украинская православная церковь сняла с него анафему. Потомки Мазепы привезли в Украину урну с землей с его могилы. Она была торжественно передана музею-заповеднику «Гетманская столица» в Батурине.

Малая Любовь Трофимовна (род. в 1919 г. – ум. в 2003 г.)

Выдающийся врач-кардиолог, директор Института терапии АМН Украины, заслуженный деятель науки, Герой Социалистического Труда, академик НАН Украины, лауреат Государственной премии СССР, заместитель генерального директора Международного биографического центра Европы (Кембридж), член Международного клуба управляющих Американского биографического института. Награждена орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Богдана Хмельницкого III степени, Ярослава Мудрого V степени и 14 медалями. Почетный гражданин г. Харькова.

«Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Эти слова в полной мере можно отнести к Любови Трофимовне Малой. 62 года врачебного стажа, из которых 54 года – в Харьковском медицинском институте. И всю жизнь ее связывали с энергичными действиями, движением вперед, работой на опережение и появлением новых идей. Любовь Трофимовна считается основателем целой кардиологической школы. Проведя около тысячи операций на сердце, она всю жизнь лечила инфаркты и ишемическую болезнь, стараясь найти возможность предупреждения этих недугов.

Родилась эта замечательная женщина и талантливый врач 13

января 1919 г. в с. Копани Запорожской области в простой крестьянской семье. Времена тогда были тяжелые: только закончилась гражданская война, за которой последовали разруха и голодоморы… Ни о каком семейном достатке речь не шла, вопрос стоял – как выжить. С детства приученная к труду и убежденная в справедливости поговорки «Под лежачий камень вода не течет», Люба сама строила свою судьбу. Едва окончив семь классов, в возрасте 14 с половиной лет смелая девушка избрала трудную и ответственную профессию врача.

В Харьковский медицинский институт она поступила без труда. В 1930-е гг., когда происходило формирование рабоче-крестьянской интеллигенции, главным при поступлении считалось социальное происхождение, а оно у Любови было как раз подходящее. Потом коллеги шутили, что профессор имеет высшее образование, но не имеет среднего.

В 19 лет она стала дипломированным специалистом, по распределению попала в с. Петровеньки Луганской области. Начало трудового пути вовсе не походило на сказку: одна амбулатория на несколько деревень, медикаментов хронически не хватало, к тяжелобольным приходилось добираться в мороз и в жару на крестьянском возу. А когда грянула война, Любовь Трофимовна ушла на фронт. Всю войну она находилась в составе войск Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в качестве заместителя начальника эвакогоспиталя по медицинской части и была награждена медалью «За боевые заслуги».

В 1946 г. Любовь уже в качестве сотрудника вернулась в Харьковский медицинский институт и больше с ним не расставалась. За девять лет она прошла путь от клинического ординатора до заведующей кафедрой терапии (с 1955 г.). Это стало возможным благодаря феноменальному трудолюбию и, несомненно, яркому таланту клинициста.

Научную деятельность Любовь Трофимовна начинала под руководством блестящего ученого, профессора С.Я. Штейнберга. Она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Туберкулинодиагностика в клинике внутренних болезней», а через несколько лет – докторскую «Об изменении сердечно-сосудистой системы при туберкулезе». Объектом ее научных исследований всегда были наиболее острые и тяжелые заболевания. Уже тогда Малая понимала, что диагностика и лечение сердечно-сосудистых заболеваний – это очень важный фронт, так как они составляют более 60 % смертности во всем мире. Но Любовь Трофимовна сознавала, что эффективное лечение «сердечников» невозможно без создания специальных центров и материальной базы. Поэтому по ее инициативе было

открыто первое в Украине специализированное инфарктное отделение с блоком интенсивной терапии на базе 27-й клинической больницы г. Харькова. За этим последовало создание, также впервые в Украине, крупной системы этапного лечения больных с инфарктом миокарда, включая сеть специализированных кардиологических отделений с блоком интенсивной терапии, отделениями реабилитации и санаторно-курортной базой. Эта система имела важное значение, так как позволяла более чем в два раза снизить смертность от инфаркта и возвратить этих больных к активной жизни.

Новый этап жизненного пути Л.Т. Малой связан с организацией научно-исследовательского института. Еще в 1961 г. при кафедре госпитальной терапии была создана первая проблемная кардиологическая лаборатория по изучению проблем гипертонической болезни, атеросклероза и ишемической болезни сердца. Проведенные на кафедре исследования, в том числе и вместе с Фармакологическим комитетом, позволили профессору и ее ученикам занять авторитетную позицию в научном мире. Благодаря тому, что кафедра под руководством Любови Трофимовны являлась подлинной кузницей квалифицированных научных кадров и там постоянно проводились лекции, практические семинары и разрабатывались методические рекомендации, Харьков заявил о себе как о крупном центре по изучению проблем кардиологии. Поэтому в 1981 г. на базе лаборатории и был открыт филиал Киевского НИИ кардиологии им. академика И.Д. Стражеско.

Отдавая работе всю душу, Малая и от других требовала полной самоотдачи. Она лично контролировала работу по повышению квалификации сотрудников клиники, которая никогда не прекращалась. По воспоминаниям одного из ее учеников, в филиале НИИ каждый вторник проходили клинические, каждый четверг – научные, а на базе городской больницы № 27 каждую субботу – кафедральные конференции. «В Харькове ли Любовь Трофимовна или в очередной командировке – встречам быть непременно и на самом серьезном научном уровне».

Малая – это всегда движение вперед. Едва в бывшем СССР начали говорить о лечении нейрогормонами, у Любови Трофимовны с учениками сразу же появились серии публикаций по фундаментальным клиническим исследованиям по использованию их при артериальной гипертензии, остром инфаркте миокарда, сердечной недостаточности. Стоило заявить о себе иммуноферментному анализу, как в его клинических приложениях начала лидировать школа Малой.

Наряду с многогранной профессиональной деятельностью Любовь Трофимовна активно участвовала в общественно-политической жизни страны – была делегатом съездов Компартии Украины, съездов КПСС, членом Комитета советских женщин. И всегда чувствовала и наилучшим образом использовала миг удачи.

Об этом, в частности, свидетельствует пример реорганизации Харьковского филиала НИИ им. Стражеско в Институт терапии. Любовь Трофимовна, будучи делегатом XXVI съезда КПСС, попросила познакомить ее с Председателем Совета Министров Н.И. Рыжковым. Глава украинской делегации В.В. Щербицкий с удовольствием выполнил ее просьбу. Настроение у делегатов было праздничное, поэтому Николай Иванович галантно поинтересовался: «Какой подарок вам сделать?» Малая вежливо улыбнулась и сказала: «Подарите Институт терапии!» – «Будет вам Институт терапии», – пообещал премьер-министр.

Любовь Трофимовна не любила откладывать дела в долгий ящик. Любое начатое ею предприятие всегда сопровождалось активными действиями. Вот и тогда, когда Малая вернулась со съезда, работа закипела. Ее ученик Н. Яблучанский, декан факультета фундаментальной медицины ХНУ им. В. Каразина, вспоминает: «В течение одного дня я успел на такси смотаться в аэропорт, затем самолетом в киевские Жуляны, потом – в Минздрав Украинской ССР. Оттуда в Борисполь, московское Внуково, на такси – в Минздрав СССР, а затем самолетом в Харьков. К вечеру подписанные документы легли на стол Малой. "Куй железо, пока горячо", – не уставала повторять Любовь Трофимовна».

В единственном на всю Украину Институте терапии велась обширная научно-исследовательская деятельность, посвященная изучению наиболее актуальных проблем клинической кардиологии, в частности, причин возникновения, механизмов развития, ранней диагностики и лечения гипертонической болезни, атеросклероза и особенно инфаркта миокарда. Международное признание этих направлений работы позволило включить Институт терапии в международные многоцентровые испытания тромболитических средств.

Важнейшей частью научных исследований явилось изучение эпидемиологии и возможностей предупреждения болезней внутренних органов. В связи с этим Институт стал первой в Украине базой сотрудничества со Всемирной организацией здравоохранения, а директором регионального центра была назначена Л.Т. Малая.

Так случилось, что личная жизнь Любови Трофимовны из-за

постоянной ответственной работы отошла на второй план. Она так и не обзавелась семьей, но как замечательный ученый продолжила себя (она умерла 14 апреля 2003 г.) в своих учениках. Достаточно сказать, что под ее руководством выполнено 34 докторских и 179 кандидатских диссертаций, подготовленных отечественными и зарубежными учеными. Малая была превосходным преподавателем. Ее клинические лекции вызывали большой интерес и всегда представляли собой образец высокого лекторского искусства.

Чтобы быть в курсе всех новейших разработок в области кардиологии, Любовь Трофимовна принимала активное участие во всех съездах терапевтов и кардиологов Украины, многократно выступала с научными докладами на европейских и международных конгрессах кардиологов. Ее перу принадлежат 18 монографий и более 500 статей. За фундаментальные работы «Инфаркт миокарда» и «Хроническая недостаточность кровообращения» Академии медицинских наук Украины и России дважды удостаивали ее именной премии им. академика И.Д. Стражеско.

Американский биографический институт за достижения в науке в 1996 г. удостоил Любовь Трофимовну Малую звания «Человек года», а годом позже наградил Международным культурным дипломом почета. За выдающийся вклад в науку Международный биографический институт включил ее в издание «2000 выдающихся ученых XX столетия».

Несмотря на множество наград и почетных регалий, Любовь Трофимовна всегда оставалась мягким, добрым, чутким человеком. Она сопереживала и помогала всем, кто обращался к ней за помощью. И при этом, как никто другой, умела признавать свои ошибки.

За долгую жизнь эта женщина принесла людям много добра, и еще не одно поколение будет пользоваться плодами ее научного и душевного гения.

Махно Нестор Иванович (род. в 1888 г. – ум. в 1934 г.)

Убежденный анархист, один из руководителей анархо-крестьянского движения на юге Украины в гражданскую войну, выступавшего под лозунгами «безвластного государства» и «вольных советов».

Одной из самых оригинальных и загадочных фигур украинской истории XX в. был Нестор Махно. Сейчас сделаны лишь первые попытки исследования народного движения под названием «махновщина» и личности легендарного «батьки».

Писатель В. Голованов в книге «Тачанки с Юга» пишет: «Махновщина 1921 года была формой проявления очень разноречивых чувств, которые владели громадными массами людей в конце длительной, опустошительной, жестокой, братоубийственной войны. Это была форма отчаянья. Опустошенности. Злобы за перенесенные оскорбления и унижения. Желания отомстить – за убитых товарищей, за предательство. За то, что люди, целиком отдавшие себя борьбе за народное дело, не только не были приглашены разделить с большевиками радость победы, не только отстранялись от обустройства нового мира, но и прямо назывались разбойниками, подлежащими истреблению, как бешеные псы. За дьявольскую большевистскую гордыню, за то, что твой голос не слушают, потому что не хотят считать за человека, слушать не хотят. Но если так, то, может быть, выстрел из обреза будет доходчивей

слов? Фигура Махно велика и трагична, дальнейшая судьба его в эмиграции тяжела и незавидна. И тем не менее ему удалось навеки войти в Пантеон российских революционеров, несмотря на многолетние попытки большевистско-советской пропаганды, по сути своей антинародной и антиреволюционной, вычеркнуть имя Нестора Махно из истории».

Будущий «батька порядка» родился 26 октября 1888 г. в селе Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии (ныне райцентр в Запорожской области). Он был пятым ребенком в бедной крестьянской семье кучера Ивана Родионовича Михненко и Евдокии Матвеевны Передерий. Ранняя смерть отца вынудила Нестора оставить учебу в начальной школе по окончании 4 классов. Мальчик батрачил на богатых хуторян, был подпаском, потом его отдали в ученики к столяру, а затем определили учеником в типографию. На любознательного и трудолюбивого подростка обратил внимание работавший в типографии анархист В. Волин. Он помог Нестору устроиться в городское училище для сдачи экзаменов экстерном, вел с ним долгие беседы, объяснял суть мировоззрений знаменитых анархистов. Правда, вскоре Волина арестовали, но у юноши появился другой наставник – эсер Михайлов.

В 1903 г. Нестор получил диплом об окончании училища и место сельского учителя в одном из сел Мариупольского уезда. С первых же шагов своей педагогической деятельности Махно принялся за пропаганду среди крестьян идей анархизма, фундаментом которых является так называемое «безвластное государство». За это его лишили места учителя и выслали в родное село под надзор полиции.

Осенью 1906 г. молодой революционер вступил в Союз бедных хлеборобов – анархо-коммунистический кружок, организованный в Гуляйполе братьями Семенюта и В. Антони. Махно стал «эксом», т.е. участвовал в движении под девизом «Экспроприировать экспроприаторов!», что означало «Грабь награбленное!». «В целях установления социальной справедливости» в 1905-1906 гг. кружковцы совершили несколько удачных налетов на местных богачей, «экспроприированное» добро раздали бедным. Нестора дважды арестовывали, но отпускали.

В августе 1907 г. Махно участвовал в нападении на Бердянское уездное казначейство, во время которого был убит пристав Караченцев. Неизвестно, приложил ли Нестор руку непосредственно к убийству, но, арестованный, он сразу взял всю вину на себя. Приговоренный к повешению, он просидел в камере смертников 52 дня. Как несовершеннолетнему, смертная казнь

была заменена ему 20 годами каторги. Почти восемь лет провел он сначала на Акатуе, а затем, после попытки побега, – в Бутырской тюрьме. Там сблизился со многими крупными анархистами – П. Аршиновым, В. Волиным и др. Позже они займут ключевые посты в его армии. Из-за постоянных столкновений с тюремной администрацией Махно часто сидел в карцере, где и получил чахотку; в тюремной больнице даже удалили у него одно легкое. Он был освобожден по амнистии Временного правительства в феврале 1917 г. и сразу поехал домой, на Екатеринославщину.

В родном селе Нестора, которого помнили как человека с опытом революционной борьбы, сразу избрали председателем местного крестьянского союза. Затем он стал первым председателем Гуляйпольского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а в августе, во время подавления корниловского мятежа, – и Комитета спасения революции. В сентябре 1917 г. Махно подписал декрет Совета о национализации всей земли в уезде и разделе ее между крестьянами – лозунги Октября были восприняты буквально. В том же году Махно женился на Нюсе Васецкой, у которой от него родился сын. После этого события Нестор настолько отдался делам семьи, что на время забросил все прочие. Такой поворот не устраивал его подручных: они арестовали боевую подругу командира и под страхом смерти заставили ее вместе с ребенком навсегда покинуть Гуляйполе. Махно тяжело перенес эту утрату, хотя потом женился еще дважды.

После Брестского мира Украина отошла к Германии, и уже в апреле 1918 г. к Гуляйполю подошли кайзеровские части. Местная буржуазия, окрепшая с приходом австро-германцев, начала охотиться за Махно, и ему пришлось скрыться. По его воспоминаниям, он пробрался в Москву, где встречался с Лениным и Дзержинским и получил от них рекомендации начинать на оккупированной территории гражданскую войну. Вернувшись домой под видом сельского учителя, Нестор узнал, что новые хозяева сожгли материнский дом и расстреляли старшего брата Емельяна, инвалида войны. Тогда он собрал отряд из 40 человек и совершил ряд дерзких нападений на немецкие посты. По данным германского командования, только за апрель – июнь их было 118. Под знамена Махно охотно собирались местные крестьяне, матросы с затопленных кораблей Черноморского флота, бывшие офицеры. К лету в банду прибыли из Киева анархисты группы «Набат», чтобы подвести под движение «идейную базу».

Уже в декабре 1918 г. отряд Махно, разросшийся до целой

армии, захватил крупнейший город юга – Екатеринослав. С этого момента имя «батьки» приобрело поистине всероссийскую известность. Председатель РВС молодой республики Л. Троцкий крестьянским вождям не доверял изначально, но ситуация, сложившаяся на Украине к началу 1919 г., настоятельно требовала привлечь их на сторону Советской власти. На переговоры к атаманам были посланы П. Дыбенко и В. Антонов-Овсеенко, с которыми Махно подписал соглашение. Отныне он стал именоваться командиром 3-й бригады Заднепровской дивизии. Однако боевые действия в новом качестве начались для Нестора Ивановича неудачно – с безрезультатной попытки взять вторично Екатеринослав. И хотя в дальнейшем военная удача неизменно сопутствовала «батьке», Троцкий в его армию не верил.

В конце 1919 г. «Армия имени батьки Махно» состояла из двух частей: основного ядра (штаб, 1-2 тыс. кавалерии, около 800 тачанок с пулеметами, артиллерия, вспомогательные части – всего около 5 тыс. человек) и временных пехотных частей, собираемых по мобилизации из крестьян. В зависимости от района, мобилизация давала в одну ночь 10-15 тыс., а то и больше бойцов. Сам Нестор и все его организации считались подчиненными исключительно реввоенсовету армии под председательством анархиста В. Волина. На самом деле, конечно, единолично всем руководил Махно, в совете он только утверждал все решения, которые считал необходимыми.

Армия махновцев была построена на трех основных принципах: добровольчестве, выборности и самодисциплине. Причем и друзья, и враги «батьки» отмечали у него талант истинного полководца. Ведь это Махно додумался установить пулеметы на легкие рессорные повозки – тачанки. Они неожиданно появлялись перед противником, разворачивались и открывали огонь, от которого на ровном месте некуда было спрятаться. Большевики многое у него переняли и время от времени включали крестьянское войско в состав своих вооруженных сил. Вскоре бригада Махно была переименована в Первую Революционно-повстанческую украинскую дивизию, а еще позже получила название Революционной Повстанческой армии Украины. Но даже в составе Красной Армии махновцы были автономны и подчинялись своим правилам и законам, а авторитет командира был непререкаем. Роль этого формирования в победе над врагами большевиков была чрезвычайно важной. Достаточно отметить, что честь победы над деникинской армией осенью 1919 г. принадлежит главным образом махновцам. Важен их вклад и в разгром Врангеля.

Однако, после того, как в 1920 г. Махно не допустил сбора продналога на Украине, Троцкий заявил: «С анархо-кулацким развратом пора кончать». К тому времени армия анархистов выполнила свои задачи и большевикам стала не нужна. Поэтому при взятии Перекопа махновцы были брошены на самый тяжелый участок и почти полностью полегли. Около 5 тыс. бойцов, оставшихся в живых, были тут же расстреляны большевиками, уйти удалось немногим. Сам «батька» в это время лежал тяжело раненный в Старобельске. Узнав о том, как «отблагодарили» его за службу красные, он собрал оставшихся товарищей и начал мстить с жестокостью, которая не знала предела.

Фактически все освободившиеся от борьбы с белыми силы Красной Армии были брошены на ликвидацию Махно. Руководил операцией М. Фрунзе, его старый боевой товарищ. В августе 1921 г. атаман вместе с остатками своей регулярной армии (78 человек) сумел выскочить из окружения и уйти в Румынию. Он, его жена Галина Кузьменко и командиры подразделений некоторое время жили в Бухаресте, а рядовые махновцы были размещены по лагерям для военнопленных. Весной 1922 г. Нестор Иванович с ближайшими сподвижниками перешел границу Польши. Советское правительство неоднократно требовало у поляков выдачи мятежного атамана, заявляя, что он является уголовным преступником. Поляки это требование отказались выполнить. Тогда чекисты стали распространять слухи о том, что Махно якобы сотрудничает с миссией Украинской ССР в Варшаве.

Поляки клюнули на эту наживку и отдали махновцев под суд. Но судебный процесс провалился, поскольку никому не удалось доказать, что махновцы работают на СССР. В апреле 1924 г. с помощью немецких и французских анархистов Махно с женой и дочерью Еленой переехал в Берлин, а затем в Париж, где прожил последние 10 лет. Во французской столице Нестор Иванович был декоратором на киностудии, чинил обувь и даже плел комнатные тапочки из разноцветных веревок. Здесь же он занялся и литературным трудом, написав свои «Воспоминания» – правдивое и точное описание событий, которые были связаны с его именем.

С каждым годом старые раны и туберкулез давали себя знать все чаще. Махно сам работать уже не мог – он тяжело болел. В марте 1934 г. в одном из парижских госпиталей ему была сделана операция. Однако здоровье Нестора Ивановича не улучшилось, и 6 июля 1934 г. он умер. Через два дня его тело было сожжено в крематории, а урну с прахом замуровали в стене кладбища Пер-Лашез возле 18 парижских коммунаров. На скромной табличке написано, как он и просил: «Советский коммунар Нестор Махно».

Во время Второй мировой войны немцы вывезли жену и дочь

Махно на принудительные работы в Германию, а после разгрома Третьего рейха они были депортированы в СССР и репрессированы. Галину Кузьменко осудили на 10 лет лагерей за участие в махновском движении, дочь – на 5 лет ссылки. После освобождения они так и остались жить в Казахстане. Елена Нестеровна сменила фамилию на дедовскую – Михненко, затем вышла замуж, но детей у нее не было. Несколько лет назад она умерла. Так закончился род батьки Махно – революционера-анархиста, народного героя, предводителя крестьянской войны, которого до недавних пор многие считали бандитом, эпилептиком, маньяком-убийцей…

Мечников Илья Ильич (род. в 1845 г. – ум. в 1916 г.)

Выдающийся зоолог, эмбриолог, бактериолог и иммунолог, микробиолог, патолог, педагог. Один из основоположников иммунологии, сравнительной патологии, новой ветви биологии – эволюционной эмбриологии. Создатель теории происхождения многоклеточных организмов, собственной научной школы. Первый обратился к проблеме старения организма человека (геронтология). Открыл явление фагоцитоза (1882 г.). Основал первую в России Одесскую бактериологическую станцию (1886 г.; совместно с П. Гамалеей). Сотрудник и заместитель директора Пастеровского института в Париже. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине за работы по теории иммунитета (1908 г.; совместно с П.Эрлихом).

Кто-то из ученых когда-то сказал, что «иммунитет – это наш пропуск в мир живых». Ведь почти у каждого существа на планете есть множество врагов – видимых и невидимых. Зная врага, можно организовать защиту. И только иммунная система спасает высокоорганизованную жизнь на Земле от многочисленной армии незримых убийц. Сейчас практически каждый понимает, насколько его жизнь зависит от силы иммунитета. А ведь было время, когда об этом люди даже не подозревали. И Мечников,

открывший завесу перед очередной тайной, по праву принадлежит к самым выдающимся ученым мира.

Корни рода Мечниковых идут от Спотаря Милешту, игравшего видную роль при молдавских князьях. При царе Алексее Михайловиче он служил переводчиком и учил грамоте Петра I. Его племянник дослужился до мечника, получил большие поместья на Украине и взял фамилию Мечников. В роду были видные государственные деятели и даже сенаторы. А вот отец будущего ученого, Илья Иванович, офицер гвардии, больше интересовался балами да дорогостоящими развлечениями, но из-за банкротства был вынужден покинуть Петербург. Вместе с красавицей-женой Эмилией Львовной и четырьмя детьми он уехал в родовую Панасовку, неподалеку от Харькова. Здесь 15 мая 1845 г. и родился самый младший ребенок в семье. Сына назвали Илюшей. Мальчик рос настолько живым и подвижным, что получил прозвище «господин ртуть». Затихал он только тогда, когда кто-нибудь садился за рояль. Любовь к музыке, великолепный слух и удивительную музыкальную память ученый сохранил до последних дней своей жизни.

Угомонился Илья при неприятных обстоятельствах: в 1851 г. тяжело заболел брат Лева. Он не мог больше посещать школу, и студенты-репетиторы занимались с ним на дому. Младший брат всегда крутился рядом. Уроки Ходунова, преподававшего ботанику, были ему настолько интересны, что вскоре репетитор больше внимания стал уделять именно Илье. Мальчик с удовольствием слушал лекции, собирал гербарий, который впоследствии производил большое впечатление даже на маститых ученых. Вскоре он уже писал целые «трактаты» по ботанике и читал лекции братьям, а чтобы аудитория не разбегалась, юный лектор платил каждому по две копейки.

В 1856 г. Илья поступил во второй класс частного пансиона «для благовоспитанных детей» Карла Шульца, а затем во 2-ю харьковскую гимназию. Учеба давалась легко, и после первого года обучения он был первым по всем предметам. Правда, больше его интересовали естественные науки. Поделив с другом Володей Заленским научные направления, юный Мечников решил… написать новую энциклопедию по естествознанию и даже создал с этой целью организацию со звучным названием «Союз науки». Благодаря огромному количеству прочитанных книг, среди которых были и серьезные труды, Илья проникся идеями атеизма. Он так упорно в разговоре с друзьями твердил: «Бога нет!», что его так и прозвали в гимназии – «Боганет». По всем вопросам у него было собственное мнение. Так, в 16 лет Мечников написал и опубликовал в московском журнале разгромную рецензию на

учебник по геологии, составленный профессором университета Леваковским. Эта порывистость, несдержанность и нетерпимость ко взглядам, отличным от его собственных, впоследствии часто приводили к недоразумениям.

Еще гимназистом Илья тайком посещал лекции Харьковского университета и однажды, набравшись смелости, испросил разрешения у молодого профессора И. Щелкова поработать в его лаборатории, где и провел свои первые эксперименты по физиологии. Окончив в 1862 г. гимназию с золотой медалью, Мечников решил изучать структуру клетки в Вюрцбургском университете. Убедив родителей, он отправился в Германию, но затосковал в чужом городе и, не дождавшись начала занятий, вернулся домой и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета. Лекции казались ему малоинтересными. Окрыленный юношеским максимализмом, он был готов сказать «весомое слово» в науке и даже ухитрился без всяких доказательств раскритиковать дарвиновское «Происхождение видов путем естественного отбора». Проучившись год, Илья подал заявление об отчислении из университета, а затем попросил зачислить его вольнослушателем. Самостоятельно ускорив процесс обучения, Мечников осилил четырехгодичный курс за два года и сдал экстерном экзамены на отлично.

В течение следующих трех лет он занимался изучением эмбриологии беспозвоночных в различных частях Европы: вначале на острове Гельголанд в Северном море, затем в лаборатории Р. Лейкарта в Гисене возле Франкфурта. Исследуя размножение некоторых круглых червей, Мечников открыл у этих животных ранее неизвестное науке явление гетерогонии, то есть чередование поколений с перемежающимися формами размножения. Подающему большие надежды молодому ученому по рекомендации Н. Пирогова предоставили стипендию для ведения научно-исследовательской работы в западноевропейских лабораториях. В Неаполе Мечников сотрудничал с молодым русским зоологом А. Ковалевским. Совместные исследования морской фауны положили начало новой науке – сравнительной эмбриологии (сравнительной истории развития животных) и принесли им премию Карла Эрнста фон Бэра. Илье к этому времени исполнилось всего 22 года. Но чрезмерное перенапряжение повлекло за собой болезнь ослабленных близорукостью глаз, что в течение 15 лет препятствовало работе с микроскопом.

В 1867 г. Мечников вернулся в Россию, защитил магистерскую диссертацию об эмбриональном развитии рыб и

ракообразных и был избран доцентом Новороссийского университета (Одесса). Год спустя, когда его однокашники только окончили университет, он стал доктором зоологии и продолжил преподавание зоологии и сравнительной анатомии, но уже в Петербургском университете. Молодой, но уже признанный ученый оказался прекрасным педагогом и лектором. Со студентами Илья Ильич держался как с равными и привлекал всех желающих к работе в лаборатории. По воспоминаниям профессора Г. Афанасьева, «Мечников был виртуоз, который говорил с такой кристаллической ясностью, что слушателю начинало казаться, что все это он мог бы вперед сказать и что в этом сомневаться невозможно».

«Кристаллическая ясность» суждений изменяла молодому ученому только в вопросах семьи. Он считал, что женщины неспособны к самостоятельной творческой деятельности, и мечтал «воспитать себе жену». Илья Ильич приглядел себе будущую супругу среди дочерей профессора А. Бекетова, но жизнь распорядилась иначе. Когда он заболел и лежал одинокий в своей неуютной холостяцкой квартире, его выхаживала родственница Бекетовых Людмила Васильевна Федорович. Ее доброта и забота покорили сердце Мечникова, и в 1869 г. он женился, от всего сердца полюбив эту скромную женщину. Однако семейное счастье было недолгим: у Людмилы Васильевны открылась скоротечная чахотка. Не помогало даже лечение за границей.

В этот же период у Ильи Ильича обострились отношения с коллегами по университету, и он был вынужден отправиться работать ординарным профессором зоологии в Новороссийский университет (1870-1881 гг.), который, по его отзывам, отличался «изобилием неприятных дрязг». Молодой, вспыльчивый, по мнению многих, слишком деятельный и не признающий чинопочитания в вопросах науки, он и здесь трудно приживался. Но его любили студенты и многочисленные друзья. Так, И. Сеченов вспоминал, что «душой кружка был И.И. Мечников. Из всех молодых людей, которых я знал, более увлекательного, чем молодой Илья Ильич, по подвижности ума, неистощимому остроумию и разностороннему образованию я не встречал в жизни. Насколько он был серьезен и продуктивен в науке – уже тогда он произвел в зоологии очень много и имел в ней большое имя, – настолько жив, занимателен и разнообразен в дружеском обществе».

В 1873 г. умерла Людмила Васильевна. Это стало большой трагедией для Ильи Ильича. Тяжелые переживания он сознательно пытался заглушить морфием и однажды чуть не умер

от передозировки (биографы называют это попыткой самоубийства). Даже новые антропологические исследования в калмыцких степях не могли вывести его из тяжелой депрессии. В 1875 г. он сблизился с соседями по дому – многодетной семьей Белокопытовых. Узнав, что одна из дочерей, 15-летняя Ольга, интересуется естественными науками, Мечников начал давать ей уроки, а затем решил «вырастить» из нее будущую жену. Почувствовав, что родители стали с подозрением относиться к его визитам, 30-летний профессор поспешил сделать предложение. По признанию Ольги Николаевны, свадебное платье было первым ее взрослым нарядом. Она боготворила супруга и гордилась им. С ней Мечников счастливо прожил до самой смерти. Когда Ольга заболела тифом, Илья Ильич был настолько расстроен, что привил себе это ужасное заболевание (1881 г.). К счастью, оба остались живы. Только детей у них не было. Со свойственной ему категоричностью Мечников «считал преступным для сознательного человека производить на свет другие жизни», но зато стал прекрасным опекуном младшим двум братьям и трем сестрам жены.

Илья Ильич вернулся к жизни: проводил опыты по борьбе с хлебным жуком и свекловичным долгоносиком, продолжал исследования по сравнительной эмбриологии беспозвоночных, читал лекции. А тем временем обстановка в университете обострилась. После покушения на Александра II усилились гонения на передовых профессоров и расправы со студентами. Даже Мечников, никогда не занимавшийся политической деятельностью, попал под надзор царской охранки как сторонник свободной науки. Работать в такой обстановке было немыслимо, и ученый в 1882 г. покинул университет. Научную работу он продолжал вести на собственные средства в маленькой домашней лаборатории в с. Поповка (Черкасская обл.). Здесь он выстроил первую в уезде церковноприходскую школу, в меру своих знаний лечил крестьян. Творческие искания привели ученого в область бактериологии и медицины. Мечников начал изучать заразные болезни человека и домашних животных: вместе со своим учеником И.Ф. Гамалеей он изучал туберкулез, чуму рогатого скота, искал способы борьбы с вредителями сельского хозяйства. Но самое главное, с годами исчез его пессимизм, теперь он хотел жить и был готов к новым открытиям.

Поездка в 1883 г. с женой и младшими Белокопытовыми в Мессину (Италия) стала для Мечникова звездным часом. Позднее он вспоминал: «В Мессине совершился перелом в моей научной жизни. До того зоолог, я сразу сделался патологом». Открытие, круто изменившее ход его жизни, было связано с исследованиями

прозрачных личинок морской звезды. Наблюдая за ними, ученый заметил, как подвижные «блуждающие клетки» окружают и поглощают чужеродные тела, подобно тому как это происходит при воспалительной реакции у людей. Он назвал их фагоцитами – «клетками-пожирателями» (от греческого phagein – есть). Отсюда ученый сделал вывод, что лейкоциты, подобно фагоцитам, в действительности выполняют защитную или санитарную функцию. На съезде русских естествоиспытателей и врачей в Одессе в 1883 г. Мечников произнес знаменитую речь «О целебных силах организма». В ней он изложил свои взгляды на явления иммунитета – невосприимчивости организма к заразным болезням. Эта теория получила название фагоцитарной теории иммунитета. Открытие защитных клеток в теле животных и человека послужило Мечникову основой для создания теории основного патологического процесса – воспаления – как защитной реакции организма в борьбе с болезнью. Однако фагоцитарная теория была встречена многими учеными враждебно. Но упорная многолетняя борьба Мечникова за свои взгляды и его выдающиеся труды в этой области («Сравнительная патология воспаления», 1892 г.; «Невосприимчивость к инфекционным болезням», 1901 г.) в конце концов принесли ученому победу. Его идеи получили признание во всем мире и легли в основу методов предохранения людей от инфекций. Так, не будучи врачом, Мечников обогатил медицину многими открытиями, создав сравнительную патологию воспаления и фагоцитарную теорию иммунитета.

Все исследования зоолога постепенно превратили его еще и в бактериолога и микробиолога. Первые опыты по вакцинации он проводил в домашней лаборатории, а затем сделал все от него зависящее (совместно с Н.Ф. Гамалеей) – и как ученый, и как организатор, и как просто человек, болеющий за свое дело и здоровье людей, – чтобы в 1886 г. в Одессе была открыта первая в России и первая вне Парижа пастеровская бактериологическая станция. Особенно большая работа проводилась по прививкам против бешенства по способу, предложенному Л. Пастером. Мечников также изучал действие фагоцитов собаки, кролика и обезьяны. Во время вспышки холеры в Австро-Венгрии, которая грозила перекинуться на Украину, Илья Ильич открыл в Одессе «холерные» курсы – специальные занятия для врачей, – что предотвратило вспышку болезни в стране. Он также пытался создать лекарство от этой инфекции, но, к сожалению, потерпел неудачу. Кстати, большинство его курсантов составило первое поколение микробиологической школы Мечникова.

Но поработать спокойно ученому не удалось. Передовые

начинания были встречены в штыки: посыпались всевозможные нападки и обвинения, вплоть до того, что на станции выращивают заразу и с помощью прививок ею умерщвляют людей. В 1888 г. Мечников был вынужден покинуть родину, чтобы «найти себе тихий приют для научной работы». В Генетическом институте Коха (Вена) он не нашел ни понимания, ни поддержки и тогда уехал в Париж. Прославленный Луи Пастер не просто «приютил» Илью Ильича, но и предложил заведование новой лабораторией в его институте (а с 1903 г. пост заместителя директора). Наконец Мечников начал работать в таких условиях, о которых мечтал всю жизнь, и развернул дальнейшие исследования фагоцитоза. Но связи с Россией он не порывал: приезжал сам, а главное, принимал для специализации в своей лаборатории русских ученых и врачей (В. Хавкин, Г. Габричевский, М. Судаковский, В. Исаев, И. Савченко и др.). А основатели советской медицинской биологии – Н. Гамалея, Д. Заболотный, Я. Бардах, Н. Чистович, Л. Тарасевич – все были непосредственными учениками Ильи Ильича.

После того как достижения Мечникова были признаны за границей (Нобелевская премия 1908 г. по физиологии и медицине совместно с П. Эрлихом «за труды по иммунитету», медаль Копли Лондонского королевского общества, степень почетного доктора Кембриджского университета, членство во Французской академии медицины и в Шведском медицинском обществе), он стал пророком и в своем отечестве, и его приезд на родину в 1909 г. вылился в поток чествований и демонстраций. А уж в Пастеровском институте откровенный, словоохотливый, остроумный и увлеченный своей работой ученый был неким «центром всеобщего тяготения». Директор института Эмиль Ру, обращаясь к Мечникову, сказал: «В Париже вы стали главой школы и зажгли в этом институте научный очаг, далеко разливающий свой свет». Ранее вспыльчивый и импульсивный, ученый достиг психического равновесия и почувствовал радость не только от работы, но и от самого процесса жизни. Страстно преданный науке, Мечников не щадил себя, подвергал свое здоровье смертельной опасности, например проверяя правильность своих научных предположений о природе холеры. Он также проводил исследования множества инфекционных болезней, включая тиф и сифилис.

Но теперь, когда его теория о роли фагоцитоза и функции лейкоцитов получила широкое признание, Мечников вплотную занялся проблемами жизни, старения и смерти. Этим вопросам он посвятил множество статей («Закон жизни», «Воспитание с антропологической точки зрения», «Возраст вступления в брак»,

«Очерк воззрения на человеческую природу», «Борьба за существование в общем смысле», «Этюды оптимизма») и книгу «Сорок лет искания рационального мировоззрения». Изучая проблемы долголетия, Мечников ввел в медицинский оборот термин «геронтология», став основоположником одноименной науки. Ученый определил, что старение – это своего рода медленная атрофия и «виноваты» в этом макрофаги – один из видов фагоцитов. В течение всей жизни они стоят на страже здоровья организма, но в старости ускоряют его гибель.

В 1903 г. вышла в свет книга Ильи Мечникова, посвященная «ортобиозу» – умению «жить правильно» («Этюды о природе человека»). В ней проявилась поразительная осведомленность Ильи Ильича в области религии и философии. Ученый много работал над вопросами продления человеческой жизни. Он считал, что человек может жить 100 – 120 лет и что преждевременная старость «есть болезнь, которую надо лечить». Причину ее Мечников видел в систематическом отравлении организма ядами гнилостных бактерий, населяющих толстый кишечник человека. А следовательно, необходимо удалить из организма вредные бактерии путем насыщения полезными бактериями, например молочнокислой палочкой. Сам Мечников придерживался строгой диеты, всячески пропагандируя кисломолочные продукты, особенно болгарскую простоквашу. Кстати, ученый предложил популярную коммерческую технологию изготовления кефира на основе лактобациллина, однако не получал за это никаких денег.

В основу геронтологии Мечников в первую очередь ставил необходимость изменений физической и нравственной природы человека, чтобы он смог осуществить полный физиологический цикл жизни с нормальной старостью, приводящей к потере инстинкта жизни и появлению инстинкта смерти.

Но постепенно возраст брал свое и у ученого, мечтавшего о продлении жизни. Многолетняя борьба с косностью и предрассудками в науке – «всю жизнь волновался, прямо кипел» – истощила сердце. Перебои начались в 1913 г. И, анализируя свою «историю болезни», Мечников писал, что прожил «сколь возможно ортобиотически. Пусть те, которые воображают, что по моим правилам я должен был прожить 100 лет и более, "простят" мне преждевременную смерть ввиду указанных выше обстоятельств».

За пять минут до смерти, которая наступила 15 июля 1916 г. после нескольких инфарктов, Мечников повторил просьбу, чтобы его тело вскрыли и кремировали, а урну с прахом поставили бы в Пастеровском институте. Там и хранится шкатулка из красного с

прожилками гранита с сероватым пеплом на дне.

О значении вклада Мечникова в науку очень хорошо сказал виднейший микробиолог Н. Гамалея: «Пройдут десятки лет, человечество научится побеждать рак, проказу и многие другие неизлечимые сейчас болезни, и люди всегда будут с благодарностью вспоминать светлое имя великого русского естествоиспытателя И.И. Мечникова, который положил блестящее начало делу борьбы за здоровье человека».

Миколайчук Иван Васильевич (род. в 1941 г. – ум. в 1987 г.)

Знаменитый актер, режиссер, сценарист. Заслуженный артист Украинской ССР (1968). Лауреат Всесоюзного кинофестиваля в номинации «Премии за режиссуру» (1980 г.), премии Н. Островского (1967 г.). Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1971), Дружбы народов (1981 г.), дипломом ВКФ-88 (Баку) за выдающийся вклад в советское киноискусство (посмертно), Государственной премией УССР им. Т.Г. Шевченко (посмертно).

В 1960-е гг. украинский кинематограф переживал творческий подъем, который теперь принято называть эпохой поэтического кино. Этому взлету способствовало и появление в мире кино Ивана Миколайчука, от его первых ролей до созданных им сценариев и режиссерских работ. Как писала кинокритик и сценарист Л. Лемешева, «в судьбе Миколайчука случайностей нет. А ее загадки можно объяснить тем, что там, где личность, там все к месту, все идет в рост…» И в основе этого стремительного роста лежала его бесконечная влюбленность в родную землю, которой он хотел и умел поделиться с людьми.

Иван родился 15 июня 1941 г. в гуцульском селе Чортория (Черновицкая обл.). Страшные годы войны, пришедшиеся на раннее детство, не заслонили перед ним красоты буковинского

края, а, наоборот, усилили чувство прекрасного. Сельский мальчишка из многодетной семьи железнодорожного обходчика Василия Миколайчука и его жены Екатерины был насквозь пропитан красотой и музыкой животворящей природы родного края, где в слепящую голубизну вздымаются бесконечные гряды гор, где тонкими серебристыми лентами вьются в прохладных долинах Черный и Белый Черемош, где поют ледяные ключи… Иван был четвертым ребенком, нянчил шестерых младших. В школу ходил за четыре километра, а в страду работал в поле. И если природа воспитала в нем поэтическую душу, то люди, рядом с которыми он рос, – приветливость и отзывчивость.

Иван умел слышать музыку во всем, что его окружало. Друзья признавали, что и «играть он умеет на всем, что будет под рукой: сопилке, рояле, цимбалах, скрипке, баяне, трубе… и даже арфе». Кино он увидел впервые только в 14 лет, когда поступал в Черновицкое музыкальное училище. Иван закончил его в 1957 г. по специальности «хормейстер художественной самодеятельности» и поступил в театр-студию при Черновицком драматическом театре им. О. Кобылянской. Он одновременно заканчивал десятилетку и играл в театре комедийные и трагикомические роли.

Помимо сценического мастерства, Иван был награжден от природы прекрасными внешними данными: ростом, статью, «удивительно красивым, иконописным лицом, с большими магическими глазами» (Р. Иванычук). Он резко выделялся среди сверстников: в каждом взгляде, в каждом слове сквозило богатство внутреннего мира. В артисте уже ощущался будущий кудесник, и подруга Ивана тоже была волшебницей, завораживающей своим изумительным голосом. Одного лишь взгляда хватило молодым людям (им было по 17 лет), чтобы понять, что они созданы друг для друга. Мария Карпюк тоже училась в студии при театре, но вскоре была приглашена в Москву в хор им. Пятницкого. Отсутствие рядом Ивана, который поступил на киноактерский факультет Киевского театрального института им. И. Карпенко-Карого (1961 г.), и украинских песен вернуло ее на Украину, в хор им. Веревки. Через год они поженились.

Двери в их комнатку в общежитии, а затем в однокомнатную квартиру были всегда распахнуты для друзей. Иван был безоглядно щедрым, открытым и всегда готовым прийти на помощь. В шутку гости называли дом Миколайчуков «Кафе "Маричка"», потому что Мария только и успевала варить ведерные кастрюли украинского борща, чтобы накормить друзей.

В институте талант Ивана сразу же заметили. Руководитель

курса В. Ивченко рекомендовал студента на главную роль в фильме «Тени забытых предков». Режиссер картины С. Параджанов пришел в восторг от молодого актера: «Юный, страшно взволнованный, он светился удивительным светом. Такая чистота, такая страстность, такая эмоциональность выплескивалась из него, что мы были оглушены, забыли обо всем, даже о том, что уже утвержден другой актер… Мы ощутили, что это – уникальный талант. Пробы были удивительными… Весь, как звоночек, Иван был чистым, мужественным, нежным. Он был факелом, к нему тянулись все». Съемки для режиссера превратились в праздник, и он все повторял: «И легень, и красавец, Робин Гуд, Робин Гуд!»

В этом фильме Иван был самим собой. Он прекрасно знал жизнь своего народа во всех формах: танец, музыка, песня, ритуал, обряд. «Этот артист, в общем, имел нечто, что резко выделяло его среди товарищей по профессии: что-то как бы внеличностное – память рода, генетическая память нации, – писала Л. Лемешева. – Он не просто актер, который создал определенный национальный характер в кино, но в каком-то смысле и – национальный герой». Конечно, Миколайчук понимал, что к нему прикованы все взгляды, что он стал душой фильма, но это нисколько не изменило его нрава. В дни съемок «Теней…» умер его отец. И когда Иван танцевал свой трагический танец, никто и не подозревал, какую боль он нес в душе. Актер даже не попросил машину и поехал на похороны рейсовым автобусом.

«Тени забытых предков» были признаны одним из 20 лучших фильмов всех времен и народов. И еще в разгар съемок Миколайчук был утвержден на роль Т. Шевченко в фильме «Сон» (1964 г.). Об этой роли мог только мечтать артист-украинец, но и ответственность была высока – до него зрители видели образ великого Кобзаря, созданный А. Бучмой и С. Бондарчуком. Иван вложил в этот фильм всю душу. Так третьекурсник стал известен по всему Союзу. Но участие в создании двух кинематографических шедевров не поразило молодого актера звездной болезнью, он остался человеком, открытым для новых ролей, знакомств, спокойно относящимся к собственной славе и желающим только одного – работать.

Первое десятилетие Миколайчук активно снимался, щедро расходуя энергию и талант, наделяя своим обаянием героев, не всегда поднимавшихся до уровня его личности. («Гадюка», «Аннычка», «Ошибка Оноре де Бальзака», «Разведчики» и др.). Чтобы создать образ Давида Мотузки из романа А. Головко «Бурьян», актер три дня перед съемкой не ел. Ему было мало грима и освещения, он считал, что для полной достоверности у

него «должны быть измученные глаза», и добился этого по-своему. В «Гадюке» Миколайчуку пришлось резко сменить имидж – сыграть белогвардейца, – и он сумел воплотить в себе «лощеную подлость и хладнокровие убийцы».

Но развивалось, преодолевая запреты, другое направление украинского кино – поэтическое, ведущее свой отсчет от довженковских «Земли» и «Звенигоры» и возрожденное параджановскими «Тенями…». И Миколайчук стал центром в картинах, где пульсировала живая мысль и человеческая боль, где вырисовывалось национальное лицо. «Каменный крест», «Комиссары», «Белая птица с черной отметиной», «Захар Беркут», «Вопреки всему», «Пропавшая грамота» и проникновенно прочитанное актером слово Г. Сковороды в фильме «Открой себя». Но официальная власть, почувствовав крамолу в красоте, олицетворявшей украинское народное искусство, богатство обычаев, чистоту морали и человеческой души, запретила два последних фильма, перечеркнув тем самым уникальное направление в мировом кино.

Круг интересов Миколайчука не замыкался киноискусством. Графика, скульптура, живопись, поэзия – вот далеко не полный список увлечений актера. Именно Миколайчук, знавший множество украинских народных песен, стал вдохновителем создания замечательного трио «Золотые ключи», в которое вошли обладательницы чудесных голосов Нина Матвиенко, Валентина Ковальская и его супруга. Он также подобрал музыку к четырем своим фильмам, в числе которых – «Белая птица с черной отметиной» (1972 г.), ставшая сокровищницей украинского кино.

Иван Васильевич был вдохновителем и соавтором сценариев «Белой птицы с черной отметиной» и «Мечтать и жить», написанных вместе с Ю. Ильенко; «Бирюк» (совместно с Р. Балаяном, 1978), «Под созвездием Близнецов» (совместно с В. Ивченко и И. Росоховатским). В фильме «Такая поздняя, такая теплая осень» (1981 г.) Миколайчук выступал как актер, режиссер, сценарист (совместно с В. Коротичем).

Его талант был только на взлете, когда в творческой жизни актера после 1973 г. наступила черная полоса. Миколайчуку, получившему к тому времени признание благодаря собственному таланту и трудолюбию, практически запретили сниматься. Актер не вписывался в рамки «соцреализма». Власти раздражало его «национальное самосознание», преклонение перед украинским народом, культурой, природой. Он осознавал себя украинским художником и жил святой любовью к Украине. А в те времена такая позиция просто запрещалась. Но Иван говорил о том, что знал лучше всего, и люди всего мира понимали и принимали его

творчество. «Горькая ирония судьбы состоит в том, что его не раз и не два пеленали в какие-то псевдоидеологические коконы, в первую очередь, по недоброй традиции, квалифицировали как украинского буржуазного националиста, – писал его друг, актер К. Степанков. – Не официально, нет, но это обвинение висело над ним долгие годы…» Сценарий Миколайчука «Небылицы про Ивана» (фильм снят В. Ивченко только в 1988 г.) прорабатывался как «националистический», а автора объявили носителем враждебной идеологии. «Белая птица…» получила Золотой приз Московского международного кинофестиваля, но руководство УССР восприняло его чуть ли не как выпад националистических сил.

Успешный режиссерский дебют Миколайчука – фильм «Вавилон XX» (1979 г., по роману В. Земляка «Лебединая стая»), где Иван был также соавтором сценария, автором музыкального оформления, исполнителем роли Фабиана, тоже имел «необщее» лицо, отличался фантазией, лирической атмосферой, мягким юмором, мастерством актеров. На Всесоюзном кинофестивале картина завоевала приз за лучшую режиссуру. Романтическая ирония «Вавилона» ошеломляла щедростью выдумки, барочностью формы, музыкальными принципами построения, точным воплощением замысла. В этом фильме Миколайчук не воссоздавал прозу жизни, а извлекал на свет ее возвышенную душу. Зрители увидели бытие подольского села второй половины 1920-х гг. и его жителей мудрыми и добрыми глазами Миколайчука, который всматривался и вслушивался в свой народ и сам был его неотделимой частью, его выразителем.

В. Ивченко писал: «Для родных, друзей и знакомых он – Человек. Именно так – с большой буквы. Для всех других – актер и режиссер, литератор и сценарист, поэт и музыкант. И все-таки в этих определениях чего-то не хватает… Чего-то главного в Иване. Это понятие – народный философ, с моей точки зрения, наиболее точно определяет суть Ивана Васильевича Миколайчука – человека и художника».

А Иван Васильевич тосковал по миру поэтического кино. У него был конкретный замысел – поставить фильм об украинцах, которых судьба оторвала от родной земли. Тема, которую еще никто не затрагивал в украинском кино. Он хотел снять фильм о ностальгии, о безвозвратной потере. Но сценарий «По ту сторону ночи», написанный совместно с В. Коротичем, отвергли, а когда все же разрешили снять, то урезали так, что от замысла практически ничего не осталось.

Миколайчук был открытым, чистосердечным, прямодушно откровенным, не терпящим никакой фальши и поэтому очень

ранимым. Один из его друзей, актер И. Гаврилюк, говорил, что он «умел гасить и сдерживать свои эмоции, поэтому и сгорел до времени. А в нем же вращались такие миры!» В последние годы в актере просматривалась такая глубокая внутренняя усталость, что он напоминал «подстреленную птицу». Миколайчук понимал, что национальное поэтическое кино ему снимать не дадут, а жизни без этого он себе не представлял. Иван Васильевич жил надеждами и говорил, что надежды – «это обручи, которые не дают разорваться сердцу».

Говорят, что за четыре дня до свадьбы Иван сказал Маричке: «Я знаю, что проживу недолго. Но 25 лет обещаю…» Тяжело больной, он колокольчиком подозвал ее к себе и прошептал: «Нам сегодня 25. Дай я тебя поцелую». Через четыре дня, 3 августа 1987 г. Иван Миколайчук скончался. Ему было только 46 лет. Теперь его называют символом украинского кино. Актер снялся в 34 фильмах, но десятки зрелых, выстраданных замыслов так и не успел осуществить… Конечно, для артиста лучшая оценка таланта – это признание его творчества следующими поколениями зрителей. Но ни в кинотеатрах, ни на телевизионном экране вы не увидите лучших работ Ивана Миколайчука. Украинское поэтическое кино по-прежнему в загоне.

Його в обличчя знали вже мільйони.
Екран приносить славу світову.
Чекали зйомки, зали, павільйони, —
Чекало все!
Іван косив траву.
О, як натхненно вмиє він не грати!
Як мимоволі творить вш красу!
.....
Іди у кадр, екран – твоя домівка,
два виміри, і третій – в глибину.
Тебе чекають різні дивовижі
Кореспонденти прагнуть інтерв'ю.
Москва. Гран-прі. Овації в Парижі!..
Іван косив у Халеп'ї траву.
(Л. Костенко)

Могила Петр Симеонович (род. в 1596/1597 г. – ум. в 1647 г.)

Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси; основатель Киево-Могилянской академии, церковный и просветительный деятель, автор и составитель книг «Литургарион» (1629 г.), «Анфология, сирень молитвы и поучения душеполезная» (1636 г.), «Литос» (1645 г.), «Краткий катехизис» (1645 г.), «Евхастерион [«Большой требник»]» (1646 г.).

1996 г. ЮНЕСКО объявила годом памяти Петра Могилы. Это событие стало для мировой общественности поводом для еще более глубокого изучения не только вклада митрополита в примирение католической и православной религий, но и определенных фактов жизни его самого. Международная научная конференция «Петр Могила и современность», проведенная в том же году в Киеве, принимала ученых из США, Франции, Канады, Румынии, стран СНГ, и личность Могилы, как всегда, вызвала многочисленные дебаты: ведь в его биографии, особенно в первые годы, до сих пор очень много белых пятен.

Аристократический род Могил был одним из самых известных и могущественных в Молдавии и Валахии (в ту пору владения Османской империи), и некоторые историки предполагают даже, что своими корнями он уходил во времена Римской империи. Кровные узы связывали членов семейства с не

менее известными и родовитыми Вишневецкими, Потоцкими, Корецкими, Пщерембскими. Вполне вероятно, что Симеон Могила, отец Петра, соединил свою жизнь с кем-то из представительниц этих фамилий.

Удалось более или менее точно установить день рождения Петра Могилы. В одном из посвященных ему панегириков сказано, что он «родился незадолго до праздника Рождества Христова, а именно 21 декабря [по ст. стилю], в день памяти киевского митрополита св. Петра, в честь которого ему и дано имя Петр». А вот год, в котором он появился на свет, ученые трактуют по-разному. Большинство пришли к выводу, что это 1596 г., но существуют версии, в которых называются и 1597 г., и 1590 г., и даже 1574 год, прибавляющий митрополиту два десятилетия жизни.

Про детство Могилы известно только то, что рос он в Молдавии с пятью братьями и рано остался сиротой – в октябре 1607 г. его отец был отравлен политическими соперниками. Через несколько месяцев из-за негативного отношения к их семье нового молдавского воеводы мать с детьми переехала в Польшу, где у рода были связи. Предполагается, что мальчик получил начальное образование в школе при Львовском ставропигийном братстве (тогда – территория Польши), с которым Могил связывали традиции православия и многолетнее его финансирование. Панегиристы указывают, что Петр «еще с детства проявил любовь к науке», а его современник М. Василенко вспоминает, что он хоть и симпатизировал польской культуре, но «это, однако, не воспрепятствовало Петру Могиле с детства воспитывать в себе любовь к православной вере».

Нет единогласия и относительно обучения Петра в западноевропейских институтах. Исследователи считают, что уровень образования он повысил во Франции – или в Сорбонне, или в иезуитском колледже «Ля Флеш», где преподавал Варон – учитель Р. Декарта, и, возможно, закончил свое обучение в Голландии.

По традиции того времени, после получения образования молодой человек должен был поступить на службу ко двору какого-нибудь влиятельного магната, где бы учился воинскому искусству и поведению в свете. Опекуном юного Могилы стал коронный канцлер и гетман С. Жолкевский. Под покровительством этого патриотичного и религиозного человека Петр находился вплоть до битвы под Цецорой (1620 г.). Жолкевский погиб в проигранном туркам сражении, а его протеже, который тогда уже был старшиной польской армии, чудом остался жив. Теперь протектором Могилы стал гетман

Хоткевич, с которым он участвовал в 1621 г. в битве под Хотином. Здесь Петр впервые лицезрел смелость и отвагу украинского казачества. Епископ Сильвестр Гаевский писал по этому поводу: «В этом великом военном сражении что-то особенное должно было затронуть молодую натуру хозяйского сына и повлиять в пользу украинского народа, который создал такую могучую и удалую казацкую силу и наделил ее таким талантливым руководителем [П. Сагайдачный]».

С тех пор Петр Могила решил переселиться из Вельского воеводства, где жил последние несколько лет, и обратил пристальное внимание на Киевщину. Начиная с 1622 г. он часто приезжал в Киев, особенно на Успение Богородицы, покупал поместья в окрестностях города и в 1627 г. окончательно переехал в Украину. Этому способствовало и знакомство Могилы с митрополитом Киевским Иовом Борецким, который стал его духовным наставником и другом. Под его влиянием Петр Симеонович начал принимать активное участие в церковных делах и в конце лета 1627 г. отошел от мирских дел и надел монашескую рясу. Эта дата стала границей между двумя периодами его жизни – светским и религиозным, молдавско-польским и украинским.

Простым монахом Могила пробыл недолго. Уже 16 сентября 1627 г. (по ст. стилю) на провинциальном сейме Печерской капитулы в Житомире он был избран архимандритом Киево-Печерского монастыря. В ноябре того же года пришло высочайшее разрешение от короля Польши Сигизмунда III, и на день рождения (по другим данным – на Рождество) состоялось посвящение его в сан архимандрита. Столь быстрое продвижение по церковной иерархии было бы невозможным, если бы не благосклонность митрополита и влияние польских родственников-магнатов. Некоторые исследователи полагают, что Могила стал церковником только из-за материальной выгоды, но он сам писал по этому поводу: «Монашеская жизнь – это совершенство христианской жизни». Архимандрит был образцом для подражания и ревностно следил, чтобы братья соблюдали данные Господу обеты бессребничества, целомудрия, послушания – иначе они изгонялись из обители. Своей деятельностью Петр Могила старался улучшить положение православных в Украине, вернуть Лавре отобранные земли (весьма необычными, скажем, способами: не раз и не два он вооружал монастырских слуг и нанимал казаков, отвоевывая территории, и сам не гнушался помахать саблей, да так, что запорожцы дивились). Важной задачей для него было достигнуть религиозного примирения с униатами и разработать план по улучшению взаимопонимания

между двумя церквами. Проблема непримиримой вражды православных и католиков волновала Могилу до самой смерти, и он стремился объединить всех христиан под единым истинным Богом, вне зависимости от вероисповедания, а значит и от различных традиций, с ними связанных.

Особое внимание Петр Могила уделял развитию культуры и науки. Под его опекой была основана ориентированная на Европу школа латино-польского направления при Лавре (1631 г.), которая позже, объединившись с братской школой на Подоле, получила название «Могилянской коллегии» и стала самым знаменитым образовательно-научным центром в Восточной Европе. В школе преподавали светила того времени: С. Косов, И. Трофимович-Козловский, А. Кальнофойский; при ней велась теологически-научная работа, обосновывающая принципы православной веры. Позже это учебное заведение было переименовано в Киево-Могилянскую Академию и стало одним из крупнейших в мире.

После кончины Сигизмунда III в 1632 г. польский трон занял его сын Владислав. В числе делегатов на выборном сейме присутствовал и архимандрит П. Могила. Под его влиянием король утвердил «Пункты успокоения народа русского», облегчившие участь украинской земли. В положениях этого документа говорилось и про назначение новой церковной иерархии. 3 ноября 1632 г. Петр Могила был избран митрополитом Киевским. Но чтобы официально получить этот сан, необходимо было устранить Исайю Копинского, год назад ставшего митрополитом и крепко державшегося за власть. В начале 1633 г. Могила поехал с посольством к патриарху Константинопольскому, от которого получил благословение на сан и титул «Экзарха святого Апостольского Константинопольского престола». Торжественная хиротония состоялась 28 апреля того же года во Львове.

В Киев новый митрополит приехал только через несколько месяцев. Собор св. Софии был по его велению отбит у униатов, и после этого состоялся триумфальный въезд в город. Здесь Могилу ожидал неприятный сюрприз: Копинский отказался снять с себя сан. Препирания длились около пяти лет, пока Могила не побывал в резиденции Исайи в Луцке в феврале 1637 г., после чего тот подписал «добровольный» отказ. Но и после этого его нападки на нового митрополита не прекращались. Надо сказать, что они были вызваны скорее не личной неприязнью Копинского к Петру Могиле, а его неприятием новшеств, внедряемых митрополитом. В борьбе двух церковников столкнулись консервативное и либеральное начала. Копинский считал, что

изменения, предлагаемые Могилой, будут использованы для того, чтобы с течением времени подвести православие под папский престол, тогда как сам митрополит Киевский делал все, чтобы избежать разногласий между двумя верами, отстаивая право православной церкви на самостоятельное существование.

Но несмотря на толерантное отношение Могилы к различным религиям, абсолютно либеральным его назвать тоже нельзя, поскольку признавал он только канонические церкви, а против остальных вел настоящую войну, как, например, против зарождавшегося на территории Украины и Молдавии кальвинизма.

Петр Могила пробыл в сане митрополита 14 лет, и эти годы по праву считаются украинским Ренессансом. Он активно занимался реформацией церкви: ввел дисциплину и строгую мораль в монастырях, запретил двоеженство среди священников, основал церковный суд и полностью подчинил метрополии разрозненные христианские братства. Им была издана «Инструкция» для протопопов с наказом следить, чтобы «никакой двоеженец, женившийся вдовец… блудный, пьяница… Письма Божьего неискусный и с ним не управляющийся, в год 12 раз не исповедующийся… терпим не был». Огромную роль Могила сыграл и в культурном расцвете украинских земель. Полемист Касиян Сакович писал: «Взял отец Могила Св. Софию в Киеве, много столетий перед тем забытую, а сейчас так ее обновил, что ото всех получил похвалу. Также отстраивает монастыри, основывает школы и много делает добра в интересах своего народа…» Под руководством митрополита были спасены такие жемчужины киевской архитектуры, как Киево-Софийский собор, Десятинная, Васильевская, Михайловская, Спаса на Берестове церкви и многие другие в Украине.

При Могиле Киев, который недаром называли вторым Иерусалимом, достиг уровня виднейших центров христианского мира. Под эгидой митрополита здесь образовалась новая генерация европейски образованных мыслителей, труды которых составили основу богословского образования в Украине. Сам он оставил после себя богатое литературное наследство. В теологических трудах, написанных или составленных Могилой, трактовался Закон Божий, утверждались постулаты православной веры. Особенно широко известен «Евхастерион», составленный митрополитом за год до смерти. В этом «Большом требнике» впервые был определен надлежащий порядок церковной службы, до того имевший множество вариантов.

Интересно, что за время пребывания Петра Могилы в сане епархиальный собор прошел лишь один-единственный раз, 8-18

сентября 1640 г., хотя обычно такие мероприятия проводились очень часто и считались временем наибольшего оживления епархиальной жизни. Тем не менее Киевский всеукраинский православный собор вошел в историю как один из самых важных и последний перед присоединением Украинской церкви к Московскому патриархату (1686 г.). На нем был рассмотрен «Катехизис» (позднее известный как «Православное исповедание веры»), представленный П. Могилой, обговорены несоответствия в церковных обычаях и правопорядке, рассмотрены литургийные, канонические и церковно-административные вопросы.

Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Петр Могила почил с миром 1 января 1647 г. (по ст. стилю) в возрасте 51 года. Он оставил созданной им коллегии свою огромную библиотеку и значительные средства и завещал братьям похоронить его в Киево-Печерской лавре. Данный завет не выполнили. Лишь 9 марта Могилу похоронили в Успенской церкви. До этого тело митрополита находилось в соборе Св. Софии из-за боязни осквернения его еретиками.

Современник митрополита, писатель Лазарь Баранович писал: «Могила скрыла от нас Могилу. При этом пастыре поднялась у нас добрая нива…» Реформы, начатые Петром Могилой, были продолжены его преемниками, но религиозное противостояние в Украине продолжается и по сей день.

Мороз Александр Александрович (род. в 1944 г.)

Лидер Социалистической партии Украины, народный депутат Украины. Один из активных лидеров антикучмовской оппозиции, инициатор обнародования магнитофонных записей, которые дискредитировали Л. Кучму и его окружение.

Александр Александрович Мороз родился 29 февраля 1944 г. в селе Буда Таращанского района Киевской области, в крестьянской многодетной семье. Его отец, Александр Леонтьевич (1899-1984), работал столяром на сахарозаводе, мать, Анна Евдокимовна (1913-1989), была колхозницей.

В школе А. Мороз учился очень хорошо: в его аттестате лишь одна «четверка», остальные – «пятерки». Как позже он вспоминал, вообще его класс был сильный: один золотой медалист, трое закончили с серебряными медалями; из 35 выпускников 30 получили высшее образование.

После окончания школы в 1960 г. А. Мороз поступил в Украинскую сельскохозяйственную академию в Киеве. «Из-под родительского крыла я вышел в 16-летнем возрасте, но чувство дома сохранял всегда», – говорил потом Александр Александрович.

Учиться он любил всегда: с самого первого класса нравилась математика, а в академии уже в семнадцать лет написал научную

работу по металловедению, возглавил научное общество. Во время учебы Александру очень нравилась начертательная геометрия и черчение. Запомнилось также, как всем курсом студенты прогуляли лекции 12 апреля 1961 г. – в день полета Юрия Гагарина в космос, а вечером пошли на футбол. В то время попасть на матч было весьма тяжело. Именно в это время Мороз стал не только болельщиком, но и активным игроком.

В 1965 г. Александр закончил академию, получив специальность «инженер-механик». С 1965 года он работал в должности инженера Емильчинского райобъединения «Сельхозтехника» Житомирской области, откуда и пошел на службу в армию (1965-1966).

После армии, в 1966-1974 г., Александр Александрович – преподаватель, заведующий отделом механизации сельского хозяйства Таращанского техникума механизации сельского хозяйства (с 1972 г. – совхоз-техникум).

После этого, в 1974-1975 г., А.А. Мороз работал в должности старшего инженера-технолога, старшего исполнителя работ механизированного отряда Таращанского райобъединения «Сельхозтехника», а в 1975-1976 г. – старшим инженером Киевского областного объединения «Сельхозтехника».

В 1976-1983 г. Александр Александрович – на партийной работе (Компартия Украины): он заведующий сектором механизации и электрификации сельского хозяйства, заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом Киевского областного комитета КПУ. Тогда же (1983 г.) А. Мороз оканчивает Высшую партийную школу при ЦК Компартии Украины (специальность – политолог).

В 1983-1985 гг. Александр Мороз – секретарь Киевского областного совета профсоюзов; в 1985-1989 гг. – первый секретарь Киевского парткома областных организаций и учреждений КПУ; в 1989-1990 – заведующий аграрным отделом Киевского обкома КПУ.

В 1990-1994 гг. А. Мороз – народный депутат Украины (1-го созыва) от Таращанского избирательного округа № 224 Киевской области. В Верховной Раде Мороз тогда был секретарем Комиссии по вопросам агропромышленного комплекса (АПК), членом группы «Аграрники». К августу 1991 г. Мороз – лидер парламентского большинства ВР Украины.

Осенью 1991 г. как реакция на тогдашние процессы в СССР и прежде всего – на августовские события 1991 года («августовский путч»), а также на провозглашение независимости Украины, возник замысел создания новой украинской левой партии.

26 октября 1991 г. состоялся Учредительный съезд партии,

который выбрал ее название – Социалистическая. Руководителем партии – Главой Политического совета СПУ – был избран народный депутат Украины Александр Александрович Мороз. Программа партии была принята чуть позже – 29 ноября 1992 года на II съезде СПУ.

В 1994-1998 гг. Александр Мороз был переизбран народным депутатом Украины (2-го созыва). В 1994-1996 гг. он был сопредседателем Конституционной комиссии. Позднее в интервью об этом периоде Александр Александрович говорил, что в этом парламенте его роль была оптимальной и в определенной мере консолидирующей. Он считал выдумкой упреки в том, что представляет только левых и старается расколоть парламент.

По словам А. Мороза, тогда в конституционном процессе заранее было определено, что эта Верховная Рада не примет Конституцию. Но он боролся за то, чтобы в согласительной конституционной комиссии были пропорционально представлены все фракции, вследствие чего коммунисты получили бы значительные преимущества. Если бы этого не произошло, коммунисты проголосовали бы против Конституции и был бы достигнут запланированный результат – документ вынесли бы на референдум. Как вспоминал А. Мороз, тогда он «продавил» именно регламентную норму, но президент Кучма, ощутив эту угрозу, пошел на нарушение всех договоренностей и вынес на референдум проект Конституции, который полностью противоречил тогда уже согласованному в парламенте.

Александр Мороз и в дальнейшем активно работал в Верховной Раде: в 1998-2002 гг. – народный депутат Украины (3-го созыва), а с 2002 г. – народный депутат Украины (4-го созыва), член Комитета по вопросам правовой политики.

Александр Александрович трижды был кандидатом в Президенты Украины – в 1994, 1999 и 2004 г. (в 1999 г. он входил в так называемую «каневскую четверку»: Александр Ткаченко, Евгений Марчук, Владимир Олейник, Александр Мороз). Во всех случаях Мороз занимал третье место: 1994 г. – среди 7 претендентов, 1999 г. – среди 13, 2004 – среди 25.

Резонансным событием для украинского общества стало обнародование в ноябре 2000 года магнитофонных пленок майора Н. Мельниченко с записями, сделанными в кабинете президента Л. Кучмы. Именно Александр Мороз предъявил обвинение Леониду Кучме и его окружению в причастности к исчезновению журналиста Георгия Гонгадзе.

Зимой 2001 г. Александр Мороз стал одним из лидеров движения «Украина без Кучмы». Тогда он принимал участие в акциях протеста против режима президента.

После первого тура президентских выборов 2004 г. Александр Мороз призвал своих приверженцев голосовать за Виктора Ющенко. Он активно участвовал в предвыборных митингах, которые проходили по всей стране. Когда стало известно, что результаты второго тура выборов сфальсифицированы, А. Мороз с коалицией «Сила народа» стал активным участником событий, которые происходили на Майдане независимости в Киеве.

Тем не менее, кое-кто из политиков считает, что именно А. Мороз осуществлял давление на В. Ющенко, когда ради компромисса в Верховной Раде было проведено «пакетное голосование» и был принят Закон о внесении изменений в Конституцию и в Закон о выборах президента. Законопроект изменений в Конституцию предусматривает переход от президентско-парламентской к парламентско-президентской форме правления, формирование правительства коалицией депутатских фракций, продление срока полномочий парламента до 5 лет. Документом расширяются полномочия Верховной Рады, которая получит право назначать премьер-министра, министров обороны, иностранных дел по представлению президента, а также по представлению премьер-министра – других членов правительства.

Для А. Мороза эта победа едва не дело всей жизни – политреформа!

Изменения в законе о выборах призваны снизить уровень возможных фальсификаций и злоупотреблений во время будущей избирательной кампании. В частности, в этом законе речь идет о новом принципе формирования участковых избирательных комиссий. Уменьшается также число открепительных удостоверений до 0,5% (до этого было 4% от числа избирателей).

Ныне, когда «помаранчевая» революция осталась в истории, перед властью стоит очень много проблем. Тем не менее, Александра Мороза часто упрекают в определенной непоследовательности: с одной стороны, он как соратник В. Ющенко на этапе предвыборной кампании и революции получил ожидаемые результаты в виде определенных должностей в правительстве; с другой – он прибегает к активной критике действующей власти. Кое-кто даже считает, что он готовится к переходу в оппозицию к правительству Ю. Тимошенко.

Практически все, о чем было сказано выше, представляет Александра Мороза только как политика. А что же личная жизнь, интересы и вкусы Александра Александровича?

Он состоит в браке с июля 1965 года (жена Валентина Андреевна), у него две дочери – Ирина и Руслана, которые имеют свои семьи и живут отдельно. Александр Александрович уже

дедушка, он очень любит своих внуков.

О его хобби известно, что он играет в шахматы, любит слушать музыку (иногда его замечают в концертном зале «Золотые ворота»), любит бывать на природе. Кстати, его любимыми цветами являются цвета, отражающие живую природу: зеленый, голубой, оранжевый, белый – как признаки времен года. Он увлекается рыбалкой, но времени на нее теперь не хватает…

А еще он любит бильярд и футбол и уже больше трех десятилетий является болельщиком киевского «Динамо». Когда был студентом, занимался борьбой. В последние годы играет в теннис и занимается плаванием. Говорят, что за год он проплывает около 200 километров.

Любит песню «Памяти Карузо» в исполнении Л. Паваротти, поэзию Лины Костенко. Сам пишет стихи, хотя поэтом себя не считает. Кстати, публично свои стихи Мороз не читает: «чтобы не разрушить пока еще доминирующий в обществе образ политика как человека неэмоционального», – говорит Александр Александрович.

В людях, говорит А. Мороз, он прежде всего ценит позицию, последовательность, порядочность и профессионализм.

Александр Александрович награжден медалью «За трудовую доблесть». Присужденный ему в 1998 году орден князя Ярослава Мудрого V степени отказался принять, считая, что у наград должны быть объективные критерии оценки заслуг перед государством и народом.

Мороз – автор нескольких книг и сотен других публикаций. Среди них «Куда идем?..» (1993), «Выбор» (1996), «Тема для раздумий» (1996), «Дорога, с которой не сойти» (1999), «Между вечными полюсами» (1999), «Хроника одного преступления» (2000), «О земле, Конституции и не только» (2001).

Александр Мороз безусловно вошел в политическую историю современной Украины. Газета «Зеркало недели» когда-то назвала его «героем спрессованного времени». Если больше ему ничего не удастся сделать в отечественной политике, то, как считает «Зеркало», «Конституционной ночи» и выступления с пленками Н. Мельниченко будет достаточно для признания его особой роли в истории страны.

Олесь Гончар
Настоящее имя – Александр Терентьевич Биличенко
(род. в 1918 г. – ум. в 1993 г.)

Украинский советский писатель, общественный деятель, академик АН Украины, Герой Социалистического Труда (1978 г.), лауреат Шевченковской (1961 г.), Ленинской (1964 г.) и Государственных премий (1948, 1949, 1982 гг.).

В конце 60-х гг. прошлого столетия в Киеве для расследования националистической деятельности критика (ныне академика) Ивана Дзюбы была создана партийная комиссия. Это произошло после выхода статьи, в которой он резко выступал против русификации Украины. Группа писателей была вызвана в ЦК и получила задачу подготовить «материал» для нового процесса против украинской интеллигенции, и Дзюбы в частности. В тот же вечер возмущенный председатель правления Союза писателей Украины Олесь Гончар написал письмо первому секретарю ЦК КПУ Шелесту, в котором открыто называл это дело сфабрикованным и категорически отказывался в нем участвовать. Буквально через день у него состоялся очень неприятный разговор с заведующим отделом культуры ЦК. Скандал вскоре замяли, но благодаря демаршу Гончара суд над Иваном Дзюбой

так и не состоялся.

Кроме открытой конфронтации с властью, Гончар испытывал постоянное давление и со стороны коллег. Одно время на него писали доносы, в которых украинский Союз писателей обвинялся в буржуазном национализме, а его руководителя называли главным националистом Украины. Естественно, Гончар знал имена доносчиков, но делал вид, что эта мышиная возня его не касается. Хотя иногда это сильно ранило душу писателя. После выхода в свет его знаменитого «Собора», который на 20 лет стал запрещенным произведением, на Олеся Терентьевича накатилась новая волна критики. В романе, который описывает беспросветную жизнь простой рабочей глубинки, партийные чиновники усмотрели критику коммунистического режима. В это трудное время многие коллеги его поддерживали, но нашлись и желающие нанести удар в спину. Так, Гончар получил анонимную телеграмму, в которой ему рекомендовали застрелиться…

Родился «главный украинский националист» 3 апреля 1918 г. в крестьянской семье, в селе Ломовка под Днепропетровском. Его отец, Терентий Биличенко, работал в магазине – сначала, как сам рассказывал, «подметайлом», а позже дослужился до приказчика. Там же, в магазине, он впервые увидел юную Таню Гончар. Девушка с 9-летнего возраста нянчила двух детей в богатой семье, жившей по соседству с магазином, и часто забегала за покупками. Молодые люди поженились перед самой империалистической войной.

Саше было только полтора года, когда умерла мать. Вскоре из полтавского села Сухого приехал дед, забрал маленького внука погостить и назад уже не привез. Так он и вырос у деда с бабкой, которая заменила ему мать. Когда мальчик первый раз пришел в школу, учительница, не задумываясь, записала в классном журнале: Александр Гончар. Под этой фамилией он и проучился все годы и даже аттестат получил на нее. Только перед армией в военкомате досмотрели: метрика-то на Биличенко, а аттестат – на Гончара. Предложили определиться – Саша выбрал мамину фамилию.

В 1938 г. Гончар поступил в Харьковский техникум журналистики и до 1941 г. успел опубликовать первые новеллы «Иван Мостовой», «Черешни цветут», «Орленок» и повесть «Стокозовое поле». Когда пришла война, он ушел воевать добровольцем в составе студенческого батальона. Первое ранение получил во время обороны Киева, на реке Рось. Потом были еще два ранения, плен. В 1943 г., освободившись из немецкого концлагеря, Олесь записал в дневнике: «В лагере для нас вонючая баланда, плети, смерть… Мне и сегодня слышится скрежет жести

в харьковской тюрьме. Как нас раздевали на тюремном плацу, как били голых, как хотел схватить рубашку, как мы спали прямо во дворе, на подоконниках, на крышах коридорчиков, возле уборных. Но бежать было некуда… Как шел я босой по Харькову с папиросой в зубах на работу и, не стесняясь, смотрел в толпу заплаканных матерей и сестер в надежде встретить знакомое лицо… Но не встретил никого, все были чужие, и этот город – город моей молодости, солнечных иллюзий – становился для меня чужим. Я был иностранец – голый, закованный, гордый…»

Войну он закончил в запасном полку, с которым дошел до Венгрии. В ноябре 1945 г. старший сержант Гончар, кавалер ордена Славы, возвращаясь с фронта, заехал к сестре Шуре, да так и остался в ее доме. Решив продолжать обучение, Александр поступил на 4-й курс Днепропетровского университета. Шура с мужем выделили ему меньшую из двух комнатушек, а сами с детьми устроились в проходной. Сестра тогда даже не догадывалась, что по ночам брат пишет роман «Альпы». Позже Гончар рассказывал одному из коллег, как над ним работал: «Словно не я его писал, а что-то водило моим пером, само писалось и клокотало в душе, какая-то высшая сила – любовь, жалость, боль…»

Уже в следующем году он напечатал новеллу «Модры Камень» – о своей короткой любви к словацкой девушке, встреча с которой произошла в конце войны, когда часть, где он служил, воевала в Карпатах. Это было светлое, романтическое произведение о юношеской любви. Его очень высоко оценил Павло Тычина. Но грянула беда…

В газете «Радянська Україна» появилась разгромная передовица. Гончара обвинили – ни много ни мало – в измене родине за то, что он описал любовь советского солдата к иностранке. Писали, что такого не может быть, что это позор… И началась травля. На бесконечных комсомольских и партийных собраниях Александра жестко критиковали и прорабатывали. Но больше всего его расстроило то, что от него отвернулись некоторые друзья. Мало кто поддержал Гончара в этот тяжелый момент – ведь он хорошо понимал, что такое страшное обвинение закрывает ему путь в литературу. Не многие знают, что в какой-то момент, когда сил противостоять этому шквалу нападок не было, у Олеся Терентьевича появилась мысль… свести счеты с жизнью. Но все же он выстоял и, как стало известно позже из его «Писательских признаний», «оперся на нежное девичье плечо». Этой девушкой, заставившей поверить в свои силы, была студентка-филолог Валентина, которая вскоре стала его женой.

Два курса ДГУ Гончар закончил экстерном за год. Тогда же, в

1946 г., опубликовал «Альпы» – первую часть трилогии «Знаменосцы», – был «реабилитирован», получил Государственную премию и принят в Союз писателей. По окончании университета ему предложили остаться там на должности ассистента. Через некоторое время Олесь подал заявление в аспирантуру Института литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР и вскоре был зачислен, а со временем перебрался из Днепропетровска в столицу.

Свои романы того времени «Таврия» и «Перекоп» писатель посвятил прославлению героев Гражданской войны. После смерти Сталина он в основном сосредоточился на «романтически приподнятом изображении духовного облика советского человека». С 1959 по 1971 г. Гончар исполнял обязанности председателя правления Союза писателей Украины и до 1986 г. числился секретарем правления Союза писателей СССР. Его роман «Человек и оружие» – о судьбах людей на войне – был удостоен премии им. Т. Шевченко в 1962 г., роман «Тронка» – Ленинской премии в 1964 г.

Проблематика, осваиваемая автором в первых романах, расширялась, приобретала новую философско-эстетическую и социальную трактовку. Один задругам выходят романы «Собор» (1968 г.), «Циклон» (1970 г.), «Берег любви» (1976 г.) и повесть «Бригантина». Философским романом, насыщенным актуальными моральными и политическими раздумьями о современном человеке и планете, мире и войне, стала «Твоя заря» (1980 г.). В наследии Гончара – литературоведческие, литературно-критические и публицистические статьи, очерки, собранные в книгах «О нашем писательстве» и «Писательские раздумья». Его творчество принадлежит к общепризнанным достижениям украинской литературы.

Олесь Гончар был депутатом Верховного Совета СССР трех созывов, кандидатом в члены ЦК КПСС, лауреатом Государственных премий, кавалером 6 орденов и множества медалей. Но несмотря на то что он долгое время занимал высокие должности, удостаивался различных наград и премий, писатель всегда находился в негласной оппозиции к власти. Возможно, именно за то, что он имел свое мнение и умел его отстаивать, партийные чиновники его уважали. Но ни с кем из них он никогда не был в дружеских отношениях. Все ограничивалось официальными встречами. Олесь Терентьевич в открытую не выказывал своего недовольства властью, тем не менее у него часто возникали конфликты с партийными функционерами.

Иногда отчаяние переполняло сердце писателя. Особенно тогда, когда он видел, что то, во что верил, вырождается: «Были

друзья в литературе – их уже нет. Зато какой холодный мир ныне окутывает тебя! На словах как бы есть уважение. Но я вижу всех их насквозь, этих жестоких, черствых молодых, которым я мешаю даже своим существованием. Ждут не дождутся, когда я лягу в могилу. Эти молодые "жеребцы", эти люди эры жестокостей, что живут для себя, обвившись славой, как пауки… Разве они могут представить, разве они могут осознать, что этот измученный болезнями "патриарх литературы" (как они говорят) после трех реанимаций сегодня вынужден думать, как прокормить семью? Ведь им кажется, что он все имеет, что ему доступно все, он всемогущий… Нужно держаться до последнего. Ведь твоя жизнь принадлежит не только тебе. Не имеешь права осиротить близких, а может, и Украине ты еще нужен…»

И Олесь Гончар держался действительно до последнего. Держался – и отчаянно, как последний романтик, верил, что все не напрасно: «Верю, придут поколения тех, кто способен будет не только добыть свободу, но и сумеет защитить ее надежно! Но наверное, это будет уже без нас, без нас…» Он умер в больнице 14 июля 1993 г. и был похоронен на Байковом кладбище Киева.

Полстолетия выдающийся писатель Олесь Гончар пребывал в центре духовной жизни Украины. В административном, социальном функционировании ротация и взаимозаменяемость не только возможны, но подчас и желательны. В литературе же, в искусстве именно неповторимость, самобытность и являются определяющими чертами таланта, личности. А такие люди, как Гончар, рождаются, может быть, раз в столетие, и замены ему нет и не предвидится, сколько б ни тешили себя тщеславцы, зарясь на его славу, на его величие Художника и Гражданина.

Ольга
(род.? – ум. в 969 г.)

Святая равноапостольная княгиня киевская. Правила в малолетство сына Святослава.

Память о святой Ольге (в разноязычных интерпретациях Хельга, Хальга, Алогия), чтят доныне все христиане, ведь она отдала свое сердце Христу за два поколения до Крещения Руси. Она не боялась провозглашать меж язычников свою веру в Единого Бога, Господа господствующих и Царя царствующих и также Спасителя мира. Именно за это Ольга была не только причислена церковью к лику святых, но и канонизирована как равноапостольная (апостол – Христов посланник для проповеди Евангелия). Между тем жизнь «праматери всех царей русских» была далеко не безгрешна. Мстительность, жестокость и коварство – не те черты, которые присущи святым людям. Но Ольга в первую очередь была правительницей, и в историю она вошла как великая устроительница государственной и культурной жизни Киевской Руси.

Никто не знает ничего достоверного о происхождении Ольги. Вариаций по этому вопросу множество, и каждая подкреплена летописными или церковными источниками. В летописи читаем, что Игорь привел себе жену из Плескова – то ли это Псков, то ли болгарский город Плискувот. По некоторым источникам, она была из рода князей Изборских, приходилась родственницей

правящему тогда Олегу, и имя ее – варяжское. Историк В.Н. Татищев утверждал, что Ольга была внучкой новгородского посадника Гостомысла и родные звали ее Прекрасой. Она действительно поражала всех и внешней, и душевной красотой. В юности ей была чужда суетность и, любя уединение среди полей и дубрав, она хранила в сердце торжественный строй высоких и непраздных мыслей.

В 903 г. девочку, предположительно в десятилетнем возрасте, привезли в Киев, чтобы обручить с 25-летним Игорем, сыном Рюрика, который позднее принял великокняжение и стал полновластно править с 912 г., то есть после смерти Олега. Брак этот, по всей видимости, был делом большой политики, хотя и существует красивая легенда о женитьбе княжича на малолетней простолюдинке. О годах правления Игоря известно мало. Ему довелось покорять древлян, оглядываться на печенегов, что появились в степях Причерноморья, и безуспешно воевать с Византией под давлением хазар. Приходилось князю совершать далекие и долгие походы, поэтому внутренними делами все более активно начинала заниматься Ольга.

Княгиня обладала редкостным умом, и супруг выделил под ее начало Вышгородское княжество. Еще при жизни Игоря в подписании договоров и приеме иностранных посольств принимали участие представители Ольги, что означало ее влияние на политику того времени и международные отношения Киевской Руси.

Супружеское счастье Игоря и Ольги окончилось осенью 945 г., когда великий князь, обходя русские земли для сбора оброков и дани с подвластных племен, стал жертвой собственной алчности. Древляне, жившие на территории современной Волыни, недовольные излишней взыскательностью повелителя, взбунтовались. Они пленили Игоря, привязали его ноги к двум молодым деревцам, пригнутым друг к другу, и отпустили стволы. Таким образом князь был разорван надвое. Языческие обычаи требовали от Ольги, оставшейся одной с сыном Святославом, отмщения. Еще не просвещенная Законом Божиим, она дала волю своему гневу и использовала остроту ума не во благо.

Широко известна легенда о троекратной мести Ольги жителям древлянской земли. Несмотря на то что они хотели мирно разрешить конфликт и даже предложили ей в мужья своего князя Мала, вдова сурово покарала их. Воспитанная в традициях викингов, она легко пошла на обман и коварство, бесстрастно отнеслась к кровопролитию и смерти, чтобы утвердить свою власть. Первой местью было погребение заживо древлянских старейшин вместе с ладьями, в которых они приплыли в Киев.

Затем она попросила прислать второе, более знатное посольство, которое по ее приказу было сожжено в бане. Сообщив древлянам о своем желании поплакать над гробом мужа и устроить поминки под стенами Искоростеня, Ольга приказала уничтожить после тризны пять тысяч человек. Почти год она осаждала город, а затем пообещала, что отступится, взяв лишь небольшую дань – по три голубя и по три воробья от каждого двора. Когда стемнело, хитроумная княгиня приказала привязать к лапкам птиц тлеющие лучины и отпустить. Те разлетелись по домам… Все жилища древлян сгорели дотла. А дружина бунтовщиков во главе с воеводой была казнена. После этой «науки» не только древляне, но и никто другой из данников против Ольги не восставал.

Вместе с тем княгиня сделала правильные выводы и за долгие годы правления заслужила звание «мудрейшей из людей». Одним из главных деяний Ольги было установление первой на Руси системы сбора дани – «уставов» и «уроков», то есть постоянных величин налогов. С.М. Соловьев считает, что следы этой хозяйственной деятельности видны во всех тогдашних русских землях, а не только древлянских и новгородских, как гласит летопись.

А потом Ольга начала «хождения» по своим владениям, которые раскинулись от Волги и Кавказа до Карпат и Балтики. Она лично определяла места и виды промыслов, размеры доходов с них и порядок распределения, следила, чтобы подданных не лишали способов существования и они были в состоянии платить налоги. Это была первая попытка государственного регулирования природопользования. Треть дани оставалась за княгиней, и она тратила ее в основном на строительство и благотворительность. Подданные ощущали ее решительность и государственную рассудительность.

Ольга осуществила ряд реформ, внедрила регламентацию феодальных повинностей, установила систему «погостов» для сбора дани, которые стали центрами торговли и культуры, опорой княжеской власти, местами средоточия интересов иноземных купцов. Со временем погосты обрастали укреплениями, превращались в города, а с распространением христианства здесь строились храмы. При княгине Ольге в Киеве началось и каменное строительство. В Вышгороде рядом с каменным теремом вырос еще и дворец, где появился богато украшенный фресками, мрамором и розовым шифером тронный зал для торжественного приема иностранных послов и гостей.

Ослабив местных правителей, княгиня всячески стремилась укреплять централизованную форму власти и роль своего государства во внешней политике. Она сумела понять, что путь к

будущему величию и возможность на равных общаться с такими господствующими империями, как Византия и саксонская Германия, лежит через отказ от язычества. Одно время Ольга колебалась, не принять ли ей христианство по западному обряду, но победила приверженность к византийской культуре.

С этой целью и отправилась княгиня в Константинополь к императору Константину VII Багрянородному, снарядив флот и пышное посольство численностью около двухсот человек (а с обслугой – более тысячи). Точная дата этого исторического визита не сохранилась, ученые относят его к периоду между 946 и 957 гг. До нас дошли не только богатые фольклорные свидетельства и хроники, но и оригинальные записи самого императора, который был историком и писателем. В произведении «О церемониях византийского двора» им описан официальный прием Эльги – архонтессы (т. е. правительницы) Руси – в императорском дворце. Однако встречей остались недовольны обе стороны. Ольгу возмутило томительное (не один месяц) ожидание приема в порту, явная демонстрация пренебрежительного отношения к ней и унизительный церемониал, который предусматривал даже процедуру поклонов и падения ниц. Но княгиня приветствовала Константина лишь легким поклоном. Ей были оказаны положенные по рангу почести, с ней подписали и торговые соглашения, однако главных задач княгине решить не удалось. Она планировала договориться об открытии митрополии в Киеве, как это было при Аскольде, и сосватать своему сыну императорскую дочь. Константин счел это дерзостью, подчеркнув своим отказом превосходство империи над Русью.

Существует легенда, будто бы он предложил Ольге руку и сердце, но получил отказ. На самом деле Константин был женат, а Ольге, хоть она и славилась красотой, было уже за шестьдесят. Эльга Русинка встречалась в Константинополе с патриархом Феофилактом и приняла крещение, а восприемником являлся сам Константин. Но этот факт остается спорным. Во-первых, император нигде о нем не упоминает. А во-вторых, известно, что в этой поездке княгиню сопровождал священник Григорий, который был либо наставником, либо духовником, что могло означать – Ольга уже была крещеной. Хотя возможно, что для придания особой важности визиту она решила вторично совершить обряд в самом Константинополе. Княгиня всегда держалась гордо, с достоинством. И за моменты унижения она расквиталась, когда византийскому императору впоследствии пришлось просить у нее войско. Ольга ответила послам: дескать, пускай приедет и подождет так, как я ждала у него в порту, тогда

и дам. Отбывая домой, княгиня, нареченная в вере Еленой, получила благословение патриарха: «Благословенна ты в жонах руських, яко возлюби свет, а тьму остави…»

Как бы то ни было, крещение свидетельствовало об уме и дальновидности правительницы, определило ее внешнюю политику, направленную на укрепление независимости Руси. Этой линии придерживались и ее наследники. Ольга понимала, что невозможно ввести новую официальную религию путем указа. Ведь даже собственного сына Святослава она не смогла обратить в свою веру – он оставался язычником до конца дней. Княгиня мирилась с тем, что одни ее подданные молятся в храме (на днепровском берегу красовался соборный храм Ильи Пророка), а другие перед походом клянутся на оружии в святилище Перуна, – но между тем постепенно разрушала капища.

После принятия христианства Ольга передала управление государством Святославу, а сама занялась воспитанием внуков – Ярополка, Олега и Владимира – в духе православия. Прошли годы, и князь Владимир, названный в былинах Красным Солнышком, покончил с язычеством и окрестил Русь, уничтожая остатки святилищ древней веры. Более того, воспользовавшись ослаблением Византии, он силой оружия заставил императорский двор выдать ему в качестве жертвы царевну и женился на ней, выполнив и это желание своей бабки – породниться, а значит, и уравняться в величии с могучей державой. Христианизация государства и союз с Византией, начатые Ольгой и завершенные Владимиром, по мнению академика Д.С. Лихачева, «ввели Русь в семью европейских народов на совершенно равных основаниях».

А историк С.М. Соловьев отмечал, что после принятия христианства на Руси возникло также и новое отношение к женщинам. Благодаря княгине Ольге они включились в процесс просвещения, не уступали мужчинам в «книжности», а также имели «в женском естестве мужскую крепость», иначе говоря, занимались государственными делами – образованием, культурой, строительством, врачеванием, воевали и принимали послов. Примером такого характера была сама княгиня, которая фактически до конца жизни (11 июля 969 г.) управляла Русью, потому что Святослав почти все время проводил в походах. Когда в 968 г. князь воевал на Балканах, ей даже пришлось выдержать осаду Киева печенегами.

Предание нарекло Ольгу хитрой, а церковь – святой. Летописец Нестор называл ее звездой, которая предваряет восход солнца над русской землей. Первые изображения княгини появились в хрониках и летописях, а затем начали воплощаться в иконах, в храмовых фресках и росписях Византии и Руси. Есть

предположение, что остатки фресок Софийского собора в Киеве, возведенного при Ярославе Мудром, изображают прием русского посольства во главе с Ольгой в Константинополе. А более поздняя иконография, очевидно, выходит из этих фресок.

Княжение княгини Ольги явилось поворотом в истории Киевской Руси, которая вошла в политическую систему христианского мира. Благодаря ее мудрости держава не попала в зависимость ни от Византии, ни от Германии. Н.М. Карамзин писал, что Ольга «овладела кормилом государства и мудрым управлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами».

Орлик Филипп Степанович (род. в 1672 г. – ум. в 1742 г.)

Генеральный писарь Войска Запорожского (1702 г.), сподвижник И. Мазепы, бежавший вместе с ним в Бендеры после поражения под Полтавой, гетман в изгнании (с 1710 г.), автор «Пактов и Конституции прав и вольностей Запорожского войска» – первой конституции Украины (1710 г.), а также «Вывода прав Украины» и «Манифеста к европейским правительствам» (1712 г.).

Запорожскую Сечь современные историки называют казацкой республикой. Действительно, нигде в мире в то время не было подобной выборной демократической власти. Поэтому не случайно, что за 22 года до рождения Джорджа Вашингтона первый прообраз Конституции возник в умах казацкой старшины – по современным меркам, элиты украинского общества. И если бы историческая ситуация была иной, то, возможно, автор этого документа Филипп Орлик был бы первым украинским президентом. Но история не терпит сослагательного наклонения. Орлик умер в эмиграции, а Украине пришлось еще почти три столетия бороться за демократию и независимость.

Филипп Орлик родился 11 ноября 1672 г. в с. Касути, недалеко от Вильно (ныне г. Вильнюс), в семье выходца из вельможного чешского рода Степана Орлика и литовско-белорусской шляхтянки Ирины Малаховской. Филиппу еще не исполнилось и года, как в битве под Хотином погиб отец.

Мальчик получил традиционное для своего круга домашнее начальное образование. Но чтобы сделать карьеру, этого было недостаточно, потому в 16 лет Филипп отправился в Киев и поступил в Киево-Могилянскую коллегию, единственное высшее учебное заведение в Надднепрянской Украине, выпускниками которого были многие известные политические и общественные деятели Украины.

Киево-Могилянская коллегия давала блестящее европейское образование. За семь лет учебы Орлик приобрел глубокие знания в латинском, греческом, польском и других языках, познакомился с пиитикой (искусством стихосложения) и риторикой (искусством грамотно вести дискуссию). Благодаря этому он в 20 лет стал консисторским писарем Киевской митрополии.

Путь к старшинской должности талантливому юноше открыл брак с Анной Герцик, дочерью наказного полтавского полковника Павла Герцика, сторонника Ивана Мазепы. (Впоследствии тесть был генеральным есаулом у гетмана в изгнании Филиппа Орлика.) С 1700 г. Филипп служил в Генеральной войсковой канцелярии, вначале как простой канцелярист, потом как ее глава, второе лицо после гетмана Мазепы. За верную службу Орлик был вознагражден большими поместьями в Черниговском, Нежинском и Стародубском полках.

Генеральный писарь пользовался полным доверием уже пожилого Мазепы. Когда с началом Северной войны гетман стал вести переговоры со шведским королем Карлом XII и польским королем Станиславом Лещинским, именно Орлик составлял шифрованные депеши к ним. Его первого Мазепа посвятил в свои планы порвать с Петром I и выступить на стороне шведов ради спасения Украины.

Как писал сам Орлик в письме к своему учителю Стефану Яворскому, «гетман открыл свои мысли, поклявшись крестом из честного животворящего древа, что не для приватной своей пользы делает это, не для высших гоноров, не для большего обогащения и не для иных каких-либо прихотей, но для вас всех, под властью и регламентом его остающихся, для жен и детей ваших, для общего добра матери моей Отчизны, бедной Украины».

Филипп Орлик после Полтавской битвы и ужасных погромов на Украине вместе с Мазепой и верными сторонниками вынужден был бежать в турецкие владения – город Бендеры. Убитый неудавшимся освобождением и страшными бедами, свалившимися на Украину, 4 сентября 1709 г. гетман Иван Мазепа скончался, несколько тысяч казаков остались без предводителя. По завещанию И. Мазепы все его богатства должны

были достаться племяннику Андрею Войнаровскому, с тем чтобы, став новым гетманом, он передал деньги на нужды Войска Запорожского. Но Войнаровский отказался от бесперспективного гетманства и, забрав все состояние покойного, удалился от дел. Таким образом, эмигранты поневоле остались не только без Родины, но и без средств к существованию. Не вытерпев такой жизни, часть из них вернулась в Украину, надеясь на милость победителя, а часть переселилась на Дон.

В таких условиях 8 апреля 1710 г. оставшиеся в изгнании казаки, ценя образованность, дипломатичность Филиппа Орлика и не раз проявленное им мужество, избрали его гетманом. Этот выбор поддержал и Карл XII как протектор (защитник) Украины. В специальном письме к украинскому народу он восхвалял мужество и верность Орлика и давал обещание, покуда украинский народ не приобретет прежней воли, не сложить оружия против московского царя, защищать целостность границ Украины и бороться с общими врагами.

В день избрания гетмана был принят знаменитый документ, составленный Ф. Орликом на основании традиционного казацкого права, – «Пакты и Конституция прав и вольностей Запорожского войска». Эта первая конституция Украины должна была стать основой для политической системы будущей независимой Украины.

В 16 ее статьях говорилось о том, что после освобождения Украины гетман должен признать православие во главе с константинопольским патриархом как государственную религию. Определялись также границы Украины: на востоке включая Слобожанщину, а на западе – по р. Случь (границы государства как при Б. Хмельницком).

Впервые государственная власть разделялась на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Законодательным органом должна была стать Генеральная Рада, состоящая из старшины, представителей от каждого полка и сотни и депутатов от Войска Запорожского низового. Генеральная Рада должна была собираться трижды в году: на Рождество, Пасху и Покров. Без ее согласия гетман не имеет права ничего «приватной своей властью не начинать, не устанавливать и в действие не вводить». Во время перерывов между заседаниями Рады исполнительной властью признавался малый совет генеральной старшины во главе с «ясновельможным гетманом».

Суд должен был осуществлять Генеральный войсковой суд, а на местах – волостные суды. Особым пунктом рассматривалась деятельность генерального и подчиненных подскарбиев (казначеев), обязанных следить за своевременным пополнением

казны и статьями государственных расходов.

Учитывая главенствующую роль казачества в украинском обществе, предусматривалось сохранение за ним всех прав и привилегий, полученных ранее. Однако, помня о вечном земельном вопросе, гетман включил в Конституцию и пункт о намерении провести после освобождения Украины «генеральную ревизию всех маетностей и справедливо их распределить между теми, кому надлежит», а также «ввести справедливость в деятельности на ярмарках индукторов и их факторов, дабы оные не причиняли здирства и вреда населению».

Таким образом, затрагивая все важнейшие вопросы политической, экономической и общественной жизни, Конституция действительно должна была стать основным законом Украины.

Став гетманом, Филипп Орлик ясно осознавал, какой крест он должен нести, находясь за пределами своей страны с незначительным числом сторонников и без средств для продолжения борьбы. Были сомнения в собственных силах. Он говорил: «Мне ли равняться с Иваном Мазепою, которому по славе и популярности не было равного в нашем Отечестве? Мне ли, не имея никаких заслуг, вынести на раменах, подобно Атланту, который выносил падающее небо, тяжесть управления Украиной?.. Мне ли, неопытному аргонавту… в наш жестокий век направить расшатанный ветрами и бурями украинский корабль к благословенным берегам? Мне ли, подобно Тезею… вывести из лабиринта страшного рабства… нашу Отчизну, которую сторожит московский дракон, и вернуть ей прежнюю волю?»

Несмотря на все сомнения, Филипп Орлик, получив гетманскую булаву, продолжил организацию освобождения Украины, начатую его предшественником – Иваном Мазепой. Поскольку собственного войска было мало, он обратился к ближайшему соседу – Крымскому ханству – с просьбой о помощи. Был заключен договор, по условиям которого в случае победы крымский хан не имел бы претензий на господство над казаками и украинскими землями. Аналогичный договор был подписан и с Карлом XII. Развивая дальше идею освобождения Украины, гетман стремился выдвинуть украинский вопрос на международный форум и организовать антимосковскую коалицию. С этой целью Орлик провел переговоры с Турцией, которая признавала власть нового гетмана над Правобережьем и Запорожьем, с донскими казаками на Кубани и даже с казанскими татарами и башкирами. Правда, турецкий султан признал власть Филиппа Орлика формально – чтобы иметь повод для вторжения в Украину. Последующие события показали, что такие же цели

преследовали крымский хан и польский король, поддерживая Орлика только для вида. Украинцы опять наступали на те же грабли.

Как бы там ни было, а дождавшись весны, Филипп Орлик в 1711 г. с 16-тысячным войском украинцев, татар и поляков выступил на Правобережную Украину. Впереди были посланы комиссары с воззваниями к украинцам, в которых призывали подниматься на борьбу с московской властью.

С подобным призывом Орлик обратился и к гетману Левобережной Украины Ивану Скоропадскому, искренне и красноречиво убеждал его стать заодно с ним против Московии для того, чтобы освободить Украину из-под ненавистного ига и создать вольную, ни от кого не зависящую гражданскую республику, иначе Отчизну ждет такое разорение, что последующие поколения с ужасом будут вспоминать о судьбе своих предков. «Если Вас, – писал Орлик, – останавливает нынешний мой титул, который я ношу, то будьте уверены, что для общего добра я уступлю его Вам как старейшему, надеясь, что и Вы не пожелаете меня погубить». Однако престарелый и сильно зависимый от Петра левобережный гетман не решился на открытое сопротивление и по приказу царя пошел войной против Орлика и его союзников.

Боевые действия 1711-1714 гг. вначале проходили успешно. Население, хоть и вяло, но все-таки поддерживало гетмана-эмигранта. В конце марта 1711 г. он подошел уже к Белой Церкви, но не имея осадной артиллерии, взять этот укрепленный город не смог. Между тем подоспели русские войска, спешно присланные Петром I, и Орлику пришлось отступить в пределы турецких владений. Продолжая его преследование, царь со своей армией вторгся на территорию Молдавии. Но у реки Прут ослабленное долгим переходом и отсутствием провианта русское войско оказалось в окружении, и ему грозило полное уничтожение или плен. Петра спасла его жена Екатерина, отдавшая Великому визирю все свои драгоценности. Так личная выгода затмила интересы всего государства. Русские отступили без потерь и смогли продолжить борьбу с армией Орлика в более комфортных условиях.

На следующем этапе войны удача изменила украинцам. Из-за вероломной политики турецкого правительства и зверского поведения крымских татар по отношению к украинскому населению все завоевания были потеряны совершенно. К тому же российское правительство представило Орлика как иностранного агента: ведь он был чехом, мало того – католиком, а значит, его интересы были «чужды» простому народу по определению. Свое

черное дело сделала и небывало морозная и снежная зима 1711-1712 гг. Погода помешала продвижению конницы на восток и север. Гетман со всей старшиной и войском оказался в тяжелейшем политическом и экономическом положении. Напрасные надежды на Турцию и крымского хана измучили и отодвинули его намерения на неопределенное время. Турецкое правительство 5 апреля 1712 г. подписало договор с Москвой и перестало снабжать украинских эмигрантов деньгами и провиантом. Казаки и близкие покидали Филиппа Орлика.

Именно в это тяжелое время гетман, настроенный на продолжение борьбы за независимость Украины, пишет трактаты «Вывод прав Украины» и «Манифест к европейским государствам». Эти документы, направленные на организацию европейской коалиции для освобождения Украины, он рассылает в столицы Европы. Но идея коалиции не находит поддержки ни в Великобритании, ни в Австрии, ни в Германии.

С 1714 г. начинается горькая и безрадостная эмигрантская жизнь гетмана-изгнанника. Основную надежду он полагает на шведского короля, который, уезжая из Бендер, звал и его с собой в Швецию. И гетман решился. С женой, двумя дочерьми, тремя сыновьями (самый младший из которых, Яков, родился уже в Бендерах, и крестил его сам Карл), через Вену, Истад, терпя нужду и различные неудобства, в конце 1715 г. он добрался в Стокгольм. Но и там было несладко. «Ни хлеба, ни дров, ни света», – жаловался Орлик. Король Швеции выделял определенную сумму на содержание, но ее очень и очень не хватало на житье. Приходилось за долги купцам и ростовщикам закладывать гетманские клейноды (булаву, бунчук, знамя), свой бриллиантовый перстень и золотой крест. После гибели в 1718 г. Карла XII жить стало еще хуже, и в 1720 г. семейство Орликов переехало в Германию. Некоторое время инкогнито гетман жил в Силезии, Польше и Франции, а с 1722 г. – в турецких владениях, нередко практически на положении пленника.

Но и в этот трудный период гетман-изгнанник стремился использовать любой повод, чтобы обратить внимание лидеров европейских государств на украинский вопрос. Он лично искал поддержки у королей Швеции, Польши, Англии, Гольштейна и даже самого Папы Римского. Через своего старшего сына Григора Орлика, французского графа, маршала Франции, политика и дипломата, Филипп Орлик связывался с французским королем. Но все было напрасно. Европейские монархи ради призрачной независимости Украины не собирались портить отношений с Россией, которая после разгрома Швеции стала новым лидером на Востоке Европы.

Филипп Орлик умер в 1742 г. в Молдавии в полной нищете и был похоронен на средства Молдавского Господаря.

Так закончилась жизнь человека, который имел все предпосылки для достижения больших вершин. Но вместо этого он избрал путь служения Украине, бескомпромиссной борьбы за ее государственность, и за это помнят его потомки.

Остап Вишня
Настоящее имя – Павел Михайлович Губенко
(род. в 1889 г. – ум. в 1956 г.)

Выдающийся украинский писатель-сатирик, юморист. Мастер художественной пародии и шаржа, короткого памфлета, сатирического фельетона и юморески, переводчик.

Остап Вишня всю жизнь был веселым, оптимистичным человеком и своим темпераментом так заражал окружающих, что те забывали о любых проблемах и заботах. Ведь юмор – лучший советчик в трудной ситуации и лучшее лекарство от всех болезней. А искренний смех над собой – помощник вдвойне. Писатель сам никогда не забывал этой древней мудрости, и, может быть, именно всепоглощающая сила смеха, помноженная на украинское жизнелюбие, вырывала его из рук «законных» убийц и выручала из безвыходных положений.

Даже о таком серьезном событии, как собственное рождение, Вишня говорил с изрядной долей доброй улыбки: «Меня вытянули из колодца, когда поили корову Оришку». В действительности будущий юморист – а пока просто Павлик Губенко – родился 13 ноября 1889 г. на хуторе Чечва около села Грунь, что на Полтавщине (теперь Сумская обл.). Отец его служил

приказчиком у помещиков фон Рот, мать заботилась о 17 детях. Мальчик рос хулиганистым и шкодливым, но легкий нрав и безудержная фантазия сглаживали всевозможные провинности. Еще Павлик очень рано понял, что в мире есть господа и не-господа, и, целуя помещице руку, с удовольствием потом вытаптывал на ее клумбах цветы и все грозился что-то ей «показать». Одним словом, был «чистым лейбористом».

Отец, видя любовь сына к чтению («Вообще любил я книжки с мягкими обложками. Их и рвать легче, и не так больно они бьют, если мать, бывает, увидит»), постарался дать ему приличное образование. Павлику не было и шести лет, когда его определили в груньскую сельскую школу, а после ее окончания – в двуклассную в г. Зеньков, откуда он вышел с правом работы почтово-телеграфным чиновником 14 разряда. Но так как мальчику шел к тому времени только тринадцатый год, учеба его не закончилась. Мать повезла Павла в Киев в военно-фельдшерскую школу, в которой Михаил Кондратьевич Губенко, бывший военный, мог учить детей за казенный счет.

Закончил младший Губенко школу в 1907 г. в звании военного фельдшера и был закреплен за 169-м пехотным полком в Киеве, где шесть лет отрабатывал стоимость своего обучения. В 1914 г. он уволился со службы и поступил на работу в Киевскую железнодорожную больницу. Должность фельдшера спасла его от призыва в армию во время Первой мировой войны. При Украинской Народной Республике он заведовал Медико-санитарным управлением министерства путей сообщений, но в кабинетах сидеть не любил. Губенко, рискуя жизнью, работал в санитарных поездах, заполненных тифозными больными. Он помогал людям не только лекарствами, но и смешными анекдотами, которые сам сочинял и отменно рассказывал.

В 1919 г. Павел Губенко начал печататься под псевдонимом П. Груньский в эсеровских газетах «Народная Воля» и «Трудовая Громада». Его фельетоны сразу стали популярными, потому что смехом вытесняли отчаяние. Пройдя все фронты, в начале 1920 г. начинающий писатель вернулся в Киев, где совсем недолго проработал «редактором языка» в издательстве «Книгосшлка». В октябре за «связь с эсерами» его арестовала ЧК. И только через полгода В. Блакытному удалось вырвать Павла из чекистских подвалов и устроить переводчиком в редакцию газеты «Вести ВУЦИК».

«Переводил я, переводил, а потом и думаю себе: "Почему я перевожу, когда могу фельетоны писать! А потом – писателем можно быть. Вон сколько писателей разных есть, а я еще не писатель. Квалификации, – думаю себе, – у меня особенной нет,

бухгалтерии не знаю, что я, – думаю себе, – буду делать?" Сделался я Остапом Вишней и стал писать. И пишу себе…»

1922 г. стал годом могучего и стремительного взлета Вишни в украинской юмористике. К концу двадцатых он был уже автором 23 книг фельетонов, юморесок, набросков, которые за четыре года переиздавались 42 раза, а сборник антирелигиозных фельетонов «Дела небесные» выдержал целых шесть переизданий. В 1928 г. вышло первое 4-томное издание «Усмешек», состоящее из «усмешек» и «репяшков», – как автор называл свои коротенькие смешные рассказы. Юмористический язык Вишни – по-народному сочный, колоритный, живой, остроумный, богат своей простотой, потому что близок к привычному сельскому и городскому говору. Но в то же время в нем сохранены и каноны классической литературы: комизм и игра слов, шутки, афоризмы, прибаутки, намеки, каламбуры. Чтобы читать и до конца понимать его произведения, люди учили украинский язык.

Мудрый и добродушный скептицизм Вишни породил его нерушимое взаимопонимание с миллионами читателей. Он умел подчеркнуть анекдотические контрасты, которыми кишела страна того времени. Мастер пародии и шаржа с удовольствием маскировался под «простачка», от него веяло тем сказочным дурачком, перед которым пасуют и мудрецы, и короли. В своей памятке «О чем я, несчастный, вынужден думать и писать» Вишня перечислял своих «друзей»: бюрократов, подхалимов, спекулянтов, откровенных мерзавцев, браконьеров, хамов, алиментщиков, склочников и «других сукиных сынов и прохвостов». В произведениях он атаковал слабости своих земляков, был беспощаден и мог убить смехом. И часто вслед за своим любимым писателем Н. Гоголем, которого переводил с особым воодушевлением, повторял: «Врага нужно бить. Насмешки боится даже тот, кто уже ничего не боится на свете». Вишня считал, что имеет полное право подтрунивать над «чухраинцами», потому что любит их, а «любить, между прочим, это очень тяжелая работа».

Близкий друг писателя М. Хвылевой писал: «"Усмешки" Остапа Вишни я полюбил. Полюбил их за то, что они ароматны, за то, что они нежны, за то, что они жестоки, за то, что они смешны и одновременно глубоко трагичны».

С кем бы Павел Михайлович ни встречался, где бы ни бывал – он везде находил материал для своих юморесок. Так появились «Усмешки» сельские, киевские, крымские, охотничьи, театральные. А в начале 1920-х гг. его холостяцкий дом озарила настоящая улыбка – Варвара Алексеевна Маслюченко. Заядлый охотник, рыбак и театрал впервые увидел будущую жену в роли

Жанны Д'Арк в пьесе Б. Шоу «Святая Анна» и впоследствии признавался ей: «Как увидел тебя, так мне жаба сиську и дала». Он был счастливым супругом, заботливым отцом приемной дочери Машеньке – и юморил еще ярче.

Кроме того, О. Вишня проводил и большую общественную работу: участвовал в деятельности литературных объединений «Плуг» и «Гарт», вместе с В. Блакытным организовал и редактировал журнал «Красный перец», входил в оргкомитет Союза советских писателей Украины и Всесоюзный оргкомитет. Со всех сторон со своими бедами к нему шли простые люди, он никому не отказывал – помогал личными хлопотами, а надоедливыми фельетонами давил на представителей власти. Председатель ВУЦИК Г. Петровский даже ревниво интересовался у писателя: «Кто, собственно, является всеукраинским старостой – Петровский или Остап Вишня?»

Но не все было так весело. Наряду с «куркулями» Сталин объявил войну и украинской интеллигенции. И в этом уже Павел Михайлович не увидел ничего смешного и перестал писать. И сам Вишня попал под жесткий прессинг «друзей-писателей» Полторацкого и Доброярского. Они обвиняли его в национализме и «в пестовании куркульского языка в противовес языку украинского колхозника и пролетария», говорили, что он «фигура реакционная, тормоз на поезде культурной революции… контрреволюционер… бездарность, шпион, для которого литература – это маскировка основного занятия – шпионства и вредительства», и с уверенностью заявляли, что «недалекое будущее принесет забвение Вишне и "Вишнярству"».

Выкорчевывая «национализм», система «выбила в течение нескольких десятков лет все молодые побеги литературные, – писал впоследствии Вишня. – Те дураки, что кричат: "Националисты!", не понимают, что я сумел объединить любовь к моему народу с любовью ко всем народам мира!»

По воспоминаниям дочери Павла Михайловича, единственным, кто выступил в защиту отца, был Микола Хвылевой. Таким же благородством отличался и сам Вишня. Когда в 1931 г. арестовали М. Рыльского, он, не боясь навлечь на себя гнев НКВД, бросился из Харькова в Киев на помощь семье поэта, а после освобождения забрал его на несколько недель в свой дом. А самоубийство Хвылевого, который, не выдержав травли, застрелился, Павел Михайлович воспринял как ужасающую жизненную катастрофу. Близкие думали, что он сошел с ума, – три дня из его комнаты доносились крики и рыдания бьющегося в истерике мужчины.

26 декабря 1933 г. был арестован и самый известный

украинский писатель того времени, юморист Остап Вишня. Тишайшего и добрейшего из людей обвинили в терроризме – попытке убить секретаря ЦК КП(б)У П. Постышева. Павел Михайлович писал: «Отрицал я все… до применения ко мне физических мер влияния. В результате психического и физического влияния мне пришлось возвести на себя поклеп…» Но даже на вопрос следователя Бордона: «В каком помещении вы хотели убить Постышева?» – с присущим ему юмором ответил, что любит убивать вождей на свежем воздухе.

Судебная «тройка» 23 февраля 1934 г. за террористическую и контрреволюционную деятельность приговорила писателя к высшей мере наказания – расстрелу. Коллегия ОГПУ заменила расстрел 10 годами заключения в исправительно-трудовых лагерях. Отбывал наказание О. Вишня в Ухте Коми АССР. Верная жена Варвара Маслюченко разделила участь писателя. Ее называли последней декабристкой, но сталинский режим не дал ей стать узницей по собственному желанию. «В мае 1934-го маму вызвали в ГПУ, – вспоминала дочь Мария Михайловна Евтушенко, – отобрали паспорт и выслали с Украины», порекомендовав проживать там, где еще не прошла паспортизация. Варвара Алексеевна последовала за мужем в ссылку в поселок Кедровый Шор. Но только три недели семье было позволено быть вместе за колючей проволокой. Павла Михайловича перевели на рудники Ухтпечлага в Эджит-Кирту.

Начальник лагеря Морозов относился к писателю сочувственно, разрешил ему работать в газете «Северный горняк» и писать книгу очерков о людях Ухтпечлага. Но несмотря на некоторые послабления в режиме, Вишня чувствовал, что «загнанный ползать летать не может. Да еще не со связанными, а с вырванными крыльями». А с 1937 г. ему отказывают даже в праве получать письма от родных.

Год спустя Павла Михайловича неожиданно подняли на этап и повели в Чибью на «дополнительное следствие», а фактически – на расстрел. Пеший этап в 800 км в снег, в пургу, в морозы… Но спасла его именно непогода – он заболел воспалением легких, и конвоиры бросили арестанта с температурой сорок умирать в одном из изоляторов на пути этапа. А пока Вишня поборол смертельный недуг и его дотащили до Чибью, Берия, пришедший на смену Ежову, уже успел расстрелять всех приговоренных, включая начальство лагеря.

Освобожден был Павел Михайлович загадочно. В декабре 1943 г. его вдруг переодели во все новое и отправили в Москву. Там, в «Бутырках» (в письмах писатель говорит о «клинике лечебного питания»), он прошел «медико-кулинарный курс» и был

освобожден. На 23 дня раньше срока.

«Усмешник» Расстрелянного Возрождения говорил, что «если даст Бог пережить каторгу – то пусть у меня рука отсохнет, если возьму перо в руки». Да и многие сомневались, что «недомученный Вишня» после десятилетнего молчания снова воскреснет как литератор-юморист. Но уже 26 февраля 1944 г. «выстрелила "Прямой наводкой" его "Зенитка"». Писатель доказал, что юмор и смех остался для него синонимом свободы – по крайней мере, внутренней свободы человека.

И несмотря на усиливающиеся с годами нападки, О. Вишня писал и печатал все новые сборники политических фельетонов, памфлетов и юмористических миниатюр: «Самостоятельная дырка» (1945 г.); «Зенитка» (1947 г.); «Весна-красна» (1949 г.); «Мудрость колхозная» (1952 г.); «А народ воевать не хочет» (1953 г.); «Большие растите» (1955 г.); «Несчастная любовь» (1956 г.) и др. Он также активно работал над переводами произведений русской и мировой классики – А. Чехова, А. Сухово-Кобылина, М. Твена, О'Генри, Б. Нушича, Я. Гашека, Я. Неруды и своего любимого Н. Гоголя.

В 1955 г. беспартийный писатель, член редколлегии журнала «Перец», член правления Союза писателей Украины и других общественных организаций, любимец читателей наконец-то был реабилитирован. Но не партии он был благодарен за это, а тем простым людям, ради которых писал: «Я дожил до того времени, когда хожу улицами Киева… И я думаю, что всеми своими страданиями, всеми моими сердцами, и работами, и мыслями имею право сказать всем моим читателям: "Я люблю вас! Спасибо тебе, народ, что я есть я! Пусть будет благословенно твое имя!.. я имею честь великую, чудесную, несравненную и неповторимую, честь принадлежать к своему народу"».

За семь дней до смерти писатель вернулся с Херсонщины, где пробыл больше месяца, готовясь к работе над новой книгой. Ей не суждено было увидеть свет. 28 сентября 1956 г. неумолимая смерть внезапно оборвала жизнь Остапа Вишни. Но даже по прошествии многих лет он остается в украинской литературе звездой первой величины. И слово его волшебное, веселое, и смех его неповторимый будут жить вечно – ведь сам он был живой радостной улыбкой своего великого и бессмертного народа.

Патон Евгений Оскарович (род. в 1870 г. – ум. в 1953 г.)

Выдающийся ученый, специалист в области мостостроения, электросварки металлов, материаловедения. Педагог-новатор, родоначальник научно-инженерной школы мостостроения, основатель и первый директор Института электросварки АН УССР, носящего его имя. Академик, вице-президент АН УССР (1945-1952 гг.). Автор более 120 фундаментальных научных работ и практических пособий по вопросам мостостроения и сварки. Герой Социалистического Труда (1943 г.), награжден орденами Красного Знамени (1940 г.), Красной Звезды (1943 г.). Лауреат Сталинских премий СССР (1941, 1950 г.).

Род Патонов, несмотря на редкостную фамилию и западноевропейские корни, к иностранцам себя не причислял. В семье будущего знаменитого ученого гордились боевой славой деда, который почти полвека отдал российской армии, прошел путь от прапорщика до генерал-лейтенанта, а уйдя в отставку, занял пост сенатора Правительствующего Сената. Отец Евгения, Оскар Петрович, был образованнейшим военным инженером своего времени, еще в 1849 г. начал изучать электротехнику и занимался применением электричества в военном деле.

После его женитьбы на Екатерине Дмитриевне Шишковой

семья поселилась в родовом имении Денисковичи (Черниговская обл.). Здесь родилось двое сыновей и две дочери (а всего было семеро детей). А Евгений появился на свет 5 марта 1870 г. в Ницце, где его отец работал консулом. Главной заботой родителей было то, чтобы в чужой стране «дети не выросли иностранцами без роду, без племени». Домашние учителя подготовили Евгения к гимназии. Для обучения 12-летнего сына избрали реальную гимназию в Штутгарте, отличавшуюся строгой дисциплиной и чрезвычайной сложностью курсов. Мальчик поступил сразу в 7-й класс, а затем, в связи с переводом главы семьи по службе, учился в Бреславле. Авторитет отца в доме был очень высок. Он делился с сыном своими воспоминаниями и знаниями военного инженера-строителя и мечтал, чтобы тот пошел по его стопам, в отличие от матери, видевшей Евгения только военным. Точные науки привлекали и юношу, поэтому в 1888 г. он поступил на инженерное отделение Дрезденского политехнического института. Евгений мечтал строить мосты.

Но Патон не счел возможным уклониться от воинской повинности и в 1891-1892 гг. отслужил вольноопределяющимся в российской армии. В это время красивый, рослый, с военной выправкой юноша увлекся женщиной, которая была намного старше его, и даже обвенчался с ней. Этот брак на долгие годы стал его личной драмой, о которой Евгений не любил вспоминать.

Успешно окончив институт, Патон остался работать ассистентом на кафедре мостостроения и одновременно служил инженером в техническом отделе по перестройке Дрезденского железнодорожного узла. Его ждала прекрасная карьера. Но интересная работа не радовала: семья вернулась в Россию, и он остался за границей один. Для того чтобы получить работу на родине, ему предстояло подтвердить свой диплом инженера. В Петербургском институте инженеров путей сообщения Евгений сдал 12 экзаменов и за 4 месяца подготовил пять дипломных проектов.

В 1896 г. Патон стал инженером при техническом отделе службы путей Николаевской железной дороги. Рядом со светилами мостостроения Н.А. Белелюбским, Ф.С. Ясинским шлифовался его талант проектировщика. Практическую работу Евгений Оскарович успешно соединял с преподавательской деятельностью в институте, где недавно защитил диплом. При поддержке профессора Л.Д. Проскурякова в 1897 г. он переехал в Москву, где успешно осуществил свой проект путепровода. Он продолжал читать лекции студентам, но теперь уже в Московском инженерном училище.

В 1900 г. Патон защитил диссертацию на тему «Расчет сквозных ферм с жесткими узлами», а в 31 год стал профессором. Не прерывая педагогической, инженерной и научной работы, Евгений Оскарович подготовил двухтомный учебник «Железные мосты» (1902-1904 гг.), а также практическое руководство и расчеты в помощь инженерам-практикантам. А сооруженные по его проектам мосты к 1905 г. снискали ему авторитет лучшего мостостроителя России. При выборе руководителя кафедры мостов на инженерном факультете в Киевском политехническом институте кандидатура Патона прошла безоговорочно. Эта работа дала ему еще больше возможностей для самостоятельной творческой деятельности. И уже через год Евгений Оскарович возглавил инженерный факультет.

Молодой декан в кратчайшие сроки превратил отстающее отделение в передовое: были приглашены лучшие специалисты, перестроена система обучения. С особой любовью он обустраивал кабинет моделей и кабинет мостов, создал при последнем ценнейшую библиотеку, где помимо книг находилась собранная им иллюстративная коллекция. И знаменитый Инженерный музей КПИ был создан Патоном, он же стал и его первым директором. Универсальный прибор для испытания мостов и многочисленные макеты послужили впоследствии базой для организованной Евгением Оскаровичем Мостоиспытательной станции. Продолжал он работу над расчетами и проектированием мостов через Куру в Тбилиси, Рось в Корсуне, Тясмин в Звенигороде. А мост в Царском саду стал настоящей достопримечательностью Киева.

Но в 1913 г. Патон неожиданно для всех подал в отставку. Моральная неудовлетворенность, обусловленная отсутствием перспектив для творческой деятельности, совпала с тяжелой болезнью легких, и Евгений Оскарович решил «отойти от жизни, поселиться в Крыму, отдаться семье, книгам, природе». Первая мировая война застала Патона на лечении в Ницце. Чувство неподдельного патриотизма вернуло его в Киев, где он безвозмездно трудился в мостовой секции военно-промышленного комитета. Размах выполнения военных заказов был огромен. Только в 1915 г. на Днепре и Десне началось строительство 14 новых постоянных мостов, а также множества стратегических разборных. Большинство разработок Патона были оригинальными и поражали полетом инженерной мысли. Ученый тщательно продумал и программу испытания мостов на прочность и долговечность, получившую впоследствии широкое практическое применение.

Тяжелое предреволюционное время было для Евгения Оскаровича счастливым в личном плане. В 1916 г. он женился на

учительнице Наталье Викторовне Будде. Эта женщина стала ему верным другом на всю жизнь. В 1917 г. у них родился сын Владимир, а год спустя – Борис. Авторитет отца был в доме непререкаемым. У детей воспитывалась целеустремленность и желание строить жизнь, полезную обществу. И сыновья оправдали отцовские надежды.

К революции Патон отнесся настороженно из-за неразберихи и отсутствия порядка в делах, которые он считал первейшим злом, так же как подхалимаж и заискивание перед начальством. Стройная в прошлом институтская система не функционировала вплоть до реорганизации в 1921 г. Работа созданной Патоном в те годы Мостоиспытательной станции высоко оценивалась путейцами и из года в год наращивала объемы. Восстановление каждого разрушенного моста (в частности, мост им Е. Бош через Днепр) и открытие новых превращались в народные праздники. Это радовало Евгения Оскаровича – он видел, что его труд приносит реальную пользу многим, и постепенно из затворника, ученого-отшельника превратился в лидера коллектива. Вокруг него группировались талантливые молодые специалисты, поддерживавшие его оригинальные инженерные решения. Именно Патону принадлежит заслуга создания одной из ведущих в мире школ мостостроения.

В 1929 г. автор 35 мостов обратил свое пристальное внимание на проблемы сварки металлов. Академик Патон развернул научную и практическую деятельность в совершенно новой для него области: «Я видел, что будущее принадлежит электрической сварке, что эта, на первый взгляд, такая узкая область техники таит в себе поистине неисчерпаемые возможности». В Киеве он создал сварочную лабораторию, занимавшуюся широким спектром проблем. Уже в 1931 г. на харьковском заводе «Серп и молот» заработала первая конвейерная линия для электросварки молотилок. А Патон поставил перед собой задачу «более полной механизации сварочных процессов» и создания автоматического сварочного оборудования. В 1933 г., несмотря на царившую атмосферу всеобщей подозрительности и недоверия, он добился решения о преобразовании электросварочной мастерской в Институт электросварки, который и возглавил.

Евгению Оскаровичу предстояло не только построить новое помещение, оборудовать его, но и подобрать творческие кадры. Он «по человечку» собирал коллектив единомышленников, притягивал людей, как магнит, своей деловой заинтересованностью, вечным стремлением познавать новое и тем, что никогда не брезговал черновой – практической –

работой. Сотрудники называли его Папашей и Батей, да и относились к нему, как к отцу. А Патон был по-отечески строг, требовал дисциплины и самоотдачи, но работалось рядом с ним легко и интересно.

С первых же лет деятельность института строилась директором на принципах хозрасчета и самофинансирования (редчайший случай в советские времена), что явственно сказалось на высокой экономической эффективности научного учреждения, не требовавшего средств на развитие от государства. И каждый сотрудник знал, что «Патон денег зря не платит», а честно оценивает вклад каждого в общее дело. Когда в 1941 г. Евгений Оскарович стал лауреатом Сталинской премии, которая присуждалась впервые, он принял восторги сотрудников холодно, ибо считал несправедливым, что обошли других участников изобретения автоматической сварки под флюсом. В письме к Молотову он потребовал справедливости. Получив отказ, Патон разделил премиальные 100 тыс. рублей и положил их на сберкнижки И. Кирдо, В. Ширину, В. Дятлову и А. Мокееву. Себе не оставил ничего.

Научно-практический вклад института был настолько велик, что в 1936 г. в распоряжение Патона передали шесть базовых заводов для внедрения автоматической сварки. С тех пор это научное учреждение постоянно работало в непосредственном контакте с производством, что ускоряло внедрение оригинальных научных и инженерных решений. И уже в 1940 г. была продемонстрирована полностью автоматическая скоростная сварка под флюсом, обеспечившая не только особую прочность и чистоту швов, но и 11-кратное увеличение производительности труда.

В январе 1941 г. Патон, не оставляя работ в институте, приступил к новым обязанностям в Москве как руководитель отдела электросварки ЦНИИТМаша и член Совета по машиностроению при Совнаркоме СССР. Но успешное внедрение скоростной сварки под флюсом было приостановлено войной. Институт эвакуировали на Урал, в Нижний Тагил, где в кратчайший срок изобретение ученого стало применяться при сварке артиллеристских систем, авиабомб, реактивных снарядов для «катюш» и корпусов тяжелых танков КВ, легких Т-60 и прославленных в боях Т-34. Впервые в мире специалисты под руководством Патона внедрили сложнейшую сварку брони и распространили метод по всем Танкоградам страны. Теперь при обстреле бронебойными снарядами слабые места танков – швы – не разрушались. По инициативе Евгения Оскаровича на эвакуированном харьковском заводе им. Коминтерна была

внедрена и первая в мире поточная линия по изготовлению бронекорпусов.

В тяжелые годы войны рядом с отцом начали свою научную и производственную деятельность Борис и Владимир Патоны.

Несмотря на годы и пошатнувшееся здоровье, Евгений Оскарович подготовил институт к возвращению в родной Киев и сразу же наметил ряд серьезных теоретических исследований. В 1945 г. он был избран вице-президентом АН УССР и руководил двумя отделами. В том же году в ознаменование 50-летия его научной, инженерной и общественной деятельности Институту электросварки было присвоено имя создателя. Патон с гордостью говорил о своем детище: «Да, мы были практиками, но практиками творческими». Его коллектив вел целенаправленные фундаментальные научные исследования, особенно в области материаловедения. Разрабатывались новые марки стали, более пригодные в разных тепловых режимах и обладающие хорошей свариваемостью.

В 1946 г. Евгений Оскарович вернулся к мостостроению, но на более высоком технологическом уровне. Он последовательно осуществил разработку теоретических основ новой отрасли промышленности – сварочного машиностроения, – прерванную войной. А к 1949 г. институт закончил разработку автоматической сварки мостов не только в заводских условиях, но и при сварке монтажных, в том числе и вертикальных швов. В 1951 г. через реку Болва был переброшен первый в мире такой мост; через год Неман украсил цельносварной автодорожный мост весом 278,8 т.

Лебединой песней Е.О. Патона стал крупнейший в мире цельносварной мост через Днепр в Киеве. Полуторакилометровый красавец весом 10 тыс. т составлен из 20 пролетов по 58 м и четырех судоходных пролетов по 87 м. Но его создателю не довелось увидеть движение по мосту своей мечты: 12 августа 1953 г. Евгений Оскарович Патон скончался. Ученый-теоретик и практик, во многом опередивший свое время, создал сам себе два памятника – Институт электросварки и мост через Днепр, носящие его имя; и воспитал двух сыновей, достойно продолживших дело отца. Владимир Евгеньевич Патон занимался созданием сварочного оборудования, в частности, специальных сварочных тракторов серии ТС, позволяющих сваривать разнообразные типы швов. Он как конструктор нового поколения сварочной техники, примененной при строительстве магистрального трубопровода Дашава-Киев, уже в 1948 г. был удостоен Сталинской премии.

Борис Евгеньевич Патон после смерти отца возглавил

Институт электросварки, а с 1962 г. и по настоящее время является бессменным президентом Национальной Академии наук Украины. Он известен в мире как наиболее авторитетный представитель украинских ученых и организатор науки. По масштабности мышления Борис Евгеньевич напоминает отца. Его научная деятельность направлена на фундаментальное исследование автоматической сварки – в среде защитных газов, электрошлаковой, микроплазменной, в глубоком вакууме, контактной, в невесомости, глубоководной и других. Он достиг весомых результатов и в области специальной электрометаллургии, которая объединила такие способы получения рафинированных металлов, как электрошлаковый, электронно-лучевой и плазменно-дуговой переплавы.

Род Патонов – национальная гордость Украины.

Петлюра Симон Васильевич (род. в 1879 г. – ум. в 1926 г.)

Один из лидеров украинской Центральной Рады и Директории, Главный Атаман армии УНР.

> *Человек-легенда, человек-миф – это Симон Петлюра. Сегодня его пытаются представить как выдающегося деятеля Украины, организатора ее государственности и вооруженных сил. Каким же был этот человек, ушедший из жизни при обстоятельствах, дающих возможность по-разному трактовать его жизненный путь и деяния?*

Симон Васильевич родился 23 мая 1879 г. в Полтаве в бедной семье местного извозчика, происходившего из казацкого рода. В семье было девять детей – четыре сына и пять дочерей, – но только первенец, Симон, получил возможность учиться. Для образования других детей денег не было. Царский указ «о кухаркиных детях» закрывал для Симона доступ в гимназию. Оставался другой путь: церковно-приходская школа, а затем – духовная семинария в Полтаве. Духовная карьера не очень прельщала юношу. Он увлекался музыкой, литературой, историей. Поскольку украинский язык в семинарии был запрещен, ученики в знак протеста разговаривали между собой только на нем. Большой популярностью и любовью пользовался у них шевченковский «Кобзарь». В семинарию проникала также марксистская и народническая литература, во многом воздействовавшая на взгляды учащихся, и в 1900 г. 20-летний

Симон вступил в созданную в Харькове молодыми украинскими интеллигентами Революционную Украинскую Партию (РУП). В нее входили люди различных политических воззрений, объединенных как социалистическими, так и националистическими лозунгами. Особое впечатление на Симона произвели выступления в Полтаве одного из идеологов украинского национализма Н. Михновского, призывавшего к вооруженной революционной борьбе за завоевание украинцами своих прав и создание независимого украинского государства «от Карпат до Кавказа». Вступив в РУП, Симон вскоре стал руководителем полтавской ячейки этой партии. За участие в чествовании приехавшего в Полтаву композитора Н. Лысенко Петлюру и нескольких его друзей исключили из семинарии. Скорее всего, это был формальный повод, поскольку дирекции стало известно о его подпольной деятельности. Это грозило арестом, и Симон в 1902 г. выехал за границу, во Львов (Галиция тогда входила в состав Австро-Венгрии). Там он недолго работал в редакции «Литературно-научного вестника», а затем перебрался на Кубань. Поначалу Симон в Екатеринодаре (ныне Краснодар) зарабатывал на жизнь частными уроками. Это его не привлекло, и он стал ассистентом у академика Ф. Щербины, писавшего историю кубанского казачества. Но в 1903 г. за активное участие в деятельности отделения РУП, именуемого здесь «Черноморская свободная громада», молодой революционер был арестован. Правда, через три месяца его выпустили на поруки.

Петлюра перебрался в Киев. Там начинающий политик стал сотрудничать с журналами «Общественная мысль» и «Рада». Но и эта работа продолжалась недолго: Симон вновь переехал во Львов, намереваясь продолжить образование в университете. Этого не случилось, но зато он проучился на курсах украиноведения, которые вел М. Грушевский. Здесь же Петлюра познакомился с И. Франко. Осенью 1905 г. в связи с амнистией он вернулся в Киев и сразу же начал активно участвовать в работе выделившейся из РУП Украинской Социал-демократической рабочей партии (УСДРП), сотрудничая в ее печатных органах. В своих статьях он призывал украинцев бороться за национальное и социальное освобождение. Затем было недолгое пребывание в Петербурге, работа в редакции ежемесячника «Свободная Украина» – и возвращение в Киев, где Петлюра сотрудничал с газетой «Слово» (печатным органом УСДРП), журналом «Украина», был секретарем в газете «Рада». В 1906 г. его избрали делегатом УСДРП на съезд галицкой Украинской социал-демократической партии (УСДП).

В 1909 г. Симон переехал в Москву. Здесь он женился на

Ольге Вельской, и вскоре в молодой семье родилась единственная дочь Александра. Хлеб насущный молодой отец зарабатывал как бухгалтер в страховом обществе «Россия». Одновременно он вместе с А. Саликовским редактировал журнал «Украинская жизнь», в котором активно печатались украинофильские авторы. Перу Петлюры принадлежал ряд литературно-критических очерков о выдающихся деятелях украинской культуры: Т. Шевченко, И. Франко, И. Карпенко-Каром, М. Коцюбинском и др. В период 1912-1914 гг. журнал выходил на русском языке. С началом Первой мировой войны его закрыли, а национальные общества запретили. И напрасно оставшийся не у дел редактор заваливал различные инстанции жалобами: «Украинцы защищают Россию. Мы отдадим государству своих сыновей, братьев, свою жизнь…» Правда, на передовую Петлюра не попал, зато служил во вспомогательной военной организации заместителем уполномоченного на Западном фронте, что позволило ему после Февральской революции возглавить Украинский фронтовой комитет войск Западного фронта. С этого фактически и началась его бурная политическая и военная деятельность.

В марте 1917 г. Петлюра вновь объявился в Киеве и уже в апреле участвовал в работе конференции УСДРП, постановившей поддержать Временное правительство, принцип федеративного устройства Российской республики и требование партии об автономии Украины. В мае Украинский фронтовой комитет Западного фронта делегировал его на 1-й Украинский военный съезд. Находясь тогда еще под влиянием М. Грушевского, стоявшего на позициях автономности Украины в составе Российской республики, Петлюра в своей речи провозгласил: «Не нужно… обособлять судьбу Украины от судьбы России». Правда, на такой позиции он продержался недолго и все больше стал склоняться к «самостийности». Съезд создал Генеральный Военный комитет при Центральной Раде, который и возглавил Петлюра, принял постановление о сохранении фронта и немедленной украинизации армии по национально-территориальному принципу.

После неудачных переговоров с Временным правительством по поводу автономии Украины Центральная Рада приняла свой I Универсал, провозглашавший автономию, и создала Генеральный Секретариат – правительство во главе с В. Винниченко. В его состав вошел и С. Петлюра как генеральный секретарь по военным делам. Вскоре, однако, у него начались конфликты с Винниченко, который не поддерживал идею создания вооруженных сил Украины. После Октябрьского переворота Петлюра сообщил в Главный штаб Российской армии, в военные

части и учреждения, что военная власть в Украине, за исключением фронта, перешла в его руки. Все украинские воинские части, находившиеся вне пределов Украины, переподчинялись местным украинским военным советам с целью возврата их в Украину. Правительство Донской республики отправило тогда украинские части, дислоцированные на Дону, и получило подкрепление для войск генерала Каледина, переправленное через территорию Украины. Это вызвало гнев в Москве, и Ленин предъявил Центральной Раде ультиматум – «Манифест к украинскому народу». Петлюра заявил на это: «Большевики готовят Украинской Народной Республике удар в спину, они сосредотачивают свое войско на Волыни, в Гомеле и Брянске, чтобы идти походом на Украину. Таким образом, украинское правительство вынуждено принять меры для обороны и призвать на помощь армии Вольное казачество». Но опасаясь переворота со стороны высшего офицерства бывшей царской армии, Центральная Рада отказалась от услуг генерала П. Скоропадского, предлагавшего ей свой 1-й Украинский корпус, и по приказу Петлюры 40-тысячный корпус расформировали и отправили на фронт. К нему примкнули и части Вольного казачества.

Тем временем большевики из Харькова начали наступление на Киев, после чего в январе 1918 г. Центральная Рада в своем последнем IV Универсале провозгласила независимость УНР. Этому поспособствовал и разгон большевиками Учредительного собрания, депутатом которого был и Петлюра.

Правда, сам Петлюра в это время уже вышел из состава правительства. Этому предшествовало решение Центральной Рады включиться в переговоры с Германией и Австро-Венгрией в Брест-Литовске с целью пригласить для отпора большевикам войска этих стран. Петлюра был против. Кроме того, у него усилились разногласия с В. Винниченко, который ставил ему в вину «любовь к парадам, к внешним эффектам, его неспособность к организации труда, его некомпетентность в военных делах… и саморекламу». Уйдя с правительственного поста, в январе 1918 г. Петлюра выехал на Левобережье, где создал Гайдамацкий кош. Будучи человеком сугубо штатским, он вдруг ощутил себя полководцем. Все, что могло вдохновлять новых гайдамаков, бралось им на вооружение: желто-голубые знамена, длинные «языки» (красные и черные) на папахах, широкие шаровары, забытые воинские звания – куренной, кошевой атаман, – старые казацкие песни. Самой удачной операцией этого коша стало подавление восстания большевиков в Киеве на заводе «Арсенал». Впоследствии вождь крестьянского движения в Украине Н. Махно

заявил: «Я знаю, что военный министр бывшей Центральной Рады Симон Петлюра во время наступления этих орд на Украину шел в авангарде с гайдамацкими бандами, дико расправляясь с каждым крестьянином и рабочим, которые революционно мыслили». Тем временем войска Центральной Рады 29 января были разбиты под Крутами большевистскими частями Муравьева и оставили Киев. Затем пришли немцы и вытеснили большевиков, не забыв при этом свергнуть слабую власть Центральной Рады и поставить во главе Украины гетмана П. Скоропадского. Тогда же, в апреле 1918 г., Петлюра был избран главой Киевского губернского земства и Всеукраинского Союза земств. Этот Союз находился в открытой оппозиции гетману, критикуя его за антинародную деятельность. В результате в июле Петлюра подвергся аресту по подозрению в антиправительственном заговоре. Четыре месяца он провел в тюрьме, а после освобождения выехал в Белую Церковь, где вошел в состав Директории, возглавляемой Винниченко. Их пути вновь ненадолго пересеклись. То, что Петлюра провозгласил себя Главным Атаманом и взял на себя руководство вооруженной борьбой против гетмана, вызвало сильное раздражение Винниченко.

В декабре 1918 г. войска Директории вошли в Киев. Скоропадский ушел вместе с немцами. Единства в Директории не было, и вскоре она распалась. С февраля 1919 г. Директорию возглавил Петлюра. К этому времени он окончательно перешел с позиций социал-демократии на позиции национализма, выступая за укрепление украинской государственности и создание сильной армии. В своем приказе он требовал: «В воинских частях Украинской армии должны остаться только те казаки и старшины, которые родились на Украине и жили тут постоянно… неукраинцы могут остаться в нашем войске тогда, когда они покажут свое отношение к украинской государственности». Однако времени для этого Петлюре отпущено не было. Украина превратилась в огромный театр военных действий, на котором выступали войска большевиков, Белая армия генерала Деникина, польская армия Галлера и войска Антанты. О любых договоренностях с большевиками не могло быть и речи; Деникин, выступавший «за единую и неделимую Россию», от переговоров отказался; Антанта, поддерживавшая Деникина, тоже, считая при этом Директорию слабой властью.

К лету 1919 г. большевики, опираясь на помощь крестьянских формирований Махно и Григорьева, заняли почти всю Украину. Директория переехала из Киева сначала в Винницу, затем в Проскуров (ныне Хмельницкий), а потом и в Каменец-Подольский. В это время на территории, занятой большевиками,

начали вспыхивать крестьянские восстания, вызванные продразверсткой. Петлюра этой ситуацией воспользовался. Он готовился вместе с войсками ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики) к походу на Киев, хотя ему советовали идти на Одессу. Интересна характеристика одного из петлюровских атаманов М. Капустянского: «Петлюра – человек неукротимой энергии, энтузиаст, верит, хотя иногда только интуитивно, и вливает свою веру в других…» Однако для руководства армией одной интуиции было мало. Поход на Киев закончился провалом. Этому во многом поспособствовали острейшие разногласия с правительством ЗУНР, которое Директория хотела подчинить себе. Тем временем большевики под давлением Деникина уходили с Украины, а Петлюра получил новый фронт – деникинский.

Здесь уместно привести высказывание Петлюры относительно «народной крови»: «Путь освобождения каждой нации густо поливается кровью… Кровью своей и чужой… Кровь заканчивает глубокие процессы национальных эмоций… всего того, что нация и сознательно, и рационально использует для утверждения своего права на государственность. Кровь, пролитая для этой великой цели, не засыхает». Находясь в Каменец-Подольском, Петлюра фактически утратил возможность воздействовать на большинство своих атаманов, занимавшихся в основном бандитизмом. Жизнь человеческая в те годы не стоила ничего. Начались еврейские погромы, поставленные затем в вину самому Петлюре, хотя этим занимались атаманы Ангел, Зеленый, Тютюнник, Булат-Булахович и др. По неполным данным, погибло свыше 80 тыс. евреев. Погромы вызвали возмущение в Европе, что не добавило авторитета Главному Атаману, хотя он сам выступал за их прекращение. Но его призывы остались благими пожеланиями: ситуации Петлюра не контролировал.

Ища выход из сложившейся ситуации после того, как большевики разгромили Деникина и начали наступать на Украину, Петлюра в Варшаве подписал соглашение с поляками, аналогичное договору Центральной Рады с немцами в Бресте: за помощь в борьбе с большевиками полякам отходили Галиция (в том числе Восточная), Западная Волынь и часть Полесья. В апреле 1920 г. польско-украинские части взяли Киев, но уже в мае началось контрнаступление Красной Армии, закончившееся под Варшавой. После подписания в марте 1921 г. между Польшей и большевиками Рижского мира польско-украинский договор потерял силу. Всякие попытки сопротивления армии УНР были подавлены, и ее остатки ушли за р. Збруч, в Польшу, где их разоружили и интернировали.

Находясь в Варшаве, Петлюра продолжил сотрудничество, начавшееся еще в 1920 г., с руководителем русского политического комитета Б. Савинковым, который вел непримиримую борьбу с советской властью. В связи с этим в 1923 г. правительство Советской Украины потребовало от польских властей выдачи Петлюры как «врага трудящихся». Ему с семьей пришлось переехать: Венгрия, затем Вена, Женева и наконец Париж. В годы эмиграции его большой заботой продолжала оставаться армия, сохранение ее боевых порядков как базы для пополнения национальных вооруженных сил. И еще была забота – отношения с Россией. Здесь Петлюра продолжал выступать как неуступчивый, последовательный и бескомпромиссный самостийник-государственник, убежденный противник пророссийской ориентации.

Жизнь Симона Петлюры оборвалась 25 мая 1926 г. В этот день он был застрелен на улице Расина в Париже евреем Самуилом Шварцбартом, мстившим, как он утверждал, за гибель своей семьи и десятков тысяч других, погибших во время погромов. И теперь уже неважно, кто убил – еврей Шварцбарт или, как писала эмигрантская пресса, агент ГПУ Шварцбарт. Неважно, что в его защиту выступили коммунисты СССР и Франции; неважно даже то, что в его защиту свидетельствовал и В. Винниченко. Важно другое. Суд-то был французским, т. е. независимым! А представленные доказательства зверств петлюровцев оказались настолько убедительными, что суд этот оправдал убийцу.

Главного Атамана Симона Петлюру похоронили на Монпарнасском кладбище. Но его дело продолжало жить: во время Второй мировой войны старшины и казаки армии УНР воевали и в рядах дивизии СС «Галичина», и в рядах УПА.

Пирогов Николай Иванович (род. в 1810 г. – ум. в 1881 г.)

Выдающийся хирург, анатом, педагог, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии, новой медицинской дисциплины – топографической анатомии.

В Виннице не так уж много достопримечательностей. Одна из них – музей-усадьба Н. Пирогова, где «чудесный доктор» прожил последние годы. Его имя носит и Винницкий мединститут. Но с тех пор, как он получил статус Национального университета, в местной прессе появились статьи, призывающие переименовать учебное заведение в честь… украинца. Эти украинофилы забывают, что есть имена вне национальностей. Такие люди – гордость всего человечества, а тем более Николай Иванович, который так много сделал для всего мира и Украины в частности. Простые люди называли его благодетелем. Сам же Пирогов считал, что операции, сделанные им в имении под Винницей, были «самыми счастливыми».

Будущий великий хирург родился 26 ноября 1810 г. в Москве. Его отец, коллежский секретарь Иван Иванович, служил казначеем в провиантском депо. В семье Пирогова родилось 14 детей, но восьмеро умерло в младенчестве. Из оставшихся в живых Николай был самым младшим. Семья жила безбедно, и хотя во время нашествия Наполеона их дом сгорел, отец быстро восстановил нажитое. Коленька был всеобщим любимцем в семье.

Небольшого росточка, с жидкими белокурыми волосами, с любопытными, слегка косящими глазенками, которые словно пытались увидеть любую вещь со всех сторон, – он был очень шустрым ребенком. Первыми потрясениями детских лет стала вещающая беды комета и посещение семьи знаменитым профессором медицины Е. Мухиным. С тех пор Николай постоянно представлял себя великим лекарем, а «больных» в угоду любимцу изображали все домочадцы.

Образование он получил сначала дома, а затем в частном пансионе В. Кряжева, который закончил с отличием в 1824 г. К этому времени жизнь семьи резко изменилась. Посыльный, которому отец поручил доставить казенные 30 тысяч рублей, исчез с деньгами, и Пирогов-старший расплатился за это всем своим имуществом и должностью. Обеспокоенный будущим сына, он договорился с Е. Мухиным об индивидуальных занятиях. К тому же отец заручился документом, благодаря которому младшенький «повзрослел» на два года. Так, сдав экзамены не хуже старших товарищей, Николай в 14 лет поступил на медицинский факультет Московского университета. Учился он легко, хотя ему приходилось постоянно подрабатывать, чтобы помочь семье. К счастью для медицины, Пирогову удалось устроиться на должность прозектора в анатомическом театре, что стало первой вехой в его профессиональной карьере.

Николай был нищ, но счастлив. Он сидел на лекциях в шинели, потому что на студенческий мундир денег не было, питался из рук вон плохо, но легко постигал науки и чувствовал, что вскоре сможет обогнать своих наставников. Окончив в 1828 г. университет и получив звание лекаря, Пирогов в числе лучших выпускников был направлен в Дерпт (Тарту), где открылся профессорский институт. И хотя он мечтал заняться физиологией, а на практике лучше всего освоил анатомию, внутренний голос подсказал Николаю выбрать специализацию по хирургии.

Пирогов учился оперировать в те годы, когда не знали причин заражения ран, не было обезболивающих препаратов, когда послеоперационная горячка сводила на нет все мастерство хирурга. Его дни были заполнены до предела: лекции, учебные операции, написание статей и перевод научных работ с немецкого и французского, глубокое изучение литературы и, конечно, анатомический театр, в котором он возился с подопытными собаками, телятами и человеческими трупами. Николай стремительно становился непревзойденным операционным техником, но желание «постичь все», целеустремленность помогали ему делать выводы огромной важности как для теории,

так и для практики хирургии. В доме профессора И. Мойера, где Пирогов проживал и стажировался, его увлеченность воспринимали как чудачество. Даже в обществе, за обеденным столом, не замечая удивленных взглядов, он говорил о трупах, вскрытиях, операциях, сыпал терминами.

В 1832 г. Николай Иванович блестяще защитил докторскую диссертацию о перевязке брюшной аорты, которая стала новым словом в хирургии. А его сочинение на тему операций на сосудах было удостоено золотой медали, и так в двадцать шесть лет Пирогов стал профессором хирургии. Он отправился в Берлин, чтобы учиться дальше, но оказалось, что тамошние светила хирургии поспешно читали его диссертацию, переведенную на немецкий. Единственное, что перенял молодой ученый, – чистоту хирургических приемов геттингенского профессора Лангенбека.

Возвращаясь домой в 1835 г., Пирогов тяжело заболел и был оставлен для лечения в Риге. Но, едва выздоровев, он начал оперировать: провел редчайшую ринопластическую операцию, выкроив безносому цирюльнику новый нос; затем последовали литотамии (удаление камней), ампутации, удаления опухолей. Тем временем обещанную ему московскую кафедру отдали другому кандидату, и в ожидании новой должности Николай Иванович работал в петербургских больницах, читал врачам курс хирургической анатомии – новой науки, которую он разрабатывал. В 1836 г. И. Мойер передал бывшему ученику свою клинику в Дерпте, и вскоре его утвердили профессором хирургии Дерптского университета.

Слава о чудесном хирурге быстро распространилась по всему краю. Люди приезжали к Пирогову за помощью, а во время отпуска он сам ездил по небольшим городам, деревням и оперировал больных. Врач всегда безотказно помогал людям. Чудесным доктором звали в народе Николая Ивановича, а пасторы в своих проповедях прославляли его как научное хирургическое чудо.

Пирогов даже внешним обликом, привычками мало походил на старую профессуру. Порывистый, быстрый, увлекающийся, он всегда был искренен в своих поисках истины. Своим девизом Николай Иванович сделал абсолютную научную честность. «Я положил себе за правило, при первом моем вступлении на кафедру, ничего не скрывать от моих учеников», – говорил он. Так, всего через год практики Пирогов выпустил «Анналы хирургического отделения клиники Дерптского университета…», где впервые в истории медицины опубликовал скрупулезный анализ врачебных ошибок, в том числе и собственных. И. Павлов назвал «Анналы…» подвигом. Но самым значительным

сочинением Николая Ивановича в дерптский период стала «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций» (1837-1839 гг.). Этот труд Российская Академия наук удостоила Демидовской премии. Именно с него начинается созданная Пироговым новая наука – хирургическая анатомия. Величайшей заслугой Николая Ивановича в области хирургии является именно то, что он прочно и навсегда закрепил связь анатомии с хирургией и тем самым обеспечил последней прогресс и развитие в будущем.

Однако Пирогову казалось, что он еще не всему научился. Николай Иванович отправился во Францию, но в парижских клиниках и госпиталях не нашел ничего нового для себя. А знаменитого профессора хирургии и анатомии Вельпо он застал за чтением своей «Хирургической анатомии…», которая была переведена на все европейские языки, в том числе и на русский (языками оригинала были латынь и немецкий). Теперь, когда имя Пирогова уже было известно всей Европе, ему предоставили кафедру в Медико-хирургической академии в Петербурге (1841 г.), которая находилась в подчинении военного ведомства.

Не мысля хирургии без ежедневной практики, без оказания реальной помощи страждущим, Николай Иванович потребовал и получил в свое распоряжение военно-сухопутный госпиталь, который превратил в специализированную клинику госпитальной хирургии. Он стал первым в России профессором этого направления. Развитием этой специализации в хирургии медицина также обязана Пирогову. С академией и клиникой были связаны 15 лет неутомимого труда, поисков, открытий. Так как в обязанности Пирогова входило обучение военных хирургов, он в корне переработал многие хирургические методы и разработал ряд совершенно новых приемов, благодаря чему ему удавалось чаще, чем другим хирургам, избегать ампутации конечностей. Один из таких приемов до настоящего времени называется «операцией Пирогова».

Николай Иванович обладал не только несравненной и разнообразной техникой операций, но и имел необыкновенный дар преподавателя. На его лекциях в аудитории негде было яблоку упасть: их посещали не только студенты-медики, но и литераторы, чиновники, военные, художники, инженеры и даже дамы. Лекции Пирогова газеты и журналы того времени сравнивали с концертами прославленной итальянской певицы Каталани – так вдохновенно он говорил о разрезах, швах, гнойных воспалениях и результатах вскрытия.

Пирогов сделал хирургию наукой, разработал систему профилактики заражений, провел серию необычайно смелых

операций, создал первый Анатомический институт и выступил с идеей пластических операций. Неутомимый исследователь дал классическое определение шока, изучил клинику тромбофлебитов, сепсиса, сотрясение мозга, местную асфиксию ткани, газовый отек, выделил особую форму «раневой чахотки». Фактически нет отдела хирургической патологии, всесторонне и объективно не изученного им. В лечении ран и воспалительных процессов Пирогов вплотную приблизился к антисептике, являясь, таким образом, предтечей Листера. Он также высказал мысль, что зараза передается от одного больного к другому. В борьбе с госпитальными инфекциями врач выдвинул на первый план чистый воздух и гигиенические мероприятия. Знаменитым стало его изречение: «Будущее принадлежит медицине предохранительной». Пирогов задолго до появления специального учения о витаминах понял значение дрожжей, моркови, рыбьего жира при лечении раненых и больных и выдвинул идею лечебного питания.

Когда Николая Ивановича назначили директором Инструментального завода, он разработал инструменты, которыми любой хирург сделает операцию качественно и быстро. Впервые в мире неутомимый исследователь создал образцовые по точности анатомические атласы. Свои исследования он проводил на замороженных трупах, распиливая их специальной пилой. Сам Пирогов называл это «ледяной анатомией». Атласом «Топографическая анатомия, иллюстрированная разрезами, проведенными через замороженное тело человека в трех направлениях» (в 4-х тт., 1851-1854 гг.) он положил начало новой науке, ставшей основой операционной хирургии и незаменимым руководством для врачей-хирургов. Хирург В. Разумовский о замороженных распилах писал: «Его гений использовал наши северные морозы на благо человечества. Пирогов с его энергией, свойственной, может быть, только гениальным натурам, приступил к колоссальному анатомическому труду… И в результате многолетних, неусыпных трудов – бессмертный памятник, не имеющий себе равного. Этот труд обессмертил имя Пирогова и доказал, что русская научная медицина имеет право на уважение всего образованного мира».

Помимо многочисленных официальных должностей и обязанностей, Пирогов консультировал и оперировал в больницах для бедных, «почитая это своей первой и священной обязанностью». К нему со всех сторон тянулись люди, нуждавшиеся в помощи, но было у него и немало завистников и врагов, которым пришлись не по душе рвение и бескорыстие врача. Посвящая всего себя медицине, Пирогов долгое время не

имел семьи. Правда, у него был горький опыт: когда Николай Иванович хотел жениться на дочери своего учителя Мойера, им побрезговали. А он так нуждался в любви и счастье. В 1842 г. его избранницей стала Екатерина Дмитриевна Березина, девушка из родовитой, но сильно обедневшей семьи. Но она умерла на четвертом году супружества, оставив Пирогову двух сыновей, Николая и Владимира, стоившего ей жизни. При такой загруженности отца мальчики нуждались в матери. И ею стала «девушка с убеждениями», зачитывавшаяся статьей Пирогова об идеале женщины, много и серьезно размышлявшая о жизни, любящая детей – двадцатидвухлетняя баронесса Александра Антоновна Бистром. Теперь великий хирург мог всецело отдаться работе.

В 1846 г. произошло первое испытание эфирного наркоза. И хотя первенство здесь принадлежало Ф. Иноземцеву, именно Пирогов, отточив методику на животных, сделал наркоз достоянием широкой хирургии. А принимая участие в военных действиях на Кавказе, он первым в истории медицины начал оперировать раненых на поле боя с эфирным обезболиванием. Пирогову также принадлежит идея внутривенного наркоза, которая впоследствии была претворена в жизнь.

Но самой большой заслугой врача перед родиной, мировой хирургией, перед русской армией считают заложенные им основы военно-полевой медицины. Пирогов был участником четырех войн: Кавказской (1847 г.); Крымской (1853-1855 гг.); франко-прусской (1870 г.); русско-турецкой (1877 г.). На двух последних он побывал по предложению Красного Креста с целью обзора госпиталей. Но свой огромный опыт, ставший основой всей современной врачебной помощи раненым на поле сражения и изложенный в классических произведениях «Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции» (1865-1866 гг.) и «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии» (1879 г.), Николай Иванович приобрел в Севастополе. Когда в 1853 г. началась Крымская война, он счел своим гражданским долгом отправиться в действующую армию. Вместе с ним прибыла и созданная впервые в мире группа сестер милосердия – Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых и больных. Николай Иванович поручил женщинам не только уход за больными, но и весь надзор за госпиталями. Он был убежден, что «великое женское участие» спасет жизнь сотням солдат и офицеров. И не ошибся.

Оперируя раненых, Пирогов впервые в истории медицины

применил налепную алебастровую (т. е. гипсовую) повязку, которая позволила ускорить процесс заживления переломов и избавила многих солдат и офицеров от уродливого искривления конечностей.

Но важнейшей заслугой Пирогова стало внедрение в Севастополе сортировки раненых на четыре категории. Безнадежным – успокаивающие средства, нежная забота сестер и священник. Неотложным – срочная операция. Уход и наблюдение – тем, кто может повременить с операцией, легко раненным – перевязка и помощь фельдшера. Таким путем он избежал хаоса, дотоле творившегося на перевязочных пунктах. Пирогов сделал вывод: «Не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны». В письмах жене, которые окрестили «Севастопольскими письмами» и которыми зачитывалась вся Россия, он писал, что ведет на войне две войны. Одну против неприятеля, другую – с воровством, бюрократизмом, преступным равнодушием командования, чтобы спасенные им люди не погибали от голода, холода и чудовищной антисанитарии.

О Пирогове во время Крымской войны Некрасов писал в «Современнике»: «…нет солдата под Севастополем (не говорим об офицерах), нет солдатки или матроски, которая не благословляла бы имени г. Пирогова». Великий хирург спас тысячи раненых, добился создания сборных прифронтовых госпиталей, разработал «хирургический конвейер», делавший за семь часов по сто ампутаций. Покидая город, он сказал: «Все, что я в состоянии был сделать, я сделал для Севастополя».

Пирогов, который по справедливости считается отцом русской хирургии, был человеком предельной честности и поэтому, вернувшись в Петербург после падения Севастополя и будучи на приеме у Александра II, доложил о бездарном руководстве армией князем Меньшиковым. Николай Иванович впал в немилость и был вынужден уйти из академии. Внезапный уход гениального хирурга и блестящего анатома в отставку для многих был неожиданностью. Говорили, будто Пирогов пришел к выводу, что нельзя лечить больных, когда больно само общество. Имея солидный педагогический опыт, он уже давно присматривался к системе воспитания в России. А его трактат «Вопросы жизни» (1856 г.) поднимал задачи воспитания человека нового поколения. Главной целью этой и других статей Пирогова, по его собственным словам, была забота «о соглашении школы с жизнью, о свободе научного исследования, о возбуждении в учащихся уважения к человеческому достоинству и к истине».

В 1856 г. Николай Иванович был назначен попечителем

Одесского учебного округа, и с тех пор его жизнь и деятельность была связана с Украиной. Пирогов поселился в своем имении «Вишня» неподалеку от Винницы, но здесь его невозможно было застать. Почтенная и безмятежная жизнь была не для Николая Ивановича. Только за первый год службы он трижды объехал все школы Новороссийского края, радуя учителей и их воспитанников своим вниманием и изводя власти. Генерал-губернатор считал деятельность Пирогова откровенным подрывом государственных устоев и был счастлив, когда благородного, искреннего, независимого и честного человека перевели в Киевский учебный округ (1858 г.). И здесь Пирогов пытался изменить существовавшую систему школьного образования. Действуя с обычной стремительностью, он начал создавать бесплатные воскресные школы для взрослых и детей, которые сразу же завоевали признание. Первая такая школа открылась в Киеве на Подоле в 1859 г. Своей деятельностью ученый мешал устоявшимся порядкам и традициям, и его отправили в отставку.

Казалось, теперь Пирогов уже окончательно поселился в имении, приобретенном еще пять лет назад. Он активно занялся сельским хозяйством и лечением крестьян окрестных деревень. Как рачительный хозяин, прежде всего Николай Иванович привел в порядок усадьбу, построил две плотины, мельницу, ледник, посадил две березовые рощи, разбил виноградник, занялся селекцией хлебных злаков. Выращенные им пшеница и рожь оказались очень урожайными, их хвалили и называли «пироговскими», чем он весьма гордился. Тогда же Пирогов создал сельскую аптеку и больницу на тридцать-сорок коек – первые в Подольском крае. Лекарства бедным людям выдавал бесплатно, да и за операции денег не брал. Теперь селяне, ранее и не мечтавшие о враче, лечились у самого Пирогова.

Но деятельному человеку было тесно в сельских рамках. В 1862-1866 гг. Николай Иванович руководил стажировкой молодых ученых в Германии. Среди них были и такие известные в дальнейшем деятели наук, как Н.О. Ковалевский, А.Г. Столетов, И.А. Востоков, А.А. Потебня, И.И. Мечников. И вновь с юношеской горячностью именитый профессор за несколько месяцев успел изучить состояние образования в 25 европейских университетах. Свои наблюдения и выводы он изложил в обширных статьях «Письма из Гейдельберга». В этот же период, в 1862 г. по просьбе подопечных студентов он прооперировал раненого героя итальянского народа Гарибальди. Никто из самых знаменитых врачей Европы не смог отыскать засевшую в его ноге пулю. Извлечь ее и вылечить Гарибальди удалось только Пирогову.

После покушения на Александра II в стране усилилась реакция. Свободолюбивому профессору прервали заграничную командировку и уволили без права пенсии. Теперь уже навсегда он поселился в Вишне. Свою сельскую хирургическую практику Пирогов называл «счастливой», потому что, использовав весь свой богатейший опыт, ему удалось практически полностью свести на нет послеоперационные осложнения, инфекции и следовательно, смертность. Только франко-прусская, а затем русско-турецкая войны 70-х гг. да поездка в 1881 г. в Москву, где праздновался пятидесятилетний юбилей деятельности великого врача и гражданина, на короткое время оторвали Николая Ивановича от «Счастливой Вишни».

В последние годы помимо врачевания, общественных и домашних дел Пирогов, подводя итоги всего жизненного пути, писал книгу «Вопросы жизни. Дневник старого врача». Это размышления о бытии, Вселенной, религии, Боге, о назначении человека в жизни. Это кодекс жизненных правил, главное из которых – стремление к истине. В книге Пирогов выступает как мыслитель и философ. Он признается: «Быть счастливым счастьем других – вот настоящее счастье, вот жизни земной идеал». Воспоминания-исповедь, которые поражают обилием мыслей, их гармоничностью и цельностью, остались незавершенными. 23 ноября 1881 г. Пирогов скончался.

Незадолго до смерти гениальный ученый сделал еще одно открытие – предложил совершенно новый способ бальзамирования умерших. До наших дней забальзамированное тело всемирно известного хирурга бережно сохраняется в склепе часовни-усыпальницы, специально построенной на сельском кладбище по проекту академика архитектуры В.И. Сычугова. Имение Пирогова в селе Вишня (ныне в черте Винницы) превращено в музей. А вот открытия, сделанные Николаем Ивановичем в медицине, не стали музейными экспонатами, потому что самоотверженным и часто бескорыстным трудом он превратил хирургию в науку и вооружил врачей научно обоснованной методикой оперативного вмешательства.

Порошенко Петр Алексеевич (род. в 1965 г.)

Секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины. Активный участник оппозиции и «помаранчевой революции» 2004 года.

Свой первый миллион он заработал в 25 лет. Это была консультационная компания из пятерых студентов Института международных отношений по предоставлению услуг по внешнеэкономической деятельности. Прибыль в 1990 г. составила 1 152 000 советских рублей.

Петр Порошенко родился 26 сентября 1965 г. в г. Болграде Одесской области. После окончания школы поступил на факультет международных отношений и международного права Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Во время обучения в университете был призван на два года на службу в Вооруженные Силы.

В 1989 г. закончил учебу с отличием по специальности «экономист-международник».

В течение следующих двух лет Порошенко – аспирант кафедры международных отношений и международного права; защитил диссертацию, получил научную степень кандидата экономических наук.

С 1991 по 1993 г. Порошенко работает генеральным директором АО «Биржевой дом "Украина"»; с 1993 по 1998 г. –

генеральный директор ЗАО «Украинский промышленно-инвестиционный концерн».

В 1996-1998 гг. – глава наблюдательного совета ОАО «Завод "Ленинская кузница"», глава наблюдательного совета Винницкой кондитерской фабрики.

Порошенко – народный депутат Украины третьего и четвертого созывов. На парламентских выборах 1998 году он получил депутатский мандат в мажоритарном округе, входил в парламентскую фракцию Социал-демократов (объединенных), даже был избран членом политбюро «Партии красной розы», как называют СДПУ(О) по ее эмблеме.

В начале 2000 г. Порошенко оставил СДПУ(О) и создал собственную левоцентристскую фракцию «Солидарность», а со временем – Партию солидарности Украины. Последняя осенью того же года вошла в Партию регионов Украины. Порошенко стал сопредседателем образованной партии, а в марте 2001 г. – заместителем председателя Партии регионов Украины.

В декабре 2001 г. партия «Солидарность» вошла в избирательный блок «Наша Украина», а Петр Алексеевич стал руководителем избирательного штаба блока. В 2002 г. он был избран народным депутатом Украины по одномандатному избирательному округу с 49,99 % голосов. Порошенко – председатель парламентского комитета по вопросам бюджета.

Послужной список П. Порошенко немалый. Он – президент ОАО «Завод "Ленинская кузница"», глава совета АКБ «Мрия», заместитель председателя Совета Национального банка, член Комитета Парламентской Ассамблеи Совета Европы по юридическим вопросам и правам человека, заместитель члена Комитета в Парламентской Ассамблее Совета Европы по экономическим вопросам и развитию, член Координационного совета Украины при Президенте Украины по вопросам функционирования рынка ценных бумаг.

Порошенко награжден орденом «За заслуги» II и III степени, Почетной Грамотой Верховной Рады; он лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники.

А в народе его называют просто – «шоколадный король». Красивое название – Рошен (ПоРОШЕНко) – придумала его жена. Они познакомились в университетском общежитии, куда Марина Переведенцева, студентка третьего курса медицинского института, пришла с друзьями на дискотеку. Встречаться начали через полгода; их роман был феерическим, бушующим, который, по выражению Марины Анатольевны, «украсил» немалым количеством седины их родителей. Через год они вступили в брак, в 1985 году родился сын Алексей. Теперь супруги

воспитывают четверых детей: в 2000 г. родились дочурки-близнецы Евгения и Александра. Крестили девочек Виктор Ющенко и Оксана Белозир. Петр Алексеевич тогда сознался, что он «горд тем, что стал первым действующим парламентарием независимой Украины, у которого родилась двойня!». В 2001 г. родился маленький Михаил.

Глава в их семье, безусловно, Петр Алексеевич. Раньше, припоминает жена, он еще настаивал, чтобы вопрос относительно ремонта, приобретения мебели или картин с ним как-то согласовывали, но со временем все больше стал полагаться на нее. Детей Петр очень любит, и те нечастые минуты, когда может поиграть с малышней, восстанавливают его лучше, чем любая сауна, массаж, аутотренинг.

В молодости Петр Алексеевич увлекался дзюдо, был кандидатом в мастера спорта. Теперь, когда есть время, играет в теннис. Любит живопись, особенно импрессионистов, музыку – Руслану, «Океан Эльзы», «Мандры», «ВВ», «Машину времени», А. Розенбаума, Оксану Белозир. Ему очень нравится клип Оксаны Белозир «Лелеки», в котором снялись его дочурки.

Особых традиций в их семье нет. Любят путешествовать, и на день рождения жены Петр Алексеевич дарит ей новые впечатления. Все праздники, дни рождения обязательно отмечают вместе. Осенью 2004 г. традицией стал Майдан. Они жили всем, что было с ним связано.

19 февраля 2005 г. был опубликован Указ президента Ющенко «О некоторых вопросах организации деятельности Совета национальной безопасности и обороны Украины». П. Порошенко стал секретарем Совета и по должности – советником Президента Украины по вопросам национальной безопасности и обороны. Этим указом Секретарю СНБОУ предоставляются очень широкие полномочия. В частности, он может инициировать неотложное рассмотрение Кабмином вопросов выполнения решений СНБОУ; принимать участие в заседании Кабинета Министров Украины с правом совещательного голоса; согласовывать проекты актов Президента Украины по вопросам национальной безопасности и обороны; давать поручения органам исполнительной власти и обращаться к ним с соответствующими запросами, направленными на обеспечение выполнения решений СНБОУ; ставить вопросы относительно ответственности должностных лиц; вносить в установленном порядке предложения по кандидатурам на должности в силовых структурах, высших судах и т.п.; согласовывать предложения относительно кандидатур на должности в органах государственной власти, деятельность которых связана с

вопросами национальной безопасности и обороны и т.п. Указом также ликвидирован Координационный комитет борьбы с коррупцией и организованной преступностью при Президенте Украины. Его полномочия переданы СНБОУ. При таких полномочиях именно секретарь СНБОУ становится правой рукой Президента Украины и может «поставить на место» любое должностное лицо в государстве.

Интересен перечень лиц, которые входят в состав СНБОУ. Это Виктор Ющенко – Президент Украины, Председатель Совета, Петр Порошенко – секретарь, Владимир Литвин – Председатель Верховной Рады (по согласованию), Юрий Луценко – министр внутренних дел, Василий Маляренко – Председатель Верховного суда (по согласованию), Святослав Пискун – Генеральный прокурор, Владимир Стельмах – глава Нацбанка (по согласованию), Борис Тарасюк – министр иностранных дел, Юлия Тимошенко – премьер-министр, Александр Турчинов – глава Службы безопасности. Всего двенадцать человек. Учитывая то, что главой СНБОУ является президент Ющенко, Петру Порошенко необходимо приложить много сил и старания, чтобы доказать, что на эту должность он назначен не случайно.

Уровень влияния секретаря СНБОУ на ситуацию в стране и на принимаемые ключевые решения, по большому счету, определяется не командой, не конституционными полномочиями, а степенью доверия, которое существует между ним и президентом, а также масштабом личности, которая занимает этот пост.

Потебня Александр Афанасьевич (род. в 1835 г. – ум. в 1891 г.)

Выдающийся украинский и русский филолог, психолог, славист, этнограф, фольклорист, теоретик литературы, переводчик. Первый крупный теоретик лингвистики. Один из основоположников украинского и русского языковедения и психологического направления в славянском языкознании. Профессор Харьковского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1877 г.). Основатель Харьковской лингвистической школы. За свои научные труды отмечен премиями, двумя золотыми Уваровскими медалями и золотой Константиновской медалью Академии наук.

«Обстоятельства моей жизни предопределили то, что в научной моей работе исходным пунктом моим, иногда заметным, иногда неприметным для других, был украинский язык и украинская народная словесность. Если бы этот исходный пункт и связанное с ним чувство не были мне даны и если бы я вырос вне связи с легендой, то, кажется мне, вряд ли я стал бы заниматься наукой». Эти слова принадлежат знаменитому филологу А.А. Потебне, который считал, что его склонность к языкознанию была наследственной чертой. Афанасий Егорович Потебня-старший, когда служил на Кавказе под командованием декабриста Н. Муравьева, в совершенстве овладел турецким, персидским,

хорошо знал армянский. А его брат Харитон занимался арабским, персидским языками и несколькими горскими наречиями.

После отставки Афанасий Егорович вернулся в свое бедное поместье – хутор Манево близ села Гавриловка (Полтавская обл.) и женился на младшей дочери соседа-помещика, Марии Ивановне Марковой. 22 сентября 1835 г. у них родился сын Александр. Когда мальчику исполнилось два года, хутор продали и семья переехала в Ромны. Здесь отец получил хорошо оплачиваемую должность смотрителя императорских конюшен и казенную квартиру, и пока Саше пришло время начать учебу, у него было уже три брата. Всех детей сразу после рождения отец записывал в кадетский корпус, но первенца было решено отдать в гимназию в польском городе Радоме (1844 г.).

Худенький белобрысый паренек занимался прилежно и учебу закончил с серебряной медалью. Будущему лингвисту особенно легко давались языки: польский, русский, старославянский, латынь, греческий, французский, немецкий. А вот украинский в школе не учили – Саша знал его благодаря бабушке по материнской линии, у которой подолгу гостил на Полтавщине. Когда встал вопрос о дальнейшей судьбе 16-летнего юноши, Н. Муравьев, под чьим началом служил когда-то Потебня-старший, предложил взять его к себе адъютантом. Но многочисленная родня постановила, что он должен продолжить учебу.

В 1851 г. Александр поступил на юридический факультет Харьковского университета, а через год, увлекшись украинским фольклором, сменил его на историко-филологический. И хотя в университете было запрещено преподавание родного языка, выпускную работу на тему «Первые годы войны Хмельницкого» Александр написал на основе украинских летописей, народных песен и других фольклорных материалов. За нее он стал «кандидатом университета» (1856 г.) и получил право преподавать российскую словесность – вначале в 1-й городской гимназии, а затем в университете. Через два года Александр имел звание магистра. В его диссертации выразительно проявилась склонность автора к этнографии. Народное творчество он рассматривал в единении с бытом, обычаями, обрядами. В дальнейших работах Потебни фольклор и этнография неразделимы («О купальских огнях и сродных с ними представлениях», 1867; «Объяснение малорусских и сродных с ними песен», 1883 г.), а основой для них служили собственные экспедиционные наблюдения – преимущественно по Харьковщине и Полтавщине. Александр не только изучал народные песни, но и сам прекрасно их исполнял, играл на различных музыкальных инструментах.

С первых же лет преподавательской деятельности Потебня стал одним из создателей и активным членом культурно-просветительской организации «Харьковская громада». Х. Алчевская вспоминала, что в те годы Александр выделялся античным профилем, светло-золотистыми волосами и вдохновенным взглядом голубых глаз. Она писала: «Он привлекал к себе самое пламенное внимание молодежи, а когда говорил нам о историческом прошлом нашей родины, о нашей песне, о нашей поэзии и призывал нас к изучению ее, к любви к ней, каждый из нас клялся в эти минуты посвятить родине все свои силы, отдать ей всю жизнь».

Так же увлеченно Потебня относился к идее народного образования. Он создал для воскресных школ «Букварь», который, как и большинство учебников и книг того времени на украинском языке, так и не увидел свет.

А вот работа молодого ученого «Мысль и язык» (1862 г.) дала ему возможность возглавить кафедру сравнительного языковедения. Согласно Потебне, язык – это деятельность, орган, который образует мысль. Все отношения человека к внешним предметам обусловлены тем способом, каким эти предметы представляются ему в языке. Каждый народ очерчен кругом своего языка, и выйти из этого круга он может, только перейдя в другой. Большое внимание автор уделил психологической проблеме соотношения познания мира и самопознания, показав исторический характер самопознания, выраженный через отношение человека к прошлому и будущему.

Но прежде чем приступить к новым обязанностям, адъюнкт Потебня был командирован университетом за границу. Свои занятия в Германии, Чехии, Австрии он подчинил подготовке к преподаванию индоевропейских языков. Александр Афанасьевич, кроме родных украинского и русского, знал ряд древних и новых языков (старославянский, латинский, санскрит, немецкий, польский, литовский, латышский, чешский, словенский, сербохорватский). Но новые знания вдали от родины не радовали его, и, «на удивление чиновников министерства», через год он самовольно вернулся в Харьков.

Знакомые отмечали, что Потебня стал замкнутым, молчаливым. Его угнетало семейное горе – умер брат Петр и погиб в бою на стороне польских повстанцев брат Андрей, который был одним из руководителей тайной организации Комитет российских офицеров в Польше. Да и по научным изысканиям правительство нанесло сильнейший удар: Валуевский циркуляр запретил украинское печатное слово. И все работы по отечественной диалектологии выходили на русском

языке («О звуковых особенностях русских наречий. С приложениями образцов менее известных малорусских говоров», 1865 г.; «Записки о малорусском наречии», 1870 г.).

Но работы Потебни несли такой новаторский заряд, рассматривая язык и слово в историческом развитии, что снискали ему славу «философа языка». «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий», 1865 г.; «Два исследования о звуках русского языка», 1864-1865 гг.; «О доле и сродных с ней существах», 1867 г.; разбор книги П. Житецкого «Обзор звуковой истории малорусского наречия», 1876 г.; разбор «Народных песен Галицкой и Угорской Руси», 1878 г.; «Язык и народность», издана посмертно в 1895 г. – вот неполный перечень научных разработок ученого. Потебня отличался необычайной широтой научных интересов и энциклопедическими знаниями. Он рассматривал язык как важнейший компонент духовной жизни народа, его культуры и был крупным и оригинальным ученым синтетического склада, совместившим в себе философа, языковеда, историка литературы, исследователя фольклора и мифологии, принадлежащим в равной степени украинской и русской науке. Язык понимался им как деятельность, в процессе которой беспрерывно происходит обновление языка, изначально заложенного в человеке в качестве творческого потенциала, и трактовался как средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее.

А исследования обрядовой поэзии, мифов, песен славянских народов, выводы, которые ученый сделал при сопоставлении поверий и обычаев русских и украинцев, до сих пор являются основополагающими для современных исследователей: фольклористов, искусствоведов, этнографов, историков культуры.

В 1874 г. Потебня защитил докторскую диссертацию «Из записок по русской грамматике» (тт. 1-2). Эта работа поставила ученого в ряд ведущих филологов своего времени и обеспечила ему авторитет в науке. В ней на огромном фактическом материале он объяснял множество различных языковых явлений, прослеживал историю и становление отдельных грамматических категорий (существительное, прилагательное, глагол) и показывал исторические изменения в структуре украинского, русского и других славянских языков. Много внимания автор уделял и вопросам словообразования. Он исследовал эту тему на протяжении всей жизни. Потебня рассматривал слово как единство трех элементов: звучания, мысли, которую оно рождает в нашем сознании, и той вещи, о которой мы мыслим. Из этого вытекает, что слово не выражает, а формирует и направляет мысль, – так и литература заставляет нас пережить ее

содержание, хотя прямо его не называет. И рождается она так же, как народ создавал слова, как их все время создают дети. Например, когда-то человек увидел зверя, который ел мед – и назвал его «медведь».

Авторитет Потебни в научных кругах и среди студентов, огромные объемы исследований и преподавательская работа не помешали ему совершенно безвозмездно, из любви к своему университету заняться делом, далеким от его научных интересов, – заведованием музеем изобразительного искусства, который за несколько лет был превращен им в настоящий храм искусства.

В середине 1870-х гг. в личной жизни Александра Афанасьевича произошли серьезные изменения. «Харьковский отшельник» вступил в гражданский брак с замужней женщиной. Мария Францевна, дочь известного в Харькове издателя и продавца книг Ф. Зеленского, была несчастна в замужестве за богатым полтавским помещиком М. Ковалевским. Развода она не получила, да и сына ей муж не отдал. А вот семейная жизнь с Александром Афанасьевичем сложилась счастливо для обоих. Мария Францевна вернула его в круг друзей, создала прекрасные условия для научной деятельности, а подраставшие сыновья – Александр и Андрей – радовали отцовское сердце.

В 1880-1890-х гг. Потебня вновь сосредоточился на вопросах поэтики, истории литературы, этнографии и фольклора. Интересна история создания работы «Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка» (1894 г.). Александр Афанасьевич был чудесным лектором. Его оживленное изложение всех серьезных тем часто переходило в увлекательный диалог со слушателями. И однажды женский кружок обратился к профессору с просьбой прочесть курс лекций «Об отношении поэтических сочинений к слову». Эти лекции «вокруг чайного стола» и легли в основу великолепного исследования о слове и образе. А писатель и историк Д. Яворницкий изобразил своего неординарного учителя в образе профессора Хмары в повести «За чужой грех».

Известен Александр Афанасьевич и как издатель, редактор и переводчик. Он отредактировал и подготовил к печати сочинения в четырех томах Квитки-Основьяненко (1887-1890 гг.), написал вступление и обширные примечания к «Слову о полку Игореве» (1887 г.), редактировал и опубликовал фольклорные материалы и поэзии И. Манжуры (1888 г.). К каждой работе он подходил в первую очередь как языковед. Так, к текстам П. Гулака-Артемовского (1883 г.) ученый добавил «Указатель вариантов», а во вступлении рассмотрел особенности авторского правописания.

Последней работой Потебни-издателя стали «Малороссийские домашние лечебники» (1890 г.).

Ученый-украинец, великолепно владевший древними и современными языками, вынужден был вести преподавание и писать научные труды на русском. И только поэтический перевод «Одиссеи» Гомера свидетельствует, что Потебня был одним из лучших знатоков украинского языка. Его перевод был более естественным, и в большей степени соответствовал стилю оригинала, нежели русский перевод В. Жуковского. К сожалению, эта работа, как и многие научные труды, осталась незавершенной.

В 1890 г. здоровье Александра Афанасьевича резко ухудшилось, и он был вынужден вначале сократить количество лекций, а затем и вовсе приглашать студентов домой. 11 декабря 1891 г. Потебня скончался и был похоронен на харьковском городском кладбище. Его работу продолжили участники созданной им харьковской лингвистической школы (В. Лезин, Б. Ляпунов, В. Харциев), друзья-коллеги (Д. Багалей, М. Дринов, М. Сумцов). Они при неутомимой помощи Марии Францевны подготовили и издали «Из лекций по теории словесности» и третий том «Из записок по русской грамматике» (1899 г.). А вот четвертый том был упорядочен и подписан в печать только в первые дни Великой Отечественной войны и отпечатан в блокадном Ленинграде. После смерти ученого, в 1914 г., увидела свет и еще одна замечательная научная работа, посвященная творчеству его выдающихся современников – Л. Толстого и Ф. Достоевского.

Еще при жизни Александру Афанасьевичу были присуждены золотая Уваровская медаль (дважды) и золотая Константиновская медаль как признание его неоценимого вклада в науку. И память выдающегося ученого впоследствии была увековечена: имя А.А. Потебни присвоено Институту языкознания АН УССР и одной из улиц города Харькова. Достойны памяти отца и сыновья. Андрей Александрович – ученый-биолог, возглавлял кафедру ботаники Харьковского университета. Александр Александрович, как один из выдающихся ученых-электротехников, руководил Харьковским технологическим, а затем электротехническим институтами и участвовал в разработке плана ГОЭЛРО.

Исследования Александра Афанасьевича Потебни в области взаимоотношения языка и нации, языка и мышления, происхождения языка, философии языкознания, а также его взгляды на мифологию, фольклор и литературу получили дальнейшее развитие и по-прежнему вызывают огромный интерес филологов, философов, этнологов и лингвистов.

Прокопович Феофан (род. в 1681 г. – ум. в 1736 г.)

Выдающийся церковный и общественный деятель, ученый, публицист, поэт, теоретик литературы, переводчик, комментатор. Автор юридических, исторических и педагогических сочинений. Один из образованнейших людей своего времени, сыгравший важную роль в создании Российской Академии наук.

В предпоследний день августа 2002 г. в Петергофе прошел очередной праздник – день восстановленного фонтана «Самсон», которому исполнилось 55 лет. Самсон, раздирающий пасть льва, – несомненно, главный персонаж Большого каскада – аллегория победы русской армии над шведскими захватчиками под Полтавой. Возникновение этой аллегории имеет реальную историческую основу. 22 июля 1709 г., меньше чем через месяц после Полтавской победы, знаменитый проповедник и просветитель Феофан Прокопович в присутствии Петра I произнес в киевском кафедральном соборе речь «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войском свейским победе». В этом «Слове» Прокопович, обладавший незаурядным поэтическим даром, впервые сравнил Петра с Самсоном. Такое отождествление было подсказано тем, что Полтавская битва произошла 27 июня, т.е. в день святого Сампсона Странноприимца. Используя сходство имен, Феофан Прокопович сказал, что в день баталии Петр, «аки второй Самсон», «растерзал еси льва Свейского».

Родился будущий церковный и государственный деятель 8 июня 1681 г. (по другим данным, 1677 г.) в Киеве в небогатой купеческой семье и при крещении был наречен Елиазаром. После скорой смерти родителей мальчика взял на воспитание дядя по матери Феофан Прокопович, ректор Киево-Могилянской коллегии (с 1701 г. – академии) и наместник Киево-Братского монастыря. Возможно, с тех пор Елиазар уже носил девичью фамилию матери – Прокопович вместо отцовской – Церейский.

С помощью дяди он поступил в Киево-Могилянскую коллегию, где стал изучать русский и латинский языки. По окончании коллегии в 1698 г. по обычаю того времени юноша отправился за границу для завершения образования в польских училищах. Там он принял униатство и был пострижен в монахи с именем Елисея. Принятие униатства составляло тогда неизбежное условие заграничного образования для православных. Обратив на себя внимание католического духовенства, Прокопович был определен учителем поэзии и красноречия во Владимир-Волынский.

Через некоторое время его послали в Рим, где монах Елисей был зачислен в коллегию св. Афанасия, учрежденную папой Григорием XIII. Научные занятия здесь настолько захватили его, что он иногда даже забывал о пище. Внимательно присматриваясь к порядкам католической церкви, молодой монах хорошо познакомился с ее организацией, и в нем зародилось резко отрицательное отношение к папизму. Отцы-иезуиты усиленно уговаривали Прокоповича остаться в Италии и вступить в их ряды, но он всячески уклонялся от подобных предложений.

В 1702 г. Елисей вернулся в Малороссию, отрекся от униатства, вторично принял православие и был пострижен в монашество с именем Самуил (спустя три года переменил имя, назвавшись в честь дяди Феофаном). По приглашению Киевского митрополита Варлаама Ясинского образованный монах был принят в академию учителем пиитики.

Случай выдвинул Феофана из среды сотоварищей. Ему было поручено сказать приветственное слово царю Петру I, который 4 июля 1706 г. должен был прибыть в Киев для основания Печерской крепости. Блестящая торжественная речь была замечена государем, который умел выискивать нужные ему дарования, и для Феофана открылась заря его высокого будущего. В этом же году ему был поручен риторический класс, в 1707 г. его определили префектом академии и учителем философии. Эти предметы он преподавал два года, а сверх того – физику, арифметику и геометрию, чего ранее в академии не изучали.

В 1709 г. князь Меншиков посетил Киево-Братский

училищный монастырь и, услышав от Феофана похвальное слово о себе, рекомендовал киевского проповедника Новгородскому митрополиту Иову в архимандриты Юрьевского монастыря как «учительного человека». Но самым удачным выступлением расторопного монаха стал «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе под Полтавой», произнесенное в том же году в присутствии Петра I. Решающую роль здесь сыграла исключительная близость во взглядах Феофана и Петра на церковные и вероучительные вопросы. Московскому царю необходим был такой человек, как Феофан, для осуществления церковной реформы в утилитарно-протестантском духе. Стефан Яворский, в то время местоблюститель Патриаршего Престола, также получивший образование в Киеве и в иезуитских коллегиях, был серьезным соперником и оппонентом Феофана.

Уже в 1711 г., отправляясь в турецкий поход, царь взял Прокоповича с собой. По возвращении Петр повелел произвести его в игумены Киево-Братского монастыря, а вместе с этим чином Феофан вступил в звание ректора Киевской академии и профессора богословия. С этого времени начался расцвет его академической деятельности. Он отверг господствовавшую в то время в киевских школах систему схоластического преподавания и выдвинул учено-исторический и критический метод, выработанный протестантской богословской наукой. В силу нового метода или в силу блестящих талантов профессора лекции его по богословию пользовались в академии большим успехом. Однако новаторский дух Феофана стал вызывать недовольство сослуживцев, и его нередко обвиняли в неправославии коллеги по академии Феофилакт Лопатинский и Гедеон Вишневский. Между ними возникали частые споры: Гедеон публично обвинял Феофана в лютеранстве, а за спиной распускал о нем всякие слухи, Феофилакт также не симпатизировал Прокоповичу и в 1712 г. в Москве выступил против него публично.

Летом 1718 г. Феофан был назначен епископом Псковским и Нарвским, однако большую часть времени пребывал в Петербурге в качестве ближайшего советника Петра в церковных делах. Как известно, царь поручил ему составление законодательного акта о ликвидации русского патриаршества и устроении высшего церковного коллегиального управления. Над этим «Духовным регламентом» Феофан трудился в 1719-1720 гг. Когда была учреждена «Духовная коллегия», Прокопович стал в ней вторым вице-президентом.

«Регламент, или Устав Духовной коллегии» был опубликован и введен в действие в январе 1721 г. По регламенту «исправление

чина духовного» является такой же обязанностью царя, как и исправление чина гражданского и военного. Здесь Прокопович законодательно «протащил» реализацию явно протестантского принципа, что явно шло вразрез со статусом Церкви на Руси в древности. Феофан не скрывал, что цель его преобразований – устранить надежду народа «имети помощь к бунтам своим от чина духовного», т.е. достичь полного контроля над духовенством со стороны императорской власти, даже унизить духовенство. С этого времени патриаршество на Руси было упразднено, и начался синодальный период православной церкви, окончившийся лишь в 1918 г.

После смерти Петра I Прокоповичу удалось в жестокой борьбе избежать участи, которая постигла Меншикова и других сподвижников царя-реформатора, причем в этой борьбе он не останавливался ни перед какими средствами. Оклеветав своего врага, синодального вице-президента Феодосия Яновского, Прокопович достиг первенства в Синоде, наследовал его кафедру и летом 1725 г. был назначен архиепископом Новгородским. В это время он был ярым сторонником Екатерины I, а в 1730 г. поддержал Анну Иоанновну в борьбе с боярской оппозицией, способствуя установлению самодержавного правления.

Протоиерей Георгий Флоровский в книге «Пути русского богословия» писал, что Феофан Прокопович «был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее. Между тем у Феофана были свои преимущества. Он был умен и учен. Он был образован, был истым любителем и ревнителем всякого "просвещения". К науке относился он почти с подобострастием. Он много знал, много читал, любил читать, – из своих не скудных, но чаще неправедных прибытков довольно щедро тратился на собирание библиотеки. Она вышла очень богатой и составлена умело (по позднейшей описи в ней 3192 названия)».

Прокопович действительно был одним из образованнейших людей своего времени, владел несколькими иностранными языками. Одним из первых в России он вел научные наблюдения, пользовался микроскопом и телескопом. После смерти Петра I возглавлял так называемую «ученую дружину» прогрессивных писателей, отстаивавших петровские реформы. Феофан сыграл важную роль в создании Академии наук, возглавлял кружок, в который входили А.Д. Кантемир, В.Н. Татищев, Я.В. Брюс и другие деятели культуры того времени. Содействуя просвещению, Прокопович завел при своем доме школу для сирот «всякого звания», которых определял затем в академическую гимназию.

Феофан Прокопович был писателем, причем не только церковным, но и светским. Богословско-литературная и

проповедническая деятельность не исчерпывали его многостороннего таланта. Он оставил немало произведений светского характера, принимал деятельное участие в составлении государственно-законодательных или вообще правительственно-официальных актов. Трудно найти род «писательства», к которому он не был бы причастен. Богослов, проповедник, канонист, юрист, историк, поэт совмещались в нем с разной степенью дарования, но, во всяком случае, в необыкновенном сочетании. Таких разносторонних и плодовитых талантов мало можно назвать среди исторических деятелей XVIII в.

Скончался архиепископ Феофан Прокопович 8 сентября 1736 г. в Петербурге, на Карповском подворье Аптекарского острова и был погребен в Новгородском Софийском соборе.

Оценка его личности далеко не однозначна. С одной стороны, способствуя установлению в стране абсолютной монархии, знаменовавшей собой новый прогрессивный этап развития общества, он явился орудием объективного исторического процесса, проходившего во всех европейских государствах. В то же время в области церковной политики Прокопович сыграл скорее деструктивную роль. Уничтожение патриаршества, поддержка императора в его нападках на монашество, стремление модифицировать религиозную жизнь в стране – вся деятельность Прокоповича в этом направлении шла вразрез с освященными веками традициями православной церкви и народа. Она нарушала строй церковной жизни и искажала историческую роль Церкви как консолидирующего и в этом смысле наиболее консервативного элемента общественного и государственного организма.

Прокофьев Сергей Сергеевич (род. в 1891 г. – ум. в 1953 г.)

Советский композитор, пианист, дирижер. Опираясь на классическое наследие украинской, русской и зарубежной музыки, осуществил реформаторские преобразования в музыкальном театре, симфоническом и камерно-инструментальном жанрах. Музыка Прокофьева, завоевав огромную популярность во всем мире, оказала значительное влияние на творчество многих композиторов современности.

В 1991 г. в ознаменование 100-летия со дня рождения нашего великого земляка в Донецке впервые состоялся «Музыкальный конкурс молодых исполнителей им. С.С. Прокофьева», масштабы и уровень которого превзошли все ожидания. Уровень мероприятия, опыт его организаторов дали основания превратить в 1999 г. всеукраинский конкурс в полномасштабный международный. Видные музыканты Польши, Германии, Греции, России участвовали в работе жюри, которое возглавлял один из крупнейших пианистов современности Николай Петров. По итогам состоявшихся конкурсных выступлений можно констатировать, что Украина – родина великого композитора – подготовила достойную смену музыкантов, которые будут творить уже в XXI столетии.

Сергей Прокофьев родился 23 апреля 1891 г. в селе Сонцовка

Екатеринославской губернии (ныне поселок Красное Донецкой области). Его отец Сергей Алексеевич, агроном по образованию, служил управляющим в имении помещика Сонцова, своего соученика по университету. Мать, Мария Григорьевна Житкова, занимавшаяся воспитанием детей, после смерти двух старших дочерей всю свою любовь сосредоточила на сыне. Она была хорошей пианисткой, и трехлетний мальчик с удовольствием прислушивался к ее игре и тут же, взобравшись на стул, пытался повторить понравившуюся мелодию.

Когда Сереже было 5 лет, он записал одну из своих импровизаций на листе бумаги, на котором нарисовал не пять, а десять линеек нотного стана. А потом плакал от негодования, что мама не может исполнить его «произведение». Но вскоре с ее помощью он начал правильно записывать то, что подсказывало ему врожденное музыкальное чутье. Свои музыкальные опыты 15-летний Сережа собрал и озаглавил «Мои сочинения». Уже в 9 лет юный композитор сочинил свою первую оперу «Великан».

Кроме музыки, родители занимались и общим образованием ребенка: отец преподавал ему русский язык, арифметику, географию и историю, а мать – иностранные языки, а также Ветхий и Новый Завет. Когда Сереже исполнилось 11 лет, родители пригласили на лето в Сонцовку учителя музыки – талантливого молодого композитора Р.М. Глиэра, только что окончившего консерваторию с золотой медалью. Глиэр давал мальчику уроки гармонии и музыкальных форм. Под его присмотром Сережа написал первую симфонию. Терпеливая работа помогла юному музыканту поступить в Петербургскую консерваторию. На приемных экзаменах его серьезно проверил сам Н.А. Римский-Корсаков, который впоследствии, как и А.К. Лядов, стал его учителем.

В годы учебы в консерватории юноша с неиссякаемым трудолюбием создавал произведения, внесшие большой вклад в мировую музыку XX в. Все эти сочинения были основаны на украинском и русском фольклоре. В 1908 г. молодой музыкант впервые выступил на вечере современной музыки со своими фортепианными пьесами, которые были очень тепло встречены слушателями. В 1914 г. Сергей блестяще закончил консерваторию сразу по трем специальностям – композитора, пианиста и дирижера, а за исполнительское мастерство был удостоен премии им. Рубинштейна.

Первые годы по окончании консерватории были для Прокофьева периодом напряженного композиторского труда, быстрого роста творческой самостоятельности. В 1915 г. он написал Второй фортепианный концерт и выезжал в Италию для

его исполнения, а в следующем году создал первую редакцию оперы «Игрок». Ко времени Октябрьского переворота Сергей Прокофьев был уже сложившимся композитором с резко выраженной индивидуальностью. Его музыка поражала свежестью, динамичностью, вызывала бурные споры. Горячими поклонниками искусства Прокофьева были Максим Горький и В.В. Маяковский, который в шутку прозвал Сергея «председателем земного шара от секции музыки».

Весной 1918 г. с разрешения Советского правительства Прокофьев выехал на длительный срок за границу. После недолгого пребывания в Японии композитор направился в США и с 1929 г. жил и работал попеременно в Америке и Европе, преимущественно в Париже, выступая как первоклассный пианист, интерпретатор собственных сочинений. Годы, проведенные Прокофьевым на Западе, не были безоблачно счастливыми. Он нигде не стал в полной мере своим, всюду оставаясь интересным, но странным чужаком, прибывшим из далекой и непонятной страны. Годы, прожитые на чужбине, были окрашены непрекращавшейся, постоянной тоской по Родине.

За время эмиграции композитор ни разу не воспользовался сюжетами литературы и театра США, Германии или Франции. За рубежом были написаны три оперные партитуры – «Любовь к трем апельсинам», «Огненный ангел» и капитально доработанная версия «Игрока». Две темы были взяты из русской литературы (Достоевский, Брюсов), а третья внушена театральным движением в дореволюционной России (журнал В. Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам»). Из трех прокофьевских балетов, поставленных труппой Дягилева, два были основаны на отечественных сюжетах и на русском интонационном материале («Шут» и «Стальной скок»). Живя за границей, Прокофьев создал несколько произведений по заказам из СССР, в т.ч. симфонические сюиты «Поручик Киже» и «Египетские ночи».

В то время Прокофьев говорил: «Воздух чужбины не идет впрок моему вдохновению… Самое неподходящее для такого человека, как я, – это жить в изгнании, оставаться в духовном климате, который не соответствует моей нации… Здесь я лишаюсь сил. Мне грозит опасность погибнуть от академизма». Композитор откровенно признавал, что «не может сочинять нигде, кроме Родины». В 1927 и 1929 гг. он был с концертами в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Харькове, а в 1932 г. приехал с женой Линой Ивановной Любера (испанкой по происхождению, в молодости камерной певицей) и двумя сыновьями – Олегом и Сергеем. Процесс адаптации в новых советских условиях был для Прокофьева сложным и затяжным. Он все чаще бывал в СССР,

выполнял заказы советских театров и киностудий, оставаясь пока еще «парижанином». Лишь в сезон 1935/36 гг. композитор получил постоянную квартиру в Москве и смог перевезти туда семью.

Первые годы после возвращения были наполнены напряженным трудом. Прокофьев обращается то к славным страницам родной истории, создавая величественные картины, потрясающие глубоким драматизмом, то к мировой классике или волнующим темам современности, трактуя их гуманистически, жизнеутверждающе. В это время он написал знаменитую симфоническую сказку для детей «Петя и волк», музыку к историко-патриотическому фильму С.М. Эйзенштейна «Александр Невский», балет «Ромео и Джульетта». К 20-летию Октября была создана кантата на слова Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина– своего рода коммунистическая литургия (грандиозная фреска для двух хоров и четырех оркестров), построенная по принципу католической мессы. На 60-летие «вождя народов» Прокофьев написал кантату «Здравица», исполнение которой стало кульминационным пунктом юбилейных торжеств.

Последняя зарубежная поездка, которую власти позволили совершить Прокофьеву (при том, что его семья оставалась в Москве в качестве заложников), состоялась в 1938 г. После этого у него отобрали зарубежный паспорт и больше за пределы СССР не выпускали.

В годы Второй мировой войны композитор был в эвакуации. Он чувствовал настоятельную необходимость откликнуться на трагическое и героическое время: так возникла его монументальная опера «Война и мир» по роману Л.Н. Толстого – о непобедимости великой России, о ее героической воинской славе. Еще ни над одним произведением он не трудился так долго и вдохновенно. В этот период брак Сергея Прокофьева распался и композитор связал свою жизнь с Миррой Мендельсон, которая была его спутницей до самой смерти.

Долгое время положение композитора было вполне благополучным, он даже стал лауреатом нескольких Сталинских премий. Прекрасно зная о царящем в стране терроре, Сергей Сергеевич не вступал в конфликт с властями, приняв за правило полное невмешательство в политику и ратуя лишь за свою художественную самостоятельность. Но в 1948 г. вышло постановление ЦК ВКП(б), в котором музыка Прокофьева наряду с произведениями других авторов была объявлена «формалистической», «чуждой советскому народу». Затем последовал арест его первой жены, которая отсидела несколько лет в лагере. Прокофьев был вынужден написать покаянное

письмо в Союз композиторов и Комитет по делам искусств, в котором наивно пытался объяснить, что такое «мелодия», «традиции» и «новаторство».

От этого удара мастер не оправился до конца жизни. Почти все его произведения, написанные в последние пять лет (опера «Повесть о настоящем человеке», балет «Сказ о каменном цветке», оратория «На страже мира», симфония № 7), – малоудачны, отмечены попытками «упростить» и сделать «ближе к народу» свой музыкальный язык.

Вряд ли есть основание объявлять композитора «убежденным выразителем советской художественной идеологии», подобно его другу Маяковскому. Немногие «заказные» произведения Прокофьева начисто лишены официоза, характерного для многих сочинений сталинской эпохи. Высокий вкус и духовная независимость предохраняли его от трескучего пафоса и дутого верноподданнического восторга. Здесь стоит вспомнить балет «Золушка», оперу «Дуэнья», фортепианные сонаты или три последние симфонии. Были, конечно, и сочинения менее удачные – сказывалась тяжелая болезнь композитора, – а порой и отдельные стереотипы тогдашней эстетики. В целом же его наследие этих лет обозначило блистательный взлет удивительного таланта – второй после «классической» поры 1908-1918 гг. Ни мрачная атмосфера террора конца 30-х гг., ни гибель друзей, ни тяжкие жизненные условия военных лет, ни оскорбительные проработки властей не смогли помешать рождению этих шедевров.

5 марта 2003 г. исполнилось 50 лет со дня смерти гениального музыканта. В некотором смысле композитору не повезло: полвека назад, день в день умер Сталин – тиран, в тени которого исчезли многие выдающиеся люди. Но ничто не в силах заслонить собой фигуру величайшего композитора современности – Сергея Сергеевича Прокофьева, музыка которого будет жить в веках.

Репин Илья Ефимович (род. в 1844 г. – ум. в 1930 г.)

Выдающийся художник-жанрист, портретист, исторический живописец реалистического направления. Профессор живописи (1893 г.), действительный член Петербургской Академии художеств.

Обладатель почетных наград: золотой медали «За экспрессию» им. Виже Лебрен за картину «Бурлаки на Волге» (1873 г.); памятной золотой медали и диплома «За особые труды и заслуги на поприще живописи и искусства» за портрет Е.П. Корева на Всемирной выставке в Сент-Луисе (Америка).

Автор воспоминаний «Далекое-близкое» (1915 г., изданы в 1937 г.).

Величие Репина как художника явилось следствием гармоничного соединения врожденного таланта, глубокого осознания действительности и в высшей степени по-детски восторженного мировосприятия.

Детские и юношеские годы Ильи прошли на Украине в г. Чугуеве (Харьковская обл.). Он родился 24 июля 1844 г. в семье военного поселянина Ефима Васильевича Репина, который служил фуражиром и квартирмейстером в кавалерийском полку. Когда отец надолго уезжал по делам службы, заботу о благополучии четверых детей (двое умерли в раннем возрасте)

брала на себя мать, Татьяна Степановна. Илья был на редкость любознательным мальчиком, но в школе учиться ему не довелось. Грамоте Илью обучил сельский пономарь, а арифметике – дьячок. Получив в семилетнем возрасте набор красок, он с таким восторгом и упорством рисовал, что кровь стала идти носом. Все соседки предсказывали, что мальчонка не выживет. Но он выздоровел и снова вернулся к краскам, чтобы уже никогда с ними не расставаться.

Проучившись несколько месяцев в Корпусе топографов, Илья в 1858 г. пошел в ученики к художнику-иконописцу И.М. Бунакову. Он быстро освоил сложную технику росписи, а в иконах давал волю своему воображению. Священникам нравились их яркие краски. Особенно удалась Илье «Мария Магдалина» – пылающие лучи и заплаканные глаза страдалицы на иконе производили сильное впечатление на верующих. Юный художник получал много заказов на росписи церквей и портреты горожан. В свои 19 лет в родном городе он был признанным мастером.

В 1863 г., взяв заработанные 100 рублей, Илья поехал в Петербург штурмовать академию, о которой давно мечтал. Однако опыта провинциального живописца оказалось недостаточно для поступления. Репина подвела «тушевка». По совету художника-архитектора Петрова, у которого он снимал комнату, он поступил в вечернюю рисовальную школу на Бирже. Днем Илья метался по столице в поисках заработка, а вечером успешно осваивал злополучную штриховку. Получив первый номер в школе, он справился с экзаменом в академию и в 1864 г. был зачислен вольнослушателем. Чтобы заплатить 25 руб. за первый год обучения, Илья пошел на поклон к меценату, генералу Прянишникову, и тот внес необходимую сумму.

Со всем пылом юности Репин постигал азы творчества. Но ему не хватало общеобразовательных знаний, и он с поразительным упорством изучал историю, литературу, анатомию, математику, физику, химию. Илья даже подумывал года на четыре отказаться от живописи, чтобы догнать «интеллектуальных богачей». Товарищи по учебе – В. Поленов, М. Антокольский, А. Шевцов, Н. Мурашко – отговорили его и старались добывать ему заказы на портреты, чтобы он мог заработать на жизнь. Преодолев все препятствия, уже через год и восемь месяцев обучения Репин получил Малую серебряную медаль за эскиз «Ангел смерти истребляет первенцев египетских» (1865 г.). Это было для Ильи не просто признанием его успехов, но и позволило освободиться от податного сословия и телесных наказаний, получить звание художника и больше не оплачивать обучение.

Обязательные академические работы на библейские сюжеты Репина не волновали. Его вторым учителем с 1863 г. был И.Н. Крамской, а близким другом и советником стал В.В. Стасов. Проникнувшись идеями артельщиков и передвижников, равняясь на реалистическое творчество В.Г. Перова, Илья успешно исполнял задания, но душу в них не вкладывал. Он искал свою тему. И она открылась ему погожим днем 1868 г. на Неве. Фигуры бурлаков, доведенных каторжным трудом до состояния тяглового скота, их измученные лица и непокорные взгляды заслонили весь горизонт. Репин одновременно заболел сюжетом и влюбился в своих героев. Он задумал сложную, построенную на контрасте композицию: изможденные фигуры бурлаков, яркий солнечный день и стайки барышень в разноцветных платьях на берегу. Но по совету друга Ф. Васильева Илья отказался от «назидания» в картине, а каникулы 1870 г. провел с друзьями и братом на Волге, «охотясь» за бурлаками, проникаясь их жизнью и повадками. Эскизы летних работ, разбросанные по полу конференц-зала, были лично рассмотрены великим князем Владимиром, и он оставил за собой будущую картину.

Репин так увлекся бурлаками, что друзья с трудом убедили его участвовать в конкурсе на Большую золотую медаль и право пенсионерской поездки за границу. Илья долго не знал, как подойти к очередной библейской теме «Воскрешение дочери Каира» (1871 г.), пока не вспомнил о своем большом горе – смерти сестры Усти. Он представил, как в их затихший от горя дом вошел человек и вернул сестре жизнь. После четырех месяцев бесплодных поисков Илья переписал картину за несколько дней, получил медаль и успешно закончил академию.

Молодой художник не смог сразу отправиться в пенсионерскую поездку. Задержали неоконченные портреты, «Бурлаки» и огромный заказ на картину «Славянские композиторы» (1871-1872 гг.), которую Тургенев назвал «холодным винегретом из живых и мертвых». Картина имела огромный успех, хотя в ней все надумано, а среди выдающихся мастеров Репин, выполняя волю заказчика, не запечатлел ни друга Мусоргского, ни Бородина, ни даже Чайковского.

Еще одной причиной задержки стала смена неуютной холостяцкой жизни на семейную. Невеста, Вера Алексеевна Шевцова, на его глазах из неуклюжей девятилетней девочки, сестры друга, превратилась в нежную и вдумчивую девушку. 11 февраля 1872 г. молодые обвенчались в академической церкви, а в ноябре радовались рождению дочери. Пока маленькая Вера подрастала, чтобы осилить путешествие, счастливый отец представил зрителям полотно «Бурлаки на Волге» (1870-1873 гг.),

на котором сами за себя говорят «11 фигур – 11 горьких судеб на горячем песке под палящим солнцем раздольной русской реки». Репинское мастерство спаяло здесь спокойную мудрость, богатырскую силу, суровую доброту, тяжкие думы и отсутствие некрасовской покорности. «Нельзя не полюбить этих беззащитных… нельзя не подумать, что действительно должны народу… Ведь эта бурлацкая «партия» будет сниться потом во сне, через 15 лет вспомнится. А не были бы они так натуральны, невинны и просты – не производили бы впечатления и не составили бы такой картины…» – писал Ф.М. Достоевский. «Бурлаки» были восторженно приняты зрителями и критикой в Петербурге и на Всемирной выставке в Вене, а затем на долгие 44 года скрыты от глаз публики («чтобы не думали») в бильярдной князя Владимира.

За границу Репин уезжал прославленным мастером. С 1873 по 1876 г. художник побывал в Вене, Венеции, Флоренции, Риме, Неаполе, Альбано, Лондоне. Долгое время он жил с семьей в Париже, где родилась вторая дочь Надя. Их дом стал родным и для девятилетнего Валентина Серова, а Илья Ефимович – его первым и любимым учителем. Художник знакомился с западным искусством, написал много пленэрных пейзажей, этюдов, портреты Тургенева и дочери Веры, «Девочку-рыбачку», картину «Парижское кафе» (все в 1874 г.) и аллегоричное полотно «Садко в подводном царстве» (1876 г.). За последнюю работу Репин получил звание академика живописи.

Но в России от создателя «Бурлаков» ожидали чего-то большего. Парижские работы ничего не добавили к его доброму имени. Казалось, он накапливал силы, чтобы по возвращении в Чугуев выплеснуться своеобразной летописью пореформенной России: «Под конвоем» (1876 г.), «В волостном правлении», «Возвращение с войны», «Мужичок из робких», «Мужичок с дурным глазом» (направлено на международную выставку в Париж), «Крестный ход в дубовом лесу» (все в 1877 г.). Одним из действующих лиц «Крестного хода» стал чугуевский соборный протодиакон И. Уланов. Его же монументальную фигуру темпераментно, свободно, с исключительным богатством живописных приемов изобразил Репин в картине «Протодиакон» (1877 г.). «Да ведь это целая огнедышащая гора», – сказал о портрете Мусоргский. Эти и другие работы художник создал за один год жизни в родном городе. Ему было жаль расставаться с Украиной, но очень хотелось быть в центре российской живописи.

Прожив 5 лет в Москве, Репин с семьей, пополнившейся сыном Юрием и дочерью Татьяной, переехал на постоянное место жительства в Петербург. В своей живописной мастерской

художник работал сразу над несколькими полотнами. Его творческий темперамент был огромен. Он постоянно совершенствовал композиции, создавал десятки эскизов даже не к основным фигурам, искал выразительную натуру. Так, образ горделивой «Царевны Софьи» (1879 г.) художник нашел, слив воедино эскизные портреты Бламберг-Апрелевой, портнихи и матери В. Серова. Критическое отношение к своим работам у Репина бывало чрезмерно. Он постоянно что-то исправлял в уже готовых картинах, а иногда заново переписывал их на том же холсте. Так, над «Явленной иконой» художник работал с 1877 по 1924 гг. Долгие годы создавая в картинах «Отказ от исповеди» (1879-1885 гг.), «Арест пропагандиста» (1880-1892 гг.), «Не ждали» (1884-1888 гг.) образы революционеров-народовольцев, Репин воспел облик человека, отдающего жизнь за высшие идеалы.

Никого не оставила равнодушным многоликая толпа «Крестного хода в Курской губернии» (1880-1883 гг.), которая мерно наплывала на зрителя. В картине нет никакого благоговейного и религиозного экстаза – только чванливость, тупость, жестокость, боль и нищета. Десятки фигур, но нет ни одной лишней. Каждый образ, продуманный и десятки раз переписанный, мог бы стать отдельной картиной: от мальчика-горбуна и нищенки до толстой женщины и урядника с нагайкой. Даже по просьбе Третьякова Репин ничего не изменил в картине, хотя очень часто поддавался уговорам. «Красота – это дело вкусов; для меня она вся в правде», – ответил художник знаменитому галерейщику.

Такой же жуткой по своей правдивости и реальности преступления и смерти стала картина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года» (1882-1885 гг.) – наиболее драматическое произведение Репина. «Чувства, перегруженные ужасами современности», позволили воссоздать на полотне «живую смерть», детоубийство. Художник запечатлел момент, когда в тиране Грозном пробуждается человек и отец, осознавший свой зверский поступок и горе. Слабая улыбка прощения освещает лицо умирающего. Цвет на полотне созвучен трагедии: серый фон, кроваво-красный ковер, черное одеяние Грозного и розово-золотые одежды царевича усиливают общее впечатление. Но именно мгновенная смена душевного состояния человека, бьющая из глаз царя, ошеломляет зрителя больше, чем хлынувшая из раны кровь. Картина написана «так мастерски, что не видать мастерства», и так правдиво, что Третьякову, купившему ее, от имени царя было велено не выставлять это произведение в галерее.

Работа над «Грозным» забрала у художника много сил и душевной энергии. Да и в семейной жизни у Ильи Ефимовича давно не было тишины и счастья. Его частые увлечения, неуравновешенный вздорный характер доставляли немало горя жене, занятой домом и воспитанием четырех детей. Она не могла быть светской хозяйкой репинского салона. Друзья видели «затаенное страдание» этой женщины. Вера Алексеевна потребовала разрыва. Старшие дочери остались с отцом, а Юра и Таня – с матерью. Но контакта с детьми у Репина не было, они не простили ему грозовую атмосферу детства и скандалы. Тихое семейное счастье не удовлетворяло его бурную натуру. Художнику требовалось состояние юношеской влюбленности, яркая и сильная страсть. В 44 года он пережил это чувство к своей одаренной ученице, Елизавете Николаевне Званцевой, но девушка не могла ответить взаимностью обремененному семьей художнику.

После душевного и семейного кризиса Репин полностью погрузился в работу над задуманной еще в 1878 г. искрометной и сочной картиной «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1878-1891 гг.). В эти годы Репин писал Стасову: «Ну и народец же!! Где тут писать [письма], голова кругом идет от их гаму и шуму… И вот недели две с половиной без отдыха живу с ними, нельзя расстаться, веселый народ… недаром про них Гоголь писал, все это правда! Чертовский народ!.. Никто во всем свете не чувствовал так глубоко свободы, равенства и братства! Всю жизнь Запорожье оставалось свободным, никому не подчинялось…» Проникаясь стариной, художник несколько раз ездил на Украину, встречался с историком Яворницким (он изображен на картине писарем). Яркая внешность, хохочущие лица, уверенные в своей мощи фигуры, слитые в едином порыве веселья, на картине стали символом казацкой вольности и товарищества.

«Запорожцев» купил царь за 35 тыс. рублей. На эти деньги Репин приобрел поместье Здравнево в Белоруссии и превратился в настоящего помещика, занятого посевами, скотом, наймом рабочих. Рисует он мало («Осенний букет» – портрет дочери Веры), потому что очень болит и постепенно отказывает правая рука. Илья Ефимович грустит: «Как мне здесь хотелось в Малороссию, в Чугуев… Хочется видеть белые хатки, залитые солнцем вишневые садочки, ставни, шток-розы всех цветов и слышать звонкие голоса загоревших девчат и грубые голоса гарных парубков; волов в ярме, ярмарки…» Может быть, на этом и закончился бы великий художник, если бы Репин не попытался примириться с семьей. Но совместная жизнь опять не задалась. Художник оставил имение жене и уехал, но не на Украину, а в

Петербург, где окунулся в общество высшего света, с представителей которого писал портреты. Постепенно он усвоил их взгляды, стал стыдиться своих юношеских порывов и исканий, превращаясь в светского, салонного живописца.

Друзья по Товариществу передвижников, в правлении которого он то состоял, то выходил из него, не узнавали его. Репин со свойственной ему резкостью и непредсказуемостью суждений и оценок постоянно раздувал конфликты. Часто он безапелляционно подвергал критике то, в чем еще и сам не разобрался, а потом чистосердечно каялся. Но обиды оставались. Друзей-художников становилось все меньше (хотя со Стасовым, Поленовым, Суриковым дружба почти не прерывалась), а вот среди знати – все больше. Какая-то раздвоенность поселилась в душе и творчестве Репина. Он больше не мог остановиться ни на одном интересном сюжете, испытывал чувство опустошенности. В этот период художник даже отошел от реализма: «Буду держаться только искусства и даже только пластического искусства для искусства», – писал он из Италии Стасову в 1893 г., и тот поспешил причислить его к ренегатам. Все чаще на мольберте Репина появлялись картины на ранее нелюбимые библейские темы: «Голгофа», «Утро Воскресения», «Неверие Фомы», «Отрок Христос в храме».

Столкновения с «мирискусниками» вернули живописца к реализму, и его «Дуэль» в 1897 г. на Международной выставке в Венеции «удивила всю Европу». Но Репину хотелось «хоть бы что-нибудь для сносного финала сделать». И все свое мастерство портретиста художник вложил в огромную, заказанную Николаем II, картину «Заседание Государственного совета» (1901-1903 гг.). Грандиозное многофигурное полотно, в исполнении которого помогали Б.М. Кустодиев и И.С. Куликов, заблистало нарядными мундирами более 80 сановников во главе с царем. Используя манеру односеансного письма, работая в стиле импрессионистов, он создает этюдные портреты, по силе впечатления превышающие даже саму картину. «"Образы наших держиморд" потрясают своей реалистической правдой. Особенно портрет Победоносцева. Лицо-маска иезуита, молитвенно сложенные руки, страшный облик уверенного в своей безмерной власти сановника. Каменное, холодное лицо человека, по чьей подсказке царь запретил показывать зрителям «Ивана Грозного». Каждый портрет – это приговор жестокости, равнодушию и хитрости. Картиной все были довольны. Очевидцы заседания считали, что она стала зеркальным отражением торжественного события, так «жизненны были лица, так характерны позы, так точно воспроизведена обстановка».

Репин недаром считался одним из лучших портретистов. Лучше всех удавались ему образы тех людей, которых он искренне любил и уважал. Живописец создал портреты целой плеяды ученых: Пирогова, Сеченова, Бехтерева, Менделеева, Павлова; русских писателей: Тургенева, Л. Толстого, Писемского, Горького, Короленко, Маяковского; композиторов: Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова; художников: Крамского, Сурикова, Куинджи, Ге, Васнецова, Серова; портреты Стасова и Третьякова, а также всех своих родных. По словам самого живописца, даже в «самый пустой портрет» он «вкладывал душу».

Можно только удивляться, как такой тонко чувствующий человека художник, непокорный и своенравный, мог связать свою жизнь (1900 г.) с сочинительницей банальных романов Натальей Нордман-Северовой и полностью подчиниться ее укладу жизни. Она в разное время была то боевой суфражисткой, то ярой феминисткой, потом проповедовала вегетарианство и самообслуживание. О ее обедах из сена ходили анекдоты. Все, что она делала, было нелепо, напыщенно, громогласно, но в то же время искренно. Илья Ефимович сносил все сумасбродства очень терпеливо, хотя жизнь в финском имении жены «Пенаты» была больше похожа на буффонаду, чем на творчество. Но Нордман противопоставила враждебности репинской семьи культ художника, подчинив этим Илью Ефимовича. За 15 лет совместной жизни мир для Репина сузился до размеров одной усадьбы в Куоккале. Он прекратил преподавание в академии, с удивлением и обидой осознав, что теперь «оказался плохим педагогом», хотя для многих был великим учителем. Он воспитал Грабаря, Малявина, Кустодиева, Остроумову-Лебедеву, Билибина и Серова.

Художник продолжал работать в привычном для него режиме и, когда в 1907 г. отказала правая рука, писал левой, закрепив палитру специальными ремнями на теле. Когда совсем запретили рисовать, он ухитрялся при помощи окурка и туши на клочках бумаги создавать самобытные портреты посетителей и друзей. Часто принимал гостей, но вздохнул свободно только после смерти Нордман. Свое бескорыстное отношение к Репину она доказала тем, что, заболев, покинула имение, уехала в Швейцарию и там умерла в больнице для бедных, отказавшись от его помощи. В «Пенатах» были созданы: «Иди за мною, Сатано!», «Черноморская вольница», «Финские знаменитости», «Гопак».

В усадьбе Репина хозяйствовала его любимая дочь Веруня, с алчностью распродавшая после смерти отца его драгоценные альбомы рисунков и эскизы. Она заставляла Илью Ефимовича подписывать каждый лист, чтобы продать подороже. Не радовала

старика и дочь Надя, страдавшая тихим помешательством. Трагически сложились отношения с сыном Юрием, который был признан хорошим живописцем, но всегда находился в тени отца.

После революции в России 1917 г. Финляндия стала отдельным государством. Репин чувствовал себя человеком, которому «пойти некуда». Его звали в Россию, но запуганный рассказами дочери о разрушенных музеях и «расправах» над его друзьями-художниками, Илья Ефимович вначале боялся ехать, а затем подвело здоровье. Репин скончался 29 сентября 1930 г. и был похоронен у чугуевской горы в парке «Пенат».

Время сгладило неудачи и колебания последних лет, оставив чистый образ ищущего правду художника, сохранив доходчивость репинского искусства и обессмертив его имя и творчество.

Роговцева Ада Николаевна (род. в 1937 г.)

Актриса театра и кино. Народная артистка СССР (1978 г.), народная артистка Украины. Лауреат Государственной премии им. Т.Г. Шевченко (1981 г.), премии Союза театральных деятелей им. М. Заньковецкой, премии «Киевская пектораль» (дважды) и Всеукраинской программы «Лидеры регионов» (2002 г.). Педагог, профессор Университета искусств и преподаватель Института театрального искусства им. Карпенко-Карого в Киеве. Автор сборника стихов «Мамины молитвы» (1996 г.). Награждена орденом «За заслуги» III степени.

Актерское таинство не имеет срока давности. Ада Роговцева навсегда пленила каждого, кто хотя бы раз соприкоснулся с ее искусством. Пленила воздействием своего таланта на разум и сердце, хрустальным тембром голоса, поэтичностью, искренностью и проникновенностью. Художественный руководитель Театра на Подоле Виталий Малахов считает ее самой великой актрисой среди тех, с кем знаком: «Если говорить о художественных достижениях, то она один из символов социалистического реализма, не только украинского, но и всех стран СНГ. Я имею в виду не идейность, а художественную направленность этого стиля: его романтизм, высокую патетику. В

русле социалистического реализма создавались шедевры, а стало быть, были и мастера. И наряду с именами И. Смоктуновского, М. Ульянова можно назвать и имя А. Роговцевой. Я очень ценю ее человеческие качества: она не только великая актриса, но и великий человек».

Ада Николаевна родилась 6 июня 1937 г. в городе Глухове (Сумская обл.) в семье агронома. После войны Роговцевы переехали в Киев. Как и большинство людей того времени, жили бедно, ютились в коммуналке. Когда в 1955 г. Ада окончила школу, она колебалась, куда подавать документы: в университет на журналистику или в театральный институт? И отнесла их в Киевский театральный институт им. Карпенко-Карого с тайной надеждой: а вдруг? Ее не только приняли с первого захода, но уже на первом курсе стали снимать в кино. Только в 1956 г. Роговцева сыграла в фильмах «Кровавый рассвет», «Когда поют соловьи», «Павел Корчагин». Режиссеры сразу отметили ее талант, и еще до окончания института Ада снялась в картинах «Шельменко-денщик» (1957 г.), «Флаги на башнях» (1958 г.), «Конец Чирвы-Козыря» (1959 г.), «Когда кончается юность» (1959 г.).

Удачно складывалась не только творческая, но и личная жизнь начинающей актрисы. Будущего мужа Ада впервые увидела в институте, когда Константин Петрович Степанков приехал с гастролей, чтобы посмотреть, каких ребят набирают на его курс. Конечно, она тогда даже не предполагала, что судьба свяжет их навсегда. Элегантный молодой педагог ей очень понравился, а он сразу выделил Аду среди других студенток. Однажды, когда Роговцева упала с лошади на съемках фильма и лежала дома с сотрясением мозга, Степанков пришел навестить свою ученицу и принес ей огромную корзину хризантем. Потом был театральный капустник, и Ада, как бы в шутку, призналась в любви прямо со сцены: «Полюбила Степанкова, и не надо мне другого». Девушка очень долго скрывала свои чувства, так как предмет ее мечты был в то время женат, а связь студентки с женатым педагогом могла плохо кончиться для обоих. Однако любовь оказалась сильнее всех обстоятельств, и они поженились. «Константин Петрович Степанков – мой народный артист Советского Союза, мой Жухрай, мой "Кам'яний хрест", мой Тугар Вовк в "Захаре Беркуте" и исполнитель еще многих других ролей. Это человек романтического кино, кино Параджанова, Ильенко, Осыки, Лени Быкова, того периода. Это человек уникальной образованности, одаренности и интеллекта».

Но нельзя сказать, что первые годы совместной жизни были абсолютно безоблачными – брат Ады серьезно выпивал, ее мать парализовало, а у Степанкова врачи обнаружили открытую форму

туберкулеза. Актриса разрывалась между мамой, которая не могла пошевелиться, крохотным сыном, больным мужем и театром, где она начала работать. Константин Петрович пролежал в больнице шесть месяцев, а затем еще столько же находился в санатории в Карпатах – и болезнь отступила. Ада Николаевна говорила, что в то время она думала только об одном: «Ничего мне не надо. Пусть я буду самая ужасная в мире артистка, только пусть Костя поправится, пусть маме станет полегче». Но «ужасной» актрисой она стать просто не могла.

В 1959 г. Роговцеву, еще студентку 4-го курса, приняли в труппу Киевского академического русского драматического театра им. Л. Украинки, где ей, «зеленой девчонке», сразу дали главную роль в спектакле «Юность Поли Вихровой» по роману Л. Леонова «Русский лес». На сцене и на экране актрисе удивительно удавались роли современниц. Никаких натяжек, перехлестов. В своих героинях она подчеркивала полноценность личной судьбы, умение с полной отдачей работать и посвящать себя семье: Гавриленкова («Хозяйка» М. Гараева, 1978 г.), Клава («Кто-то должен» Д. Гранина, 1971 г.) и др.

Первой звездной работой Роговцевой стала роль Гелены в пьесе Л. Зорина «Варшавская мелодия» (1967 г.), поставленной Э. Митницким. 670 раз выходила актриса на сцену в этом спектакле и каждый раз волновала проникновенным рассказом о любви польской студентки консерватории к русскому парню. Зрителей поражала бесчеловечность истории, изложенной в пьесе, и сила женской любви и характера, сумевших преодолеть эту бесчеловечность. В те годы ее партнерами были А. Шестопалов и Г. Царев. А еще ей посчастливилось играть на сцене с М. Романовым, П. Луспекаевым, О. Борисовым.

В расчете на ее уникальную способность раскрывать глубину и сложность женской души Б. Эрин ставил спектакль «Пер Гюнт» для концертного исполнения, где Роговцева сыграла все женские роли – Озе, Сольвейг, Женщину в зеленом, Ингрид, Анитру и врача в сумасшедшем доме. Она создавала в одном спектакле абсолютно полярные образы: скажем, Сольвейг – воплощение нежности, чистоты и благородства, а Женщина в зеленом – жадная до земных радостей, низменная и лукавая. Особое место в творчестве актрисы занимают образы матерей, созданные в театре, в которых она раскрыла глубины собственной души. Такими были заглавные роли в «Филумене Мартурано» Э. де Филиппо (1983 г.) и брехтовской «Мамаше Кураж» (1986 г.).

К числу лучших театральных работ Роговцевой относится и спектакль «Надеяться!» Ю. Щербака, где актриса «сыграла Лесю Украинку. Как блистательно она читала стихи, как глубоко и

верно она их чувствовала! Я не знаю другого актера, чтеца, который мог бы сравниться с Адой Роговцевой в искусстве прочтения и прочувствования стихов Леси Украинки», – говорит культуролог В. Скуративский и добавляет, что для него она – «своеобразная театральная эмблема нашего города, так как без этой актрисы я не представляю себе театральную жизнь Киева».

Всенародную славу и звание народной артистки СССР (1978 г.) актрисе принесли не только театральные работы. На протяжении всей творческой жизни Роговцева была полностью востребована и в кино. Она снялась более чем в 30 художественных и телевизионных фильмах. Даже такой идеологизированный фильм, как «Салют, Мария!» (1970 г.), в прокате собрал 17-миллионную аудиторию, а по опросу журнала «Советский экран» Аду Роговцеву зрители признали лучшей актрисой 1971 г. Ее роли в фильмах «Укрощение огня» (1972 г.), «Девочка, хочешь сниматься в кино?» (1977 г.), «Осенняя история» (1979 г.), «В одну-единственную жизнь» (1986 г.) и, конечно же, в многосерийном телевизионном фильме «Вечный зов» (1976-1983 гг.) вошли в золотой фонд кинематографа.

В своем творчестве Роговцева всегда говорила то, что думала, и, как бы ни менялось время, сохраняла свое «я». Ее тонкое искусство пронизано лиризмом и глубокой человечностью. И поэтому она поистине народная и великая актриса. Режиссер Л. Танюк назвал Аду Николаевну «целой эпохой в истории украинского театра» и подчеркнул, что «в отличие от некоторых своих коллег она – актриса русского театра – истинный патриот Украины, украинского языка, украинской культуры». И тем не менее театр русской драмы, на сцене которого она была первой актрисой почти три десятка лет, который, по словам искусствоведа В. Вульфа, стал «символом ее имени», обошелся с Роговцевой крайне неблагодарно. Когда актрису спросили о причинах ее вынужденного ухода, она ответила: «Поначалу я отмалчивалась. А потом нашла очень правильную формулировку. Так случилось. По-другому не скажешь. Вся жизнь была сконцентрирована на сцене этого театра и за кулисами этого театра. И я не мыслила себе другой жизни вообще. А потом так сложились обстоятельства, что я должна была выбирать: или волю, или неволю».

После ухода из Театра им. Леси Украинки Роговцева гастролирует с концертными программами и различными камерными театрами. Ее называют любимой актрисой Р. Виктюка: «Я несколько раз ставил спектакли с участием Ады Роговцевой. Считаю ее гениальной актрисой. Меня всякий раз поражает ее способность вжиться в образ, ее феноменальная чувственность,

понятливость. Таких актрис очень мало». Зрителей, посетивших спектакль Виктюка «Священные чудовища» и изысканный декаданс «Дама без камелий» Роговцева обращала в добровольных пленников. Они приходили на один и тот же спектакль по пять, десять, двадцать раз подряд. В. Вульф писал о «Чудовищах»: «Остался в памяти одухотворенный спектакль, грациозный по форме, безо всякой нравственной инфантильности, с горьким и отчаянным смыслом…» А в музыкально-пластическом орнаменте «Дамы» актриса на фоне изысканного декора «ускользающей красоты» стала воплощением сентенции Кокто: красота причиняет боль.

Теперь Роговцеву редко можно увидеть на киевской сцене. Она занята в Москве, в Петербурге, где играет антрепризные спектакли. Актриса объездила с гастролями Америку, Израиль, Германию, Россию. Зарубежные театралы увидели украинскую звезду в совместном проекте американского театра «Миллениум-Арт», Национального академического театра им. И. Франко и театра «Сузирье» в «Варшавской мелодии-2». Роговцева там – Гелена, постаревшая на 40 лет, а молодую Гелю играет ее дочь Екатерина Степанкова. Несмотря на свои 65 лет, Ада Николаевна находится в прекрасной форме и потрясающе выглядит: «Я сейчас играю несколько спектаклей в театре, за последнее время снялась в пяти картинах. У меня там большие и маленькие роли: когда ты востребован, это замечательно». Большим успехом пользуются антрепризы «Голубки» и «Бульвар Заходящего Солнца». В сериале Валерия Ахадова «Московская элегия» Роговцева снялась вместе с Михаилом Ульяновым, а в картине по произведениям Шукшина – с Людмилой Гурченко. На недостаток работы актриса по-прежнему не жалуется. К тому же Ада Николаевна преподает в Киевском институте театрального искусства им. Карпенко-Карого и в Университете искусств, ведет в Артеке мастер-классы. Не смогла она стоять в стороне и от общественной жизни. В одном из интервью актриса, которую называют гордостью украинской культуры, сказала: «Я выживаю со своим народом. Моей пенсии хватает заплатить за квартиру и на два банана». А так как Роговцевой свойственно умение не брать, а отдавать, она пошла в политику. Ее имя стало светлым символом блока «Партия Труда и Либеральная партия – ВМЕСТЕ». Но Ада Николаевна быстро поняла, что это было ошибкой: «Я прошла через все круги ада и теперь знаю, что это такое. Это была глупость, потому что понимаю: в том раскладе, да и сейчас я ничего бы не смогла сделать. При том, что у меня были скромные задачи и запросы. Я думала, что, находясь ближе к власть имущим, смогу решить какие-то наинеобходимейшие вопросы стариков и молодежи,

людей творческих. Но это была моя ошибка. Люди, которые попадают во власть, ничего не делают, их не слышно, они погрязли в общегосударственных проблемах, которые не решаются».

Единственное, что остается незыблемым, – это творчество и семья. Дети выросли и тоже обзавелись семьями. Дочь Екатерина стала актрисой и работает в Москве в театре Романа Виктюка. Константин Степанков-младший – кинорежиссер. У Ады Николаевны двое внучат, и она всю свою любовь, которую, как она считает, когда-то недодала детям, расходует сейчас на них и тех, кто нуждается в ее поддержке и помощи. Актриса говорит: «Когда я получала свою Международную премию за лучшую женскую роль, я не приехала на фестиваль, просто не могла. И режиссер обиделся, а потом написал, что эта артистка – для будней, а не для праздников. Я и в гости не хожу никогда, и в рестораны не хожу, и не тусуюсь почти никогда. Так распорядилась жизнь. У меня очень много людей, которым я должна помочь. Но Господь дал мне такое качество, что я очень легко со всем расстаюсь, мне ничего не надо себе. И я от этого не страдаю».

Чтобы отдохнуть душой и набраться сил, Роговцева уезжает в село Жеребятин под Киевом, где есть свой лом, купленный по решению семейного совета после получения премии им. Т.Г. Шевченко. Ада Николаевна утверждает, что в душе она осталась деревенской женщиной и, хотя всю сознательную жизнь прожила в столице, объездила полмира, корни дают о себе знать. Легенда советского и постсоветского театра и кино своей приверженностью к сельской идиллии так заразила подруг, что те напрашиваются к ней в гости, как на модную тусовку. Днем гости трудятся вместе с хозяевами на огороде, а по вечерам пьют чай с фирменным семейным вареньем.

Наверное, не все знают, что Ада Роговцева – не только артистка, но и поэт. В 1996 г. вышел сборник ее лирических стихов «Мамины молитвы». Прочитав их, можно многое понять об этой женщине, которая, говоря ее же словами, «если возможен выбор, всегда выбирает аскезу и помощь людям».

Ротару София Михайловна (род. в 1947 г.)

Выдающаяся певица, исполнительница более чем 400 песен, многие из которых стали классикой украинской эстрады. Народная артистка Украины (1976 г.) и Молдавии (1983 г.), народная артистка СССР (1988 г.). Лауреат многих конкурсов, в частности IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов (София, 1968 г.); «Золотой Орфей» (София, 1973 г.); «Янтарный соловей» (Сопот, 1974 г.), «Мисс Эстрада-89», им. К. Шульженко («Лучшая эстрадная певица 1996 года»), «Овация» (2000 г.), «Человек года-2000» («Лучшая украинская эстрадная певица XX столетия»). Награждена орденами «Знак почета» (1980 г.), «Дружбы народов» (1985 г.), «За заслуги перед отечеством» Российской Федерации, «Св. княгини Ольги», «Звезда Украины», звездой «Герой Украины» (2002 г.).

Говорят, при распаде СССР президенты трех стран задумались: «А как же делить Ротару?» Причины для подобной шутки вполне серьезны, ведь эта певица остается кумиром нескольких поколений в разных государствах. Она не просто звезда – она легенда эстрады. И ее чарующий голос, настолько разный, насколько разной может быть женщина, разделить между братскими державами – Украиной, Россией и Молдовой – так и не удалось. София Михайловна, Софа, Сонечка, как ласково

называют ее поклонники, по сей день продолжает радовать слушателей своими песнями на трех родных ей языках.

7 августа 1947 г. в молдавском селе Маршанцы Черновицкой области в семье Михаила Федоровича и Александры Ивановны Ротару родилась вторая дочь. Отец души не чаял в Сонечке и не без родительского преувеличения говорил всем знакомым, что дочка обязательно станет «великой артисткой». Он был первым из многих людей, кто поверил в ее будущее и всячески помогал. Да и как было ей, ее трем сестрам и двум братьям (которые тоже стали профессиональными исполнителями) не запеть, «когда полсела – певцы, да какие! А вторая половина – музыканты!» Детство Сони было таким же, как и у любой сельской девчонки: пока родители работали (отец на винограднике, мать в поле), она хозяйничала в доме, пасла и доила коров, иногда продавала зелень на рынке. А после того, как старшая сестра Зина перенесла тиф и ослепла, взяла на себя еще и заботу о младших. От Зины, единственной радостью которой стало радио, София переняла русские песни, а потом и язык – в селе все говорили только на молдавском.

Училась она хорошо и успевала не только уроки делать, петь в школьном и церковном хорах (все в семье были верующими) да маме помогать, но и брала в школе единственный баян и занималась на нем самостоятельно, играла в драмкружке и, будучи по характеру очень живой и подвижной, любила спорт. Одно время Соня всерьез увлеклась легкой атлетикой и делала успехи: была чемпионкой школы по многоборью, на областной спартакиаде в Черновцах стала победительницей в беге на 100 и 800 м. Но чем старше девочка становилась, тем больше ее тянуло к музыке. Вскоре она стала петь в художественной самодеятельности и пошла в музыкальную школу. И поэтому по окончании десяти классов выбор София уже сделала сознательный: решила поступать в Черновицкое музыкальное училище. Но когда приехала в «область», выяснила, что вокального факультета в училище нет, и поступила на дирижерско-хоровой. Окончила она его в 1968 г. и сразу же сдала документы на заочный факультет Кишиневского института искусств им. Музьиеску. А пока работала тут же, в училище, преподавателем сольфеджио и теории музыки, выступала на конкурсах и смотрах и пела, пела…

Надо сказать, свою дорогу на музыкальный Олимп София Ротару начала еще школьницей. Победа в районном конкурсе художественной самодеятельности в 1962 г. позволила ей поехать на областной смотр. За чарующий голос земляки тогда одарили ее нежным именем – «Буковинский соловей». Пела Сонечка

удивительно. Сильный и по-народному раздольный голос, необыайно широкий диапазон и сочность, его обаяние, свобода и страстность не оставляли сомнений относительно будущей счастливой судьбы молодой певицы. Уже в следующем году диплом первой степени на областном смотре принес ей путевку в Киев для участия в республиканском конкурсе, где 17-летняя София вновь победила. Через несколько месяцев голос девушки покорил и Москву – она пела на самой престижной сцене Кремлевского Дворца Съездов. «И кто тебя замуж возьмет? – говорила ей часто мама. – Одна музыка в голове».

Но к тому времени у Сони был уже «надоедливый» поклонник. После победы на республиканском смотре ее фотографию поместили на обложке журнала «Украина», который в те годы распространялся по всему СССР. Анатолий Евдокименко, служивший тогда в армии в Нижнем Тагиле, повесил фото красавицы-буковинки у себя над кроватью и дал себе зарок, что станет ее мужем. Окончив службу, он приехал в далекие Черновцы, перевелся в местный институт, где получил специальность физика и остался работать на кафедре. Долгих два года он добивался сердца Софьи, а она все твердила: «С городскими парнями я связываться не буду. Выйду замуж за своего, сельского. Может, не сельского, но за молдаванина». Не помогали ни красивые ухаживания, ни подарки. А вот когда Толя пригласил ее солисткой в институтский оркестр, она оттаяла. Последние преграды разрушились в тот момент, когда парень рассказал ей о своих безответных чувствах и предложил руку и сердце… на чистейшем молдавском языке. «Скромная» свадьба человек на 300, длившаяся три дня, состоялась в Маршанцах 22 сентября 1968 г. Вскоре София Ротару впервые оставила сцену: у счастливых супругов родился единственный сын Руслан. Правда, вынашивала его мама «почти год» – решив проверить мужа, она заранее сказала, что ждет ребенка, – счастливый же Евдокименко на такую мелочь внимания не обратил.

В 1968 г. в жизни Ротару произошло еще одно радостное событие. Свой день рождения она встречала на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии как участница фольклорного конкурса (Толя тогда, чтобы поехать с ней, за два месяца освоил контрабас). Соня пела украинскую народную «На камне стою» и молдавскую «Люблю весну», а также «Степью» А. Пашкевича и «Валентины» Г. Георгице. Здесь ее снова ждал ошеломительный успех. А когда певице вручали золотую медаль и ее буквально засыпали болгарскими розами, один оркестрант пошутил: «Цветы Софии для Софии». Газеты тоже пестрели подобными заголовками, провозглашая рождение новой звезды. А

председатель жюри Людмила Зыкина сказала просто: «Это – певица с великим будущим».

Но сама Ротару ведет отсчет своей музыкальной карьеры с 1971 г. Именно тогда Анатолий Евдокименко, известный в то время как ученый и автор множества статей, бросил науку, чтобы целиком посвятить себя любимой жене. И, чтобы София ни от кого не зависела в репертуарном вопросе, вскоре после ее съемок в музыкальном фильме о любви девушки-горянки и донецкого паренька «Червона рута» он создал при Черновицкой филармонии (куда певицу пригласили работать) коллектив с таким же названием. А чтобы она не отвлекалась на объяснения, какой свет ей нужен или аранжировка, Анатолий окончил режиссерский факультет Киевского института культуры. Вскоре он стал художественным руководителем ансамбля, а фактически на долгие годы – продюсером Ротару, постановщиком программ, режиссером, директором, телохранителем. Они вместе продумывали репертуар, и с тех пор народные мелодии в современной обработке стали основой большей части ее эстрадных хитов.

Первое значительное выступление нового ансамбля состоялось в Звездном городке перед космонавтами, которые восприняли его на ура. Да и как было не оценить прекрасную лирическую песню В. Ивасюка «Червона рута» в исполнении не менее обворожительной девушки в стилизованных народных одеждах, которая словно и не боялась выступать перед такой «серьезной» публикой, а наоборот, своей кипучей энергией заражала зал. Надо отметить, что туалеты, в которых долгое время выходила на сцену певица, до сих пор вызывают восхищение и у нас, и за рубежом: созданные швеями обычной швейной фабрики, они вручную расшиты узорами мастериц-вышивальщиц из села Бояны Черновицкой области и представляют собой не только художественную, но и этнографическую ценность. Не изменила София Ротару любимым фольклорным мотивам и по сей день, одеваясь у таких модельеров, как Зайцев, Юдашкин, Вызов. Последнее время костюмы для певицы готовит талантливый украинский дизайнер Лилия Пустовит. Хотя на самом деле София Михайловна всегда доверяет только своему вкусу, утверждая, что сценические костюмы должны соответствовать внутреннему миру и требуемому образу.

Встречу же с Владимиром Ивасюком Ротару считала счастливым подарком судьбы. В его творениях удивительным образом сочетались красота и романтика буковинского края, свежесть и целомудренность первой любви, бескрайняя вера в

счастье – все такое близкое самой Ротару. Именно он, а также В. Тромцев и Л. Дудковский сочинили песни, которые пела София Михайловна в «Червоной руте» и с которыми в полную силу разгорелась ее звезда на отечественной эстраде. Именно Ивасюку, безвременно ушедшему из жизни, певица на каждом концерте посвящает одну из своих песен.

Тем временем слава ее стремительно росла. За несколько лет из безвестной провинциальной исполнительницы София Ротару превратилась в обожаемого миллионами слушателей кумира. Ее имя быстро стало синонимом всенародно любимых песен: «Баллада о матери» и «Лебединая верность» Е. Мартынова, «Верни мне музыку» А. Бабаджаняна, «Аист на крыше» Д. Тухманова, «Ожидание» Ю. Саульского, «Мой белый город» Ю. Силантьева и многих других. И в каждой из них певица одним лишь голосом сумела создать калейдоскоп неповторимых образов: ее знали и смешной взбалмошной девчонкой, и переживающей трепетные мгновения первой влюбленности девушкой, и выдержавшей все разочарования и беды женщиной… А еще – первой в Советском Союзе исполнительницей в стиле рэп. В свое время шлягер Тухманова «Я, Ты, Он, Она! Вместе целая страна!» побил в стране все рекорды по популярности. А когда Ротару показала его на мюнхенской студии грамзаписи «Ориола», все были удивлены, откуда в СССР такая «продвинутая» музыка.

Сейчас репертуар певицы – это более 400 песен различных стилей: от народных баллад до суперсовременных хитов; множество альбомов раскупается на территории всего СНГ. И кажется, что каждую песню София Михайловна пропускает через призму собственного жизненного опыта, своих переживаний и радостей. Трудно сказать, какая из двух чаш весов перевесит. С одной стороны – всенародная любовь и признание, конкурсы и победы, премии и награды. С другой, незаметной для чужого глаза, – титанический труд и горькие личные беды. Например, мало кто знает, что в Крым певица переехала не по собственной воле или из-за болезни (которой якобы была астма или туберкулез), а по… политическим причинам: «В конце 1975 года из армии вернулся мой брат Анатолий. На Старый Новый год братья колобродили с елкой, вытащенной из клуба, а в те времена был строгий запрет. В три часа ночи приехала милиция, и братьев забрали, якобы за участие в церковном обряде и празднование старорежимного праздника. Это сейчас смешно, а тогда нам всем было не до веселья, папу исключили из партии, братьев из комсомола. Наша фамилия оказалась в черных списках. Мне посоветовали уехать из Черновцов. Хорошо, что в то время у меня были гастроли в Крыму и директор крымской госфилармонии,

прослышав о случившемся, предложил переехать в их регион». Так или иначе, но Крым принял Софию Михайловну ласково и стал для нее родным домом.

Надо сказать, что репертуар Ротару все время рос как на дрожжах. Это объяснялось и любовью композиторов и поэтов-песенников, которые наперебой предлагали ей свои сочинения, к ее легкому характеру, и ее собственной плодотворной деятельностью. На шесть лет (1978-1984 гг.) она забыла, что такое отпуск: постоянная отшлифовка новых песен, съемки в кино («Песня будет среди нас», «Где ты, любовь», «Душа», «Золотое сердце») и непрекращающиеся гастроли. Неудивительно, что после 137 концертов подряд сказалось накопившееся нервное перенапряжение: однажды на сцене София Михайловна потеряла чувство реальности и спросила у слушателей, где она находится. Врачи настаивали на продолжительном отдыхе, но она никак не хотела оставлять любимое дело, за что пострадала еще больше. Вскоре на голосовых связках образовались помпы (узелки на связках) – профессиональное заболевание практически всех певцов. Операция была совсем несложной, но вот беда – требовала первое время беречь голос, разговаривать шепотом и ни в коем случае не петь. Певица же начала распеваться уже через несколько дней… В результате – вынужденная повторная операция и почти год принудительного «отпуска». Время это София Михайловна, конечно, даром не теряла: готовила новую программу.

1985 год подарил певице еще одну прекрасную новую встречу – с композитором Владимиром Матецким. Написанный им специально для Ротару шлягер «Лаванда» (признанный лучшей песней года) стал первым в их сотрудничестве.

Перестройка и приближающаяся независимость страны внесли в жизнь Софии Михайловны очередные горькие мгновения. Во время концерта во Львове в 1989 г. ее репертуар впервые попал под «обстрел» националистов. Ротару рассказывала об этом: «Неприятно… Но я глаза от зрителей не прятала. Меня засвистывают, а я пою. Мне телевизионщики кричат: "Отойди от трибун от греха подальше, не дразни гусей…"». Дальше – хуже: когда Украина стала независимой, подобные нападки усилились: провокации на выступлениях, статьи о том, что Ротару поет по-украински, даже не зная этого языка, что большая часть ее песен на русском, а значит, она «продалась москалям». Травля певицы в ее родной стране приняла такие масштабы, что из-за размолвок, возникших в «Червоной руте», Ротару была вынуждена расстаться со своим ансамблем и клятвенно пообещала никогда больше не выступать

на украинских сценах…

София Михайловна сдержала свое слово. Она вернулась к своим украинским поклонникам лишь в 1996 г., когда сам Президент Украины попросил ее об этом. Газеты писали: «Президент страны встретился с президентом эстрады». Многолетнее противостояние закончилось полной победой певицы: слушатели хотели видеть и слышать свою любимицу. В том же году перед концертным залом «Юбилейный» была заложена Звезда Софии Ротару.

Казалось, что жизнь певицы постепенно налаживается. Она с головой погрузилась в работу, концерты по СНГ и за рубежом. Но самое страшное было впереди: в 1997 г. Анатолий Кириллович слег с инсультом и впервые оставил жену одну; в следующем году умерла ее мама, зверски убили отца ее невестки, хорошего друга. Все это не могло не повлиять на Софию Михайловну. Но она выстояла: «Перекрестилась дрожащей рукой, шагнула из кулис – и поняла: без сцены нет жизни».

В 2001 г. София Ротару с новой концертной программой «Жизнь моя – моя любовь» отметила 30-летний юбилей творческой деятельности. Этот год певица провела в разъездах и снова сама: муж перенес с недолгим перерывом еще два инсульта, сопровождать ее он физически не мог. В октябре 2002 г. Украину она покидала с тяжелым сердцем: должны были пройти выступления в Германии, а покидать мужа надолго было боязно. 23 октября Ротару отменила все концерты и срочно вылетела в Киев – у Анатолия случился четвертый удар, унесший его жизнь в тот же день.

Говорили, что певица так и не смогла оправиться от этого горя. Говорили, что она потеряла голос и никогда больше не сможет петь, не выйдет больше на сцену. Что происходило в душе Софии Михайловны, никому знать не дано. Известно только, что вскоре она улетела в Санкт-Петербург на съемки клипа на новую песню «Белый танец», а оттуда – в Москву, где участвовала в нескольких концертах. Ротару не оставила эстраду и своих зрителей, которые тянутся к ней с такой же теплотой и восхищением, как и раньше, желая поддержать и помочь своей любовью той, которая столько раз своими песнями поддерживала их. Люди искренне любят Ротару, ведь она не похожа на коллег. Простая, открытая, София Михайловна готова мерзнуть в провинциальной гостинице, если знает, что ее ждут, легко выбегает в зал, не обращая никакого внимания на пытающихся оградить ее от возможных неприятностей охранников, общается с поклонниками, а ее шаловливая улыбка разбивает мужские сердца. И потому любой придуманный скандал или раздутая

прессой сенсация кажутся нелепыми, когда речь идет о Ротару.

Живет София Михайловна в Никите под Ялтой, в доме, спроектированном и обустроенном ее сыном, или в своей киевской квартире. Она редко появляется на шумных звездных тусовках, предпочитая всему работу в саду, каждый росток для которого нашла и посадила собственными руками. «Мой любимый инструмент – секатор», – часто говорит Ротару. А еще ее любовь принадлежит семье: сыну Руслану, его жене Светлане и двум очаровательным внукам – Толику, названному в честь двух дедушек, и Сонечке-младшей. Толик любит петь бабушкин репертуар и часто требует: «Соня, давай». Конечно же, те песни, которые он знает из «новой» Ротару: «Хуторянка», «Море, море», «Мотылек», «Люби меня». Требует так же, как и слушатели на концертах свои любимые, вечные – «Червону руту», «Водограй», «Черемшину»… И каждый из них вслед за невесткой Софии Михайловны может повторить: «Для нас она – Солнце, которое согревает всех своим теплом».

Рыльский Максим Фадеевич (род. в 1895 г. – ум. в 1964 г.)

Украинский советский поэт, переводчик, ученый, общественный деятель, академик АН СССР (1958 г.), АН УССР (1943 г.), директор Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (1944-1964 гг.).

Жизнь подарила Максиму Рыльскому множество ролей: талантливый поэт, любящий отец, обожаемый супруг, арестант Лукьяновской тюрьмы, ученый – список можно продолжить. Он блестяще справился со всеми и из самых сложных ситуаций вышел с честью. За бесконечную доброту и терпение друзья назвали его Максим Золотое Сердце. Таким он и запомнился современникам, а двадцать томов мыслей, чувств и переживаний поэта стали залогом его бессмертия.

Максим Рыльский родился 19 марта 1895 г. в семье помещика польского происхождения небезызвестного Тадея (Фадея) Рыльского. «Того самого Тадея», который еще студентом историко-филологического факультета Киевского университета отказался ото всех дворянских привилегий и вместе с несколькими товарищами основал кружок, члены которого изучали жизнь и обычаи простых крестьян. Это небольшое объединение со временем переросло в Киевскую Громаду – организацию, занимавшуюся широкой культурно-просветительской деятельностью. В 1876 г. царское правительство

запретило Громады, а за всеми их участниками было установлено негласное наблюдение.

По воспоминаниям Михаила Драгоманова, в обществе за Тадеем Рыльским и его другом В. Антоновичем прочно закрепилась слава будущих организаторов новой колиивщины, неких Гонты и Зализняка.

По окончании университета Тадей отказался от положенного места и поселился в селе Романовка, решив связать свою жизнь с простыми людьми. Однако роль пассивного наблюдателя, изучающего крестьянский быт, не удовлетворила Рыльского. Он основал в Романовке школу для сельских детей и почти двадцать лет был в ней куратором и учителем. По тем временам это было необычное учреждение: Тадей Розеславович прекрасно оборудовал химический и физический кабинеты, собрал довольно обширную библиотеку, организовал вечерние занятия для взрослых. Несмотря на постоянную занятость, он много писал и выступал в различных изданиях со статьями, в которых рассказывал о тяжелом положении сельской бедноты. Публикации находили отклик. Об этом свидетельствует тот факт, что число друзей Рыльского постоянно росло и среди них было много прогрессивных людей – Николай Лысенко, Михаил Максимович, писатель Михаил Старицкий, языковеды Павел Житецкий и Кость Михальчук. Таким образом, семья Рыльских – Тадей и его жена, Мелания Федоровна, простая крестьянка, но вместе с тем мудрая и искренняя женщина, – стала своеобразным оплотом культуры и интеллигентности. Без сомнения, круг общения и интересов отца определил и ту духовную атмосферу, в которой воспитывались трое его сыновей. С самого детства Ивану, Богдану и младшему – Максиму – родители старались привить любовь к Украине, ее народу, совестливость и честность.

«Когда хочешь сделать зло, подумай как следует, а потом не делай. Когда же задумал доброе, не сомневайся. Никогда не делай днем то, что будет мешать спать ночью», – часто повторяла сыновьям Мелания Федоровна. Она старалась не обделять вниманием никого из детей, но к Максимке всегда относилась с чуть большей нежностью. «Мой Максим будет великим человеком», – говорила она. Быть может, материнским чутьем угадывала в маленьком сыне необычайный талант.

Детство Максима в основном проходило среди сельских детей. В отличие от соседей-помещиков Рыльские не только не запрещали подобное общение, но и всячески способствовали ему. Максим рос веселым, резвым ребенком. Его постоянно увлекали новые дела – рыбалка, путешествия по окрестным лесам и лугам, строительство хижины на опушке, сооружение плота,

таинственные рассказы ночью возле костра – словом, все, что может привлекать простого босоногого мальчишку. Своими «открытиями», мечтами и планами он неизменно делился с родителями и всегда получал добрый совет, ощущал на себе их любовь и тепло. Как отмечал академик Александр Белецкий, Рыльский много чем обязан в своем развитии и детским впечатлениям, и окружению, и влиянию прочитанных книг. Действительно, если бы он воспитывался в «оранжерейных условиях», как другие дворянские дети, то никогда не был бы таким отзывчивым, понимающим человеческое горе, искренне любящим природу.

К сожалению, счастливые дни детства были омрачены смертью отца. Тогда Максиму шел всего лишь восьмой год. Стоя возле гроба, он поклялся: «Я буду таким, как мой отец». Свое обещание Рыльский сдержал.

Друзья семьи не покинули Меланию Федоровну и детей. Так, Николай Витальевич Лысенко взял на себя заботу о Максиме: когда тот поступил в одну из киевских гимназий, то поселился в семье известного композитора.

«Маленький гимназистик, шустрый, остроумный и в то же время вежливый, сразу стал любимцем всей нашей семьи», – вспоминал сын композитора Остап.

Максим был необычайно способным учеником и проявлял интерес ко всем дисциплинам, но больше всего его привлекали языки и литература. Николай Витальевич, в свою очередь, приложил немало усилий к тому, чтобы сформировать у своего подопечного хороший литературный вкус, привить любовь к искусству, часто брал его на концерты и спектакли, разрешал присутствовать на репетициях. Не раз Лысенки заставали Максима за пианино главы семьи – все, что Рыльский слышал в оперном театре, он старался подобрать на слух.

«И слухом музыкальным, и памятью, – говорил своим друзьям Николай Витальевич, – не обидела природа-мать нашего Максима, кто знает… может, и музыкантом будет». В чем-то надежды композитора оправдались: ведь поэзия и музыка – родные сестры.

Два года, проведенные в дружной семье Лысенко, наложили отпечаток на формирование поэтического таланта Рыльского. Впоследствии образ композитора воскреснет в знаменитом «Слове о родной матери» – «И струны Лысенка живые», и в поэме «Мария Заньковецкая» – «И Лысенко ее любил певуче-нежною душой», и в сонете «Николай Лысенко». Однако композитор был не единственным «вдохновителем» молодого поэта. В 14 лет он без памяти влюбился в Галю, дочь Лысенка, которая была старше его

на 6 лет и как раз собиралась замуж за Константина Шило. Первая неразделенная любовь и муки ревности стали основными мотивами стихотворений «Ноктюрн» и «Голубое озеро», вошедших в первый сборник поэта «На белых островах» (1910 г.). Сильное чувство во многом ускорило творческий дебют Рыльского: он был достаточно успешным и произвел в обществе резонанс, а сам пятнадцатилетний поэт поверил в свои силы и стал считать себя настоящим литератором.

По окончании гимназии Рыльский в 1915 г. поступил в университет Святого Владимира на медицинский факультет. Такому странному выбору поэта во многом способствовала воля матери. Однако когда в 1918 г. в Киеве открылся Государственный университет, Максим приложил все усилия к тому, чтобы перейти в него, и обязательно на историко-филологический факультет. К сожалению, наслаждаться лекциями по литературе и языку Рыльскому пришлось недолго: как и многие учебные заведения, университет закрылся. Максиму ничего не оставалось делать, как искать работу. С 1919 г. он начал преподавать украинский язык и литературу в сельских школах, в том числе и в родной Романовке. Как и отец в свое время, Максим много внимания уделял расширению школьной библиотеки, воспитанию в учениках любви к родному языку. Кроме того, организовал в Романовке вечерние занятия, которые с удовольствием посещали около сотни хлеборобов, ставит любительские спектакли. Вечерами Рыльского часто можно было увидеть за пианино в окружении его маленьких воспитанников.

Среди стихотворений, которые появились из-под пера Рыльского в годы учительствования, многие посвящены простым крестьянам, могучей силе коллектива, родной природе.

Максим Рыльский часто ездил в Киев, там неизменно посещал театры и поддерживал связь с издательствами. Он любил этот город, навевавший воспоминания о студенческих годах, о первых стихотворениях, о Гале. И хотя поэту было трудно расстаться с Романовкой, учениками и родным домом, в 1923 г. он переехал в Киев.

Некоторое время Максим Фадеевич преподавал в Железнодорожной школе и снова стал любимым учителем для детворы. Его энергии и жизнелюбию можно было только позавидовать; многие друзья Рыльского удивлялись, как ему удается совмещать столько дел: готовиться к урокам, заниматься литературной деятельностью, быть душой в компании друзей-писателей, руководить школьным драматическим кружком, помогать в выборе песен для школьного хора. Он только улыбался в ответ и каким-то чудом успевал организовывать экскурсии по

Днепру для учеников, писать статьи в газеты и журналы. А с 1926 г. в жизни Максима Фадеевича появились новые заботы и радости: он стал любящим мужем для «своей единственной Катруси» (Катерины Николаевны Паткевич) и заботливым отцом для ее семилетнего сына Георгия. Спустя 4 года в семье поэта появился и маленький Богдан.

Несмотря на колоссальную загруженность, Рыльский всегда оставался приветливым и общительным человеком, а его дом был открыт для друзей, многих неординарных личностей того времени, в общении с которыми Максим Фадеевич черпал силы для своего нелегкого труда. Были среди них и Михаил Драй-Хмара, и Михаил Могилянский, и Николай Бажан. Дружбой с поэтом могли похвалиться Остап Вишня, Александр Довженко, Юрий Смолич, Иван Козловский, Михаил Стельмах, Андрей Малышко и другие деятели украинской культуры. К сожалению, многие из них были репрессированы в 1930-е гг. – страшное время сталинского террора. Тоталитарный режим, при котором каждый человек был просто винтиком в огромном механизме и никакой души, а тем более таланта, у него не предусматривалось, захлестнул и Рыльского.

В 1931 г., в день своего рождения, он был арестован и отправлен в Лукьяновскую тюрьму. Пять месяцев поэт провел за решеткой, пытаясь доказать свою непричастность к работе Украинского национального центра – организации, которая якобы замышляла свержение Сталина и устраивала различные антисоветские акции. Это было сфабрикованное дело, направленное на уничтожение цвета украинской интеллигенции. Будучи умным человеком, Максим Фадеевич сразу понял, чего от него хотят следователи – оговорить товарищей. Собрав в кулак всю свою волю, он решительно отказался подписывать какие бы то ни было бумаги и приготовился к самому худшему. Однако судьба распорядилась иначе – для того чтобы упрятать поэта за решетку, следователям не хватило фактов. Но перед тем, как отпустить Рыльского домой, ему дали понять: чтобы остаться в живых и на свободе, следует большое внимание в своих стихотворениях уделить прославлению «вождя всех народов» и «справедливой системы». Так среди стихотворений поэта появились «Декларация обязанностей поэта и гражданина», «Песнь вождя», «Ленин» («С жестом суровым и простым…») и, конечно же, известная на весь Советский Союз «Песня о Сталине» (1935 г.). Рыльский долго сомневался в том, следует ли писать подобное произведение и прославлять в нем человека, по вине которого погибли многие его товарищи. За советом он обратился к известному ученому – исследователю народной песни –

Дмитрию Ревуцкому, который посоветовал выполнить партийный заказ, «чтобы сохранить себе жизнь для передачи творческой эстафеты украинской культуры – будущему поколению».

«Песня о Сталине» на долгие годы стала своеобразной охранной грамотой поэта и спасла его от шквала репрессий второй половины 1930-х гг. Когда в кремлевских кабинетах заходил разговор «об этом Рыльском», чиновники пожимали плечами: «Как можно арестовать поэта, который написал "Песню о Сталине" – ведь ее поет вся страна?». Таким образом, Максим Фадеевич получил уникальную возможность спокойно заниматься творчеством.

Предвоенные годы прошли для Рыльского в напряженной работе. Став в 1934 г. членом Союза писателей Украины, со следующего года и до начала войны он заведовал литературной частью Киевского театра оперы и балета, одновременно с этим возглавлял отдел поэзии журнала «Советская литература». Выходят в свет его сборники «Киев» (1935 г.), «Лето» (1936 г.), «Украина» (1938 г.), «Сбор винограда» (1940 г.). В издательстве «Художественная литература» увидела свет первая книга М. Рыльского в переводе на русский язык – «Избранные стихи». Через некоторое время в Москве издали повесть в стихах «Марина» (1937 г.), «Избранное» (1940 г.), «Стихи и песни» (1940 г.). Рыльский приобрел статус поэта всесоюзного значения.

В годы Великой Отечественной войны Рыльский вместе со многими украинскими писателями находился в эвакуации в далекой Уфе. Однако и здесь, будучи главой Союза писателей Украины (1943-1945 гг.), не переставал напряженно работать и не обращал внимания на сложные бытовые условия, приложил много усилий к сплочению писателей и мобилизации их на борьбу с фашизмом.

За вклад в развитие советской культуры в 1942 г. Рыльскому была присуждена Сталинская премия. Половину ее (50 тыс. рублей) поэт передал на нужды Красной Армии.

Празднование 50-летия со дня рождения и 35-летия творческой деятельности Рыльского прошло в атмосфере всенародного признания и совпало с великой победой 1945 г.

Послевоенные годы были очень насыщенными для Максима Фадеевича. Он много писал, публиковался; активно занимался и общественной работой: вице-председатель Всеславянского комитета (с 1944 г.), депутат Верховного Совета СССР (с 1946 г. и до конца жизни), председатель Украинского отделения Общества советско-польской дружбы (1958-1964 гг.), член Международного комитета славистов (1961-1964 гг.) – это лишь некоторые его гражданские обязанности, которые, впрочем,

отбирали у поэта много сил и времени. С общественной работой связаны и многочисленные командировки – в Чехословакию, Польшу, Югославию, Австрию, Францию, Бразилию.

В январе 1950 г. Максиму Фадеевичу присвоили ученую степень доктора филологических наук (по совокупности работ, без защиты диссертации), а через восемь лет избрали действительным членом АН СССР.

В течение двадцати лет – с 1944 по 1964 гг. – Рыльский являлся директором Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, много работал в области литературоведения и языкознания. Кроме того, Максим Фадеевич широко известен как переводчик А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А. Мицкевича, французских писателей.

Но как и прежде, на первом месте для Рыльского оставалась поэзия – его стихи, в которых он мог выразить свои мысли и переживания. Подлинным творческим взлетом являются последние книги Максима Фадеевича – «Розы и виноград» (1957 г.), «Голосеевский лес» (1959 г.), «Стая журавлей» (1960 г.), «Зимние записи» (1964 г.), в которых Рыльский в очередной раз показал свой талант настоящего мастера строгих поэтических форм – сонета, терцины, октавы, стансов. Для него характерны стремление к ясности и простоте выражения, мелодичность стиха, богатство лексики и ритмико-интонационных ходов. Все эти качества особенно ярко проявились в книге «Далекие небосклоны», удостоенной в 1959 г. Ленинской премии.

Без сомнения, Рыльский еще многое бы сделал для своей страны и народа, и еще многими строками обрадовал бы читателя, если бы не тяжелая болезнь – рак поджелудочной железы. Перед страшным диагнозом оказалась бессильна даже кремлевская медицина – поэт был обречен на медленное угасание. Но до самой последней минуты Максим Фадеевич смеялся и шутил, пытаясь поддержать отчаявшихся родственников и подарить миру еще немного тепла и любви. Сердце Рыльского перестало биться 24 июля 1964 г.

«Если бы за каждое его доброе дело жизнь подарила Золотому Сердцу хотя бы день – смерть отступила бы надолго», – написал один из первых биографов поэта, Ефим Мартыч. И хотя этого не произошло, жизнь по-другому отблагодарила Максима Рыльского – она преподнесла ему вечную память благодарных читателей.

Сагайдачный Петр
Полное имя – Петр Кононович Конашевич-Сагайдачный
(род. около 1570 г. – ум. в 1622 г.)

Политический и военный деятель Украины XVII в., гетман реестрового казачества. Участник и руководитель походов в Крым и Турцию. В обмен за услуги, оказываемые Речи Посполитой, стремился укрепить положение запорожцев и ослабить национальный и религиозный гнет на территории Украины. При его активном участии в Киеве была восстановлена православная иерархия, ликвидированная в результате Брестской унии.

В апреле 2002 г. в Киеве прошли мероприятия, посвященные памяти Петра Конашевича-Сагайдачного. В день 380-летия со дня смерти легендарного украинского гетмана спикер Верховной Рады И. Плющ, вице-премьер В. Семиноженко и киевский городской голова А. Омельченко возложили цветы к памятнику выдающемуся державнику на Подоле.

Иван Плющ в интервью журналистам отметил, что чествование памяти Петра Сагайдачного является «ярким свидетельством того, что Украина возрождает свои духовные, исторические и культурные святыни. Проводя такие мероприятия, мы каждый раз открываем еще одну страничку истинной истории

Украины, так как мы были поколением, воспитанным на неправде, а на неправде можно воспитать только неправду в квадрате или кубе». Он также подчеркнул, что, «возрождая Украину и отдавая должное ее духовным подвижникам, мы открываем и пишем новые страницы украинской истории»…

В начале XVII в. Восточную Европу сотрясала московская Смута. Великая, Малая и Белая Русь пришли в движение. Запорожские казаки воевали с Москвой и Польшей, 12 тыс. человек ходили на Москву с Дмитрием Первым, якобы Самозванцем. Еще больше сечевого народу было в отрядах второго Лжедмитрия и в ополчении князя Трубецкого. Одновременно за пороги сбегались тысячи и тысячи новых людей: часть из них мечтала, как повелось, о воле, добыче и приключениях, часть спасалась от голода, терроризировавшего Великороссию. В этой людской массе «старые запорожцы» составляли только малую часть, и традиции войска оказались поколеблены.

Когда воевать стало не с кем, ватаги казаков занялись разбоем, шлялись из города в город без дела, грабили села и усадьбы. По всей Малороссии воцарилась анархия. И в том, что это безвластие не привело к разорению Украины, к гибели Запорожья, огромная заслуга Петра Конашевича-Сагайдачного – великого организатора украинского вольного войска.

Будущий гетман Сагайдачный родился, вероятно, около 1570 г. в селе Кульчинцах близ Самбора (сейчас – Львовская область) и был выходцем из захудалого шляхетского галицийского рода православного вероисповедания. Он закончил одно из лучших в ту пору польских учебных заведений – Острожскую академию на Волыни, а потом отправился «за пороги», где под руководством Самойла Кошки прошел военную школу.

Современник писал о нем: «От младых ногтей Петр научился натягивать лук, проводить день за днем в седле, с трудностями бороться силой своего характера; легко переносил он лишения, голод и труд, не боялся врага и в опасности проявлял отчаянную храбрость». А другой соратник гетмана добавлял: «Это был человек великого духа, он первым входил во вражеские города и последним уходил из них, на привалах сам обходил часовых, мало спал и никогда не допивался допьяна, как это водится у казаков. Он никогда не носил богатых нарядов и во время горячих споров оставался скупым на пустые слова».

Начиная с 1590-х гг. Сагайдачный уже принимал участие в казацких походах. С начала XVII в. он постоянно находился в Запорожской Сечи и участвовал в Молдавской и Ливонской войнах (1600-1601 гг.). Вскоре Петр выдвинулся на ведущее место

среди казацкой старшины и стал задумываться о том, как превратить казацкое войско в регулярное военное формирование.

В 1605 г. он был избран кошевым атаманом Сечи и возглавил ряд удачных походов на Оттоманскую Порту и Крымское ханство. Под его предводительством запорожцы в том же 1605 г. взяли турецкую крепость Варну, в следующем году – Кафу (ныне Феодосия), причем сожгли турецкий флот и освободили огромное количество христианских невольников. Польша занята была тогда войной с Москвой и потому заигрывала с казаками, не чиня им никаких препятствий в наведении порядка на украинской территории.

Сагайдачного избрали гетманом в начале 1610-х гг. Он сразу же принялся за реформу войска, чтобы не превратилось вольное казачество в обычные шайки разбойников. В одном из указов того времени читаем: «Ремесленников, купцов, бургомистров, кабатчиков, бакалейщиков и всех тех, кто прибивается к нашему войску, будь то мещане или сельские жители, мы больше не станем считать казаками». В соответствии с этим распоряжением был составлен реестр запорожцев и созданы регулярные полки. Все казаки имели современное огнестрельное оружие, у каждого была сменная лошадь. Всякий день проводились учения.

В своих частях Сагайдачный поддерживал жесткую дисциплину. Вынужден был, признаются современники, ибо без палки совсем отвыкли от послушания казаки. Наказания за провинности были неслыханно жестокими, но лучшие воины не роптали, они понимали, что гетман таким образом повышает их боевой дух. «Он был такой суровый, Петро, суровый, но справедливый, – вспоминал один из его ближайших друзей. – Обуздывал казацкое своеволие и порой даже щедро проливал кровь запорожцев». Но в конечном счете отнюдь не наказания обеспечили дисциплину в войсках. При Сагайдачном казаки впервые почувствовали себя причастными к большому историческому движению, борьбе за независимость, чистоту веры, отеческое наследие. Гетману нужны были не оборванцы, лишившиеся семьи и дома, а люди, преданные воинскому делу и отстаивающие высокие идеалы.

Историки отмечают, что в гетманской деятельности Сагайдачный руководствовался прагматизмом, трезвым расчетом, твердостью и одновременно склонностью к компромиссам. В 1618 г. Польша обратилась к нему с просьбой помочь королевичу Владиславу, двинувшемуся на Москву. У гетмана в это время были совсем иные планы, он как раз вел переговоры с французским послом Марконетом о союзе против турок, однако, поскольку в деле участвовал сам Владислав, казаки не могли

отказаться. Запорожское войско в 20 тыс. сабель овладело Ливнами и Ельцом, разбило ополчения Пожарского и Волконского, однако Москву взять не смогло. В результате заключенного мира Владислав и его сторонники проиграли, но на воинской славе Сагайдачного это поражение нисколько не сказалось, поскольку сами запорожцы не потерпели ни единого поражения в открытом бою и к тому же вернулись домой с богатой добычей.

Сагайдачный перенес столицу казачества в Киев. Вместе со всем войском Запорожским он записался в Киевское Богоявленское братство, а в 1620 г. убедил иерусалимского патриарха Феофана, возвращавшегося из Москвы, восстановить на Украине православную иерархию, уничтоженную Брестской унией 1596 г. Патриарх рукоположил в киевские митрополиты Иова Борецкого, а также еще четырех епископов для Киевской митрополии. Тогда же гетман направил к царю специальное посольство с просьбой принять украинских казаков на московскую службу. Польша примирилась с этим, потому что опять нуждалась в казаках: турки нанесли ей страшное поражение под Цецорой. В Варшаве состоялся совет, на который пригласили гетмана Сагайдачного, как «творца великого и доброго», сочинение которого «Об унии» литовский канцлер Сапега заискивающе называл «предрагоценным».

Польский король запросил у запорожцев помощи, и в августе 1621 г. Сагайдачный с огромной армией – 41 тыс. конников и артиллерия из 22 пушек – был уже на берегах Днестра. «Польского войска коронный гетман Ходкевич успел собрать 57 тысяч, а именно: конников в железных латах – 12 тысяч, панцырников – 4 тысячи, пехотных поляков – 30 тысяч, пруссов и поморян – 8 тысяч да наемных угров – 3 тысячи; да еще с королевичем пришло под Хотин 30 тысяч. А неприятельская сила состояла в 300 тысячах турков и во 100 тысячах татар; и когда явился там Осман, хвалившийся «в войске казацком снедати, а в обозе польском обедати», то немедленно зачались сражения», – сообщал в своем труде украинский историк М. Максимович. Даже если эти цифры завышены, количество людей, готовых уничтожить друг друга, впечатляет. Кстати, в числе воевавших под Хотином поляков был молдавский воевода Петр Могила, впоследствии ставший митрополитом Киевским.

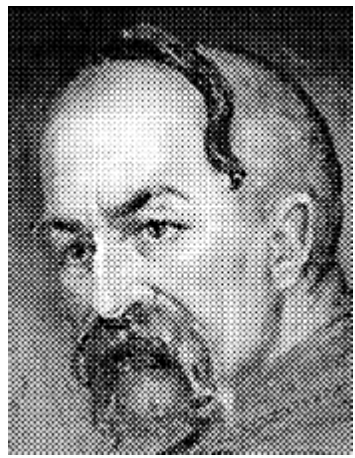
Больше месяца сражались казаки с турками, совершали дерзкие набеги на вражескую территорию, доходили до шатров турецких военачальников. Но бои не дали решающего перевеса ни одной из сторон, и, несмотря на численное преимущество турецкого войска, султан Осман Второй пожелал мира, который

был заключен 8 октября 1621 г. на условиях, выгодных Польше. Турки обещали удерживать татар от набегов на Украину, а запорожцы отказаться от дерзких рейдов на Черное море. Понятно, что обещаний своих никто не сдержал… В этом походе, во время одной из стычек под Хотином, Сагайдачный был ранен. Знахарка предсказала ему скорую смерть, и тогда, созвав приближенных, гетман произнес перед ними речь: «Поляки – не друзья нам и не враги, собирать надо силы, чтоб избавиться от их власти. Только москали, хоть и воевали мы с ними, могут стать нам верными соратниками. Нужно искать союза с Москвой и биться с басурманами. Станут паны польские мешать – и с панами будем биться».

Польский король щедро наградил запорожцев за подвиги под Хотином, но казацкого гетмана это не радовало – его дни были уже сочтены. После длительной болезни Петр Конашевич-Сагайдачный скончался в Киеве от ран, полученных в хотинском сражении. Он умер 20 апреля 1622 г. на руках у своей супруги Анастасии. Многие думают, что в знаменитой песне именно он «променял жену на табак и трубку», а между тем сделал это другой Сагайдачный – Григорий, кошевой атаман Запорожской Сечи.

Могила знаменитого полководца и борца за государственность Украины Петра Сагайдачного не сохранилась. Известно только, что похоронен он был в Братском Богоявленском монастыре (ныне – территория Национального университета «Киево-Могилянская академия»), величественный главный собор которого взорвали большевики. Сегодня неподалеку от неприступных некогда стен Хотинской твердыни на высоких днестровских кручах стоит памятник гетману. Он является составной частью этого заповедного места и весьма удачно вписан в существующий природно-исторический ландшафт.

Сирко Иван Дмитриевич (род.? – ум. в 1680 г.)



Предводитель запорожских казаков в борьбе против турецко-татарской агрессии во второй половине XVII в. Кошевой атаман Запорожской Сечи. Винницкий и Харьковский полковник.

В 60-70-е гг. XVII ст. во всей Украине не было более популярного человека, чем славный кошевой атаман Запороского казачества Иван Дмитриевич Сирко, память о котором сохранилась до наших дней. Этот человек то служил московскому царю, то переходил на сторону польского короля, то поддерживал одного из гетманов, то выступал на стороне его врагов, а иногда дрался против царя вместе с турецким султаном и крымским ханом. «Нужда закон меняет!» – была его любимая поговорка. Действовать так его вынуждали интересы украинского народа, которого он никогда не предавал.

До нас не дошли сведения о точном месте и дате рождения прославленного атамана. Можно только предположить, что родом он был с Подолья. Только в 1967 г. при перезахоронении останков Сирко в связи со строительством Каховского водохранилища были сделаны судебно-медицинские и археологические заключения о том, что он умер в возрасте 70-75 лет. Следовательно, родился он примерно в 1610 г. Не сохранилось даже словесного описания внешности героя. И только великий

художник И. Репин создал его образ в своем воображении в центре знаменитого полотна «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Впоследствии экспертиза останков атамана позволила также сделать его скульптурный портрет.

Множество легенд окружает эту фигуру. Одна из них повествует о рождении Сирко-младенца якобы уже с зубами, что являлось знамением того, что ему уготовано всю жизнь грызть врагов. Рассказывали, что Сирко мог рукой поймать на лету пулю, превращаться в пса и пробираться во вражеский стан, сражаться даже с нечистой силой, и якобы в честь одной такой битвы с чертом носит название поселение в Сечи – Чертомлын. Однако, вероятно, самой известной была легенда о письме-послании турецкому султану Мухаммеду IV, в составлении которого принимал участие Сирко. Эта почетная миссия была приписана атаману потому, что он запечатлелся в народной памяти как бесстрашный и бескорыстный воин, готовый сложить голову за родину. Много раз в его руки попадали огромные сокровища, захваченные в крымских и черноморских походах или отнятые у своих же гетманов-предателей, но никогда ничего не прилипало к его рукам. Незадолго до кончины Сирко писал: «Бог свидетель, на мою душу, что не приходил до разорения отчизны нашей Украины, не хвалюся, но истину реку, явне моя печаль и радение на неприятеля нашего всегдашнего бусурманина и ныне, при старости моей будучи, не о воинстве только одна мысль до остатних дней моих против того ж неприятеля нашего древнего противности чинити».

По свидетельству украинского летописца, имя Ивана Сирко наводило панический ужас на татар, его называли не иначе, как «урус шайтаном», а историки сравнивали с Чингисханом или Тамерланом.

Однако жизнь воина, ненависть и жестокость к врагу не убили в душе атамана чувства великодушия, сострадания и справедливости. В 1675 г. после битвы под Сивашом и освобождения более семи тысяч невольников по приказу Сирко было изрублено около трех тысяч из них, пожелавших вернуться назад к крымскому хану. После чего атаман поклонился казакам и попросил прощения за то, что обагрил их души кровью земляков, а вину от Бога за это взял на себя. Наряду с этим был случай, когда он оказал помощь татарам, которых косила страшная чума. Он выделил им вольные, не зараженные запорожские земли и воды, заявив при этом: «Будем людьми».

Жил Иван Сирко в суровое время, когда левобережные и правобережные гетманы-однодневки, турецкий султан, крымские ханы и польские магнаты со шляхтой рвали и опустошали земли

Украины так, что со временем этот период украинской истории получил грустное название «руина». Запорожская Сечь была форпостом борьбы Украины против Крымского ханства и султанской Турции, являясь в то же время пристанищем для всех недовольных существующими порядками.

Восемь раз Запорожская Сечь выбирала Ивана Сирко кошевым атаманом. Высокие требования предъявлялись к этой должности. Кошевой должен был обладать талантом политического деятеля, принципиальностью, глубоким знанием ситуации и способностью выбирать верный путь, так как, по сути, от позиции Сечи, которую на протяжении многих лет представлял Сирко, зависело очень многое в исторической судьбе не только украинского, но и других народов. И атаман с честью выполнял свою высокую миссию. Бесстрашный, он водил казаков в длительные походы, главной целью которых были защита родной земли и освобождение невольников из турецкого и татарского плена. На счету Сирко 55 битв и бессчетное количество мелких стычек – почти во всех он выходил победителем.

Впервые имя Сирко упоминается в летописях как участника морского похода казаков в конце 1620-х гг. Осенью 1644 г. Богдан Хмельницкий, будучи войсковым писарем, встречался в Варшаве с французским послом графом де Брежи. Они вели переговоры о найме запорожских казаков во французскую армию. В то время в Европе шла 30-летняя война. Переговоры продолжались, и в апреле следующего года Хмельницкий и сечевой атаман Иван Сирко выезжали в Фонтенбло, где после встречи с представителями французского командования была достигнута договоренность о найме. В октябре 1645 г. две тысячи казаков во главе с Сирко были перевезены морем из Гданьска в Кале, где принимали участие вместе с армией принца Конде в осаде и освобождении крепости Дюнкерк от испанцев. Затем Сирко участвовал в Освободительной войне 1648-1654 гг.

Когда в 1654 г. Хмельницкий присягнул на подданство России, Иван Сирко был среди противников такого решения и снова ушел за пороги. Но уже в 1659 г. он выступил против польского короля, не желавшего смириться с утратой Малороссии и заключившего союз с крымским ханом. За борьбу с ордой в низовьях Буга и Днестра царь подарил Сирко на 300 рублей соболей и 200 червонцев золотом.

Осенью 1660 г. гетман Юрий Хмельницкий под давлением пропольской старшины вынужден был присягнуть польскому королю. Однако левобережные казацкие полки не согласились на это и отказались подчиняться Юрию. Так с этого года в Украине появились левобережные и правобережные гетманы. Сирко также

порвал с Юрием. «Сирко в Запорожье великому государю служит верно», – сообщают об этом периоде дошедшие до нас документы.

В это время кошевой действовал совместно с российским полковником Г. Косачовым против крымского хана. Дружба и общая борьба против татарских грабителей объединяла их на протяжении многих лет. Запорожская Сечь защищала Украину от посягательств не только Турции и ее вассала – Крымского ханства, – но и от шляхетской Речи Посполитой. Польский король Ян III Собесский вынужден был признать Сирко славным воином и умелым вожаком казаков.

В эти тяжелые для Украины времена тысячи жителей Правобережья, спасаясь от польского гнета, искали лучшей доли на левом берегу Днепра, бывшим в ту пору Диким Полем. Нельзя достоверно сказать, что вынудило Сирко перебраться на Левобережье: усиление зажиточной верхушки казацкой старшины, ориентированной на Польшу, Турцию и Крым, или желание найти более спокойное пристанище для своей семьи. Так или иначе, но 1664-1668 гг. можно назвать харьковским периодом его жизни. Под Харьковом, в двух верстах от Мерефы, славный атаман обзавелся мельницей, слободкой Артемовкой и поселил свою семью. Скудные сведения гласят, что его жену звали Софьей, а сколько всего у них было детей – неизвестно: есть упоминания лишь о двух сыновьях и двух дочерях.

Появление на харьковской земле такой выдающейся и известной в Украине, России, Польше и Турции фигуры во многом содействовало становлению Харьковского казачьего полка как самостоятельной единицы и города Харькова как ее центра. В 1665 г. Иван Сирко был выборным полковником этого полка. Тут он возглавлял крестьян и казаков, восставших против притеснения старшины и царских воевод. Однако из городов Слобожанщины полковника поддержал только Харьков. Восстание потерпело поражение, и Сирко вернулся на Запорожье.

В свете этих событий становятся вполне понятными его тесные контакты с предводителем крестьянской войны в России Степаном Разиным. Скорее всего, эти две сильные личности не были лично знакомы, но усиленный обмен письмами, оперативной информацией через тайных агентов, говорил о подготовке совместной акции против царских воевод. Однако этим планам не суждено было сбыться: вскоре Разин сложил голову на Болотной площади в Москве.

Царское правительство не могло оставить без внимания враждебные ему действия Сирко. Воспользовавшись благоприятным моментом, когда в апреле 1672 г. атаман приехал на Левобережье лишь с малым эскортом, старшина арестовала его

и отправила в Москву. Вскоре Сирко был выслан с Сибирь, в город Тобольск. Запорожцы протестовали против этого акта и хлопотали о возвращении из ссылки их атамана. В Москву с письмом к царю было командировано специальное посольство. Судьбой Сирко были обеспокоены и поляки, заинтересованные, чтобы Сирко, как и прежде, отбивал нападения Оттоманской империи как на Украину, так и на Польшу. В это время усилились татарские набеги на Украину. Новая угроза турецкого нашествия вынудила царское правительство прислушаться к голосу казаков; в начале 1673 г. Сирко был возвращен из ссылки и уже летом возглавил поход казаков на Крымское ханство.

Дальнейшая жизнь Ивана Дмитриевича неразрывно связана с Запорожской Сечью. Он не знал передышки: едва заканчивался один поход, как атаман выступал в другой, наводя страх на врагов.

В 1673 г. произошло событие, характеризующее Сирко как человека, хорошо разбиравшегося в политической ситуации и настроениях широких казацких слоев. В этот период на Сечи появился самозванец «царевич» Симеон, который добивался поддержки запорожцев. Его пребывание Сирко умело использовал для того, чтобы отыграться за недавнюю ссылку в Сибирь и унижения, испытанные во время многочисленных допросов. «Царевича» приглашали на военные советы, его имя упоминалось на переговорах в Москве, и только после неоднократных настоятельных требований царя он был под охраной отправлен в Москву.

В 1675 г., будучи уже в преклонном возрасте, кошевой послал московскому царю прошение об отставке. Однако опытный и славный воин был необходим для царской службы, и ему отказали. Иван Сирко продолжал дальше выполнять обязанности защитника родной земли. Весной 1675 г. казацкий атаман, возглавив запорожских и донских казаков и калмыков, разбил ханские орды и отряды турецких янычар, которые вторглись на украинскую землю. А в последующие годы он провел еще несколько блистательных военных операций совместно с русскими войсками, которые остановили под Чигирином поход 200-тысячной турецко-татарской армии на Левобережную Украину.

Огромная популярность и авторитет Сирко в народе могли обеспечить ему избрание гетманом, но кошевой ни разу не претендовал на булаву. В силу своего положения он был знаком с правящей верхушкой Украины, а со многими из гетманов его связывали дружеские отношения. Однако если атаман видел, что кто-нибудь из них преследует только свои личные интересы, то

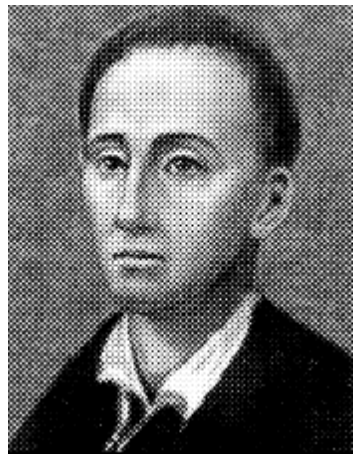
сразу же выступал против.

Сложностью политической ситуации можно объяснить его отношения с гетманом Правобережной Украины П. Дорошенко, 12 лет пытавшимся объединить под своей булавой всю Украину и с этой целью даже вступившим в союз с Турцией и Крымским ханством. А Иван Сирко, бескомпромиссно воюя с турецкими ордами, в то же время поддерживал связи с Дорошенко и содействовал избранию его гетманом. В свое время Сирко помог М. Ханенко, ориентировавшемуся на Речь Посполитую, но по этой же причине порвал с Юрием Хмельницким. Непростые взаимоотношения были у атамана запорожских казаков и с царским правительством, и с его ставленником гетманом Самойловичем, который отобрал у Войска Запорожского его собственность и часто не пропускал на Сечь обозы с продовольствием.

В последний год жизни Сирко турки пытались подкупить его или физически уничтожить, организовав покушение. Были попытки заключить с ним сепаратный мир. Это последние сведения о Сирко. Состояние здоровья заставило атамана покинуть Сечь и вернуться в свои владения на пасеку в село Грушовку. Там 1 августа 1680 г., как писал летописец, он отошел на вечный покой. Тело его было перевезено по Днепру в Запорожскую Сечь и там похоронено «всем Войском Низовым» с воинскими почестями. Во время строительства Каховского водохранилища прах Ивана Дмитриевича был перенесен на курган вблизи с. Капуловки (ныне Николаевский район Днепропетровской области).

На протяжении четверти столетия прославленный кошевой неизменно стоял на южных рубежах украинской земли и неутомимо противостоял завоеванию ее турками и их вассалами, не давая им утвердиться на захваченных землях, – и в этом величайшая историческая заслуга славного запорожского полководца Ивана Дмитриевича Сирко.

Сковорода Григорий Саввич (род. в 1722 г. – ум. в 1794 г.)



Выдающийся украинский философ, мыслитель, поэт, музыкант и педагог. Автор многочисленных философско-богословских и педагогических трудов, сборника стихов «Сад божественных песен».

Григорий Сковорода – одна из самых ярких фигур в культурной и литературной жизни Украины за всю ее многовековую историю, предтеча современной философской мысли и основатель украинской философии. Великий народный мыслитель, просветитель и писатель, он в своих произведениях развил целый комплекс идей, актуальных как в свое время, так и в наши дни, одним из первых выразил передовые взгляды украинского общества. Его многогранное философское и литературное наследие явилось тем звеном, которого недоставало для существенно качественного поворота в культурном развитии страны.

Родился Григорий 3 декабря 1722 г. в сотенном городке Чернухи (сейчас райцентр Полтавской области) в семье Саввы Сковороды и жены его Пелагеи. Сопоставив противоречивые факты, большинство историков сошлось во мнении, что Савва был священником из казаков: ведь тогда святым отцом мог быть избран любой человек, уважаемый односельчанами и знающий грамоту, а двор его находился в Харсиках, где обычно выделялись

наделы для духовенства.

Рос мальчик любознательным и трудолюбивым, школьный дьячок-«бакаляр» (потому что прибыл из таинственной Академии, что в самом Киеве) был им доволен. Первый биограф Сковороды, его близкий друг и любимый ученик М. Ковалинский писал: «Григорий по седьмому году от рождения приметен был склонностию к богочтению, дарованием к музыке, охотою к наукам и твердостию духа». Когда 12-летний Гриць окончил четырехклассную школу в родном селе, «по охоте его отец отдал его в Киевское училище, славившееся тогда науками», то есть в Киево-Могилянскую академию. Все курсы, преподававшиеся в ней – аналогии, грамматики, синтаксимы, поэтики и риторики, – отрок постиг легко и вскоре оказался в числе лучших бурсаков. А так как он был беден, то приходилось своими силами зарабатывать на жизнь: репетиторством и пением в хоре академии. Последнее сыграло важную роль в будущем Григория. В декабре 1741 г. в Киев приехал уставщик Г. Матвеев-Головня с целью отобрать лучших малороссийских певчих для придворной капеллы. Таким образом юный Сковорода неожиданно для себя оказался в Санкт-Петербурге при дворе Елизаветы Петровны. Два с половиной года пролетели, как в сказке: непыльная и нескучная работа, выгодные новые знакомства, дорогие красивые одежды, обильные кушанья… Любой бы на месте Григория жил да радовался, но у того душа печалилась по родной Украине, по ставшим милыми уроками в стенах академии. На «дурака» махнули рукой, и, когда в августе 1744 г. императрица отправилась путешествовать по Малороссии, отпустили на все четыре стороны, правда, в звании придворного уставщика.

В Киево-Могилянской академии Сковорода провел еще шесть лет: прошел полный курс философии и большую половину самого сложного и важного курса – богословия. Григорий быстро наверстал упущенное и вернул себе славу одного из лучших слушателей академии. Но вскоре, как писал Ковалинский: «Круг наук, преподаваемых в Киеве, показался ему недостаточным. Он возжелал видеть чужие края». Такая возможность молодому человеку представилась, и в 1750 г. он в качестве церковника в составе отряда, возглавляемого знакомым по Петербургу полковником Г. Вишневецким, отправился в Венгрию к «Токайским горам». Три года, проведенные вдали от родины, пошли на пользу Григорию, он использовал их для продолжения образования в Будапеште, Братиславе, Вене, Праге и, возможно, в Италии. И всюду, где бы ни бывал, Сковорода «старался знакомиться больше всего с людьми, которые были очень славны ученостью и знаниями», изучил латинский, греческий, немецкий

и древнееврейский языки. В частности, известно, что в Германии он познакомился с философами-мистиками и пиетистами, что повлияло на его дальнейшее формирование как философа-мистика. Не мог он не обратить внимания и на быт простых людей. Жизненные наблюдения Сковороды в будущем отразились в горьких строках:

Возлети на небеса, хоть в версальские леса,
Вздень одежду золотую,
Вздень и шапку хоть царскую,
Коль ты невесел, то все ты нищ и гол…
Завоюй земной весь шар, будь народам многим царь,
Что тебе то помогает,
Аще внутрь душа рыдает?
Когда ты невесел, то все ты подл и гол…

В 1753 г. Григорий Саввич вернулся на Украину и в июне был приглашен епископом Никодимом Срибницким в Переяславский коллегиум для чтения курса поэзии. Он серьезно подошел к поставленной задаче и даже подготовил новые лекции – «Рассуждения о поэзии и руководство к искусству оной», – более простые и понятные для изучения, чем классическая силлабо-тоническая система Ломоносова. Но епископ, человек старых традиций, после отказа Сковороды читать стандартный курс выгнал наставника.

Как лучшего студента академии митрополит Тимофей Щербацкий порекомендовал Григория Саввича коврайскому помещику Стефану Томаре домашним учителем для сына Василия. Казалось бы, тот должен был рад заполучить к себе «странствующий университет и академию тогдашних украинских помещиков», но отношения между гордым Сковородой и напыщенным хозяином не сложились, в результате чего он вынужден был оставить и доходное спокойное место, и полюбившегося ученика. Несколько лет наставник провел в странствиях: он побывал в Москве и в Троице-Сергиевом посаде, где жил в Троице-Сергиевом монастыре, наблюдая за развращенным бытом монахов, но в конце концов снова вернулся на Украину, в Переяслав. К тому времени Томара понял наконец, какое сокровище потерял, и вскоре снова заманил Сковороду в Коврай. Этот второй коврайский период стал едва ли не самым счастливым в его жизни. Именно живя в поместье С. Томары, Григорий Саввич создал большинство своих стихов, 30 из которых впоследствии объединил в сборник «Сад божественных песен, прозябшим из зерн Священного Писания»: это в основном

стихотворения на библейские тексты и похвальные оды различным лицам. Эти и последующие работы Сковороды сохранили основные традиции староукраинской песенной лирики, но литературной манере поэта были присущи и передовые тропы: экспрессивность образов, контрастные переходы от патетики к юмору или гротеску, обилие метафор, антитез, сквозных мотивов, символов (Сковороду считают зачинателем перехода художественного украинского языка от средневекового к современному стилю). К тому же каждое написанное стихотворение имело подобранную автором мелодию: Сковорода прекрасно играл на сопилке. А за дань времени – витиеватость словесных форм и хвалебные сочинения – Григорий Саввич был причислен к поэтам периода барокко.

В 1759 г. работа Г. Сковороды в Ковраях окончилась, и оттуда он подался на Слобожанщину, где по приглашению епископа Иосафа Миткевича на протяжении семи лет преподавал поэзию, этику, синтаксиму и греческий язык в Харьковском коллегиуме и сам совершенствовал свои знания изучением античных авторов: Плутарха, Цицерона, Горация, а особенно ценил идеи Платона. Здесь увидели свет его первые философские труды: лекции-проповеди к курсу этики «Проснувшись, увидели мы его» и «Пусть целует меня поцелуями губ своих», трактаты «Входная дверь в христианскую добродетельность», «Наркисс» и «Симфония, названная книга Асхань, о познании себя», а также знаменитые «Харьковские басни». Трактаты Григорий Саввич писал в излюбленном своем стиле – как диалоги, от имени самых разных по возрасту и положению людей, – тем самым показывая, что философские глубины доступны каждому, кто хотя бы раз задумался о смысле человеческого бытия.

Основными темами трудов Сковороды были поиск человеческого «Я» и переосмысление Библии. Его считали мистиком и масоном, атеистом и осквернителем Книги книг: ведь Григорий Саввич смел подвергать сомнению вечные библейские истины: остановку Навином Солнца, плавание железа и многое другое. Сам философ, на самом деле глубоко верующий человек, признавал, что «Библия очень плохая и нескладная дуда, если поворачиваем ее в наши плотские дела», и в то же время видел в ней поэтическое творение, которое скрывает истину под внешними образами. А в учении о вечности мира и его бесконечности в пространстве и времени Сковорода отступил от Платона и рассматривал мир как три составляющие: большую, малую и символическую; большая (космос) – это природа; малая (микрокосм) – человек; символическая – Библия. В каждой из них существует два начала: Бог, или вечность, – и матери, или

временное; во всей природе дух господствует над материей.

Однако инакомыслие Сковороды по некоторым богословским и философским вопросам порождало недоразумения, оговоры, доносы и интриги, отравляло жизнь. К тому же духовенство настаивало на принятии им сана, что не соответствовало мировоззрению Григория Саввича: «Разве вы хотите, чтобы я приумножил число фарисеев? Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и будьте монахами! А Сковорода считает монашеством жизнь не захватническую, удовольствия малым, умеренность, избавление от всего ненужного, пренебрежение всеми прихотями, чтобы приобрести самое необходимое, чтоб самого себя сберечь в целостности, обуздание самолюбия, чтобы более полно выполнить заповедь любви к ближнему, поиск славы Божьей, а не славы людской». Эти обличительные слова были истолкованы как гордыня, и Григория Саввича изгнали из коллегиума.

Сковорода отказывался и от всех предлагаемых ему светских должностей и чинов. Он раз и навсегда избрал для себя жизнь странствующего учителя простого люда. Почти 30 лет философ кочевал по Украине и югу России – от Киева до Воронежа, от Орла до Таганрога – неся зерно добра и знаний в каждую семью, согласившуюся его приютить. Он рассказывал о своих наблюдениях, читал стихи, играл на сопилке, пел песни и щедро дарил свои знания крестьянским детям: учил их грамоте, арифметике, любви к мудрости, передавал живое учение о душе. И жил Сковорода тем, чем могли поделиться с ним бедняки: в его котомке чаще всего лежали только краюха хлеба и Библия. Но именно на этот период приходится расцвет его творчества.

К философским трудам, написанным ранее, прибавились «Диалог, или Разговор о древнем мире», «Кольцо», «Разговор, названный Алфавит, или Букварь мира», «Благодарный Эродий», «Нищий жаворонок» и многие другие, в которых он прошел путь от своего понимания Христа до понимания человека и мира. Ни одна из этих книг не была издана при жизни Григория Саввича, но это не мешало друзьям, ученикам и тем, кто когда-либо после него учился в Киевской духовной академии, глубоко почитать Сковороду. Все они называли Учителя «своим Пифагором», «украинским Сократом», «степным Ломоносовым», «харьковским Диогеном». А что касается любви народной, то, по свидетельству историка Н. Костомарова, мало можно указать таких лиц, каким был Сковорода и которых бы так помнил и уважал украинский народ.

Современник философа Ф. Лубьяновский писал: «В Харькове видел известного странника Сковороду… Старец роста выше

среднего, в серой свите, в украинской смушковой шапке с посохом в руке; по языку – настоящий украинец… Страсть его – жить в сельской среде. Идет из слободы в слободу, из села в село, с хутора на хутор. Крестьяне встречают и провожают его с любовью и уважением. Он все отдает им: не золото, не серебро, а добрые советы, щедрость сердца. Показался он мне уставшим и задумчивым». Последнее путешествие Григорий Саввич совершил на Орловщину к своему ученику и другу М. Ковалинскому. Словно предчувствуя кончину, он отдал ему все свои рукописи.

В начале осени 1794 г. Сковорода вернулся туда, где хотел умереть, – на Харьковщину, в село Ивановку, имение помещика А. Ковалевского. Предание гласит, что он точно знал день своей смерти. Однажды его застали копающим яму в парке. И на вопрос: «Что это вы делаете, Григорий Саввич?», он ответил кротко: «Готовлю последнее прибежище. Пришло мое время». Сковорода ходил и прощался со всеми, за несколько дней до кончины попросил, чтобы над могилой его сделали надпись: «Мир ловил меня, но не поймал». Скончался он 9 ноября 1794 г. А отзвуки легендарной жизни странствующего поэта и мудреца и по сей день рассыпаны в речи украинской то в виде шутки, поговорки, а то в виде афоризма, приписываемых Сковороде:

– Кто стыдится признать недостатки свои, тот со временем будет бесстыдно оправдывать свое невежество.

– Тот враг опаснее, который притворяется твоим другом.

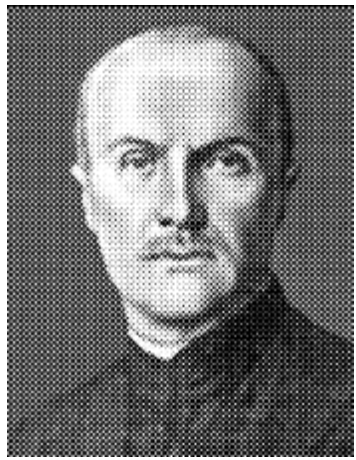
– Лучше у одного разумного быть в любви и почтении, нежели у тысяч дураков.

– Не тот глуп, кто не знает, а тот, кто знать не хочет.

– У истины простая речь.

И хотя, по мнению писателя Валерия Шевчука, «Сковороду больше знают, нежели читают», – у истины его действительно простая речь.

Скоропадский Павел Петрович (род. в 1873 г. – ум. в 1945 г.)



Украинский военный, политический и государственный деятель, генерал-лейтенант. В Первую мировую войну командовал дивизией, затем корпусом. С октября 1917 г. глава военных формирований Центральной Рады, затем гетман Украины, провозгласивший создание Украинской державы.

В 2002 г. малоизвестная украинская компания «ЭкоЗахист» направила послание президенту Украины Л. Кучме, в котором говорилось: «В 1999 г. Британской Ассоциацией Королевских Семей были начаты исследования по восстановлению гетманских корней в современной Украине. Выявлены три ветви гетманской власти. В случае возможного восстановления монархии на трон гетмана могут взойти наследники трех линий. В 2001 г. компания «ЭкоЗахист» взялась за организацию работы по восстановлению гетманата. Уже собрана информация о корнях других знатных сословий современной Украины». Но дальше декларации дело не сдвинулось.

Официально действующий в диаспоре Союз гетманцев-державников в Украине не оформился, но пропагандистская работа ведется. Перечитывая сейчас изданные громадным тиражом «Воспоминания Павла Скоропадского», можно только удивляться, насколько они современны: «Узкое украинство –

исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру каковой целиком пересаживать нам не имеет никакого смысла: никаких данных на успех нет, и это является просто преступлением, так как там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут объедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их ясно это отражает, где на пять слов – четыре польского или немецкого происхождения. Великороссы и наши украинцы создали общими усилиями русскую науку, русскую литературу, музыку и художество, и отказываться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо…

Насколько я считаю необходимым, чтобы дети дома и в школе говорили на том же самом языке, на котором мать их учила, знали бы подробно историю своей Украины, ее географию, насколько я полагаю необходимым, чтобы украинцы работали над созданием своей собственной культуры, настолько же я считаю бессмысленным и гибельным для Украины оторваться от России, особенно в культурном отношении. При существовании у нас и свободном развитии русской и украинской культуры мы можем расцвести, если же мы теперь откажемся от первой культуры, мы будем лишь подстилкой для других наций и никогда ничего великого создать не сумеем…»

Павел Петрович Скоропадский родился 3 мая 1873 г. и принадлежал к известнейшему казацко-гетманскому роду, в котором было немало видных государственных деятелей: от уманского казака Федора Скоропадского, участника освободительной войны под предводительством Б. Хмельницкого, и до Ивана Скоропадского, ставшего гетманом Украины после И. Мазепы. По линии матери, Марии Миклашевской, родословная брала начало от великого князя Литовского Гедимина. В доме деда в Тростянце на Черниговщине, где воспитывался маленький Павлик, повсюду висели портреты гетманов и различных деятелей Украины, звучали украинские песни. Потомок славного казацко-гетманского рода после смерти отца был принят в Петербургский Пажеский корпус, который успешно окончил в 1893 г., и был направлен в гвардейский Кавалергардский полк. Командовал эскадроном, затем был назначен полковым адъютантом.

В 1898 г. Павел женился на Александре Дурново – дочери генерал-адъютанта П. Дурново и княгини М. Кочубей. В этом браке родилось пятеро детей: дочери – Мария, Елизавета и Елена, и два сына – Петр и Данила. С началом русско-японской войны Скоропадский добился перевода в действующую армию. За

личное мужество, проявленное в боях с японцами, молодой офицер получил золотое Георгиевское оружие, заслужил искреннее уважение и любовь казаков-забайкальцев. Примечательно, что в это время его жена работала сестрой милосердия в санитарном поезде.

Конец войны застал Павла на посту адъютанта Главкома русских войск на Дальнем Востоке генерала Линевича – родом также из украинских казаков, – а вернувшись с фронта, полковник Скоропадский стал флигель-адъютантом императора Николая П. К этому времени в придворных кругах в честь 200-летнего юбилея Полтавской битвы возникла идея присвоить кому-нибудь из достойных потомков малороссийских казаков титул «Гетмана Украины». Учитывая связи, боевые заслуги и родословную, именно Павел Скоропадский считался одним из основных кандидатов на почетный пост. Однако после некоторых раздумий он отказался стать «придворным гетманом» и занялся благотворительной деятельностью, в частности, вложил средства в восстановление разгромленного под Цусимой русского флота.

Весной 1912 г. Скоропадский получил чин генерал-майора с причислением к свите Его Императорского Величества. Вскоре вверенный ему лейб-гвардии Конный полк, в котором служили сыновья русской аристократии, носивший неофициальное название «полк русских шевалье», превратился в один из лучших в армии. В первом же бою 6 августа 1914 г. полк разгромил немецкую бригаду, а его командир был награжден высшей боевой наградой – орденом Святого Георгия. Российская печать в то время не раз называла его в числе «героев войны».

Февральская революция застала генерал-лейтенанта Скоропадского командиром 34-го армейского корпуса. Отречение царя привело к тому, что, по мнению многих украинских общественных деятелей, потерял значение Переяславский договор. Разрыв династической унии России и Украины оживил украинское национальное движение, и весной 1917 г. в Киеве возник собственный представительный орган – Центральная Рада… Хотя Скоропадскому претила социалистическая ориентация Временного правительства и Центральной Рады, он был военным человеком и выполнял приказы командиров. Одним из таких приказов ему поручалось «украинизировать» свой корпус.

К осени 1917 г. имя Павла Скоропадского уже было весьма популярно в Украине. В 44-летнем боевом генерале многие видели ту самую «твердую руку», которая могла бы навести порядок в стране. Действия, а вернее бездействие Центральной Рады вызывало все больше нареканий, а в пользу Скоропадского

говорили не только его прошлое и настоящее, но и его историческая фамилия.

В октябрьские дни 1917 г., находясь в Генеральном войсковом комитете, Скоропадский получил телеграмму из Чигирина, где проходил Всеукраинский казачий съезд. В донесении сообщалось, что он единогласно избран атаманом всех Вольных казаков. Рост авторитета генерала, сосредоточение в его руках почти всех боеспособных воинских формирований вызвали отрицательную реакцию Центральной Рады. Составленная в большинстве из представителей разношерстных «социалистических» и «революционных» партий, провозгласившая содержанием своей политики тезис «Нам не нужна несоциалистическая Украина!», Рада обвинила «панского генерала» в контрреволюции.

В ответ Скоропадский созвал оппозиционную Раде организацию «Украинская Громада», у руководства которой стояли офицеры «украинизированных» частей, лидеры «Вільного козацтва» и представители украинской интеллектуальной элиты. Идеология ее была доступна любому: Украина в анархии, Центральная Рада бессильна изменить ситуацию к лучшему и должна быть заменена твердой, пользующейся доверием народа властью. Наилучшей же формой последней, учитывая исторические традиции, может стать гетманство.

В апреле 1918 г. начальник штаба германских войск генерал Тренер заявил Скоропадскому: «Если в ближайшее время на Украине не появится сильное, способное выполнять международные обязательства правительство, Германия будет вынуждена объявить Украину оккупированной страной». Генерал, привыкший реально взвешивать свои силы, оказался перед трудным выбором – в тех условиях власть на Украине не сулила ничего, кроме тяжелой работы, борьбы с множеством внутренних и внешних врагов. Но обстоятельства вынуждали действовать. Как вспоминал Скоропадский, он тогда думал: «У меня будет всегда сознание, что я человек, который ради своего собственного спокойствия упустил возможность спасти страну, трусливый и безвольный…»

29 апреля в Киеве состоялся Всеукраинский «Съезд хлеборобов», 6,5 тыс. делегатов которого выразили недовольство политикой Рады, в частности ее социалистическими экспериментами и национализацией земли. Съезд постановил: «Для спасения страны нам необходима сильная власть, нам необходим диктатор, согласно старинным обычаям – гетман». Безо всякого сопротивления власть тут же избранного гетмана распространилась за несколько дней по всей Украине. Лидеры

Рады оставались на свободе и активно осуждали переворот, отвергая призывы о сотрудничестве. Когда к осени 1918 г. противники Скоропадского согласились с фигурой гетмана как временного президента Украины, было уже слишком поздно – шанс укрепить национальную власть и сохранить страну был упущен…

Недолгие 7,5 месяцев правления Скоропадского тем не менее остались в памяти украинцев как период относительного благополучия. За это время правительство приняло около 400 законов. Первыми из них стали два – о восстановлении права частной собственности на землю и изъятии по рыночной стоимости части земли у крупных землевладельцев с целью наделения ею малоземельных крестьян, а также об улучшении правового положения и условий труда рабочего класса. В короткое время был составлен и принят сбалансированный государственный бюджет, обеспечена стабильность национальной валюты, восстановлено нормальное железнодорожное сообщение, упорядочена финансовая система. Гетман способствовал перестройке системы украинского образования, под его патронатом была создана Украинская Академия наук. Однако как раз все эти успехи в построении независимого государства превратили Скоропадского в злейшего врага вождей как «красной», так и «белой» России. Деникин, сражавшийся за «единую и неделимую» Россию, называл его «вторым Мазепой», а бредивший мировой революцией Троцкий – «Украинским Бонапартом».

Трагическая развязка наступила в ноябре 1918 г. В условиях существования многочисленных внутренних врагов, постоянной угрозы со стороны Советской России, неприязни со стороны Антанты выстоять можно было, лишь опираясь на германские штыки. Однако в этот момент в Германии произошла революция и ее войска начали подготовку к возвращению на родину. Срочно заложив основу будущих армейских корпусов, Скоропадский попытался создать силу, способную противостоять распаду государства. Одновременно гетман решился на шаг в сторону естественного союзника, 14 ноября 1918 г. провозгласив Федерацию Украины с будущей небольшевистской Россией. Но именно это заявление и стало началом конца его карьеры. Развернув агитацию за «спасение неньки-Украйны от москалей», противники припомнили генералу даже его знаменитого предка, гетмана Ивана Скоропадского, назначенного Петром I правителем Украины.

В этой ситуации Скоропадский, все еще обладая огромным авторитетом в войсках и среди казачества, мог взять верховное

командование армией в свои руки. Но опасаясь обвинений в диктаторских замашках, он хотел положить конец братоубийственной сваре политическими методами. Французский консул из Одессы предложил вооруженную помощь Антанты, но Скоропадский уже трезво оценил ситуацию. И сам он, и украинская государственность были обречены… «Директории суждено находиться в Киеве недель шесть, после чего здесь будут большевики», – писал гетман. Он не намного ошибся – большевики были в столице уже через три недели после захвата города петлюровцами…

В эмиграцию Скоропадский не взял ни копейки государственных средств: единственное, что его семья везла с собой, – фамильное серебро (которое еще не раз предстояло закладывать). В первое время Павел Петрович намеревался завершить политическую карьеру, однако обстоятельства снова заставили его сыграть важную роль в украинской эмиграции. Объединившиеся вокруг Скоропадского интеллектуалы разработали концепцию украинского монархизма, а гетманское движение в Европе было настолько мощным, что вызывало опасение государственного Центра УНР, который претендовал на то, чтобы в одиночку представлять интересы Украины.

При Гитлере Скоропадский не пользовался особым доверием национал-социалистических властей. Его влияния хватало, чтобы спасти от репрессий ряд украинских деятелей, в частности, он добился освобождения немцами С. Бандеры, А. Мельника и Я. Стецько. В конце войны Павел Петрович с дочерью Елизаветой пытался уехать из зоны возможной советской оккупации. Но попав в Баварии под бомбежку, бывший гетман был тяжело ранен и 26 апреля 1945 г. умер в госпитале католического монастыря города Меттен. Потом тело его было перезахоронено на кладбище в Оберсдорфе, где позже были похоронены все члены семьи.

Так закончилась жизнь блестящего аристократа и генерала, избравшего в тяжелые годы братоубийственной войны путь служения родной земле и едва не ставшего связующим звеном российских и украинских общественных кругов на новой политической основе.

После войны наследник престола – проживавший в Лондоне сын гетмана Данило Скоропадский – был отравлен агентом НКВД. Гетманское движение понемногу затухало, и к середине 1980-х гг. перестало подавать признаки жизни. К моменту обретения Украиной независимости сил для борьбы за власть у «гетманцев» уже не было, а их лидеры отошли от политических целей. Представляя собой культурно-политические кружки, они ориентировались не на создание Державы с гетманской властью,

а на сохранение памяти и формирование новой элиты. Восстановлением правды о последнем украинском гетмане сейчас занимается его дочь, гражданка Швейцарии Елена Отт-Скоропадская.

Сосюра Владимир Николаевич (род. в 1898 г. – ум. в 1965 г.)

Советский украинский поэт. В его поэмах, стихах романтическое восприятие гражданской войны, строительства социализма сочеталось с лирическими, философскими мотивами. Автор патриотической лирики военных лет, сборников «Сегодня», «Чтоб сады шумели», «Ласточки на солнце» и др. Написал поэму «Расстрелянное бессмертие» о репрессиях против украинских писателей.

Владимир Сосюра – один из самых трагичных поэтов украинского национального возрождения XX в. Его неповторимая искренность, интимная доверительность, музыкальность слова зачаровывает каждого, кто ощущает в себе генетическую связь со своим народом. Как непросто было жить тонкому изысканному лирику во времена советской власти, становится понятно только теперь. Вот, к примеру, строки из известного стихотворения Сосюры «Баллада о комсомольце»:

Бій одлунав, жовто-сині знамена
затріпотіли на станції знов,
і до юрби полонених
сам курінний підійшов…

Казачий атаман предлагает пленным красноармейцам выдать

командиров и коммунистов, обещая за это сберечь жизнь. Все молчат. Потом вперед выступает один юноша и говорит: «Я – комсомолец… Стреляй!» И в таком виде это стихотворение учило не одно поколение школьников… Однако первоначальный текст был несколько иным: на станции развевались красные знамена, к военнопленным подходил большевистский комиссар и т.д. А потом: «Вышел один… и сказал комиссару: „Я – украинец… Стреляй!“»…

Владимир Сосюра родился 6 января 1898 г. на станции Дебальцево (ныне Донецкой области), в рабочей семье. Его отец, Николай Владимирович, француз по происхождению, был человеком непоседливым и разносторонне одаренным, сменил множество профессий: учительствовал, работал сельским адвокатом, шахтером. Мать поэта – Мария Даниловна Локотош – мадьярка, работница из Луганска, занималась домашним хозяйством.

Детские годы Володи прошли в селе Третья Рота (сейчас с. Верхнее, близ Лисичанска). В поисках работы отец с семьей часто путешествовал по Украине, но всегда возвращался в родной Донбасс. Свои первые поэтические пробы на русском языке сам Сосюра относил к 1914 г. (все его рукописи пропали в годы Первой мировой войны). В тот год он поступил в трехклассное начальное сельскохозяйственное училище в селе Яма, однако смерть отца вынудила оставить учебу и идти работать в бондарный цех содового завода. Потом он был телефонистом, чернорабочим, а в сентябре 1916 г. смог вернуться в училище.

Становление Сосюры как гражданина и художника приходится на первые послереволюционные годы. Осенью 1918 г. в составе рабочей дружины содового завода он принимал участие в восстании против кайзеровских войск, а затем стал казаком петлюровской армии. Весной 1919 г. Владимир бежал от Петлюры, был тяжело ранен и попал в плен к деникинцам. Его приговаривали к смерти дважды: сначала белые (он выжил после расстрела), а затем красные (председатель ревтрибунала по какой-то непостижимой причине сохранил ему жизнь). В 1920 г. будущий литератор оказался в Одессе, где его, больного тифом, приняли в ряды Красной Армии.

Там же, в Одессе, политкурсант 41-й стрелковой дивизии Владимир Сосюра повстречался с Олешей, Багрицким, Гордиенко, Ковинькой, которые единодушно признали его настоящим украинским поэтом. После недолгого лечения в госпитале красноармеец Сосюра был направлен политработником в родной Донбасс и во время отпуска в 1921 г. познакомился в Харькове с В. Коряком, В. Блакитным и И. Куликом. Так начался харьковский

период напряженной творческой жизни в кругу передовых украинских мастеров слова: Довженко, Хвылевого, Вишни, Копыленко, Сенченко и др.

В том же 1921 г. вышла в свет первая книга стихов Сосюры. Всего же было издано более 80 его сборников, а также избранные произведения – трехтомные (1930, 1957 г.), 7-томные (1969 г.), 10-томные (1970-1972 гг.). За книгу «Чтобы сады шумели» он был удостоен Государственной премии СССР (1948 г.), а за сборники стихов «Ласточки на солнце» и «Счастье семьи трудовой» – Государственной премии Украины им. Т.Г. Шевченко (1963 г.).

Сложной и нередко противоречивой была судьба поэта. И еще не все о его жизненном пути мы сегодня знаем. Власть крепко держала его в своих руках, даруя жизнь в обмен на патриотические советские стихи. А чтобы Сосюра стал более сговорчивым, была арестована и заключена в лагерь его жена Мария. Самого писателя неоднократно доводили до психических срывов и лечили в «психушках».

И все же Владимир Сосюра, несмотря на все жизненные невзгоды, смог остаться настоящим поэтом. В его творчестве находилось место стихам, которые будили у читателей чувство настоящей красоты, душевной щедрости и человечности. Много произведений мастер посвятил любви, природе, человеку труда, за что еще в начале 30-х гг. подвергся грубейшей вульгаризаторской критике. Его критиковали за «псевдоромантизм», бесклассовость и т.п. Сосюра тогда растерялся, однако вскоре в его поэзии зазвучали нотки протеста. Он писал о себе: «…хватит его уже травить, преждевременно хоронить, пачкать, на уста его накладывать печать только за то, что он рвется в лазурь, только за то, что в Коммуны Эдем он идет не с душой раба… что родился он не холуем…»

В результате такой травли наступила «черная пауза» в творчестве художника. В 1933-1934 гг. Сосюра не издал ни одной книги стихов. Но не только личная драма была причиной этого, а и страшная трагедия народа – голодомор.

И все таки «вершители судеб» посчитали целесообразным сберечь «поэта рабочей рани», которого знал и любил народ. В 1936 г. Сосюру приняли в Союз писателей, в следующем году он переехал в Киев и был удостоен ордена «Знак Почета». В довоенный период поэт написал множество стихотворений, которые свидетельствовали о новых силах и новых надеждах. В 1940 г. Владимир завершил лирико-эпическое полотно – роман в стихах «Красногвардеец», который вобрал в себя все то, что составляло автобиографическую основу его творчества 20-х гг.

Война застала Сосюру в Кисловодске. Вернувшись в Киев,

поэт выступал перед населением в составе писательских агитбригад, а с приближением фронта был эвакуирован в Уфу. Но и оттуда звучало его слово, которое доносилось до оккупированных территорий: написанное в Башкирии «Письмо землякам» распространялось в форме листовок по всей Украине. В 1942 г. Владимир переехал в Москву, работал в украинском радиокомитете, партизанском штабе и через год был направлен «в распоряжение Политуправления фронтов, которые вели бои за Украину», выезжал на фронт, выступал перед воинами.

В 1944 г. Сосюра вернулся в Киев, много писал и одновременно участвовал в восстановлении города. В 1946 г. было напечатано его знаменитое стихотворение «Любите Украину». Оно выразило чаяния миллионов простых украинцев, которые хотели видеть свою страну свободной и независимой. В этом шедевре поэт смог подняться над узкоклассовыми и партийными интересами тогдашней идеологии и воспеть самоценность Украины как исполненной самоуважения страны:

Любіть, Україну, як сонце любіть,
як ветер, і трави, і води,
в годину щасливу і радісну мить,
любіть, у годину негоди…
Любіть, Україну у сні й наяву,
вишневу свою Україну,
красу її вічно живу і нову,
і мову її солов'їну…

Это стихотворение, как вспышка правдивого огня, прорвалось среди темноты славословия «верным сынам советской Украины». Сосюра указывал народу истинные, неподдельные ценности жизни. Этого простить ему власть не могла. Снова зазвучали обвинения в национализме. После выхода в газете «Правда» статьи «Против идеологических искажений в литературе» все больший размах приобретала грязная волна выступлений, в которых поэт фактически ставился вне закона. Его перестали печатать, и до самой смерти Сталина Сосюра жил под прямой угрозой ареста. И только начиная с 1953 г. вышли новые книги стихов реабилитированного мастера: «За мир», «На струнах сердца», «Соловьиные дали». Тогда же были написаны поэмы «Студентка», «Отчизна», «Украина».

Более 30 лет поэт работал над поэмой «Мазепа». Отнесенная к «запрещенным произведениям», она была опубликована в журнале «Київ» лишь в 1988 г. Это великое творение мастера еще раз подтвердило его талант лирика, для которого переживание

событий было всегда ближе их осмысления. «Мазепу» Сосюра писал тогда, когда его преследовали за стихотворение «Любите Украину». Публично он «каялся» и печатал стихи, которые вошли в сборник «Мир».

Не менее драматична и судьба романа-трилогии «Третья рота». Поэт начал писать его еще в 30-е гг., возвращался к нему в 40-50-е, а завершил весной 1960 г. Но только в 1988 г. роман был полностью напечатан со всеми авторскими правками. Подготовку этой публикации осуществили С. Гальченко и сын поэта – Владимир Владимирович Сосюра.

В 1960 г. Сосюра закончил поэму «Расстрелянное бессмертие», начатую в довоенное время и опубликованную только через 23 года после его смерти. Есть основания утверждать, что немалая часть этого произведения, посвященного жертвам сталинского террора, представляет восстановленный по памяти кусок утраченной поэмы «Махно». Произведение изобилует яркими характеристиками, которые автор дает друзьям и знакомым и которые вместе с оценкой собственных поступков и переживаний восстанавливают духовный образ того трагического времени. Эти поэтические мемуары стали первым большим обращением послевоенной поэзии к осмыслению фактов сталинской эпохи и вместе с автобиографическим романом Сосюры «Третья рота» положили начало разработке этой непростой темы.

В конце жизни, несмотря на тяжелую болезнь сердца, Сосюра работал над книгами «Близкая даль» и «Поэзия не спит». В памяти благодарных потомков он остался нежным и тревожным певцом глубоких чувств человека. Его стихотворения «Так никто не любил», «Когда поезд вдаль загрохочет», «Белые акации будут цвести», «Помню, вишни доспевали», «Сад шумит», «Васильки» и многие другие стали классикой. Творческой работы мастер не оставлял и тогда, когда тяжело заболел. В самом расцвете своего таланта, 8 января 1965 г. Владимир Николаевич Сосюра умер и был похоронен на Байковом кладбище Киева.

> Живи, мое серце, живи не для себе,
> для себе ж бо ти й не жило, —
> писал он в стихотворении «Люблю я небо милой Украины». Поэт навечно остался в сердце своего народа. В Лисичанске открыт музей поэта, а в Киеве – столице независимой Украины – на доме, где жил и работал Владимир Николаевич Сосюра, установлена мемориальная доска с его барельефом.

Стефаник Василий Семенович (род. в 1871 г. – ум. в 1936 г.)

Знаменитый писатель, мастер реалистичной социально-психологической новеллы. Признан как один из первых модернистов украинской прозы и предтеча стиля «потока сознания». Общественный деятель, депутат австрийского парламента. Автор сборников «Синяя книжечка» (1899 г.), «Каменный крест» (1900 г.), «Дорога» (1901 г.), «Земля» (1926 г.).

«Для каждого писателя талант – это дождь, майский и животворящий, без которого не вырастет ни единый колосок. Стефаник для меня, – говорил современный украинский писатель Р. Федоров, – пример служения своему народу. Он для меня не только талант, он – избранник народа, его крик… Если бы нам хотя бы частицу того, чем наделила Украина Стефаника». Эти слова не просто высокая патетика: хотя Василию Семеновичу принадлежат всего 59 новелл, каждая из них самобытна, удивительная, небывалая – «это звездное вещество искусства» (В. Брюгген). Их автор вошел в литературу как писатель исключительной оригинальности, со своим неповторимым ощущением мира. Феномен Стефаника заключается в том, что его произведения не оставляют равнодушными ни одного человека, затрагивают тончайшие струны души, заставляют мыслить и чувствовать в унисон героям. И лучшую характеристику своей работе и стилю дал он сам: «Я люблю мужиков за их

тысячелетнюю, тяжелую историю, за культуру, что создала из них людей, которые смерти не боятся. За то, что они есть, хоть и прошли над ними бури мировые и повалили народы и культуры. Есть что любить и к кому привязаться. За них я буду писать и для них».

Будущий писатель появился на свет 14 мая 1871 г. в с. Русив Снятинского уезда на Станиславщине (ныне Ивано-Франковская обл.). Отец его, Семен Стефаник, зажиточный предприимчивый крестьянин, был одержим процессом обогащения и не давал спуску ни жене, ни детям, ни батракам. Мать, Оксана Кейван, неутомимая труженица, была женщиной нежной и доброй. Василь рос среди роскошной природы, в атмосфере народных песен, колядок, сказок и легенд родного Покутья. Окруженный бесконечной любовью матери и опекой старшей сестры Марии, он все же познал невыносимую тяжесть крестьянского труда. Отдать старшего из сыновей в науку посоветовал отцу местный помещик И. Теодорович, и Василь, получив начатки образования в родном селе, затем учился в Снятинской сельской школе (1880-1883 гг.) и в польской гимназии в Коломне (1883-1890 гг.). Обучение велось палочными методами, и мальчик, болезненно переносивший любую несправедливость, был доведен до попытки самоубийства. Спустя годы Стефаник вспоминал: «Еще и теперь на 50-х годах моей жизни, хоть и редко, но во сне мерещится мне, что я сижу в школе. Бесконечный ужас выбрасывает меня из постели…»

Но в те же годы Стефаник познакомился и сдружился на всю жизнь с будущим знаменитым писателем Л. Мартовичем, пропагандистами социалистических идей А. Павлик, С. Данилевичем, общественным деятелем К. Гамораком и его дочерью Ольгой (своей будущей женой) и многими другими интересными людьми. Василь вошел в кружок гимназической молодежи, вел общественно-культурную работу среди крестьян, организовывал читальни. «За политику» он был исключен из гимназии и окончил обучение в Дрогобыче (1892 г.). Здесь он стал членом созданной И. Франко и М. Павликом радикальной партии и начал сотрудничать как публицист в ее печатных органах «Народ», «Хлебороб», «Общественный голос». За активное участие в предвыборной кампании от радикалов в сейм Стефаник был арестован и две недели провел в коломыйской тюрьме (1895 г.). В результате отец, настоявший на обучении Василия на медицинском факультете Краковского университета, отказался его содержать. Медицина Стефаника не привлекала, он отдал предпочтение общественной жизни Кракова, товариществу студентов-украинцев «Академическая громада» и, конечно, литературной работе, которую начал еще гимназистом.

Но если публицистика Стефаника нравилась издателям, то его стихотворения в прозе, которые он намеревался издать в мае 1897 г. под названием «Из осени», были оценены как модернистские и абстрактно-символические. Расстроенный автор порвал рукопись, но все же изумительные по глубине и красоте стихотворения сохранились в архивах друзей и были опубликованы в других изданиях («Дорога», «Мое слово») или уже после смерти автора («Амбиции», «Ольге посвящаю», «Ночью»). И они, без сомнения, не уступали лучшим образцам этого жанра. А вот опубликованные в конце года в газете первые новеллы Стефаника («Выводили из села», «В корчме», «Одна-одинешенька», «Письмо», «Синяя книжечка») произвели неизгладимое впечатление на критиков, литературную общественность и читателей.

Ольга Кобылянская писала о Стефанике их общему другу Маковею: «Вижу в нем истинный талант, держите его, ибо за ним будущее… Пишет с жизни, а помимо этого, такая сила поэзии пробивается в тех крошечных произведениях». Первый сборник Стефаника «Синяя книжечка» увидел свет в 1899 г. в Черновцах. Во всех новеллах был один объект художественного изображения – покутское село, а прототипы героев – реальные галицкие крестьяне: мужики, бабы, дети. В основе большинства произведений лежал один, самый трагический момент жизни с незавершенным, открытым сюжетом, обнаженной правдой. Но сквозь призму одиночной судьбы, семьи просматривалась жизнь миллионов крестьян, обреченных на нужду, голод, рекрутчину, пьянство, эмиграцию, медленное вымирание.

В 1900 г. был издан сборник «Каменный крест». Основным мотивом этих новелл («Заседание», «Письмо», «Подпись», «Святой вечер», «Дети» и др.) стала волновавшая Стефаника всю жизнь тема одиночества и старости, трагедия «лишних ртов» в бедных крестьянских семьях. Особым лиризмом и эмоциональностью пронизана третья книга «Дорога» (1901 г.). Едва уловимый сюжет и острота чувств пронизывают новеллы «Май», «Сон», «Вор», «Кленовые листья», «Похороны».

Но удачный литературный дебют начинающего писателя был омрачен тяжелой болезнью и преждевременной смертью матери (1900 г.). «Я целовал сухие руки своей мамы и холодный лоб и ощущал над собой заметель жизни без света». Жизнь потеряла смысл: апатия, одиночество, отчаяние охватили Василия Семеновича. А тут новый удар: отец через четыре месяца после похорон привел в дом молодую хозяйку. Сын воспринял это как святотатство и порвал с ним. Стефаник заболел: нервные срывы следовали один за другим. Три года, как неприкаянный, блуждал

он от друга к другу, не находя утешения. Работа добивала взвинченные нервы. Душа жаждала пристанища, домашнего уюта, покоя. В 1904 г. Василий Семенович женился. Он был привлекательным мужчиной: «красивое, классическое строение тела, приятные черты лица и благородные движения создавали из него незаурядный тип мужской красоты. Был несравненным психологом. Интуиция позволяла ему открывать самые тайные мысли и желания своего собеседника… Когда говорил, улыбался какой-то удивительной улыбкой… смотрел, словно заглядывал в душу…» Он нравился женщинам, но его любовь была безответной: Евгения Калитовская была старше на семь лет, замужем за священником, имела двоих детей и ответить взаимностью не посмела (ей посвящено одно из лучших стихотворений в прозе «Confiteor»). И хотя Стефаник женился без любви, но Ольга Гаморак, женщина, счастливо объединившая в себе красоту, интеллект, терпение и нежность, сумела обеспечить ему долгожданный покой и уют. Шесть лет супруги жили в селе Стецив. Василий Семенович занимался хозяйством, помогал советами крестьянам. На долгие 15 лет он отказался от творчества, практически нигде не бывал, не выступал.

Только в 1907 г., словно очнувшись, Стефаник включился в общественную жизнь. «Он стал душой вечевого движения, неизменным агитатором и властителем крестьянских дум. Слушая его, народ волновался, огнем горел, или, как ребенок, плакал растроганно. Речи Стефаника были коротки. Простыми, сильными словами он рисовал перед слушателями образы тяжелой крестьянской жизни, угадывал самые потаенные мысли селян, одевал их в слова и придавал им права гражданства», – писал его современник В. Костащук. В течение 10 лет (1908-1918 гг.) Стефаник был депутатом парламента от радикальной партии, отстаивая права крестьян на самом высоком уровне.

Литературная общественность с болью следила за творческой паузой писателя. В сборник новелл «Мое слово» (1905 г.) вошли его ранние произведения, их перепечатывали в журналах Галиции и Восточной Украины, переводили на русский, польский, чешский, болгарский, немецкий, французский и другие языки. А Стефаник молчал. Вместе с женой и сыновьями Семеном, Кириллом и Юрием он переехал в новый дом в Русив, вел образцовое хозяйство и как «мужицкий депутат» отчитывался перед крестьянами. Спокойная жизнь оборвалась 4 февраля 1914 г. – умерла жена; а вскоре родная Галиция превратилась в поле боя. Русские и австрийские войска утюжили многострадальную землю, неся горе в каждый дом. Василий Семенович какое-то время жил в Вене, где вновь вернулся к творчеству.

20 новелл, написанных после многолетнего перерыва и составивших сборники «Земля» (1926 г.) и «Сочинения», были по стилю спокойнее и выдержаннее, хотя представляли жизнь как сплошную рану. Филигранно отточенные слова, «ювелирная обработка мысли» создавали панораму народного горя, принесенного войной. Война изгоняла людей с родных обжитых мест («Она – земля»), сиротила детей («Детское приключение», «Школьник»), лишала воли («Мать»), отбирала навек сыновей («Мария», «Сыновья»). Дети и женщины галицких сел стали главными героями его новых произведений. Сцены восприятия детьми страшных событий наводят ужас, подчеркивают обреченность и трагизм только что начавшейся жизни. Ощущение неизбежной смерти заставляет людей идти на преступления и проклинать Бога. И единственное, что держит их на земле, – это сама Земля. И Стефаник видит предназначение человека в работе и творчестве ради жизни. И в этом конфликте между предназначением и безысходностью – трагизм крестьянских судеб.

Стефаник писал так, словно жил болью своих героев. Новеллы писались кровью сердца: «Человеческая боль сочится сквозь сердце мое, как сквозь сито, и ранит до крови. Человеческое счастье просеивается сквозь душу, как солнце сквозь тучу, и к небу меня выносит. Сто раз опадать с неба в стыд человеческий – больно». И как результат – каждая новелла представляла собой маленькую лирическую драму. А желание автора передать богатство и красоту духовного мира крестьян, трагедию души, утвердить их человеческое достоинство стало новаторством в художественном раскрытии крестьянской темы.

Но на многострадальный народ после военного лихолетья обрушилась новая беда: Восточная Галиция от угнетения Австро-Венгрии попала в жестокие тиски Польши. Стефаник откликнулся на очередную боль новеллами «Военные потери», «Morituri», «Дед Гриць», «Дурные бабы». Эти и другие произведения писателя начиная с 1919 г. постоянно издавались в Восточной Украине.

55-летие писателя и 30-летие его творческой деятельности широко отмечалось по всей Украине. «Говорят, что я пессимист. Но это неправда. Я оптимист. Я представил нашу темную жизнь и представил наше настроение. И все то страшное, что в нем есть и что так делает мне больно, писал я, горюя, и кровь со слезами смешивалась. Но если я нашел в ваших душах такие слова, что могут греметь, как гром, и светить, как звезда, – то это оптимизм».

Стефаник пытался получить визу на поездку в Восточную Украину, чтобы своими глазами увидеть происшедшие там

изменения. Но польские власти отказали ему. Материальное положение писателя было катастрофическим. Чтобы дать образование троим сыновьям, он влез в большие долги. Пенсия, назначенная правительством УССР, хотя и оказала моральную и материальную поддержку, но существенно исправить положение не смогла. А тут еще Юрий и Кирилл как члены тайной организации, боровшейся за воссоединение «Восточной Малопольши» с Советской Украиной, были арестованы. Василий Семенович, несмотря на свои связи и влияние, сумел их вызволить лишь через полгода. Сердце его давно уже было подорвано неврастенией. Зимой 1930 г. он перенес частичный паралич и уже не радовался ни очередному юбилею, ни выходу во Львове своих «Сочинений» (1933 г.). Стефаник уединился в своем доме в Русове и никого не хотел видеть. Последние его работы, датированные 1927 г., – «Нитка», «Роса» и «Давняя мелодия»– это тихое раздумье о вечных проблемах: семья, дом, любовь. В них много автобиографического. И по-прежнему авторская символика ни на шаг не отступает от реальности.

7 декабря 1936 г. после тяжелого воспаления легких Василий Стефаник скончался. Тысячи людей стеклись в Русив, чтобы проводить в последний путь человека, пропустившего через сердце и душу все их боли и страдания. «Нужно любить этих людей, что тихонечко прячут свою боль в зеленом мае…»

Ступка Богдан Сильвестрович (род. в 1941 г.)

Известный актер театра и кино, сыгравший более 100 ролей в театре и более 50 – в кино. Заслуженный артист Украины (1976 г.), народный артист Украины (1980 г.), народный артист СССР (1991 г.). Лауреат многочисленных премий, в том числе: Государственной премии СССР (1980 г.), Государственной премии Украины им. Т. Шевченко (1993 г.), Международной премии им. К. Станиславского (1996 г.), премии им И. Котляревского (1991 г.), премии им. А. Бучмы (1994 г.), премии независимых критиков «Хрустальная Турандот», лауреат премии «Прометей-Престиж» 4-й общенациональной программы «Человек года-99» в номинации «Актер года» и Всеукраинской программы «Лидеры регионов» (2002 г.). Награжден Офицерским крестом за Возрождение Польши, кавалер ордена «За заслуги» II степени. Академик, основатель Академии искусств Украины (1997 г.), министр культуры и искусства Украины (с 1999 по 2001 г.).

Если верить поговорке, что первую половину жизни человек работает на имя, а потом имя работает на человека, то Богдан Ступка, отметивший в 2001 г. 60-летие, мог бы следующие 60 лет жить безбедно, ничего не делая, а лишь почивая на лаврах

собственной славы. Сам актер говорит так: «У меня сыгран такой репертуар, что можно по идее уже успокоиться: Лир, Ричард III, Войницкий, Тевье-Молочник, Треплев, пьесы Ибсена, Брехта. Вся классика. После Лира-то вообще ничего уже не нужно играть. Но я очень жадный до всего нового…» Это в самом деле так: актеру присуща творческая жадность, да и не в его характере бездействовать. Богдан Ступка – трудяга, великий пахарь театра. Он знает, что легкомысленное слово «игра», которым принято обозначать актерскую профессию, в действительности представляет собой каждодневный кропотливый труд – по крупице, по зернышку.

С тем, как работают актеры, Ступка был знаком с детства, ведь родился он в артистической семье. Его отец Сильвестр Дмитриевич был «театральным» человеком» – обладая потрясающим баритоном, он 33 года пел в хоре Львовского оперного театра. Маленький Богдан много времени просиживал в театре, наблюдая за отцовскими репетициями. «Мне казалось, – признается теперь Ступка, – что я попал в рай или какую-то сказку, и в этой сказке-театре вырос». Он наизусть знал почти весь театральный репертуар. Сам актер с юмором вспоминает, как тянуло его к пению, как дома фальшивым басом распевал он оперные арии, чем приводил в ужас соседей. Ступка не обладает музыкальным слухом, но следы увлечения пением остались – прежде всего, во внимании к форме, к пластике голоса, что для драматического актера – редкость.

Богдан, родившийся 27 августа 1941 г., был единственным ребенком в семье – любимым, заласканным. Но его первые детские воспоминания окрашены в основном в черный цвет – ведь это военные и первые послевоенные годы. Впервые он вспоминает себя трехлетним, когда советские войска освобождали от немцев его родной Куликов под Львовом: «Я войну помню, дети маленькие не помнят, а я помню. Это был 44-й год, мне было три года, все горело, даже трава. Я помню эти ужасные вещи, возможно, потому, что была экстремальная ситуация. Хата наша горела, я это видел. У соседей была пристройка, они козу там держали, мы туда залегли. Все помню, словно это случилось сегодня: лежим мы приникшие, когда вдруг соломенную крышу нашей пристройки прорывает немецкий сапог и становится… отцу на спину! Тот ужас длился какую-то долю секунды. Немец, очевидно, даже не успел понять, что стоял на живом теле. Иначе бы полоснул по нам автоматной очередью».

Но есть у Ступки немало светлых детских воспоминаний, в том числе о «первых сценических опытах». Желание стать артистом Богдан впервые ощутил в 9-10 лет, когда на школьном

новогоднем празднике сыграл роль Деда Мороза. Года через четыре состоялся его «почти настоящий» сценический дебют – режиссеру Московского театра им. Станиславского, гастролировавшего во Львове, нужны были мальчишки, которые сумели бы исполнить «особо ответственное» поручение: в спектакле «Дни Турбиных» вынести на сцену гетмана Скоропадского. Слоняясь за кулисами, Богдан наблюдал, как готовятся к выходу Е. Леонов и еще никому не известный тогда Е. Урбанский. Но окончательно Ступка влюбился в театр, когда в кинотеатре «Зирка» вместе с одноклассниками увидел фильм-спектакль «Украденнное счастье» И. Франко, где в роли Анны выступала Н. Ужвий, а в роли Миколы Задорожного – А. Бучма. Ступка был очарован их потрясающей игрой: «Микола-Бучма вдруг стал для меня близким человеком, я очень удивился, почему этот старый человек-крестьянин обратил на себя внимание городского парня, стал моим современником, словно он все время ходил вместе со мною…» Сомнения насчет выбора профессии развеялись вмиг. Много лет спустя роль Задорожного, сыгранная Ступкой сначала во Львове, а затем и в Киевском театре им. Франко, стала одной из самых дорогих и любимых его работ.

Как ни велика была тяга юного Ступки к театру, все же, окончив школу, он пошел учиться не «на артиста», а подал документы в политехнический институт. Театральной студии во Львове в те годы еще не было, а ехать в Киев, чтобы поступить в театральный вуз, он не мог – не было средств. Кроме того, отец Богдана очень противился тому, чтобы сын стал актером. О том, что такое заработки артиста, Ступка-старший знал не понаслышке и надеялся, что сын выберет более денежную и модную в то время профессию – инженера или врача. Однако в политехнический Богдан не поступил и год работал – сначала слесарем, а затем лаборантом-фотографом в астрономической лаборатории Львовского университета. Когда же он узнал, что при Львовском театре им. М. Заньковецкой образована театральная студия, решение пришло само собой. Он отправился туда, несмотря на то что вступительные экзамены уже давно закончились. Интересно, что Сильвестр Дмитриевич, узнав о намерениях сына, тайком пошел к директору театра, с которым был в приятельских отношениях, и попросил: «Если придет мой Богдан – гони его в шею!» Зато мать Богдана, узнав, что тот поступил в театральную студию, была просто счастлива – ведь в сыне воплотилась ее давняя неосуществленная мечта – стать актрисой.

Студентом I курса театральной студии при Львовском театре

им. Заньковецкой Ступка стал в 1960 г., откуда и берет начало его сценическая «Ступкиана»: «Фауст и смерть» Левады, «Память сердца» Корнейчука, «Чайка» Чехова, «Ричард III» Шекспира. «О, какое это было чувство! – вспоминает актер о своих первых шагах на сцене. – Кажется, зал – как лев с открытой пастью, которая хочет тебя проглотить! И ты, ничего не помня, словно в каком-то сне, проговариваешь свои слова, кто-то аплодирует, а ты ничего не помнишь… Ты выходишь со сцены и не знаешь, был ли там… Спрашиваешь у друзей: "Ну что? Ну как?" – "Классно, Бодя, так хорошо, так смело ты все это сказал!" А ты ничего не помнишь…»

Звездный взлет львовского актера произошел в 1971 году благодаря кинематографу, когда режиссер Ю. Ильенко пригласил Ступку на роль Ореста в фильме «Белая птица с черной отметиной». «Сразу попасть в такую компанию – Юрий Ильенко, потом Виля Калюта, царство ему небесное, Лариса Кадочникова, Иван Миколайчук… Так не каждому везет. Я поздно пришел в кино, люди приходят молодыми, а мне было 29-30 лет. Но такой дебют, знаете – лечь спать и на другой день проснуться «знаменитым на весь Советский Союз», – еще нужно было выдержать. Я и сам не сразу понял, что произошло, – что же я там сделал такого, ну снимался, сыграл… Ну и что? А Михаил Александрович Ульянов из Москвы пишет волнующее письмо: "Я посмотрел фильм и, что называется, в Вас влюбился, я буду делать фильм "Самый последний день"… Я бы хотел с Вами встретиться, если возможно". Я думаю: Боже, Михаил Ульянов, "Председатель" из популярного фильма, это он мне пишет? Мне? И я еду на "Мосфильм", боюсь ехать. А они меня боятся, думают – приедет сейчас такой весь из себя… Интересно было. Это был переворот в моей жизни». Позже М. Ульянов так вспоминал о первой встрече со Ступкой: «Мне понравился образ, созданный им в "Белой птице с черной отметиной". …Я пригласил его сниматься к себе. На первую же репетицию он пришел полностью подготовленным. Меня поразило, как молодой артист детально шлифовал пластику роли. Его тело воистину говорило и пело. Богдан Ступка еще тогда произвел на меня впечатление тонкого и одаренного мастера, который многое понимает и находит в своей работе».

Однако, по словам самого Ступки, он долго не мог понять «специфики» кинематографа. «Сойти» с театральной сцены на съемочную площадку ему было непросто. Тем не менее кино, как и театр, прочно вошло в его жизнь и стало неотъемлемой ее частью. «Со временем я раздвоился: работаю и в театре, и в кино, – говорит актер. – Может, благодаря кинематографу мне посчастливилось побывать за границей: в Польше, Болгарии,

Германии, Чехословакии, Марокко, Австралии…»

К своим киноролям Ступка требователен и критичен. «Хотя я горжусь тем, что работаю со многими режиссерами, все же у меня, как говорится, не сложилась судьба в «самом массовом из искусств», – сказал он однажды. – Все мои роли, сыгранные тут лишь раз, какие-то незавершенные, иногда случайные, а то и, можно сказать, болезненно не пережитые. Это не означает, что все они неудачны или мало отшлифованны. Ведь ради нескольких минут приходится работать иногда целые сутки. Я не хочу лишь присутствовать в кадре, мне необходимо отдать каждой роли частичку своей жизни, сердца, души. Но в кино, за исключением нескольких образов – композитора Леонтовича, псевдоселекционера Т. Лысенко, юмориста О. Вишни, чью жизнь я «прожил» на экране, – заметных достижений, на уровне театра, я не имел. Может, это объясняется моим неприятием самой «специфики» кино. У них так: «Ты это сделаешь. Это очень просто», – часто убеждают меня. А я отвечаю: «Когда просто – это уже не искусство…» Эти слова Ступка сказал несколько лет назад. С тех пор в кино сыграно немало ролей – ролей значительнейших – Б. Хмельницкий у Е. Гофмана, И. Мазепа у Ю. Ильенко, Чингисхан у В. Савельева. Но творческие сомнения в том, что и как он делает, никогда не покидают актера: «Если бы я верил в себя, я, наверное, ничего не сделал бы. Я всегда сомневаюсь. Ты не сомневаешься? Значит, умер. Как актер».

Всего за сорок лет работы в театре и кино Ступка создал десятки непревзойденных образов, которые уже принадлежат истории украинского искусства, – назвать хотя бы заглавные роли в «Короле Лире» Шекспира, «Дяде Ване» Чехова, «Мастере и Маргарите» Булгакова, «Карьере Артуро Уи» Брехта, «Тевье-Тевеле» Горина по Шолом-Алейхему. Сейчас его величают наследником славы корифеев украинской Мельпомены: Марьяна Крушельницкого, Дмитрия Милютенко и тех, кому он благодарен за выбранный им путь, – Натальи Ужвий и Амвросия Бучмы.

К славе Ступка относится философски, при случае цитируя слова Бальзака о том, что она «товар невыгодный: стоит дорого, а сохраняется плохо». Хотя сознает, что актерская профессия, как никакая другая, требует славы. «Она – двигатель нашего процветания. Однако нельзя забывать и мудрые слова философа Спинозы: полжизни добивайся славы, но в следующую половину беги от нее…» Ступка говорит, что не знает понятий «солидность» и «важность» и подтверждает это на каждом шагу колоритными байками из актерской жизни. Друзья считают, что от звездной болезни Богдана Сильвестровича спасает его галицкая ироничность, которая всегда слышится в характерном тембре

голоса. Несмотря на то что в театре, и особенно в кино, актеру часто приходилось играть злодеев, в жизни он шутник и юморист: «Как и Тевье-Тевель, я человек, который умеет поддержать шутку. Как и он, могу сказать "Черта с два у меня узнает кто-нибудь, что творится в моем сердце"».

Если Львовский театр им. Заньковецкой стал для Ступки стартом, то настоящий полет он ощутил в Киевском театре им. И. Франко, куда приехал работать в 1978 г. вслед за своим другом, режиссером Сергеем Данченко. Друзей ожидало нелегкое дело – восстановить из праха и оживить главный театр республики. Тандему Ступка-Данченко удалось добиться многого. Театр им. И. Франко со своим неповторимым стилем вырос их тех спектаклей, которые Данченко поставил со Ступкой в главной роли. Здесь был сыгран его Микола в «Украденном счастье», потом были «Дядя Ваня», «Выбор» Бондарева, «Мерлин» немецкого драматурга Танкреда Дорста, «Король Лир», «Энеида», где Ступка сыграл Котляревского, и, конечно, непревзойденный «Тевье-Тевель»… Ступку часто называют актером одного режиссера, чего не отрицает и сам Богдан Сильвестрович. «Это на самом деле так, – говорит он. – Мой учитель – курбасовец Борис Тягно, а "рабочий" режиссер – Сергей Данченко. Он стал "проводником в творчестве" на протяжении всей моей театральной жизни…» Можно сказать, что Данченко был тем режиссером, который создал Ступку, – не только «сделал» из него «звезду», но вообще воспитал, научил, выпестовал. Именно он увидел в молодом актере то, чего никто не смог разглядеть. «Теперь трудно поверить, но немало критиков его вообще не воспринимали, – признался однажды режиссер. – В спектакле В. Розова «В дороге» всех актеров отметили, а того, кто сыграл главного героя, обошли, сказали, что у него "негативное очарование". Вот так – самобытного актера не разглядели». Несколько лет назад Ступка сказал в одном из интервью: «Я верю в везение. А везение – это люди, с которыми приходится встречаться. Самое большое везение в моей жизни – это встреча с Сергеем Данченко. Когда-то во Львове мы могли целыми ночами бродить… Он все время говорил, что закулисные сплетни, интриги – все суета сует. А миссия актера – выйти на сцену и показать, что ты можешь. Все мои лучшие работы сделаны с Сергеем Владимировичем. Именно он – первооткрыватель того, что я смог сделать в искусстве». Они были настоящими единомышленниками. Недавно вышла книга В.Мельниченко «Ступка и Данченко. Тандем». А тандем-то жил 35 лет! – с той главной роли в спектакле «В дороге», которую сыграл Ступка в Театре им. Заньковецкой в 1966 г. Именно Ступке было суждено, оставив министерское кресло, подхватить эстафету

художественного руководства Театром И. Франко: несколько месяцев С. Данченко долго и тяжело болел, а с ним мучительно болел и театр… В 2001 году, незадолго до 60-летнего юбилея Богдана Ступки, Сергея Данченко не стало…

Пережить потерю друга и единомышленника Богдану Сильвестровичу помогли работа и семья – то, что всегда, в любой жизненной ситуации его спасало. Ступка не мыслит себя вне семьи. Именно в ней он черпает вдохновение для творчества, она помогает ему сохранять душевное равновесие, дарит тепло и заботу, делает его по-настоящему счастливым. «Вся система моих жизненных ценностей, сам смысл жизни основывается на двух фундаментах: Семья и Театр, Театр и Семья», – говорит он.

Богдан Ступка – однолюб. Связав свою судьбу с балериной Львовского оперного театра, он называет ее, свою Ларису, жизненным талисманом. Богдан Сильвестрович определяет достоинства настоящей женщины староиндийским изречением: «Хорошая жена служит для тебя, как слуга; дает советы, как советник; прекрасна, как богиня красоты; спокойна и выдержанна, как земля; кормит тебя, как мать, и развлекает тебя, как гетера. Хорошая жена – шесть лиц в одной». И гордо завершает: «Все это – моя Лариса. К тому же она хорошо разбирается в театральном искусстве и вдохновляет на творчество… Она сыграла необыкновенную роль в моей театральной карьере». Юная Лариса, выпускница Бакинского хореографического училища, в начале 60-х танцевала во Львовском оперном театре, который находился рядом с театром Заньковецкой, где работал тогда молодой актер. Как вспоминает он сейчас, Лариса была «красивая, стройная – ножки, как у Улановой». Когда Богдана забрали в армию и там он довольно серьезно заболел, на полгода попав в госпиталь, Лариса стала его проведывать. Это очень понравилось Богдану: из его женского окружения так трепетно за ним никто не ухаживал. «Лариса и юмор помогли мне выстоять», – говорит Ступка. 25 марта 1967 г. они поженились, а в сентябре родился их сын Остап. Вместе супруги уже более тридцати лет. За эти годы Лариса Сергеевна не раз говорила мужу: «Ты в семейной жизни сложный человек, но когда вижу тебя на сцене, как ты играешь, – снова влюбляюсь».

Сын Богдана Ступки Остап, как и он сам, вырос в театре. Ступка не подталкивал сына к выбору актерской профессии, но когда Остап выбрал этот путь, не стал возражать. «Ну что ж, будет еще один лицедей в семье…» – сказал он. Сейчас Остап играет в нескольких спектаклях, в том числе в «Короле Лир» и «Записках сумасшедшего», выходя на сцену вместе с блистательным отцом. Ему приходится непросто, ведь снова и снова зрителя нужно

убеждать в том, что он не только сын знаменитого артиста, но и сам по себе – Остап Ступка. В театральной династии подрастает и внук Дмитрик, который тоже как артист принимает участие в нескольких спектаклях, иногда вместе с дедом. У Богдана Сильвестровича потрясающие отношения с внуком. Однажды на вопрос о том, кто для него внук, он ответил: «Это я, это мое второе Я…»

Жизненный путь Богдана Ступки доказывает, что он всего может достичь, если захочет. Он был всегда далек от политической жизни, но неуемная жизненная энергия, жажда нового и здесь сделали свое дело – Ступка «пришел» в политику и стал министром культуры. До прихода на министерскую должность у него не было никакого опыта руководящей работы. Но Ступка умеет гениально чувствовать людей, проникать в саму суть дела, пользуется огромным авторитетом и у народа, и среди творческой элиты. О пребывании на ответственном посту он сказал: «Это такой багаж для актера, это фантастика… Мне интересно, как люди тут работают.... Хотят ли они чего-то, или они равнодушны, или они ничего не хотят и занимаются мелкими дрязгами – кого, как подставить и тому подобное. Я думал, что многое знаю, но, как сказал философ, я знаю то, что ничего не знаю, и он очень правильно это сказал. А нынешняя работа для меня – по сути – познание». Семнадцать месяцев Ступка пребывал на министерском посту и считает, что занимал эту должность не зря. «По крайней мере, в кинопроизводстве произошли сдвиги – начал работать после долгого перерыва режиссер с мировым именем Ю. Ильенко, – говорит он. – Вероятно, найдутся люди, которые посчитают, что я, пользуясь должностью в правительстве, погряз в злоупотреблениях и запустил в производство самый дорогой за последние десять лет кинопроект, да еще исполнил там главную роль. Е. Гофман мне сказал: "Будешь ты играть Мазепу или не будешь – собак все равно на тебя повесят"». Но бесконечно совмещать кабинетную и творческую работу было невозможно. В конечном итоге пришлось сделать выбор – «либо министр, либо артист», – и он его сделал. «Правда, роль министра я тоже играл. Я ходил без галстука, одевался не по протоколу. Однажды пришел на заседание правительства с огненно-красными волосами. Полтора года я пытался создать новый творческий тип чиновника. Но в этой игре я был не одинок. Все играют. Мир – это театр. Как сказал Григорий Сковорода, "каждый играет именно ту роль, которая ему определена"».

В жизни Богдана Ступки не раз случались моменты, когда ему хотелось все бросить, куда-то уехать, что-то изменить в своей до предела насыщенной артистической жизни. Но он понимает,

что от тех обязательств, которые у него – Актера и Человека – есть, ему уже никогда и никуда не деться. Однажды по этому поводу он сказал: «Если прочесть монолог чеховского дяди Вани от лица Богдана Ступки, вышло бы примерно следующее: «Мне 61 год. Я уже не стану Пушкиным или Шопенгауэром. И Достоевским не стану. Но и управляющим дядей Ваней мне тоже не бывать. Ну протяну я еще лет двадцать. Что-то, безусловно, изменится. А я, видимо, останусь искренне ваш – Богдан Ступка».

Стус Василь Семенович (род. в 1938 г. – ум. в 1985 г.)

Поэт, переводчик, литературовед, публицист, общественный деятель, автор сборников «Зимние деревья», «Веселое кладбище», «Круговерть», «Время творчества», «Палимпсесты».

Один из талантливейших украинских поэтов, которого называли Шевченко XX века и «особо опасным преступником», знаток философии и нескольких европейских языков и – узник с 15-летнем тюремным стажем… Все это о Василе Стусе, который по праву занимает особое место в украинской литературе. Тем не менее сам Стус себя поэтом не считал. В предисловии к сборнику «Зимние деревья» он писал: «Ненавижу слово „поэт“. Поэтом себя не считаю. Рассматриваю себя как человека, который пишет стихи. Некоторые, на мой взгляд, стоящие. И мысль такая: поэт должен быть человеком. Таким, который, полный любви, превозмогает, освобождается от нее как от скверны. Поэт – это человек. Прежде всего. А человек – это прежде всего творец добра».

Сердце Василя Стуса переполняла любовь – к родной земле, к Украине, и вместе с тем в нем всегда хватало места для «естественного чувства ненависти» к тем, кто, по его убеждению, проводил «политику уничтожения украинской нации». Свое философско-национальное кредо Василь Стус сформулировал еще

в 1978 г.: «Нация – это способ существования человечества. Иначе, как в форме нации, человечество существовать не может. И потому нарушение прав нации, а тем более политика уничтожения наций (лингвоцид, этноцид, экоцид) является грубейшим нарушением прав человека, преступлением против человечества. Поэтому сохранение прав нации на существование, защита и борьба за ее нормальное бытие (сохранение культуры, языка, обычаев) – это и есть борьба за сохраненение человечества». Естественно, что в условиях социалистического строя подобное мнение не имело права на существование. Но Стус упорно продолжал идти «против течения», не признавая компромиссов и сохраняя верность своим идеалам. Порой суровый, яростный, непримиримый, он был максималистом, человеком, для которого немыслимы сделки с совестью.

Родился В. Стус 6 января 1938 г. в живописном селе Рахновка Гайсинского района на Винничине. В семье Василь был четвертым и последним ребенком. Мать поэта Илина Якимовна была дочерью зажиточного крестьянина, отец Семен – сиротой-бедняком, прибившимся к селу вместе с красноармейцами в 20-е гг. Поначалу семья имела немалый достаток, нажитый дедом поэта, но уже к началу 30-х гг. Стусы окончательно обеднели. «… Все детство мое было с тачкой, – вспоминал поэт. – Трудно жили, чуть не пропали. А надо пихать тачку. Помню, как мать плакала, поскольку у нее была одна рваная, латаная-перелатаная рубашка, а мы с Марусей ходили бог знает в чем. Помню, как в 1946-47 годах пас чужую корову – меня за это кормили. Я знал, что мама голодная, – и не мог есть один, просил миску домой, чтоб поесть с мамой вместе. Как-то понес миску, а мама начала ругать меня очень сильно, плакала, велела, чтобы я так не делал больше. Ведь ей очень хочется есть – и смотреть на еду ей было больно. А мне ложка не лезла в рот».

В 1937 г. отец поэта в поисках лучшей доли перебрался в г. Сталино (ныне Донецк), где ему удалось завербоваться на один из химзаводов. Маленького Василя, появившегося на свет уже после его отъезда, сначала воспитывала мать, а когда она уехала к мужу в Сталино – растила тетка. Только осенью 1940 г. родители смогли забрать младшего сына и его сестру Марию в город. На новом месте Стусы так и не освоились – религиозность и следование вековым крестьянским канонам обрекали их на положение «белых ворон». В семье разговаривали на украинском языке, который «привезли» в русскоязычный Донецк из винницкого села. Родной подольский говор сберегла мать Василя, которая любила и знала множество украинских народных песен. От нее сын получил первые уроки поэзии. «…Шевченко над

колискою – это не забывается».

Колкости и насмешки над сельской традиционностью семьи ранили Василя с самого детства. Еще не осознавая того, он уже ребенком поделил мир на «своих» и «чужих». Возможно, это детское противостояние с обществом в немалой степени повлияло на его будущее мировоззрение. С годами у Василя Стуса выработалась четкая сознательная позиция: «ты – ничто без своих родителей, семьи, земли, края… И даже если весь мир против тебя, ты – поэт, – чтобы не утратить почву под ногами под давлением разных «современных» идей и концепций, должен всеми силами отстаивать свое, родное, национальное». Но было бы неверно думать, что В. Стус, живя в Советском государстве, вовсе не испытывал влияния коммунистической идеологии. В частности, он восхищался литературной классикой соцреализма («Мать» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского). Да и в детские годы Василь был скорее обычным «советским школьником», нежели изгоем, как можно было бы полагать. Он с охотой ходил на занятия, блестяще учился и был одним из любимых учеников преподавателей. Старшая сестра Мария вспоминала, что Василь «любил выступать на слетах юных пионеров. Выступлений ему не писали, он сам их придумывал. Еще и ручку поднимал и кричал "За Ленина! За Сталина!" Люди дивились:

– Это, наверно, сын какого-то райкомовца или обкомовца?

– Да нет, – отвечала учительница, – отец у него простой слесарь, а мать домохозяйка.

Играл в футбол. Любил историю. Много читал. Играл на гитаре».

И все же отчужденность родителей в социальной среде Донбасса означала для В. Стуса мучительный, но неминуемый выбор – противостояние либо с родителями, либо со сверстниками. И этот выбор, сделанный в пользу родителей, обрекал Василя на одиночество и непонимание. Суть этого конфликта Стус понял довольно рано – еще в девятом-десятом классе школы.

Окончив школу с серебряной медалью, юноша без экзаменов поступил на историко-филологический факультет местного пединститута. В студенческие годы Стус был членом литературного объединения «Горизонт». Именно тогда появились первые стихи молодого поэта. Его успешный дебют в киевской «Литературной газете» (ныне «Литературная Украина»), состоявшийся в год окончания вуза, казался многообещающим.

После института, который Стус окончил с красным дипломом, он уехал работать учителем украинского языка в

школу с. Таужного, недалеко от Гайворона (Кировоградская область). «Там оттаял душой, освободился от студенческого отшельничества», – писал он позднее в предисловии к «Зимним деревьям». Затем последовала служба в армии. Стус проходил ее на Южном Урале, в каких-то 500 км от села Кучино, где спустя годы оборвется его жизнь. В армии в конце 1960 г. после несчастного случая Стусу ампутировали две фаланги на левой руке, в результате чего он уже не мог играть на гитаре. Тогда же Василю пришлось пережить еще одну потерю – вышла замуж его любимая девушка. «Недавно получил приглашение на свадьбу, потому что моя девушка выходит замуж. Ей-богу, вспоминается Шекспир и его знаменитое:

Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя»,

– писал он своему другу в письме.

Отслужив, Стус вернулся в Донбасс и снова приступил к работе учителя – в одной из школ г. Горловки. Но воспринимая денационализацию Украины как личную трагедию, как «сумашествие и бесстыднейшее национальное унижение», он очень скоро оставил преподавание украинского языка и литературы.

В августе 1963 г. Стус переехал в Киев, где поступил в аспирантуру Института литературы им. Т.Г. Шевченко. Но в 1965 г. он был исключен из аспирантуры за поддержку протеста, организованного И. Дзюбой и В. Черноволом, против ареста украинских «шестидесятников». В том же году, не имея ни постоянной работы, ни киевской прописки, В. Стус женился на Валентине Попелюх – женщине, которая в его поэзии выступает в образе верной спутницы, берегини, убежденной в правоте каждого слова и поступка мужа.

В литературном творчестве тех лет у поэта гораздо больше разочарований, чем успехов, – первый сборник его ранних стихов «Круговерть» так и не увидел тогда свет (набор его был «рассыпан»), не была по достоинству оценена и философская поэзия конца 60-х гг. В так называемый «дотюремный период» Стуса не публиковали, если не считать нескольких журнальных публикаций. Когда же в 1970 г. в Брюсселе была издана его книга «Зимние деревья», то во время обыска ее изъяли и на суде она служила «вещественным доказательством преступления». «Доказательством» послужили и рукописная книга стихотворений «Веселое кладбище», блестящее эссе «Феномен эпохи», посвященное П. Тычине, и, разумеется, подписанное Стусом

заявление протеста против репрессивной политики КПСС. 12 января 1972 г. Василь Стус был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». Сбор информации против неугодного поэта велся уже давно, и нужен был только предлог, чтобы взять его под арест. Во время массовых обысков среди бумаг поэта были найдены несколько забытых строчек «антисоветского» содержания, которые «потянули» на немалый срок. В сентябре 1972 г. Киевский областной суд приговорил Стуса к пяти годам заключения и трем годам ссылки. Наказание заключенный Василь Стус отбывал в мордовских и магаданских лагерях.

Бесправие и постоянный надзор угнетали поэта, но именно неволя дала ему новый творческий толчок. В бессонные камерные ночи он писал много и легко. В лагерях и в ссылке Стус создал около 1000 стихотворений, 400 переводов произведений И.В. Гете, Р.М. Рильке, Р. Киплинга, А. Рембо, Ф.Г. Лорки и др., оставил большое эпистолярное наследие. Василь Стус наконец ощутил, что найден новый поэтический язык, способный влиять не только на разум человека, но и на его чувства.

Моя душа запрагла неба,
В буремнім леті держить путь на стовп
Високого вогню.

В этом стихотворении, написанном в начале заключения, уже ощущается жизненное и поэтическое кредо Василя Стуса, и в нем – источник его силы. «Что-то было и благодатное в оборотной стороне тюрьмы – в аскетизме, в одиночестве и в откровенности дьявольского наступления на святыни. Смерть сидела в камере, как сова, заглядывала в душу – и под ее взглядом прояснялись абсолюты, идеалы и дорогие образы. Но ежедневный шабаш мелких бесов нагнетал атмосферу страха и неуверенности», – писал Е. Сверстюк.

Второй тюремный срок – десять лет лагерей особого режима и пять ссылки – Василь Стус получил за председательство в 1979-1980 гг. в украинской группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений по защите прав человека. Территорией неволи, «где все людскою мукою взялось…» на этот раз стал для поэта Урал. Там, в селе Кучино Пермской области заключенный Василь Стус провел последние годы жизни. Путь на свободу был до смешного прост: нужно было пообещать властям впредь никогда не высовываться, только и всего, но с «хроническим упрямством» Стус не соглашался на свободу в обмен на компромисс. «…Всякая добросовестная додуманная мысль о

жизни способна причинить боль. Не мне принадлежит сие грустное суждение. Его высказал как-то Василь Стус – дивный украинский поэт, погибший в лагере. Год был 85-й, в стране уже началось непредвиденное, но мы, заключенные лагеря особого режима, так называемые «политические рецидивисты», т.е. «неисправимые», т.е. обреченные на вымирание сроками изоляции, не знали, не верили и не надеялись. Нам было некогда верить и надеяться, мы были озабочены выживанием», – вспоминал Л.И. Бородин. Известный русский писатель, главный редактор журнала «Москва», он был последним, кто видел Василя Стуса живым. И потому воспоминания этого человека о последних днях поэта особенно ценны: «Перед тем как я оказался в одной камере со Стусом, он только что закончил перевод сборника стихов Рильке. При очередном обыске у него изъяли труд почти полутора лет. Обещали вернуть, если там нет антисоветчины. Считаю, что именно с этого момента он заболел. Заболела душа. Есть ли такие врачи, которые могли бы не лечить, угадать заболевание, когда она сначала начинает "маяться"? Есть ли филолог, способный вразумительно объяснить значение этого слова… На прогулке он ходил с низко опущенной головой по диагонали прогулочного загона и повторял одни и те же слова одной и той же песни… Болезнь души его, однако, прогрессировала. Он находился на той стадии поэтической зрелости, когда, как я мог предполагать и как мне казалось, поэт непременно должен иметь аудиторию. Иначе само поэтическое дарование начинает как бы закольцовываться в душе и является одной из причин его маеты. …Мы общались с ним на украинском языке. Стус вынудил меня к тому из единственного побуждения – показать мне красоту его родного языка».

Практически ничего не сохранилось из тех смертельных пяти лет, когда Стусу было запрещено писать стихотворения на бумаге. Сотни переводов пропали бесследно. Последние творческие вспышки поэта, может быть, самые яркие, «канули в черную дыру». Лишь из письма Стуса, написанного жене и сыну Дмитрию в декабре 1983 г., можно узнать, что волновало его душу в те годы: «Заканчиваю свой сборник "Птица души" – отчаянно прозаический, почти без пафоса, нерифмованный… грустно-спокойный… Стоический – такой его музыкальный ключ». Читая письма поэта, пришедшие из заключения, понимаешь, как «в атмосфере абсолютной бедности, голода и холода» изменялись его ценности и авторитеты: «неизменивши оставались Гете и Рильке. И не было уже воспоминаний об утраченных островках прошлого, ибо воспоминания болят, как почерневшие раны».

На тюремных этапах Стус не раз «заглядывал в зону смерти» –

и это научило его смотреть на свою жизнь со стороны и несколько отчужденно. Василя Семеновича не стало, когда ему было неполных 47… Но прожитых лет ему хватило для выполнения главного своего предназначения – «подняться к вершинам, на которых открывается трагический смысл наших исканий на земле, на которых мерцает мудрость озарений».

Весть о лагерной смерти В. Стуса разлетелась по всему миру – 5 сентября 1985 г. об этом сообщили все зарубежные радиостанции. В Советском Союзе официально не было сказано ни слова, лишь несколько друзей Стуса собрались в его киевской квартире, чтобы почтить память поэта. Причина смерти Василя Стуса по сей день достоверно не известна: на этот счет существует несколько версий. «Я видел Василя Стуса живым последний, – вспоминает Л.И. Бородин. – В карцере он объявил голодовку. В следующую ночь на проходной, надрываясь, выла овчарка. Причину его смерти не знает никто… Действительная причина смерти Василя Стуса в камере-одиночке остается тайной. По версии, высказанной одним из КГБистов, – «сердце не выдержало, с кем не бывает». По мнению многих диссидентов – это было убийство. Говорят даже, что не случайное по времени. Бывший политзаключенный, также узник Кучино Василь Овсиенко считает, что Кремлю было выгодно умертвить украинского поэта. Незадолго до смерти известный немецкий писатель Генрих Белль выдвинул Стуса на соискание Нобелевской премии – самой престижной литературной премии. Ее присуждают в конце года, и только живым. В первые дни осени [4 сентября] 85-го Стуса не стало…»

Неизменным девизом Василя Стуса было единство жизни и слова, а в украинской литературе есть традиция оплачивать слово жизнью. «Я пишу стихи и думаю, что когда-то это будет нужно моему народу, – писал поэт незадолго до смерти. – А то, что меня мучают за них, – то что сделаешь? Кому-то же надо подставлять свои плечи. Вот я и подставил свои». Однажды он написал такие строки:

Як добре те, що смерти не боюся
і не питаю, чи тяжкий мій хрест.
що перед вами, судді, не клонюся
в передчутті недовідомих верст,
що жив, любив і не набрався скверни,
ненависти, прокльону, каяття.
народе мій, до тебе я ще верну,
як в смерті обернуся до життя…

Через четыре года после смерти Василя Стуса полностью реабилитировали «за отсутствием состава преступления».

Терещенко Николай Артемьевич (род. в 1819 г. – ум. в 1903 г.)

Известный киевский промышленник и меценат. Создатель «Товарищества свеклосахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко». Крупный землевладелец, создавший технически оснащенные сельскохозяйственные предприятия. Известен благотворительной и меценатской деятельностью.

В конце XIX в. «Ведомости сельского хозяйства и промышленности» писали: «Если земледельческая культура в Юго-Западном крае находится в настоящее время на сравнительно высоком уровне развития, если крепкие основания той же культуры кладутся ныне за Днепром, то крупнейшая заслуга в этом отношении принадлежит Николаю Артемьевичу Терещенко. Являясь одним из самых крупных членов киевского Земельного синдиката, он в своих имениях насаждал и развивал все отрасли сельского хозяйства, каждая из которых была наглядной практической школой для данной местности, почв, климата… оценить его заслуги сможет только будущее».

Известные украинские предприниматели Терещенко вошли в историю как крупные сахарозаводчики и землевладельцы: перед самой революцией им принадлежало 11 сахарных заводов, а также 150 тыс. десятин земли. Некоторые представители династии успешно занимались и другими видами бизнеса.

Особый интерес представляет личность Николая Артемьевича, предпринимательская деятельность которого принесла семейству широкую известность и славу.

Николай родился в 1819 г. в Глухове Черниговской губернии в семье мелкого лавочника Артемия Яковлевича Терещенко, обладавшего недюжинной энергией и предпринимательской хваткой, за что соседи называли его «Карбованцем». С раннего детства мальчику довелось узнать, каким нелегким трудом достается общий семейный хлеб. В силу материальных трудностей он не смог получить надлежащего образования: «Буквально на медные пятаки я окончил глуховское уездное училище». А дальше учиться не хватало средств.

Уже в юные годы Николай стал заниматься собственным бизнесом – торговлей зерном. Поскольку местный глуховский рынок был ограничен и давно поделен, молодой Терещенко решил купить волов, погрузить на повозки хлеб и отправиться в Крым. Выгодно сбыв товар и договорившись с местными купцами о следующих поставках, он вернулся в Глухов, но не с деньгами, а с солью и рыбой, которые быстро продал на местном рынке.

К этому делу подключились и младшие братья. Пока Николай строил в Глухове огромные амбары, Федор и Семен закупали зерно и вновь отправлялись по Чумацкому шляху в Крым. Постепенно братьям удалось накопить немалый капитал, и в начале 1870-х гг. Терещенко приобрел Теткинский сахарный завод в Курской губернии. За ним последовали другие заводы: Старо-Осетинский в Черниговском уезде и Андрушевский в Житомирском. Кроме того, он скупил 80 тыс. десятин земли в Киевской, Курской, Черниговской, Харьковской, Волынской, Подольской и Тульской губерниях, многочисленные заводы, мельницы и прочую недвижимость.

Солидное финансовое положение и неординарные организаторские способности обеспечили Николаю Артемьевичу уважение в обществе. В 32 года его избрали бургомистром городского магистрата Глухова, потом городским головой, а затем гласным Черниговского губернского ведомства. Благодаря его многолетней деятельности по устройству городского хозяйства Глухов в то время нередко называли «Черниговскими Афинами».

К началу 1880-х гг. во владении «Товарищества свеклосахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко» были крупнейшие предприятия сахарной отрасли Российской империи. Среди них стоит назвать прежде всего Михайловский рафинадный завод, на котором работало более 500 человек, и Тульский сахаро-рафинадный завод, выпускавший ежегодно до 8

тыс. тонн кускового рафинада. После модернизации к началу 1890-х гг. его производительность была повышена до 13 тыс. тонн.

Следует отметить, что, стремясь к сокращению затрат на переработку и производство сахара, модернизируя производство, братья Терещенко немалые средства расходовали на обеспечение необходимых условий труда и быта для заводских рабочих. При каждом предприятии имелись больницы, аптеки, школы, жилые помещения. Особенно благоприятные условия были созданы ими на свеклосахарном заводе в Черниговской губернии. Здесь для каждой семьи служащих были дополнительно выстроены дома со всеми вспомогательными постройками. При заводе также имелись баня, приемный покой с современным медицинским оборудованием и аптека.

Умело и грамотно организованное дело уже к концу XIX в. приносило Терещенко миллионные доходы. В 1900 г. на всех свеклосахарных заводах производилось 28 тыс. тонн сахарного песка, на винокуренных заводах – около 4 млн л спирта-ректификата, а на мельницах – 12 тыс. тонн муки разных сортов. В перечень владений семьи Терещенко входили 112 тыс. десятин сельскохозяйственных угодий, несколько домов в Москве и Киеве, товарные склады и продовольственные магазины в Одессе и Глухове. К концу жизни Николай Артемьевич получал чистый годовой доход в размере 10 млн руб. и считался одним из самых богатых людей в Российской империи.

В 1874 г. Терещенко переехал в Киев. Здесь он приобрел усадьбу, в которой разместилось его многочисленное семейство – жена Пелагея Георгиевна и шестеро детей, – контора сахарных заводов и богатая коллекция произведений искусства. Эта коллекция, создаваемая многие годы, содержала ценные произведения русского, украинского, западного и восточного искусства. Поиски и отбор их производились очень тщательно, невзирая на большие материальные затраты. Недаром П. Третьяков писал по этому поводу И. Репину, что «господа Терещенко являются сильными конкурентами на всех аукционах».

Благодаря стараниям сахарозаводчика в стране фактически была основана «вторая Третьяковка» – 30 декабря 1904 г. состоялось освящение Киевского музея зарубежного искусства, основу собрания которого составили произведения из семейной коллекции Терещенко.

В 1878 г. Н. А.Терещенко получил чин статского советника и поступил на службу по ведомству Императорского человеколюбивого общества. В этот период он отдавал немало сил народному просвещению. В частности, под его

председательством было основано Общество распространения коммерческого образования. За многочисленные заслуги на поприще государственной службы, общественной деятельности и коммерции он был произведен в чин тайного советника. Однако известность и славу Николаю Артемьевичу принесли не только предпринимательская и общественная деятельность, но и широкое участие в благотворительных делах.

О филантропической деятельности Терещенко широко известно: «Вот лишь не полный список тех славных дел в родном городе Глухове, который для любого предпринимателя того времени мог бы стать настоящим прижизненным памятником: городское училище на 300 учащихся – девочек и мальчиков, – актовый зал на 1000 детей и образцовый педагогический музей при училище. Впоследствии над всеми этими и другими учреждениями, построенными на средства Николая Артемьевича, попечительствовал его сын Александр Николаевич. Благодаря меценатской деятельности Н.А. Терещенко «захолустный» 800-летний Глухов быстро превратился в благоустроенный город, с целым рядом общественных и просветительных учреждений, с возрастающей промышленностью и торговлей, с увеличившимся почти вдвое населением и с несомненным развитием в будущем».

Еще больший размах получила благотворительная деятельность Терещенко в Киеве. Помимо участия в создании первого публичного музея, он передал часть своей коллекции музею русского искусства. Но особенно много сделал Николай Артемьевич для поддержки образовательных учреждений. В Киеве трудно было найти учебное заведение, которое было бы основано или развивалось без его материального содействия. На постройку Политехнического института он пожертвовал 150 тыс. руб., финансировал строительство Коммерческого училища, мужской торговой школы, создание Народной аудитории, Народного дома общества грамотности, Марьинского детского дома, Рубежовской исправительной колонии для малолетних преступников, мужской и женской гимназий на Подоле, Первой киевской гимназии.

Одним из самых значительных дел Терещенко стала постройка больницы и амбулатории для чернорабочих, а также больницы для Мариинского общества Красного Креста. Не претендуя на прибыль, вложил он значительную сумму и в устройство киевской канализации. На средства Терещенко были построены многие сельские и провинциальные церкви. Большие деньги были выделены им на позолоту церковных куполов и устройство богатейшего напрестольного облачения киевского Свято-Владимирского собора. В целом за всю свою жизнь Николай Артемьевич пожертвовал на общественные нужды около 5 млн

руб.

Все, чего достиг в жизни этот замечательный человек, было результатом гигантского труда. Даже в последние годы жизни Николай Артемьевич вставал в 4 часа утра, а в 5 часов к нему являлись служащие с докладами. К 9 часам он заканчивал завтрак и начинал прием посетителей, после чего выезжал по делам.

Знаменитый сахарозаводчик и меценат скончался в Киеве 19 января 1903 г. и был похоронен рядом с родителями, братом Федором и женой Пелагеей Георгиевной в Глухове, в построенной им Трех-Анастасиевской церкви. За год до этого 50-летие общественного служения Николая Артемьевича, по царскому указу, было отмечено орденом Белого Орла, а благодарные киевляне назвали его именем одну из центральных улиц города. В 1909 г. на городской площади Глухова жители города установили замечательному земляку бронзовый памятник: Терещенко сидел в кресле с высокой спинкой в спокойной позе мудрого человека. В годы революции памятник был снят с пьедестала, разбит и до нашего времени, к сожалению, не сохранился, но зато до сих пор дымят по Украине трубы сахарных заводов дореволюционной постройки. И это ли не достойный памятник их основателю – выдающемуся промышленнику Николаю Артемьевичу Терещенко?

Тимошенко Юлия Владимировна (род. в 1960 г.).

Премьер-министр Украины (с 2005 г.). Один из лидеров «помаранчевой революции» 2004 г.

Сначала ее называли «газовой принцессой», потом – «украинской Жанной д'Арк» и «принцессой помаранчевой революции».

Юлия Тимошенко (девичья фамилия Григян) родилась в одном из крупнейших городов Украины – Днепропетровске – 27 ноября 1960 г. Воспитывала ее мать (диспетчер автотранспортного предприятия) – отец оставил семью, когда девочка была еще маленькой. Поэтому ее детство было не очень простым и легким.

В днепропетровской школе, которую она закончила, Юлию помнят как яркую личность, которая притягивала к себе одноклассников (по воспоминаниям учителей, «ее слушались даже мальчишки»). Она много читала, любила музыку.

По окончании школы Юлия поступила в Днепропетровский горный институт, но потом, на третьем курсе, перевелась на экономический факультет Днепропетровского государственного университета.

Когда она еще училась в университете, произошел случай, изменивший всю ее жизнь. Как-то вечером зазвонил телефон: какой-то юноша ошибся номером. Молодые люди пообщались. Так Юлия познакомилась со своим будущим мужем Александром

Тимошенко. В 1980 г. у них родилась дочь Евгения.

В 1984 г. Ю. Тимошенко с отличием окончила университет как экономист-кибернетик (по диплому ее специальность – экономика труда; квалификация – экономист).

Трудовая биография Ю.В. Тимошенко началась на Днепропетровском машиностроительном заводе (ДМЗ). Она работала экономистом-инженером в лаборатории по научной организации труда и управления, где активно занималась научной разработкой организации работы трудовых коллективов. Некоторые ее идеи относительно улучшения организации работы (в частности, экономическое самоуправление бригадами) были воплощены в практику.

В марте 1989 г. Ю. Тимошенко уволилась с ДМЗ и занялась собственным бизнесом. Сначала это был прокат видеокассет (видеосалон кооператива «Экран» при кинотеатре «Родина»), потом – молодежный центр «Терминал» (1989-1991 гг.). Напомним, что те годы были периодом развития кооперативного движения в Советском Союзе.

В 1991 г. имя Ю. Тимошенко стало известным в Днепропетровске в связи с тем, что она начала работать сначала коммерческим, а потом генеральным директором корпорации «Украинский бензин» (КУБ) – поставщика нефтепродуктов в области. В этот бизнес она пришла вместе с мужем Александром и свекром Геннадием Тимошенко, который в начале 1990-х годов возглавлял Кировский райисполком Днепропетровска (в советских времена он занимал высокие должности).

В середине 1990-х гг. Юлия Тимошенко вместе с В. Пинчуком создает корпорацию «Содружество», которая занимается газом. Но это сотрудничество было непродолжительным.

В 1995 г. на основе КУБа возникает мощная промышленно-финансовая корпорация «Единые энергетические системы Украины» (ЕЭСУ). Основным направлением ее деятельности в 1996 – 1997 гг. были поставки газа в Донецк, Днепропетровскую, Черкасскую, Сумскую, Полтавскую, Кировоградскую и Николаевскую области, а также сотрудничество с РАО «Газпром» и АО «Укргазпром» по вопросам осуществления взаиморасчетов при транспортировании газа иностранным потребителям через территорию Украины.

В момент высочайшего взлета ЕЭСУ имела годовой оборот в 10 миллиардов долларов, владела 35 газетами, несколькими радиостанциями и информагентствами, поддерживала футбольные команды, шоу-бизнес. Именно тогда Юлию Тимошенко стали называть «газовой принцессой». Ей посвящают коллекции одежды, а Бобринецкую спортивную команду

«Новатор» переименовывают в «Юлия-Новатор». Юлию Тимошенко награждают Православным орденом Варвары Великомученицы.

В 1996 г. премьер-министром Украины стал представитель днепропетровской группы Павел Лазаренко, которого считали покровителем ЕЭСУ.

Возрастающие успехи компании постепенно стали превращаться и в политический фактор. В 1996 г. Юлия Владимировна была избрана народным депутатом Украины по Бобринецкому избирательному округу №229 Кировоградской области с рекордным результатом – за нее проголосовали 92,3% избирателей. Тогда же она прекращает собственное участие в бизнесе. Тимошенко активно занимается политической деятельностью, стараясь активизировать созданную еще в декабре 1993 году «Громаду».

Интересным фактом биографии Юлии Владимировны является то, что накануне встречи с Борисом Ельциным, в марте 1997 года, Билл Клинтон получил от нее письмо, в котором, по данным журнала «Time», она просила обсудить вопросы монополии российского «Газпрома» на газовом рынке.

В апреле 1997 г. Ю. Тимошенко приезжает к США, где выступает в Школе международных отношений при Университете Джонса Гопкинса. В своем выступлении она сказала, что будет настаивать на принятии законодательства, которое направлено на рыночные реформы, в том числе и на те, что касаются частной собственности и привлечения инвестиций, которые могли бы уменьшить влияние бюрократии и теневой экономики на бизнес.

В 1997 г. в немилость президента Л. Кучмы попал весь «днепропетровский клан». Павла Лазаренко освободили от должности премьера. На выборы 1998 г. он пошел с «Громадой» уже как оппозиционер; шестым номером списка была Юлия Тимошенко. Но в парламент она прошла по 99-му одномандатному округу. В июле 1998 года Юлия Владимировна возглавила Комитет по вопросам бюджета Верховной Рады Украины.

После того как скандал вокруг П. Лазаренко стал публичным, Ю. Тимошенко создала свою партию и фракцию «Батькивщина». Ее пропагандистские ролики активно «крутят» по телевидению.

В разгар политических баталий Тимошенко защищает в Киевском национальном экономическом университете кандидатскую диссертацию на тему «Государственное регулирование налоговой системы» (1999 г.). Она является автором свыше 50 научных работ.

Вместе с тем в декабре 1999 г. вновь назначенный премьер-

министр Виктор Ющенко предложил Юлии Тимошенко должность вице-премьера по топливно-энергетическим вопросам. Насколько известно, президент Л. Кучма не был в восторге от этой кандидатуры, однако особенно спорить не стал: Ющенко получил определенную свободу действий при формировании своего «правительства реформаторов». Однако с первого же дня работы в правительстве Тимошенко настроила против себя лидеров всех олигархических группировок, которые получали прибыли с энергоопераций.

Первой ее поездкой был визит в Москву, где она признала незаконный отбор Украиной российского газа и долги за него. Тимошенко договорилась о погашении этих долгов. После этого начинается ее борьба с коррупцией на энергорынке, которая получила название «Чистая энергия».

В январе 2000 г. финансово-промышленные лоббисты из окружения Кучмы добиваются подписания президентом указа об отставке Юлии Владимировны. Секретарь СНБО Евгений Марчук пишет докладную Кучме, из которой следует, будто пребывание Ю. Тимошенко на должности вице-премьера вредит национальным интересам Украины.

В январе 2001 г. Генпрокуратура возбуждает два уголовных дела против Ю. Тимошенко. По утверждению следствия, руководство ЕЭСУ давало большие взятки представителям Министерства обороны России, которое разрешило компании осуществить ряд финансовых операций по отмыванию денег.

В конце января 2001 г. Юлия Владимировна инициировала создание структуры, которая должна была стать объединенным штабом антипрезидентской оппозиции. 9 февраля, в разгар «кассетного скандала» с пленками Н. Мельниченко, было объявлено о создании «Форума национального спасения», целью которого стало отстранение от власти Л. Кучмы. Возглавила Форум Ю. Тимошенко. А уже 13 февраля она была арестована по обвинениям Генеральной прокуратуры.

Тимошенко держали в Лукьяновском СИЗО. Позднее она рассказывала, что ощущала возможность ареста и еще раньше подготовила на всякий случай чемодан с вещами. Тем не менее, испытания, которые ей пришлось пройти, были неожиданными и страшными: от взятия отпечатков пальцев и отключения света в камере до изоляции и плохого питания.

В письме из тюрьмы в «Financial Times», которое она подписала как «узник совести», Юлия Тимошенко писала: «Я уверена, что режим Кучмы может пойти даже на мое физическое уничтожение, а не только на политическое, но я сделала свой выбор и буду продолжать бороться с ним демократическими

методами. Президент Кучма говорит, что я совершила преступление. Мое единственное "преступление" заключается в том, что я боролась с коррупцией, теневой экономикой и тоталитаризмом, который был создан Президентом Украины».

Постановлением Печерского суда Киева арест Ю. Тимошенко был признан незаконным. После выхода из СИЗО она сразу оказалась в больнице. По иронии судьбы президиум Киевского городского суда отменил решение Печерского суда и возле больничной палаты Юлии Владимировны опять была установлена охрана.

Весной 2001 г. Ю. Тимошенко выступила инициатором проведения всенародного референдума о доверии президенту: «Дальнейшие переговоры с президентом бессмысленны. Он не способен на самоограничение ни ментально, ни генетически…» Однако реализовать свою инициативу лидеру «Батькивщины» не удалось.

В том же 2001 г. Ю.В. Тимошенко и В.А. Ющенко организовали акцию «Украина без Кучмы».

Имя Юлии Тимошенко становится известным не только в Украине, но и в Европе. Во время Экономического форума в Кринице (Польша) в сентябре 2001 года Ю. Тимошенко представляла Украину в списке претендентов на звание «Человек года Центрально-Восточной Европы» – единственная женщина среди претендентов.

В декабре 2001 г. на основе Форума национального спасения был организован Блок Юлии Тимошенко (БЮТ), в состав которого вошли партии «Батькивщина», «Собор», УРП и УСДП. В марте 2002-го Тимошенко и ее блок прошли в Верховную Раду, набрав 7,2 % голосов избирателей. В этом же году Ю. Тимошенко активно принимает участие в акциях протеста «Восстань, Украина!»

В июле 2004 г. Тимошенко и Ющенко подписали соглашение о создании коалиции «Сила народа». Во время предвыборной кампании она вместе с другими оппозиционерами посещала разные регионы страны, собирая сотни тысяч людей на митинги и призывая голосовать за В. Ющенко.

В сентябре 2004 г. во время активной фазы предвыборной президентской кампании российская военная прокуратура возбуждает уголовное дело против сотрудников Министерства обороны России, которым Тимошенко якобы давала взятки. Потом российская прокуратура, обратившись к Интерполу, объявляет через него международный поиск лидера БЮТ.

Во время выборов президента, когда стало понятно, что старая власть обратилась к фальсификациям, Ю. Тимошенко, В.

Ющенко, А. Мороз и А. Кинах подготовили Обращение к украинскому обществу, в котором высказали полнейшее недоверие Центральной избирательной комиссии, призывая народ защитить свой выбор.

Юлия Тимошенко почти каждый день выступала на Майдане, где десятки тысяч граждан, объединенные идеей борьбы с неправдой, высказывали свою поддержку В. Ющенко. Ее проникновенные и эмоциональные обращения к Майдану были голосом надежды и уверенности. Роль Юлии Владимировны в «оранжевой» революции трудно переоценить, и об этих днях еще будет много написано…

Указом Президента Украины от 24 января 2005 г. Юлия Владимировна Тимошенко назначена исполняющим обязанности премьер-министра Украины. 8 января 2005 года генеральный прокурор Украины С. Пискун на специально собранной пресс-конференции подчеркивает, что дело против Ю. Тимошенко в Украине закрыто.

В феврале по представлению президента В.А. Ющенко кандидатура Ю.В. Тимошенко была выдвинута для обсуждения на заседании Верховной Рады. После обсуждения народные депутаты 373 голосами «за» (минимально необходимо 226!) утвердили Юлию Владимировну Тимошенко премьер-министром Украины.

В марте 2005 г. Юлия Тимошенко пошла на беспрецедентный для украинской политики шаг – сфотографировалась для женского журнала ELLE. Во время интервью она говорила, что пока для нее заниматься собой – только планы и мечты, так как ее жизнь сегодня состоит из трех пунктов – работа минимум 16 часов в сутки, короткий перерыв на сон и снова работа.

А на вопрос, верит ли она в приметы, Юлия Владимировна рассказала, как во время «оранжевой» революции загадала: если сможет украсить щит спецназовца цветком – все закончится хорошо. Так и вышло!

О личной жизни Ю. Тимошенко говорить не любит; она поясняет, что не хотела бы делать ее общественной. О ней много говорят; существует немало вымыслов, сплетен и даже компромата, который свидетельствует об интересе, который вызывает эта неординарная женщина. История становления настоящей демократии в Украине и «оранжевой» революции еще будет написана, но уже теперь понятно, что на страницах этой истории важное место будет отведено Юлии Владимировне Тимошенко.

О своем характере еще в 1996 г. она сама говорила: «Я довольно мягкий человек и отдаю предпочтение поиску аргументов, чтобы убеждать».

О хобби Юлии Владимировны когда-то писали, что это волейбол, теннис, плавание и классическая музыка (любимый композитор – А. Вивальди). Но теперь на все эти увлечения практически нет времени.

Как подчеркивалось многими ее приверженцами, какую бы должность ни занимала Юлия Тимошенко, она всегда добивалась эффективных результатов. На должности премьер-министра у нее ныне очень много проблем, и остается надеяться на положительное их разрешение.

Тычина Павел Григорьевич (род. в 1891 г. – ум. в 1967 г.)

Поэт, переводчик, литературовед, общественный и государственный деятель. Академик, действительный член АН УССР, директор Института украинской литературы (1936-1943 гг.), а затем нарком просвещения УССР (1943-1948 гг.), заместитель председателя правления Союза писателей Украины. Председатель Верховного Совета УССР (1953-1959 гг.). лауреат Сталинской премии СССР (1941 г.) и Государственной премии УССР им. Т.Г. Шевченко (1962 г.). Герой Социалистического Труда, кавалер многих орденов и медалей.

Орел, Трезубец, Серп и Молот…
И каждый выступает как свое.
Свое ж винтовка в нас убила,
Свое на дне души лежит.
Разве и себе поцеловать пантофлю Папы.

Пять строк из «Антистрофы» (1919 г.). А в них – глубокое понимание действительности и предчувствие тяжелой судьбы – судьбы поэта, наступившего на горло собственной песне. Трудно понять боль искалеченной, израненной души, которой мозг и тело приказали выжить. Творческий и жизненный путь П.Г.

Тычины характеризуют как «триумф и драму гения».

Родился Павел 27 января 1891 г. в семье дьяка и учителя «школы грамоты» села Писки (Черниговская обл.). Единственным богатством Григория Тимофеевича Тычины были девять детей (еще четверо умерли во младенчестве). Но несмотря на бедность, в доме постоянно звучала песня. Отец – регент церковного хора – играл на гармони, мать Мария Васильевна и сестры обладали прекрасными голосами, но самым музыкальным был Павлик. На его редкий тембр голоса и тонкий слух обратила внимание учительница земской школы С.Н. Морачевская и посоветовала родителям учить одаренного мальчика дальше. И пение Павлуся в монастырском хоре служило платой за его обучение в духовном училище (1900-1907 гг.), а затем в духовной семинарии (1907-1913 гг.) в Чернигове.

Первые известные стихи Тычины датированы 1906-1908 гг. И среди них уже есть прекрасная жемчужинка «Голубизна мою душу овеяла» («Блакить мою душу овіяла»). В стихотворении ощущается внутренняя гармония, какая-то вселенская музыка, характерная для ранних произведений поэта. Тычину недаром называют самым музыкальным поэтом в мире. Среди его увлечений в молодые годы первое место принадлежало музыке. Павлу поручали руководство семинарским хором, который исполнял сложные произведения Д. Бортнянского, А. Венделя, П. Чайковского. Он играл на нескольких духовых инструментах – кларнете, гобое, флейте, а впоследствии освоил бандуру и рояль. Как способного исполнителя его приглашали играть в городском симфоническом оркестре. Да и в более зрелые годы Тычина работал помощником хормейстера в театре Н. Садовского. В 1920 г. он путешествовал с концертной капеллой К. Стеценко из Киева в Одессу, через год сам возглавил «Рабочую капеллу», а после роспуска хора Леонтовича хористы «пошли петь в Киев в железнодорожный театр под дирижированием Тычины» (1921-1923 гг.)

В молодости Павел был решительным и абсолютно не трусливым человеком. Когда в 1913 г. умер М. Коцюбинский, юноша, презрев категорический запрет царского правительства, вывел хор на церемонию прощания и дирижировал им. Так он отдал дань памяти известному писателю, который первый оценил его поэтический талант и в 1912 г. опубликовал в журнале «Литературно-научный вестник» стихотворение «Вы знаете, как липы шелестят». Но эту смелость, как и свободу творческого мышления, сомнет тоталитарная система.

Серьезно занимался Тычина и живописью под руководством учителя рисования М. Жука, но ни профессиональным

художником, ни музыкантом не стал. Проучившись год в Киевском коммерческом институте, он был вынужден из-за недостатка средств вернуться в Чернигов. Здесь Павел какое-то время жил у поэта В. Самийленко, который подтолкнул талантливого юношу к изучению языков (Тычина знал 18 языков) и литературным переводам. Работая в журнале «Свет» («Свило»), а после его закрытия – разъездным инструктором и статистиком, Тычина много писал. Рассказы «Искушение», «Богословие», «На реках Вавилонских», помещенные в киевских журналах, свидетельствуют, что и дар прозаика не обошел его, хотя впоследствии он почти не работал в этом жанре. Его призванием стала поэзия. Звонкие стихи «Леса шумят – я слушаю», «Расскажи, расскажи ты мне, поле!», «Есть на дне в моем сердце», «Молодой я, молодой!» сообщили о рождении нового поэтического гения Украины.

В 1915 г. Павел переехал в Киев, где работал хормейстером в театре Н. Садовского и заведующим отделом хроники в газете «Новый совет» («Нова рада»). Он много печатался в периодике. Но большинство стихотворений, написанных в эти годы, увидели свет лишь в посмертном издании «В сердце моем…» (1970 г.), как, впрочем, и уникальный цикл «Панихидные песни» (издан в 1993 г.). Они чудом сохранились в архиве М. Жука. Наиболее известна из них мелодичная «О панна Инна, панна Инна» (опубликовано в 1920 г.). «Панихидные песни» посвящены Полине Коновал – безответной любви Тычины – и ее сестре Инне. Поэт со щемящей нежностью оплакивает свою возлюбленную, и прощание это превращает во вселенскую заупокойную мессу, где вместе с ним молится вся природа.

Красивый, статный, безбрежно талантливый Тычина пережил не одну сердечную привязанность и драму. В лирических стихах мелькают имена Оксаны, Ляли, Анжелы, а какие-то и вовсе закодированы в текстах. Но все чаще и чаще в них вспыхивало имя Лида– Лидия Петровна Папарук. «Что у меня за характер, – иронизировал над собой влюбчивый поэт в дневниковых строчках 1922 г. – Часто Лида говорит: "Девчачур!"». Они встречались 17 лет и поженились лишь перед войной. Но большая часть произведений, посвященных жене, написана в 1960-е гг. Заботливая и верная Лидия Петровна предстает в них как спутница жизни, подвижница, потому что она разделила с мужем и радость взлета, и славу, и его душевную боль.

Событием огромного значения в украинской литературе стал выход в свет первого сборника стихов Тычины «Солнечные кларнеты» (1918 г.), пронизанного светлой верой в жизнь, человека и свой народ. Символическая система стиха, которая

простиралась от реализма до футуризма, построена на соединении традиционного народного и неповторимого индивидуального, на колебании между явью и мечтой. Религия, вера, Родина удивительно и своеобразно объединены в мировосприятии поэта. В «Солнечных кларнетах» звуки – окрашены, цвета – озвучены, а душа настолько чиста, что ощущает Бога как «всемирную гармонию», как музыку «всемирного оркестра». Во вторую часть сборника вошли поэмы «Золотой шум», «Дума о трех ветрах» и цикл «Скорбная мать», которые признаны национальной трилогией раннего Тычины. В этих произведениях ощущается неопределенная, тревожная ситуация в Украине и в сердце поэта.

Небольшая книжка поставила 27-летнего автора в один ряд с лучшими мастерами украинского Возрождения. «Этот молодой мечтатель с обращенным в глубину взглядом, – как характеризует его в начале 1919 г. С. Ефремов, – в первой же своей книге выступает таким зрелым, таким глубоко оригинальным, что не могло быть сомнений, что вот перед нами записывается новая, свежая и увлекательная страница в истории украинской литературы… Поэт, наверное, мирового масштаба… Он словно испил все чары народного языка. И вместе с тем и сам придал труднейшим оборотам присущую ему мечтательность и глубину, блистательную форму, гибкую, разнообразную, какой у нас пренебрегали даже выдающиеся писатели».

Новаторством композиционного построения отмечены произведения Тычины в сборнике «Плуг» (1920 г.), которые принесли ему славу вдохновенного певца «красоты нового дня». Новое властно входило в жизнь поэта. Он славил огромный плуг, миллионы мускулистых рук и вместе с тем ощущал себя «двести раз распятым», болея душой за судьбу Украины. Одновременно с «Плугом» тоненькой книжечкой вышел цикл стихов в прозе «Вместо сонетов и октав», где предчувствие непоправимой беды ощущается еще сильней. Но пока желание жить и творить было сильнее предчувствий. Тычина работал в журнале «Искусство», в государственном издательстве «Всеиздат», заведовал литературной частью в Киевском театре им. Т.Г. Шевченко, стал одним из основателей Музыкального общества им. Н. Леонтовича и как поэт-сценарист вошел в созданный в Киеве «театральный отдел». Он был связан также с труппой «Молодого театра» Л. Курбаса, и в результате этой творческой работы возникали синтетические музыкально-танцевально-театральные произведения. Младотеатровцы инсценировали и поэтические произведения Павла Григорьевича из его сборников. Его стихи словно сами просились быть переложенными на музыку, в них

ощущалась и танцевальная пластика.

В 1920-е гг. Тычина перевел много текстов российской и западноевропейской классики для капеллы «Думка» («Реквием» Моцарта), а также оперных либретто. А позже композиторы на его стихи написали сотни песен, романсов, хоров («Арфами, арфами» Я. Стенового, «Пускай себе и шумят дубы» Г. Веревки, «На майдане» М. Вериковского), а также вокальных циклов, кантат, хоровых симфоний. До конца жизни поэт был связан с музыкой.

В 1923 г. Тычина неожиданно для многих переезжает в Харьков, но меняется не только его место жительства. Начиная со сборника «Ветер с Украины» (1924 г.), постепенно угасает яркий автор стихов «Топчите универсалы», «Прометей», «Голод», «Эй, ударьте в струны, кобзари!», «На Аскольдовой могиле», тот трепетно-звонкий поэт европейской культуры, не боявшийся как свидетель революционного братоубийства заявить: «Как страшно!.. человеческое сердце до края обеднело». Тычина глубоко затаил факт своего ареста и чудесное спасение из когтей ЧК благодаря В. Блакитному. Поэт закрыл на замок свое настоящее «я», и уже никогда его душа не распахивалась широко. Он жил в каком-то патологическом страхе, что в дверь в любой момент могут постучать и увести навсегда, как увели многих мастеров украинского «Расстрелянного Возрождения». Лишь один раз, в 1926 г. он рискнул опубликовать фрагмент поэмы «Чистила мать картошку», где предвозвестил Голодомор и удушение Украины. Тычина был обвинен в «протаскивании националистического дурмана». Поэт написал покаянное письмо – и его гений умолк.

В течение многих лет читателям предлагали газетные однодневки или откровенно иронические стихи Тычины. Школьников кормили хрестоматийными агитками, где поэт предлагал «под руководством партии все винты завинтить». Павел Григорьевич стал объектом бесчисленных шуток, эпиграмм и пародий типа: «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, я в колхозе бригадир». Многие друзья, еще вчера превозносившие его талант, теперь болезненно воспринимали изменения в творчестве Тычины – певца индустриализации и коллективизации.

В. Стус писал в конце 1960-х гг. в своей книге «Феномен эпохи»: «В мире "Солнечных кларнетов" человек был возвеличен до космических масштабов, там существовала гармония человека и вселенной. Теперь космос у Тычины обесчеловечивается, а сам человек, этот макрокосм солнечнокларнетовского периода, превращается в инфузорию, жизненное назначение которой – свято придерживаться своей орбиты и великого закона. В этом новом космосе Тычины человек становится заключенным, рабом

исторического процесса. Но как бы там ни было, Тычина – такая же жертва сталинских репрессий, как Косынка, Кулиш, Хвылевой, Зеров и Курбас. С одной лишь разницей – их физическая смерть не означала смерти духовной – Тычина физически живой, умер духовно, но был принужден существовать… по другую сторону себя самого. Начиналась полоса дальнейшей деградации поэта, причем деградировал покойный поэт так же гениально, как когда-то писал стихи». А многолетняя эксплуатация режимом имени и авторитета мастера слова стала причиной его глубокого внутреннего конфликта и привела к падению его реноме в глазах соотечественников и мировой общественности.

Но жизнь продолжалась. Павел Григорьевич активно включился в общественную и государственную работу. В 1923 г. он вошел в Союз пролетарских писателей Украины «Гарт», вместе с Хвылевым принял активное участие в создании ВАПЛИТЕ (Вольной Академии пролетарской литературы). В 1929 г. Тычина стал действительным членом АН УССР. С 1923 по 1931 гг. он был соредактором харьковского журнала «Красный путь», много писал, изучал армянский, грузинский, тюркские языки, вошел в Ассоциацию востоковедения. Беспартийного на тот момент писателя даже избрали членом Харьковского горсовета. Теперь существовало два Тычины: один – искалеченный «обольшевиченной эрой», второй– пишущий «Партия ведет». В его книгах, которые выходили в свет с завидным постоянством, – все тот же новаторский стих, но лишенный истинной поэтичности, образности, лиризма, в нем нет ни «огнепоклонника», ни «солнце-приверженца», ни «звонкоголубизны», ни «струн вечности». Произведения из сборников «Партия ведет» (1934 г.), «И расти, и действовать» (1949 г.), «Могущество нам дано» (1953), «Мы – сознание человечества» (1957), «Коммунизма дали видны» (1961 г.) имели ярко выраженную социально-политическую окраску и звучали как парадные лозунги. Но, как говорит Д. Степовик, хорошо знавший поэта, «декларативно-юбилейное сочинительство им всерьез не воспринималось».

С 1938 г. и до конца жизни Тычина – депутат Верховного Совета УССР, а на протяжении двух созывов – его председатель. В период с 1936 по 1943 гг. он возглавлял Институт украинской литературы АН УССР, затем в течение пяти лет был министром просвещения Украины. На этой должности он много сделал для восстановления школ и вузов, разрушенных в годы войны, а также по сохранению украиноязычных школ. Павел Григорьевич на собственные средства построил школу в родном селе Писки, которое было целиком сожжено, помог односельчанам возродить его из пепла. Академик не гнушался входить в их простые

жилища и делиться своими гонорарами со вдовами и сиротами.

И глубоко в душе Тычина все же остался Поэтом. Об этом свидетельствуют некоторые стихотворения из сборника «Чуття єдиної родини» (1941 г., Государственная премия СССР), поэма «Похороны друга» (1943 г.) и, конечно, поэма-симфония «Сковорода», над которой автор работал на протяжении почти 20 лет (не окончена, издана посмертно).

Как заместитель председателя правления Союза писателей Украины и один из старейших поэтов, Павел Григорьевич старался опекать молодых поэтов-шестидесятников, пробивал им дорогу, помогал печататься. Когда все жили надеждой, он предостерегал, что демократический всплеск заканчивается и приближаются новые репрессии. Тычина всегда старался подчеркнуть, что талантливых людей нужно беречь, что жизнь человека превыше всего и необходимо быть осмотрительным, чтобы иметь возможность продолжать дело. И говорил он это, словно извиняясь, что сам остался жив, когда многие из его единомышленников стали мучениками, жертвами системы. Ему тогда не верили, и напрасно.

Тычина всегда по праву оставался признанным авторитетом в области поэзии, прозы, публицистики и как переводчик со многих языков на украинский. Он переводил А. Пушкина, Е. Баратынского, А. Блока, Н. Тихонова, Я. Купалу, Я. Коласа, «Давида Сасунского», О. Ованесяна, О. Туманяна, И. Чавчавадзе, А. Церетели, К. Донелайтиса, С. Нерис, И. Вазова, Х. Ботева, Л. Стоянова и многих других писателей и поэтов. Тычина был знатоком литературы. Его «книгоград», как называл литературовед И. Ильенко домашнюю библиотеку поэта, насчитывал более 20 тыс. книг. Официальный поэт партии, обласканный властью, Герой Социалистического Труда, лауреат премий, кавалер орденов и медалей, член многих комитетов, обществ, президиумов был очень скромным человеком и своим положением не кичился. Павел Григорьевич с женой всегда были рады гостям, но в души свои почти никого не пускали. Как вспоминает Д. Степовик, в 75 поэт выглядел очень старым, хотя всегда казался моложе своих лет: «По-видимому, на внешности отразилась недавно перенесенная операция, малоподвижный образ жизни, разрушительность химиотерапевтических лечебных препаратов. Сумрак трагичности лег на его лицо». Умер Павел Григорьевич 16 сентября 1967 г. А его феномен по-прежнему будоражит мысли. Феномен человека, отдавшего половину жизни высокой поэзии, а половину – беспощадной борьбе со своей гениальной одаренностью.

Франко Иван Яковлевич (род. в 1856 г. – ум. в 1916 г.)

Великий украинский поэт, прозаик и драматург. Автор почти 6 тыс. произведений, критик и исследователь литературы, историк и философ, фольклорист и этнограф, языковед и искусствовед, социолог и экономист. Яркий публицист, журналист, издатель, один из ведущих общественных деятелей в украинской политической жизни последней четверти XIX – начала XX вв.

Этого энциклопедиста в самых лучших европейских традициях, человек универсальной одаренности, титанического – «мужицкого» – трудолюбия современники называли «Академией в одном лице». Когда его упрекали в распылении таланта, Иван Франко отвечал: «…мне кажется, что тут большую роль сыграл мой характер, это горячее желание – охватить весь круг человеческих интересов. Может оказаться, что это отсутствие концентрации повредило мне как писателю, но у нас долго еще будут нужны такие, как я, чтобы пробуждать интерес к духовной жизни и накапливать материал, обтесанный пусть даже грубо. Фундаменты все так строятся, а только на таких фундаментах, на таких стенах может со временем воздвигнуться гордый, смелый свод».

Михаил Грушевский, в течение ряда лет трудившийся с

Франко бок о бок, называл своего товарища «гениальным галицким мужиком, не импульсивным, но бесконечно выносливым и трудоспособным». Максим Рыльский считал его «умом и сердцем нашего народа» – несравненным по многогранности и мощному интеллекту даже среди величайших умов человечества.

За 40 лет трудов на ниве украинской культуры Франко сделал для ее утверждения больше, чем любая академия. Беда только, что сегодня его мало читают и мало знают. Для духовно оскопленного, бульваризированного общества, где новые украинцы нервно дергаются при словах «камерная музыка», это характерно. Произведения писателя, в особенности для детей, редко переиздаются, а ведь его перу принадлежит более 40 чудесных сказок. Писатели и критики получили от него неоценимое наследие – свыше 500 литературоведческих трудов: статей, очерков, исследований, эссе, рецензий, реплик. Франко как мастер сюжета очень кинематографичен. И это убедительно доказали несколько лент, снятых по его произведениям. Широко известное 50-томное издание наследия писателя, безжалостно выхолощенное главлитовскими редакторами, – это, возможно, всего лишь треть созданного великим Каменяром.

Иван Франко родился 27 августа 1856 г. в галицийском селе Нагуевичи, ныне Львовской области, в семье крестьянина-кузнеца. Отец мальчика умер раньше, чем тот успел окончить дрогобычскую школу. Мать вышла замуж второй раз, и отчим, тоже крестьянин, позаботился о продолжении его образования. Вскоре умерла и мать Ивана, так что на лето он приезжал в чужую семью, которая казалась ему раем, – по признанию поэта, ненависть к притеснению одного человека другим он вынес из пребывания в школе. Как здесь, так и потом в гимназии, Иван был первым учеником, а летом пас скот и помогал домашним в полевых работах.

Осенью 1875 г. юноша стал студентом философского факультета Львовского университета (позднее, в 1891 г. ему удалось закончить и Черновицкий университет, а в 1893 г. защитить в Вене докторскую диссертацию). Оказавшись во Львове, он окунулся не только в студенческую, но и в общественную жизнь и вошел в состав редакции студенческого журнала «Друг». Его друзья Павлик, Белей, Левицкий и др. под влиянием Михаила Драгоманова стали менять направление журнала, демократизировать его, выступать за замену искусственного «язычия», на котором он печатался, живым украинским языком. С этой целью Франко публиковал в журнале статьи, в которых обосновывал необходимость создания

литературы, опирающейся на народность.

Активная общественная деятельность стала поводом к аресту группы студентов в июне 1877 г. А в январе следующего года власти организовали над ними суд. Девять месяцев заключения стали для Франко большим испытанием на гражданскую стойкость. И во время следствия, и на суде он держался мужественно, разоблачая социальную несправедливость.

Когда молодые революционеры вышли из тюрьмы, от них отшатнулись «добропорядочные» руководители всех львовских общественных организаций. Однако Иван не опустил рук: понимая значение демократической печати для общественного прогресса, он вместе с Михаилом Павликом создал новый журнал «Громадский друг» (в 1878 г. вышло только два номера). А после его запрета в том же году издал два сборника журнального типа – «Дзвін» и «Молот», которые были своеобразным продолжением журнала. Именно здесь были напечатаны знаменитые его «Каменяры» и повесть «Boa constrictor» (1879 г.).

В 1881-1882 гг. Франко печатает повесть «Борислав смеется». Она стала этапным произведением украинской литературы, в котором была отображена революционная борьба рабочего класса против капиталистической эксплуатации. За ней последовала историческая повесть «Захар Беркут» (1883 г.). В ней отчетливо прозвучала тема патриотизма, самопожертвования во имя народа и его будущего, ставшая писательским кредо Франко.

Его поэтический дар со всей полнотой раскрылся уже в первом сборнике «С вершин и низин» (1887 г.), прологом к которому служил «Гимн» («Вечный революционер»). Здесь лирические описания природы, автобиографические зарисовки, сонеты соседствуют с произведениями революционно-освободительной тематики.

Интенсивная деятельность Франко несколько раз прерывалась арестами: в марте 1880 г. последовало трехмесячное заключение в коломыйской тюрьме, а в 1889 г. еще один арест и более чем двухмесячное заключение за связь с группой киевских студентов, прибывших в Галицию.

В 1890 г. по инициативе Франко и Павлика была создана Русско-украинская радикальная партия – первая политическая партия на украинских землях. В течение 8 лет Иван был ее бессменным председателем и одним из главных идеологов. На страницах партийного органа – двухнедельника «Народ» – он публиковал свои просветительские статьи. Со временем Франко отказался от федералистских идей своего учителя М. Драгоманова, что обусловило изменения в его политических взглядах (в 1899 г. он вышел из состава РУРП и присоединился к

Украинской национально-демократической партии, мотивируя свое решение тем, что ему легче сказать, что он русин, чем радикал).

В 1886 г. тридцатилетний поэт женился. Его избранницей стала 23-летняя Ольга Хоружинская, образованная, умная, искренняя, но несколько экзальтированная девушка, с которой Франко познакомился в Киеве. Он давно мечтал о большой, настоящей любви, о верной подруге и единомышленнице. Вряд ли Ольга соответствовала его идеалу, поскольку впоследствии Иван Яковлевич признавался: «С нынешней моей женой я сошелся не по любви, а из-за доктрины, что нужно жениться на украинке, к тому же просвещенной курсистке. Понятное дело, выбор мой был не архиблестящим, и, имея иную жену, я мог бы развиться лучше и достичь большего…» Супруги имели четверых детей: трех сыновей и дочь Анну. Постоянные преследования Франко австрийскими властями, бедность, тяжелый труд, физическая и психическая слабость Ольги вскоре превратили этот брак в невыносимое испытание. А безответная любовь поэта к красавице Целине Журавской еще больше усилила его страдания. Отголосками этой личной драмы пропитан один из лучших поэтических сборников Франко – «Увядшие листья» (изд. в 1896 и 1911 гг.), о котором М. Коцюбинский писал: «Это такие легкие, нежные стихи, с такой гаммой чувства и понимания людской души, что читая их, не знаешь, кому отдать предпочтение: или поэту борьбы, или поэту-лирику, певцу любви и наслаждения». Ответ на этот вопрос может быть только один: великий Франко и в политической, и в интимной лирике не имеет в украинской литературе себе равных. Ярким подтверждением тому может служить его поэма «Моисей» (1905 г.), в которой он философски осмысливает проблему вождя и народа, актуальную и в наши дни.

Активное участие в политической жизни Франко прекратил в 1904 г. Частично это было вызвано занятостью делами Научного общества имени Шевченко. С 1898 по 1913 г. писатель с перерывами возглавлял филологическую секцию и этнографическую комиссию общества; был редактором многих его изданий, в частности, вместе с М. Грушевским и В. Гнатюком редактировал «Литературно-научный вестник».

Фактически всю свою сознательную жизнь Иван Франко учился, демонстрируя блестящие знания и в начальной школе («Такой ученик, что стихами задачи пишет», – говорил о нем один из педагогов), и в гимназии (читал в оригинале произведения Гете, Лессинга, Шиллера, Расина, Корнеля), и в университете (из-за политических гонений получил университетский диплом, уже будучи известным деятелем), и занимаясь самообразованием,

которое предпочитал всем иным формам обучения. Читал быстро, имел фотографическую память. Несмотря на бедность, собрал большую собственную библиотеку, в которой преобладали книги по литературоведению, истории, фольклору, социологии и политологии. Франко знал 14 языков, по-немецки разговаривал, как по-украински (возможно, потому, что происходил, как сам отмечал, из украинизированных немецких колонистов). Когда у него однажды спросили, на каком языке ему легче писать, он ответил: на польском. Сын писателя, Тарас, вспоминал: «Отец из вежливости разговаривал с гостями дома на их языке». Блестяще знал Франко русский, а русских писателей, особенно Достоевского, уважал чрезвычайно.

Поэт болезненно воспринимал несовершенства мира, его постоянно преследовала мысль: «Что делать с крестьянской нищетой?» Отсюда, наверное, и его заинтересованность социалистическими идеями. Он читал Маркса, Энгельса, предположительно – Ленина, участвовал в революционных группировках. Коммунистические идеи, по его мнению, не являлись чем-то новым, поскольку еще за 400 лет до рождения Христа их провозглашал философ Платон. Относясь к самим идеям с симпатией, Франко высказывал сомнения по поводу методов их претворения в жизнь, в частности посредством так называемого «народного государства».

Его опасения стали, к сожалению, страшным пророчеством: «Прежде всего это всемогущество государства навалилось бы страшной тяжестью на жизнь каждого отдельного человека. Собственная воля и собственная мысль каждого человека должна была бы исчезнуть, отмереть, – а то вдруг государство признает ее вредной, ненужной. Воспитание, имея целью воспитывать не свободных людей, а только полезных членов государства, сделалось бы мертвой духовной муштрой, казенной. Люди вырастали бы и жили бы в такой зависимости, под таким надзором государства, о каком теперь в самых абсолютных полицейских государствах и речи нет. Народное государство стало бы огромной народной тюрьмой.

А кто держал бы в руках руль этого государства, во всяком случае, эти люди имели бы в руках такую колоссальную власть над жизнью и судьбой миллионов, какой никогда не имели наибольшие деспоты». Обоснованием и популяризацией национальной идеи как движущей силы освободительной борьбы, а также утверждением ее в народной среде, собственно говоря, и определяется вклад Ивана Франко в развитие украинской общественно-политической мысли.

Интересно отношение «Апостола духа и труда» к религии. Он

не был «чистым» атеистом, веруя в Бога по-своему, как, скажем, Лев Толстой. Известно, что Иван Яковлевич принимал у себя в доме митрополита А. Шептицкого, выйдя встречать его прямо к фаэтону. Когда же в 1917 г. владыка, возвращаясь из царской ссылки, остановился в Киеве, то отслужил панихиду по Франко в первую годовщину смерти писателя, сказав пастве: «За таких людей мы должны молиться».

Исполину духа ничто человеческое не было чуждо. Во внешности он не имел ничего «докторского». Один из современников вспоминал, как, представляя Франко могучим, при первой встрече увидел маленького лобастого человечка в длинном, до пят, пальто, «…рыжеватые, с сединой усы, густая поросль на щеках и глубокие серые умные глаза…» Дома и в лесу он ходил босиком, любил природу, был усердным грибником и рыбаком, традиционно преувеличивая улов. Не курил и не употреблял спиртного, любил баню. По утрам обтирался холодной водой, иногда делал зарядку с гантелями, не избегал далеких прогулок. Любил общество, чуть ли не каждый день ходил в кофейни – «на газеты».

Великий Каменяр был уверен в себе и отважен, упрям и убедителен в дискуссиях, не кланялся власть имущим. Всю жизнь он очень бедствовал, не раз приговаривая: «Одежды нет, обувки нет, долги стоят и гавкают».

Бедность, заключение, беспрерывный и тяжелый труд, семейные неурядицы постоянно подрывали его здоровье. А затем пришел убийственный недуг – ревматоидный артрит. Писателя преследовали невероятные боли, руки парализовало и выкрутило, мучили галлюцинации. Франко мужественно переносил напасть, до конца не теряя интеллектуальных способностей. Неправильный диагноз и лечение ртутью стали, по сути, «объективным убийством»…

26 мая 1916 г. Иван Франко скончался. В последнюю минуту рядом с умирающим не было никого из близких: сыновья служили в армии, дочь жила в Киеве, а жена находилась в больнице… Гроб поэта сопровождала 10-тысячная толпа, по дороге на Лычаковское кладбище пел хор под руководством композитора В. Барвинского. Украина грустила, как после проигранной битвы, на кровавом поле которой упал повергнутый жизнью и людьми Воин.

Но и сквозь непрерывное течение лет доносится до нас его пламенное и тревожное слово:

Чи вірна наша, чи хибна дорога?
Чи праця наша підійме, двигне

Наш люд, чи, мов каліка та безнога,
Він в тім каліцтві житиме й усне?
І чом відступників у нас так много?
І чом для них відступство не страшне?
Чом рідний стяг не тягне їх до свого?
Чом працювать на власній ниві – стид,
Але не стид у наймах у чужого?

Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (род. ок. 1595 г. – ум. в 1657 г.)

Украинский государственный и военный деятель, гетман Украины.

Ни для кого не секрет, что историю пишут победители и пишут так, как выгодно им. С годами обрастая сказаниями и преданиями, былями и небылицами, особенно при отсутствии или сокрытии исторических документов, она превращается в миф. Таким мифом долгое время был окружен гетман Богдан Хмельницкий.

О начале жизненного пути его известно немногое. Существует множество легенд, дум, сказаний, но точные биографические данные весьма скудны. Большинство исследователей считают, что Богдан (Зиновий) родился в Чигирине (хотя некоторые называют Черкассы, Жовкву, Суботов) в семье мелкого православного украинского шляхтича, имевшего, как и любой шляхтич, свой фамильный герб. Начальное образование он получил в братской школе в Киеве, а затем прошел полный курс (8 лет) в иезуитской коллегии во Львове. По тем временам это образование было весьма солидным. Он знал польский язык и латынь, а уже находясь в турецком плену, овладел татарским и турецким, потом и французским. Его отец, Михаил Хмельницкий, служил у польского магната Жолкевского,

потом у его зятя Даниловича. Он был подстаростой и Чигиринским сотником, за службу получил хутор Суботов. Повзрослев, в реестровое казацкое войско поступил и Богдан. В 1620 г. в битве с турками под Цецорой отец погиб, а Богдан попал в плен и пробыл 2 года в Константинополе, пока не был выкуплен матерью и побратимами отца. После освобождения он уехал на Запорожье, где участвовал и в морских походах на турок. В 1629 г. казаки под его началом побывали под самим Константинополем и вернулись с богатой добычей. Авторитет его среди запорожцев был весьма высок.

После долгого пребывания на Запорожье Богдан вернулся в Чигирин и вскоре женился (ему уже было за 30 лет) на сестре нежинского полковника Сомко – Анне. От нее он имел нескольких детей, но достоверно известно только о трех сыновьях и двух дочерях. В развернувшихся в тот период антипольских казацких восстаниях имя Хмельницкого не встречается. Он был лоялен к Польше, и поляки назначили его Чигиринским сотником. После подавления восстания Острянина и Гуни поляки провели «Ординацию», резко урезавшую права реестровых казаков. После этого казацкая рада в Киеве выбрала посольство к польскому королю, которое должно было приветствовать монарха, изъявить ему верность и просить сохранить за казаками их земли и назначить жалованье. Одним из четырех участников посольства был Хмельницкий. Для поляков десятилетие, предшествовавшее восстанию в Украине, явилось временем «золотого покоя». Для поляков, но не для украинцев, испытывавших тяжелейший национальный, социальный и религиозный гнет. Польская шляхта получала от короля земли в Украине, обращая крестьян в рабочую скотину. Нелегко жилось и мещанам. Даже реестровые казаки испытывали гнет и пользовались своими урезанными привилегиями только до окончания службы. Не удивительно, что многие тогда бежали в Московское государство, и естественно, что на его стороне были симпатии многих украинцев. Польша проиграла Москве сражение за Украину еще задолго до Освободительной войны.

Тем временем на польский престол вступил Владислав IV. Началась война с Московским государством. Хмельницкий воевал против русских и получил от короля золотую саблю за храбрость. Он не раз входил в состав депутаций для предъявления сейму и королю жалоб на насилия, которым подвергались казаки.

В 1645 г. в Польшу прибыл папский нунций, склоняя короля к войне против Турции. Это происходило втайне от сейма. Среди узкого круга посвященных в план был и Хмельницкий. Он только что вернулся из Франции, где совещался с графом де Брежи,

назначенным посланником в Польшу, о доставке во Францию 2500 казаков. Они затем участвовали в осаде Дюнкерка принцем Конде. В 1646 г. король начал тайные переговоры с казацкими старшинами Ильяшем, Барабашем, Нестеренко и Хмельницким, бывшим тогда войсковым писарем, о помощи в войне с Турцией, дав за это королевскую грамоту о восстановлении казацких прав. Грамота эта хранилась у Ильяша. О переговорах стало известно сейму, и это вызвало там страшное волнение. Король от своих планов вынужден был отказаться. Но Хмельницкий от отстаивания казацких прав отказываться не стал и сумел хитростью выманить у Ильяша королевскую грамоту. Однако драматические события в личной жизни Богдана резко изменили его отношение к польскому двору.

Хутор очень приглянулся польскому шляхтичу подстаросте Чаплинскому. Как-то во время отсутствия Хмельницкого Чаплинский напал на Суботов, разграбил его, приказал высечь 10-летнего сына Хмельницкого (после чего тот вскоре умер). Эти события ускорили кончину долго болевшей жены Богдана. Попытки Хмельницкого найти правду в суде вызывали у поляков только насмешки. Обращение к королю тоже ни к чему не привело, правда, тот высказал удивление, почему казаки, имея оружие, не защищают своих прав. В общем, насилие оказалось безнаказанным. Вот тогда, возвратившись из Варшавы, Хмельницкий и решил прибегнуть к оружию. Он тайно собрал казаков (до 30 человек) и стал с ними советоваться, как воспользоваться королевской грамотой, восстановить привилегии казаков, права православной церкви и оградить народ от своеволия польской шляхты. Возбужденные этим, казаки провозгласили Хмельницкого гетманом (от чего он тогда отказался) и согласились с его предложением начать переговоры с татарами, чтобы склонить их к союзу против Польши. Один из участников сходки, сотник Роман Пешта, донес об этом коронному гетману Потоцкому, и тот приказал арестовать Хмельницкого. Но Чигиринский полковник Кричевский, надзиравший за арестованным, освободил его, и он бежал, прибыв в декабре 1647 г. вместе с сыном Тимофеем в Запорожскую Сечь.

Вскоре Хмельницкий отправился в Крым к хану Ислам-Гирею и рассказал ему о планах польского короля в отношении Турции. Хан и без того был зол на короля, не получая уже несколько лет из Польши обычных денег, которые поляки называли подарками, а татары считали данью. Теперь у татар появился благовидный повод к приобретению добычи. Сам хан не решился на открытое выступление против Польши, но приказал перекопскому мурзе

Тугай-бею (у того было 4 тыс. конников) идти вместе с казаками, не объявляя формально войны Польше. Между тем казаки, переодетые то нищими, то богомольцами, ходили по городам и селам, подбивая народ на восстание. 18 апреля Хмельницкий вернулся на Сечь, оставив заложником в Крыму сына Тимофея. Казаки избрали его старшим Войска Запорожского. Гетманом он стал называться позднее. К нему, по словам современника, стекалось «все, что лишь живо».

1648-1649 гг. были самыми удачными в полководческой биографии Хмельницкого. 22 апреля десятитысячное войско (включая татар) выступило из Запорожья и, обойдя крепость Кодак, подошло к урочищу Желтые Воды. Коронный гетман Потоцкий, не дожидаясь сосредоточения всех своих сил, отправил по суше против Хмельницкого четырехтысячный отряд под командованием своего сына Стефана и реестровых казаков по Днепру. «Стыдно, – говорил он, – посылать большое войско против какой-то презренной шайки безродных хлопов». Реестровые казаки между тем взбунтовались, перебили верную полякам старшину и под руководством Филона Джалалия присоединились к Хмельницкому. 6 мая они разгромили польский обоз и отрезали поляков от воды. За выдачу пушек Хмельницкий клятвенно пообещал отпустить их, но когда поляки, отдав пушки, стали уходить, на них напал Тугай-бей с татарами. Разгром был ужасен. Умер от ран Стефан, многие шляхтичи попали в плен. 16 мая произошло сражение у Корсуня, где сошлись казаки и польские войска под командованием коронного гетмана Потоцкого и польного гетмана Калиновского. По его приказу пути возможного отступления поляков были перекопаны глубокими рвами, завалены срубленными деревьями. Кроме того, Хмельницкий подослал к ним казака Галачана, который вызвавшись стать проводником, завел поляков в лесную чащу и дал возможность Хмельницкому истребить польское войско. Оба гетмана попали в плен и были отданы татарам для получения выкупа.

Эти победы вызвали всеобщее восстание в Украине. Крестьяне и мещане начали массами устремляться к Хмельницкому или, образуя партизанские отряды, захватывать города и замки с польскими гарнизонами. Гетман литовский Радзивилл так описывал происходящее: «Не только казаки подняли бунт, но и все наши подданные на Руси к ним пристали… и чем далее, тем больше прибывает к ним русских хлопов». Началась резня. Не было пощады польским шляхтичам, католикам и даже украинским шляхтичам, не присоединившимся к восстанию. А заодно было вырезано до 150 тыс. евреев.

После первых побед войско Хмельницкого расположилось у Белой Церкви. Его действия стали отличаться крайней нерешительностью: ведь теперь речь уже не шла о личной мести. Ходом событий он был поставлен во главе широкого народного движения, результатов которого предвидеть не мог. Хмельницкий вынужден был идти за движением. Сам же он не прочь был помириться с поляками и с этой целью даже отправил посольство в Варшаву с извинительным письмом к королю. Но посольство уже не застало Владислава IV в живых. Тогда же начались и переговоры с поляками, выставившими заранее невыполнимые условия. Под давлением казацкой рады, недовольной его медлительностью и переговорами, Хмельницкий стал двигаться на Волынь, не прекращая, однако, переговоров о мире. Но видимо, неверие в успех этих переговоров, а также шаткость собственного положения заставили его уже тогда обратиться к русскому царю Алексею Михайловичу с просьбой о принятии Украины в состав Московского государства.

Период затишья Хмельницкий использовал для организации власти на контролируемой его войском территории. Во главе стоял гетман, при нем – совещательная «рада» из высшей казацкой старшины, в городах управляли выборные полковники, сотники и атаманы, а также городское самоуправление из выборных от городского населения – магистраты и ратуши. В селах, где проживали вместе казаки и крестьяне, самоуправление было раздельным: у казаков – атаман, у крестьян – войт.

В это время в Польше после смерти Владислава IV до выборов нового короля наступило бескоролевье. Шляхта была занята предвыборной борьбой. Тем не менее поляки собрали 40-тысячное войско, которое двинулось на Волынь. Во главе войска стоял триумвират: изнеженный толстый князь Заславский, ученый воевода Осторог и 19-летний князь Конецпольский (по меткому выражению Хмельницкого – «перына, латына, дытына»). Уверенные в легкой победе над «взбунтовавшимися рабами», поляки шли как на прогулку, но под большим замком Пилявка 21 сентября были полностью разгромлены и, бросив пушки и обозы, бежали. На созванной Хмельницким раде ему предложили гетманство, но он отверг это предложение, заявив, что примет это звание только из рук польского короля. Он все еще считал себя подвластным королю Польши. Сам же Хмельницкий на раде начал проводить мысль о возвращении назад, на отдых. Рада не согласилась, и было решено идти на Варшаву разорять Польшу. Казаки не спеша подошли к Львову. Хмельницкий брать его не стал, ограничившись контрибуцией, и двинулся дальше, к Замостью. Началась долгая осада города. Все это вызвало

недовольство руководителей казацких отрядов. Но Хмельницкий ждал результатов выборов. Осадив Замостье, он послал на сейм послов с обещанием прекратить войну, если на польский престол будет избран брат Владислава IV – Ян Казимир. Когда это произошло, Хмельницкий снял осаду и отступил. Казаки и татары были поражены. Но не только верноподданнические чувства заставили Хмельницкого пойти на этот шаг: в Украине свирепствовала чума, не пощадившая и казацкое войско; тот год был неурожайным, что сильно затрудняло снабжение армии; стало известно о сепаратных переговорах поляков с татарами, и не исключалась возможность их ухода в Крым; рассчитывать на помощь Москвы не приходилось, поскольку она к большой войне с Польшей была не готова.

В начале января 1649 г. под грохот пушек и звон колоколов состоялся торжественный въезд Хмельницкого в Киев. Здесь его ждал ехавший в Москву иерусалимский патриарх Паисий. От лица всего православного мира он поздравил Хмельницкого с победами, дал ему отпущение грехов и благословил на новую войну против «латинства». Затем Хмельницкий отправился в Переяслав. Сюда к нему стали прибывать послы соседних государств, искавших свои выгоды от союза с казаками. Был заключен договор с Турцией против Польши, по которому казакам предоставлялось право свободного плавания по Черному морю и беспошлинной торговли. Семиградский князь (Венгрия) Дьердь Ракоци, претендент на польский престол, предлагал совместно пойти на Польшу, чтобы доставить корону ему. За это он обещал свободу православия, а самому Хмельницкому – удельное государство в Украине с Киевом. Предлагали дружбу валашский и молдавский господари. Узнав, что у молдавского господаря есть дочь, Хмельницкий просил ее руки для своего сына Тимофея. Посол русского царя привез в подарок меха и пожелание успехов (царь по-прежнему уклонялся от открытого разрыва с Польшей). Прибыли послы и от польского короля. Они привезли Хмельницкому грамоту на гетманство, булаву, усыпанную сапфирами, и красное знамя с изображением белого орла. И это в то время, когда сейм решил создать армию и созвать ополчение для усмирения Украины, поскольку народное восстание продолжалось. Королевскую миссию Хмельницкий принял холодно, сказав: «Я вас всех ляхов переверну вверх ногами и растопчу так, что все будете у меня под ногами… Прежде за свою обиду и ущерб воевал, теперь буду воевать за нашу православную веру…» Он уже готовился к новой войне. Его посланник в Москве Мужиловский просил у царя оказать помощь в войне с Польшей и разрешения донским казакам действовать

вместе с украинцами. За исключением открытого вмешательства, Москва согласилась оказывать любую помощь.

Весной польские войска и ополчение под командованием Лянцкоронского, Фирлея и Иеремии Вишневецкого появились на Волыни. В ответ Хмельницкий издал универсалы с призывом к войне, в деревнях остались лишь старики, калеки, женщины и дети. Прибыли татары с ханом Ислам-Гиреем, донские казаки, и отряды украинцев, проживавших в пределах Московского государства. Хмельницкий в июле осадил Збараж, где находились польские войска. К осажденным на помощь с 20-тысячным войском отправился сам Ян Казимир. Римский Папа прислал королю освященное знамя и меч. Оставив пехоту под Збаражем, Хмельницкий с конницей и татарами поспешил навстречу. 5 августа у Зборова произошла битва. Только на второй день казаки и татары ворвались в польский лагерь. Вдруг Хмельницкий прекратил бой. Для поляков это было спасением. Дело в том, что накануне хан получил от короля 200 тыс. талеров и обещание платить ежегодно 90 тыс. Теперь Ислам-Гирей сам вышел из боя и пригрозил Хмельницкому напасть на него, если тот не остановит сражение.

После этого произошла личная встреча короля и гетмана, а затем, 8 августа, был подписан Зборовский мир. Хмельницкий присягнул на верность Речи Посполитой, но на очень выгодных условиях: войску предоставлялась широкая автономия, реестр был увеличен до 40 тыс., из гетманщины (Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства) изгонялась шляхта, иезуиты и евреи, митрополит киевский должен заседать в сенате, уния ликвидировалась. Но договор должен был быть утвержден сеймом, и гетман прекрасно понимал, что этого не будет, ибо поляки не потерпят на своей территории православную, казацкую область. В выигрыше от этого мира были только татары. В целом договор оказался неприемлем для выполнения ни Хмельницким, ни поляками. Митрополита в сенат не допустили. Когда же гетман стал составлять реестр, то оказалось, что количество его войска превышало норму. Оставшиеся вне реестра должны были вновь стать крестьянами и поступить под власть панов. Это вызвало волнения в народе, особенно после того, как польские паны стали возвращаться в свои имения и требовать от крестьян исполнения прежних повинностей. Вновь начались восстания, а гетман, твердо решивший выполнять договор, начал подавлять эти выступления, не останавливаясь даже перед крайней жестокостью: вешал, сажал на кол. Все это вылилось в открытое восстание против самого Хмельницкого. С большим трудом его удалось подавить. Зачинщиков во главе с Худолеем казнили.

Польские войска, между тем, не стесняясь нарушали границу казацкого края.

В ноябре 1650 г. сейм не утвердил Зборовский мир и постановил начать войну с казаками. Хмельницкий оказался в затруднительном положении: нужно было восстанавливать в народе подорванный авторитет и найти надежных союзников. К войне с Польшей побуждала гетмана и православная церковь. Приехавший из Греции митрополит Иосаф перепоясал его мечом, освященным в Иерусалиме. Одобрил войну и константинопольский патриарх.

Чтобы успокоить народные волнения, Хмельницкий позволил идти в казаки любому. В то же время он убеждал Москву в необходимости взять Украину «под высокую руку» московского государя и вести совместные действия против Польши. Только в феврале 1651 г. Земский Собор дал на это принципиальное согласие. Успешнее проходили переговоры с Турцией: султан дал приказ крымскому хану всеми силами помогать Хмельницкому как вассалу Османской империи.

Весной 1651 г. военные действия возобновились. Накануне этого в личной жизни Хмельницкого произошла очередная драма: его вторая жена Елена была уличена в сношениях с поляками и супружеской измене, и он приказал сыну Тимофею повесить ее. 19 июня польские и казацкие войска сошлись под Берестечком (Волынь). И опять в самый разгар боя хан вышел из него, обнажив свой участок фронта. Хмельницкий сам погнался за ханом, надеясь его остановить. Но тот задержал его в своей ставке под Вишневцем и продержал до конца июля. Между тем казаки 10 дней под командой полковника Ивана Богуна оборонялись в укрепленном лагере. Но в ночь на 29 июня Богун со старшиной и частью казаков тайно, через болото, ушел. Утром в лагере началась паника, оставшиеся люди бросились бежать кто куда, погибая в болоте. Поляки только завершили разгром, после чего двинулись в Украину, давая волю мести. В то же время гетман литовский Радзивилл занял Киев.

В конце июля вернулся Хмельницкий и остановился в местечке Паволочь. К нему стали стекаться полковники с остатками своих полков. Народ волновался, обвиняя гетмана и в поражении, и в потакании полякам, и в союзе с татарами. Пошли даже разговоры, чтобы избрать нового гетмана. С большим трудом Хмельницкому удалось изменить положение и успокоить народ. Тогда же более тесными стали связи с Москвой, но медлительность царя заставила гетмана выступить с угрозой, что если царь не примет его под свою руку, то казаки поневоле пойдут с поляками и крымцами на Московское государство. И

еще одно событие произошло в те дни: к удивлению многих, Хмельницкий вновь женился. Его женой стала Анна Золотаренко, вдова корсунского полковника.

Подождав полтора месяца помощи из Москвы и не получив ее, Хмельницкий 18 сентября 1651 г. подписал с поляками Белоцерковский мир. Реестр сокращался в 2 раза, и казаки теперь могли жить лишь в пределах Киевского воеводства. Это вызвало новое восстание в Украине. Гетмана всюду стали называть изменником, продавшим полякам Украину и заботящимся только о старшине. Переселение в пределы Московского государства стало массовым.

Польский сейм отказался утверждать Белоцерковский мир, считая, что и 20-тысячный казацкий реестр слишком велик. Вновь запахло войной. Весной 1652 г. Хмельницкий отправил сына Тимофея с отрядом в Молдавию, чтобы женить его на дочери молдавского господаря. Этот брак давал ему возможность породниться с гетманом литовским Радзивиллом, женатым на сестре невесты Тимофея, и основать династию. Сам же Хмельницкий с главными силами двинулся следом. Польный гетман Калиновский загородил Тимофею путь. Хмельницкий тогда направил главные силы и 22 мая при урочище Батог произошло сражение. Польское войско (20 тыс. человек) был разгромлено, погиб и Калиновский. Брак Тимофея оказался недолгим. Уже в следующем году, защищая своего тестя в усобной войне, он умер от гангрены после полученного ранения. Весной 1653 г. поляки вторглись в Подолье. Осенью на берегу Днестра под Жванцем произошло последнее крупное сражение в этой войне. Положение поляков из-за холодов и нехватки продовольствия было тяжелым, но окончательная победа ускользнула из рук Хмельницкого: вновь изменили татары. Хан тайно заключил с поляками договор на условиях единовременной выплаты 100 тыс. червонцев и ежегодных выплат на основании Зборовского мира. Кроме того, на обратном пути в Крым татары могли разорять Украину и брать сколько угодно пленников в течение 40 дней. Заключив такой договор, хан пригрозил Хмельницкому ударить в тыл казакам, если они не прекратят боевых действий. Тот не отважился на борьбу на два фронта. 16 декабря поляки ушли. Понимая невозможность продолжать в одиночку борьбу, Хмельницкий с войском вернулся в Чигирин. Он вновь обратился в Москву и стал настойчиво просить царя принять его в подданство.

Москва опасалась не только войны с Польшей, но и мятежной казацкой силы, а также союза Хмельницкого с Турцией – своим вечным врагом. Тем не менее 1 октября Земский Собор принял

окончательное решение: принять гетмана с войском в подданство. 8 января 1654 г. в Переяславе собралась Рада, на которой присутствовали не только старшины, но и казаки, духовенство, мещане и крестьяне. К ним с речью обратился Хмельницкий, предложив выбрать, к кому отойти в подданство: турецкому султану, крымскому хану, польскому королю или русскому царю. Народ кричал: «Волим под царя московского!» Прочитаны были договорные статьи, по которым Украина под названием Малой России присоединялась к Московскому государству. После этого на верность царю присягнули гетман и полковники. Правда, они стали настаивать, чтобы и московские послы присягнули за царя, как это делали польские короли. Те отказались, утверждая, что самодержавный царь всегда верен своему слову. Старшина, да и гетман присягали неохотно. Они ведь мечтали о независимости Украины и о своих шляхетских вольностях, как это было в Польше. Неохотно присягало и духовенство. Вслед за этим в марте были подписаны «Статьи Богдана Хмельницкого», известные как «Мартовские статьи», предоставлявшие Малороссии широкую автономию.

Весной 1654 г. началась война России с Польшей. За Польшу выступали татары, против – шведский король Карл X, который хотел стать и польским королем. Поляки стояли на грани гибели. Король Ян Казимир попытался вступить в переговоры с Хмельницким, но встретил отказ. Однако в 1656 г. русские вдруг заключили с поляками перемирие, не ставя в известность Хмельницкого. Причинами этого были начавшаяся война между Россией и Швецией и обещание поляков после смерти Яна Казимира выбрать королем царя Алексея Михайловича.

Надежда Хмельницкого на присоединение с помощью России оставшихся у Польши украинских земель рухнула. Тогда он заключил союзные договоры с врагами Польши Карлом X и венгерским князем Д. Ракоци и послал им на помощь 12 тыс. казаков. Гетман и старшина открыто обвинили царя в предательстве и нарушении Переяславского соглашения. В своем письме к царю Хмельницкий писал: «Шведы – люди чести: пообещав дружбу и союз, они придерживаются слова. А царь, подписав перемирие с поляками и имея намерение вернуть нас в их руки, поступил с нами бессердечно». Чтобы одернуть его (подобное было нарушением «Мартовских статей»), царь направил в Чигирин послов. Они застали гетмана уже больным, однако набросились на него с упреками. Через два месяца он созвал раду для выбора своего преемника. Им избрали его сына – Юрия. 27 июля 1657 г. Богдан Хмельницкий умер от апоплексии и был похоронен в им же построенной церкви в Суботове.

Из всех украинских гетманов Хмельницкий – самая крупная фигура. Равного ему по талантам и авторитету продолжателя не оказалось. После его кончины в Украине началась борьба за власть, принесшая народу разорение и неисчислимые бедствия.

Черновол Вячеслав Максимович (род. в 1937 г. – ум. в 1999 г.)

Писатель-диссидент, журналист, политический и государственный деятель, лидер Народного руха Украины.

Он был прирожденным вождем, ярким общественным деятелем, но в то же время – наивным романтиком, не похожим на политика в привычном смысле слова. Своей бескомпромиссностью он завоевал уважение как сторонников, так и открытых противников. Черновол вошел в историю Украины как символ украинской национальной идеи, как один из тех, кто смело выступал за защиту прав человека в СССР, снискав тем самым клеймо антисоветчика.

Вячеслав Черновол родился 24 января 1937 г. в с. Ерки Звенигородского района Черкасской области в скромной семье учителей украинского языка и литературы. Нельзя сказать, что его детство было радостным и безоблачным. С ранних лет он знал, что такое быть неугодным советской власти. Родной дядя Вячеслава был арестован в 1937 г. и умер в тюрьме. Из-за этого семья Черноволов постоянно подвергалась преследованиям и вынуждена была часто менять место жительства. В сенях их дома постоянно висела наготове торба: сухари, сало, лук.

Самым страшным воспоминанием детства для Черновола был голодный 1947 г.: «Возле сельской школы с утра выстраивалась очередь за жидким кулешом и затирухой. Опухшие дети с

жадными глазами. Многие умирали».

Несмотря на тяготы послевоенного времени, голод, Вячеслав хорошо учился и в 1955 г. окончил школу с золотой медалью. Своей будущей профессией он избрал журналистику.

Уже во время обучения в Киевском университете им. Т. Шевченко у Черновола сформировались «антиимперские и антикоммунистические убеждения». Это был период «хрущевской оттепели», и молодому Вячеславу казалось, что его статьи о жизни простых советских людей раскроют многим глаза на существующий строй. Когда Черновол приезжал на каникулы домой, то пробовал говорить с родителями на ту же тему. Это их немного пугало и вызывало беспокойство о карьере сына. Ведь они мечтали видеть своего Славика крупным ученым.

Надо сказать, что беспокойство было не напрасным. Идеи Вячеслава дошли до ушей руководства университета, и он вынужден был на год прервать обучение. Однако это обстоятельство не помешало юноше окончить университет с отличием. Во время выпускного вечера Черновол на Владимирской горке дал клятву посвятить свою жизнь борьбе за независимость Украины.

Три года после окончания университета Вячеслав работал редактором молодежных программ на Львовской телестудии. Здесь он вплотную столкнулся с цензурой и негативным отношением к украинскому языку. Работалось во Львове легко, но хотелось большего. Поэтому в 1963 г. Вячеслав переехал в Киев, чтобы продолжить научную работу по истории украинской литературы. Его темой был почти запрещенный Борис Гринченко, и в этом уже чувствовалась большая смелость. Соратник Черновола Михаил Косив вспоминает о том периоде: «Он зашел к нам в комнату, и мы все удивились. Он был в вышитой рубашке и говорил более смело, чем мы, галичане. Молодой Вячеслав был абсолютно свободомыслящим человеком, казалось, что он не боялся даже того, что в круге его общения мог оказаться доносчик».

И эта смелость и бескомпромиссность суждений привлекала к нему многих людей. С 1963 г. Черновол стал активным участником движения шестидесятников. Вместе с А. Горской он печатал и распространял литературу самиздата. Желая быть услышанным широкой аудиторией, Вячеслав Черновол не побоялся выступить на премьере фильма «Тени забытых предков» с протестом против арестов украинской интеллигенции. После этого его сразу же уволили с работы (в газете «Молодая гвардия»), последовали обыски и допросы. Так начался тернистый путь Черновола – правозащитника и диссидента.

В 60-х гг. Вячеслав кропотливо собирал информацию о нарушениях прав человека советскими судебными и следственными органами. Впоследствии она послужила материалом для книги «Правосудие или рецидивы террора», за что Черновол был осужден на три месяца исправительных работ. Но это его не испугало, и вскоре в самиздате вышел документальный сборник «Горе от ума ("портреты двадцати преступников")». Он был переиздан за границей, а автор получил международную журналистскую премию.

Работая над книгами, Вячеслав познакомился с симпатичной и интересной девушкой, которая к тому же разделяла его убеждения. Девушка с героическим именем Афина (в украинском написании Атена) стала его женой и верной соратницей, а для их сыновей – Андрея и Тараса – любящей матерью.

Осенью 1967 г. Вячеслав Черновол был первый раз арестован по обвинению в «распространении лживых измышлений, которые позорят государственный и общественный строй». Дали сравнительно небольшой срок – 3 года строгого режима. После освобождения Вячеслав сразу почувствовал все прелести статуса бывшего заключенного. С такой пометкой в паспорте невозможно было устроиться на приличную работу, поэтому приходилось перебиваться случайными заработками – ведь нужно было содержать семью. К тому времени у них с Атеной уже родился первенец – Андрей. Черновол не гнушался тяжелой работой: был землекопом в археологической экспедиции, наблюдателем на метеорологической станции в Закарпатье и даже весовщиком на Западной железной дороге во Львове.

Параллельно Вячеслав Максимович вместе с Михаилом Косивым и Ярославом Кендзьором нелегально издавал журнал «Украинский вестник», который, как утверждают исследователи, стал самым заметным явлением политической борьбы в Украине тех лет. Летом 1971 г. Черновол имел смелость обратиться в Комиссию по правам человека в ООН по поводу нависшей угрозы арестов украинской интеллигенции.

Государственные органы надзора не дремали, и в 1972 г. уже известный в мире правозащитник был вновь арестован. Теперь обвинение звучало намного серьезнее: «антисоветская пропаганда и агитация», что считалось самым опасным государственным преступлением. И наказание за него было соответствующим: 6 лет лагерей и 3 года ссылки. Отбывая заключение в Мордовии, Черновол прославился как организатор акций протеста и голодовок среди политзаключенных. Почти половину срока он провел в штрафных изоляторах и карцерах. «Зэковский генерал» – так называла его лагерная охрана.

Во время пребывания в ссылке в Якутии Черновол был принят в международный Пен-клуб, а в 1979 г. стал членом Украинской Хельсинкской группы – нелегальной правозащитной организации.

Только через 15 лет после осуждения Вячеславу Максимовичу удалось вернуться в Украину. За время его отсутствия семье приходилось несладко. Многие люди отвернулись от них. Жена Атена рассказывала ему, как некоторые знакомые, увидев ее издалека, переходили на другую сторону улицы. Но она не винила их. Хуже всего было знать, что несправедливым преследованиям подвергались их дети, на которых лежала тень отца-«антисоветчика».

Несмотря на то что уже началась перестройка, Черновол, как и прежде, был не ко двору. Работы не давали, повсюду за ним следовали люди из КГБ. Однажды его вместе с М. Горынем даже собирались выслать из Советского Союза за интервью, данное иностранной журналистке.

Но ветер перемен делал свое дело. В 1988 г. стало возможным создание первой оппозиционной организации партийного типа – Украинской Хельсинкской спилки. Она декларировала идеи возобновления украинской государственности, придания украинскому языку статуса государственного, права граждан на политические объединения и многого другого. Вячеслав Черновол был одним из трех рабочих секретарей, а потом членом Исполкома УХС, стал одним из основателей новой общественной организации, аналогов которой в Союзе не было, – Народного руха Украины.

Теперь у Вячеслава Максимовича появился шанс проявить себя не только как общественный деятель, но и как политик. В 1990 г. он стал депутатом Верховного Совета Украины и Львовского областного Совета. В то время этот деятель, один из ярчайших представителей национального движения в Украине, был на вершине популярности. Авторитет Черновола как председателя Львовского облсовета был огромен.

Начальный этап работы ознаменовался принятием нескольких громких политических решений: использовать сине-желтый флаг, гимн «Ще не вмерла Україна» и перейти на поясное время во Львовской области.

Но вскоре эйфория первых месяцев пребывания на посту прошла, и ему пришлось вплотную заняться экономическими вопросами. Тут и проявилось отсутствие опыта и практических навыков хозяйствования. В области возник дефицит на ряд товаров, в то время как власть выдавала разрешение на вывоз их за рубеж. Постепенно среди депутатов, как и среди населения, стали появляться недовольные политикой Черновола. Не

дожидаясь «оргвыводов», он решил уйти сам.

Этот неудачный опыт «хождения во власть» показал, что Вячеслав Максимович был скорее теоретиком, чем практиком. Это доказали и президентские выборы 1991 г. Черновол был кандидатом от Руха и занял лишь второе место, поскольку некоторые лидеры Народного руха поддержали других кандидатов.

Несмотря на проигранные выборы, популярность Вячеслава Максимовича и рейтинг национального движения не уменьшались. В 1992 г. он возглавил Народный рух и был одним из инициаторов перехода партии в оппозицию к существовавшей власти.

Путь Черновола в большой политике складывался непросто. Правила игры на политическом поле устанавливались бывшими партаппаратчиками, а то и вовсе криминальными авторитетами. Казалось, что людям с демократическими ценностями там нет места. Но Черновол, закаленный в советских лагерях, сдаваться не собирался. Вновь и вновь он выходил на трибуну Верховного Совета Украины и Парламентской ассамблеи Совета Европы для того, чтобы выразить протест против недемократических методов руководства и разворовывания Украины. Пытался донести свои убеждения со страниц газеты «Час-Тайм», редактором которой он был. Жил и боролся для Украины и за Украину.

Однако меняющиеся реалии украинской жизни заставляли подстраиваться под них и искать компромиссов даже с противником. Для сохранения оппозиционной фракции в парламенте Вячеславу Черноволу приходилось договариваться с социалистами и партиями власти. Для пополнения партийной казны – приглашать в Народный рух разного рода дельцов с сомнительным прошлым. Надо ли говорить, что вся эта разномастная братия подрывала авторитет партии, пока он не треснул. И даже яркая харизма лидера, какой, несомненно, был наделен Черновол, не спасла Народный рух от раскола. Самоустранение с политической арены популярного национально-демократического движения было на руку власти. Потому попытки Вячеслава Максимовича вывести партию из кризиса вызывали в правящих кругах только раздражение.

25 марта 1999 г. Вячеслав Черновол возвращался из служебной поездки в Кировоград, где устранял конфликт в местной партийной ячейке. Уже на подъезде к Киеву его «тойота» столкнулась с груженым КамАЗом. Вячеслав Максимович и водитель умерли на месте.

Потом были похороны, поток людей и слез. Попытки власти с помощью наград и переименования улиц в честь Черновола как-

то обозначить значение этого человека для Украины. Но неизмеримо больше пользы обществу и государству принесло бы выяснение причин и обстоятельств смерти Черновола. Министр внутренних дел уже на следующий день после трагедии признал случившееся обычной автокатастрофой, хотя проведенные независимые расследования заставляют усомниться в этом. Так считают и сыновья Черновола. Один из них, Тарас, утверждает, что противники отца и раньше предпринимали несколько попыток по его устранению. Одной из них был искусственно спровоцированный инфаркт. Но тогда его удалось спасти.

Для самого Вячеслава Максимовича было бы большой наградой знать, что и после его смерти дело последних лет его жизни живет, но, к сожалению, это не так. Народный рух Украины пришел в упадок после гибели Черновола. Другого такого лидера в партии не было и не будет. Потому, что Вячеслав Черновол не просто жил, он бредил Украиной, умел зажигать сердца и вести в бой. Он сам воплощал Украину и веру в ее счастливую судьбу.

Чижевский Дмитрий Иванович (род. в 1894 г. – ум. в 1977 г.)

Выдающийся украинский ученый-энциклопедист, литературовед, славист, один из крупнейших историков славянской философии и этики.

Дмитрий Чижевский – один из оригинальнейших мыслителей украинско-русской эмиграции XX в., гуманитарий-энциклопедист, ученый с мировым именем, оказавший значительное влияние на западноевропейскую и американскую славистику. Он был прекрасным библиографом, страстным библиофилом, знатоком и тонким ценителем рукописей. Его работы насыщены массой примечаний, сносок, дополнений, в которых указывается весьма широкий круг литературы по исследуемой проблематике, что превращало некоторые из них в справочные пособия по данному вопросу. Яркой иллюстрацией вышесказанного могут служить, например, работы обобщающего систематизирующего характера – такие, как «Философия на Украине. Попытка историографии вопроса» (1926 г.), «Очерки по истории философии на Украине» (1931 г.), «Гегель в России» (1933 г.), «Философия Г.С. Сковороды» (1934 г.), «История украинской литературы от начал до эпохи реализма» (1956 г.) и др.

Чижевский был скрупулезным собирателем и умелым интерпретатором фактов интеллектуальной истории славян – исследователем «славянского духа». Особый интерес он проявлял

к «периферийным» или «забытым» явлениям культуры, которые в его интерпретации приобретали совершенно новое и отнюдь не второстепенное значение. А искать и коллекционировать малоизвестные факты он умел и любил так же, как и исследовать различные архивные и библиотечные фонды. И такая кропотливая работа периодически приносила неожиданные и сенсационные результаты. Достаточно вспомнить находку фундаментальной работы Яна Амоса Коменского «Pansophie», считавшейся долгие годы утерянной и отысканной Чижевским в архиве библиотеки Вайзенгауза в Галле. Причем он не просто нашел, а практически спас и вернул произведение к жизни, сделав его реальным достоянием чешской культуры.

То, что еще недавно его имя еле вырисовывалось нам из туманного далека, вовсе не значит, что оно не было востребовано наукой. Чижевский уже с 1920-х гг. был хорошо известен за рубежом, где и прошла более чем полувековая деятельность этого крупного слависта и философа. В нашей стране он, как эмигрант, долгое время был под запретом. Но время в своем вечном круговороте все расставляет на свои места. Казалось, только вчера взрыв негодования обрушился на случайно попавшую в Украину в 1957 г. и объявленную диверсией «Историю украинской литературы» Чижевского, за год до этого изданную в Нью-Йорке. И вот сегодняшнее положение вещей: та же «История…» и ряд других трудов ученого переизданы, и хотя по-прежнему остается непочатый край работы по освоению его наследия, на Чижевского уже ссылаются, о нем пишут, с ним спорят и полемизируют.

Родился Дмитрий Иванович Чижевский 4 апреля 1894 г. в Александрии, над тиховодной рекой Ингулец в степной Украине, в бывшей Херсонской губернии (ныне Кировоградская обл.). Родители его отличались бесконечной преданностью тому, что раньше называлось просвещением народа. Отец, Иван Константинович, бывший офицер из мелкопоместных дворян (он был членом русской либеральной партии конституционных демократов), подвергался преследованиям и в родовом александрийском поместье находился под гласным надзором полиции после тюремного заключения и вологодской ссылки. Мать, Мария Дмитриевна Ершова, заканчивала обучение в Петербургской Академии художеств. Одаренная художница и педагог – к учительству ее приобщил И.Е. Репин, – она за свою жизнь воспитала не одно поколение талантливых соотечественников.

Судьба вначале благоволила к Дмитрию. За Александрийской классической гимназией последовали Петербургский (1911-1913

гг.) и Киевский (1913-1917 гг.) университеты. Увлеченность математикой и астрономией сменилась стойким интересом к философии, индоевропейской лингвистике и славянской филологии, чему способствовала школа профессоров Н.О. Лосского, А.И. Введенского, А.Н. Гилярова, Фридриха Кнауэра, с которыми у Чижевского долго сохранялись самые добрые отношения.

Вынеся из семейного окружения идею служения народу, Чижевский-студент стремился реализовать ее в достаточно модных в то время среди молодежи увлечениях – преподавании языкознания на Женских курсах Жакулиной, марксизме, РСДРП, членом которой он стал. От русских меньшевиков Дмитрий представительствовал в Комитете Центральной Рады, участвовал в массовом студенческом и рабочем движении: «Я был социал-демократом, и, в конце концов, полиция арестовывает меня в 1917 году». Освободила его Февральская революция, и в 1921 г. он мог бы уже приступить к преподаванию в Киевском институте народного образования, поскольку получил там доцентскую должность. Но жизнь распорядилась иначе: после нового ареста (теперь уже большевиками) и побега из лагеря для интернированных Чижевский вместе с молодой женой Лидией Израилевной Маршак нелегально перебрался в Польшу.

Новая реальность открылась молодому человеку на первых порах возможностью продолжить образование в Гейдельбергском и Фрайбургском университетах. С 1924 г. он полностью посвятил себя научной и педагогической деятельности: вначале в Германии, а потом длительное время – в Чехословакии. С 1926 г. Чижевский стал профессором Украинского педагогического института им. М.П. Драгоманова, был участником Пражского лингвистического кружка и сотрудничал с научным центром украиноведения – Украинским Свободным Университетом. С 1932 г. он снова работал в Германии, вел, пройдя по конкурсу, славистические курсы в Галльском университете. В это время ученый написал множество сочинений, подписывая свои труды псевдонимами «Андрей Карпов» и «П. Прокофьев», в 1933 г. ему была присуждена ученая степень доктора философии.

Большую часть своих работ Чижевский посвящал философии, истории и литературе. Во всех этих областях вклад его очень велик. Его исследования о Достоевском, Гоголе, Яне Амосе Коменском, о стиле галицко-волынских и русских летописей произвели переворот в методологии и смысле изучения летописей и части древнерусской литературы. Ученый одинаково хорошо владел русским, украинским и немецким языками, писал книги на всех трех языках. Немцам он читал лекции о Гегеле по-

немецки, в Обществе имени Достоевского – по-русски, в украинских учреждениях – по-украински.

Приехав в Галле из Праги, Чижевский привез с собою и небольшую библиотеку. В Германии он получил право подготовки кандидатов наук, которое предоставлялось только ординарным профессорам. За это время Чижевский собрал около 6 тыс. томов редких славянских и немецких изданий. Однако, эвакуируясь в июне 1945 г. перед наступлением советских войск, он смог забрать лишь немногое из своего архива и библиотеки.

В тяжелое военное время, не имея денег на изготовление полной фотокопии найденной им «Pansophie» (Чижевский голодал во время войны и даже один раз выпал из окна своей квартиры, потеряв сознание от недоедания) и поняв, что денег он не достанет, ученый решил перепечатать все 2000 страниц сочинения Коменского. Во время этой работы Галле, как и другие немецкие города, находился под постоянной угрозой бомбардировок. Поэтому Чижевский носил с собой специальный чемодан, где лежала еще не переписанная часть рукописи, ночью ставил его рядом с кроватью и во время налетов уносил в бомбоубежище (об этом он позже писал в статье «Как я искал рукопись «Pansophie»). В конце концов он полностью перепечатал работу в трех экземплярах, первый из которых оставил у себя, а два других отослал друзьям: один вернулся к нему через несколько лет после окончания войны, а второй сгорел в Мюнстерском институте во время бомбежки.

После переезда в 1945 г. в западную часть Германии Чижевский, подобно многим эмигрантам, был лишен жизненной стабильности. Жил он в Марбурге и в качестве профессора сотрудничал с рядом немецких университетов. Затем в 1949 г. приехал в США и по просьбе Гарвардского университета вел курс на факультете славистики.

В Америке его встретили без особого энтузиазма. Известный писатель Набоков, раздраженный тем, что в Гарвард позвали не его, а Чижевского, атаковал украинского ученого в своих работах. Но Дмитрий Иванович работал, не обращая внимания на интриги. Когда он только приехал в Гарвард, то в университетской библиотеке из украинских книг нашел лишь «Кобзаря» Т.Г. Шевченко, но уже через короткое время там возникла и до сих пор работает целая плеяда высококвалифицированных ученых-украинистов, выращенных Чижевским. Вообще, в США ему не понравилось: ученый был невысокого мнения о своих студентах (он считал, что европейские студенты на голову выше американских, когда речь идет о знаниях), его раздражали недотепы-продавцы, с которыми у Чижевского возникали частые

недоразумения из-за плохого знания английского языка. Возможно, все это привело к тому, что в 1956 г. он снова вернулся в Германию.

Там, в Гейдельберге, ученый провел последние годы жизни. В 1962 г. он был избран действительным членом Гейдельбергской Академии наук, там же и завершился его жизненный путь. Дмитрий Иванович Чижевский умер 18 апреля 1977 г. в полном одиночестве (с женой он не жил еще с начала 40-х гг.) и был похоронен на Бергфридгофском кладбище. Впоследствии его дочь Татьяна Чижевская продала архив и уникальную в своем роде библиотеку, которая к тому времени насчитывала уже 12 тыс. томов, за символическую сумму в 20 тыс. марок Гейдельбергскому университету, в библиотеке которого они сейчас и находятся.

Все, кому посчастливилось работать вместе с Чижевским, неизменно поражались его фантастической трудоспособности и эрудиции. Он действительно трудился истово, жизнь всецело подчиняя работе. Что же касается его «достойной удивления широты учености, охватывающей различные области культуры», как говорил основоположник феноменологии немецкий философ Эдмунд Гуссерль, то сегодня она открывается постепенно, реанимируя в нас почти утраченное чувство удивления талантом.

Высокопрофессиональный славист считал, что «…важнейшим фактором развития культуры являются личные контакты между людьми и, прежде всего, через границы, которые в Европе стали такими тесными для наций», и поэтому одну из своих главных задач он видел в служении сближению европейских народов. С этой точки зрения его работы можно рассматривать как ценнейшее собрание источников по истории интеллектуальной жизни человечества, своего рода информационный банк европейской культуры XX в. Научное наследие Чижевского еще ждет своих исследователей.

Шевченко Андрей Николаевич (род. в 1976 г.)

Один из популярнейших футболистов планеты. Лучший форвард киевского «Динамо» (1994-1999 гг.), пятикратный чемпион Украины, трехкратный обладатель Кубка Украины. Нападающий «Милана» (Италия, с 1999 г.). Обладатель Кубка Европейских Чемпионов. Признан лучшим бомбардиром мира и единственным игроком из бывшего СССР, добившимся безоговорочного признания на европейском и мировом уровне.

Недавно лучшему бомбардиру киевского «Динамо», а ныне нападающему итальянского «Милана» Андрею Шевченко предложили принять участие в телевизионном проекте «Матч смерти». В основу картины была положена подлинная история, случившаяся в 1942 г. в оккупированном Киеве, когда немецкая футбольная команда «Зенитчики» играла с киевским «Стартом», собранным из динамовских игроков. Было сыграно не менее шести матчей, и перед каждым киевлян пытались убедить «играть не так сильно» и не портить настроение германским болельщикам. «Старт» выиграл все матчи. А по завершении турнира всю команду отправили в концлагерь, по другой версии – немедленно расстреляли.

Исполнителем роли капитана «Старта» с самого начала планировался Шевченко, однако продюсеры фильма не сошлись в цене с руководством «Милана». Ведь Андрею пришлось бы в

разгар сезона покинуть команду на целую неделю. Проект на полгода заморозили, и он снова оказался в работе только после появления немецких партнеров, заплативших «Милану» неустойку…

В Италии сейчас бум – шевченкомания. Форварду с берегов Днепра, единственному с территории бывшего СССР, удалось стать суперзвездой на западном футбольном небосклоне. А ведь еще вчера мало кто мог предсказать такую сказочную карьеру простому мальчишке с Оболони.

Родился Андрей 29 сентября 1976 г. в селе Двиркивщина, Яготинского района Киевской области, в семье Николая Григорьевича и Любови Николаевны Шевченко. Родители Андрея никакого отношения к спорту не имели. Мама – бухгалтер в детском саду, а отец – прапорщик на пенсии. Особенно радовалась появлению на свет брата старшая сестра Лена, которая помогала матери пеленать малыша. Даже буйная фантазия не могла подсказать тогда его родным, что через много лет Андрюша станет знаменитым футболистом и увезет всю семью в Италию.

Как только мальчик подрос, его любимой игрой стал футбол: «В школу ходить я не любил. Мне скучно было сидеть в душном классе и искать, где катет или гипотенуза. Не нравилось мне и задачи решать, где из одного пункта выходил ходок и шел навстречу другому. Для меня лучшим занятием во время уроков было поиграть в футбол, забить несколько голов. Вот я и подбивал пацанов на это. Директор даже родителей вызывал с просьбой перевести меня в другую школу».

Затем родители будущего форварда переехали в Киев. Квартиру им дали на Оболони, в «спальном» районе, и сын снова пропадал с пацанами на пустыре, где мог с утра до вечера гонять в любимый футбол. Нередко домой приходил в ссадинах и с гордостью сообщал, что сегодня забил три мяча. Его ругали, говорили, что у отца маленькая зарплата и он не может покупать каждый месяц новые кеды, но на Андрея это не действовало. А еще он любил читать книжки про футбол – о разных случаях во время матчей мог говорить часами.

В школу киевского «Динамо» мальчика привел Александр Шпаков, ставший его первым тренером: «Андрею было 10 лет, можно даже сказать 9 с половиной. Я имел возможность ходить на соревнования жэковских команд, тогда были более популярны соревнования "Кожаный мяч". Значит, в одном из просмотровых рейдов на Оболони я увидел Андрея. Мне он пал, как говорится, в глаз, и я его пригласил в «Динамо». На Украине нет, наверное, ни одного мальчишки, который бы не хотел заниматься в

динамовской школе. Для многих это несбыточная мечта. Мечта, которая в один прекрасный день стала явью для Андрея. С самого начала в школе его окружили вниманием, так как поняли, что этот необычайно одаренный парень способен стать игроком экстракласса».

За границу Андрей впервые попал в 12 лет с детской командой. Затем в рамках юношеского турнира вышел на поле стадиона «Сан-Сиро», где тогда блистала знаменитая голландская троица – Ван Бастен, Гуллит и Райкаард. Не пройдет и десяти лет, как Шевченко будет чувствовать себя на этом самом газоне полноправным хозяином. Кому-то может показаться, что к своему триумфу он шел как по маслу. Ничего подобного. В юности мало кто видел в нем преемника Блохина. Даже в Киевский институт физкультуры Андрея не приняли: он не сдал вступительный экзамен по специализации – футболу! Правда, на высоте оказались тренеры Владимир Онищенко и Валерий Зуев, которые взяли его в «Динамо-2» в 1993 г.

Уже в ноябре следующего года состоялся дебют Шевченко в основном составе «Динамо». Йожеф Сабо, в то время главный тренер сборной Украины, говорил о молодом футболисте: «Меня поразило то, что у него были качества, которые присущи первоклассному нападающему. Он брал мяч и, невзирая ни на что, обводил 2-3 защитников. В футболе очень важно дать футболисту шанс. Я ставил Шевченко, и, в общем-то, он играл плохо, но я продолжал его ставить в игру, и он постепенно становился тем Шевченко, каким он есть сейчас. Потом приехал В.В. Лобановский, и у него он уже полностью раскрылся. По моему мнению, Шевченко – это звезда мирового класса, это футболист, который может все».

Спортивное руководство не побоялось поставить 17-летнего парня на матчи Лиги чемпионов, и тогда о нем впервые заговорили знатоки футбола как о будущей звезде. Первый гол в ворота «Баварии» стал для Андрея путевкой в большой футбол.

В марте 1995 г. Шевченко впервые сыграл за национальную сборную Украины в товарищеском матче против сборной Хорватии, в мае следующего года – забил первый гол в товарищеском матче против турок. Всего Андрей провел за киевское «Динамо» 193 игры и забил 105 голов. За это время он 5 раз выигрывал чемпионат Украины, 3 раза Кубок Украины и перед самым отъездом в Италию стал лучшим бомбардиром с 19 мячами.

Несмотря на то что яркая звезда Шевченко вспыхнула на Украине, во весь голос о нем как об одном из лидеров мирового футбола заговорили летом 1999 г., после того как он впервые

появился на поле в красно-черной форме знаменитого «Милана». Андрей в кратчайшие сроки сумел стать футболистом, на которого ходят специально, независимо от того, с кем играет его клуб. Он обращается с мячом, как великие поэты с рифмой. Наверное, поэтому преданные тиффози так и называют украинского самородка – «красно-черный поэт».

Звезда мирового футбола Роналдо (экс-игрок «Интера») в преддверии сезона 2001-2002 гг. дал Андрею следующую характеристику: «Он настоящий мастер, игрок мирового уровня, который не нуждается в заимствованиях. Своими голами он показал, что сам имеет право служить примером для других. В серии А будет один Роналдо и один Шевченко. Я лично знаком с Андреем и могу сказать, что он мне симпатичен не только как игрок, но и как человек». А капитан и живая легенда «Милана» Паоло Мальдини добавил: «Нашу команду уже трудно представить без Шевченко. За короткий срок он сумел стать своим в «Милане», а это не может не радовать. Андрей забивает важные мячи, он может в одиночку решить исход матча. Нам не хватало такого нападающего, и я верю, что Шевченко еще много пользы принесет родному клубу».

Сейчас Шевченко не может передвигаться по Милану, его моментально окружают болельщики, чтобы взять автограф или сфотографироваться вместе с одним из самых популярных футболистов планеты. Однако Андрей не смог полностью оторваться от Родины: «Украина – это мое сердце, я даже не могу себе представить, как я могу оставить ее. Но так сложилась жизнь и приходится играть в Италии, там новая жизнь. Забрал родителей туда, потому что были проблемы со здоровьем: к сожалению, сейчас наша страна находится в таком положении, что многие даже медицинские вопросы не может решить. Поэтому, чтобы продлить жизнь своего отца, пришлось его забрать, там ему сделали операцию, все прошло хорошо. Я хотел, чтобы мои родители увидели мир и пожили нормальной жизнью. Все-таки мы будем вместе, и я не буду волноваться, как они там. Я прихожу к тому возрасту, когда думаешь о семье, о детях. Но все надо делать в определенное время».

В футболе Шевченко сейчас звезда, но в личной жизни у парня – тишь да гладь. Он не дает заработать зарубежным журналистам на скандале или сенсации. Не пьет, не курит, хотя по случаю победы и может пригубить пива или хорошего красного вина. С девчонками не особенно тусуется, хотя его окружают красавицы куда круче, чем девочки с Крещатика или с Тверской. И жениться долго не собирался. Хотя последнее время Андрея часто видели в обществе американской модели Кристиан,

с которой он приезжал домой: «Решил показать ей Украину чуть-чуть. Киев ей очень понравился, говорит, что очень красивый город. В принципе, я пытался как-то показать ей какие-то музеи, у нас очень много красивых церквей. Пытался показать образ жизни наших футболистов, показал базу, показал стадион «Динамо». Мы встречаемся уже несколько месяцев, и я решил познакомить ее со своей Родиной». Теперь Кристиан – его жена, недавно она родила сына.

Но на первом месте у Шевченко по-прежнему футбол. Хотя есть и хобби – он большой любитель хоккея и друг известного российского хоккеиста Алексея Яшина. Еще Шевченко любит путешествовать, посидеть в компании с друзьями, сыграть в бильярд.

В начале сезона 2002-2003 гг., в отборочном матче Лиги чемпионов, Андрей получил серьезную травму. Врачи констатировали повреждение мениска и запретили играть, но уже в конце октября Шевченко вышел на поле и забил очередной гол, который оказался 200-м за его футбольную карьеру. А первого декабря украинский форвард сыграл свой сотый матч в серии А, да еще и забил гол.

Сейчас ни один человек в Милане не скажет, что итальянский политик и финансист Сильвио Берлускони зря потратил 25 млн долларов на покупку Шевченко. Он даже как-то заявил, что Андрей – это второй Ван Бастен. Правда, украинский парень с этим не согласен и хочет оставаться тем, кто он есть, – Шевченко. Кстати, никакого отношения к Кобзарю легендарный спортсмен, к сожалению, не имеет. Говорят, что кто-то из «новых украинцев» хочет в Киеве поставить памятник футболисту, причем недалеко от его литературного однофамильца. Инициативная группа болельщиков считает, что пятикратный чемпион Украины, игрок сборной и лучший нападающий Лиги чемпионов конца 90-х гг. этого достоин. Может, это и правильно: ставить памятники людям при жизни, а не после смерти, как это у нас принято.

В декабре 2004 г. форвард итальянского «Милана» и сборной Украины Андрей Шевченко получил «Золотой мяч» – приз лучшему футболисту Европы. Владельца этого приза определяют журналисты ведущих европейских изданий, а организовывает конкурс журнал «France Football». Впервые представитель независимой Украины получил официальное признание мирового масштаба. В свое время «Золотой мяч» получили игроки киевского «Динамо» Игорь Беланов и Олег Блохин. Андрей Шевченко своей прекрасной игрой доказал, что достоин присоединиться к этому дуэту.

Шевченко Тарас Григорьевич (род. в 1814 г. – ум. в 1861 г.)

Выдающийся поэт, писатель, художник, академик Петербургской Академии художеств по классу гравюры. Автор поэм «Гайдамаки», «Катерина», «Кавказ», «Еретик» и многих других, лирических стихотворений, повестей.

О Т.Г. Шевченко, пожалуй, самом знаменитом из деятелей украинской культуры, написано великое множество научных трудов и статей, романов и повестей, снято немало художественных и документальных фильмов. Имя Великого Кобзаря увековечено в тысячах названий городов и сел, улиц, вузов и театров. Тем не менее его человеческая сущность по-прежнему остается в тени, как и многие подробности биографии. Даже фамилия поэта у некоторых шевченковедов вызывает сомнение. Согласно их разысканиям, Шевченко – уличное прозвище Тараса Григорьевича. Е. Маланюк в «Очерках по истории нашей культуры», в частности, писал: «А что Тарас Шевченко имел фамилию также „Грушевский“, на это впервые указал (1898 г.) Александр Конисский в своей и посейчас цельной монографии. Однако и ныне, к сожалению, проблема подлинной родовой фамилии Шевченко не прояснена…»

На протяжении многих десятилетий самые разные культурно-политические силы пытались создать нужный им образ Шевченко. «Некий символ попросту заслонял человека. Более того –

полнокровная, живая, сложная личность мешала созданию этого самого символа. Потому и случилось то, что случилось: Шевченко забронзовел настолько, что превратился в божка. А кто особо задумывается о судьбе божков?» – писала об этом Анна Соболевская.

Слова о том, что Т.Г. Шевченко – первый национальный поэт и слава Украины, увы, давно стали штампом. И произносятся они чаще всего не с гордостью, а с некоторой даже отстраненностью, граничащей с безразличием. Не многие помнят о том, что Т.Г. Шевченко не только Великий Кобзарь, но прежде всего человек, которому, как любому из нас, были присущи свои желания, страсти и стремления.

Тарас Шевченко родился 25 февраля (9 марта) 1814 г. в селе Моринцы Звенигородского уезда Киевской губернии в семье крепостных крестьян помещика В.В. Энгельгардта. Через 2 года семья Шевченко перебралась в село Кирилловку, где и прошло детство мальчика. Убогой и унылой была жизнь Тарасовых родителей. Мать Екатерина Акимовна, надорвавшись от непосильного труда, часто болела. Ее, как писал сам Шевченко, «еще молодую в могилу нужда с работой положили». Она умерла на сороковом году, когда Тарасу не было и десяти. В том же году отец женился вторично на вдове с тремя детьми. Мачеха относилась к Тарасу сурово. А когда два года спустя умер отец мальчика, жизнь мальчика стала совсем безрадостной. Крепостной, да к тому же круглый сирота, Тарас с 11 лет был вынужден кочевать из одного места в другое, нанимаясь в услужение. Одно время он был поваренком, затем пастухом овец, почти год служил в батраках у местного священника. Детские впечатления оставили глубокий след в сознании Шевченко и, вероятно, в немалой степени повлияли на формирование его личности и творчества.

Еще при жизни родителей Тарас был отдан «в науку» к учителю-дьячку П. Рубану. За два года мальчик научился читать и писать, а возможно, освоил и некоторые основы арифметики. Уже тогда у него проявились способности к рисованию. Он сам говорил, что еще в детстве мечтал «сделаться когда-нибудь хоть посредственным маляром». Все, что известно о ребенке и подростке Шевченко из воспоминаний и автобиографических произведений, свидетельствует о том, что он был по-настоящему художественной натурой, человеком, который «не удовлетворится тяжко заработанным куском хлеба, а будет стремиться к чему-то более высокому». Черты «необычности» мальчика заметил еще отец, Григорий Иванович. Умирая, он говорил родственникам: «Сыну Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно; он не будет

"абы каким" человеком: из него выйдет или что-то очень хорошее, или большой бездельник; для него мое наследство или ничего не будет значить, или ни в чем не поможет».

В конце 1828 г. Тарас попал в услужение в дом помещика Павла Энгельгардта, внебрачного сына В.В. Энгельгардта, который получил в наследство поместье в селе Ольшаны.

Все это время страсть к живописи не покидала юного Шевченко – свободное время он проводил, перерисовывая лубочные картинки. Обнаружив у мальчика явные способности к рисованию, Энгельгардт решил сделать из него домашнего живописца и отправил его в 1832 г. на обучение в Петербург, к «живописных дел цеховому мастеру» В. Ширяеву. До того как попасть в столицу, Шевченко некоторое время жил в Вильно вместе со своим хозяином, адъютантом литовского военного губернатора. Некоторые исследователи полагают, что после этого он успел побывать и в Варшаве, где обучался азам живописи у Жана Батиста Лампи-младшего либо у Яна Рустема. Этот период жизни Шевченко – один из самых загадочных, поскольку ни воспоминаний, ни свидетельств о том, что происходило с ним в течение трех лет до появления в Петербурге, нет.

В Петербурге Шевченко вместе с учениками В. Ширяева принимал участие в росписях городских театров. Вскоре после приезда он подружился с учеником Академии искусств И. Сошенко. Этот человек очень помог начинающему художнику, познакомив его с Е. Гребенкой и конференц-секретарем Академии художеств В. Григоровичем, с разрешения которого Шевченко начал посещать рисовальные классы Товарищества поощрения художников. 21 мая 1838 г. Шевченко был зачислен учеником Академии искусств. Он начинает обучаться под руководством замечательного художника К.Брюллова – «Карла Великого», как называли его не только студенты, но и коллеги. Шевченко же в академии стали называть русским Рембрандтом, по существовавшему тогда обычаю давать самым даровитым ученикам имена гениальных художников, с манерой которых работы этих учеников имели наибольшее сходство. Один из любимых студентов Брюллова, в живописи Шевченко достиг немалых успехов – за картины «Нищий мальчик, дающий хлеб собаке» (1840 г.), «Цыганка-гадалка» (1841 г.), «Катерина» (1842 г.) он был награжден серебряными медалями. Успешно работал он и в жанре портрета (портреты М. Лунина, А. Лагоды и др., автопортреты). В это же время проснулся и поэтический талант Тараса.

Шевченко начал писать, еще будучи крепостным, – по его собственным свидетельствам, в 1837 г. Из первых поэтических

проб известными стали баллада «Причинна» и «Скучно мне и тяжко – что ж я буду делать». Несколько своих произведений в 1838 г. Шевченко отдал Е. Гребенке для публикации в украинском альманахе «Ласточка». Но еще до выхода «Ласточки» (1841 г.) 18 апреля 1840 г. увидел свет первый, тогда совсем небольшой по объему, сборник стихотворений Тараса Шевченко – «Кобзарь». Традиционно считается, что выход «Кобзаря» – это событие в истории украинской литературы, по значимости которому практически нет равных. «Появление шевченковского "Кобзаря" в 1840 году в Петербурге должно считаться эпохальной датой в развитии украинской литературы, – писал об этом И. Франко, – второй после "Энеиды" Котляревского. Эта маленькая книжечка открыла словно новый свет поэзии, вырвалась, как источник чистой, холодной воды, засияла неведомой доселе в украинском писательстве ясностью, простотой и поэтической грацией выражения».

Хотя первое издание «Кобзаря» состояло всего лишь из восьми стихотворений («Думы мои, думы мои», «Перебендя», «Катерина», «Тарасова ночь», «Тополь» и др.), многие увидели в них подтверждение тому, что в украинскую литературу пришел поэт большого дарования. Впечатление, которое произвел «Кобзарь», усилилось, когда на следующий год вышло самое крупное из произведений Тараса Шевченко– историческая поэма «Гайдамаки». Однако далеко не все встретили новое творение поэта с восторгом. Один из самых влиятельных критиков того времени В. Белинский назвал Шевченко графоманом. «Поэма наполнена вычурами и замашками, свойственными всем плохим пиитам… – писал он в рецензии. – Здесь хорошо ругаются, пьют, бьют, жгут, режут, ну разумеется, в антрактах кобзарь (ибо без кобзаря какая уже малороссийская поэма!) поет свои вдохновенные песни без особенного смысла, а дивчина плачет, а буря гомонит…» Таким образом, отношение к литературному таланту Кобзаря было неоднозначным. Негативную оценку его творчеству давал и русский поэт А. Фет.

Однако были у таланта Шевченко и поклонники. Один из них – поэт и переводчик В. Жуковский, которому в знак особого расположения и глубокой признательности Шевченко посвятил знаменитую поэму «Катерина». В судьбе Тараса Шевченко В. Жуковский, так же как и К. Брюллов, сыграл значительную роль. С их непосредственной помощью молодой Шевченко смог избавиться от крепостной зависимости. Вот как писал об этом сам поэт: «Сговорившись предварительно с моим помещиком, Жуковский просил Брюллова написать с него портрет, с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюллов тотчас

согласился, и портрет у него был готов. Жуковский, с помощью графа Виельгорского, устроил лотерею в 2500 рублей, и этой ценой была куплена моя свобода, 22 апреля 1838 г.».

Уже свободным человеком, студентом Академии художеств, автором «Кобзаря» в 1843 г. Шевченко приехал на Украину, осуществив свою давнюю мечту. Почти год он путешествовал по городам и селам Украины, навещал родных, знакомился с многочисленными представителями украинской интеллигенции и образованными помещиками (М. Максимовичем, П. Кулишом, князем М. Репниным и его дочерью – писательницей В. Репниной и др.). В путешествии Шевченко много рисовал. Итогом этой поездки стал созданный им альбом офортов «Живописная Украина», который художник задумал как периодическое издание. Единственный выпуск этого альбома вышел в 1844 г. в Петербурге.

В том же году Шевченко окончил Академию художеств, получив звание «неклассного» (свободного) художника, и через некоторое время снова уехал в Украину. Он вновь путешествует, посещая Полтавщину, Черниговщину, Киевщину и др. По поручению Киевской археографической комиссии записывает народные песни, рисует архитектурные и исторические памятники, портреты и пейзажи. Вернувшись в Петербург, Шевченко под впечатлением от путешествия много пишет. С октября по декабрь 1845 г. он переживает необычайный творческий подъем, создавая одно произведение за другим – «Еретик», «Слепой», «Кавказ», «И мертвым, и живым…», «Холодный яр», «Как умру, похороните» («Заповит») и др. В 1846 г. поэт создает баллады «Лилея» и «Русалка». Он планирует новое издание «Кобзаря», куда должны были войти произведения 1843-1847 гг. Друзья и почитатели поэта начали сбор средств на издание, однако планы их не осуществились, так как в 1847 г. Шевченко был арестован по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе.

С группой оппозиционно настроенных интеллигентов, из которых и состояло это тайное общество, Тарас Григорьевич сошелся еще в период работы художником во Временной комиссии по разбору древних актов в Киеве. В этом кругу одобрительно воспринимались его «вольнолюбивые поэзии», в частности написанная еще в Петербурге поэма «Сон», где в карикатурном виде изображался не только Николай I, но и императрица Александра Федоровна:

«Цариця небога
Мов опеньок засушений,

Тонка, довгонога,
Та ще, на лихо, сердешне,
Хита головою.
Так оце-то та богиня!»

Некоторые биографы полагают, что именно это сочинение сыграло роковую роль в жизни Шевченко. При разгроме Кирилло-Мефодиевского общества экземпляры текста поэмы вместе с другими его произведениями были обнаружены у многих членов организации и представлены императору. Автор был наказан Николаем I по всей строгости тогдашних законов и «за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений» определен рядовым в Оренбургский отдельный корпус с приговором: «Под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать». Местному начальству было поручено иметь за поэтом «строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений». Необъяснимая суровость царского приговора Тарасу Шевченко до сих пор остается одной из загадок в жизнеописании поэта, ведь большинство членов тайного общества отделались весьма мягкими наказаниями и даже не потеряли права делать карьеру на государственной службе. Почему же так строг был император к Шевченко, неумолимо отклоняя все прошения о помиловании приговоренного? Некоторые исследователи считают, что ответ на этот вопрос нужно искать в биографии самого поэта. Дело в том, что ко времени проведения следствия о Кирилло-Мефодиевском обществе Шевченко был уже известен Николаю I. Ведь именно царская семья несколькими годами ранее приобрела в лотерее портрет кисти Брюллова, выкупив таким образом будущего великого поэта и художника из крепостной неволи. Не последнюю роль сыграла в этом императрица, так характерно изображенная в поэме. Монарх не мог простить Шевченко нанесенного супруге оскорбления. Поэтому-то Т.Г. Шевченко «за проявленную им неблагодарность единодушно был признан никакой милости не заслуживающим».

8 июня 1847 г. он был привезен в Оренбургский край, в Орскую крепость, где должен был проходить солдатскую службу. Первое впечатление от увиденного позднее отразится в повести «Близнецы»: «Так вот она, знаменитая Орская крепость! – почти проговорил я, и мне сделалось грустно, невыносимо грустно, как будто меня бог знает какое несчастье ожидало в этой крепости, а страшная пустыня, ее окружающая, казалась мне разверстою могилой, готовою похоронить меня заживо…» Так в жизни поэта

началась «мрачная монотонная десятилетняя драма» солдатчины.

Несмотря на царский запрет, Шевченко продолжал украдкой писать стихотворения, пряча их. Поэмы «Варнак», «Марина» (1848 г.) и целая серия лирических стихов написаны в крепости. В 1849-1850 гг. в Оренбурге он переписал эти «невольницкие поэзии» в самодельную книжечку, которая затем получила название «Маленькой книжки». В 1848 г. Шевченко как художник был включен в состав экспедиции по обследованию Аральского моря, где он много рисовал и создал 350 акварельных пейзажей и портретов. В 1850 г. Шевченко был арестован за нарушение царского запрета писать и рисовать. После следствия его перевели в Новопетровское укрепление на полуостров Мангышлак в Каспийском море. Этот новый арест имел роковые последствия для поэтического творчества Шевченко: из осторожности он был вынужден прекратить писать и возобновил поэтическую деятельность только незадолго до освобождения. Но Тарас Григорьевич продолжал рисовать, лепил из глины и алебастра, написал несколько повестей на русском языке, в которых есть немало «оренбургских» страниц («Княгиня», 1853 г.; «Музыкант», 1854 г. и др.). С негласного разрешения непосредственного начальства в годы ссылки Шевченко создал сотни рисунков и набросков пейзажей, портретов и жанровых сцен. Серия его рисунков «Притча о блудном сыне» является одним из наивысших достижений в искусстве живописи середины XIX в.

1 мая 1857 г. было дано официальное разрешение освободить Шевченко от солдатчины. 26 июня 1857 г. Тарас Шевченко записал в дневнике: «На протяжении десяти лет я писался и подписывался: "Рядовой Т. Шевченко". Сегодня я впервые написал это радующее душу звание – "художник Т. Шевченко"». В начале августа 1857 г. поэт покинул полуостров Мангышлак.

Возвратившись в Петербург, Шевченко сильно увлекся гравюрой. Шагом вперед стали офорты, созданные по фотографиям, которые в то время были новинкой. В качестве графика он прославился мастерским отображением светотени, свободным и точным движением штрихов. Именно за офорты в 1860 г. в Академии искусств «под медь труб и литавров» Т.Г. Шевченко было присвоено звание академика по классу гравюры.

В 1859 г. Шевченко побывал на родине. У него возникла мысль купить усадьбу над Днепром. Он даже выбрал живописное место под Каневом, желая поселиться здесь с любимой женщиной, о которой он как-то особенно сильно мечтал в последние годы своей жизни. Мечтам этим, увы, так и не суждено было сбыться… Будучи натурой чувствительной и

эмоциональной, Шевченко, как и каждый поэт, влюблялся часто. Но счастья семейной жизни он так и не испытал. Дворянки и княжны, одаривавшие его своей близостью, не спешили вверять поэту свою судьбу. О любовных чувствах Т.Г. Шевченко биографы пишут очень мало, уделяя больше внимания его творчеству. Однако в жизни поэта было немало муз, вдохновлявших его, даровавших ему радость и навевавших грусть, любивших его и любимых им самим. Одной из них была княжна Варвара Репнина, которой поэт посвятил такие строки:

…Ваш добрый ангел осенил
Меня бессмертными крылами
И тихостройными речами
Мечты о рае пробудил…

35-летняя княжна была восхищена талантом и поэзией Шевченко и, влюбившись в него однажды, сохранила это чувство на всю жизнь. Поэт с величайшим уважением отнесся к трепетному чувству Варвары, но не мог заставить сердце ответить на ее искреннюю любовь. В конце концов между ними завязалась теплая доверительная дружба, не прерывавшаяся почти до последних лет жизни Т. Шевченко. Репнина надолго пережила своего кумира и умерла в преклонном возрасте в 1891 г.

1857-1858 гг. в жизни поэта прошли под знаком красавицы-актрисы Екатерины Пиуновой. В следующем году ему приглянулась Харитя Довгополенкова, крепостная девушка, служанка в доме двоюродного брата В. Шевченко, которая отказала ему. Позднее, встретив чем-то похожую на нее девушку, поэт вновь обрел надежду на счастье. Влюбленный, в письмах к друзьям он уже называл ее своей будущей женой: «Невесту мою зовут Ликера». Как же он, одинокий, мечтал о своем тихом жилище в Украине, о счастье с любимой женщиной, когда сватался к двадцатилетней Ликере Полусмаковой, горничной пани Варвары Карташевской! Это ей, юной девушке, сочинял он проникновенные лирические строки, отдавая свое сердце. «Моя ти любо! Усміхнись!/ І вольную святую душу,/ І руку вольную, мій друже,/ подай мені!»

Но и это сватовство поэта оказалось неудачным и омрачило последние полтора года его жизни. Искренне влюбленный в Ликеру, Шевченко уже перед самым венчанием понял, что в сердце девушки нет любви и она попросту обманывает его. «Искренняя душа поверила душе лукавой и обманулась в своей вере», – комментировала позже Наталка Полтавка, украинская писательница Н.М. Симонова – дочь Н.М. Забилы, на даче

которой в Стрельне Шевченко впервые встретился с Ликерой.

Одиночество и глубокая печаль выразились в его горьких строчках:

Минули лгга молодії…
Холодним вітром од надії
Уже повіяло… Зима.
Сиди один в холодній хаті.
Нема з ким тихо розмовляти,
Ані порадитись нема.
Аніогісінько нема…

В последние годы жизни Шевченко мало писал и мало рисовал. Его охотно принимали в светском обществе, где он заводил многочисленные литературные и художественные знакомства. В поездках по городу его почти всегда сопровождал М. Микешин – «не только как друг, но и как телохранитель», так как часто случалось, что Тарас Григорьевич терял сознание и приходилось «отвозить его домой в экипаже как больного». Его здоровье ухудшалось с каждым днем, хотя Шевченко никогда не жаловался. По воспоминаниям А.Я. Конисского, он «не любил рассказывать о своем недуге, вообще не любил он свои печали и беды разносить по чужим домам. Наоборот, стремился спрятать от людей свое горе…» Тем временем болезни его прогрессировали. В 1861 г. день своего рождения Шевченко встретил тяжелобольным (расстройство печени, сердца, водянка). Утром 26 февраля (10 марта) Великий Кобзарь скончался.

Жизнь поэта была трудной, полной одиночества и невзгод, но она не была тщетной. Говоря его же словами, Т.Г. Шевченко сумел

Пройти мытарства трудной жизни,
Измерить пропасти страстей,
Прочесть все черные страницы,
Все беззаконные дела,
И сохранить полет орла,
И сердце чистой голубицы.

Шолом-Алейхем
Настоящее имя – Шолом (Соломон) Нохумович Рабинович
(род. в 1859 г.– ум. в 1916 г.)

Знаменитый еврейский писатель, драматург, поэт, критик, публицист, издатель. Автор произведений на иврите, идиш и русском языке.

«Видимый миру смех часто льется сквозь невидимые миру слезы. Так говорил Гоголь. А я говорю: мир видит только смех, а слезы, которые столь часто льются, что, казалось, должны бы тронуть даже камень, мир не желает видеть.

На том свете нет юмора. Так говорит Марк Твен. А я говорю: юмор есть всюду: на земле – даже на кладбище, на том свете – даже в аду». Эти «мудрые речи» из «Афоризмов» Шолом-Алейхема – лучшая характеристика его творчества. Писателя называют величайшим юмористом, мастером печального юмора, гением комического и сатириком, потому что мог он «смехом сочувствовать и смехом разоблачать». Но по словам его брата Вевика (Вольфа) Рабиновича, Шолом «больше напоминал поэта», настолько нежны, трогательны и лиричны его произведения. Так и вошел он в мировую литературу – веселый новеллист, грустный мыслитель, задушевный лирик, гневный обличитель и великий трагик – разноплановый, как и жизнь.

Будущий великий еврейский писатель, кровно связанный со своим народом, родился в Украине в городе Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий) 2 марта 1859 г. Детские годы он провел в еврейском местечке Воронкове, где его отец, Нохум Рабинович, слыл богачом, а мать торговала в лавке. В семье было 11 детей. Их учеба в хедере (начальная религиозная школа) сводилась к вколачиванию палками основ Библии и Талмуда. Жизнерадостный Шолом рос весельчаком и озорником. И друг детства, сирота Шмулик, был ему под стать: неутомимый выдумщик, голодный фантазер, сочиняющий сказки о несметных богатствах и точно знающий, где их найти. Позже этот мальчик станет прообразом многих детских персонажей писателя.

Беззаботная жизнь вскоре миновала. Отец практически разорился и вновь вернулся в Переяслав, где содержал заезжий двор. Шолому исполнилось тринадцать, когда эпидемия холеры унесла мать. Мачеха была ужасно сварливой, ее ругательства «вертелись, вились, лились, как масло». Мальчика, который во всем помогал отцу, спасала только природная веселость. И первым его произведением стал словарь проклятий, расточаемых мачехой. После этого не наказанный за это проказник, нещадно расходуя керосин, ночи напролет писал свое новое произведение «Дщерь Сионова», рабски подражая «Сионской любви» А. Мапу. С этим романом сына Рабинович отправился к уважаемому в городе нотариусу Арнольду, и тот порекомендовал «писанину» выбросить, а мальчика, чтобы был толк, отдать в Переяславское уездное русское училище (1873 г.).

Единственным затруднением в начале учебы было почти абсолютное незнание русского языка. А первой книгой, прочитанной на русском, был «Робинзон Крузо», и, недолго думая, Шолом сочинил «Еврейского Робинзона Крузо». «И все пришли в восторг». Теперь никто уже не сомневался, что из мальчика вырастет настоящий писатель. Но познакомившись с сокровищами русской и еврейской литературы и окончив в 1876 г. с отличием училище, Рабинович с трудом мог найти себе занятие. Мечта поступить в учительский институт не осуществилась: царское правительство запретило прием евреев. Шолом был вынужден ради пропитания давать частные уроки, перебираясь от одного хозяина к другому, пока не познакомился с сыном богатого арендатора поместий Элимелеха Лоева, и тот уговорил отца взять его домашним учителем к сестре Ольге (Голд). Имение в Софиевке показалось обретенной родиной. Здесь же Шолом нашел и счастье всей жизни. За три года дружба между ученицей и учителем переросла в любовь. Он читал Ольге все свои «душу раздирающие романы, кричащие драмы, запутанные

трагедии и комедии», написанные (но не опубликованные) на древнееврейском. Но однажды утром Шолом обнаружил, что хозяева покинули дом, а ему дали полный расчет. Замужество любимой дочери со славным, образованным, но бедным человеком не входило в планы ее отца.

Для Шолома опять началось время скитаний и унижений, пока ему не удалось, превзойдя конкурентов, занять место казенного раввина в Лубнах (Полтавская обл.). Работа царского чиновника не радовала. Приходилось вести записи актов гражданского состояния, приводить к присяге в суде лиц иудейского вероисповедания. Его единственной отдушиной стало участие в общественных делах: в течение двух с половиной лет Шолом сумел завоевать симпатии бедняков и вызвать недовольство богачей. К этому времени относится и начало его систематической работы как публициста (статьи по вопросам воспитания) и писателя. Повести «Два камня», «Выборы», «Перехваченные письма», написанные Рабиновичем не на древнееврейском, а на живом народном языке идиш, который в ту пору презрительно именовали «жаргоном», нашли признание у читателей. У начинающего автора было несколько псевдонимов: Литвак, Барон, Пипернотер, Соломон Эсбихер; но он сохранил только один – Шолом-Алейхем – «Мир вам!». И действительно, как бы горестные факты его произведений ни волновали читательское сердце, но благодаря неподражаемому оптимистическому юмору на души опускался покой и «мир».

Признание Шолом-Алейхема на литературном поприще по времени совпало и с личным счастьем. После трех лет одиночества и отчаянных безответных писем (Лоев-старший перехватывал всю корреспонденцию) он встретился с Ольгой в Киеве, и, несмотря на родительское сопротивление, 12 мая 1883 г. они поженились. «С женой он прожил тридцать лет, словно тридцать дней, – писал их зять М. Кауфман. – Их взаимная привязанность была неповторимой. Оба сохранили нежность чувств и остроту любви до последнего вздоха. Когда он отлучался из дома, он с дороги писал ей письма. Это были послания жениха к невесте. Она вела все его дела, оберегала от всех невзгод». В их счастливой «республике» родились два сына и три дочери. Первые два года, проведенные в Белой Церкви, семья испытывала значительные материальные трудности – работа писателя приносила мизерные доходы. Но в 1885 г. Ольга Михайловна после смерти отца получила большое наследство и они переехали в Киев. Шолом-Алейхем считал, что провел здесь лучшие годы своей жизни. Город питал его воображение, и его часто называли киевским писателем, чем он безмерно гордился. Первый год,

проведенный в Киеве, Шолом-Алейхем практически не писал: привыкший к нищете и внезапно разбогатевший, он попытался приумножить капитал, открыл контору по продаже сахара и пшеницы, но, запутавшись в биржевых делах, в течение пяти лет не только обанкротился, но и влез в долги, которые погасила теща.

Пока у него были деньги, он начал издавать сборник «Еврейская народная библиотека». Чтобы поддержать нуждающихся писателей, Шолом-Алейхем платил неслыханно высокие гонорары. В сборниках он помещал и собственные произведения – «Стампеню», «Иоселе-соловей» (1889 г.). А свое недолгое пребывание в мире дельцов писатель отобразил в комедии «Якнегоз» и «Менахем-Мендл» («Человек воздуха»).

В начале 1890-х гг. Шолом-Алейхем ненадолго уезжает за границу – во Францию и Австро-Венгрию, а вернувшись на родину в 1891 г., поселяется в Одессе. В одесский период жизни (1891 – 1892 гг.) он много писал и на русском языке («Стихотворения в прозе», «Роман моей бабки», «Типы малой биржи», «Сто тысяч»). И каждое новое произведение становилось классикой еврейской литературы «не только как великолепное художественное произведение, но и как исторический памятник жизни еврейского народа в царской России, со всем трагизмом этой жизни, трагизмом людей, которых отовсюду гонят и никуда не пускают, и со всем комизмом, вытекающим из такого горестного существования» (П. Маркиш). Его герои, жители местечка «Касриловка» (Воронков), Бердичевской улицы и Егупца (Киев), Мазеповки (Белая Церковь) – жалкие неудачники, выброшенные за борт жизни, – олицетворяют все самое благородное, возвышенное и мечтательное в еврейском народе. Автор следует за ними, безземельными и гонимыми чертой оседлости, в своем знаменитом вагоне «третьего класса» («Железнодорожные рассказы»), вслушивается в беседы, видит их великую скорбь и тысячелетнюю мудрость. Он понимает, что единственным их утешением, смягчающим боль, является юмор: «Высечь утешение из самого горя… Высечь из него улыбку… Как из камня высекают искру…» Так родился юмор Шолом-Алейхема – «смех не сквозь слезы, а из слез». Но это не юмор приговоренного, это юмор надежды. Он чем-то сродни и украинскому характеру: когда наступает безысходность, нужно петь и танцевать.

У каждого народа свои беды. Но без вины виноватый еврейский народ кроме постоянного унижения претерпевал и ужас черносотенных погромов. В 1903 г. они прокатились по Молдавии. Шолом-Алейхем вступил в переписку с Л. Толстым, А. Чеховым, М. Горьким, В. Короленко с просьбой помочь в

подготовке к изданию сборника в помощь пострадавшим и перевел для него три сказки Л. Толстого. Книга вышла под названием «Хилф» («Помощь»). Но после погромов в Киеве в 1905 г. писатель был вынужден уехать за границу. Началась скитальческая жизнь: Львов, Рига, Женева, Берлин, Лондон, Париж, позднее он даже, как героиня романа «Блуждающие звезды» (1909-1911 гг.), эмигрировал в Америку. Чтобы как-то поправить материальное положение, Шолом-Алейхем выступал с чтением своих произведений и везде находил сердечный отклик.

В 1907 г. писатель вернулся в Россию, где также много разъезжал, выступая перед читателями и всегда встречая горячий прием. По-видимому, кочевой образ жизни и привел к резкой вспышке туберкулеза (1908 г.). В течение шести лет Шолом-Алейхем жил и лечился в Швейцарии и Италии. Почитатели его таланта, зная о бедственном положении «почти единственного писателя, который нравится всем», собирали для него средства. Но главное – свою любовь они выразили выкупом у частных издателей всех его произведений (1909 г.), которые Шолом-Алейхем был вынужден продать буквально за гроши, чтобы прокормить семью. «Это не подаяние. Напротив, в течение многих лет Шолом-Алейхем дарил нам свои шутки, мысли, свое сердце и свою кровь. Мы обязаны вернуть ему долг, наш старый неоплаченный долг» (Из обращения «К почитателям Шолом-Алейхема»).

Герои его произведений стали для евреев, да и для людей всех национальностей, воплощением души его народа, его улыбок и слез, горестей и радостей. Он жил их жизнью, сроднился с судьбой каждого персонажа. Может быть, поэтому Шолом-Алейхем подолгу не мог расстаться с ними. Темы и образы роились в его воображении, и он писал на протяжении десятков лет одновременно несколько вещей. Так, работа над «Менахем-Мендлом» и «Тевье-молочником» в течение 20 лет велась параллельно с «Железнодорожными рассказами», «Касриловкой» и «Мальчиком Мотлом». Капля за каплей создавались сотни образов. Но всю бесконечную любовь к своему народу Шолом-Алейхем воплотил в образе Тевье-молочника. Его соотечественник, писатель П. Маркиш писал: «Кряжистым дубом стоит молочник Тевье в еврейской классической литературе. Этот простодушный впитал в себя всю печаль еврея, бедняка, отца и человека, которому пришлось испить до дна чашу позора и произвола николаевского режима… со всей правовой политикой натравливания одного народа на другой».

Но писателя волновали судьбы не только взрослых. Он часто смотрел на жизнь чистыми глазами детей. До Шолом-Алейхема

еврейская литература не знала детских образов. Начиная с первого рассказа детского цикла «Ножик» и на протяжении всей жизни писатель исследовал тайны души ребенка. Пронзительная искренность и лирическая тональность ярко проявились в «Рассказах для детей» («Флажок», «Часы», «Омраченный праздник», «Пасха в деревне» и др.) и повестях «Мальчик Мотл» и «С ярмарки» (обе не окончены). Занимательность сюжетов, живые убедительные бытовые детали национальных характеристик юных героев свидетельствуют о том, что Шолом-Алейхем сумел сохранить в себе и в своем творчестве неиссякаемую детскость.

Отдал дань писатель и теме юношества, отразив прекрасный мир мятущихся и любящих душ в цикле «Песнь Песней», новелле «Аман и его дочери» и романе «Мошкеле-вор».

Много сделал Шолом-Алейхем и для становления репертуара еврейских театров. Он в отличие от «драмоделов» оттачивал драматические произведения так же, как и прозу, начиная от одноактной комедии «Доктора!» (1887 г.) и резкой сатиры «Якнегоз» (1892 г.) до развернутых картин из жизни евреев в пьесах «Вразброд» (1903 г.), «Последняя жертва, или Кровавые дни» (1905 г.), «Клад» (1908 г.), «Трудно быть евреем» (1914 г.), «Крупный выигрыш» (1915 г.). Драматург создал также прекрасные инсценировки своих романов «Стампеню» и «Тевье-молочник».

В 1914 г. Шолом-Алейхем вновь отправляется в поездку по городам России и Украины. Он был непревзойденным чтецом, и поклонники его таланта сопровождали писателя из города в город, чтобы насладиться его чтением.

Первая мировая война застала Шолом-Алейхема на одном из курортов Германии. Не имея возможности вернуться на Украину, он был вынужден эмигрировать с семьей в Америку, где, несмотря на ухудшающееся самочувствие, продолжал работать. Он жил в Нью-Йорке, лечился у лучших врачей, но здоровье таяло. Шолом-Алейхему не суждено было вернуться ни в Киев, ни в Переяслав, которые он любил с какой-то особенной нежностью. Писатель говорил друзьям: «Если бы нашелся какой-нибудь сумасшедший, который предложил мне: "Вот тебе три Нью-Йорка и кусочек Переяслава, выбирай! Что возьмешь себе?" Я подумал бы и ответил: "Разрешите улучшить Переяслав по моему разумению, и я вам уступлю все ваши Нью-Йорки"». Последней волей (к сожалению, не исполненной) Шолом-Алейхема, который скончался 13 мая 1916 г., было, чтобы его похоронили на киевском кладбище: «Где бы я ни умер, пусть меня похоронят не среди аристократов, богачей и знати. Пусть меня похоронят там, где покоятся простые евреи, рабочие, настоящий народ, дабы

памятник, который потом поставят на моей могиле, украсил простые могилы вокруг меня, а простые могилы дабы украшали мой памятник – как простой честный народ при моей жизни украшал своего народного писателя».

С 1973 г. работает мемориальный музей-дом в Переяславе-Хмельницком. Здесь и в Киеве установлены памятники Шолом-Алейхему, который был влюблен в украинскую землю, давшую приют (пусть и не всегда ласковый и сердечный) великому еврейскому писателю и человеку «дерзновенного оптимизма».

«Лучше человеку быть среди гонимых, чем среди гонителей. Так говорят старые еврейские мудрецы. А я говорю: лучше человеку быть среди тех, которые сами не терпят преследований и не преследуют других.

Не моря разделяют народы, а невежество. Так говорит Джон Рескин. А я говорю: не моря разделяют народы, а народы – моря».

Шульженко Клавдия Ивановна (род. в 1906 г. – ум. в 1984 г.)

Знаменитая эстрадная певица лирического жанра. Народная артистка СССР (1971 г.). Награждена орденами Красной Звезды (1945 г.), Ленина (1976 г.) и медалью «За оборону Ленинграда» (1942 г.).

«У нас была великая эпоха. Отдадим должное самой блистательной певице того времени Клавдии Ивановне Шульженко. При звуках ее голоса, странно отдаленного, откуда-то из сердца распространяется по телу нервная сыпь. Самая банальная страсть заставляет сжиматься сосуды, и слезы выступают из глаз…» – так проникновенно написал о своей землячке ниспровергатель общепризнанных ценностей, одиозный Э. Лимонов.

Клавдия появилась на свет 24 марта 1906 г. в Харькове. Отец, Иван Иванович Шульженко, и мать, Вера Александровна, а вслед за ними все близкие звали маленькую «принцессу с Москалевы» Куней, Кунечкой. Девочка была хорошенькой: налитые, как яблочки, щечки, губки бантиком, очаровательный, чуть приплюснутый носик. Первое «художественное впечатление» будущей эстрадной знаменитости было связано с отцом: «От него я впервые услышала украинские народные песни. Он приобщил меня к пению. Бухгалтер управления железной дороги, отец мой серьезно увлекался музыкой: он играл на духовом инструменте,

как тогда говорили, в любительском оркестре, а иногда пел соло в концертах. Его выступления, его красивый грудной баритон приводили меня в неописуемый восторг».

Но прилежная гимназистка женской гимназии Драшковской о певческой карьере не помышляла. Она бредила театром и в учебе делала упор на словесность, хорошо знала поэзию и французский язык. С особым удовольствием Клава принимала участие в дворовых инсценировках сказок. «В каждом спектакле были песни и танцы. Помню, играла я русалку или Пьеро, обязательно пела – либо по ходу пьесы, либо в дивертисменте, концертном отделении». На крыльях этого детского увлечения в марте 1923 г. Клавдия вместе с подругой Милой Катаринской решила вступить в лучшую театральную труппу города – прекрасный театр под руководством Н.Н. Синельникова (ныне – русский драматический театр им. А.С. Пушкина). «Могу петь, танцевать, декламировать», – уверенно заявила девушка режиссеру. К роялю подошел молодой концертмейстер Дуня (Исаак Дунаевский), и Клавдия легко и свободно спела свою любимую «Распрягайте, хлопцы, коней», а затем жестокий романс «Шелковый шнурок», русскую народную песню «По старой калужской дороге» и «Эти платочки» из репертуара звезды Изы Кремер (именно с ней долгое время будут сравнивать молодую певицу).

Так Шульженко была принята в актрисы. Ее самой «выдающейся» драматической ролью стала Настасья Филипповна в «Идиоте»: на протяжении целого акта она лежала на постели, изображая убитую, картинно свесив ручку и… ожидала дивертисмента. Но зато практически в каждом спектакле Синельников придумывал и оставлял за Клавдией музыкальные номера. Режиссер также настоял на ее занятиях вокалом с профессором консерватории Н.Л. Черемшовым.

Но переворот в судьбе Шульженко, по ее словам, произошел после встречи с оперной певицей Л. Липковской. Она, прослушав привычный песенный набор молодой актрисы, порекомендовала ей иметь «собственный репертуар» – лирический, «соответствующий дарованию». И Клавдия загорелась этой идеей. В театре ей стало скучно. Привычный успех у публики в дивертисментах уже казался не столь важным. Наконец, у нее появился и свой автор. Поэт П. Герман, написавший слова знаменитого «Авиамарша», принес тексты лично ей: «Вы первая в нашей стране будете петь не всякую там чепуховину, простите, а наши советские песни про наш советский быт!» В конце сентября 1925 г. Шульженко на сцене Червонозаводского драматического театра (где она в это время работала) исполнила две песни из «своего репертуара» – «Шахта № 3» и «Песня о кирпичном заводе».

Последняя, названная в народе «Кирпичиками», с незатейливым сюжетом и примитивной мелодией вальсочка на мотив «Двух собачек» стала первым «хитом» Шульженко. И вскоре вся страна напевала: «На окраине, где-то в городе/ Я в рабочей семье родилась,/ Лет шестнадцати, горе мыкая,/ На кирпичный завод подалась». Высшую похвалу песне дала мама Клавдии, сравнив ее с «Маруся отравилась».

Но с первым успехом пришла и критика. Ярлык «похабщины», «мещанства и примитивизма» часто сопровождал репертуар Шульженко. И чем больше песни нравились публике, тем ожесточенней были нападки истинных «пролетарских» поэтов и музыкантов. Но это не помешало простой девчонке с Москалевки стать самой популярной певицей Харькова. Клавдия с помощью поэта Е. Брейтингама и композитора Ю. Мейтуса расширяла свой репертуар советской песни («Шуточка», «На санках», «Гренада»). А еще благодаря наставлениям профессиональной пианистки Е.А. Резниковой, взявшей на себя опеку над молодой певицей, Шульженко прекратила исполнять жестокие романсы и цыганские песни, так не соответствовавшие ее внутреннему миру и лирическому дару. Некоторые «явно свои вещи» она «позаимствовала» у других исполнительниц, которые тут же исключили их из своего репертуара.

В 1928 г. Резникова решила представить юную певицу ленинградской публике. В город на Неве Клавдия уезжала, поигрывая обручальным колечком на левой руке. Она считала себя помолвленной с Иваном Григорьевым. Это был странный человек. То ли поэт, то ли карточный шулер, впоследствии ставший строителем Магнитки. Их отношения от резкого неприятия перешли в бурную страсть, и Клавдия даже переехала к нему жить. Единственное, что огорчало ее, – это пренебрежительное отношение любимого человека к ее творчеству, чаще походившее на издевательство. Но девушка верила, что любовь, а в будущем семья усмирит его.

Харьковская провинциалка не затерялась в самодостаточной северной столице. Более того, ее первое выступление 5 мая 1928 г. в сборном концерте на сцене Мариинского театра прошло на бис. Вместо положенных двух песен Шульженко исполнила шесть. Пережив «тряски нервное желе», Клавдия поняла, что экзамен прошел успешно. Ее наперебой приглашали с концертами в кинотеатры (по обычаю того времени), а затем она стала выступать в Ленинградском мюзик-холле с Леонидом Утесовым. Благодаря программе «Аттракционы в действии», которая в Ленинграде прошла более сотни раз, Шульженко стала одной из самых популярных актрис в городе. Но приехав на гастроли в

Москву, она оказалась на грани провала: жесткая цензура запретила практически все ее песни, даже включая «Гренаду» М. Светлова. Положение на некоторое время спас Утесов, но вскоре певице пришлось подготовить новую программу на основе народных песен. Над каждой из них она, как всегда, много и упорно работала и впоследствии постоянно включала в концерты, помимо русских и украинских, лирические испанские, итальянские и кубинские песни. Так в ее репертуаре появилась «Голубка».

А в конце 1920-х – начале 1930-х гг. певица «копила» песни с лирической интонацией, которые впоследствии критики назвали «жульничествами». Она уже нашла свой стиль исполнения: проникновенное пение сменялось задушевным разговором-исповедью, неожиданными паузами. Иногда фразы произносились чуть ли не шепотом, и зал, замерев, вслушивался в каждое слово. Но исполнение «Встречи», «Портрета» грозило «пожизненной дисквалификацией». Шла борьба за чистоту советской эстрады.

В этот период изменился не только репертуар Шульженко. На гастролях в Нижнем Новгороде в 1929 г. она вновь повстречалась с Владимиром Филипповичем Коралли (настоящая фамилия – Кемпер), популярным куплетистом и чечеточником. Клавдия понимала, что этот мягкий, предупредительный и веселый человек ей более близок, чем мрачный и непонятный, ершистый Григорьев. Но долгое время она не могла излечиться от былой страсти. Соперники встретились за кулисами одного из харьковских театров. Обычная драка чуть не закончилась убийством: Коралли имел право на ношение оружия. Но выстрелить он не успел. Клавдия, услышав слова Григорьева: «Жалкий актеришка!» – сделала свой выбор. Она вернула кольцо и спустя несколько месяцев вышла замуж за Коралли.

Молодожены теперь выступали вместе, но, несмотря на большую популярность Владимира, Клавдия безоговорочно стала лидером в их творческом дуэте. И чем злее была критика, тем восторженней принимала Шульженко публика. Замечательная программа «Условно убитый», поставленная в 1931 г. Л. Утесовым, в прессе была названа «халтурой», но Клавдию это мало интересовало. Она жила в предчувствии материнства и в мае 1932 г. родила в харьковском роддоме (где когда-то появилась сама) своего единственного сына Игоря. А через несколько месяцев уже снималась в фильме «Кто твой друг». Из-за недофинансирования Клавдия лишилась в картине самого главного для нее – звука, а значит, и песен. Этот опыт ей не понравился, и она зареклась сниматься. Единственный раз Шульженко пожалела о своем решении, когда узнала, что вместо

нее в «Веселых ребятах» вместе с ее другом Утесовым будет играть и петь песни «Дуни» Любовь Орлова. Но зато в это же время вышла первая граммофонная пластинка: на ней была запись фонограммы «Песни Тони», а за ней последовали «Песня о юге» (или «Утомленное солнце») и «Силуэт». И вообще, уже в предвоенное время билеты на сольные концерты Шульженко раскупались за месяц вперед. Лирические песни «От края до края», «Если Волга разольется» и «Встречи», «Руки», «Вашу записку», «Андрюшу», «Дядю Ваню» и «Челиту» редчайший дар певицы превращал в маленькие спектакли.

И именно с «Челитой» (и «Запиской») Клавдия рискнула выйти на Первый Всесоюзный конкурс артистов эстрады в 1939 г. Ее песню исполняли почти все певицы, но затмить Шульженко никто не смог. Правда, ей досталось всего четвертое место и звание лауреата. А. Райкин, тоже принимавший участие в этом конкурсе, писал: «Для получения первого места ей не хватило нескольких голосов. Время показало: места распределяются не голосованием, а жизнью». Но эта победа позволила Шульженко уйти из джаза Я. Скоморовского и вместе с Коралли создать свой джаз-оркестр. И теперь ее имя знал весь Союз, тиражи пластинок стали миллионными, а потоки писем поклонников достигали неимоверного количества. А с 1940 г. к ним добавились письма и открытки, скромно подписанные инициалами «Г. Е.». Шульженко почему-то относилась к ним с особенной нежностью и даже не подозревала, что их автор, посетив лишь один концерт, стал ее страстным поклонником, покупал все пластинки. И даже через всю войну пронес эти записи в круглой металлической коробке из-под кинопленки.

Война застала Шульженко на гастролях в Ереване. Муж был, как всегда, рядом, а вот сын Гоша гостил у маминой подруги в Харькове. Их поезд еле пробился к родному городу, который немцы, не прекращая, бомбили. Коралли видел, как с каждым взрывом жена, как и все, запертая в вагоне, теряет силу духа. К счастью, Гошу передали под опеку Райкину, и тот благополучно доставил мальчика в Ленинград.

Коллектив Шульженко и Коралли был прикреплен к Дому Красной Армии и стал именоваться Ленинградским фронтовым джаз-ансамблем. В блокадном Ленинграде, в госпиталях, на линии фронта и даже на Ладожской трассе звучал ее голос. И те, кому доводилось видеть и слышать Шульженко в годы войны, и через много лет платили ей трогательной любовью. От «плотненькой хохлушки» не осталось и следа. Постоянный голод, смерть отца от дистрофии, волнение за сына, которого она брала на все выступления, истощили Клавдию Ивановну. Но выходя на

импровизированную сцену в темном концертном платье с блестками, она пела как никогда. Только за первый год войны Шульженко дала 500 концертов, а в 1942 г. была награждена медалью «За оборону Ленинграда». «Синий платочек», «Вечер на рейде», «Давай закурим»… Этим песням и их исполнительнице не суждено забвение, пока жива память о страшных военных годах. Один из журналистов написал, что если бы Шульженко за весь свой 60-летний путь на эстраде исполнила только один «Синий платочек», она бы уже обессмертила себя. Но во время войны был снят еще фильм «Концерт фронту» (1943 г.) и создана программа «Города-герои».

В 1945 г. Шульженко было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР, и она с семьей переехала в Москву. Этот год стал одним из самых тяжелых в ее жизни. В «черный список» опять попало большинство ее песен. Даже «Синий платочек» и «Давай закурим» были обвинены в «кабацких мотивах» и «цыганском надрыве». Вернуться к «идейным» песням юности она уже не могла. Впервые в жизни Клавдия Ивановна написала отчаянное письмо в партком ВГКО, и не столько в свою защиту, сколько в поддержку Коралли. Никогда раньше, да и позже, Шульженко не искала поддержки у высокопоставленных чиновников, она не подписала ни одного «письма-обвинения» в адрес своих коллег.

Нетерпеливость, зависть, стремление «поприжать» другой талант и выслужиться были абсолютно чужды певице. И хотя характер у нее был несдержанный, тяжелый, но она умела признать свою неправоту, знала, как ответить на чужое хамство. Когда позднее Шульженко единственный раз изменила своему принципу ничего не просить в высших кабинетах и обратилась к министру культуры Е. Фурцевой с просьбой помочь ей с жильем, та продержала артистку в приемной больше часа. Клавдия Ивановна, не выдержав, сообщила секретарю (и всем присутствующим): «Передайте вашей начальнице, что она плохо воспитана!»

В 1947 г. певица подготовила камерную сюиту «Возвращение солдата». В ней прозвучала знаменитая песня «Друзья-однополчане». В зале плакали даже мужчины. Год спустя на песенном небосклоне вспыхнула неповторимая сюита «Встреча с поэтом», где Шульженко предстала с неожиданной для своих почитателей стороны, продемонстрировав не только высочайшую технику исполнения, но и редчайшую глубину души.

Ее лирический дар продолжали шельмовать, но Клавдия Ивановна не изменила себе – «Простая девчонка» и «Голубка», «Молчание» (из фильма «Веселые звезды», 1953 г.) стали теми

песенными шедеврами Шульженко, где слились прекрасная музыка, хорошие стихи и тончайшее, проникновеннейшее исполнение. А песня «Три вальса», над которой певица работала почти год, потрясла глубокой драматургией исполнения. Шульженко всегда оставалась истинной женщиной (хотя многие песни исполняла от имени мужчины). И в «Трех вальсах» сердце сжималось от тоски и грусти, от мысли, что прощание с жизнью не за горами. Фактически с 1956 г. певица вступила в полосу «третьей молодости». Чувства к мужу давно остыли, его ревность стала раздражать. Супруги, прожив вместе четверть века, развелись. Здесь «джентльменство» Коралли дало сбой, и он начал делить имущество и жилплощадь, в результате чего певица вынуждена была жить в «уплотнении» с чужими людьми. Но с другой стороны, это было счастливое время. Последней любовью Клавдии Ивановны стал один из ведущих операторов-документалистов Георгий Епифанов. Тот самый «Г. Е.». Но теперь пришел черед ей пережить чувство глубокой ревности. Епифанов был моложе на двенадцать лет, а Шульженко, хотя и привыкла к изнурительным тренировкам, начала терять форму. Редкие седеющие волосы она прикрывала париком, а появляющиеся морщины – толстыми слоями пудры. По-настоящему выстраданная сольная программа «Песни о любви» (1965 г.) была пронизана глубокими личными переживаниями. Певица словно раскрывала свой внутренний мир, зрителей окутывала присущая только ей лирическая аура. А Шульженко в ответ постоянно ощущала волны удивительной сопричастности зала.

И все же в последние годы Клавдия Ивановна осталась одна. Несдержанная в словах, она оттолкнула от себя Епифанова. Он не держал зла на женщину, в которую влюбился еще пареньком. Они часто перезванивались. Епифанов сопровождал ее в Кремль, когда певица получила звание народной артистки СССР (1971 г.) и орден Ленина (1976 г.), но вернуться в дом (купленный, кстати, за его деньги), где его обидели, не смог.

В застойные брежневские времена Клавдия Ивановна пользовалась почетом. Ее постоянно приглашали на торжественные концерты. Юбилейный вечер в Колонном зале Дома союзов, посвященный ее 70-летию, стал для певицы триумфальным. Семь минут она стояла у микрофона, сжимая в руке синий шифоновый платок, пережидая шквал аплодисментов. А затем проворковала своим неповторимым голосом: «"А снег повалится". Композитор Григорий Пономаренко, стихи Евгения Евтушенко, исполняет Клавдия Шульженко». Это тройное сочетание фамилий украинского звучания словно вернуло ей молодость.

С конца 70-х гг. певица почти прекратила выступать, большей частью из-за боязни забыть слова (склероз). Легенда эстрады жила на 270 рублей пенсии. Привыкшая к достатку, Клавдия Ивановна не замечала, куда исчезали деньги. Она постепенно распродала свои драгоценности и антиквариат, который собирала всю жизнь. Конечно, ей пытались помочь деньгами многие артисты, особенно И. Кобзон и В. Кикабидзе. Но как истинная женщина, она принимала только подарки. И лишь А. Пугачевой удавалось припрятать под салфетками приличные суммы, чтобы «забывчивая» старушка могла их случайно найти и порадоваться.

На последних гастролях одесситы завалили Шульженко цветами. По просьбам зрителей она исполняла песни своей молодости и удивлялась, что их помнит не только она.

17 июня 1984 г. Клавдия Ивановна Шульженко умерла. Но в Харькове силами Б.С. Агафонова открыт клуб друзей певицы. В нем много молодежи. И ежегодно в ее любимом городе проводят фестиваль песни имени К. Шульженко.

Щербицкий Владимир Васильевич (род. в 1918 г. – ум. в 1990 г.)

История знает немало случаев, когда политические лидеры становились словно заложниками своей эпохи. Посмертная судьба сначала бывала к ним немилосердной, на их плечи ложилась ответственность за катастрофы и неудачи. Только по прошествии лет становились ясными настоящие причины трагедий и человеческих драм, и тогда начинался процесс реабилитации в общественном сознании тех, кого считали чуть ли не единственными виновниками всех бед. Так возникло осознание того, что от одного человека нельзя требовать слишком многого, что политика – это искусство возможного.

Что-то подобное этому происходит ныне вокруг фигуры одного из политических деятелей Украины второй половины XX столетия – В.В. Щербицкого. На высочайших ступенях власти он находился беспрецедентно долго – 25 лет, с его именем связаны и блестящие взлеты, и досадные, тяжелые неудачи. Начав партийную деятельность в завершающий период сталинской эпохи, В.В. Щербицкий прошел через хрущевские «оттепель» и волюнтаризм, «стабильность» брежневского застоя, переходные времена «мертвой» зоны Андропова – Черненко и почти пять лет смог удержаться на бурунной волне «перестройки».

Владимир Щербицкий родился 17 февраля 1918 г. в г.

Верхнеднепровске Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область). Отец, Василий Григорьевич, был механиком на электростанции, специального образования не имел, но самостоятельно овладел необходимыми знаниями. Мать, Татьяна Ивановна, происходила из бедной крестьянской семьи; она была неизменно жизнерадостной, веселой и деятельной.

Способный и настойчивый Владимир рано проявил способности к организационной работе. Еще учась в школе, он работал инструктором и пропагандистом райкома комсомола. По окончании средней школы в 1936 г. стал студентом механического факультета Днепропетровского химико-технологического института, который закончил перед самой войной. В начале войны его мобилизовали в ряды Красной Армии и направили на обучение в Военную академию химической защиты. До декабря 1945 г. он работал на офицерских должностях в войсках. Тогда же вступил в брак с учительницей Радой Жиромской, которая стала верным другом на всю жизнь.

Демобилизовавшись накануне 1946 года, Владимир Васильевич возвратился домой, работал на коксохимическом заводе, где его избрали секретарем партбюро. С января 1948 г. он уже работал в Днепродзержинском горкоме партии заведующим оргинструкторским отделом, потом – вторым секретарем горкома. С 1952 года – парторг на Днепродзержинском металлургическом заводе. С августа 1952 г. по февраль 1954 г. – первый секретарь Днепродзержинского горкома ЦК Компартии Украины. В 1954 г. Щербицкого назначили вторым, а через год первым секретарем Днепропетровского обкома. В 1957 г. он стал членом президиума (со временем политбюро) и секретарем ЦК Компартии Украины.

Смолоду избрав путь партийного функционера, В. Щербицкий удивительно быстро овладел искусством «отвечать за все». Его уважали за оперативность, за умение смотреть в корень проблемы, за то, что личное для него никогда не стояло на первом плане.

В конце февраля 1961 г. В.В. Щербицкий был выдвинут на должность Председателя Совета Министров Украины. На высоком государственном посту он оказался в тяжелое для Украины время хрущевских экспериментов. Щербицкому достались в наследство не только крайне разбалансированная экономика, а и иллюзорные представления руководителей республики о причинах неудач: довольно, дескать, провести серию кадровых изменений, и положение улучшится. Николай Подгорный уверял Москву, что задачи семилетки Украина сможет выполнить за пять лет. Реалист в политике, твердый и рассудительный

руководитель, Щербицкий понимал, что это далеко не так. Он считал, что совнархозы распыляют средства и потому не выполняют планов капитальных работ, своевременно не вводят в строй производственные мощности, а Укрсовнархоз неудовлетворительно координирует хозяйственную деятельность совнархозов, руководит, применяя канцелярско-бюрократические методы. Слухи о разногласиях в руководстве Украины дошли до Н.С. Хрущова, и он решил проблему с присущий ему категоричностью – отправил Щербицкого туда, откуда он и пришел, в Днепропетровск. В июле 1963 г. Владимира Васильевича снова избрали первым секретарем Днепропетровского обкома Компартии Украины.

А дальнейшие события разворачивались очень быстро: Подгорный был избран секретарем ЦК КПСС, Шелест стал первым секретарем ЦК Компартии Украины, а вскоре, в октябре 1964 г. Хрущова сняли с поста первого секретаря ЦК КПСС.

Опала и «почетная ссылка» вышли боком для Владимира Васильевича: он перенес инфаркт. Находясь в больнице, много думал о том, насколько губительными являются волюнтаристские методы в партийной работе. С того времени старался внимательно прислушиваться к мыслям тех, кто его окружал, пытался быть демократом даже в условиях административно-командной системы.

Новый первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев хорошо знал В. Щербицкого, поэтому не удивительно, что он выступил инициатором возвращения Щербицкого из Днепропетровска. 15 октября 1965 г. Президиум Верховной Рады УССР постановил назначить В.В. Щербицкого Председателем Совета Министров УССР. С 1965 по 1966 г. он кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, в 1966 – 1971 гг. – кандидат в члены политбюро, а с апреля 1971 г. – член политбюро ЦК КПСС.

К тому времени ситуация в Украине, как и во всем Советском Союзе, немного стабилизировалась, сдвиги были наглядными как в экономической, так и в социальной сферах, отменялись совнархозы, восстанавливались союзно-республиканские министерства. Но Щербицкий не мог не видеть того, что организационная структура управления производством, формы и методы планирования и экономического стимулирования давно устарели. Особенно удручало Председателя Совета Министров то, что чуть ли не все хозяйственные вопросы приходилось долго согласовывать с всесоюзными министерствами и ведомствами.

В мае 1972 г. В.В. Щербицкий был избран первым секретарем ЦК Компартии Украины. На этой должности ему пришлось проработать 17 лет.

После временного ускорения темпов развития народного хозяйства, вызванного реформой 1965 года, произошел их резкий спад, замедлилась динамика производительности труда, быстро старели основные производственные фонды. Падение темпов развития было особенно заметным в аграрном секторе, непростая обстановка сложилась в идеологической сфере.

Собственное отношение Щербицкого к острому и болевому для Украины национальному вопросу было двойственным. В своих докладах и выступлениях он неизменно обращал внимание на необходимость сближения, а в отдаленном будущем и слияние наций. Но во время подготовки новой Конституции Украины настаивал на внесении в нее поправки о том, что Украина – суверенное государство. Закон о государственном статусе украинского языка был принят Верховной Радой также во времена Щербицкого.

Вместе с тем 1980-е годы стали временами углубления русификационных процессов в Украине. Не стало украинских школ в Донецке, Николаеве, Симферополе и некоторых других городах. Русский язык преобладал и в информационном пространстве – такими были идеологические установки центра. Сам Щербицкий говорил исключительно на русском, поэтому для его подчиненных, независимо от национальности, этот язык становился языком общения, а о документах, отчетах, выступлениях, докладах нечего и говорить. В его анкете в графе «национальность» слово «украинец» было зачеркнуто, а выше дописано «русский».

Как сын своего времени, Щербицкий воспринимал понятие единого народнохозяйственного комплекса как фиксацию преимуществ социалистического способа производства. Он был убежден, что централизация управления дает возможность достичь нужных результатов в экстремальных ситуациях. Но он не мог не понимать, что приоритет внешнеполитических доктрин и гонка вооружений подрывают фундамент стабильного существования государства, что на экономике Украины крайне отрицательно сказывается незавершенность производственного цикла почти на 80 % ее предприятий.

Экологическая угроза, которая нависла над Украиной, всерьез беспокоила руководителей республики. Когда утверждался план развития атомной энергетики на 1981-1985 гг., президент АН Украины Б. Патон обратился к Щербицкому с письмом, в котором предупреждал о возможных катастрофических последствиях сосредоточения в Украине большого количества АЭС. Следствием этого было письмо в адрес ЦК КПСС, подписанное В.В. Щербицким, в котором отмечалось,

что при выборе промплощадок Ровенской АЭС были сделаны серьезные просчеты и что Министерство энергетики и электрификации СССР не принимает необходимых мер по обеспечению надежной и безопасной работы атомных электростанций. Реакция была практически нулевой.

Когда же произошла трагедия на Чернобыльской АЭС, в адрес Щербицкого упреков прозвучало больше всего. Его начали представлять как одного из последних могикан тоталитарной системы, противника демократии. В ноябре 1988 г. в Киеве состоялся первый в новейшей истории массовый митинг, посвященный экологическим проблемам. На нем были остро поставлены вопросы об ответственности конкретных служебных лиц, начиная от В.В. Щербицкого, за утаивание следствий Чернобыльской катастрофы. Ему ставили в укор, что он не отменил первомайскую демонстрацию 1986 г. в Киеве. Этот упрек в значительной мере справедлив, но вопрос о демонстрации решался в Москве. Как установило следствие, перед началом первомайской демонстрации Щербицкий привел окружению слова М. Горбачева: «Если сорвешь демонстрацию – исключим из партии».

Перестройка не ослабила экономического давления на Украину. С ликвидацией в конце 1980 гг. союзно-республиканских министерств угольной промышленности и металлургии Киеву было все тяжелее влиять на положение в Донбассе и Приднепровье. Но и стиль работы В. Щербицкого к тому времени резко изменился, Владимир Васильевич стал весьма осторожным, даже капризным. Ощущалось, что бремя обязанностей первого человека в республике становится для него непосильным.

Удивительно, но такой организованный человек, как Щербицкий, совсем не умел отдыхать. Готовя своего начальника к отпуску, помощники по его просьбе подбирали книжки. Он любил читать украинскую и русскую классику, любил Тараса Шевченко и особенно часто цитировал «Заповит» (Завещание), «Думы». Из современной украинской литературы ему нравились исторические романы Павла Загребельного, стихи Бориса Олейника.

Рабочий день он всегда начинал с того, что спешил в голубятню. Он любил голубей с самого раннего детства, всегда занимался ими, они сопровождали его, где бы он ни работал. В молодости любил охотиться, метко стрелял, всегда отличался в охоте на кабанов, а в коз не стрелял принципиально.

Жили Щербицкие довольно однообразно. Дома гости собирались нечасто – все не хватало у Владимира Васильевича

времени, да и не любил он застолья. Дети всегда встречали Новый год с родителями, даже тогда, когда создали свои семьи.

Невозможно правильно понять и самого Щербицкого, и его семью, если не принимать во внимание тот большой моральный пресс, который они постоянно ощущали.

Сын Валерий в детстве был послушным ребенком, вырос неплохим человеком. Однако в семьях высокопоставленных чиновников, особенно когда отец является человеком сильной воли, всегда занятым работой, своей карьерой, часто создается напряженная атмосфера. Нередко в окружении появлялись далеко не бескорыстные «друзья», преследующие свои цели.

Неудовлетворенность действительностью Валерия усилило неудачное бракосочетание, не помогло и рождение сына. Со временем его жизнь превратилась в запой. Поведение сына В.В. Щербицкого держалось в секрете. «Доверенные лица», высокие милицейские и медицинские чины делали свое дело: первые периодически производили «санацию» окружения Валерия (многих его друзей просто пересажали), вторые – лечили его.

Иногда Валерий брался за ум, ходил на работу, но затем снова срывался. Владимира Васильевича удручало чувство беспомощности перед неминуемой бедой. Как порядочный человек, он страдал от того, что с трибуны призывал воспитывать молодежь моральной, а в своей семье не смог воспитать сына.

Чем более сложной и трагической была судьба Валерия, тем больше тепла Щербицкий отдавал дочери Ольге, а со временем и внукам. Дочь отвечала ему тем же. Уравновешенная, послушная, отрада родительской души, она получила университетский диплом, закончила аспирантуру, но диссертацию не защитила. Первое бракосочетание ее было неудачным, со временем она снова вышла замуж и поехала с мужем в Болгарию, где живет и теперь. Одним словом, для Владимира Васильевича семья много значила, но крепостью не стала.

Во время сентябрьского (1989 г.) пленума ЦК Компартии Украины Щербицкий обратился с заявлением об освобождении его от обязанностей первого секретаря и члена политбюро ЦК Компартии Украины по возрасту и состоянию здоровья. Специально прибыв на пленум, М. Горбачев старался сделать отход Щербицкого от дел не очень мучительным для него. Он подчеркнул, что Владимир Васильевич – известный в партии человек и что за его плечами большая жизнь. Сам Щербицкий на пленуме был немногословным, подчеркнув, что работал, не жалея сил и здоровья, но выполнить много задач по известным причинам не удалось.

Владимир Васильевич прожил на пенсии меньше года. Его

удручало то, что появилось много времени, а он не знал, чем заняться, старался что-то делать, читал какие-то бумаги, делал выписки, кому-то звонил по телефону, но это была имитация работы. Он многое переосмыслил. То, что когда-то было значительным, виделось неизменным, теперь возникало совсем в другом мире. Напрасными казались израсходованные силы и годы, все, чему он служил, развалилось, оказалось исторической ошибкой, парадоксом. Вместо признательности его шельмовали. Что-то в нем надломилось. «Он не хотел жить», – пишет его помощник В. Врублевский. 16 февраля 1990 г., накануне дня своего рождения, Щербицкий был особенно подавленным. В тот самый день его не стало.

В.В. Щербицкий – Лауреат Ленинской премии, дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1974, 1977 г.).

История все расставит по своим местам. Владимир Щербицкий больше семнадцати лет возглавлял вторую по масштабам компартию в бывшем Советском Союзе, более чем четверть века входил в состав политического руководства мощного государства. Это рекорд, который, наверное, никогда не будет превзойден.

Ющенко Виктор Андреевич (род. в 1954 г.)

Президент Украины (2005 г.). Народный депутат Украины, лидер предвыборного блока и фракции «Наша Украина» (2001-2004 гг.).

В начале 2005 г. газета Корреспондент» в рамках ежегодного проекта назвал людей, которые более всего повлияли на жизнь страны в 2004 г. Безусловным лидером в номинации «Человек года» стал Виктор Ющенко. «Человеком года-2004» он стал также в Польше; среди 100 выдающихся людей года в номинации «Люди и иконы» назвала В. Ющенко и известная газета «Time». По инициативе сенаторов США В. Ющенко был выдвинут на Нобелевскую премию мира.

Виктор Ющенко родился 23 февраля 1954 г. в селе Хоруживка Недригайловского района Сумской области в семье учителей. Отец – Андрей Андреевич, воевал на фронте, попал в плен, был узником Освенцима, чудом остался жив. После войны учительствовал в местной школе. Мать – Варвара Николаевна, тоже учительница, преподавала в школе физику и математику. Именно она сумела привить своим сыновьям, Петру и Виктору, любовь к точным наукам.

С детства Виктор Андреевич хорошо помнит, что родители всегда уважали и берегли традиции: например, каждый год в начале декабря с мамой и братом по вечерам они садились

мастерить елочные украшения. Помнит, как бегали с ребятами колядовать и щедровать – правда, только к родственникам, так как в советские времена за такие затеи родителям (сельским учителям!) могли вынести выговор.

По окончании школы Виктор Ющенко поступил в Тернопольский финансово-экономический институт на специальность «Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве».

В институте он увлекался альпинизмом, во время летних студенческих каникул сопровождал туристические группы карпатскими маршрутами.

После защиты диплома Ющенко был направлен на работу в Карпаты, работал бухгалтером в селе Яровое Косовского района Ивано-Франковской области, оттуда пошел к армию. Военную службу он проходил в погранвойсках на советско-турецкой границе, неподалеку от Ленинакана.

После службы в армии, в декабре 1976 г., Виктор устроился на работу в районное отделении Госбанка СССР в пгт Ульяновцы Белопольского района Сумской области.

Следующее десятилетие было временем постепенного роста В. Ющенко – он стал экономистом областного уровня. Летом 1985 года его назначают заместителем начальника управления кредитования и финансирования колхозов, агропромышленных объединений Сумской области.

В декабре 1987 г. по приглашению Вадима Гетьмана В. Ющенко перешел в Киевское отделение Агропромбанка СССР. Вскоре он проявил себя как один из талантливых учеников и последовательных соратников Вадима Гетьмана. В декабре 1989 года Виктор Андреевич становится заместителем председателя правления Агропромбанка, который в 1990 г. был переименован в банк «Украина».

26 января 1993 г. по предложению Вадима Гетьмана Виктор Ющенко был выдвинут на должность главы Национального банка Украины и стал, таким образом, третьим за время независимости Украины главой Нацбанка.

Под его руководством в Украине успешно провели денежную реформу, создали Государственную казну, начали строительство Банкнотно-монетного двора.

По рейтингу, проводимому журналом «Global Finance», Виктор Ющенко в 1997 г. вошел в шестерку лучших финансистов мира.

На счету у него как у руководителя Национального банка – стабилизация финансового рынка Украины; создание предпосылок для введения национальной валюты – гривны; проведение твердой монетарной политики (за что его подвергал

критике Л. Кучма), которая со временем оправдала себя; удержание украинской экономики «на плаву» и сохранение национальной валюты от катастрофического обвала во время мирового финансового кризиса в августе 1998 г.

В декабре 1999 г. Виктор Андреевич был назначен на должность премьер-министра Украины. Реализация правительственной программы «Реформы для благосостояния» разрешила Кабинету Министров В. Ющенко добиться определенной положительной динамики в экономике. Удалось изменить механизм расчетов и платежей в центральный и местные бюджеты, отказаться от бартера и заимствований, оздоровить ситуацию на энергорынке, увеличить поступления в бюджет, затраты на социальные цели.

26 апреля 2001 г. В. Ющенко был отправлен в отставку. Тогда с парламентской трибуны он заявил, что не оставляет публичной политики. В июле 2001 г. Ющенко объявил о создании широкого патриотического избирательного блока «Наша Украина», основой которого стали партии правоцентристского и национально-демократического направления. В блок вошли 10 партий: Народный Рух Украины (НРУ), Украинский Народный Рух (УНР), «Реформы и порядок», «Солидарность», Конгресс украинских националистов, «Вперед, Украина!», Христианский народный союз, Либеральная партия Украины, Республиканская христианская и Молодежная партии.

Создание блока «Наша Украина» было провозглашено Виктором Ющенко 15 июля после посвященного 11-годовщине Декларации о государственном суверенитете Украины восхождения на гору Говерла в Карпатах. Тогда он заявил, что завершил консультации по вопросам формирования блока, и сообщил его название и цель: «Построить государство, которое действительно принадлежит народу, выполняет его волю, защищает его интересы».

На парламентских выборах в марте 2002 года в многомандатном округе блок «Наша Украина» получил 24,7% голосов избирателей. В парламенте 2002 г. В. Ющенко входил в Комитет по вопросам прав человека, национальных меньшинств и межнациональных отношений.

В 2001-2002 гг. он был директором Украинско-российского института менеджмента и бизнеса им. Б. Ельцина при Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП).

Возглавляемой В. Ющенко наибольшей парламентской фракции «Наша Украина» принадлежит много законодательных инициатив. Кроме того, именно благодаря «Нашей Украине» и всей парламентской оппозиции не прошло предложение об отказе

от всенародного избрания президента страны.

4 июля 2004 г. на Певческом поле в Киеве во время многотысячного митинга Виктор Ющенко сказал: «Я иду в президенты!» Он стал кандидатом на должность Президента Украины.

Предвыборная президентская кампания 2004 г. была, наверное, самой драматичной в истории страны, о чем еще много будет написано и сказано политологами, историками и обычными гражданами – свидетелями всех этих событий. Тем не менее невозможно не сказать о еще до конца не раскрытом преступлении тех дней – отравлении кандидата в президенты В.А. Ющенко диоксином. Тогда, в сентябре 2004 г., были моменты, когда он находился на грани между жизнью и смертью. Врачи в венской частной клинике «Рудольфинерхаус» старались сделать все возможное и невозможное для спасения жизни Виктора Андреевича.

Превозмогая боль, 18 сентября Ющенко выступил на Европейской площади в Киеве: «Вы нас не отравите! У вас не хватит пуль и КАМАЗов. Нас вам не сломать! Всегда будут появляться новые Гии Гонгадзе, Чорноволы, Гетьманы. Мы заявляем: нас миллионы и нас не остановить! Мы победим!»

А дальше – поездки и выступления на митингах по всей Украине, первый и второй туры выборов, которые происходили с колоссальным количеством нарушений. Дальше – теледебаты кандидатов в президенты В. Ющенко и В. Януковича, собравшие возле телевизоров полстраны. Дальше – Майдан, который изменил представление украинцев о себе и о стране, в которой они живут. Действия предыдущей власти все-таки привели к определенному расколу Украины на Восток с Югом и Запад, поэтому В. Ющенко и его команде было очень тяжело достучаться до каждого сердца граждан страны. Возможно, не все удалось и тогда, и удается уже сейчас, когда новые люди пришли к власти.

26 декабря 2004 г. Виктор Андреевич Ющенко был избран Президентом Украины.

В январе 2005-го, во время беспрецедентной инаугурации на киевском Майдане независимости, Виктор Ющенко сказал:

«Сегодня Украина свободна и независима, мы сняли с плеч бремя прошлого! Больше никто не посмеет указывать нам, как жить и кого избирать. Я стал президентом волей народа. Мы с вами его сыны и дочери. Я хочу говорить сегодня, смотря вам в глаза.

Большая честь обращаться к свободным людям, которые держат в руках не только украинский флаг, но и судьбу своей страны.

…Мы, граждане Украины, стали единой украинской нацией. Нас не разделить ни языками, на которых мы говорим, ни верами, которые мы исповедуем, ни политическими взглядами, которые мы избираем. У нас одна украинская судьба. У нас одна украинская гордость. Мы гордимся тем, что мы украинцы!

…Мы будем слышать друг друга, так как у нас будет свобода слова и независимая печать. Все будут равны перед законом. Независимый суд защитит права каждого. Я вижу Украину государством, управляемым верховенством права.

…Мы создадим демократическую власть – честную, профессиональную и обязательно патриотичную. Стена, которая отделяет чиновника от людей, будет разрушена. Обновленная власть будет знать свою обязанность, будет работать для блага гражданина и страны. Быть и во власти, и в оппозиции станет одинаково почетным, если служишь своей стране. Мы будем иметь моральную власть, способную объединить общество. Только в единстве и только в демократии мы решим наши национальные задачи».

Понятно, что для воплощения этих лозунгов в жизнь надо многое сделать!..

А каков же Ющенко не политик, а просто человек?

Он женат (жена Екатерина Чумаченко-Ющенко); у него пятеро детей (двое старших – от первого брака), растут двое внучат. «Я хочу быть для своих детей – и старших, и младших – в первую очередь лучшим другом», – говорит Виктор Ющенко.

Наверное, все помнят, как во время «оранжевой» революции, а потом и инаугурации Виктор Андреевич приходил на Майдан со всеми своими детьми, держа маленького внука Тарасика на руках. Запомнилось, как он рассказывал о поддержке младших дочерей, которые, взявшись за руки, поздно вечером встречали его словами: «Нас багато и нас не подолати!» (Нас много и нас не победить!)…

В свободное время (когда оно было!) Виктор Андреевич рисовал картины, занимался скульптурой. Он любит спорт: до недавнего времени занимался альпинизмом, является футбольным болельщиком. Ему нравится кататься на горных лыжах в Карпатах; он имеет небольшой опыт подводного плавания. Давняя студенческая любовь – волейбол, но времени на это сейчас не хватает.

У него есть уникальная способность притягивать к себе людей. Одни говорят, что это – харизма, другие – хорошо продуманный имидж. Собственно об имидже он сам когда-то говорил: «Мой имиджмейкер – Ющенко Виктор Андреевич, хотя, конечно, как каждый мужчина, я доверяю вкусу жены». Он

рассказывал, что, подбирая свой гардероб, предпочитает классический и спортивный стиль. В классическом костюме главное – качество ткани, крой. Из деталей любит галстуки, особенно – благородного малинового цвета (большинство галстуков из своей коллекции он приобрел сам, что-то – дарила жена, которая очень хорошо знает его вкус). Из спортивной одежды Ющенко нравятся джинсы.

Виктор Андреевич коллекционирует предметы народного быта, этнографические раритеты. Он всегда поддерживал идею создания музея трипольской культуры, куда готов передать свою коллекцию предметов Триполья, которую сам реставрировал. А его интерес и страсть к пчеловодству известны давно.

Ющенко – кандидат экономических наук (1998 г.); тема его кандидатской диссертации: «Развитие спроса и предложения денег в Украине». Он является автором свыше 250 публикаций и аналитических статей по вопросам банковской деятельности и финансов.

Виктор Андреевич – академик Академии экономических наук, академик Академии кибернетики, почетный доктор Национального университета «Киево-Могилянская академия» и Острожской академии; заслуженный экономист Украины (1997 г.), лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники.

Ющенко является обладателем премии «Прометей-престиж» и титула «Человек года» в номинациях «Мужчина года» (1996 г.), «Банкир года» (1997 г.). Он почетный гражданин Тернополя (1997 г.) и Львова (2001 г.).

Весной 2005 г. Фондом Библиотеки им. Джона Кеннеди Виктору Ющенко была присуждена ежегодная награда «За мужество» (Profile in Courage Award). Награду ему вручила дочь экс-президента США Керолайн Кеннеди.

Встреча с сенаторами и конгрессменами США президента Ющенко и его выступление перед ними стали заметным событием международного масштаба. Тогда его речь неоднократно прерывалась аплодисментами поддержки и согласия.

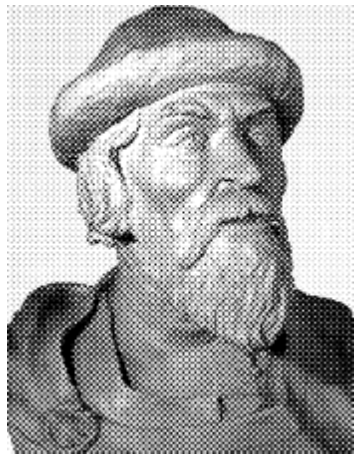
Ныне перед В. Ющенко как Президентом Украины стоит много социально-политических и экономических проблем. Ему нужна мудрость и взвешенность, твердость и уверенность в их решении.

И снова слова Виктора Андреевича на Майдане:

«Мы начинаем новую страницу украинской истории. Она будет прекрасной! Она будет рассказывать о нашем единстве, нашем мужестве, готовности поддержать друг друга.

…Верьте в Украину, любите Украину, служите Украине!»

Ярослав Мудрый (род. в 978 г. – ум. в 1054 г.)



Великий князь Киевский, государственный и культурный деятель, в правление которого началось летописание, были построены Софийский собор и Золотые ворота в Киеве, создан сборник законов «Русская Правда».

В истории Руси термин «Смутное время» принято относить к концу XVI – началу XVII вв. – годам между Рюриковичами и Романовыми. Но начало IX ст., когда сын в борьбе за власть готов был пойти против отца, а брат бился с братом, может похвастаться такими злодеяниями, какие и не снились разным Лжедмитриям. Невольным виновником этого стал великий князь Киевский Владимир Красное Солнышко, креститель Руси, хотя, назначая уделы многочисленным сыновьям, он как раз хотел предупредить возможные междоусобицы.

Точная дата рождения второго сына Владимира и полоцкой княжны Рогнеды неизвестна. Обычно считается, что Ярослав родился в 978 г., хотя некоторые источники называют и 979, и 980 г. Когда отец принял христианство, Ярослава тоже крестили – под именем Юрия (Георгия). Прозвище Мудрый он получил уже будучи великим князем, а до того прозывался Хромым. Еще в детстве княжич страдал от паралича ног. Болезнь прошла, но хромота осталась навсегда. «Он был хромоног, – сообщает летопись, – но ум у него был острый, и на рати он был храбр».

Кстати, есть версия, что хромота Ярослава была результатом ранения в одной из битв.

Девятилетнего сына Владимир посадил княжить в Ростове, где Ярослав правил четверть века. Он осваивал эти земли, ввел там христианство, оставил памятью по себе основанный им город Ярославль. Около 1013 г. отец после смерти своего первенца Вячеслава «пересадил» Ярослава в Новгород, где тот через некоторое время решил отделиться от Киева, отказавшись платить ежегодную дань в 2 тысячи гривен. Князя поддержали горожане, тяготившиеся не только данью, но и самой зависимостью от Киева. Разгневанный Владимир собрался в поход на непокорного отпрыска, а Ярослав, узнав об этом, нанял для боев варяжскую дружину. Однако в разгар военных приготовлений Владимир умер, а власть в Киеве захватил его пасынок Святополк. Он начал устранять возможных соперников – убил сводных братьев Бориса, Глеба и Святослава, за что и получил прозвище Окаянного. Опасность грозила и Ярославу, который к тому времени рассорился с новгородцами. Причиной послужили бесчинства варяжской дружины и подчеркнутое расположение к наемникам князя с княгиней. Не желая терпеть насилие, новгородцы в одну из ночей перебили большую честь варягов. Ярослав же в отместку приказал казнить «зачинщиков». Но известие о смерти отца и гибели братьев все изменило. Новгородский князь тоже претендовал на великое княжение, тем более что из сыновей Владимира он остался старшим. Но своя дружина была невелика, да и от варяжской мало что осталось. Ярослав собрал вече и попросил у новгородцев прощения и помощи. Горожане не возражали, поскольку по сравнению со Святополком свой князь казался меньшим злом.

С этого момента Ярослав повел борьбу за киевский престол, продолжавшуюся с переменным успехом в течение четырех лет. В 1016 г. в сражении под г. Любечем он разбил Святополка, выступавшего в союзе с печенегами, и тот бежал в Польшу к тестю – королю Болеславу. Ярослав занял Киев, щедро наградил новгородцев и отпустил их домой. Однако правление его продолжалось недолго. Святополк снова выступил в поход: кроме польского войска во главе с Болеславом, с ним шли печенеги, а также немецкие и венгерские дружины. В битве на берегах Западного Буга Ярослав потерпел поражение и вынужден был спасаться в Новгороде. Он собирался бежать и дальше – за море, – но новгородцы воспрепятствовали этому, уничтожив все ладьи. Они не оставили надежды видеть на киевском престоле своего князя. Горожане собрали деньги, сами наняли себе в помощь варягов и пошли на Киев. Тем временем Болеслав, недовольный

большими потерями (причем не в бою – местные жители убили много поляков за насилие и грабежи), отказал зятю в поддержке и увел войско домой. На поддержку киевлян Святополк не мог надеяться, пришлось ему оставить Киев, ехать в степь к печенегам и просить у них помощи. В 1019 г. он еще раз попытался овладеть Киевом, но Ярослав на р. Альта разгромил его. Так Ярослав стал великим князем, утвердившись в Киеве.

Однако борьба с родственниками на этом не завершилась. В 1021 г. племянник Ярослава полоцкий князь Братислав выдвинул притязания на часть новгородских земель. Получив отказ, он напал на Новгород и разграбил его, но удержать город не смог. Ярослав одержал над ним победу на р. Судоме, но тем не менее, заключив с Братиславом мир, вынужден был отдать ему города Усвят и Витебск. Более опасным противником оказался младший брат Ярослава – тмутараканский князь Мстислав Удалой. Требуя раздела русских земель, Мстислав в 1024 г. со своей ратью подошел к Киеву. Ярослав в это время подавлял мятеж в суздальских землях. Он с большим войском двинулся к столице, но у местечка Листвена близ Чернигова был разбит. В результате братья провели границу по Днепру: восточные территории отошли Мстиславу, западные остались у Ярослава. Вновь объединить русские земли и добиться единовластия Ярославу удалось только после смерти Мстислава в 1036 г. При этом он посадил в порубь (темницу) еще одного строптивого брата – псковского князя Судислава.

Наряду с междоусобицами Ярославу пришлось вести войны как для защиты своих земель, так и для расширения пределов своего государства. В 1036 г. он разбил под стенами Киева печенегов, постоянно совершавших нападения на Русь. После этого их набеги прекратились. В 1031 г. Ярославу удалось вернуть Червенские города, захваченные поляками еще при Болеславе. Тогда же он утвердился на западном берегу Чудского озера, основав там г. Юрьев. В 1038 г. Ярослав посылал войска на ятвягов, в 1040 г. – на Литву, в 1042 г. – в южную Финляндию. Несколько раз он ходил в Польшу, помогая королю Казимиру усмирять восстания. Есть известия и о походе русских ратей к Уральскому хребту. В период 1043-1046 гг. произошло последнее военное столкновение Руси с греками. После заключения мира Ярослав скрепил дружественные отношения браком любимого сына Всеволода с греческой царевной Анной. Вообще, династические браки стали одним из элементов его внешней политики. Признаком престижа и могущества династии в те времена считалась готовность других ведущих династий вступать с ней с брачные связи. Не удивительно, что Ярослава историки

часто называли «тестем Европы». Сам он, кстати, был женат на шведской принцессе Ингигерде (в православии Ирине), дочь Елизавета была замужем за шведским принцем Гарольдом Смелым, Анастасия – за Андреем I Венгерским, Анна – за Генрихом I Французским. Сын Изяслав женился на сестре польского короля Казимира III, а сам Казимир – на сестре Ярослава; Вячеслав и Игорь взяли в жены германских принцесс.

Большое внимание князь уделял укреплению границы государства. На пустынных окраинах появились пограничные города. Трудами Ярослава Русь выросла и превратилась в могущественную державу. По размерам она превосходила другие европейские страны, а по численности населения уступала лишь Византии и Римской империи. Покровительства Руси искали многие монархи. А для некоторых она служила убежищем. Одно время жил у Ярослава лишенный престола норвежский король Олаф II Святой. После отъезда в Норвегию он оставил на Руси своего сына Магнуса. Долго проживали в Киеве дети изгнанного из Англии короля Эдмунда, нашли здесь убежище венгерские принцы Андрей и Левента, а изгнанный из отечества варяжский князь Симон был принят Ярославом на службу.

Не оставив подробного описания внешности Ярослава, летописи все же описали его характер. Он был умен, благоразумен, усерден в православной вере и сострадании к неимущим, храбр. Усердие в вере иногда доходило до суеверия. По преданию, Ярослав приказал вырыть кости своих дядей князей Ярополка и Олега и, окрестив их, похоронил в церкви Пресвятой Богородицы, думая этим избавить их души от вечной муки.

Не только успехи во внешней политике снискали великому князю славу. Она прежде всего опиралась на достижения во внутренней политике. В отличие от своих предков Ярослав умел читать и пытался распространить грамотность. Для детей священников и бояр в Новгороде была открыта школа на 300 учеников. В Софийском соборе появилась библиотека. Ее основу составили книги, переведенные с греческого. Огромные средства тратились на приобретение, перевод и переписку книг. Их отыскивали повсюду и привозили из других земель. Переписанные книги рассылались по православным церквам.

С именем Ярослава связано и создание выдающегося памятника средневекового права – свода законов «Русская правда», который стал единым правовым кодексом всей страны. В Киеве при Ярославе шло широкое строительство. При его поддержке возрастало могущество церкви. Возводились многочисленные храмы (свыше 400). По образцу храма Софии в Константинополе был построен Софийский собор в Киеве, причем

для его росписи вызвали художников из Греции. На гористом берегу Днепра был возведен Киево-Печерский монастырь, сыгравший большую роль в становлении русской книжности и летописания. Да и митрополит Илларион уже был из своих – из русских. Сам город обнесли каменной стеной, возвели знаменитые Золотые Ворота.

Но самому великому князю нравилось жить в г. Берестове под Киевом. В отличие от отца, любившего веселые пиры, Ярослав вел жизнь достаточно скромную. Правление его было продолжительным – 37 лет. По летописным данным, он скончался 20 февраля 1054 г. в своей резиденции в Вышгороде на руках любимого сына Всеволода, который перевез тело отца в Киев. Прах Ярослава покоится в мраморном саркофаге в Софийском соборе. Перед смертью Ярослав завещал киевский престол старшему из оставшихся в живых сыновей, новгородскому князю Изяславу, наказав детям: «Любите друг друга… Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов, которую они приобрели трудом своим великим».

notes

Примечания

1

Бармы – драгоценные оплечья, украшенные изображениями религиозного характера.

2

Ободритский король правил областью полабских славян (бодричей), завоеванной немцами.

3

Фермата – остановка темпа, как правило, в конце музыкального произведения, которая выражается в увеличении длительности звука (обычно в 1,5– 2 раза).

По-украински «Державність».

5

По-украински «Добробут».